

ОЛЕГ КРИВОПАЛОВ

**ХРОНИКА
ПЕРВОГО
БАТАЛЬОНА**

ТОМ 1

**ДНЕПРОПЕТРОВСК
ИМА — ПРЕСС
2013**

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Рос6)

К82

Редакционно-издательский совет:

Полковник **Старов Ю.Т.** — председатель,
генерал-майор **Удовиченко Г.В.**, полковник **Гулевич А.Д.**, полковник **Кривопапов О.В.** — автор-составитель, полковник медслужбы **Лапин А.Н.**, полковник **Лютый Д.Е.**, полковник **Мусяненко А.В.**, полковник **Стодеревский И.Ю.**, полковник **Харламов С.А.**, **Стокич И.Г.**

Кривопапов Олег Владимирович и другие.

К82 **ХРОНИКА ПЕРВОГО БАТАЛЬОНА. 154 ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД СПЕЦНАЗА ГРУ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ.** В двух томах. Том 1. Литературно-документальное издание. — Днепропетровск. ИМА-пресс. — 2013. — 544 с.

ISBN 978-966-331-504-1

В этой книге впервые рассказывается о малоизвестных фактах истории и боевом пути 154-го отряда специального назначения 15 отдельной бригады спецназ ГРУ ГШ ВС СССР, прославившегося в ходе боевых действий на территории Афганистана, под названием «Мусульманский батальон». Ценность этой книги состоит в том, что в ее основу положены воспоминания непосредственных участников тех событий — солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров — ветеранов бригады специального назначения, творивших военную историю своей страны. В ней рассказывается об имевших место политических, военных и боевых фактах на основании документальных материалов. Эта книга — уникальное явление в военно-мемуарной литературе, поскольку в ней впервые описаны в деталях наиболее драматические моменты советско-афганских отношений, в частности, связанных с принятием руководством КПСС и СССР решения о вводе войск в ДРА. В ней показана динамика действий советского спецназа в девятилетней борьбе с международным терроризмом, поддерживаемым американскими спецслужбами в ходе военного противостояния СССР и США, приведены примеры истинного героизма и самоотверженности советских солдат и офицеров, которые не обсуждают, а точно выполняют поставленные перед ними задачи. И это стоит того, чтобы об этом была написана отдельная страница в военной истории советского спецназа.

Книга предназначена для широкого круга читателей и увлекает достоверностью, художественным отображением портретов воинов войск специального назначения, правдивостью и профессионализмом их толкования.

УДК 821.161(477)-92(082)
ББК 84 (4Укр=Рос6)

ISBN 978-966-331-503-4

ISBN 978-966-331-504-1 (1-й том)

© **Кривопапов О. В., 2013.**

*50-летию создания
15 отдельной ордена Боевого
Красного Знамени Республики Афганистан
бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР
посвящается*

Благодарю

Автор выражает сердечную благодарность за предоставленный документальный, фотографический и художественный материал, за оказание неоценимой финансовой помощи в издании книги полковнику ГРУ Иванову Н.П., ветеранам 15-й обрСпН Безкровному В.А., Гайдабуре А.П., полковникам Кукличу В.Д., Лапину А.Н., Абдуллаеву Р.И., Козлову Ю.В., Руденко Н.И., подполковникам Коркишко М.В., Мишустину В.Н., Ступникову В.Н. Скирте И.И., Стокичу И.Г., Черемискину А.Н., старшинам и сержантам Хакимову С.Т., Кукимову Ж., Кононыхину К.Ю., Листопаду В.С., Чебковцову В.П., рядовому Олейнику Н.И., ветеранам 22-й гвардейской обрСпН полковникам Кошелеву В.М., Бандурке В.В., а также гражданину ФРГ Кунстману А.Р., корректору Дорошевой Н.Н.

15 БРИГАДЕ СПЕЦНАЗА — 50 ЛЕТ!

50 лет назад в структуре Вооруженных Сил СССР появились отдельные бригады специального назначения. 1 января 2013 года исполняется 50 лет и 15 ордена «Боевого Красного Знамени» Республики Афганистан отдельной бригаде специ-

ального назначения (15 обрСпН). Военнослужащие 15 обрСпН вписали славную страницу в героическую летопись Вооруженных Сил нашего Советского Отечества.

С первых лет своего существования сформированная в Краснознаменном Туркестанском военном округе бригада спецназа (г. Чирчик, Ташкентской обл.) принимала участие в мероприятиях по ликвидации последствий землетрясения 1966 года, холеры в Астраханской области (1970 год) и эпидемии черной оспы в Аральске (1971 год).

Но основным предназначением бригады являлась разведывательно-диверсионная деятельность в тылу противника, на изучение которой и была направлена боевая подготовка бригады. Разведчики изучали тактико-специальную и огневую подготовку, спецрадиосвязь, минно-подрывное дело и военную топографию, воздушно-десантную, медицинскую, горную и физическую подготовку, а также другие дисциплины. За успешное выполнение специальных заданий командования и высокие показатели в боевой подготовке бригада была награждена вымпелом Министра Обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть», а также 5 Почетными Красными Знаменами республик Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Туркмении.

Боевое крещение военнослужащие 15 обрСпН получили в декабре 1979 года в Афганистане. Трагическую и одновременно героическую эпопею «афганской войны» начали именно разведчики 15 обрСпН, на базе

которой и был сформирован «мусульманский батальон». Под таким названием вошел в историю созданный весной 1979 года на базе 15 обрСпН 154 отдельный отряд специального назначения, сформированный из военнослужащих среднеазиатских национальностей. Разведчики «мусульманского батальона» совместно с группами спецназа КГБ выполнили особо секретное задание советского правительства — штурмом захватили резиденцию главы Афганистана Амина — дворец ТаджБек. Завеса тайны над событиями той далекой поры была приоткрыта только в начале 90-х годов... После захвата дворца Амина отряд вернулся в родной город Чирчик, жители которого и семьи самих военнослужащих даже не подозревали о том, какой вклад в мировую историю войн, вооруженных конфликтов и специальных операций внесли живущие рядом с ними парни в голубых беретах с боевыми наградами на груди. Руководитель операции полковник Василий Васильевич Колесников (в прошлом — командир 15 обрСпН) был первым в бригаде удостоен звания Герой Советского Союза.

Шло время. Маховик афганской войны набирал все большие обороты. В 1981 году 154 ооСпН, уже в новом составе, был вновь введен в Афганистан. В 1985 г. 154 ооСпН награжден Вымпелом МО СССР «За мужество и воинскую доблесть».

Весной 1985 года в Афганистан было передислоцировано управление бригады, оставившее в Чирчике вновь сформированный 467 отдельный учебный полк специального назначения. В состав 15 обрСпН, получившей условное наименование «1-я отдельная мотострелковая бригада», вошли 154 ооСпН (1-й отдельный мотострелковый батальон, Джелалабад), 177 ооСпН (2-й отдельный мотострелковый батальон, Газни), 334 ооСпН (5 отдельный мотострелковый батальон, вошел в Афганистан и вышел из него вместе с управлением бригады, Асадабад) и 668 ооСпН (4 отдельный мотострелковый батальон, Бараки). Завеса секретности над наличием в Афганистане советского спецназа была не случайной. Эффективность действий разведывательных органов специального назначения была столь высокой, что отечественный спецназ сыскал себе славу не только среди Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, но и среди противника. Для борьбы с ним моджахеды создавали из наиболее опытных и дерзких боевиков специальные боевые группы. Одна из таких групп в 1984—1987 годах действовала в районе кишлаков Шахидан, Бадпаш-Куза-Кала, Чашмаимости (запад провинции Нангархар).

С «антиспецназом» моджахедов в этом районе сталкивались разведывательные группы лейтенанта Игоря Тупика (командир и почти вся группа погибли в неравном бою, 334 ооСпН), старшего лейтенанта Олега Мар-

тьянова (погибла большая часть группы, 154 ооСпН), лейтенанта Виктора Абрамова (погибло 4 спецназовца) и разведывательная группа старшего лейтенанта Александра Чихирева (погибли командир группы, заместитель командира роты по политической части лейтенант Юрий Камолко и два сержанта, 154 ооСпН). Всего в «афганской войне» из состава 15 обрСпН погиб 491 военнослужащий и 2 женщины — служащие Советской Армии, пропало без вести 13 военнослужащих. Вместе с разведчиками сгорели в боях 84 вертолетчика, поддерживавшие братишек-спецназовцев с воздуха.

В Джелалабаде, 31.12.1987 г., по приказу командира бригады полковника Старова Ю.Т. политработниками политотдела соединения Кривопаловым О.В., Черепановым С.П. и Яремко Н.И. был создан уникальный Музей боевой славы для сохранения боевых традиций и памяти о подвигах разведчиков бригады.

А через два десятилетия на московской земле имена всех погибших увековечены в Мемориале доблести и памяти военнослужащих подразделений специального назначения России в парке Боевой славы города Химки. Ветераны 15 обрСпН полковники Старов Ю.Т., Мусиенко А.В. выступили главными инициаторами сооружения этого мемориального комплекса, на гранитных плитах которого высечены наименования всех частей и подразделений спецназа России (МО, МВД, КГБ-ФСБ) принимавших участие в войнах и вооруженных конфликтах последних 30 лет, а также воинские звания и фамилии погибших спецназовцев. При этом центральный монумент мемориала сооружен на личные средства бывшего замполита 1 роты 334 ооСпН 15 обрСпН старшего лейтенанта Игоря Викторовича Семенова (в настоящее время полковник запаса). Это 1 рота «асадабадского батальона» спецназ практически вся полегла в неравном бою с моджахедами 29 апреля 1985 года. В критический момент боя командир группы лейтенант Николай Кузнецов подорвал себя и окруживших его бандитов гранатой. За проявленное мужество и героизм Николай Кузнецов был удостоен звания Герой Советского Союза (посмертно). Среди военнослужащих 15 обрСпН звания Героя Советского Союза в 1987 году был удостоен и механик водитель БТР-70 668 ооСпН рядовой Юрий Миролюбов.

Разведгруппы и разведотряды бригады дважды принимали участие в операциях в Панджшерском ущелье, уничтожили штаб Северного фронта моджахедов в Мармольском ущелье, в 1985 и 1986 г. г. громили укрепленные районы моджахедов в Ургунских горах и на границе с Пакистаном на «Карере», в «Гоште», в «Кулале», дважды в 1987 году разбили самые крупные за всю войну караваны мятежников с оружием и боеприпасам, трижды в

1987 и 1988 г. г. захватывали образцы секретных ПЗРК «Стингер» (10 штук) и ПЗРК «Блоупайп».

Неслучайно за мужество и героизм, проявленные в боях с афганской контрреволюцией, единственная советская часть в составе 40 армии — 15 обрСпН — в 1988 году была награждена правительством Афганистана государственной наградой республики орденом «Боевого Красного Знамени». Более 4 тысяч военнослужащих бригады награждены орденами и медалями СССР и Афганистана.

18 мая 1988 года управление бригады, 154 и 334 ооСпН были выведены из Афганистана и вернулись в Чирчик в п.Азадбаш. Оставшиеся 177 и 668 ооСпН были задержаны в Афганистане до 15 февраля 1989 г. И выходили в арьергарде с командармом генерал-лейтенантом Громовым Б.В. последней колонной. Окончательным выводом бригады из Афганистана руководил ее командир полковник Юрий Тимофеевич Старов.

Однако с развалом СССР военнослужащим бригады пришлось вновь окунуться в боевые действия в горячих точках на территории Азербайджана (январь 1990 г.), на границе Узбекистана и Афганистана и в Таджикистане. После выполнения специального задания в Таджикистане 15 ордена Красного Знамени Республики Афганистан отдельная бригада специального назначения была расформирована, а на ее базе создано несколько частей Вооруженных Сил Узбекистана.

О 15 бригаде написаны книги: «Штурм дворца Амина: версия военного разведчика» Кошелев В.М., Люберцы, 2007 г.; «15 бригада спецназ» Беков С.М., Старов Ю.Т., Москва, 2010 г.; «Колыбель Чирчикского спецназа», Кривопапов О.В., Днепропетровск, 2008 г.; «Автобиография. Записки офицера спецназа ГРУ», Стодеревский И.Ю., Москва, 2010 г.; «Встань и иди», Кикешев Н.И., Москва, 2010 г.; «Мараварская рота», Ткаченко П.И., Екатеринбург, 2005 г.; «Какими мы были» Калининченко С.А., Днепропетровск, 2011 г. и др.

Р.С. Обращаю внимание читателей первого тома, что во втором томе книги «Хроника первого батальона» в приложении размещены списки командного состава (первого батальона) 154 отряда с 1979 по 1990 годы, а также личного состава мусульманского батальона, вылетевшего в начале декабря 1979 года в Кабул для выполнения специального задания.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЕТЕРАНОВ 15 обрСпН С 50-ЛЕТИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ЧАСТИ!!!

АНГЕЛЫ ЗАОБЛАЧНОГО ФЛОТА

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ
командира 15 отдельной ордена Боевого Красного Знамени
Республики Афганистан бригады специального назначения
ГРУ ГШ ВС СССР гвардии полковника СТАРОВА Ю.Т.¹

*Мы смертные, и все же
Отечество дорожке,
И выше чести только небосвод.
Мы родины солдаты
И братство наше свято —
Разведчик в бою не подведет.*

Вячеслав КУПРИЕНКО

Пятьдесят лет в строю — боевая история и ветераны 15 бригады спецназ! Нам есть чем гордиться, сама принадлежность к военной разведке ко многому обязывает!

Разведка — чрезвычайно древнее человеческое занятие. Она существует столько же времени, сколько существуют род людской и войны; военная хитрость рассчитана на обман противника, но чтобы обмануть и

¹ Старов Юрий Тимофеевич родился 7 ноября 1940 года на Южном Урале в г.Магнитогорске в многодетной семье офицера. Окончил Свердловское СВУ, Московское ВОКУ, Военную академию им. Фрунзе. Последовательно прошел все командные должности

в частях и соединениях Спецназа ГРУ, при этом командовал 3, 10 и 15 отдельными бригадами СпН ГРУ ГШ. За время командования 15 бригадой в условиях Афганистана добился выдающихся боевых результатов: разгромлены два самых крупных каравана мятежников с оружием и боеприпасами в 193 и 204 выючных животных, трижды захвачены секретные ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп». Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Боевого Красного Знамени Республики Афганистан. Кавалер ордена «Генерал армии В.Ф.Маргелов» С женой Надеждой Петровной воспитал сына, продолжившего офицерские традиции семьи.

победить врага, надо его знать. А разведка невозможна без тех, кто ею занимается. Иногда это всеми признанные, а чаще всего неведомые герои.

Слово «разведчик» окружено уважением и почитанием. В истории человечества были десятки тысяч разведчиков, многих из которых можно назвать выдающимися и даже великими.

Нам, вместе в моем другом и товарищем, бывшим начальником политотдела 15 обрСпН полковником Олегом Владимировичем Кривопаловым довелось служить в Афганистане, а впоследствии много лет творчески работать над сбором материала и выпуском многотомной Книги памяти о солдатах, сержантах и офицерах подразделений специального назначения, погибших в Афганистане в 1979-1989 годах, а также книг о боевой истории нашей бригады, собирать и как бы воскрешать из небытия портреты боевых товарищей из сохранившихся документальных свидетельств, воспоминаний родственников, друзей и сослуживцев.

Эта деятельность по созданию очерков о живых и погибших спецназовцах показала недостаточной, и мы, объединив соратников, подготовили эту книгу, приурочив ее к пятидесятилетию создания 15 обрСпН.

Представленные нами герои этой книги, наши сослуживцы, ветераны 154 ооСпН, всю жизнь посвятившие себя специальной разведке, у других ярким эпизодом жизни стала срочная служба в частях Спецназа в Афганистане. Часть имен наших героев читатель узнает впервые, другие ему хорошо знакомы, о них уже немало написано, но обойти их было нельзя, так как это нанесло бы ущерб содержанию.

В нашей книге выделено несколько периодов боевой истории 15 отдельной бригады специального назначения, которые наиболее ярко подтвердили сложность элитной службы разведчиков. И опять же, обо всех не напишешь. Авторы просят читателя учесть, что в данной книге было невозможно избежать некоторых повторов, ибо судьбы разведчиков часто переплетаются, и отдельные эпизоды приходилось хотя бы вкратце напоминать вновь.

Как на Западе, так и в нашей стране написано и издано множество книг по истории Спецназа. Все они, без исключения, в том числе претендующие на научность и опирающиеся на первоисточники и архивные материалы, изобилуют фактическими ошибками и неточностями, и читатель, пытающийся составить представление по какому-либо вопросу, основываясь лишь на одной из них, рискует впасть в серьезное заблуждение. Авторы данной книги также не претендуют на бесспорность своих суждений. В ряде случаев он выносит на суд читателя несколько версий того или иного собы-

тия, предоставляя ему право самому решить, какая из них ближе к истине. В книге используются материалы из архивов и исторических формуляров соединений и частей, сведения, опубликованные в советских, российских и зарубежных изданиях, многие очерки написаны на основе встреч и бесед авторов с некоторыми из героев этой книги или с разведчиками, которые хорошо знали их и работали с ними. Разведка всегда окружена ореолом тайны и неизвестности. А тайной за семью печатями был Спецназ. И всегда в большом секрете держались результаты его деятельности. Потому что роль Спецназа в многоходовой стратегии замысла была козырной картой в большой игре. Разведчики Спецназа просто честно делали свои ходы. Профессионально и хладнокровно. И тогда — сдержанная мужская благодарность, крепкое пожатие руки и награды в закрытых указах. И забвение. Заслуженное, незаслуженное — таковы были и есть правила большой игры.

Справедливо по поводу «морального и аморального» в работе спецслужб сказал последний начальник советской разведки Леонид Владимирович Шебаршин: «Общечеловеческие ценности не могут быть ориентиром для разведок. Десять заповедей Христа никогда не ложились в основу практической политики. Как личность я могу следовать этим заповедям, но как разведчик, руководствуюсь не заповедями, не грезами об общечеловеческом благе, а интересами своей Родины, защищая и отстаивая их. Не может разведчик увлекаться и глобальными видениями — он должен делать конкретные дела».

Нашему поколению выпало время служить Отечеству на рубеже эпох, которому оказались свойственными разнузданность нравов, свержение устоявшихся стереотипов и вседозволенность. Благодаря последнему о Спецназе стало известно столько вчерашних секретов, что по большому счету сделало его доступным, но ни в коей мере не повредило авторитету службы. А занимающимся эпистолярным жанром значительно облегчило возможность рассказать откровенно о наших героях. Иначе бы за долгие годы забвения о многом, что составляет сегодня документальный портрет последнего поколения разведчиков Спецназа советской эпохи, просто бы забыли. Вступив в период зрелости и приближаясь к мудрости, мы вдруг задумались о том, что, выбрав в бурной молодости свою военную стезю, оказывается, выбирали профессию не самостоятельно, это она — Разведка — нас выбирала! И этим стоит гордиться! Принадлежность к тайне всегда влекло умные головы и сильные характеры. Кто в детстве и юности не мечтал быть разведчиком? Рискуя жизнью, в тылу врага выполнять опасные задания. Переснимать секретные документы, уходить от погони, искусно драться, навскидку стрелять ... И не терять самообладания, даже когда тебя ведут на

расстрел. И один в поле воин. И этот один — ты. Сейчас об этом вспоминаешь с улыбкой. Но не жалеешь ни о чем. И тебе не стыдно ни за наивную юность, ни за практичную зрелость. Всем этим гордишься и об этом не трезвонишь, даже уйдя в запас, даже когда снимается гриф секретности. Таков стиль жизни. Выдерживаешь его до конца, ведь ты — разведчик. Вспомним сегодня тех, кто был с нами рядом: живых и павших. Помолчим. Полистаем пожелтевшие страницы молодости, пересмотрим фото. Оглянемся назад. Неужели все было зря?

Быть того не может. Сразу бы хотелось оговориться, что мы оба, с моим комиссаром Олегом Владимировичем, с временной разницей в десять лет формировались и воспитывались как офицеры под командованием одного удивительного человека — разведчика полковника Мосолова Роберта Павловича, который являясь ветераном Великой Отечественной войны, передавал нам суровые уроки своего времени. Его спецназовская наука побеждать, через нас, через его воспитанника Героя Советского Союза Колесника Василия Васильевича, ухodiла в благодатную почву молодого поколения разведчиков, вынесших впоследствии на своих лейтенантских плечах афганскую войну и страшные по трагизму военные конфликты на постсоветском пространстве. Все отмечали, что Мосолов Р.П. был из категории харизматических личностей военной разведки, в первом ряду которых по достоинству находились славные руководители — генерал армии П.И. Ивашутин и генерал-лейтенант Ф.И. Гредасов. Они мастерски владели умением притягивать к себе людей. Благодаря этому харизматическому качеству их личность оценивалась окружающими как одаренная, необычная, яркая и наделенная специфическими способностями, недоступными всем остальным. Они способны были заразить подчиненных необыкновенным интересом к своей военной профессии, вдохновить на свершения и самопожертвование. В политике и в искусстве одинаково высоко ценят людей, наделенных подобным даром заражать своим

Генерал-майор Колесник Василий Васильевич, Герой Советского Союза, начальник направления специальной разведки ГРУ (Фото 2000 г.).

Генерал-майор Тишин Евгений Викторович, командовал спецназом ГРУ в сложнейшее и переломное время современной истории России. (Фото 2010 г.)

энтузиазмом окружающих. А ведь разведка из разряда высокого искусства. Судьба разведчика — это бесшумный ночной полет летучей мыши, невидимый для стороннего наблюдателя. Это полет мысли и действий, это искусство охотника, следопыта. Это не работа от звонка до звонка с перерывом на обед. Это вообще не работа в расхожем смысле слова, это погружение с головой в безграничность долга, это отказ от своего «я». Если нас спросят сегодняшние курсанты или молодые офицеры Спецназа, какими качествами, помимо высокого профессионализма, должен обладать офицер военной разведки, чтобы быть притягательным для подчиненных? Ответим: командир-разведчик должен быть прежде всего личностью. Вот какую характеристику дали Герою Советского Союза легендарному командиру Спецназа Василию Колеснику: «Он был очень азартный, взрывной, увлекающийся. И в то же время — очень

осторожный, предельно собранный, контролирующий каждое свое слово, каждое движение». Это и создавало характер, идеальный для разведчика. Без азарта, без ослепительной озаренности мгновенного решения и его немедленного исполнения разведчик обречен. Но он еще более обречен, если этому своему неумному механизму не поставит надежный тормоз. И опять же будет обречен, если всю свою профессиональную жизнь проедет «на тормозах»... Командир должен быть индивидуально выразительным. Причем во всем: от облика до речи. Внешность должна быть запоминающейся, жесты — четкими и уверенными, речь — яркой, понятной, образной. Ветераны Спецназа сразу скажут: такими были наши командиры и начальники Ткаченко К.Н., Исаченко Т.А., Кочергин А.Ф., Лавренов Н.Н., Макаров В.М., Герасимов Д.М., Тишин Е.В., Безручко А.И., Бородач В.В., Бонев С.В., Воробьев В.Ф., Фомин А.Ф., Тюхов В.Н., Иванов Э.М., Поляков Л.Л., Рыжик М.И., Воронов Ю.А., Рымарь В.М., Квачков В.В. и другие. Командир Спецназа должен быть решительным. Способным в своих действиях и поступках к смелым и неординарным решениям, а где-

Генерал-майор Керсов Алексей Николаевич, командовал бригадой специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.

Генерал-лейтенант Куцов Сергей Николаевич с ветераном спецназа командиром 467 учебного полка Спецназ полковником Крот Иваном Михайловичем (фото 2010 г.)

то даже идти на сознательный риск. Минимальный отрезок времени между «решил» и «выполнил» — еще одна не менее важная черта. В этом ряду Колесник В.В., Патрахальцев Н.К., Баннов И.Н., Бабушкин В.М., Бнзручко А.И., Стодереvский И.Ю., Быков Г.В., Блажко А.А., Корчагин А.В., Саввин В.И., Поxвощев Г.В., Коваленко Ю.К., Клименко С.М., Лафазан С.И., Лютый Д.Е., Таривердиев К.М., Еремеев В.В., Руденко В. Г. и другие. Без уверенности в себе невозможно вести за собой людей. Командир-разведчик должен быть уверен в себе и в своей идее и правильности ее выполнения. Такими были Луцев Н.Н., Овчаров А.А., Швец О.У., Харламов С.А., Якута О.А., Михайленко С.Н., Резник Е.А., Удовиченко В.М., Горатенков В.А., Куцов С.Н., Крот И.М., Карташов В.А., Колб Г.А., Абзалимов Р.М., Пашковский Ф.М. и другие. Оптимизм. Вера в удачу позволяет воплощать в жизнь самые утопические проекты. В этом ряду наши яркие командиры и начальники Стекольников А.М., Золотарев С.К., Деметьев А.М., Фомин А. Г., Голоусенко Ю.Я., Онацкий В.А., Лихидченко А.И., Бреславский В.Е., Абрамкин А.А., Жаров О.М., Ильин А.С., Гришаков А.Н., Липиев П.С. и другие. Необходимым качеством является увлеченность. Чем бы влюбленный в службу офицер ни занимался, он делает это самозабвенно и азартно, глубоко погружаясь в сам процесс и наслаждаясь им. Таким запомнили подчиненные своих командиров Воинова В.А., Игнатьева Г.Я., Манченко В.А., Козлова В.А., Керсова А.Н., Мо-

Начальник штаба 15 обрСпН полковник Корунов Владимир Леонидович, окончил Московское СВУ и КВОВО им. Фрунзе. Впоследствии командовал 16 обрСпН (Московский военный округ).

Заместитель командира 15 обрСпН по вооружению подполковник Якуба Василий Иванович. Впоследствии старший преподаватель, доцент Благовещенского ВВКУ. Фото 1987 г.

розова В.А., Вильчевского Я.Б., Талалакина А.С., Бокова В.А., Барышева Е.Н., Попович А.М., Гордеева А.Т., Груздева С.И., Шинкарева А.Н., Коновальчикова В.А., Бойко А.М. и других. Разведчик должен обладать способностями понимать, улавливать и правильно интерпретировать чувства и настроения окружающих. И умело играть на эмоциях людей и вовремя направлять их в нужное русло. Прекрасными аналитиками и психологами способными поднимать дух подчиненных на грозные и боевые дела были Турсункулов Р.Т., Керимбаев Б.Т., Бохан С.К., Иванов З.А., Баленко С.В., Фрезе В.Р., Самсонов Ю.Н., Мудров С.А., Кошелев В.М., Купrienko В.Н., Трофимов П. Г. и другие. Наши командиры воспитывали подчиненных личным примером, вели за собой. Такими навсегда запомнились подчиненным Якуба В.И., Серзин И.А., Муратов А.Н., Гилуч В.П., Головкин В.И., Ахметов Р.М., Ленский В.А., Маренков Н.П., Коваленко И.А., Ильин А.С., Лобанов Н.А., Тарасов Ю.А., Худяков А.Н., Бекоев П.В., Севальнев О.В., Нафиков Х.М., Пимонов Ю. Г., Радчиков В. Г., Гончар В.Н., Татарчук С.А., Федорченко В.П., Цебрук Н.Н.,

Начальник штаба бригады полковник Исаков Юрий Дмитриевич, окончил РВВДКУ и ВА им. Фрунзе. Впоследствии командовал омсбр в ходе горной войны в Таджикистане. Фото 1987 г.

Матюшин В.А., Корчака П.Я., Головки В.Н., Трофимов А.В., Исаков Ю.Д., Мишустин В.Н., Попович А.М., Коруннов В.Л.

Главным людьми в спецназе по значимости дела, которое делали, безусловно, были командиры разведывательных групп, рот и отрядов специального назначения. Это они, ежедневно рискуя жизнью, делали, пожалуй, главную работу по защите Афганистана. Неслучайно, командующий 40 армией генерал-лейтенант Громов Б.В. лично знал всех командиров 15 и 22 обрСпН до взводных включительно. Так как именно они — лейтенанты и капитаны спецназа давали боевые результаты за всю армию и жили в гуще войны — в засадах, налетах, во время воздушной разведки и досмотрах караванов, в сборе и реализации разведанных. Благодаря им в первичных подразделениях спецназа была особая братская

обстановка единения. Вот почему через десятки лет при встречах солдаты и офицеры испытывают одинаковые искренние чувства радости и гордости от воспоминаний о своем тяжелом ратном труде, в котором они стали настоящими воинами. Пройдя через этот труд, они осознали замечательные слова великого поэта Гете: «Исполняя свой долг, человек с любовью относится к тому, к чему себя принуждает!» И эта любовь о пережитом навсегда сохранится в наших сердцах. Попробуем сделать в эпилоге нашей книги в качестве нравственного вывода набросок документального портрета последнего молодого поколения советской эпохи. Со снимком последнего бронетранспортёра, возвращающегося «из-за речки» по мосту с радостными солдатами и развевающимся красным флагом 2 батальона нашей бригады, ставшим неким символом границы эпох. Возвращающиеся на броне в мае 1988 и феврале 1989 годов наши сослуживцы сразу и не почувствовали, что въехали уже в другую страну, не в ту, которая их направляла исполнять «интернациональный долг». Им ещё предстояло пройти шок «афганского синдрома» и курс «шоковой терапии», в результате которых (да и в силу возраста) они стали другими, не теми «воинами-интернационалистами». Мы,

все нынешние «афганцы» — уже не чистый продукт той эпохи. А те наши сверстники, оставшиеся вечно молодыми (вернее, возвратившиеся в свой Союз раньше — в «чёрных тюльпанах»), застыли перед вечностью, как мамонты, вмёрзшие в толщу исторического льда. «Они», — как трогательно образно выразился талантливый писатель А.А.Устинов, — «являют собой некий феномен чистого продукта эпохи. Эти россыпи — «душ золотые россыпи» — представляют собой оборванные на взлёте молодые жизни последних «атлантов», последнего поколения, сформированного советской «Атлантидой». Мы не отойдем книге от извечного, ещё давними предками установленного правила: о мёртвых — или хорошо, или ничего. Уникальным явлением XX-го века в истории вооруженных сил планеты навсегда останется непобедимая и легендарная Советская Армия. Каждому, кто в ней служил, есть чем гордиться, есть что вспомнить и о чем рассказать, тем более, если он служил в легендарном спецназе ГРУ. Одним из побудительных мотивов поделится с читателями своими воспоминаниями о товарищах и мнением о службе, для нас лично стала грязная волна публикаций оскорбляющих славу и память наших товарищей. Толчком к началу нашей эпистолярной работы по истории соединения послужило создание музея бригады в Джелалабаде. Годы Афганской войны были очень напряженными для коллектива бригады по причине непрерывных боевых действий, изматывающих людей и несших немалые потери убитыми и ранеными, не считая многочисленных инфекционных больных. Как-то уж так сложилось что и в довоенное и военное время, до 1987 года, в бригаде музея боевой славы не существовало. Родился он на войне. Главным и принципиальным вопросом, который пришлось сообща решать по ходу, стало восстановление для истории примеров мужества и героизма личного состава. Существующие в штабах исторические формуляры помочь нам не могли, поскольку их оформление велось, мягко говоря, формально. Вероятно, по причине шаблонного соблюдения режима секретности. Бригада, отдельные подразделения которой участвовали в боях Афганской войны с первого дня, на тот период в исторических формулярах об этом не запечатлела ни строчки. За то подробно, как и в предыдущие десятилетия боевой учебы мирного времени, перечислялись итоги соцсоревнования по периодам обучения, приводились ничего не значащие для истории безликие цифры подготовленных отличников боевой и политической подготовки и классных специалистов, а также количество ЧП и преступлений, нарушений воинской дисциплины, произошедших за этот период. Начатое историческое исследование с секретной части штаба прежде всего коснулось боевых и политических донесений, отчетов о разведывательно-боевой деятельности подразделений, выписок из указов Президиума

Верховного Совета СССР о награждении личного состава. Была организована переписка с ветеранами бригады, на тот момент разбросанными по всему Союзу. К нашей радости однополчане откликнулись живо. В Джелалабад пришло более 500 весточек от ветеранов разных поколений. Добровольные помощники помогли нам опросить очевидцев и свидетелей наиболее ярких боев и событий. Немало информации дали протоколы партийных и комсомольских конференций и собраний, а также другие документы. На основании этого был составлен предварительный общий список погибших за годы войны и восстановлены обстоятельства гибели многих военнослужащих. Большим подспорьем в этом деле стали медицинские донесения и справки об эвакуации раненых и убитых. После этого мы приступили к восстановлению записей в формулярах отрядов. За короткое время многие «белые пятна» в исторических документах боевых отрядов и в целом в бригаде были ликвидированы. Доставка материалов и экспонатов для музея в условиях Афганистана осуществлялась нелегким путем — вертолетами и самолетами в ночное время и, бывало, сопровождающие не долетали до Джелалабада, погибали вместе с летательными аппаратами. Большую помощь по подборке архивных материалов из Подольского архива МО СССР оказал ветеран 15 бригады подполковник Юрий Широков, который на тот момент возглавлял в архиве отдел хранения.

Неоценимую организаторскую помощь нам оказал советник ЦК КПСС в оперативной зоне «Восток» генерал-полковник С.М.Беков, работавший в самой гуще афганского населения, помогавший НДПА утверждать революцию и создавать новую власть, проводить земельную реформу, создавать кооперативы, строить мосты, тоннели, электростанции, ирригационные комплексы и объекты соцкультбыта. Помимо большой созидательной деятельности, он был для нас примером в боевой работе. Не раз проявлявший личное мужество в боях с бандформированиями. Он и его коллеги-советники делали все, чтобы выполнить главную стратегическую задачу — иметь в лице Афганистана дружескую страну.

...Стремительно пролетели двадцать лет. Нынешняя судьба музея, оставшегося в Узбекской армии, нам не известна. А штабные документы, исторический формуляр и даже боевое знамя бригады пострадали во время пожара и частично утрачены. Но участие в работах по созданию музея не прошли для нас даром. У нас сохранились рабочие записи и тезисы, которые обобщены и по возможности развернуты в главах этой книги. В книге вы не найдете идеальных героев. Мудро сказал поэт-фронтовик: «Ну, где ты святого найдешь одного, чтобы пошел в десант!» Они все были живыми и земными, такими, какие есть все мы. Но они делали историю, которая

**Музей боевой славы
15 отдельной ордена Красного Знамени Республики Афганистан
бригады Спецназ ГРУ ВС СССР**

создан в ППД управления бригады в г.Джелалабаде (провинция Нангархар) Республики Афганистан в соответствии с приказом командира в/ч пп 71351 полковника Старова Ю.Т. № 230 от 14.10.1977г. "В ознаменование 25-летия создания 15 обрСпН с целью сохранения боевых традиций и памяти о подвигах разведчиков соединения"

Музей открыли 31 декабря 1987г. Зам. командира 15 бригады спецназ подполковник Безручко А.И. , член ЦК НДПА тов. Маманд, губернатор провинции Нангархар тов.

Машан, командование 40 ОА, советник ЦК КПСС в зоне ответственности «Восток» генерал-полковник Беков С.М. с группой сотрудников Центрального телевидения СССР тов. М.Лещинского и журналистов центральных СМИ СССР.

порой невероятная и героическая может и должна служить примером для нынешних поколений защитников Отечества. Мы стремились к максимальной объективности, поэтому все написанное опирается на солидную документальную базу.

Но это не значит, что все безупречно. К глубокому сожалению, мы не смогли охватить всего, что было в истории, а выбрали только то, что посчитали важным. Но в ответ на возможную, хотя бы молчаливую критику, если такая возникнет у читателя, скажем со всей определённою: не мы отбирали этот материал. Война сделала такой социологический срез конкретного героя поколения и конкретного времени, какой вряд ли доступен иными методами. Как нарисовать портрет поколения? Поколения уникального. Оно ещё живо, но в силу разительных перемен в мире, стране и народе вдруг превратилось в историческую реликвию. Начнём рисовать портрет этого поколения с самого первого эпизода той войны, такого же неоднозначного, как и вся она.

После взятия штурмом дворца Тадж-Бек семью Амина содержали под охраной в одном из помещений мусульманского батальона. И за короткий промежуток времени военнослужащий нашего караула влюбился в одну из дочерей свергнутого диктатора. Многие в горячке боев того сурового времени просто не заметили. Да помнит ли и она, зрелая сейчас женщина, живущая в Гамбурге, того безусого мальчишку — иностранного солдата, который встревожил свое сердце любовью к восточной красавице? И, демонстрируя свою симпатию, приносил для нее лучший кусочек хлеба и дополнительную порцию солдатского сахара и масла. Его звали Ариф Ходыев. Он был командиром отделения 1 роты спецназа, младшим сержантом. Эта нетленная искорка чувства выхватила для нас из тьмы истории образ живого советского человека.

С первой минуты пребывания в ДРА советские военнослужащие не видели в афганском народе своих врагов. А видели в них прежде всего людей и помогали им, потому что для этого их и пригласили в Афганистан. В суждениях об афганской войне, об «афганцах» нередко беспардонно опрокидываются на прошлое сегодняшние суждения страсти, нынешняя беспардонная скептическая мелочность. Мальчики служили великой стране, присягали на верность любимой Отчизне (любой пафос уместен для характеристики их морального состояния). Страна вручила им мощное современное отечественное оружие, посадила на самолёты и отправила в соседнюю страну по просьбе дружественного правительства для оказания ему помощи в борьбе с контрреволюцией. Названа эта акция была выполнением интернационального долга. И сами они назывались воинами-интернационалистами. Ничего унижительного, тем более презрительного, как это пытаются навя-

зять обществу некоторые «задним умом крепкие» чиновники и политики, не было в их красивом имени. Не было ничего позорного и в их поведении в чужой стране с первых дней пребывания. Не они разделили афганский народ на враждующие половины, а логика войны заставляет быть для кого-то другом, для кого-то — врагом. В афганском слове «шурави», которым были названы эти воины, нет ничего враждебного, подобного слову «янки». Не оккупантом, наёмным солдатом-контрактником ступили на афганскую землю советские мальчишки. В голове и в душе каждого из них светился тёплый огонёк интернационального счастья, которое он нёс с собой. Разительная социальная и культурная отсталость страны, куда они попали, была так наглядна, что без дополнительной «идеологической обработки» наши солдаты убеждались в правдивости официальной версии своей благородной интернациональной миссии — помочь революционной партии НДПА совершить рывок, подтянуть Афганистан из средневековья к современности. Об этом следует говорить, потому что недобросовестные авторы, освещающие негативно присутствие советских войск в Афганистане, распространяют своё отрицательное отношение к политическому руководству СССР, принявшему, на их взгляд, ошибочное решение, и на морально-политическое состояние рядового и офицерского состава Ограниченного контингента советских войск. А оно было на высоком уровне о чем свидетельствуют многочисленные примеры мужества и героизма.

Ровно через два года после того легендарного штурма твердыни диктатора, новый командир 154 ооСпН майор Стодеревский И.Ю., инструктируя бойцов своего батальона, перед первым налетом на учебный центр моджахедов Северного фронта сказал: «Запомните, ребята! С местным населением вести себя достойно. Духов — бить! Наша сила в дерзости и десантной стремительности. Пленных не расстреливать. Стрелять до того, как он поднял руки, а если после этого в него выстрелишь, — знай, ты преступник, и я тебя отдам безжалостно под трибунал!» Точно так же инструктировал своих подчиненных впоследствии комбат Быков-Кунарский. Другими словами, но об этом же говорил комбат Блажко. Знакомство с огромным массивом живых свидетельств, документов, писем, воспоминаний позволяет нам с полной уверенностью утверждать, что дух воина-интернационалиста в Афгане был здоровым, достойным и даже героическим. Его поддерживало ощущение за спиной великой державы, пославшей сюда солдата не корысти ради, а для оказания помощи. Советский солдат осознавал свою военно-профессиональную значимость (славное оружие в надёжных руках), особенно в сравнении с действиями афганской народной армии. Враг («душман») напоминал воину-интернационалисту басмача из своей

Генерал-майор Чубаров Александр Сергеевич с соратниками по 154 ооСпН подполковниками Игорем Довбней и Евгением Никоновым (фото 2010 г.)

Рафика Латыпова, Игоря Стодеревского, Александра Чубарова, Павла Бекоева, Юрия Коваленко, Сергея Клименко, Геннадия Удовиченко, Олега Якуту, Александра Алексеева, Артура Деревянко, Владимира Воробьева, Сергея Лафазана, Германа Похвощева, Игоря Довбня, Олега Гопиенко, Евгения Пучкова, Карена Таривердиева, Юрия Родина, Дмитрия Лютого, Сергея Рындина, Василия Саввина, Алексея Степанчука, Андрея Колесника, Алексея Туркова, Игоря Дуброву, Игоря Буга, Валерия Федорченко, Сергея Корьгина, Николая Зубкова, Роберта Яшина, Николая Пархоменко, Олега Мартянова, Романа Абзалимова, Сергея Федотова, Александра Драницу, Александра Мусиенко, Вадима Матюшина, Вадима Особенко, Александра Сурначева, Маркова, Виктора Абрамова, Александра Дидык, Юрия Рыбакова, Юрия Бурлака, Холмухамада Розыкова, Евгения Сергеева, Олега Онищука, Хамита Нафикова... Хотя последний ещё и не раскрыл все свои таланты — погиб в начале пути. Сразу после училища попал в Афганистан в 154 ооСпН. И сразу показал себя классным разведчиком. Его разведывательная группа славилась изобретательностью, выносливостью, удачей. И даже смерть свою разведчик Хамит Нафиков сделал легендой, как это и положено легендарным разведчикам.

«Где-то у горы Маркох в провинции Нангархар его группа была вынуждена принять бой с превосходящим по численности противником в невыгодных условиях, прижатая к скале. Оставшись без своих солдат, без гранат и патронов, один против орды разъярённых душманов, которым

революционной истории, и эта определённая придавала уверенности в продолжении дела отцов и дедов.

Есть у спецназовцев своё, рожденное накануне афганской войны в 15 обрСпН, словечко «рэкс». Оно обозначает то же, что у лётчиков «ас», т.е. человек, владеющий высшим классом в своей профессии. Кстати «рэкс» и расшифровывается как «разведчик экстра-класса». И когда сейчас ветераны вспоминают таких настоящих «рэксов», упоминают

было приказано взять его живым, он с ножом кидался на врагов, нанося им удары. Наконец озверевшие «духи», вопреки командам, расстреляли его. Как рассказали С. Птичкин и Л. Якутин в журнале «Честь имею» (№ 4, 1994 г.), «старейшины пуштунского племени, к которому принадлежало «духовское» бандформирование, пришли к командиру части майору Портнягину просить разрешения захоронить Хамида на своём кладбище, поскольку они «опознали» в нём святого, бывшего покровителем их племени. Потрясённые подвигом и высоким мастерством советского офицера, старейшины посчитали, что обычному человеку это не по силам». Эту легенду приземляет рассказ старшины Сергея Грушко, записанный журналисткой Р. Печуркиной («Уральский рабочий», 5 декабря 1985 года). Грушко был в группе Хамита Нафикова, состоявшей из одиннадцати человек, и участвовал в том бою. Лейтенант очень умело расставил для боя своих разведчиков, а сам продвинулся вперед, чтобы первым встретить надвигавшихся душманов. Их было действительно много. Они двигались по ущелью. Самой горячей точкой оказалась та, где был Нафиков. Вся группа помогала ему огнём. Для идущих на них снизу душманов они были практически неуязвимы. Но неожиданно ударили пулемёт и гранатомёт сверху, из пещеры. Ударили по Хамиту, и он погиб. Группа продержалась до подхода подкрепления».

Расхождения в фактах есть, но есть и общее: смерть трех разведчиков

Памятник Нафикову Хамиду Мугиновичу, представленному к званию Героя Советского Союза. Посмертно награжден орденом Ленина. (Похоронен в Свердловской области)

РГСпН №121 (лейтенант Нафиков, младший сержант У.Магомедов и радист ефрейтор А.Харитонов) действительно была героической. После того боя насчитали 52 убитых душмана. При этом, действительно, как подтверждают ветераны отряда и участники того боя офицеры А.Н.Ветров и В.П.Портнягин, — Тело Нафикова обезображено мятежниками не было. Это можно было понимать как знак уважения к погибшему».

«Откуда взялся такой рэкс? — спрашивал и сам

себе отвечал известный писатель-баталист А.Устинов, изучавший этот феномен. — Родился он пятым ребёнком в дружной татарской семье в далёкой уральской деревне Уфа-Шигири Нижнесергинского района Свердловской области. Самый младший, самый любимый. Старшая сестра Фазиля вспоминает, что иногда дети спали на полу вместе: каждый хотел лежать рядом с младшеньким — таким притягательным, тёплым и солнечным он был. Она же вспоминает, что с детства он мечтал стать разведчиком. Когда ему было одиннадцать лет, а она уже невестой, состоялся «хурал» сестёр и братьев. Дело в том, что Фазилю сватали несколько парней, и она затруднялась в выборе. Хамит решительно высказался в пользу будущего мужа: он самый надёжный, с ним можно идти в разведку.

Он сам себе выбирал путь. Однажды вся семья всполошилась: исчез Хамит. Через некоторое время нашли его в Свердловском суворовском училище. Решил учиться на разведчика. И стал им, пройдя ещё и Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище». Ярким разведчиком стал командир группы 154 отряда Олег Якута. Его, впоследствии как начальника разведки отряда, представляли к званию Героя Советского Союза.

Вы обратите внимание: что ни герой нашего повествования — то суворовец! Для самых профессиональных воинских подразделений, какими являлись части Спецназа, это была характерная качественная характеристика офицеров. В советское время все командные должности в наших войсках от командира бригады до взводных занимали «кадеты». Эту особенность впоследствии отметил ветеран нашей бригады, мой однокашник по Свердловскому Суворовскому военному училищу, полковник Харламов С.А.: «Надо отметить, что комбриг 15 обрСпН полковник В.В. Колесник, так же как и его предшественник, большое внимание уделял воспитанию у личного состава морально-психологической устойчивости, воспитанию чувства превосходства над противником. В целях воспитания он широко использовал личный пример. Часто рассказывал о том, как служил, начиная с 1956 года, в спецназе, какая в то время была экипировка и тактика наших войск. Очень подробно описывал действия своих сослуживцев в ходе различных учений в период службы на Дальнем Востоке и в Польше. В выступлениях комбриг основной упор делал на спецназовскую специфику. После того, как на должность заместителя командира бригады был назначен полковник Ю.Я. Голоусенко, однокашник Василия Васильевича по СВУ, на совещаниях он стал чаще обращаться непосредственно к офицерам-суворовцам, которые в то время составляли более 70% от общего числа офицеров части. Умело используя это обстоятельство, он еще больше повысил мотивацию офицеров

к службе». Ветераны бригады вспоминают такие слова будущего Героя СССР В.В.Колесника: «С суворовцев у меня спрос особый. Если они с детства пошли в армию, то служить должны на порядок лучше всех остальных. В связи с тем, что я лично суворовец самый старший (набора 1945 года), то имею полное моральное право проявлять высокую требовательность к вам». Эти слова комбрига многих брали за душу и имели однозначное воспитательное значение. Письма, стихи, листки архива дают представление об огромной духовной жизни «братьев во кадетстве», об их жизненной и патриотической позиции. Вот одно из них из архива генерала Колесника В.В.:

*Кадет на то и есть кадет,
Чтоб знала Русь и ведал свет,
Что крепче братства в мире нет,
Что в жизни нам одна дорога —
Святой суворовский завет:
Служить Отчизне с верой в Бога
От юных до преклонных лет!*

В военной истории известные сражения и операции именуются названиями близлежащих населенных пунктов. Тому пример Куликовская, Бородинская, Ржевская, Сталинградская, Курская битвы и множество других. Афганская война, рассыпанная на мелкие операции, не имела таких масштабных сражений. Но и она оставила звучные имена, болью отзывавшиеся у всех «афганцев»: Мармольская, Паджшерская, Мараварская, Карерская, Кулала, Гошта и др...

С марта 1980 года, когда стали известны первые случаи подрывов нашими десантниками себя вместе с душманами, они поражали воображение не только военнослужащих. Именно тогда, после первых кровопролитных боев в провинции Кунар, во всех ленинских комнатах подразделений воздушно-десантных войск и спецназа ВС СССР навсегда появились фотографии первых Героев Советского Союза А.Мироненко и Н.Чепика. А потом были последователи. Невольно на этих примерах воспитывались и наши разведчики лейтенант Николай Анатольевич Кузнецов, сержант Юрий Чеславович Гавраш с товарищами...

И в историческом формуляре бригады эти случаи упомянуты, хотя очень сдержанно и в нескольких предложениях, но совершенно обоснованно. Это подвиг! При всем при том, что он своим величием заслонил и оставил совершенно незамеченными примеры героизма, произошедшие в

последующих боях, которые оказались не менее яркими и потрясающими: героизм рядового нашей бригады Вячеслава Анатольевича Сулина, умирающего, истекающего кровью, оставшегося с одной рукой, выдергивающего кольцо зубами и метавшего гранаты в наседающих моджахедов. Его подвиг оценен орденом Ленина (посмертно). А последние броски лучших рукопашников бригады, тяжело раненных старшего сержанта Пирожкова Владимира Михайловича и ефрейтора Федив Василия Ивановича, заколовших штык-ножами окруживших их моджахедов!

Разговоры об этих боях до сих пор обрастают противоречивыми подробностями, превращая быль в легенду.

Мысль о «последней гранате» страшна сама по себе. Каждый вправе сказать «Не верю!» тому, кто будет легковесно рассуждать о героических парнях, подрывающих себя в окружении врагов последней гранатой. В этом нет никакой бравады или позы. Просто спасение ценой своей жизни командиров в бою. Это примеры высочайшей самоотверженности. У всех есть инстинкт самосохранения. И преодолеть его дано не каждому. Есть только одна моральная сила, способная подняться над ним — Священный Долг. В отличие от инстинкта, он не рождается вместе с человеком, а вырастает в процессе созревания истинно человеческих качеств, отличающих человека от животного: любви, достоинства, чести, гордости, знаний, высокого морального духа — всего того, что человек получает с воспитанием. Поэтому Священный Долг и сильнее Страха Смерти.

Хотелось бы подчеркнуть лишний раз, что в ходе боевых действий с первого до последнего дня войны (с 27 декабря 1979 по 15 февраля 1989 гг.) наша бригада продемонстрировала действительно массовый героизм солдат и офицеров и потеряла убитыми и пропавшими без вести 542 лучших своих военнослужащих. Кроме того, помяная боевое братство, мы не можем умолчать о том, что, поддерживая подразделения бригады огнем с воздуха в ходе специальных операций вместе с нашими бойцами, погибли 84 офицера-вертолетчика (что составило 20% от всех потерь армейской авиации). И из этого мартиролога фамилий через многие десятилетия несколько десятков продолжают жить своей жизнью, после смерти бередя сознание и обрастая легендами, превращаясь в настоящих мифических героев. И это не какая-то там мистика, а реальные факты, произошедшие в боевой обстановке и преодолевшие вопреки всем законам земного бытия людское забвение. Золотую дюжину представляло командование бригады к высшим Знакам отличия, однако штабная бухгалтерия распорядилась иначе. Но даже без Звезд Героев Алхимов С.Н., Бекоев П.В., Борец А.Н., Дервянко А.В., Красников В.В., Коваленко В.В., Пирожков

В.М., Сахатов М.Т., Трофимов П. Г., Удовиченко Г.В., Холбаев Х.Т., Шарипов В.С., Якута О.А.Н. и другие не перестали быть подлинными героями той войны и останутся в нашей памяти лучшими спецназовцами последнего советского поколения. Немало отваги было проявлено нашими воинами, но несмотря на написанное, многое не нашло достойного отражения в литературе и искусстве.

Несмотря на все наши усилия, по-прежнему малоизученной темой осталась дальнейшая судьба раненых солдат и офицеров. Их были тысячи. Но как закончились сражения медиков за их жизнь, какие были последствия полученных увечий, как сложились жизни инвалидов

войны? Добрая молва ходила о смелости и профессионализме офицеров-врачей А. Артыкова, В. Астафьева, А. Белевитина, А. Дубровка, В. Дроздецкого, И. Герича, Р. Рахманкулова, В.И. Карплюк, А.В. Казаренко, Л.А. Лутченко, А. Лапина, А. Линева, С.М. Слостина, Д.И. Киселева, А.А. Кондрашова, С. Лихоноса, А. Утеева, И. Шайхутдинова, И. Шкуратова, В.В. Яковлева, прапорщиков К. Асророва, Н. Усенова, И. Симоника, Ю. Боброва, Г.В. Калганова, санинструкторов И. Стокича, О. Тазабекова, Б. Такирбасова и др. Многие из них получили ранения, погибли старший лейтенант Э.Ф. Бегишев и младший лейтенант И.Н. Крышталь. А сколько человеческих жизней они спасли?

Что мы знаем об этих людях, опаленных свинцом и победивших смерть, ощутивших настоящую цену и силу волшебных слов: «Нужно подняться»?

Безжалостная пуля снайпера во время боев в укрепрайоне «Карера» сделала инвалидом и старшего лейтенанта Сергея Лукьянова, более двух

Генерал-майор Удовиченко Геннадий Викторович, будучи заместителем командира 3 роты спецназа, представлял к званию Героя Советского Союза (фото 2012 г.)

лет пролежавшего в госпитале, но сумевшего подняться, и когда рушилась великая страна, наперекор судьбе окончившего академию им.Фрунзе. Он вернулся в родной город на Днестре, где все свободное время, преодолевая боли, проводил в спортзале. Стал мастером спорта международного класса по пауэрлифтингу, пятикратным чемпионом Украины, серебряным призером чемпионата Европы в Будапеште, победителем турнира в Мальме-Опен и турнира «Серебряная штанга» в Польше. Правильно говорят, что беда, как молот: разрушая, может ковать. Но для этого нужно выбрать нужную цель и идти к ней, чего бы этого ни стоило. В настоящее время Лукьянов — полковник в отставке, продолжает трудовую деятельность на государственной службе в администрации Днепропетровщины.

В одном бою с Лукьяновым на перевале Гулпрай получил ранение, не совместимое с жизнью, его одноклассник по Киевскому ВОКУ, выпускник Минского СВУ начальник штаба 154 ооСпН незабвенный Анатолий Петунин. Три года и девять месяцев этот мужественный спецназовец боролся со смертью. Он никогда не жаловался на боли, только повторял: «Ничего, прорвемся!» Но победить костлявую не сумел и ушел в вечность в десятую годовщину ввода советских войск в Афганистан. Его друг С.Птичкин вспоминал: «Мне Анатолий как-то сказал: я же профессиональный военный, и форму надел не только для парадов. На войне же, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах. Я честно выполнил свой долг до конца, и стыдиться мне нечего...»

Рано ушел из жизни от полученных ранений майор Вячеслав Юдаев. Скончались от болезней полковники Владимир Бабушкин, Алексей Дементьев, Юрий Исаков, Игорь Серзин, Владимир Гореница, Александр Кухтин, подполковники Владимир Портнягин, Николай Лымарь, Владимир Игнатов, майор Владимир Переверзев. Две пули прошли грудь старшины роты старшего прапорщика Юрия Дурнева, но он остался жив благодаря самопожертвованию разведчиков Василия Коваленко, Павла Рожновского, Михаила Мочернюка, Мурата Мавляткулова, успевших вынести его с поля боя. Нам неизвестна дальнейшая судьба трижды раненного старшины роты спецназа старшего прапорщика Юрия Сударушкина, а также получившего пять ранений прапорщика Игоря Бахмутова. Потеряли мы из виду и тяжело контуженного замполита роты спецназа старшего лейтенанта Олега Чукина, раненных лейтенантов С.В. Смирнова, В.В. Абрамова, Семененко, рядовых Р.Х. Абдуллаева, М.М. Мустафакулова, А.Н. Труфанова, З.Х. Туракулова, Караева, Мурадова. Мужественные и героические были люди, а ведь этот список можно и нужно продолжить... Может быть, кто-то из них нуждается в помощи? Радует, что находят благородные люди, беско-

***Заместитель командира 15
обрСпН по тылу полковник
Серзин Игорь Александрович.
Впоследствии заместитель
командира артиллерийской
дивизии по тылу в г. Кривой
Рог. Фото 1987 г.***

***На снимке — боевые друзья В. Фрунза и
А. Гайдабура***

рыстно помогающие инвалидам. В 2012 году одному из таких разведчиков, рядовому Валерию Фрунза из Кривого Рога, потерявшему ногу, соратники по отряду во главе с Александром Гайдабурой (из Кировограда) приобрели легковой автомобиль. Пример, достойный подражания!

Отличительной особенностью всех войн является то, что в них погибают самые лучшие представители своих народов. Самое страшное в афганской войне заключается в том, что основная масса погибших спецназовцев — юноши 18-20 лет, не успевшие в своей жизни поцеловать девушку. Именно в этом, считаем, и заключается главная вина советского руководства. Великая страна имела право защищать свои стратегические интересы, но участвовать в боевых действиях должны были не безусые мальчишки, а призванные из запаса добровольцы 25-35 лет, благо, таких в то время было больше чем достаточно. Дайте человеку нормальный заработок, обеспечьте семью жильем —

и он горы свернет, даже афганские. Кто сможет подсчитать искалеченные души и изуродованную психику ветеранов-«афганцев»! Логика примитивного мышления срабатывала только в двух направлениях: вернулся — не вернулся. А каким вернулся, никому не было до этого дела. «Никто ведь нас в Афганистан не посылал».

Давно уже другая власть, другое государство, другие чиновники, которых

роднит с прошлыми, советскими, такое же равнодушие к проблемам ветеранов, как и прежде. Не посылал военком, призвавший пацана в армию. Не посылал директор предприятия, которому часто невыгодно иметь в коллективе льготника. Не посылал водитель маршрутки, не посылал работник ЖЭКа, собеса и т.д. Да мало ли бездушных людей, с которыми пришлось столкнуться ребятам, возвратившимся с войны к мирным будням. Никому нет дела, что множество ветеранов Афганской войны по прошествии двух десятилетий так и не получили свои боевые награды. Почти половина офицеров и прапорщиков, прошедших Афганистан, не смогли сохранить свои семьи. Браки распались, как карточные домики, в первый же год после возвращения в Союз. Эта проблема упорно не замечалась психологами и социологами. Никто сегодня не скажет правды, сколько ветеранов войны мы потеряли за эти двадцать мирных лет не только от ран и болезней, полученных в Афганистане, но и тех, кто так и не смог приспособиться к новым условиям жизни, новым идеалам, кто умер от ран или просто спился.

Когда-то нам удалось прочесть, что один день войны в Афганистане обходился Советскому Союзу около 300 млн. рублей. Вот почему общество развитого социализма так и не стало развитым, а долгие 9 лет войны еще больше обострили социальные проблемы. Можно смело предположить, что если 1 мировая война повлекла за собой Октябрьскую революцию и крах Российской империи, то афганская война привела к развалу СССР.

С 1991 г. существует новая социальная проблема — ограниченность общения с боевыми побратимами, оказавшимися волею судьбы разделенными границами и таможнями. Многие «афганцы» помнят, как часто раньше приходилось бывать в школах, ПТУ, техникумах. Вместе с ветеранами Великой Отечественной войны рассказывали молодежи о героизме их сверстников, продиктованном чувством любви к Родине, о самопожертвовании, замешанном на глубоком патриотизме и чувстве долга. Оказалось, что все это — чепуха! Родина была не та, патриотизма в несправедливой войне быть не может, а героизм — и не героизм вовсе, а результат муштры. Договорились до того, что, оказалось, наши деды и отцы — тоже не патриоты и зря воевали с фашистами. Более тринадцати тысяч срезанных Афганской войной молодых жизней остались «корешками» того последнего дорыночного поколения, которое своими «вершками» стало и первым рыночным. В своей раздвоенности, роковой половинчатости поколение «афганцев» остро чувствует боль «распила», как чувствует инвалид боль в ампутированных ногах.

Не мальчики, но мужи продолжают жизнь этого поколения. Ему досталась судьба похуже, пожалуй, всех поколений, которым приходилось проходить через войну. Имена их прадедов доносились до них гулом Граж-

данской войны с её тачанками, «максимами», звоном клинков, револьверным лаем. Трагизм ожесточённой ярости брата против брата ко времени их рождения уже сменился грустным лиризмом найденной в шкафу буденовки, песен о сотне юных бойцов из буденовских войск, что в разведку в поля поскакали, о колоске русского поля, о комиссарах в пыльных шлемах. А деды их, прошедшие самую кровопролитную Великую Отечественную, трагически и не воспринимались. В блеске орденов и медалей «наши деды — славные победы!». Героическим ореолом окружено и имя каждого павшего на этой войне. Ореолом защитника Родины, павшего в боях с иноземным захватчиком. Какими жертвами пали мальчики «афганского» поколения?

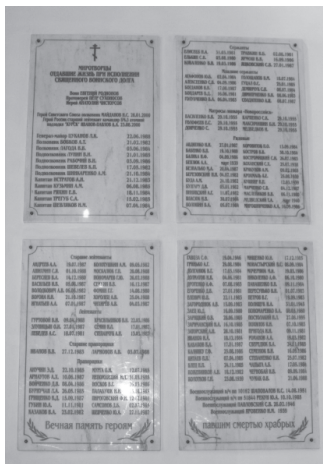
Старший сержант Стокич Игорь Григорьевич. Его дорога к храму началась с памяти о погибших товарищах

Во имя чего были отданы их молодые жизни? — Вот вопрос, который оглушил (употребим такой неблагозвучный глагол) вернувшихся отсюда на броне радостных, оставшихся в живых «афганцев». Ни в Гражданскую, ни в Отечественную такой вопрос не мог возникнуть ни в одном, даже извращенном уме. Мы не думаем, что сегодняшний «афганец» вместе с тем чиновником тоже считает, что напрасно его туда посылали. Возможно, были какие-то другие ходы политической истории, да не достало государственной мудрости. Так что, поэтому мальчики погибли зря? Ну, нет! Как только доходит до подобного умозаключения, в среде ветеранов-«афганцев» нашей бригады восстаёт прежний боевой дух, подкреплённый молчаливым согласием застывшего строя друзей-спецназовцев.

Давайте не забывать, что у нас всегда в почёте была и остаётся, несмотря на попытки её принизить, воинская, офицерская профессия «роди-

На плитах этого собора запечатлены фамилии боевых друзей из 154 ооСнН

Храм Святого Георгия победоносца на мемориале 411 батарея под Одессой возводился при участии Стокича И.Г.

Таким был, например, наш боевой друг капитан Николай Саинович Майданов. Его отец, Саин Саингалиевич Майданов, казах по национальности, шоферил по дорогам Советского Союза, нашел жену-украинку, у которой в роду были и немцы, и поляки. Родилось у Майдановых две девочки и четыре мальчика. «Интернационал!» — смеялся шофер Майданов. И сын его, Николай Майданов, воистину был членом «интернационала». Он гордился, что оказывает интернациональную помощь афганскому народу. В точном соответствии с русской поговоркой «Смелого пуля боится» он прошел через Афган целым и невредимым. Вместе с разведчиками нашей бригады А.Корчагиным, В. Воробьевым, П.Трофимовым, Е.Барышевым, В.Бокковым, В.Саввиным, С. Михайленко, Ю.Коваленко, С.Клименко, М.Коркишко, Бобылевым, Ю.Поповым и Бекиным, старший летчик 239 отдельной вертолетной эскадрильи капитан Майданов остановил и уничтожил крупнейший Абчаканский караван, перевозивший на 193 вьючных животных громадное количество оружия, предназначенного для уничтожения аф-

ну защищать». И истинно российские носители этой профессии никогда не опускаются до маразма «деидеологизации» патриотизма.

ганского народа. Николай заслуженно стал Героем. Нашим общим героем! А когда распался Советский Союз и запылал многонациональный Кавказ, уже полковник Николай Майданов отправился туда устанавливать конституционный порядок. Не брали его в Афгане ни душманские ЗГУ, ни американские «Стингеры», ни английские «Блоупайпы». А зацепила своя отечественная «Игла», выпущенная бандитской рукой, в момент, когда он спасал из окружения очередную группу спецназа ГРУ... Но и смерть его была героической. Немного у нас Героев Советского Союза, ставших потом еще и Героями Российской Федерации.

Мы дружили всю войну и продолжаем дружить с боевыми побратимами вертолетчиками полковниками Целовальником В.П., Крушининым В.В., Героями Советского Союза Райляном А.М, Очировым В.Н., командирами эскадрилий Гаур В.Ф., Лентьевым Г., Парфиловым В., Пыриным Н., Шарафеевым, Демидовичем В., Нелиповичем Н. И. Кучеренко О.М., начальником штаба Онишко Ю.Л. и многими летчиками и техниками.

Да, социологический «срез» поколения, который произвела Афганская война, уникален еще и тем, что он, как срез спиленного дерева, не только даёт возможность прочитать по концентрическим кругам определенные содержательные характеристики, но и наглядно являет миру трагический символ «распиленного» надвое единого организма. Да, оставшиеся «вершки» еще живут, еще цветут и производят потомство, а «корешки» в святой уверенности в благородстве своей миссии посылают наверх так необходимые организму жизненные почвенные соки, и эти соки недоумёнными прозрачными слезами сверкают на свежем спиле теми самыми «искрами»... С какой стороны ни зайди, мнение, что «наши мальчики погибли зря», вызывает не только протест, но и омерзение, как любое кощунство. Что значит «зря»? Бесплатно, что ли? В армии, которая формируется не по найму (контракту), а по призыву, в соответствии с Конституцией государства, в армии, служба в которой идеологически осмысливается как «священный долг гражданина», — в такой армии неприемлемы рыночные критерии: а сколько это стоит, что я буду иметь? Советская армия относилась к этому внерыночному типу, и судить о ней в целом и о каждом воине того времени в отдельности необходимо с учётом её внутренних законов и уставов, пафоса её лозунгов, слов присяги, воспитательных героических примеров и верности традициям. Не в том дело, были ли в ней недостатки, ошибки и даже преступления. Конечно, были. Мы тоже склонны считать, что ввод советских войск в Афганистан — политическая ошибка (не был учтён исламский фактор, вернее, недостаточно было изучено влияние ислама на все сферы афганского общества). Но это не значит, что, исходя из признания ошибкой

первоначального решения, мы должны всё последующее рассматривать сквозь тёмные очки. Наоборот, само ощущение ошибки (о ней не говорили, но осознавали и наверху, и внизу) придавало дополнительный импульс к компенсации ущерба от неё, к минимизации её последствий. Во-первых, ошибка не привела к военному поражению. Сам многолетний характер этой военно-политической акции зависел не от мощи и умения так называемого Ограниченного контингента, а от внутривосточных, социальных и морально-психологических факторов самого афганского общества, решать которые — не дело армии. Политическое решение о выводе войск (окончание войны) не устранило, да и не могло устранить внутриафганских противоречий, о чём свидетельствует дальнейшая история этой несчастной страны. Во-вторых, сами воинские подразделения, втянутые в эту акцию, сами армейские коллективы показали свою жизнестойкость, умение адаптироваться к неблагоприятным условиям, практически на каждом шагу сталкиваясь с необходимостью действий, не предусмотренных уставами. Не было единого фронта. Но зато практически бесперебойно и планомерно осуществлялось тыловое обеспечение, материально-техническое снабжение войск. В этом тоже можно усматривать компенсацию за политическую ошибку. Да и трагический пример Порт-Артура, когда главным фактором поражения русской армии стала бездарная организация тылового обеспечения, сослужил историческим уроком. Вся война состояла из многочисленных операций (крупных и мелких), которые должны были проводиться (по установке) с мастерством хирурга: уничтожать бандформирования внутри кишлаков с минимальными потерями для мирного населения. Кстати говоря, ни одна из намеченных операций не была проиграна, и военный авторитет советских войск не страдал. В этих условиях возрастала роль каждого командира любого уровня, да и каждого рядового. Афганская война стала школой спецназа. В-третьих, поставленные в условия чрезвычайной осторожности, бдительности, советские солдаты и офицеры стали по-человечески ближе друг к другу. Помимо обычной воинской дисциплины, которая в экстремальных условиях войны соблюдалась беспрекословно, в армейских коллективах, особенно в подразделениях специального назначения возникала атмосфера по-семейному трогательной, любовной заботы друг о друге. По многочисленным свидетельствам участников в частях Ограниченного контингента практически не наблюдалась такая болезнь армии как дедовщина. Если где-то и возникали «вирусы» этой болезни, то они отторгались укрепившимся перед лицом опасности нравственным авторитетом.

А матери погибших «афганцев»! Эту тему никак не обойдёшь, создавая портрет поколения наших героев. В год окончательного вывода советс-

ких войск из Афганистана судьба забросила нас на юг Украины, где жила безутешная мать погибшего сержанта Алла Александровна Сушко. Бывший начальник штаба части майор В.Г. Петров хорошо запомнил ее еще с той поры, когда подразделения только готовилась к выезду в Афганистан. В своем блокноте он написал: «Лагерь постоянно осаждали родители, да это и понятно: ведь их дети уходили не на загородную прогулку, а в чужую страну под пули. Мать сержанта Сушко, секретаря комсомольской организации роты, две недели плакала и просила оставить ее сына в Кировограде, но он настоял на своем и ушел с нами. Через полгода погиб при проведении засады на караван. Удивительно, но Мать заранее чувствовала это». Надо отдать должное партийным и советским руководителям горняцкого края, которые сделали многое для того, чтобы безутешная мать была окружена вниманием. Величественный памятник нашему разведчику, кавалеру ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» сержанту Дмитрию Анатольевичу Сушко стоит и стоять будет в самом центре индустриального Кривого Рога — он олицетворяет всех воинов-интернационалистов. Дмитрия не забыли студенты горнорудного института, в котором он успел окончить только два курса. Мемориальная доска установлена и на здании средней школы № 22, где он учился. Однако материнское сердце не вынесло утраты, и молодая еще женщина ушла в вечность вслед за сыном. Хранят память о своем земляке сержанте Яцковском Сергее Владимировиче и в Верхнеднепровске. Имя героя носит школа в которой он учился. Одинокая мать живет на улице имени ее сына. Вот уже четверть века в студеные январские дни на его могиле встречаются солдаты и офицеры 3 роты спецназа.

Великолепным солдатом был сапер-разведчик рядовой Хомяков Николай Сергеевич из Новомосковска Днепропетровской области, смерть которого за двадцать дней до приказа об увольнении в запас свела в могилу и родителей. Однако сохранились письма: «Мама, я вместе с друзьями решил вступить в партию. Парторг, когда узнал, что из нашей роты пишут заявления сразу шесть человек, сказал, что в этом случае все наше подразделение должно быть отличным. Мама, как ты думаешь, могу я стать настоящим коммунистом? Для меня важно твое слово». «Сегодня 24 июля. Воскресенье. Я в штабе бригады в Джелалабаде. А 15 состоялось заседание парткомиссии, и меня приняли в КПСС. Так день моего рождения стал еще и днем рождения нового партийного человека. Позавчера в музее бригады мне вручили кандидатскую карточку. Мы тут все разные, а вместе дружные. Теперь мой долг — прямо идти по жизни. Мама, за меня можешь быть спокойна и уверена, что свой долг солдата я выполню до конца». Что хочется сказать? Перебирая в руках эти листочки-памятки, невольно на-

страиваясь от нежных строчек на лирическую волну, ощущаешь огромный энергетический заряд человечности этого поколения «последних солдат из СССР», отсутствие комплексов позднее придуманной так называемой «совковости» или солдафонства! Ни зазнайства, высокомерия или черствости. Сама искренность! Читаешь эти строки и с горечью понимаешь, как могла бы быть наполнена трудом и созиданием эта несостоявшаяся жизнь. Одна молодая современная журналистка в очерке о погибших в Афганистане земляках выразилась, что «они были слишком скромными». На это возразила мать одного из них: «Скромность не может быть ни большой, ни малой. Ее не может быть «слишком». Либо она есть, либо ее нет». Тема подобной мини-дискуссии не раз встречалась в этих скорбных материалах. Она отражает тенденцию изменения нравственно-психологической установки в молодежной среде. Скромность: благо или порок? Наверное, на этом разломе и проверяются качества того, «дорыночного» поколения и нынешнего, уже «рыночного». Изменение отношения к скромности и вызывает недоумение у нас «бывших».

«Скромный до застенчивости» — так вспоминают ветераны 154 ооСпН главную отличительную черту своего товарища бывшего начальника штаба, выпускника Уссурийского СВУ Сергея Ершова, который, обладая железной волей в критической боевой обстановке, несмотря на тяжелейшее ранение, слепоту и ожоги грамотно руководил боем. Благодаря ему подразделение попавшее в засаду, осталось в живых. Орден Красного Знамени и погоны капитана первого ранга морского спецназа оттеняют его человеческую скромность. Однако оттенок «до застенчивости» придает «скромности» вроде какую-то ущербность. Дай бог двум сыновьям Сергея Николаевича Ершова, выбравшим военную судьбу своего отца, быть такими же «скромными» героями.

Служил в бригаде свердловчанин разведчик рядовой Евгений Алексеев. Он не успел отметить и двадцатилетие своей стремительной боевой жизни, как круговорот боевой действительности вывел его на минное поле, и он ценой своей жизни спас товарищей, идущих следом. Как вспоминает его мама: «Рос Женя тихим и спокойным мальчиком, очень добрым, ласковым и жалостливым. За эти черты характера его все и любили. Он никогда ни с кем не дрался, никого не обижал, хотя много занимался спортом. Любил кошек, собак. В школе Женя участвовал во всех мероприятиях, помогал выпускать стенгазеты, а если проводили «Зарницы», то Женю всегда выбирали командиром». За полгода службы в Афганистане Евгений прошел через одиннадцать боевых операций, но не очерствел душой. В последнем письме он написал: «Мама, здесь глубокая древность, я потом

напишу, в каком столетии они живут, но «духи» — обыкновенные люди, только одеты по-смешному, штаны у них шире, чем у Тараса Бульбы...»

Наш командирский опыт общения с целым поколением «скромняг» позволяет сделать вывод, что, по большому счету, скромность — обязательное условие коллективистского общежития. Она совсем не затушевывает индивидуальность и не мешает раскрываться заложенным в личности качествам. Да, одеты все спецназовцы в одну униформу, да, у них у всех почти одинаковые короткие биографии: детский сад, школа, кружки, спортивные секции, летние пионерские лагеря, одинаковые учебники, по которым учились; одни и те же фильмы, которые видели, одни и те же песни пели... Но каждый офицер, командир он или политработник скажет вам, что не было у него в подразделении никогда двух похожих характеров. Даже внешнее сходство встречается чаще, чем характеры. Так что противники коллективизма в своей рекламе индивидуализма идут против природы человека: коллектив — не стадо, а букет индивидуальностей. И, кстати, только там, в коллективе, и проявляются индивидуальные качества каждого в сопоставлении с другими. Не только проявляются, но и проверяются на человечность. Истинную человечность, которая — не только за себя, но и за других.

Полковник Клоков Владимир Иванович, службу проходил в 154 ооспн заместителем командира отряда по политчасти. После этого прошел через две Чечни

Именно этим и силен спецназ, так же как и многие командные виды спорта: команда (коллектив) тогда хороша, когда она состоит из ярких индивидуальностей. Это прекрасно понимали и использовали для сплочения коллективов лучшие политработники нашей бригады Рашид Абдулаев, Георгий Борецкий, Николай Бессонов (похоронен в Азадбаше), Владимир Волош, Александр Гулевич, Александр Ермаков, Валерий Зубиков, Виктор Ипатьев, Александр Карлов, Аркадий Козлов, Владимир Клоков, Сергей Михальков, Владимир Майоров, Василий Пармонов, Игорь Почтовик, Анвар Саттаров, Алексей Стасюк, Игорь Семенов, Евгений Соколов, Александр Славник, Вла-

димир Статкевич, Михаил Садовников, Валерий Смирнов, Михаил Трофимов (убит в Югославии), Павел Трофимов, Игорь Хальзов, Александр Чайка, Николай Шлаев, Феим Шарафутдинов, Сергей Щепелев, Николай Яремко и другие.

К глубокому сожалению, приходится читать в материнских письмах сегодняшнего времени много жалоб на несправедливость современной жизни! Про забытые обещания поставить памятник на могиле. Про бесконечную переписку по поводу затерявшейся награды. Мы должны быть внимательны к матерям наших солдат, которые родили и воспитали Отечеству это поколение наших незабвенных солдат и офицеров. Уходит время, и меняются на земле люди, вещи, слова, мысли и песни, названия, конституции и привычки. А их матери, как и мы, выходцы из той военной бытовой нищеты, когда даже спички считались роскошью, понимаем друг друга. Знающие истинную цену каждому куску хлеба, каждой бумажной игрушке, сделанной своими руками для украшения ёлки, каждому слову с трибуны, из репродуктора, на странице, эти женщины готовили своих детей, рождённых в благополучное время, для хорошей жизни. Уверенность в ней была повсеместная. У всех у нас были типичные советские биографии. Где бы ни проклюнулся росток жизни, о нем заботились, «взрыхляли почву», «удобряли», «поливали», чтобы молодежь росла нормально. Может быть, не роскошно, по минимальному, но в норме. Невысокая зарплата родителей позволяла («в притирочку») кормить, одевать, учить, покупать книги и игрушки. И уходили в армию мальчишки с чистым взглядом и спокойным сердцем: дело мужское, государственное, священный долг. Так они были воспитаны не только матерями, но и школой, и комсомолом — в памяти и в сердце жила военная эпопея дедов и отцов. Особенно прочная связь отцов и сыновей наблюдалась в офицерских семьях, где продолжались или создавались военные династии. Самоотверженно служили Родине сыновья офицеров Великой Отечественной войны Блажко, Бекоева, Воробьева, Воинова, Иванова, Квачкова, Ершова, Портнягина, Стодеревского... Очень много среди погибших молодых лейтенантов — детей кадровых военных. Светлая память всем военнослужащим Спецназа, отдавшим свои жизни при выполнении специальных заданий командования!

За прошедшие десятилетия ветераны Спецназа Афганской войны, солдаты и офицеры уже стали зрелыми людьми. Они твердо занимают и поддерживают позиции государственности нашей Родины. Среди них есть и ответственные работники государственных органов исполнительной власти, и многозвездные генералы, и дипломаты, и народные депутаты, и бизнесмены, общественные и политические деятели. Но и сегодня большая

часть ветеранов афганской войны нуждается в помощи и поддержке государства. До сих пор они ждут вручения боевых наград, которыми были награждены четверть века тому назад. Ветераны в повседневной жизни хранят боевые традиции Спецназа и поддерживают добрые связи с соратниками из других стран СНГ. Ветераны ожидают новых шагов в социальной политике от правительства и руководства государства. Но это не пассивное ожидание. Ветераны готовы сотрудничать с властью ради будущего страны, поддерживать все прогрессивные инициативы, которые направлены на улучшение жизни народа, укрепление боеспособности Вооруженных Сил, которым они передали славу и доблесть, проявленную в боях. Ветераны Спецназа остаются специальным боевым резервом Верховного главнокомандующего. Сегодняшнее поколение военнослужащих Спецназа бережно хранит и приумножает славные традиции своих предшественников, проявляя высокий профессионализм, исполнительность и ответственность за порученное дело. Отдавая дань уважения выдающимся заслугам всех поколений военных разведчиков перед Отечеством, выражаю твердую уверенность в том, что личный состав частей Спецназа Вооруженных Сил Российской Федерации будет и впредь поддерживать высокую боеготовность и добиваться выполнения поставленных задач. Справедливо и емко, как слова боевой клятвы, звучат поэтические строки нашего армейского поэта:

Нас не увидишь на парадах:
Мы не придворные войска,
В отрядах наших и бригадах
Готовность первого броска.
За целый мир Спецназ в ответе:
Везде разведке есть дела, —
Прикажут нам, мы в Новом свете
Свои распустим купола...

СЛУЖУ СПЕЦНАЗУ! ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

ДОРОГАМИ АФГАНИСТАНА

ВОСПОМИНАНИЯ

заместителя командующего Воздушно-десантными войсками России по воспитательной работе гвардии полковника ГУЛЕВИЧА А.Д.¹

В марте 1985 года 334 отдельный отряд специального назначения после совершения марша комбинированным способом прибыл в Джелалабад, на территорию 66-й мотострелковой бригады. В это время по направлению на г. Асадабад проводилась армейская операция по разблокированию автомобильной дороги вдоль реки Кунар с задачей обеспечить проводку колонны с личным составом, вооружением, техникой и имуществом нашего отряда.

Все наши военнослужащие, несмотря на усталость, были в приподнятом настроении от встречи с коллегами из 154 ооСпН. Многие офицеры и

¹ Гулевич Александр Дмитриевич родился 19 апреля 1958 г. в г. Чечерске Гомельской области (Белоруссия). С 1973 по 1975 гг. — Минское СВУ; С 1975 по 1979 гг. — Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище. С 1979 по 1983 гг. — заместитель командира роты по политической части (Петропавловск-Камчатский, Гродно). С 1983 по 1985 гг. — секретарь партийной организации отдельного десантно-штурмового батальона, отдельного отряда специального назначения (Марына Горка, ДРА — Асадабад). С 1985 по 1987 гг. — заместитель командира 154 отдельного отряда специального назначения по политической части (ДРА — Джелалабад). С 1987 — 1988 гг. — старший инструктор политотдела отдельной воздушно-десантной бригады (Брест). С 1988 по 1991 гг. — слушатель Военно-политической академии им. В.И.Ленина. С 1991 по 1992 гг. — старший инструктор политотдела 98 гвардейской ВДД (Болград). С 1992 по 1993 гг. — заместитель командира отдельной воздушно-десантной бригады по работе с личным составом (Капчгай). С 1993 — 1996 — заместитель командира учебного парашютно-десантного полка по воспитательной работе (Омск). С 1996 по 2001 гг. — заместитель начальника отделения воспитательной работы 98 гвардейской ВДД (Иваново). С 2001 по 2003 гг. — заместитель начальника РВВДКУ им. генерала армии В.Ф.Маргелова по воспитательной работе (Рязань). С 2003 — 2009 гг. — заместитель командующего ВДВ по воспитательной работе. Награжден двумя орденами Красной Звезды и российским орденом Почета. Женат. Сын избрал профессию офицера вооруженных сил.

прапорщики в разное время служили вместе в подразделениях специального назначения на территории Советского Союза. Командованием отряда было принято решение провести обмен боевым опытом «джелалабадцев» с различными категориями разведчиков еще недавно сформированного в Марьиной Горке отряда. Вне всякого сомнения, эти встречи были очень полезны как с точки зрения предстоящей боевой деятельности, так и организации внутренней и караульной службы, решения бытовых вопросов, изучения традиций, нравов и обычаев афганского народа.

В дальнейшем военнослужащие 334 ооСпН приняли участие в совместном с джелалабадцами налете, где получили боевое крещение. Это было первое мое знакомство с прославленным отрядом, его героической историей, мужественными и смелыми разведчиками, настоящими профессионалами боевой деятельности, умелыми и грамотными командирами и политработниками.

Так распорядилась судьба и профессиональная карьера, что через шесть месяцев прохождения службы в 334 ооСпН я был переведен в Джелалабад заместителем командира 1 ОМСБ (154 ооСпН) по политической части.

На этой должности я менял Васю Парамонова, настоящего профессионала, отличного спортсмена, уважаемого в коллективе политработника. Кстати, Вася и сегодня активно занимается спортом, выступает на международных соревнованиях по лыжному спорту среди ветеранов.

К сожалению, в первую неделю моего пребывания в отряде на одном из боевых выходов героически погибли два талантливых командира (капитан Турков А.В. и лейтенант Овсянников Е.И.), и уже мне пришлось проводить траурный митинг прощания с боевыми товарищами. Вася Парамонов сказал, что внутренне тяжело говорить прощальные слова перед строем отряда, понимая, что сам через несколько дней будешь в мирном Союзе, а ребят туда отправят в цинковом гробу.

Подполковник Парамонов Василий Георгиевич, службу проходил в 154 ооСпН в должностях: замполита роты спецназа, секретаря партбюро отряда и заместителя командира отряда по политчасти

Я его прекрасно понимал и осознавал, что в условиях активной боевой деятельности это будет не последнее траурное мероприятие.

В дальнейшем и мне все тяжелее давались слова прощания перед строем отряда, давили слезы, тяжелый комок подступал к горлу. Ведь всегда, вне зависимости от того, был ли сам на боевом выходе, пронизывали мысли: ты живой, а кого-то уже нет, как жить с этим дальше?

Самое тяжелое прощание было после Кареры. Во-первых, были большие потери, и мы не смогли разыскать двоих своих разведчиков из первой роты (о которых узнали в дальнейшем, что они были вынесены ночью вместе с погибшими «духами» на территорию Пакистана), во-вторых, тяжело было осознавать, что в ходе дневного боя, находясь, по меркам равнинной местности, совсем недалеко, не смогли оказать помощь своим боевым товарищам, ведущим ближний бой. В-третьих, практически у меня на глазах был тяжело ранен в позвоночник начальник штаба отряда Толя Петунин. Его пронизывала тяжелейшая боль, пока не вкололи два тубика промедола. Тогда же я вспомнил слова командира отряда Ромы Абзалимова перед боевым выходом: начальник штаба должен оставаться в пункте постоянной дислокации (ППД). Однако Толя уговорил комбата отпустить его на боевой выход, мотивируя просьбу тем, что не может постоянно находиться в «полумирной» обстановке, когда подразделения отряда, сменяя друг друга, выходят на боевые. Это был последний боевой выход Толи Петунина, тяжелейшее ранение, госпиталь, ампутация, и организм спецназовца не выдержал...

А перед этим был тяжелый бой на перевале, где наша небольшая группа управления удерживала позиции. Духи заняли господствующие высоты, прицельным огнем прижимали нас к камням, не давая поднять головы. Я понимал, что в этих условиях не так необходим один дополнительный ствол, превосходство противника было многократным. Более важными были психологическая устойчивость и готовность вести бой каждым в отдельности военнослужащим и в целом подразделением. Короткими перебежками от

Командир роты спецназа капитан Турков Алексей Валентинович погиб 19.09.1985 г.

позиции к позиции я старался поддержать особенно необстрелянных бойцов, одновременно слышал заботливые реплики от бывалых разведчиков о необходимости быть осторожным в условиях плотного огня духов.

К сожалению, перевал мы не удержали, пришлось отойти с открытой скалистой местности в густую зеленку. В ходе перемещения и был ранен начальник штаба, а одному из связистов трассирующая пуля на моих глазах впиалась прямо в голень. В дальнейшем этому парню по информации медиков в госпитале Ленинграда ампутировали ногу, ведь мы смогли выйти из боя, вынести раненых и погибших с помощью подразделений 334 ооСпН только под утро следующего дня, найдя площадку для вертолетов, откуда и была осуществлена эвакуация.

В эти трагические дни в ГПД старшим в отряде оставался заместитель командира по тылу Владимир Николаевич Трошин. И когда из медроты 66-й ОМСБр, куда эвакуировали погибших, потребовали отправить наших ребят в Кабул, майор Трошин однозначно и без всяких сомнений ответил: «Пока не вернется личный состав отряда, не пройдет прощание, никто из погибших отправлен не будет». Это был неписанный закон, и ни разу он не был нарушен.

В дальнейшем во время учебы в академии я встречался с Владимиром Николаевичем в Москве и когда после перемещений по служебной лестнице вновь приехал в столицу, поддерживал с ним товарищеские взаимоотношения. Владимир Николаевич к этому времени уже тяжело болел, и я старался помочь ему в меру своих возможностей. Он почти до последнего работал, старался поддержать семью материально. Я уже был на этапе увольнения из ВС РФ, но еще успел применить свой административный ресурс и со всеми воинскими почестями организовать похороны профессионального тыловика и замечательного офицера Владимира Николаевича Трошина.

Уже более 25 лет прошло после возвращения из Афгана, стираются в памяти отдельные имена и фамилии, но не забываются события и самое главное — люди, боевые товарищи, которые вершили эти поистине героические эпизоды, победы маленькие и большие. А ведь у нас не было ни малейшего сомнения, что мы выполняем интернациональный долг в интересах нашего государства, всего советского народа.

Если говорить о коллективе нашего отряда, то могу ответственно заявить: ни ранее, ни в дальнейшем такой сплоченности, единения, нацеленности на результат я не встречал, хотя на служебном пути было еще немало военных конфликтов и миротворческих операций. Наверное, можно долго рассказывать о наиболее профессионально подготовленных офицерах, прапорщиках, сержантах, умеющих грамотно оценивать обстановку и прини-

мать наиболее правильное и единственно возможное в конкретных условиях решение командирах подразделений, смелых и отважных разведчиках, саперах, связистах, медиках, водителях и механиках-водителях и других специалистах. Но такими качествами обладали практически все, может быть, только кто-то реализовывал их более смело и решительно.

Как-то решили мы провести в отряде чествование военнослужащих разных категорий, кажется, накануне Дня Советской армии и Военно-Морского флота. Собрали инициативную группу, обсудили план подготовки и поняли, что рассказать о таких специалистах будет несложно, но этого недостаточно. Изюминку нашли в организации аудиопоздравлений от родных и близких. Написали письма, и через месяц начали приходить конверты с аудиооткрытками, записями на магнитной ленте, которые затем склеивались на катушечную бобину магнитофона в единую композицию. Старались эту работу проводить без особой огласки, чтобы сделать сюрприз. В ходе вечера чествования, когда разведчики слышали родные голоса, были заметны и скупые мужские слезы на глазах. Конечно, всем хотелось скорее домой, но ведь в поздравлениях родных были и слова поддержки, гордости за своих сыновей, мужей и братьев. Это давало новый импульс бодрости и заряд на новые подвиги и свершения.

Вся деятельность отряда и в первую очередь боевая работа шла под непосредственным руководством командира, капитана Абзалимова Рамиля Каримовича. Непререкаемый авторитет, спецназовская прозорливость и смекалка, уверенность в себе и управленческий талант — все эти качества грамотно и разумно претворялись нашим командиром в повседневной жизни и боевой деятельности.

Боевой опыт, полученный Рамилем Каримовичем еще в 1979 году при штурме дворца Амина, помогал ему принимать грамотные управленческие решения. Его уважали все — от солдата до заместителей командира отряда. Сплоченный коллектив, нацеленный на боевой результат — это в большой степени следствие его управленческой и практической деятельности. И даже проверки увольняемых в запас военнослужащих на предмет наличия запрещенных вещей не вызывали открытого антагонизма, хотя внутреннее возмущение у солдат и сержантов, конечно, было. Да мы с Ромой и сами хотели бы, чтобы молодой парень, ходивший полтора года под пулями, привез своей маме и девушке подарок. Но психология человека так устроена, что при отсутствии контроля у отдельных молодых людей стираются грани дозволенного, и за ошибки одного расплачивается весь коллектив. Уже повзрослев, на встречах ребята по-доброму вспоминают эти эпизоды и даже подшучивают, что на аэродроме кое-какие вещи все-таки были при-

прятаны. Главное, у нас не было тяжелых и неприятных происшествий, имевших место в 40 армии при досмотрах на границе.

Конечно же, высшей формой боевого товарищества являются наши встречи. Когда приезжают ребята из всех регионов Советского Союза, когда имеешь возможность по-мужски обнять и подчиненных, и командиров, чувствуешь, что и в этом смысл жизни профессионального военного или просто спецназовца, который в свое время 1,5-2 года отдал служению Отечеству в боевой обстановке, плечом к плечу со своими боевыми товарищами.

А ведь встречи мы проводим не только для общения, а в первую очередь в память о наших боевых товарищах. И мы всегда склоняем головы перед всеми погибшими и умершими уже в мирное время, и такая память, конечно, будет вечной.

ГРОЗА КАРАВАНОВ

ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК МУСИЕНКО А.В.¹

24 октября 2015 г. подразделениям, частям и соединениям специального назначения Министерства обороны России (спецназ ГРУ ГШ ВС РФ) исполняется 65 лет, а 5 ноября спецназовцы отмечают день военного разведчика. В середине XX века с появлением у нашего потенциального противника ядерного оружия возникла необходимость создания разведывательно-диверсионных подразделений специального назначения, традиционно именуемых спецназом, как основного средства борьбы с ним в глубоком тылу. Созданные 24 октября 1950 г. отдельные роты специального назначения, а позже отдельные отряды и бригады спецназа Вооруженных сил СССР по своему предназначению относились к органам разведки и опера-

¹ Полковник Мусиенко Александр Валентинович, род. 16.03.1964 г. в г. Белая Церковь Киевской обл. в семье рабочего. В 1971 по 1981 гг. учился в средней школе № 9. В 1981 г. поступил в КВКУ на общевойсковой факультет. Офицерская служба началась в Афганистане в 154 ооСпН в должности командира 2 группы спецназа 1 роты. С февраля по ноябрь 1987 г. служил в 334 ооСпН в должности заместителя командира 1 роты. Пожалуй, был единственным офицером, переведенным в Асадабад по собственному желанию. Причина — с приходом в 154 ооСпН нового командира отряда В. Гилуча активные боевые действия были свернуты, а «ходить на дежурные засады» не позволяло чувство профессионального долга, еще одна из личных причин — четыре случая возврата представления к госнаграде... Г.В. Быков через два месяца службы в отряде предложил принять 2 роту, но Мусиенко отказался. За Афганистан (успешно выполнил 96 боевых задач) в августе 1987 г. награжден орденом Красной Звезды. В ноябре заменился в Чирчик в учебный полк на должность командира учебного взвода. В июне 1988 г. вернулся в родную 15-ю бригаду на должность командира группы 1 роты. Всего прокомандовал группой 5 лет, до 1990 г. Группа 2 года была лучшей в бригаде, за что получил от министра обороны досрочное звание капитана. Будучи командиром роты спецназа, принимал участие в наведении конституционного порядка в г. Баку, награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. В 1992-1993 гг. выполнял специальное задание командования в Республике Таджикистан. Организовывал и впоследствии руководил партизанским движением (Народный фронт Таджикистана), общим числом до 2 тыс. сабель, затем, когда к власти пришло пророссийское правительство, служил советником министра МВД. Награжден орденом «За личное мужество». С 1994 по 1999 гг. проходил службу преподавателем кафедры специальной разведки в Новосибирском военном институте. С 1999 по 2006 гг. служил в в/ч 92154 (ГРУ ГШ), последняя должность — начальник направления специальных операций. Участник 2-й Чеченской компании с 1999 по 2005 гг. Награжден орденом Мужества и высшим орденом России «За заслуги перед Отечеством», 4-й степени с мечами.

тивно подчинялись Главному разведывательному управлению Генерального штаба — ГРУ ГШ.

К счастью, до ядерной войны дело не дошло, но война в Афганистане, начавшаяся в декабре 1979 г., показала, что не только со средствами ядерного нападения готовились бороться спецназовцы. Афганская война 1979 — 1989 гг. для отечественного спецназа стала звездным часом. Так было устроено историей, что спецназовцы начинали эпопею «Афганской войны», они же ее и заканчивали. Начинали — штурмом подразделениями 154 отдельного отряда специального назначения (ооСПН) резиденции афганского диктатора Амина в дворце Тадж-Бек 27 декабря 1979 г. и заканчивали — выводом войск из Афганистана, колонну которых 15 февраля 1989 г. замыкал 177 отдельный отряд спецназа. Именно 154 ооСПН, более известный как «мусульманский батальон, сформированный из военнослужащих среднеазиатских национальностей, совместно со штурмовыми группами спецназа КГБ «Гром» и «Зенит» провел блестящую операцию по свержению диктаторского режима Хафизуллы Амина, не имевшей аналогов в военной истории. Еще бы, несколько сот советских военнослужащих и несколько десятков сотрудников КГБ СССР в течение 40 минут в чужом государстве захватили резиденцию ее главы...

Между датой захвата дворца Тадж-Бек и выходом из него последнего советского солдата лежала целая эпоха. Имя ей — Афганская война. В этой войне, полной драматических и славных героических страниц, спецназ ГРУ сыграл не последнюю роль.

Руководящими документами по боевому применению Вооруженных сил СССР действия разведывательных органов спецназа против иррегулярных вооруженных формирований не предусматривались, но именно спецназ оказался наиболее приспособлен к условиям противоповстанческой войны в горно-пустынной местности Афганистана. К середине 80-х годов, пройдя драматизм потерь и радость побед, советский спецназ представлял в Афганистане ту грозную силу, с которой считались не только полевые командиры афганских бандформирований, но и их западные покровители: «...единственными советскими войсками, которые успешно воевали в Афганистане, были силы специального назначения, действующие на вертолетах», — писала газета «Вашингтон пост» от 6 июля 1989 года. Не будем столь категоричны, но тактика отечественного спецназа против формирований вооруженной афганской оппозиции оказалась наиболее эффективной. Объяснением тому и знание тактики действий противника, аналогичной той, которую применяют сами разведчики в тылу регулярных войск противника, и свобода выбора действий командиров частей и подразделений спецназа, и

особый боевой дух разведчиков, дополненный десантным куражом, ведь и разведчики спецназа, и десантники носят не только одну форму, но и живут по единым десантным законам и традициям.

Эффективные действия советского спецназа в Афганистане были бы невысказаны без тесного взаимодействия разведчиков с вертолетами армейской авиации, и четкого взаимодействия с другими родами войск, что приносило свои плоды. Система боевого применения спецназа в Афганистане строилась таким образом, что разведчики получали не только авиационную поддержку, но и артиллерийскую. Четкая система разделения функций и организации взаимодействия между различными родами войск и службами ОКСВ позволяла малочисленным разведывательным группам и отрядам спецназа выполнять боевые задачи в таких «гадюшниках», куда общевойсковые подразделения могли добраться только в ходе крупномасштабных операций. Таким образом достигалась внезапность действий спецназа, а их скоротечность не позволяла противнику своевременно принимать меры противодействия. Именно этим объясняется ряд успешных операций разведчиков по захвату укрепрайона «Висатичингай» в провинции Кандагар (173 и 186 ооСпН), укрепрайона «Гошта» в провинции Нангархар (154 и 334 ооСпН), при уничтожении каравана моджахедов на дневке в окрестностях кишлака Абчакан в провинции Логар (668 ооСпН) и другие успешные операции.

Только вдумайтесь: при захвате укрепрайона «Гошта» на востоке провинции Нангархар не пострадал ни один разведчик, а ведь спецназ с боем сбивал сторожевые посты моджахедов на хребтах-двухтысячниках, штурмом овладевал опорными пунктами, захватывали склады с оружием и боеприпасами. Результаты этой операции впечатляют: захвачено 7 крупнокалиберных пулеметов, 3 зенитные горные установки, 3 миномета, 2 безоткатных орудия, более 30 единиц стрелкового оружия и несколько тонн боеприпасов. А ведь все это было направлено в разведчиков. До какой степени надо быть профессионалом, чтобы, преодолев град свинца, одержать чистую победу!

Высокий профессионализм и слава пришли к спецназу не в один день. Основная тяжесть проб и ошибок пришлось на начальный период Афганской войны. Действия спецназа в Афганистане с 1980 по 1984 года являлись периодом поиска наиболее эффективных приемов и способов их боевого применения. С 1985 года, когда были выработано четкое представление о роли и месте спецназа в противодействии вооруженной афганской оппозиции. С 1985 года в Афганистане разворачиваются две отдельные бригады специального назначения (обрСпН), имеющие в своем составе по четыре

отдельных отряда спецназа (отряд в спецназе приравнивается к батальону). Основная их задача заключалась в противодействии «караванам террора», ручейками текущимся в Афганистан из соседних Пакистана и Ирана. Именно спецназ стал заслоном на их пути.

В каждой части и подразделении спецназа ОКСВ на протяжении всей Афганской войны потом и кровью выработывалась и совершенствовалась та тактика действий, которая наиболее оптимально отвечала особенностям оперативно-боевой обстановки на местах. Если 154 «джелалабадский» и 334 «асадабадский» отряды специализировались на налетах и захватах, то разведчикам 177 и 668 отрядов спецназ 15 обрСпН и отрядов 22 отдельной бригады специального назначения не было равных в организации и проведении засад. Это за ними закрепилось в Афганистане громкое имя «охотники за караванами».

Интересна статистика. Судя по докладу командующего 40 общевойсковой армией Бориса Всеволодовича Громова, из всего оружия, захваченного советскими войсками в Афганистане в 1987 году, каждый пятый миномет и ДШК (крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина — *прим. ред.*), каждая четвертая единица стрелкового оружия, каждый третий РПГ, каждое второе безоткатное орудие были взяты в бою спецназом. То есть, около 20 процентов минометов и крупнокалиберных пулеметов, около 25 процентов винтовок, автоматов и ручных пулеметов, около 30-35 процентов ручных противотанковых гранатометов было захвачено разведчиками советского Спецназа, численность которого составляла 4-5(!) процентов от численности всего Ограниченного контингента.

Малочисленные по своему составу разведгруппы спецназа (15-25 чел.) опутывали афганские горы и пустыни сетью невидимых постороннему взгляду засад, наносили внезапные точечные удары по базам мятежников в ходе дерзких налетов, скрупулезно вели разведку поиском и наблюдением и навели на вскрытого противника средства поражения (артиллерию и авиацию). Спецназ наносил противнику значительный урон не только в вооружении, но и в живой силе. Официальная статистика несколько завышает соотношение потерь спецназа и афганской вооруженной оппозиций, но у командиров разведывательных групп и отрядов была своя арифметика. Ее цифры свидетельствуют, что это соотношение в среднем по Спецназу было 1:12-15. Разведывательно-боевые действия Спецназа существенно ограничивали диверсионно-террористическую деятельность афганских мятежников. В результате специальной операции «Завеса», ставившей целью «заслон караванам террора», спецназ существенно ограничил, а на отдельных на-

правлениях и полностью сорвал, поставки оружия, боеприпасов и снаряжения афганским моджахедам из соседних Пакистана и Ирана.

«Только в 1987 году подразделения спецназа перехватили и уничтожили 332 каравана с оружием и боеприпасами, что не позволило руководству мятежников поставить во внутренние провинции Афганистана более 290 единиц тяжелого оружия (безоткатные орудия, минометы, крупнокалиберные пулеметы. — прим. ред.), 80 ПЗРК, 30 ПУ РС, более 15 тысяч противотанковых и противопехотных мин, 8 миллионов боеприпасов к стрелковому оружию».

***Из приказа НШ ТУРКВО №06 от 29.01.1988 г.
«О ПООЩРЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА
ЧАСТЕЙ СпН ПО ИТОГАМ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В 40 АРМИИ В 1987 ГОДУ»***

В горах, пустынях и «зеленке» Афганистана Спецназу противостояла фактически регулярная армия противника, хорошо контролирующая свой тыл. Афганская вооруженная оппозиция была объединена в несколько десятков фронтов, состоящих к 1988 г. из 1335 боевых отрядов и групп. В распоряжении мятежников находились стрелковое оружие, противотанковые и артиллерийские системы, средства ПВО и инженерные боеприпасы. Военно-техническая помощь поступала антиправительственным силам более чем из двадцати государств: Китай, Египет, Пакистан, Иран, Италия, ЮАР и др., а основную организационную и финансовую помощь оказывали США и Саудовская Аравия. Тогда и сейчас почему-то умалчивается тот факт, что свыше 90 процентов вооружения афганских моджахедов составляло оружие китайского производства советских разработок 40-60-х годов. В Афганистане в нас стреляло даже то оружие, которым наши деды громили фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны — 82-мм минометы, 12,7-мм пулеметы ДШК и 7,62-мм станковые пулеметы Горюнова.

Советский спецназ, как оказалось позже, первым в мире стал на борьбу с международным терроризмом, возвращенным Соединенными Штатами Америки в Афганистане. Советские спецназовцы дали первую трепку «террористу №1» Усаме бен Ладену, в ту пору состоявшему в руководстве ЦРУ США. Причем, для американцев он тогда был не террористом, а «борцом за свободу», «повстанцем», «партизаном»... Последствия порожденного Америкой в Центральной Азии терроризма познали в 2001 году в Нью-Йорке и Вашингтоне сами американцы.

Один из первых боев был дан курируемому Усамой бен Ладеном полку Ассадоллы, базировавшемуся в ущелье Крер провинции Кунар. 29 марта 1986 г. разведотряды 154 и 334 обСпН штурмом овладели укрепленным районом «Карера» и без потерь овладели базами моджахедов «Шахид Абдул Латиф» и «Фатха», а затем в ходе многочасового боя отражали яростные атаки моджахедов из соседнего Пакистана.

В череде боевых задач спецназа были и неудачи, и блестяще проведенные специальные операции.

Особого внимания заслуживают действия спецназа по пресечению поставок в Афганистан американского переносного зенитного ракетного комплекса «Стингер». Во всех четырех эпизодах его захвата советскими войсками в Афганистане фигурирует спецназ: командиры РГСпН майор Сергеев Е. Г., 22 обрСпН (январь 1987 г.), старший лейтенант Похвощев Г.В., 15 обрСпН (июль 1987 г.), старший лейтенант Борозинцев В.В., 15 обрСпН (февраль 1988 г.), лейтенант Лафазан С.В., 15 обрСпН (февраль 1988 г.), перехвативший десятую часть поставленных в Афганистан американских ракет.

Нискавшие славу «охотников за караванами» разведгруппы Героя Советского Союза (посмертно) старшего лейтенанта Олега Онищука, лейтенантов Артура Деревянко, Юрия Коваленко, Сергея Клименко, Сергея Козлова, Василия Саввина, Игоря Веснина, Эльдара Ахметшина, Александра Тутова и др. только в ходе одного боя давали результат, который был под силу пехотному батальону или полку. Среди наиболее результативных командиров разведывательных групп и отрядов, за редким исключением, были примерные служаки. В основной своей массе, спецназовцы довольно неординарные личности с присущей им долей разумного разгильдяйства. Пока в Афганистане велись боевые действия, их удаль и военный талант были востребованы и искупали грехи повседневной службы, но в мирной армейской жизни в хаосе постгорбачевского разрушения страны они стали неудобны «двору» и очень быстро оказались на гражданке.

Судьба их сложилась по-разному, но все они достойны гордого имени офицера спецназа — и живые, и те, кто ушел из этого мира.

К сожалению, за весь послеафганский период мы так и не извлекли необходимых военных уроков из «афганской войны». Войны, в которой мы не понесли военного поражения, но заплатили за ошибки политиков более четырнадцатью тысячами человеческих жизней. В их числе и 875 спецназовцев. Прошло время, изменилась обстановка в мире, и оплаченный кровью боевой опыт оказался забытым, но это не означает невостребованным. Мы живем в беспокойном мире, и интересы безопасности России должны

для всех нас стоять выше пресловутой «энергетической безопасности Запада» и прочих утопических сценариев, в которых нашему с вами Отечеству отводится роль сырьевого придатка...

Афганская война продолжалась с 25 декабря 1979-го до 15 февраля 1989 года, то есть 3341 день. За это время, по официальным данным, погибли 14453 советских военнослужащих, из них 9511 были убиты в бою, 2386 умерли от ран, остальные покончили с собой или умерли от болезней. В среднем советский воинский контингент в Афганистане ежедневно терял по четыре человека...

15 февраля 1989 года Афганская война закончилась. Какими бы ни были ее политические оценки, непреложной остается истина — советский солдат стал достойным продолжателем подвигов своих предков. Участие советских войск в боевых операциях в Афганистане было наиболее длительным и масштабным за пределами своей страны в мирное время. Советским войскам противостоял достаточно организованный противник, сильный и убежденный в своей правоте, имевший широкую зарубежную поддержку, включая финансовую, военную и информационную помощь США, Пакистана и ряда других стран. От советских воинов требовалось большое мужество и готовность в труднейших условиях выполнять поставленные задачи.

Погибшие и живые — все, кто с достоинством и честью выполнял воинский и интернациональный долг в Афганистане, заслужили всенародную память и поддержку! Советский солдат в Афганистане противостоял продвижению сил международного терроризма к границам нашей Отчизны — и в этом состоит его великий подвиг. Последующие всем известные события, связанные с проявлениями терроризма и борьбой с ним, убедительно подтверждают истину: участие наших воинов в Афганской войне было не напрасным...

ИЗ ИСТОРИИ 15 ОБРСПН

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

На основании директив Генштаба № 140104 от 5.02.1962 г. № М/2/68390 от 27.03.1962 г. и №140547 от 19.07.1962 г. в Туркестанском военном округе 1 января 1963 была сформирована 15 отдельная бригада специального назначения. Войсковая часть 64411 с местом постоянной дислокации в г.Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР, на базе которой осуществлялась подготовка специальных кадров для действий в тылу противника. Большая часть офицеров прибыла в бригаду вместе с командиром из состава 105 воздушно-десантной дивизии. Они прошли Великую Отечественную войну и имели богатый опыт воспитания и обучения личного состава.

«Туркестанскую» бригаду возглавил один из опытных командиров Туркестанского военного округа полковник-фронтовик Николай Иванович Луцев. Приказ о назначении состоялся осенью 1962 года. Однако отпустили Луцева с прежней должности командира 369-го полка принимать новую часть и продолжать ее дальнейшее формирование только в первых числах января 1963 года. До прибытия командира бригаду начал формировать заместитель по тылу подполковник В.И.Ходченко. Генерал Н.И. Луцев вспоминал:

«Все офицеры-десантники были в основной массе достойны служить в такой элитной части. Сказалось и то, что все прибыли на должности с повышением. Среди тех, кто закладывал славные традиции бригады, были такие известные в воздушно-десантных войсках люди, как подполковник А.А.Белобрагин (начальник политотдела), подполковник И.А.Коваленко (начальник штаба), майоры И.А.Афанаскин, В.В.Ленский (начальники парашютно-десантной службы), майо-

Командир 15 обрСпН полковник Луцев Николай Иванович, фронтовик, пришел в бригаду с должности командира полка 105 гвардейской воздушно-десантной дивизии

ры Колесник А.А., Колесник В.А., Чупраков Е.И. (командиры отрядов), Маренков Н.П. (командир отряда спецрадиосвязи), майор Лукин М. Г. (начальник оперативного отдела штаба бригады) и другие. Хуже было с личным составом. Оно и понятно, какой командир отдаст лучшего своего солдата. Потому в бригаду сплавляли самых недисциплинированных и слабо обученных солдат и сержантов из частей округа. Командно-политический состав за голову схватился при виде пополнения, но работать с ними принялись круто, «по-десантному», и через год личный состав соответствовал своему боевому предназначению».

Первый комбат подполковник Кочетов Виктор Александрович (в центре) с подчиненными

Основу первого коллектива бригады составил разведывательный батальон майора Кочетова Виктора Александровича, имевший хороший костяк, и прибывший в Чирчик из Самарканда в полном составе как бывший разведбат округа, развернутый за несколько лет до этого на базе роты глубинной разведки, что стояла в Казанджике. Заместителями командира батальона у Кочетова на тот момент были: Мельников Николай — замполит батальона, Воинов Виктор — начальник штаба, Лавдырь Иван — начальник ПДС батальона, Хмелев Николай — начальник тыла. Ротами командовали А.Баглай и Г. Куваев. При развертывании батальона до нового штата в 1960 году в часть поступили выпускники Ташкенского ВОКУ им. Ленина: лейтенанты Б.Зубаков, В.Зверя, В.Куклич, И.Серяков, В.Тюхов, А.Хаджиниязов. Впоследствии они стали широко известными в спецназе и армии руководителями — полковник Воинов В.А. начальником на-

правления специальной разведки РУ САВО; полковник Тюхов В. — командиром бригады в Вильянди; почетный десантник Украины полковник Куклич¹ Владимир Дмитриевич заместителем командующего — начальником тыла 6 гв.танковой армии КВО; полковник Мельников Н.Д. — заместителем командира — начальником тыла 15 обрСпН; полковник Хаджиныязов А.А. — начальником АХУ ТуркВО;

Надежным заместителем командира 15 бригады по политчасти с 1963 по 1971 г.г. являлся начальник политотдела бригады полковник Белобрагин Анатолий Алексеевич. Поскольку в первых книгах по истории бригады были допущены досадные ошибки и неточности в его биографии, авторы извиняются перед родными и близкими, и ветеранами бригады, и после работы с архивами вносят правку в его биографию, которая публикуется ниже.

Белобрагин А.А., чистокровный русак из слободки Ездоцкой Старооскольского район Курской области. Родился в семье сельской интеллигенции: отец работал до революции писарем нотариальной конторы, а при Советской власти бухгалтером. Мать учительствовала в начальной школе. Первоначально по ее стопам пошел и способный к наукам сынок Анатолий.

Почетный десантник Украины Куклич Владимир Дмитриевич родился 25 января 1935 г. в рабочей семье в г.Лохвица Полтавской области. Пережил лихолетье немецкой оккупации. В 1954 г. после окончания школы призван в ВС СССР. Окончил 24 школу механиков-водителей гусеничных тягачей. Два года служил заместителем командира взвода и командиром учебного взвода. Поступил в Полтавское пехотное училище, после его расформирования продолжил обучение в Киевском танко-техническом училище. Последние два курса доучивался в Ташкентском ВОКУ им. Ленина. Лейтенантом продолжил службу командиром взвода и командиром учебного взвода по подготовке командиров РДГР для УрВо, ЗакВО, СаВо, ТуркВО в отдельном отряде Спецназ ТуркВО. В 1963 году принял должность начальника ПДС 15 обрСпН. Совершил более 600 прыжков с парашютом. В 1966г. поступил в Военную

академию тыла и транспорта. Завершив обучение, принял должность начальника оперативно-планового отделения 48гв.ТД (КВО). Через год назначен начальником тыла 300 гв.учебно-го ТП. Вскоре принимает должность заместителя командира 48 гв. ТД по тылу. Звание «подполковник» присвоено досрочно. Утвержден кандидатом для поступления в академию Генштаба. Назначен начальником штаба тыла 1-й общевойсковой армии (г.Чернигов). Направляется на два года в качестве советника в Алжир. За проявленное мужество и героизм в ходе выполнения интернационального долга награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3ст. После возвращения в Союз назначен на генеральскую должность заместителем командующего 6-й гв. Танковой армии по тылу. В 1988 г. уволен в запас по болезни. Живет в г.Днепропетровске. С женой Ниной Ильиничной воспитали дочь Елену и двух внуков.

Окончил педучилище и до призыва в РККА преподавал в средней школе. В канун ноябрьских праздников 1940 года был призван на военную службу и направлен курсантом полковой школы танковых войск Особого Киевского военного округа в Новоград-Волынский Житомирской области. Войну начал 22 июня 1941 года командиром отделения 58 танкового полка 131 стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта. В кровопролитных боях на Западном фронте и под Сталинградом последовательно прошёл должности помощника командира взвода, замполитрука танковой роты, командира танка. За неделю до начала Курской битвы получил офицерское звание младшего лейтенанта и вступил в члены ВКП(б) и стал командиром орудия в составе экипажа новых танков Т-34. За мужество и героизм в ходе танковых сражений Воронежского и Донского фронтов в сентябре 1943 г. был награжден медалью «За отвагу».

Заместитель командира 15 обрСпН — начальник политотдела полковник Белобрагин Алексей Анатольевич, фронтовик, по праву считается ветераном Воздушно-десантных войск.

В июле 1944 г. награжден орденом Красной Звезды. Освобождал захваченные советские территории и Европу в составе 3 Белорусского фронта. 9 февраля 1945 г. в ходе штурма Кенигсберга награжден вторым орденом. Выдвинут комсоргом, а позднее партгором 101 отдельного разведывательного батальона. После окончания войны часть передислоцировали в Каунас, а старшего лейтенанта Белобрагина откомандировали на учебу в Смоленское военно-политическое училище, после которого получил назначение пропагандистом 108 отдельного парашютно-десантного полка в составе 7 ВДД. В 28 лет совершил первый прыжок с парашютом. В 1951 году стал капитаном, слушателем ВПА им. Ленина. В 1956 году выполнял интернациональный долг в охваченной бунтом Венгрии, за что награжден третьим орденом Красной Звезды. Стал замполитом 111 гвардейского парашютно-десантного полка в г.Тейково Ивановской области. Вскоре полк оказался переданным в состав 105 гв. воздушно-десантной Венской Краснознаменной дивизии. Которую в 1960 году передислоцировали в Туркестан. 111 пдп разместили в Киргизии (г.Ош). В 1962 году, с должности секретаря парткомиссии политотдела дивизии (г.Фергана) подполковник

Белобрагин отобран для службы в войсках спецназначения ГРУ и назначен заместителем командира — начальником политотдела 15 обрСпН. С женой Людмилой Александровной Малыгиной вырастил трех сыновей — Алексея, Александра и Бориса.

В основу воспитательной работы с личным составом бригады полковник Белобрагин положил проверенные формы и методы ВДВ, среди которых главным был личный пример. Сын Белобрагина Алексей рассказывал, как отец для психологической закалки первокурсников и пресечения возможных отказов к первым показательным прыжкам перед солдатами привлекал малолетних детей офицеров Евгения Ходченко, Алика Арлащенко, Алексея Белобрагина и др. И это давало высокие результаты, однако впоследствии руководители военной разведки округа потребовали прекратить подобные эксперименты в соединении.

В последующем в соответствии с директивой Генерального штаба №ОРГ/7/110125 от 25.07.1964 г. бригада была реорганизована и значительно усилена. Бригада являлась не только передовым соединением в округе, но и лучшей по дисциплине и внутреннему порядку в Чирчикском гарнизоне, где на тот период дислоцировалось 22 воинских части, в том числе Ташкентское высшее танковое командное училище, парашютно-десантный и артиллерийский полки 105 Ферганской воздушно-десантной дивизии, два авиаполка, полк гражданской обороны. Штаты мирного времени созданной бригады предусматривали минимум личного состава, поэтому каждый солдат и сержант был на учете. Главными силами был приписной состав, который регулярно проходил сборы при бригаде. Это были сформировавшиеся взрослые и степенные мужчины, как правило, уже семейные. Имея за плечами десантный опыт, «партизаны», как мы их называли, без особых проблем организовано выполняли программы боевой подготовки: прыгали с парашютом, стреляли, подрывали, успешно завершали тактико-специальные учения. Поскольку все они были с рабочими специальностями, то хорошо помогали на строительстве основных объектов нашей части и стрельбища.

Первое время бригада размещалась на территории трех военных городков: полка гражданской обороны, заброшенного военного городка напротив, городка школы военных поваров. Усилиями офицеров, а также трудолюбием личного состава к полувековому юбилею Великой Октябрьской социалистической революции (1967 г.) все подразделения сосредоточились в одном городке, отдельно базировался только медпункт части. За короткое время были построены все казармы, столовая, штаб, боксы под технику, парашютно-десантный городок, плавательный бассейн и заасфальтированы все дороги. За аэродромом на полигоне ТВОКУ была выделена

Лейтенант Тюхов Владилен Николаевич начинал командиром группы спецназ в 15 обрСпН, а закончил полковником командиром 4 обрСпн в Вильянди. (Фото 1960 г.)

По инициативе ЦК ВЛКСМ, поддержанной Министерством обороны, была проведена массовая учебно-спортивная Альпиниада, в которой участвовали и самые подготовленные военнослужащие из военных округов. Учитывая специфические условия дислокации бригады спецназа, ей была определена задача выступить лидером этого движения в Туркестанском военном округе. С чем она блестяще справилась. Роты спецназ отрабатывали учебные задачи по ведению разведки в горах, захвату и удержанию горных перевалов и господствующих высот, разведке и перекрытию маршрутов движения подразделений вероятного противника. В ходе занятий разведчики учились специфике стрельбы в горах — снизу вверх и сверху вниз. Одновременно отрабатывались вопросы выживания в условиях высокогорья и подготовки баз ночевки и отдыха личного состава. За летний период 1967 года командованию бригады удалось подготовить весь личный состав в отрядах спецназа и спецоружия для сдачи нормативов «Альпинист СССР». Занятия по горной подготовке завершались одно-двухдневным восхождением на горные вершины. Первое награждение этими Почетными знаками «Альпинист СССР» состоялось в День военной разведки 5 ноября 1967 года.

территория для оборудования стрельбища бригады. Большую работу по вводу в строй мишенной обстановки и электронного оборудования стрельбища проделал сверхсрочник Смоляков А.И. с группой работающих военнослужащих.

Благодаря инициативе командира бригады разведчики стали заниматься горной подготовкой. Позднее ее ввели в «Программу обучения разведывательных подразделений» как обязательный предмет. Особенностью тактико-специальных учений того учебного периода являлась тенденция размещения объектов учений в труднодоступной горной местности хребта Чимгана, где был развернут Центр горной подготовки бригады. В этот период альпинизм получил в СССР большую популярность после вступления нашей страны в Международный союз альпинистских ассоциаций. За короткое время тогда было развернуто около 20 альплагерей на Кавказе и в горах Тянь-Шаня.

Вновь созданное соединение находилось под постоянным вниманием военного руководства округа и Москвы. Основными дисциплинами боевой подготовки разведчиков являлись огневая, тактико-специальная, минно-подрывная, радио и воздушно-десантная подготовка. Штатный личный состав подразделений мужал на тактических учениях и маневрах. Занимаясь реальной разведывательной и диверсионной деятельностью в тылах «противника», он наводил страх на штабы частей и соединений, а также военную контрразведку, привыкших до этого работать в комфортных условиях...

Н.И. Луцев рассказывал: «Разведчики пробирались пешим порядком, на ишаках, на верблюдах, в штатской одежде в районы расположения частей и штабов, и добывали необходимые данные. А иногда прямо в штабах «добывали» документы, в том числе, бывало, и карты с нанесенной обстановкой. Иногда командование округа благодарило меня за действия личного состава на учениях, а часто бывало и ругало, когда в штабах началась настоящая паника по поводу пропажи важных документов, что нарушало планы учений. На разборах прошедших учений от командиров дивизий и полков я часто слышал в свой адрес оскорбления, что я «разбойник», «бандит», «хулиган» и более крепкие выражения. Однако я был доволен действиями своих подчиненных».

Первые годы личный состав бригады прыжки с парашютом совершал на базе 105-й воздушно-десантной дивизии в Фергане. Вместе с бригадой прыгали разведчики отдельного разведбата ТуркВО и отдельной разведроты СибВО.

По мере организационного укрепления ВДВ и улучшением материальной базы в Чирчике распоряжением командующего ВДВ генерала армии В.Ф. Маргелова прыжки с парашютом стали проводить непосредственно на чирчикском полигоне Багиш. С этой целью в распоряжение комбрига полковника Луцева на двухмесячные сборы по воздушно-десантной подготовке на аэродром Чирчика откомандировывались самолеты военно-транспортной авиации типа АН-2, АН-8 и АН-12 из Ферганы.

Особую гордость у первого комбрига вызывал тот факт, что за первые пять лет его командования в бригаде не было парашютных катастроф. Через многие годы Николай Иванович говорил об этом так: «За мое командование бригадой ни один человек не погиб. Этим я до сих пор горжусь». За этим фактом, действительно, просматривалась высокая профессиональная подготовка офицеров и жесткая исполнительская дисциплина, бытовавшая во всех подразделениях соединения.

О первом комбриге Луцеве ходили слухи, что был он человеком резким и в глаза начальству не заглядывал. И это бригаде и делу не вредило.

Первые прыжки с парашютом из самолетов Ли-2. Командир группы старший лейтенант Куклич В.Д. проверяет парашют подчиненного. Чирчик, фото 1963 г.

на 22 обрСпН, на пополнение которой были откомандированы лучшие офицеры и прапорщики 15 бригады, которую передали в штат САВО, а 15 обрСпН перешла в состав войск ТуркВО. Учитывая важность языковой подготовки разведчиков, с летнего периода 1970 учебного года в бригаде приступили к изучению иностранных языков в строгом соответствии с оперативным предназначением.

С первых дней своего существования 15 отдельная бригада специального назначения, помимо напряженной боевой подготовки, принимала участие в событиях, связанных с чрезвычайными обстоятельствами тектонического или эпидемиологического характера, нарушающими спокойную жизнь граждан нашей страны. В то время о подобных событиях знали совсем немногие...

Кавалер пяти боевых орденов полковник Н.И.Луцев, сформировав соединение и «поставив его на крыло», после отличной сдачи проверки по боевой и политической подготовке в конце 1967 г. ушел на высшую должность в Москву и стал генерал-майором. Одной из особенностей 15 обрСпН в период с 1969 по 1976 г. г. было то, что, входя в состав САВО, она дислоцировалась на территории ТуркВО. Это стало возможным потому, что, будучи сформированной 1 января 1963 года в Чирчике, при разделе в 1969 году Туркестанского военного округа на САВО и ТуркВО, бригаду подчинили САВО как округу первого разряда, в состав которого обязательно должно входить соединение специального назначения. В силу вышеназванных физико-географических условий Чирчика, а также, видимо, по материальным соображениям место дислокации бригады менять не стали, поэтому она подчинялась Алма-Ате, а находилась недалеко от Ташкента, где дислоцировался штаб ТуркВО.

Однако 24 июля 1976 года в г.Капчагай под Алма-Атой была сформирована

За первые 16 лет своей истории 15 обрСпН за мужество и проявленный героизм при выполнении специальных заданий командования, а также за отличие на войсковых учениях была награждена Вымпелом МО СССР (1973г.) и пятью Почетными Красными Знаменами!

Были предприняты исключительные меры по выявлению, изоляции и лечению больных. Общая статистика потерь до сих пор неизвестна. Начальником объявленного карантина был назначен генерал-майор Нархаджаев. Для проведения карантинных мероприятий были привлечены несколько батальонов из состава 15 обрСпН и 105 воздушно-десантной дивизий, которые выбросили в пустыню для перекрытия основных караванных путей, идущих к месту эпидемии. Оперативная группа располагалась в Нукусе.

В наши дни ученые говорят об экологической катастрофе Аральского моря, а в те годы развитого социализма, к сожалению, это тоже был забытый богом угол, где все способствовало распространению инфекции, т.к. там не было достаточного количества квалифицированных медучреждений, служб, врачей, медсестер. Уровень санитарного просвещения не соответствовал своему времени. Слабо была развита инфраструктура: радио, телевидение, не было и элементарного кинообслуживания.

Оперативная группа имела в своем распоряжении 9 полноценных батальонов войск. Основная часть из которых, как десантники, несла карантинную службу по внешнему периметру, остальные охраняли промежуточные зоны карантина. В первые дни наведения порядка были выявлены большие недостатки в пропускной системе. Для ужесточения карантинного режима были признаны недействительными 18 тысяч пропусков из выдан-

Прологом такого рода экстремальной деятельности бригады стала первая эпидемия холеры в Каракалпакии в конце лета 1965 года. По слухам, эту болезнь занесли с территории Ирана. Около 50 суток силами санитарно-эпидемиологических подразделений МО СССР, медиками велась борьба с холерой. Как известно, это страшное заболевание с 1925 года в стране было полностью и повсеместно ликвидировано, но ее распространение из эндемических очагов других стран, главным образом из Азии, имело место.

ных двадцати тысяч. Жестко, вплоть до применения оружия, пресекался самовольный проезд.

Осуществляя карантинную службу в песках Таскудык пустыни Кызылкума и занимая высоты возвышенности Тяримкуя, гору Кум (высота 113 м.), гору Тюмекдаг (высота 152 м.) Центральных Каракумов, десантники использовали возможности всей своей техники и в оптические приборы просматривали местность до солончаков Гекленкуи и Сарыкамьшского соленого озера. В ночное время вели наблюдение с использованием приборов ночного видения, высылали на возможные маршруты движения караванов свои мобильные посты охраны и засады. В некоторых районах прочесывали местность. Такие активные действия «по-десантному» давали хорошие результаты, за весь период карантина было изловлено несколько десятков автомобилей и караванов в сотни голов вьючных животных. Десятки нарушителей предстали перед судом».

По сути дела, шла настоящая война с перестрелками, рукопашными схватками и погонями, но не это главное, ведь основная борьба за жизни людей велась в эпицентре событий. Для квалифицированного лечения в зоне карантина были развернуты специализированные эпидемиологические военные госпитали Ленинградского, Московского, Приволжского, Туркестанского военных округов.

Госпиталь был обнесен по периметру красными флажками. По углам стояли часовые, вооруженные автоматом с 60 патронами, с жестким приказом стрелять на поражение при попытках посторонних проникнуть внутрь госпиталя. У входа, возле шлагбаума, тоже находился вооруженный пост. Внутри этой зоны за белыми флажками размещалась собственно холерная зона... Госпиталю на постоянной основе придавалось 120 военнослужащих, из которых около 40 несли караульную службу, а 80 работали с младшим медперсоналом по обслуживанию больных.

В систему охраны госпиталя входило 5 постов, объединенных в один полевой караул. Хотелось бы подчеркнуть, что в холерной зоне работали только медики и солдаты, включенные в состав медперсонала. Посторонние к больным не допускались. Да туда никто и не рвался...

Условия карантина были очень тяжелыми, ведь стояла жара + 45 — 50 градусов в тени. И в эту жару военнослужащих, идущих в холерную зону, одевали в специальный комплект: колпак резиновый, резиновые рубашки и шаровары, сапоги резиновые, марлевые повязки на лицо, резиновый фартук и резиновые перчатки. В очаге заболевания в порядке текущей дезинфекции проводилось тщательное обеззараживание хлорной известью испражнений и рвотных масс. Запах стоял тошнотворный!

Военнослужащие ходили в эту зону всего на один час, так как больше

просто физически человек не выдерживал. Им на смену шли другие. Люди истекали потом. По возвращению из зоны военнослужащие из каждого сапога выливали по 200 — 300 граммов пота... Поэтому в весе теряли десятки килограммов.

Кроме того, при госпитале был организован обсерватор на 100 чел. В нем в течение 21 дня отсиживались военнослужащие, поступавшие из районов, где находили холерных больных.

Для соблюдения режима секретности на период эпидемии все участники были полностью отрезаны от внешнего мира. Почта, телефон, телеграф — все было остановлено... Не принимали к отправке и почтовую корреспонденцию из очага заболевания. Связь осуществлялась только по ВЧ из здания горкома партии. Докладывали дважды в сутки в ЦК КПСС, ЦК Узбекистана, командующему войсками ТуркВо и члену военного совета — начальнику политуправления округа.

Обстановка в районе была тяжелейшая: вечная пыль от лёса, дикая 50-градусная жара, а по вечерам, чуть стемнеет, одолевали комары, москиты, каракурты, фаланги, скорпионы и змеи. Особенно досаждали москиты, после укуса которых возникали большие коричневые пятна в зонах поражения.

Командованием очень сурово карались нарушители воинской дисциплины и крохоборы, допускавшие сбор дани с местных жителей. К осени эпидемию победили полностью. При подведении итогов было отмечено, что наиболее квалифицированно работали военные врачи. В военных госпиталях погибших не было, а вот в больницах, расположенных в кишлаках и городе, как говорили, умерло около девяноста человек. Люди там погибали как мухи, так как в гражданских медучреждениях квалификация медперсонала и уход были недостаточными...

Всем участникам той героической эпопеи выдали специальные удостоверения и грамоты.

Был итоговый приказ о поощрении. Отличившимся воинам вручали грамоты от республиканского руководства и от командования округа. Шесть офицеров были награждены орденами (две Красной Звезды и четыре Знака Почета), 25 военнослужащих, в основном солдаты и сержанты, были награждены медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть». Офицеров, работавших непосредственно в зоне, заменяли через каждые три месяца. К дню военной разведки воинский эшелон прибыл в Ташкент, а личный состав 15 бригады, задействованный на эпидемии, вернулся в родную часть.

Прошли годы, и новая напасть — землетрясение в Ташкенте в апреле 1966 г. Через 4 года — эпидемия холеры в Астраханской области. И везде

первые воины — спецназовцы 15 бригады... Осенью 1971 года в Аральске были отмечены больные с симптомами черной оспы. При ней на теле и лицах заболевших высыпала характерная узелково-пызырчатая сыпь. Оспины пропитывались кровью и принимали темно-синюю окраску. Медики первоначально не среагировали на массовое внезапное повышение температуры тела у населения г.Аральска, подумали — лихорадка, а только когда на теле больных появились узелки, через 4-5 дней превратившиеся в гнойники, буквально залепившие лица, забили тревогу. Оспа!

Немедленно было оповещено Министерство здравоохранения СССР, а оно обратилось к военному ведомству. Министр обороны отдал приказ командующему войсками ТуркВо генералу армии Н. Г.Лященко организовать жесткий карантин в очаге заболевания и изолировать всех больных.

На тот период самой организованной и мобильной частью в округе, которым он командовал, по праву считалась 15-я отдельная бригада спецназначения, тем более что ее командный состав уже имел опыт подобной специфической работы в нескольких очагах эпидемии холеры и разрушительного землетрясения в апреле 1966 года. Хорошая выучка и высокие морально-психологические качества разведчиков-спецназовцев наиболее выгодно раскрывались именно в таких экстремальных ситуациях и условиях.

Начальник штаба бригады подполковник В.В. Колесник огласил личному составу приказ командующего войсками округа о формировании подразделений для выполнения задачи, связанной с карантинными мероприятиями в г. Аральске.

Через несколько часов полета с Чирчикского аэродрома завершилось десантирование убывшего личного состава 15 обрСпН, которое проводилось посадочным способом на полевом аэродроме в пригороде Аральска. Непосредственно у трапа самолета воинов встретило руководство республики и города, на состоявшемся экстренном совещании были поставлены задачи по конкретному выполнению карантинных мероприятий.

Город оцепили по внешней стороне от моря до моря, посты располагались на прямую видимость, кроме того, были созданы зоны безопасности. Связано это было с тем, что именно в городе возник очаг черной оспы. Основная задача подразделений отряда состояла в строгой изоляции эпицентра эпидемии.

Благодаря командованию воинской части, которая дислоцировалась непосредственно в г. Аральске, в полевом городке отряда были созданы все условия для жизни и безусловного выполнения приказа. Неусыпная караульная служба велась круглосуточно, на всех маршрутах движения автотранспорта при въезде и выезде были развернуты полевые контрольно-

пропускные пункты. Железнодорожные поезда проходили транзитом без остановок в г. Аральске и только на полустанках далеко за городом высаживали прибывших пассажиров, и здесь же проводилась посадка отъезжающих.

Вот что вспоминал командир 2 оСПН майор Борис Нехимчук: «Мы прекрасно понимали, что из «очага заражения черной оспой» нельзя выпустить никого, кто бы мог быть разносчиком этой болезни, поэтому карантинная служба была поставлена очень жестко, как на войне».

Бытует такое выражение: «у страха глаза велики». Воины отряда столкнулись здесь с реальными проявлениями неуправляемого поведения больших масс населения. После известия о якобы увеличивающемся количестве летальных исходов о том, в какой сложнейшей ситуации находятся люди в очаге заражения, со стороны отдельных граждан возникла стихийная паника и попытки выйти из кольца блокады.

Вот здесь и сыграл свою роль человеческий фактор. Личный состав отряда не поддавался на уговоры, на подкуп, на просьбы любого характера и стоял как гранит. За весь период карантинных мероприятий в зоне ответственности отряда ни одного случая выхода из очага эпидемии отмечено не было.

Проводилась большая разъяснительная работа, что способствовало выполнению задачи карантинной службы без осложнений. Весь личный состав отряда проявил высокие моральные качества, оказывал разностороннюю помощь населению и друг другу. Командирами строго пресекался прямой контакт населения из зоны заболевания с солдатами, находящимися в оцеплении.

Все это дало положительные результаты: за период карантина никто из личного состава не заболел, так что медики нашего батальона, к счастью, остались «безработными». Конечно, это мягко сказано, работа ими проводилась огромная. Особенно четко действовал начальник медслужбы бригады старший лейтенант медслужбы Матцаков. Он и его коллеги (врачи, фельдшеры, медсестры и санинструкторы) сутками выполняли карантинные мероприятия и, порой просто валились с ног, так как не имели времени на полноценный отдых.

Пустынно-степная местность вокруг г. Аральска, проживание в палатках и несение круглосуточной службы на постах при высокой температуре днем и минусовой ночью, соленых ветрах с моря требовали от личного состава выносливости и мужества. Не все и не сразу приспособились к такому режиму несения службы, однако надо отдать должное офицерам и личному составу, что за весь период карантина на батальон не было ника-

ких нареканий. Оружие на поражение не применялось, по нарушителям не было сделано ни единого выстрела, кроме нескольких предупредительных, отпугивающих выстрелов в воздух.

Общими усилиями очаг был ликвидирован. А по итогам карантинных мероприятий за добросовестное выполнение поставленной задачи и инициативу высокую оценку всему личному составу отряда дало руководство города, многие военнослужащие были награждены ценными подарками и грамотами. Уже в Чирчике приказом командующего войсками САВО № 0146 от 6 ноября 1971 года личному составу батальона были вручены почетные грамоты. Среди награжденных оказались майоры Нехимчук, Лысак, Кондратович, старшие лейтенанты В.А.Манченко, А.Неделько, А. Шамсутдинов, Х.Холбаев, В.Крутских, лейтенанты А.Зуев, Никитин, Чайка, сержант Агиевич, ефрейтор Кула и многие другие...

Второй командир бригады, полковник Мосолов Роберт Павлович, прибывший на должность в январе 1968 года, был всеобщим любимцем. Все, кто его знал, относились к нему как к незаурядному явлению. Внешним видом он напоминал известного киногероя Бывалого. Крепкая фигура, лысая голова, усы «мушкой». Всегда сдержан, умен и ироничен. Позднее отмечалось в альбоме, посвященном 50-летию создания соединений и частей Спецназа ГРУ: «Мосолов — человек-легенда XX века»: «При его имени светлели глаза, в летучих характеристиках мелькали слова: «личность», «умница», «юморист», «резок, но справедлив» и т.д. Он обладал особым талантом воспитателя. Многие лейтенанты, отобранные им и начинавшие военную службу в бригаде при нем, впоследствии стали командирами и начальниками политарганов частей и соединений ГРУ».

По нашим юношеским понятиям, сорокадевятилетний фронтовик полковник Р.П. Мосолов был уже пожилым человеком. Его судьба мало отличалась от судеб его ровесников. Родился 16 мая 1923 года в семье желез-

Командир 15 обрСпН полковник Мосолов Роберт Павлович, заслуженный человек, фронтовик и разведчик, являлся любимцем солдат и офицеров. Его с уважением звали — Батя

нодорожника в г. Чите. Закончил десять классов и с учебной скамьи средней школы г. Шацка Рязанской области был призван в Красную Армию. С сентября 1941 по август 1942 года принимал участие в боях, был заместителем политрука эскадрона первого кавалерийского полка седьмой кавалерийской дивизии. В одном из боев был тяжело ранен. После долго лечения и полного выздоровления стал курсантом Новочеркасского кавалерийского училища, а затем, после его окончания, командиром взвода конной разведки отдельного разведывательного эскадрона шестого гвардейского кавалерийского корпуса в действующей армии. После одного драматического боевого выхода, о котором речь пойдет ниже, был переведен командиром противотанкового взвода (ПТР) в 6 отдельный истребительно-противотанковый дивизион. Второй раз перенес тяжелое ранение. После окончания войны командовал стрелковой ротой 36-го гвардейского механизированного полка 10-й гвардейской дивизии во Львовском военном округе. С марта 1946 года назначается командиром учебной роты полковой школы. В 1948 году, как оказалось, навсегда возвращается в военную

Начальник разведки Сухонутных войск ВС СССР генерал-лейтенант Гредасов Федор Иванович стоял у истоков формирования 15 обрСпН в САВО. Под его доброжелательным контролем она выполняла боевые задачи всю Афганскую войну

разведку и вскоре становится лучшим командиром разведывательной роты дивизии. За войну отважный офицер был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. А всего за многолетнюю военную службу имел «иконостас» из пяти орденов и одной медали «За боевые заслуги».

Как вспоминал о нем начальник разведки округа генерал-майор Гредасов: «Командир был на месте, с чувством высокой ответственности, постоянно болеющий за благосостояние части и имел высокий авторитет среди личного состава, и в первую очередь среди офицеров». Комбриг был физически крепким человеком. Ежедневно в течение часа тренировался с ганте-

лями и гириями, плавал в бассейне части. Учил подчиненных парашютно-десантному делу, делился собственным опытом и премудростями науки следопыта. Часто от него мы слышали: «Это тебе на войне не надо! А вот это, сынок, будет главным в работе разведчика».

Каждое служебное совещание комбриг умело использовал для обучения и воспитания офицеров, опираясь на факты из собственной жизни. Достойным его заместителем по политчасти оказался начальник политотдела полковник Руденко Валентин Григорьевич, внесший свой вклад в развитие части.

В 1972 году в Вооруженных Силах СССР был учрежден специальный знак Вымпел Министра обороны «За мужество и воинскую доблесть» для награждения соединений и частей, отличившихся при выполнении заданий Советского правительства, а также на учениях.

15 бригада одна из первых в округе в декабре 1973 года была удостоена чести быть им награжденным. Немалую роль в этой высокой оценке личного состава соединения, отличившегося многочисленных учениях, сыграло и мужество воинов 2 отряда СпН, проявленное в период опасной карантинной службы в эпицентре эпидемии оспы в городе Аральске Казахской ССР.

Заместитель командира 15 обр СпН-начальник политотдела полковник Руденко Валентин Григорьевич (в центре) с офицерами — политработниками. Слева направо: Петрачев А.Н., Зуев А.С., Артемов Ю.А., Кондратович Д.В.(замначпо), Шувалов В.В., сидят: Велюк В., Кривопапов О.В. и Волобуев А.И.. Фото 1974 г.

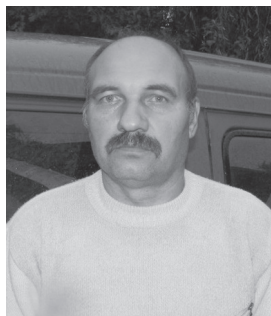
ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

ПАМЯТЬ О СЛУЖБЕ

ВОСПОМИНАНИЯ старшего радиотелеграфиста 1 роты связи 1 батальона 15 обрСпН ефрейтора Николая ОЛЕЙНИКА ¹

Самолёт ИЛ-18 рейсом Киев — Ташкент совершил посадку в аэропорту города Ташкента во второй половине дня 13 мая 1974 г. Для меня, Николая Олейника, всё было впервые: и перелёт на самолёте, и среднеазиатская жара, и узбеки, коих за 18 лет деревенской жизни в Центральной Украине я ни разу не видел. И даже автомашины ГАЗ-66, на которых нас, 22 человека молодого пополнения из Винницкой области, везли к месту службы, я видел первый раз. Жара так просто была убийственной с непривычки. Сначала я подумал, что это пышет жаром от самолётного двигателя, но уже через пару минут подумал, что надо было проситься на Северный Флот. Немного успокоил нас лейтенант Пивовар, который нас сопровождал. Он заверил, что через короткое время мы привыкнем и к жаре, и к пище, и к службе.

Разместили нас в расположении 1 и 2 роты первого отряда. Выход из казармы у нас был отдельный, в сторону аллеи, соединявшей центральную аллею и плац. Командиром роты карантина был капитан Фазилев. Сержанты присматривались к нам, и каждый старался отобрать себе более

¹ Олейник Николай Андреевич родился 17 декабря 1955 г в с.Юрковцы,Немировского района,Винницкой обл. в семье колхозников.С 1963 по 1973 г.г. учёба в сельской средней школе.В 1974 закончил курсы механизаторов.С мая 1974 г.по май 1976 г. Служил срочную службу в 15 обрСпН. С сентября 1976 по октябрь 1982г.г. работал в Черноморском морском пароходстве в должности матроса-моториста на судах дальнего плавания. В 1982 г.перевёлся в Мурманский траловый флот Министерства рыбного хозяйства, где проработал по июнь 1992 г. на должностях матроса,моториста и боцмана,на больших рыболовных траулерах. В 1992 г. списался на берег с пропиской на ПМЖ в пгт.Брацлав, Немировского р-на, Винницкой обл., где и проживает. Работает шофёром в школе-интернате.Женат, воспитывает сына.

рослых и крепких физически. От роты связи в карантине отбором кандидатов занимался сержант Василий Елфимов, родом из Фрунзе. Не знаю, чем я ему приглянулся, но как-то вечером он предложил мне пропеть мелодию, которую он проиграл на баяне. Проиграл — громко сказано, там был просто набор звуков на одной ноте. Для меня это не было сложным делом, потому что до армии я немного занимался музыкой и играл на аккордеоне. Так я стал первым кандидатом в первую роту связи.

В начале июня нас распределили по ротам, мы познакомились с сослуживцами старших периодов службы, получили оружие, приняли присягу и начали втягиваться в настоящую армейскую службу. Кроме меня в роту попали Валентин Устинов из Подмосковья, Анатолий Бондаренко, москвич, Александр Небылица, Александр Ломанов и Сергей Коленков, все трое из Душанбе. Был с нами ещё один призывник из Душанбе, Геннадий Боровченко. Прослужив меньше месяца, он самовольно покинул расположение части. Правда, вернулся сам через трое суток, и его, по слухам, перевели в другую часть, по крайней мере, его мы уже больше не видели. Осенью, тоже нашего призыва, к нам прибыл из учебного подразделения сержант Сергей Гуляев, родом из Чимкента. Командиром нашей роты был капитан Ковренко, командиром первого взвода лейтенант Иванов, второго взвода лейтенант Руденко, старшиной роты прапорщик Кадыров. Я был распределён в 1 взвод лейтенанта Иванова, в первое отделение сержанта Тишакова Владимира из Рязани. Когда нас первый раз привели в радиокласс и сказали, что через два месяца мы тоже будем работать на ключе и принимать на слух азбуку Морзе. Я не поверил и даже засомневался, что всю эту науку вообще можно осилить. Вскоре нашу 1 роту связи переименовали в 4 роту, ротного, капитана Ковренко, перевели на новое место службы, а командиром роты был назначен лейтенант Руденко, под командованием которого я и прослужил два года.

Большая часть учебного времени отводилась на радиоподготовку, потому что осенью нас ждала осенняя проверка со сдачей на классность. Для молодого пополнения это был очень важный экзамен, потому что низкая оценка по радиоподготовке открывала прямой путь в разведроту, перспектива службы в которой радовала не всех.

Занятия прерывались лишь для совершения прыжков с парашютом. В большинстве случаев на прыжки мы выезжали ранним утром, чтобы к вечеру успеть уложить парашюты для следующего прыжка. В полдень 20 июля 1974 года во время совершения прыжков с парашютом из АН-12 произошло серьёзное ЧП — разбился лейтенант Пивовар Михаил Иванович, который сопровождал нас в Чирчик из Украины. Светлая ему память!

Много времени выделялось на занятия по физической и огневой под-

готовке. После ночных стрельб мы боролись со сном, особенно если это совпадало с занятиями по политической подготовке.

Особенно усиленно изучали правила радиообмена и материальную часть. В то время на вооружении у нас были радиостанции Р-350, Р-350М и Р-354. Была у нас и одна радиостанция Р-353, которую использовали при проведении учебно-тренировочных сеансов радиосвязи на дальнее расстояние. Радиостанция Р-350 была оборудована съёмными блоками, и на первых порах при перестройке частот мы путались и терялись, порой выдёргивая не те блоки. Неудобства создавали и громоздкие батареи питания, которые занимали много места уже и в без того перегруженном рюкзаке десантника. Из вышеупомянутых радиостанций наиболее удобной была Р-354. Относительно лёгкая, с небольшими ёмкими батареями СЦМ, удобным накопителем и электронным датчиком кода Морзе. С вмонтированным в неё датчиком БД, удобной настройкой и подсветкой. Наличие в комплекте двух телескопических мачт обеспечивало быстрое развёртывание радиостанции. Справедливости ради хочу отметить, что накопители текста на перфоленту были удобнее на Р-350М, информацию на перфоленту на них мы набивали быстрее. На многосуточные учения или радиотренировки мы брали с собой переносные «печки», зарядные устройства с ручным приводом Э-348, весом, примерно 3 кг. Зарядное устройство предназначалось для подзарядки подсевших аккумуляторных батарей. Для обеспечения работоспособности разряженной батареи требовалось примерно минут 20 интенсивно и равномерно вращать рукоятку ЗУ. В полевых условиях в зимнее время желающих подзарядить аккумуляторы было много, потому уже через пять минут работы от «заряжающего» пар валил столбом, а пот лил градом, несмотря на минусовую температуру. На радиотренировки и выходы в поле в составе разведгрупп нас, молодых, ставили с опытными радиотелеграфистами, отслужившими год и более. Свой первый самостоятельный сеанс связи на радиостанции Р-354 я провёл, находясь «стажёром» у сержанта Сергея Садовниченко. Он внимательно наблюдал за моими действиями, не вмешиваясь в работу. И хотя руки у меня дрожали от волнения, сеанс я провёл на 5 баллов. Поразила отличная слышимость, хотя мы и работали на большое расстояние. Осталось подтвердить свои знания на осенней проверке и получить квалификацию специалиста третьего класса.

Все немного волновались, особенно перед проверкой на приём-передачу. Думаю, волновались и наши командиры, потому что комиссия в лице капитана Букина Н.И. была из округа, и никому не хотелось упасть лицом в грязь. Ротный, лейтенант Руденко постоянно успокаивал нас и напоминал, что карандаш должен быть заточен с двух концов. Я, вероятно от большой уверенности в себе, заточил карандаш только с одного конца, чем

и поплатился, потому что карандаш сломался как раз в середине текста. Лейтенант Руденко, нарушая правила, быстро подсунул мне другой карандаш, но группа из текста была безнадежно пропущена. При этом допускался пропуск не более двух знаков. Предо мной реально замаячила разведроты и разговор с сослуживцами старшего призыва. Меня опять выручил лейтенант Руденко, договорившись с проверяющим. И меня допустили к передаче приёма на слух, но уже со скоростью по нормативу 2 класса, т.е. 18 групп/мин. против 16. Мне даже разрешили сделать на одну ошибку больше. Терять мне было нечего, и, несмотря на перспективу получить «почётное» звание разведчика, я всё же остался в рядах армейской интеллигенции. Более того, текст я принял без единой ошибки. В своей поддержке я очень благодарен своему командиру роты, лейтенанту Руденко, который поддержал меня, пожалуй, в самую трудную и ответственную для меня минуту в моей службе. Более того, уже через год службы лейтенант Руденко доверил мне обеспечивать связь в группе прапорщика Коротенко на соревнованиях разведгрупп ГРУ в городе Пскове. И своего командира я не подвёл.

После осенней проверки мы проводили домой в Алма-Ату уволенных в запас товарищей. Хочу вспомнить добрым словом сержанта Садовниченко Сергея, Островского Сергея, Королькова Владимира, Засорина Евгения, Карякина Геннадия. Они нам помогали стать настоящими солдатами и радиоспециалистами. Запомнился случай на прыжках с Геннадием Карякиным. При совершении очередного прыжка с парашютом он недостаточно затянул ремень крепления грузового контейнера ГК-30. Уже на борту АН-12-го выпускающий затянул до предела ремень крепления ГК, не заметив, что нижняя кромка ранца основного парашюта попала под грузовой контейнер, когда был ослаблен ремень (такова версия комиссии). При раскрытии купола вышел только вытяжной и стабилизирующие парашюты (прыжок совершался на парашюте Д-1-8 серии 3). Геннадий успел раскрыть запасной парашют, но удар о землю был достаточно сильный. И хотя Карякин через три месяца собирался увольняться в запас, комбриг Мосолов отправил его на 10 дней в отпуск за мужество и самообладание.

Осенью 1974 г. в роту пришло молодое пополнение. Мы уже почувствовали себя немножко послужившими, а им ещё предстояло осваивать азы армейской службы с нуля. Зима и весна нового, 1975 года прошла в обычном режиме: занятия, наряды, радиотренировки и учения. На одном из учений я впервые пошёл радиотелеграфистом в группе самостоятельно. Работал на радиостанции Р-350М из района Чимкента. Посредником и проверяющим в группе был капитан Лысак. Я заваливаю один сеанс, второй, третий, в эфире подозрительная тишина. Проверяющий капитан Лысак от-

Отличники боевой подготовки 1 группы роты спецназа. Стоят слева направо: Лысак, Ракитин Виктор, Васин Николай, Бич, Саксаулов. Сидят: Вафин, Гнатюк, Кучинский, Кузнецов. Чирчик, (фото 1975 г.)

кровенно недоволен, разведчики смотрят косо, я ничего не понимаю. Уже в части, при разборе полётов выяснилось, что связь с центром не установил ни один корреспондент. Сказали, что отсутствие связи было тогда по причине ядерных испытаний где-то под Семипалатинском.

Однажды командир роты лейтенант Руденко сообщил мне, что я назначен радеотелеграфистом в разведгруппу для соревнований во Пскове. В мае месяце 1975 года была уволена в запас очередная партия военнослужащих призыва весны 1975 г. Домой уехали сержант Стебловский Сергей, Чемякин Владимир и рядовые Ивашкин Сергей, Назаров Сергей, Елфимов Василий, а мы продолжили службу. Я занимался в составе группы разведки, мы усиленно готовились к соревнованиям. Во Пскове мы пробыли без малого месяц, хотя сами соревнования длились всего двое суток. Начальником команды у нас был капитан Можачкин, командиром группы неожиданно был назначен старшина третьей роты прапорщик Коротенко, хотя первоначально планировался прапорщик Майоров из 1 роты. Весь личный состав был из разведгруппы лейтенанта Боева, но по условиям учений, группой должен был командовать прапорщик. Мне не совсем удобно обсуждать старшего по званию, почти офицера, но я вынужден сказать, что будь на месте Коротенко настоящий разведчик, а не старшина роты, мы бы выступили намного лучше. По всем показателям мы попадали в призовую тройку. Прапорщик Коротенко завалил марш-бросок уже на 1 километре, отстрелялся плохо, ориентировался плохо, не умея читать карту. Откровенно говоря, он был для нас помехой. Когда на первом этапе учений, после десантирования, нам предстояло обнаружить условную пусковую ракетную установку противника, мы разделились для быстреего обнаружения цели. Договор был такой: встречаемся на переправе через реку Великую в таком-

то квадрате. Больше, до окончания учений, нашего командира мы не видели. Как можно было не найти такую реку — для меня остаётся загадкой по сей день. Причём у нас были УКВ-радиостанции, но на связь наш командир так и не вышел. Хорошо, что нашу половину группы вёл старшина Жевноренко, и у нас оказался гранатомётчик и радиотелеграфист. Мы в меньшинстве нашли и ракетную установку, и форсировали реку в условном месте, и отстрелялись отлично, в том числе и гранатомётчик, и на все пункты отметок выходили с опережением. После среднеазиатской жары бросок по псковским лесам казался нам прогулкой. Все сеансы радиосвязи я провёл без замечаний, за что был отмечен начальником связи псковской бригады и получил благодарность от руководителя учений. Уже в своей бригаде за хорошую связь на учениях мне предоставили краткосрочный отпуск на Родину.

По возвращении в часть нас ждал ещё один сюрприз. Вместо уехавшего на курсы повышения квалификации нашего командира роты лейтенанта Руденко, ротным к нам был назначен командир разведгруппы из 3 роты старший лейтенант Кобыльский. Мы недоумевали, потому что у нас был свой офицер, лейтенант Иванов. Но начальству видней. Кобыльский распорядился занятия планировал так, что места для радиоподготовки там практически не оставалось, а тут ещё начались прыжки с парашютом. Мы понимали, что за такой короткий срок Кобыльский настоящих разведчиков из нас не сделает, а как радиотелеграфисты мы многое упустим и потеряем. Собрался «реввоенсовет», были избраны делегаты от роты в лице сержантов, и ходоки двинулись с жалобой прямо к начальнику штаба отряда капитану Лысаку. Тот, будучи в прошлом радиоспециалистом, выслушал делегатов внимательно и принял меры. Наша жизнь опять влилась в старое русло. В августе месяце из личного состава бригады была сформирована сводная рота для показательных учений всех разведывательных подразделений округа с местом дислокации в городе Отар (Казахстан). Из нашей роты были откомандированы сержант Шерстюков Николай, рядовые Александр Небылица, Валентин Устинов, я и четыре человека из роты связи 2-го отряда. Старшим нашего отделения радиоспециалистов был лейтенант Иванов, а командиром сборной роты был капитан Стодеревский из второго отряда. Разместились мы в палатках, в голой степи. Поскольку показательные занятия в Отаре были без проведения связи, а разведчиков с утра и до вечера в расположении не было, мы занимались несением караульной службы, обустройством нашего лагеря и доставкой воды за 20 км от расположения. Запомнилась мне встреча с начальником разведки округа, генерал-майором Гредасовым. Он с сопровождающими прилетел в наш лагерь с проверкой, а нас с Устиновым назначили в охрану вертолёта. Когда Гредасов подъехал к

вертолёту, я доложил ему по форме, и генерал поинтересовался, откуда я родом. Я назвал областной центр и район. Он назвал ещё несколько населённых пунктов в моём районе. Челюсть у меня отвисла от удивления. Вот что значит профессиональный разведчик — откуда он мог знать всё так подробно и до мелочей, как будто жил там?

Уже после возвращения из Отар мне, наконец, был предоставлен долгожданный отпуск на 18 суток, в который я убыл только 16-го октября 1975 г.

Кроме наших прямых и привычных обязанностей нашим ребятам приходилось проводить и нестандартные мероприятия. Летом 1975 г. к командованию бригады обратились представители сборной команды Союза по альпинизму с просьбой помочь в обеспечении связи. Соревнования проходили на Памире. Нужно было обеспечить связь с горным лагерем и базой. Видно, УКВ-станции того времени в горных условиях были ненадёжные. От нашей роты в командировку к спортсменам были отправлены рядовые Кучеренко Николай и Родин Пётр. Работали на Р-350М. Они составляли свои кодовые таблицы и условные сигналы применительно к обстановке, договаривались о времени выхода в эфир и условиях радиообмена, нервничали и переживали, потому что работать им предстояло в условиях гор и на малое расстояние, но задачу ребята выполнили отлично.

Были у нас в роте и менее приятные моменты. Старший сержант Тишаков на одном из учебных сеансов связи с Алма-Атой грубо нарушил правила радиообмена и открытым текстом наругал радисту Центра, коим оказался начальник связи. Последствия не заставили себя долго ждать: в этот же день Тишаков был разжалован в рядовые и отправился «отдохнуть» на гауптвахту. Обидно, но сам виноват. Так осенью 1975 г. Тишаков и уехал домой рядовым. Закончили службу сержанты Седов Владимир, Дюдяев Николай, рядовые Родин Пётр, Александр Коренцов, Павел Баукин, Николай Кучеренко, Солдатов Сергей. В роту прибыло очередное молодое пополнение. Будущих радиотелеграфистов прибыло к нам как никогда много, человек пятнадцать. Командование решило создать из них отдельный взвод. Мы с Александром Небылицей были назначены в этот взвод старшими радиотелеграфистами и вплотную занялись обучением молодых солдат.

Зимой нам предстояли крупные учения, задействовали практически всю бригаду. Я опять ходил в группе старшего лейтенанта Боева, впоследствии ставшего героем Афганской войны. Со мной был парнишка из молодого пополнения по фамилии Рыбак, из Украины. В такой переплёт он попал впервые. Наша группа должна была действовать в районе туркменского городка Кизыл-Арват. События разворачивались, как в фильме «Бе-

регись автомобиля»: ты убегаешь — я догоняю. За нами наблюдали зорко. Хотя мы и были переодеты в пехотную форму, нас вычислили быстро: бросалось в глаза наше зимнее верхнее обмундирование специального пошива без знаков различия. Боев оценил обстановку, и мы на ходу «десантировались» из поезда, далеко не доехав до пункта назначения. Двое суток добирались до района поиска. Помню, когда я на ходу снял с Рыбака радиостанцию (мы несли её по очереди), тот так и продолжал идти сгорбившись: думаю, он и не заметил отсутствия на своей

Военачальники, командующие ВДВ и САВО генералы армии Маргелов В.Ф. и Лященко Н.Г., уважали 15 обрСпН за уровень боевой подготовки и опекали ее. На фото, наблюдение за ходом приземления парашютистов-спецназовцев на полигоне Багиш. 2. Чирчик. 1973 г.

спине груза. Задачу мы выполнили, штаб танкового полка обнаружили и готовились выйти в эфир. Я накопил радиограмму на перфоленту, развернули радиостанцию Р-354, включил передачу в режиме быстрогодействия, лента вошла в датчик до половины и застряла там. Пришлось силой выдернуть её из датчика и в ручном режиме передавать около 50 групп. Можно было отправить сведения и при помощи боевого сигнала, но у командира, видимо, накопилось много информации. К концу передачи нас стали глушить. Центр имел для нас тоже информацию, но принять её не было возможности ни на основных, ни на запасных частотах. Остаток дня, ночь и половину следующего дня мы добирались до Кизыл-Арвата, нужно было отметить в комендатуре и получить проездные билеты до Ташкента. Боев ушёл искать комендатуру, а мы расположились на ступеньках какого-то здания. Тогда было непривычно видеть толпу уставших солдат в непривычной глазу форме и при оружии. Кто-то из местных проявил бдительность, район был приграничный. Из подъехавшей машины выскочило человек 15 солдатиков, быстренько нас взяли в кольцо и потребовали сложить оружие.

Оружие мы сложили, но радиостанцию я отдавать наотрез отказался и оказал сопротивление сержанту. Сопротивлялся я полминуты, пока не почувствовал прикосновение приклада к рёбрам. На этом наше «знакомство» закончилось. Как раз подошёл наш командир с местным офицером. Конфликт уладили, до вечера мы оставались в расположении комендатуры и затем уехали домой. Свою задачу мы выполнили. Молодцом оказался Рыбак: четверо суток на ногах и на одном сухом пайке. Трудно ему было с непривычки, но он выдержал, хотя комплекцию имел далеко не богатырскую.

Служба наша подходила к концу. В марте 1976 г. был опубликован приказ МО СССР № 84 об увольнении из рядов Вооружённых Сил. Последний приказ маршала Гречко. Третьего мая мы тепло попрощались с нашими командирами, пожали руки нашим друзьям-сослуживцам и разъехались по домам. А часть нашу легендарную и знаменитую 15-ю бригаду специального назначения впереди ожидали великие дела.

Командующий войсками САВО генерал армии Лященко Н.Г. вручает лучшему соединению округа вымпел министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть» декабрь 1973 г. Бригаде — 10 лет со Дня формирования!

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

НОВЫЙ КОМАНДИР 15 обрСПН

«Очередным весьма важным этапом в истории 15 отдельной бригады специального назначения явился конец 1977 года, когда сразу же после итоговой проверки, которую мы традиционно сдали хорошо, полковник В.В.Колесник приступил к передаче бригады назначенному вместо него комбригом подполковнику А.А.Овчарову, — вспоминал ветеран бригады С.А.Харламов¹, — а Василия Васильевича переводили на повышение в Москву, где в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР он должен был стать направленцем на азиатские бригады спецназ, то есть в полном объеме курировать и контролировать их учебно-боевую и повседневную деятельность, в том числе, естественно, и нашу бригаду.

Как мне, так и другим офицерам 15 отдельной бригады спецназа, в тот период представлялось, что осенью 1977 года в точности повторилась ситуация начала 1975 года, только с разницей по времени ровно в два с половиной года. Я имею в виду схожесть ситуации и настроений офицеров части с тем временем, когда из бригады уходил прежний ее командир полковник Р.П.Мосолов, а в командование 15 обрСПН вступал новый комбриг подполковник В.В.Колесник. Как и тогда, в 1975 году, когда мы провожали Роберта Павловича, так и в 1977 году, когда из бригады уходил Василий Васильевич, чувства у нас были примерно одинаковые. Мне лично, да и многим моим сослуживцам было искренне жаль, что Колесник уезжает от нас. Большинство из офицеров бригады ловили себя на мысли, что нас одолевают такое же чувство глубокого сожаления, которое мы испытывали, когда из бригады переводили на повышение ее прежнего командира полков-

¹ Харламов Сергей Александрович родился 24 мая 1952 г. в селе Верхнетолучеево Бутурлиновского района Воронежской области в семье военнослужащего. Окончил Свердловское СВУ и Киевское ВОКУ им. М.В.Фрунзе. Командовал группой и ротой спецназа в 15 обрСПН. Стал кавалером высоких государственных наград — ордена «За военные заслуги», медалей «За отвагу» и «За трудовое отличие». Полковник. Женат. С супругой Ириной Петровной вырастили двоих детей: сына Евгения и дочь Викторюю.

ника Р.П. Мосолова. За два с лишним года руководства бригадой спецназа полковник В.В. Колесник добился многого и завоевал заслуженный авторитет у всего личного состава, хотя он и не был фронтовиком-разведчиком и не имел столь много боевых наград, сколько было у Роберта Павловича.

Правда, несмотря на однозначные успехи в работе и высокий авторитет у подчиненных, В.В. Колеснику все-таки не удалось заслужить того, чтобы личный состав 15 бригады спецназа, как и предыдущего комбрига полковника Р.П. Мосолова, стал называть его «Батей». Однако это уважительное обращение офицеров и солдат к своему командиру, которого удостаиваются лишь в полном смысле этого слова настоящие отцы-командиры, как и многое другое, было для Василия Васильевича еще впереди, о чем никто из нас, конечно же, тогда не знал, да и не мог знать. Как потом оказалось, все самое главное и значимое в жизни и службе было у Колесника еще впереди, в том числе и показатель высшей степени уважения солдат и офицеров спецназа, которые стали любовно называть его «Батей». С уходом из 15 отдельной бригады специального назначения жизнь и служба для Василия Васильевича далеко не заканчивалась — это единственное, что тогда всем нам было совершенно очевидным.

Единственным весьма отрадным и ожидаемым моментом для нас, офицеров 15 обрСпН было то, что, став нашим непосредственным начальником в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР, полковник В.В.Колесник будет уделять 15 отдельной бригаде специального назначения больше внимания, чем это делали его предшественники в ГРУ ГШ. Как представлялось, Василий Васильевич, хорошо зная наши возможности и проблемы, сможет, пользуясь властью, сделать то, что не удалось сделать, будучи комбригом. Как всем нам тогда казалось, первое, что безотлагательно необходимо было бы сделать В.В.Колеснику для

Командир 15 обрСпН полковник Колесник Василий Васильевич, подхватил боевые традиции Героев Великой Отечественной войны и проявив завидное личное мужество стал первым Героем Советского Союза в Афганской войне

нашей бригады, — это в приказном порядке снизить отвлечение личного состава на строительство различных объектов на территории части.

После того, как Колесник уехал в Москву, в 15 обрСпН внешне ничего особенно не изменилось. По-прежнему, «по возможности», как мы тогда говорили, продолжалась боевая учеба, однако, вопреки нашим ожиданиям, значительно больше, чем раньше, стало всякого рода хозяйственных работ, к которым привлекались спецназовцы тогда, когда надо было усиленно заниматься боевой подготовкой. К тому времени я уже неоднократно на личном опыте убеждался в правоте слов майора А.Голубовича о пагубности для уровня боевой готовности нашей бригады развернутого в масштабного строительства. Об этом довелось мне слышать из его уст в ходе нашей первой обстоятельной беседы после моего возвращения с целины.

Теперь уже на своем собственном опыте я имел возможность убедиться, что отправка личного состава на хозяйственные работы в 1977 году осуществлялась постоянно, я бы даже сказал точнее, планомерно. Если, например, в 1974-1975 годах невозможно было снять с любого занятия даже одного солдата, то, с 1976 года, отвлечение личного состава на хозяйственные работы приобретало все увеличивающиеся и пагубные масштабы. А начиная с зимнего периода обучения 1977 года, этот процесс с каждым месяцем набирал обороты. А после отъезда полковника В.Колесника в Москву спецназовцы нашей бригады уже больше работали на строительстве различных объектов в части, чем занимались боевой и политической подготовкой. И это несмотря на то, что каждые полгода одна из рот спецназа 15 обрСпН официально приказом по части освобождалась от занятий боевой подготовкой, кроме политической подготовки и ВДП, и занималась только строительством объектов бригады.

Честно надо сказать, что многим из наших офицеров и прапорщиков было больно наблюдать за набиравшим обороты процессом постепенной деградации нашей бригады, снижением уровня ее боевой готовности и профессиональной подготовки личного состава. Если сразу после переподчинения 15 обрСпН Краснознаменному Туркестанскому военному округу она еще как-то по инерции, сохранившейся со временем Среднеазиатского военного округа, продолжала усиленно заниматься боевой подготовкой, то постепенно этот процесс, как уже говорилось выше, мало-помалу начал затухать и хиреть. Чем дальше, тем все меньше уделялось внимания этому важнейшему аспекту в деятельности любой бригады специального назначения. Тем более, что наше окружное руководство, как было заметно даже нам, молодым офицерам, не особенно и требовало от командования 15 обрСпН выполнения программы боевой подготовки. Различного рода планы и ротные расписания занятий, конечно же, составлялись, регулярно заполнялись

журналы по проведению занятий с личным составом подразделений, но из всего запланированного проводилось лишь незначительное количество часов. В полном объеме выполнялась, пожалуй, лишь программа политической и воздушно-десантной подготовки. Все остальное изучалось и отрабатывалось по уже начавшему культивироваться в бригаде принципу «как придется».

Не думаю, что в этом была вина нового командира бригады подполковника А.А. Овчарова. Основная причина, скорее всего, заключалась в

Командир 15 обрСпН полковник Овчаров Александр Алексеевич

том, что в те времена Краснознаменный Туркестанский военный округ был округом третьего разряда, и боевая подготовка в войсках округа повсеместно находилась далеко не на первом месте. Это все мы знали и раньше. Ну, а после того, как командованием ТуркВО нашей бригаде была поставлена задача превратить свой военный городок в лучший в Туркестанском военном округе, наши надежды на то, что удастся добиться больших успехов в боевой подготовке, у многих начальников и командиров подразделений бригады пропали совсем.

Такое смещение акцентов в деятельности 15 отдельной бригады специального назначения вызывало серьезное недовольство настоящих командиров всех степеней. Однако оно сводилось лишь к простому роптанию и ворчанию в кулуарах, что реально повлиять на изменение сложившейся в бригаде обстановки не могло.

Нам приходилось точно и в срок выполнять обширные планы строительства, а не значительно снизившиеся в объемах планы боевой и политической подготовки...

Думаю, что Василий Васильевич Колесник, являясь в тот период времени, как уже говорилось выше, направленцем в Главном разведывательном управлении Генерального штаба ВС СССР на азиатские бригады спецназа, прекрасно знал о том, что 15 отдельная бригада специального назначения занимается не совершенствованием своего боевого и профессионального мастерства, а хозяйственным строительством, которое было начато еще при нем. Однако, видимо, и его властных полномочий в должности старше-

го офицера направления Управления ГРУ ГШ было далеко не достаточно, чтобы изменить сложившееся тогда в нашей бригаде положение с боевой подготовкой.

Наверное, поэтому из ГРУ к нам поступали указания типа: «Несмотря на развернутое в 15 обрСпН совершенствование учебно-материальной базы и жилого фонда хозяйственным способом, командованию бригады необходимо активнее изыскивать возможности для более полного выполнения планов боевой и политической подготовки, чтобы не допустить снижения боевой готовности групп специального назначения первой и второй очереди». Естественно, что новому командиру бригады подполковнику А.А. Овчарову приходилось, находясь, условно говоря, «между молотом и наковальней», точно так же, как в свое время и полковнику В.В. Колеснику, буквально выкручиваться, чтобы планы по строительству совместить с планами боевой подготовки личного состава. И, как ни странно, нашей бригаде под руководством подполковника АА. Овчарова это с большим трудом, но все-таки удавалось.

Несмотря на определенное роптание командиров всех степеней и личного состава нашей бригады, которое периодически то в кулуарах, то совершенно открыто на партийных собраниях и совещаниях раздавалось в отношении «нецелевого использования элитного советского спецназа», результаты этого аспекта нашей деятельности все-таки были налицо. Спецназовцы общими усилиями, но построили боксы для техники и бензозаправочную станцию в автомобильном парке, обложили кирпичом казармы, поставили новый забор вокруг территории части, сделали еще много того, что, в общем-то, радовало бы глаз, если бы мы не знали, какой ценой это все нам досталось. К моменту описываемых событий как минимум четыре призыва солдат и сержантов, пришедших в бригаду в мае и ноябре 1976 года и 1977 года, основную часть своего драгоценного учебного времени провели на строительных площадках на территории части, а также на различных чирчикских заводах, зарабатывая необходимые нашей бригаде строительные материалы.

Правда, при этом, как уже упоминалось выше, только лишь политической и воздушно-десантной подготовкой все занимались без всяких скидок на стройку. Ход политподготовки четко и, я бы сказал, ревностно контролировал политический отдел бригады во главе с полковником Н.В. Лысаком, а ВДП — офицерами воздушно-десантной службы под командованием полковника В.А. Ленского. Остальные предметы боевой подготовки солдаты нашей бригады постигали уже, как придется. Соответственно, и уровень боевой готовности бригады, к великому сожалению большинства наших офицеров, постепенно, но неуклонно снижался.

Кроме того, призывавшиеся к нам для переподготовки многочисленные «партизанские» отряды специального назначения также очень активно использовались для совершенствования учебно-материальной базы бригады вместо того, чтобы хоть чему-то научиться или освежить имевшиеся знания и навыки, необходимые спецназовцу в ходе выполнения боевых задач в тылу противника. В общем, лично мне, да и многим моим сослуживцам грустно было смотреть, как эта самая учебно-материальная база создавалась лишь для того, чтобы она реально существовала и радовала глаз всяким проверяющим, но практически очень мало использовалась по ее прямому назначению, то есть в целях повышения уровня боевой подготовки личного состава. Для этого у чирчикских спецназовцев того периода просто не оставалось времени, так как оно в основном уходило на проведение различного рода строительных и хозяйственных работ.

И если бы не стремление многих командиров всех степеней использовать любую, даже самую минимальную возможность для занятий боевой подготовкой с подчиненным личным составом, то наши солдаты и сержанты того времени так и не узнали бы, зачем их призывали в войска специального назначения. В этой связи вспоминается случай, произошедший в самом начале 1978 года. Как-то однажды роту, которой я в то время командовал, не обеспечили работой, то есть что-то из строительных материалов не подвезли с утра, и пообещали, что подвезут после обеда. Понятно, что в таких условиях, в которых находилась в тот период наша часть, на любом из строившихся объектов командир бригады всегда мог найти нам работу, если бы я ему доложил о возникшей нестыковке в организации работы на выделенном нашей роте объекте. Однако, взяв всю ответственность на себя, я подал роте команду получить оружие и снаряжение и подготовиться к убытию на полевые занятия. Командирам групп была поставлена задача на отработку с личным составом одной из учебных тем тактико-специальной подготовки, а сам я намеревался провести занятие с той группой, в которой тогда не было офицера. Кстати, надо было видеть, с какой быстротой и душевным подъемом бойцы моей роты облачались в свои боевые доспехи. Видно было, что они на самом деле по-настоящему соскучились по столь редким и столь желанным полевым занятиям.

Уже минут через 15 после моей команды о подготовке к выходу на полевые занятия рота стройной колонной направилась в автопарк, через который должна была выйти в направлении 8 микрорайона города Чирчика, где мы обычно занимались тактико-специальной подготовкой. Можно представить, насколько удивлен был командир бригады подполковник А.А.Овчаров, когда увидел нашу роту, которая в это время должна была

находиться на строительном объекте, а оказалась в полном боевом снаряжении около ворот автопарка.

«Ну, Сергей Александрович, сейчас командир бригады вас за своеволие выдерет самым изощренным способом», — с сожалением сказал командир группы моей роты лейтенант Сережа Ершов. Мне пришлось с решительным видом объяснить комбригу, почему вместо работы на стройке мной было принято решение провести занятие по тактико-специальной подготовке. Александр Алексеевич, выслушав мой доклад и грустно покачав головой, лишь махнул рукой в знак согласия. Когда же рота уже выходила за пределы части, он вдруг прокричал нам вслед: «Но чтобы после обеда все были на своих строительных объектах!»

Данный пример достаточно красноречиво свидетельствует о том, как командиры подразделений 15 отдельной бригады специального назначения того времени пытались хоть частично, но все-таки ликвидировать пробелы в боевой подготовке своих подчиненных. Он также наглядно показывает, что и командир нашей части подполковник А.А.Овчаров, как мы прекрасно себе представляли, был буквально зажат в строгие рамки сложившейся в бригаде непростой ситуации. С одной стороны, над ним довлела глыба многоплановой стройки в бригаде, за результаты которой он нес личную ответственность перед окружным, как спецназовским руководством, так и командованием Туркестанского военного округа, при этом как в Ташкенте, так и руководством ГРУ ГШ ВС СССР в Москве. А с другой стороны, ему надо было умудриться и изворачиваться, чтобы личный состав бригады хоть чему-то научить по их основной военно-учетной специальности. Ведь проверки боевой и политической подготовки дважды в год Чирчикской бригаде спецназа, в конце концов, тоже надо было сдавать. Однако проверки надо было сдавать в основном с хорошими, а в некоторых случаях даже с отличными оценками. При этом, само собой разумеется, что проверки в 15 обрСпН мы сдавали по предметам программы боевой подготовки частей и соединений специального назначения, а уж ни в коем случае не по учебным программам подготовки подразделений строительных войск ВС СССР.

Наблюдая за тем, как в те времена в непростых условиях существовала 15 отдельная бригада специального назначения, а также увязывая с событиями, происходившими в тот период в мире и на южных границах Союза Советских Социалистических Республик, мы, командиры подразделений спецназа 15 бригады специального назначения, вынуждены были периодически задавать себе вопросы: зачем же мы все-таки служим нашей любимой Родине. И приходили к однозначному выводу и заключению: «Уж

точно не для того, чтобы стройкой заниматься, мы сегодня проходим службу в войсках специального назначения»...

Мы, младшие командиры, прекрасно понимали, что бесконечно так продолжаться не может, так как небосвод у Советского Союза всегда был далеко не мирный, а тогда, в 1978 году, в особенности.

Конечно, военное противостояние СССР с США во Вьетнаме к тому времени уже закончилось, но там, как известно, советский спецназ, в отличие от других родов войск и видов вооруженных сил, не применялся. Да и тот регион был слишком уж далеко от Советского Союза. Однако, к примеру, Китай находится очень близко от нас. Достаточно вспомнить события начала марта 1969 года, когда на реке Уссури шли бои с китайцами за остров Даманский. Тогда до Дальневосточной бригады специального назначения дело так и не дошло, однако к боевому применению она была близка как никогда. Во всяком случае, несколько групп спецназа этой бригады готовились к заброске в пограничную зону территории КНР с задачей разведки сил и средств Народно-Освободительной армии Китая, которые могли выдвигаться к советско-китайской границе...

В этом месте своего повествования, забегая несколько вперед, нарушая хронологию моего повествования, хотелось бы сказать, что тем временем «мирный небосвод узревать», как многие из нас и предполагали, нам пришлось не очень долго. Уже в 1978 году реальная война, а вернее ее тень, не заставила себя долго ждать. К этому времени военно-политическая обстановка в непосредственной близости от южных границ Советского Союза постепенно стала претерпевать серьезные, радикальные изменения...

Во-первых, в апреле 1978 года в Афганистане, непосредственно граничащем с Советским Союзом, произошла Апрельская революция. Во-вторых, в конце все того же 1978 года также у южных границ Советского Союза, в Иране, на который, начиная с 1976 года, была нацелена 15 отдельная бригада специального назначения, развернулось мощное народное движение за демократические преобразования и ликвидацию монархии. Впоследствии оно переросло в антиимпериалистическую национальную исламскую революцию.

В этот период времени все у нас в бригаде и наше командование в Ташкенте и Москве сразу же вспомнили о том, что в складывающейся довольно сложной ситуации 15 бригаде спецназа командованием могут быть поставлены разведывательные и специальные задачи на территории сопредельного Ирана, которые нам надо будет выполнять в реальной боевой обстановке, а не на строительных площадках.

Всю осень 1978 года бригада, как говорят в таких случаях, «сидела» в повышенной степени боевой готовности и ни на что другое, кроме усилен-

ной боевой подготовки, не должна была отвлекаться. Этому также должно было, как мы все рассчитывали, способствовать казарменное положение, на котором находились все офицеры и прапорщики нашей бригады, несмотря на то, что основная их часть проживала в военном городке. Офицеры и прапорщики спали в канцеляриях и бытовых комнатах, где специально для них были поставлены кровати, а питались в солдатской столовой. Однако самое интересное и парадоксальное заключалось в том, что даже в этот период серьезного осложнения международной обстановки в регионе, где могла быть задействована 15 обрСпН, пресловутое строительство различных объектов у нас на территории части, несмотря ни на что, так и не прекращалось.

Не знаю, как бы я поступал, будь я на месте командира нашей части подполковника А.А.Овчарова, но, честно говоря, ему в тот период никто из нас не завидовал. Даже во время серьезной дестабилизации обстановки в Иране, когда бригаде, казалось бы, надо было как можно быстрее ликвидировать пробелы в боевой подготовке групп спецназа, вызванное длительным отсутствием плановой боевой подготовки, наше окружное руководство, в том числе и Разведывательное управление штаба ТуркВО, как это ни странно, требовало от комбрига точного выполнения ранее утвержденных планов строительства различных объектов на территории бригады. Нам же, младшим командирам, приходилось выполнять приказы командира бригады на выделение личного состава на различные хозяйственно-строительные работы вместо того, чтобы ехать, например, на стрельбище или заниматься со своими подразделениями тактико-специальной подготовкой или минно-подрывным делом.

Как ни удивительно и странно это прозвучит, но стройка в 15 обрСпН не прекращалась даже тогда, когда вся территория нашего городка была заполнена колоннами автомашин с прицепами, под завязку загруженными боеприпасами, парашютами и снаряжением, и выставленными напоказ американским космическим спутникам фото- и видеоразведки для того, чтобы показать высшему и военно-политическому руководству Соединенных Штатов Америки и дать им понять, что мы полностью готовы выступить для защиты своих интересов на южных рубежах Советского Союза в случае, если США решат вторгнуться в Иран.

Данная демонстративная акция продолжалась примерно неделю, в течение которой вся автомобильная и специальная техника, а также техника специальной радиосвязи стояла на территории части, где для этого можно было отыскать подходящее место, в том числе и на строевом плацу.

Знали бы тогда наблюдавшие за нами из космоса американцы, что во время построений на плацу, где даже для небольших по составу рот спецна-

за не было свободного места, так как всю территорию его занимали колонны загруженной по-боевому автомобильной техники.

Думаю, всем нам очень даже повезло, что ситуация в Иране развивалась таким образом, что она не привела к прямой военной интервенции Соединенных Штатов Америки в эту страну, хотя в повышенной степени боевой готовности 15 отдельная бригада специального назначения находилась вплоть до 22 февраля 1979 года. Вполне очевидно, что если бы Соединенные Штаты вторглись в Иран, то Советский Союз был бы вынужден ввести свои Вооруженные Силы в северные районы Ирана, как это уже было в нашей истории в 1941 году, сразу после начала Великой Отечественной войны. Уж кто-кто, а советский спецназ из Чирчикской бригады оказался бы там, в Иране, намного раньше всех других советских войск.

В период наибольшего обострения обстановки в Иране одной разведгруппе спецназа под командованием лейтенанта Лорика Ко были поставлены реальные боевые задачи на ведение разведки в северных районах Ирана. Приказ, запретивший реальное применение в Иране разведывательной группы лейтенанта Ко, поступил в штаб 15 обрСпН, когда эта группа уже загрузилась в военно-транспортный самолет на Чирчикском аэродроме перед самым ее вылетом на боевое задание.

Этот памятник погибшим защитникам Отечества стал символом чирчикского спецназа!

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ

РАЗВАЛ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЙ ГРУППИРОВКИ В ТуркВО

*В истории человечества было немало событий,
оставшихся до конца не раскрытыми.*

Непонятную логике ситуацию переживали и друзья десантники. В декабре 1978 части 105 гв.ВДД готовились вылететь в Иран, где в это время началась исламская революция. В январе 1979 года напряженную боевую подготовку воинов еще более подхлестывала информация о планировании переброски частей воздушно-десантных войск для оказания помощи воюющему Вьетнаму. И практически с весны десантники начали осознавать, что скоро должны войти в Афганистан. Для этого летом в штабах частей начали оформлять служебные паспорта. «А в апреле 1978 года, — рассказывал начальник разведки ВДВ полковник М.Ф. Скрынников, — офицерами управления дивизии и командирами полков была проведена в Кабуле рекогносцировка маршрутов движения к афганским военным и государственным объектам».

И на этом военно-политическом фоне приказ о расформировании в 1979 году в Фергане 105 гвардейской воздушно-десантной Венской Краснознаменной дивизии, безусловно, относится к явлению, не имеющему объяснения. Так как к 1979 году, в той конкретной исторической обстановке, 105 ВДД была наиболее востребованной из всех соединений ВДВ. За прошедшие годы с 1960 года она была профессионально подготовлена к боевым действиям в горно-пустынной местности. Личный состав был акклиматизирован. «По боевой подготовке дивизия была не хуже других соединений, а по одиночной — намного лучше», — вспоминал полковник М.Ф. Скрынников. Дивизия дислоцировалась в следующих гарнизонах: в г. Фергане — управление дивизии, 345 гв. парашютно-десантный полк, комендантская рота, 730 гв. отдельный батальон связи, 181 отдельный медико-санитарный батальон, отдельная рота десантного обеспечения, 188 отдельная ремонтная мастерская, 312 отдельная автомобильная рота подвоза, взвод химической защиты, 73 дивизионный объединенный склад,

115 отдельная военно-транспортная авиационная эскадрилья, 300 полигон; в г. Коканде — 104 гв. отдельный зенитный артиллерийский дивизион; в г. Намангане — 137 гв. отдельный инженерно-саперный батальон; в г. Ош (Киргизская ССР) — 111 гв. парашотно-десантный полк. Все перечисленное было привязано к Ферганскому аэродрому, на который одновременно с дивизией был передислоцирован 194 гв. Брянский Краснознаменный военно-транспортный авиационный полк имени Гастелло. Остальные части дивизии дислоцировались в Чирчикском районе Ташкентской области и были привязаны к аэродрому в горах рядом с Чирчиком. В поселке Аранча — 351 гв. парашотно-десантный полк, в соседнем с ним поселке Азадбаш — 1181 гв. артиллерийский полк, взвод управления начальника артиллерии дивизии, 76 отдельный самоходный артиллерийский дивизион и 262 отдельный реактивный дивизион. В 1978 году она была награждена вымпелом министра обороны за мужество и воинскую доблесть, проявленные на учениях. В.Ф. Маргелов в письме министру обороны характеризовал ее как «одну из самых боеспособных дивизий ВДВ».

Наконец с 7 июля 1979 года 1 батальон 111 гв. парашотно-десантного полка находился на аэродроме в Баграме с задачей «обеспечить безопасность при возможной эвакуации советских граждан в случае дальнейшего обострения обстановки в стране», и охраны аэродрома, на который прибыла эскадрилья первых военно-транспортных самолетов Ан-12.

Тем не менее, случилось то, что случилось. Она была расформирована. На основании директивы Генерального Штаба ВС СССР от 3 августа 1979 года № 314/3/00746 с 15 октября 1979 года части дивизии начали расформирование, чтобы к 1 декабря 1979 года завершить организационно-штатные мероприятия.

А через десять дней на западе была поднята по тревоге для переброски на южную границу 103 ВДД. Сложно далась десантникам 103 Витебской воздушно-десантной дивизии переброска в Афганистан. Подготовка к перелету проходила скрытно, под видом учений. Одиннадцатого декабря части соединения были подняты по тревоге и приведены в полную боевую готовность. Аэродромы взлета находились на различном удалении от мест постоянной дислокации, и поэтому выход к ним осуществлялся комбинированным способом в ночное время. Часть подразделений и частей были перевезены железнодорожным транспортом. Погода была крайне неблагоприятная: шел мелкий дождь со снегом и резко снизилась температура. Обмундирование солдат и офицеров покрылось ледяной коркой. Было очень холодно и неуютно. В районах ожидания на аэродромах взлета командова-

На фоне белоснежного горного хребта Чимгана дислоцировалась 15 обрСпН в долине реки Чирчик

нием принимались срочные меры по обогреву личного состава десанта. В этих непростых условиях двухсуточного ожидания десантникам показалось, что прошла вечность, прежде чем дождался приказа. Ночью тринадцатого почти одновременно несколько авиационных групп подняли в воздух все части дивизии. Рассвет застал их уже далеко на востоке. Приземлялись на студеные аэродромы Урала, Поволжья и Казахстана в районе озера Балхаш. Самолеты рассредоточили на стоянках, не разгружая технику, а личный состав попрятали от ветров и мороза в подсобных помещениях аэродромов. Они тогда не могли знать, что через сутки из Ферганы первым будет десантирован в Баграм посадочным способом 345 полк. Выдержку и мужество витебских десантников испытывали еще целых десять суток. Это время использовалось для проверки техники и обучения личного состава. Ежедневно в самолетах запускали вспомогательные силовые установки. Десантники проводили тренировки по быстрой выгрузке бронетехники и автомобилей из самолетов.

И вот наступил исторический день — 25 декабря 1979 года. Военно-транспортная армада взлетела и взяла курс на Кабул и Баграм. Вся операция по переброске дивизии заняла 47 часов. Было совершено 343 самолета-вылета. В течение двух дней на афганскую землю вступило 8 тысяч советских парашютистов, с аппарелей самолетов съехало более 600 единиц бронетехники и автомобилей, сгружено сотни тонн различных грузов. Воздушно-десантная операция закончилась в 14.30 27 декабря, когда приземлился последний борт.

К сожалению, не обошлось без потерь...Во время первой посадки в

Кабуле в полной темноте в 19.30 25 декабря зацепился за вершину горы и взорвался Ил-76. Вместе с экипажем погибло 44 человека. Это были первые жертвы афганской войны...

В тот период 103 дивизией командовал генерал-майор И.Ф. Рябченко, а полками дивизии подполковники Н.В. Батюков, Г.И. Шпак, К.Г. Литовчик.

Для расформированной 105-й ВДД «потребовалось бы не более 1,5-2 часов, чтобы оказаться в Афганистане, вопросы тылового обеспечения решались проще и оперативнее», — размышлял впоследствии командующий ВДВ генерал-полковник Д.С. Сухоруков.

Современники не смогли объяснить происходящее. Не понятно и нам, три десятилетия спустя.

В канун войны до предела была сокращена по штатам личного состава и 15 обрСпН.

ГЛАВА 1

ХРОНИКА: 1978 — 1979 годы

История взаимоотношений России и Афганистана не ограничивается временными рамками последних десятилетий. Наш южный сосед традиционно находился в сфере экономических и политических интересов Российской империи, а затем и Советского Союза, рассматривавшего эту отсталую, но дружелюбно настроенную по отношению к русским страну как один из важнейших плацдармов для продвижения коммунистической идеологии в мусульманский мир. В этом смысле Афганистан находился как бы на перекрестке двуполярного мира, в точке соприкосновения и противодействия западной и советской политических систем.

В конце 70-х влияние СССР в Афганистане начало стремительно расти, и с апреля 1978 года по март 1979 года между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан было подписано 75 соглашений по вопросам экономического и военного сотрудничества. Договор о дружбе и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года предусматривал, в частности, и военную помощь в случае угрозы безопасности обеих стран. Любому мало-мальски следящему за развитием политических событий человеку было ясно, что речь идет прежде всего о перспективах военной помощи Афганистану со стороны СССР.

Разумеется, подписание такого договора не было случайным. Пришедшие к власти в результате военного переворота 27 апреля 1978 года руководство Народно-демократической партии Афганистана взяло курс на радикальные социалистические преобразования по советскому образцу. Поскольку эти преобразования не учитывали этнических, национальных и религиозных традиций народа, реформы вызвали резкое неприятие со стороны значительной части населения. Положение усугублялось ожесточенной борьбой за власть внутри самой НДПА. Все это привело к массовому исходу из страны беженцев и вооруженным выступлениям против новой власти.

С начала 1979 года положение в стране начало резко ухудшаться. Кроме того, большинство стран Запада и мусульманского мира, а также Китай заняли негативную позицию по отношению к новому афганскому руководству, что тоже не способствовало стабилизации обстановки.

В этих условиях афганское руководство усилило давление на советскую сторону с просьбой ввести на территорию страны воинский контингент

для обеспечения безопасности органов власти в Кабуле, охраны объектов советско-афганского сотрудничества и стратегических коммуникаций.

Первое время советское руководство однозначно отрицательно реагировало на эти просьбы. Точка зрения членов Политбюро ЦК КПСС стала меняться после отстранения от власти и убийства главы ДРА Председателя Революционного совета Н.М. Тараки его ближайшим сподвижником Х. Амином.

12 декабря 1979 года по предложению комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану (Ю.В. Андропов, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, Б.Н. Пономарев) Л.И.Брежневым было принято решение об оказании ДРА военной помощи путем ввода на его территорию ограниченного контингента советских войск. Главная цель нашего военного присутствия определялась однозначно: стабилизация обстановки и отражение возможной военной агрессии извне. Войска должны были встать гарнизонами и ни в коем случае не вступать во внутриафганский конфликт. О том, что непосредственного участия в боевых действиях не предполагалось, свидетельствует, например, факт отправки в Афганистан в составе воинских частей военнослужащих запаса, специально призванных для этой цели. Вместе с тем нужно отметить, что решение об отправке воинского контингента вызвало у солдат и офицеров большой морально-психологический подъем. В те дни командование получало немало рапортов, в которых военнослужащие просили направить их в Афганистан для выполнения интернационального долга по оказанию необходимой военной помощи дружественному государству.

Ввод войск начался 25.12.1979 года в 15 часов по московскому времени в соответствии с директивой МО СССР от 24.12.79 г. № 312/12/001. В Кабул и Баграм были переброшены части 103 воздушно-десантной дивизии, через Термез и Кушку в Афганистан вошли колонны двух мотострелковых дивизий (108 и 5).

Первой акцией, которую осуществили наши войска 27 декабря, стала операция «Шторм» по свержению режима Амина. В ходе штурма дворца Амин был убит. Радиостанция Кабула передала обращение Б. Кармаля к народам Афганистана.

Тогда никто не мог предположить, что миротворческая миссия превратится в кровопролитную десятилетнюю войну, унесшую тысячи жизней наших солдат и офицеров.

МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН ¹

*Если хочешь рассмотреть гору,
нужно отойти на расстояние.
Если хочешь дать оценку событию,
нужно время.
Восточная пословица.*

События в Афганистане в 1979-1989 годах стали большой трагедией не только для афганского народа, но и для многих людей, проживавших в бывшем Советском Союзе. Даже после вывода советских войск там война не окончилась, а нынешняя ситуация и поиски путей мирного урегулирования в Афганистане опять находятся в центре внимания мировой общественности.

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

Комбатом стал майор Холбаев —
Спокойный, смелый человек,
Не из киношных самураев,
Из-под Ташкента — наш узбек.
Таким во вред идут парады,
Коль нет желаннее награды,
Чем долг свой скромно исполнять,
А честь для них — постигнуть рать.

Владимир КОШЕЛЕВ

КОМБАТ ХОЛБАЕВ

Холбаев Хабибджан Таджибаевич родился 28 мая 1947 года в Сырдарьинской области Узбекистана. Отец — Таджибай, 1922 года рождения, уроженец города Чуст Наманганской области, участник Великой Отече-

Автор главы 1. «Мусульманский батальон» в этой книге — Р.И. Абдуллаев, кавалер ордена Красного Знамени, полковник, непосредственный участник событий, освещаемых в книге. Внес свой вклад в подготовку этого материала и скрупулезный историк из Мюнхена Кунстман А.Р. (ФРГ).

Командир 7 отряда СпН 15 обрСпН («мусульманского батальона») полковник Холбаев Хабибджан Таджибаевич

15 обрСпН. После ввода бригады в Афганистан. На ее базе в Чирчике сформировал новую часть и с июля 1985 по ноябрь 1987 г. командовал 467 учебным полком спецназа (в/ч 71201). В 1985 году заочно окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1987 по 1992 г г. службу проходил в должности военного комиссара г.Алмалык Ташкентской области и Акмал-Икрамовского районного военкомата г.Ташкент. С 1992 по 1998 гг. служил Начальником центрального управления министерства обороны Узбекистана, начальником штаба армейского корпуса быстрого реагирования, инспектором Генеральной инспекции министерства обороны Узбекистана.

В июле 1998 года Холбаев уволен в запас в звании полковника. За успешное выполнение специальных заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм награжден орденом Ленина. Женат. Проживает в Фергане. Имеет семерых дочерей.

ственной войны, умер в 1967 году. Мать — Инобат, 1922 года рождения, уроженка города Чуст Наманганской области, умерла в 2002 году. В 1965 году, окончив 11 классов, поступил в Ташкентское высшее общевоинское командное училище им. В.И. Ленина. В 1969 году был отобран комбригом Р.П. Мосоловым для службы в 15 обрСпН. До 1976 года последовательно служил на должностях командира группы спецназа, роты, заместителя командира отряда по воздушно-десантной подготовке. С мая 1976 по май 1979 года служил преподавателем на кафедре военной подготовки в Чарджоуском педагогическом институте. В мае 1979 года назначен начальником ГРУ ГШ ВС СССР командиром 7 отряда спецназа в составе 15 обрСпН. С декабря 1979 и январь 1980 года выполнял специальное задание командования в Афганистане. С августа 1981 по июль 1985 г. служил командиром отряда и начальником штаба

РАССКАЗЫВАЮТ СЕКРЕТНЫЕ ХРОНИКИ

Была одержана победа
(Аспект моральный не берем),
Коль замочили людоеда
(Вопросы права на потом).
Так в чем же все-таки помеха,
Чтоб наш спецназ лишать успеха?
Пошел он честно на убой
Той приснопамятной зимой!
Секретность? — Это несерьезно:
Весь Запад пребывал в курсах,
Как там сподобился Аллах-
«Боржоми» пить порою поздно...
А ложь вновь была по своим-
В Афгане павшим и живым.

Владимир КОШЕЛЕВ

Много лет подробности событий конца декабря 1979 года в г. Кабуле оставались под грифом строгой секретности. Только теперь, после распада СССР и по истечении всех ограничительных сроков секретности, стали публиковаться материалы на эту тематику. Если бы та наша страна не прекратила своего существования, то широкому читателю, возможно, никогда не довелось бы узнать об истории «мусбата» и о подвиге наших земляков.

Я хорошо знаком с доблестными ветеранами легендарной 15 обрСпН, командиром знаменитого «мусульманского батальона», ныне полковником в отставке Холбаевым Хабибджаном Таджибаевичем, его бывшими подчиненными офицерами — Маматкуловым Гуломджоном Юсуповичем и Абдуллаевым Рашидом Игамбердиевичем.

Моё мнение — это люди высоких моральных и профессиональных принципов. Они отличаются прежде всего своей порядочностью. Их соседи и знакомые не догадываются об их легендарном прошлом, потому что они всегда были и остаются скромными и немногословными людьми, никогда не говорят о своих наградах и званиях, не выпячивают своё поистине героичес-

кое военное прошлое. Об их подвиге говорят боевые награды: Х.Т. Холбаев удостоен высшей награды страны — ордена Ленина, Р.И. Абдуллаев — высшей боевой награды — ордена Красного Знамени, Г.Ю. Маматкулов — ордена «Красной Звезды».

Более чем через 30 лет после операции «Шторм-333», в этой книге я нашёл в списке бойцов спецназа фамилии друзей моего детства: Богодирова Абдумумина, Акбаева Тургуна, Артыкова Бахтиёра, с которыми мы вместе росли в Регарском районе. Все трое отличались среди сверстников своими лидирующими качествами, занимали активную жизненную позицию, были разносторонне развиты, как физически, так и интеллектуально. Проходили срочную службу, сначала в знаменитой Витебской воздушно-десантной дивизии, а затем были отобраны в 154 отдельный отряд специального назначения Главного разведывательного управления — «мусульманский батальон». Все трое участвовали в операции «Шторм-333». Богодиров Абдумумин погиб в бою через день после взятия дворца Амина в г. Кабуле, впоследствии был посмертно награждён орденом Красной Звезды.

Артыкова Бахтиёра тоже, к сожалению, в настоящее время нет в живых. За кабульскую операцию он был удостоен медали «За отвагу». После армии поступил на службу в органы внутренних дел, стал офицером. Никогда не пасовал перед трудностями и опасностями. Он погиб при выполнении служебного долга во время беспорядков в г. Душанбе.

Акбаев Тургун в настоящее время работает на руководящей должности одного из крупных промышленных предприятий. Так же, как и его бывшие командиры, он не любит афишировать свои военные подвиги, хотя тоже имеет боевые награды, и мы знаем, что общий успех операции «Шторм-333» был обеспечен благодаря безупречным действиям таких же, как он, солдат и офицеров.

Я не случайно привожу примеры своего личного общения с офицерами и солдатами этого уникального подразделения спецназа ГРУ, прозванного в народе «мусульманским батальоном», потому что опыт личного общения с участниками афганских событий, а также служба в органах госбезопасности, где мне довелось также общаться и с офицерами КГБ, входившими в состав штурмовавших дворец Амина — групп «Гром» и «Зенит», позволяет мне с уверенностью сделать выводы об объективности, достоверности и документальности событий, о которых рассказывается в главе 1 этой книги.

В ней приводятся эксклюзивные интервью и документальные материалы, ранее неизвестные факты и подробности этой операции. На их основе сделаны кардинальные уточнения и дополнения, даётся, на мой взгляд,

целостная и достаточно объективная картина событий, связанных с созданием и функционированием «мусульманского батальона», осуществлением боевой операции в декабре 1979 года в г. Кабуле.

Особая ценность книги состоит еще в том, что авторы опираются на архивные документы, воспоминания непосредственных участников, учитывает различные точки зрения, сопоставляет и раскрывает их. Читатель найдёт многие ответы на вопросы, связанные с историей создания этого уникального подразделения специального назначения, особенностями отбора кадров, осуществления боевой и политической подготовки личного состава. За, казалось бы, обычным повествованием, угадывается героизм, доблесть и мужество солдат и офицеров, с честью и достоинством выполнивших свой долг перед Родиной.

По моему глубокому убеждению, эта книга способствует не только военно-патриотическому воспитанию молодых поколений, но и позволяет увидеть истинную картину подвига наших земляков различных национальностей, однако в основном узбеков, таджиков и туркмен в той нелёгкой обстановке, в какую пришлось им попасть в силу принятых решений руководством той страны. Автор не рассуждает о правильности или неправильности этих решений. Он приводит конкретные факты, конкретные документы, конкретные высказывания конкретных лиц — непосредственных участников описываемых событий. Это позволяет увидеть объективную и беспристрастную картину событий, позволяет читателю самому дать оценку прочитанному и сделать свои собственные выводы.

События в Афганистане стали трагедией не только для афганского народа, но и для многих тысяч семей бывшего Союза, потерявших в этой войне родных и близких. Нелёгкая ноша выпала на долю молодых бойцов «мусбата», которые в свои 19-20 лет прошли через трагические испытания войны. Для них главным было выполнить приказ, а не рассуждать о его правильности или целесообразности. Не всем солдатам посчастливилось вернуться домой живыми после этой операции.

Ценой своей жизни выполнили поставленную задачу и остались до конца верными военной присяге бойцы «мусульманского батальона» Богодиров Абдумумин Абдунабиевич, Расульметов Курбантай Мурадович, Мадияров Зиябиддин Гиясиддинович, Щербек Миркасым Абдрашимович, Курбанов Ходжанепес, Хусанов Сабирджон Камилович, Сулейманов Шокиржон Султанович, Мамаджанов Абдунаби Гайджанович.

Это были первые жертвы афганской войны, унесшей впоследствии 15 тысяч жизней солдат и офицеров.

Сегодня мы склоняем головы перед погибшими и отдаём почести живым участникам этой войны, честно и добросовестно исполнившими свой воинский долг.

Искренняя благодарность автору главы «Хроники мусульманского батальона» Рашиду Абдуллаеву за его стремление оставить в памяти потомков это повествование о наших земляках — бойцах и офицерах уникального подразделения в истории Вооруженных Сил — отдельного отряда специального назначения Главного разведывательного управления, прославившегося под названием «мусульманский батальон».

***ХУДОЯРОВ Музаффар,
ветеран спецслужб,
участник афганской войны,
полковник в отставке***

«ХРОНИКА МУСУЛЬМАНСКОГО БАТАЛЬОНА»

РАШИД АБДУЛЛАЕВ ¹

Советский спецназ взял штурмом дворец Тадж-Бек, в народе известный как дворец Амина. Эта боевая операция проходила под кодовым названием «Шторм-333». Полной картины того, что произошло в г. Кабуле 27 декабря 1979 года, не существует до сих пор, хотя написано об этом было достаточно много.

Бармин Ф.: «Долгое время события в Кабуле 27 декабря 1979 года в Советском Союзе преподносили под кодовым названием «Второй этап Апрельской (Саурской) революции в Афганистане». О людях, совершивших этот «второй этап», не было известно ровным счётом ничего. Вся информация об этой беспрецедентной в военной истории операции оказалась засек-

¹ Абдуллаев Рашид Игамбердиевич родился 2 июня 1957 года в городе Белебее БАССР. Среднюю школу №53 закончил в городе Коканде Узбекской ССР. В 1974 году окончил Казанское суворовское военное училище, а в 1978 году — Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. С мая 1979 года по май 1981 года проходил службу в 154 отдельном отряде специального назначения на должностях заместителя командира роты по политической части, секретаря партийного бюро отряда. Принимал личное участие в штурме дворца Амина. Награжден орденом Боевого Красного Знамени. С 1981 по 1985 годы проходил службу в 902 отдельном десантно-штурмовом батальоне Южной группы войск. В 1988 году закончил военно-педагогический факультет Военно-политической Академии им. В.И.Ленина в Москве. С 1988

по 2007 годы проходил службу на различных должностях в Туркестанском военном округе и в Вооружённых Силах Республики Узбекистан. Полковник Абдуллаев Р.И., будучи начальником кафедры «Духовно-нравственного и воинского воспитания» Академии Вооружённых Сил Республики Узбекистан написал ряд учебных пособий по организации морально-психологической подготовки военнослужащих, морально-психологическому обеспечению боя соединения и операции объединённой группировки войск объединения. Находясь в отставке, продолжает работать в Центре военно-научных исследований Академии Вооружённых Сил Республики Узбекистан.

речена. Однако в народе ходили самые невероятные и фантастические слухи». ¹

Болтунов М.Е.: «Сколько написано о войне в Афганистане! Сколько ещё напишут. Да, из всей долгой девятилетней драматической бойни самым загадочным до сих пор остаётся её начало — штурм аминского дворца. Чего только не нагородили о штурме, какие дикие выдумки и небывлицы не публиковались на страницах журналов и газет, а истина так и оставалась за семью печатями». ²

На сегодняшний день имеется значительный объём публикаций, посвящённых штурму дворца Гадж-Бек, государственному перевороту в ДРА и началу ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. При описании этих событий высказаны различные, порой взаимоисключающие точки зрения и суждения, которые находятся в прямой зависимости от должностного положения, ведомственной принадлежности, степени участия рассказчика в данных событиях, а также заказчика, издателя и т.д. Всё это вносит не столько ясность, сколько ещё большую путаницу в осмысление этого вопроса.

Приведу несколько источников, которые, по моему мнению, всё-таки заслуживают внимания в общем потоке всяких небывлиц. Чтобы более полно и объективно восстановить картину боевой операции «Штурм-333», мне пришлось опираться именно на эти источники, хотя и в них тоже есть некоторые неточности. Это:

• Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 г.г. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

• Лёгкий П. Операция «Штурм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

• Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом Ленина. — М.: «Братишка», 1999, № 9.

• Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ / Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.

• Колесник В.В. Операция по захвату дворца казалась невыслимой. — В книге: В.В. Воронов ОСНАЗ — войска особого назначения. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.

• Ляховский А.А. «Трагедия и доблесть Афгана» / 2-е изд., перераб. и доп. — Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004.

¹ Бармин Ф. Штурм дворца Амина. — М.: «Спецназ России», 1999, № 11 (39).

² Болтунов М.Е. «Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ. — М.: Кедр, 1992. С. 60.

- Кошелев В. «Штурм дворца Амина: версия военного разведчика». — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007.
- Кривопалов О.В. «Спецназ на Афганской войне». — Тюмень: издательство «Вектор», «Военно-исторический альманах», 2004, № 4.
- Кунстман А.Р. «Мусульманский батальон. Штурм Дворца Амина» — Мюнхен. в форме рукописи, 2005 г.
- Беков С.М., Старов Ю.Т., Овчаров А.А., Кривопалов О.В., Мусяненко А.В., Пронькин Н.Н. 15 бригада спецназ: Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев. — М.: НПЖД «Русская панорама», 2009 г.

В штурме дворца участвовали 2 группы от Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР — «Гром» и «Зенит»; 154 отдельный отряд специального назначения (ооСпН) Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооружённых Сил (ГШ ВС) СССР, так называемый «мусульманский батальон» с приданными ему 9 гв. парашютно-десантной ротой (пдр) и гв. противотанковым взводом (пТВ) ПТУР «Флагот» из 345 гвардейского отдельного парашютно-десантного полка (опдп) воздушно-десантных войск (ВДВ).

Подробности штурма дворца Тадж-Бек описаны в основном сотрудниками КГБ СССР. Их сведения о роли и месте спецназовцев «мусульманского батальона» и десантников 345 гв. опдп в операции отрывочны и не точны, а порой намеренно фальсифицированы.

Кошелев В.М.: «Увы, но слухи, домыслы, кривотолки и другие невероятные бредни вокруг событий, связанных со штурмом бойцами советского спецназа дворца Тадж-Бек и ликвидацией Хафизуллы Амина в 1979 году, до сегодняшнего дня имеют место в сообщениях различных средств массовой информации, прочно утвердились они в общественном мнении».¹

За годы, прошедшие с тех пор, в зависимости от политической конъюнктуры, менялась и оценка этих событий, они обросли мифами и легендами. Во многих произведениях участников штурма изображали какими-то бездушными роботами, лишёнными человеческих чувств и эмоций. Так пишут те, кто сам вплотную никогда не соприкасался с болью, которую несут неизбежные на войне кровь и смерть!

Мною сделана попытка на основе воспоминаний очевидцев и документальных материалах восстановить события тех дней, описать историю формирования и подготовки 154 ооСпН ГРУ ГШ ВС СССР, подробности операции «Штурм-333». К счастью, большинство участников этих событий ещё живы и сами смогли рассказать об этом.

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 20.

Очевидно, что после стольких лет в их воспоминаниях многое стёрлось, многое воспринимается через призму прочитанных ими книг и статей, к сожалению, не всегда объективных. Кроме того, не все участники событий смогли или захотели поделиться своими воспоминаниями. Поэтому возможны некоторые ошибки и неточности. Фотографии нескольких участников операции (очевидцев) сделаны позже и поэтому не соответствуют описываемому периоду.

Чтобы максимально приблизиться к событиям того непростого времени, я пошёл по пути их хронологического описания, а также использования воспоминаний не только ветеранов «мусульманского батальона», но и военнослужащих других частей и подразделений, так или иначе оказавшихся в круговороте тех драматических событий. Я писал от первого лица, высказывая свои мысли и переживания, но вместе с этим использовал выдержки из произведений тех очевидцев, которые, по моему мнению, более правдивы. При этом практически не изменена лексика и стилистика языка всех, кто не отказался откровенно поделиться воспоминаниями того далёкого 1979 года. Поверьте, что это было им нелегко морально-психологически. За что им огромное человеческое спасибо! Большую работу по сбору и обобщению архивного материала, а также сбор воспоминаний витебских десантников и афганских военнослужащих проделал Кунстманн Александр, проживающий сейчас в Германии.

Фактически это — коллективный труд, я только отредактировал и расположил собранный материал в определённом порядке. К сожалению, эта хронико-документальная повесть, если её так можно назвать, на сегодняшний день является единственным первоисточником — рукописью, написанной участником тех событий от 154 отдельного отряда спецназа ГРУ ГШ».

Лёгкий П.: «Были легендарные группы КГБ «Гром» и «Зенит». Но ведь был ещё и «мусульманский батальон». И болит у его бойцов душа за то, что «мусбат», а точнее 154 отдельный отряд специального назначения: 538 офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат этой уникальной части остались в тени, почти в забвении. А ведь именно они определили успех беспрецедентной в истории спецназа операции «Шторм-333». Достаточно хотя бы сказать, что сразу после десантирования «Грома» перед дворцом Амина 13 из 25 его бойцов получили ранения. Кто-то из раненых, правда, продолжил бой, но ведь дворец обороняло более 200 гвардейцев из элитной бригады охраны!».¹

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Сегодня, в начале XXI века, для многих людей уже довольно сложно представить ту политическую и международную обстановку, которая окружала ввод советских войск в Афганистан. Без видения общественно-политической картины 1979 года в Афганистане просто невозможно правильно представить и то военно-профессиональное, о чём будет идти повествование, поэтому есть необходимость сделать небольшой историко-политический экскурс в 70-е годы прошлого столетия.

1 января 1965 года в г. Кабуле состоялся учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана. Первым секретарём НДПА был избран талантливый писатель, журналист Нур Мохаммад Тараки,¹ его заместителем стал сын армейского генерала Бабрак Кармаль.²

Но уже через год партия раскололась на 2 фракции — «Хальк» («Народ») во главе с Н.М. Тараки и «Парчам» («Знамя») с лидером Б. Кармалем, которые фактически превратились в самостоятельные партии. К этому времени численность «Хальк» составляла порядка 20 тысяч, а «Парчам» — 4 тысячи членов.

Основные разногласия между «Хальк» и «Парчам» состояли не столько в классовом плане, сколько в презрении столичных жителей («парчамистов») к провинциалам («халькистам»). В свою очередь «халькисты», объявляя себя «истинными революционерами», называли своих оппонентов «представителями интересов буржуазии».

Шахнаваз Танай: «Два крыла партии «Хальк» и «Парчам» имели единые политическую программу, организационные принципы, однако различались по социальному составу. В составе «Хальк» преобладали представители неимущих и средних слоев сельского и городского населения, а в

¹ Нур Мохаммад Тараки родился в 1917 году в семье скотовода в н.п. Мукур (провинция Газни). Пуштун из племени гильзай, клана тарак, ветви буран. Окончил 6 классов лицея. Один из создателей политической организации «Пробудившаяся молодёжь». Автор ряда литературных произведений. С 1965г. — первый секретарь ЦК НДПА. 15 сентября 1979 года, в результате государственного переворота, совершённого Х. Амином, был освобождён от всех обязанностей и сослан под домашний арест. 8 октября 1979 года по приказу Х. Амина был задушен.

² Бабрак Кармаль родился в 1929 году в семье высокопоставленного военного, в н.п. Баграм. Отец — пуштун, мать — таджичка. В 1952 году окончил юридический факультет Кабульского университета. В 1957–1959 гг. проходил военную службу. В 1960–1964 гг. работал в министерстве просвещения и планирования. 27 декабря 1979 года в результате военного переворота стал генеральным секретарём ЦК НДПА, премьер-министром ДРА. С 1986 г. в отставке. Умер в г. Москве.

«Парчам» преобладали представители средней и мелкой городской буржуазии и часть представителей бюрократии. В каждой из двух фракций было значительное количество интеллигенции. Для завоевания популярности каждая фракция прибегала к пропаганде друг против друга».¹

Король М. Захир Шах ² злоупотреблял полнотой своей власти и не соблюдал основных принципов Конституции своей страны. Правительство было лишено возможности проявлять инициативу для улучшения состояния экономики и положения народных масс. С 1963 по 1973 годы сменились 5 составов правительства, которые не были в состоянии решить такие острые проблемы как безработица, голод, нищета, от которых страдали основные массы трудящегося народа.

В этот период НДПА явилась инициатором совершения наиболее важных социально-экономических и культурных преобразований в стране, но вместе с тем, под видом «демократических реформ», уничтожалось «реакционное духовенство, купцы и феодалы».

Премьер-министр Мохаммад Дауд,³ давно мечтавший об установлении авторитарной диктатуры, ловко использовал авторитет и популярность НДПА и при её активном участии 17 июля 1973 года совершил государственный переворот, свергнув своего двоюродного брата М. Захира Шаха.

Для оперативной оценки обстановки в Афганистане и вокруг него была создана специальная комиссия Политбюро ЦК КПСС во главе с министром иностранных дел СССР А. Громыко.

26 февраля 1974 года на заседании ЦК республики М. Дауд смецает

¹ Из выступления начальника Генерального штаба Вооружённых Сил Демократической Республики Афганистан на пресс-конференции в гостинице «Интерконтиненталь» в г. Кабуле в апреле 1989 года.

² Захир Шах родился 15 октября 1914 года в г. Кабуле. С 1924 по 1930 гг. учился во Франции. В 1931 году окончил военное училище в г. Кабуле, через год был назначен заместителем министра национальной обороны, а ещё через год — министром просвещения Афганистана. В ноябре 1933 года вступил на престол. 17 июля 1973 году был отстранён от власти двоюродным братом принцем Мохаммадом Даудом. Проживал в Италии. После проведения США 1-го этапа «антитеррористической» операции в Афганистане и свержения правительства талибов бывший король вернулся на родину.

³ Мохаммад Дауд родился в 1909 году в г. Кабуле. Принц, двоюродный брат короля Захира Шаха. Получил среднее военное образование во Франции. В 1938 году был назначен командующим Кабульского военного округа. С 1946 года — министр национальной обороны в правительстве Шах Махмуда. С 1953 года — премьер-министр страны. В 1963 году подал в отставку. После государственного переворота 17 июля 1973 года упразднил монархию и объявил себя президентом республики. 27 апреля 1978 года в результате военного переворота был застрелен.

с должностей главнокомандующего ВВС и ПВО ВС Афганистана полковника Абдул Кадыра и начальника штаба ВВС и ПВО подполковника Акбара, активных участников военного переворота 17 июля 1973 года (оба получили военное образование в СССР). В ЦК КПСС имелись сведения, что в скором времени будут сняты со своих постов министр по делам границ Пача Голь, министр связи Хамид и министр внутренних дел Ф. Мухаммед.

В связи с этим ЦК КПСС на основе оперативной информации «О некоторых мерах по оказанию помощи прогрессивным политическим организациям Афганистана в преодолении разногласий между ними» и «Об обращении к главе Республики Афганистан М. Дауду и руководителям прогрессивных политических организаций «Парчам» и «Хальк»», принимает соответствующие секретные постановления, в которых призывают «мобилизовать все силы на поддержку республиканского режима, проявлять выдержку и не допускать действий, могущих вызвать репрессивные меры властей».

В 1974 году при деятельном участии и руководстве просоветски настроенного полковника А. Кадыра непосредственно в структурах Вооружённых сил Афганистана создаётся нелегальная общественно-политическая организация левой ориентации — «Объединённый фронт коммунистов Афганистана».

Новая Конституция ДРА, принятая в январе 1977 года, провозглашала М. Дауда абсолютным правителем и фактически устанавливала авторитарный режим правления.

В июне 1977 года участниками объединительной конференции НДПА было подписано совместное заявление «О единстве НДПА», избран новый состав Центрального комитета из 30 человек и Политбюро ЦК НДПА по 5 человек от каждой фракции: Н.М. Тараки, Б. Кармаль, Г.Д. Панджшерри, К. Мисак, Шах Вали, Нур Ахмад Нур, Барек Шафи, Сулейман Лайек, С.А. Кештманд, С.М. Зерай. На этой же конференции были предъявлены обвинения члену объединённого ЦК НДПА Х. Амину,¹ уличающие

¹ Хафизулла Амин родился в 1927 году в семье служащего в н.п. Пагман, в окрестностях г. Кабула. Пуштун из племени харатаев. Окончил высшее педагогическое училище и научный факультет Кабульского университета. В 1957 и в 1962 гг. выезжал в США, где получил учёные степени магистра и доктора наук, соответственно. В 1977 году был избран членом объединённого ЦК НДПА и руководителем халькистской военной организации. С апреля 1978 года возглавлял непосредственную подготовку к вооружённому восстанию по свержению режима М. Дауда, после которого стал заместителем премьер-министра и министром иностранных дел. Фактически принял на себя руководство партийными организациями в силовых структурах. 14 — 15 сентября 1979 года осуществил государственный переворот.

его в связях с ЦРУ США и в получении им «за определённые услуги» денежных средств от этого ведомства. Этого он не отрицал, объясняя получение финансовых средств необходимостью окончания учёбы в США.

Вместе с тем, внутривластная обстановка в стране ухудшалась с каждым месяцем, практически сложилась предреволюционная ситуация.

После массовой манифестации при похоронах одного из видных партийных активистов — начальника кабульской полицейской академии Мир Акбара Хайбара, в ночь с 25 на 26 апреля 1978 года по приказу М. Дауда были арестованы и содержались в тюрьме «Пули-Чархи» все лидеры НДПА, кроме Х. Амина, который почему-то остался под домашним арестом.

Ляховский А.А.: «Существует версия, согласно которой М. Хайбара убили С.Д. Тарун и братья Алемьяр по распоряжению Х. Амина, так как в руках М. Хайбара (со стороны «Парчам») находились все нити руководства работой НДПА в армии, а Х. Амин являлся как бы его заместителем в этой деятельности... А если предположить, что Х. Амин действительно сотрудничал с ЦРУ и действовал по его указанию, то становится очевидным, кто на самом деле явился организатором военного переворота в Афганистане...».

Последовали новые репрессии — уже в первом списке казнённых были названы 12000 человек, в числе которых оказались и многие видные военные. В ответ Х. Амин выдвигал аналогичный путь разрешения проблем: «У нас в стране 10000 крупных землевладельцев. Мы уничтожим их, и вопрос решён».

Так начиналась гражданская война в Афганистане.

27 апреля в 6 часов утра в окрестностях кабульского зоопарка состоялось заседание «халькистов» с участием С.М. Гулязбоя (ответственного за ВВС и ПВО), Асадуллы Пайяма (ответственного за 4 танковую бригаду), Алиша Паймаана (ответственного за зенитно-ракетную бригаду), Мохаммада Дуста (ответственного за 32 полк «коммандос»). Было принято решение — к 8 часам прибыть в части, привести их в боевую готовность и по условленному сигналу захватить все важные военные и государственные объекты г. Кабула.

В этот же день под руководством группы офицеров — Абдула Кадыра и командира 1 батальона 4 танковой бригады Мохаммада Аслама Ватанджара произошла смена власти. Во дворец, в котором находился М. Дауд, ворвалась группа военных во главе с Имамудином. В перестрелке М. Дауд и все члены его семьи были убиты, а А. Кадыр и А. Ватанджар вечером 27 апреля по радио объявили о Саурской (Апрельской) революции.

Вот выдержки из выступления А. Ватанджара по радио: «...танкисты, лётчики и часть «коммандос» Бала-Хисара сломили сопротивление охраны президентского дворца и вынудили её сложить оружие. К Мохаммаду Дауду под белым флагом была отправлена делегация с предложением капитулировать, но свергнутый президент отказался сдаться, открыл стрельбу по офицеру-парламентёру и ранил его. Завязалась перестрелка, в результате которой Дауд, а также некоторые его приближённые и сторонники были убиты. Так окончил свою жизнь человек, обманом захвативший власть в июле 1973 года». ¹

Как говорится, ни прибавить и ни убавить.

Руководители партии Н. Тараки, Б. Кармаль и другие были освобождены из тюрьмы. Афганистан был объявлен Демократической Республикой Афганистан (ДРА). Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Революционного Совета и премьер-министром был избран Нур Мохаммад Тараки. На всех трёх постах его заместителем избирается Бабрак Кармаль, а Хафизулла Амин становится первым заместителем премьер-министра и министром иностранных дел ДРА.

Уже 30 апреля 1978 года Советский Союз официально признал ДРА. Давно выработанный рефлекс помощи любым так называемым революционным силам способствовал вовлечению СССР в процесс активной поддержки Афганистана. Была активизирована работа специальной комиссии Политбюро ЦК КПСС. В это время в неё входили А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, Б.Н. Пономарев, иногда в её работе принимали участие и другие руководители Коммунистической партии и Советского государства. На своих регулярных заседаниях комиссия анализировала обстановку в Афганистане, вырабатывала рекомендации для советских ведомств, занимавшихся Афганистаном, готовила Политбюро ЦК КПСС и Совету Министров СССР предложения и проекты рекомендаций для афганского руководства.

20 мая 1978 года в Афганистан была отправлена первая военная делегация во главе с генерал-майором Зотовым. Следом — военные советники. Главным военным советником был назначен генерал-лейтенант Л. Горелов, советником при начальнике афганского главного политического управления Вооружённых Сил ДРА Экбале Вазири — генерал-майор

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 178.

В. Заплатин, спецпредставителем КГБ СССР — генерал-лейтенант Б.С. Иванов.

К концу июня 1978 года «халькистские» (подчеркнуто А.Р.) вожди, как говорится, «дожали» Б. Кармалю, который «добровольно-принудительно» выехал из Афганистана в связи с назначением его на должность посла ДРА в Чехословакии (ЧССР). Также были вынуждены оставить страну и ряд других заметных функционеров «Парчам»: Нур Ахмад Нур оказался послом в США, Абдул Вакиль — в Великобритании, Мохаммад Барьялаи — в Пакистане, Мохаммад Наджибулла — в Иране, Анахита Ратебзад — в Югославии (СФРЮ).¹

Событием особой важности в истории советско-афганских отношений стало подписание 5 декабря 1978 года Договора «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА».

Исключительную важность этого документа имеет 4-я статья Договора, по которой «страны СССР и ДРА предпринимают соответствующие меры по обеспечению безопасности, независимости и территориальной целостности».

14 февраля 1979 года членами экстремистской группировки маоистского толка «Национальный гнёт» был захвачен в качестве заложника посол США в Афганистане Адольф Даббс с требованием освобождения из тюрьмы троих своих сподвижников. В ответ, по распоряжению Х. Амина, был начат штурм гостиницы «Кабул», в которой укрылись террористы с заложником, в результате которого погибли не только боевики, но и посол Адольф Даббс. США отзывали из ДРА большинство дипломатов, журналистов и специалистов.

15 марта 1979 года в г. Герате вспыхнул мятеж. Под воздействием исламской пропаганды большинство солдат 7 пехотной дивизии, руководимые реакционно-настроенными офицерами, присоединились к бунтующим гражданам. Под антиправительственными лозунгами начался погром государственных и партийных органов, убийство членов НДПА, охота за советскими специалистами, которые работали в городе (были убиты 2 гражданских специалиста и военный советник майор Бизюков Николай).

После подавления антиправительственного мятежа в г. Герате, афганские лидеры обратились к советскому руководству с просьбой об отправке контингента советских войск в Афганистан. Министр обороны ДРА пол-

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 186.

ковник Абдул Кадыр в беседе с генерал-лейтенантом Л.Н. Гореловым прямо заявил: «Враги революции поднимают голову и начинают действовать. Число арестованных лиц достигло десятков тысяч, все тюрьмы переполнены».

Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета ДРА Н. Тараки пытался именно в г. Москве отыскать выход из критического положения. Просьба была высказана Н. Тараки в телефонном разговоре с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным 17 марта.

18 марта специальная комиссия Политбюро ЦК КПСС по Афганистану обсудила положение в Афганистане и просьбу Н. Тараки о срочной военной помощи. Но было принято решение не вводить контингент советских войск в Афганистан, ибо тогда СССР окажется в роли агрессора.

20 марта Н. Тараки прилетел в г. Москву для проведения секретных переговоров с советскими руководителями. Он настойчиво добивался посылки советских войск в Афганистан, просил оружия, в частности вертолётов. Хотя к этому времени советским руководством уже была удовлетворена просьба афганской стороны об аренде эскадрильи транспортных самолетов с советскими экипажами для выполнения воздушных перевозок в интересах Афганистана.

Беседу с ним проводил А.Н. Косыгин. В ходе этого разговора из уст Н. Тараки прозвучала прямая просьба о вмешательстве Советского Союза: «Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолётах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Термеза в Кабул». Однако А. Косыгин возразил: «Вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но независимо от этого мы ещё раз посоветуемся и дадим ответ».

Просьба Н.М. Тараки о вводе советских войск в Афганистан была опять отвергнута, но А. Косыгин обещал обсудить поставленный вопрос в ЦК КПСС. Во второй половине дня Н. Тараки встретился с А. Косыгиным, А. Громыко, Д. Устиновым и Б. Пономаревым.

А. Косыгин начал беседу с критики в адрес Н.М. Тараки за то, что он чересчур полагается на внешнюю помощь, а не на собственные силы в борьбе с внутренними и внешними врагами. О вводе советских войск в Афганистан не может быть и речи, прежде всего из-за негативных последствий такого шага на международной арене. Для того чтобы у Н.М. Тараки не осталось надежды на «апелляцию» в последнюю инстанцию, в тот же день вечером была организована его встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым.

Н. Тараки пришлось выслушать ещё одну лекцию о том, как ему следует управлять своей страной. В обычной покровительственной манере Л. Брежнев принялся поучать афганского лидера относительно необходимости «единого национального фронта» и завоевания поддержки собственной армии: «Теперь о вопросе, который вы поставили в телефонном разговоре с Косыгиным и затем здесь, в Москве, насчёт возможности ввода советских войск в Афганистан. Мы этот вопрос всесторонне рассматривали, тщательно взвешивали, и скажу прямо: этого делать не следует. В Афганистане и без того находится свыше 500 советских генералов и офицеров в качестве военных советников. Можно послать ещё 150-200 офицеров».¹

Но Н. Тараки остался не вполне удовлетворенным таким ответом.

В заключение этой беседы всё же была достигнута договорённость о создании специального батальона для охраны и обороны особо важных правительственных объектов ДРА, а по сути — Н. Тараки. Начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР было поручено подобрать для этого офицеров и солдат узбекской, таджикской и туркменской национальностей.

Весной 1979 года мятежи и волнения шли уже повсюду, и надежд на стабилизацию положения силами самого г. Кабула не оставалось. Призывы к СССР о срочной помощи войсками следовали почти еженедельно. У советского правительства тогда хватило выдержки не вмешиваться во внутренние дела ДРА, ограничившись военно-технической помощью, посылкой военных советников и обучением афганских военнослужащих.

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

И в строгой летописи ратной
Останутся на долгий век
Прорыв охраны многократной,
Штурм и захват дворца Таж-Бек.

М.С. Селезнев

1. ФОРМИРОВАНИЕ ОТРЯДА

26 апреля 1979 года в штаб Туркестанского военного округа (далее — ТуркВО) поступила директива начальника ГШ ВС СССР № 314/2/0061 о формировании к 1 июня текущего года на базе 15 отдельной бригады специального назначения (далее — обрСпН) ГРУ ГШ ВС СССР отдельного отряда специального назначения (далее — ооСпН) из коренных военнослужащих Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, и подготовке отряда к 1 августа этого же года для выполнения заданий по охране и обороне особо важных объектов за пределами СССР, а если точнее — охране Н.М. Тараки. В директиве начальника ГШ ВС СССР № 313/02402 от 28 апреля 1979 года уточнялась организационно-штатная структура формируемого отряда. Приказ командующего ТуркВО Ю.П. Максимова № 21/4/00755 от 4 мая 1979 года о новом штате 15 обрСпН и формировании на её базе ооСпН был направлен командиру бригады подполковнику Овчарову Александру Алексеевичу.¹

Швец О.У.: «28 апреля меня вызвал к себе начальник 5 управления Генерального Штаба генерал-лейтенант Ткаченко Константин Никитович и сообщил, что принято решение сформировать на базе 15 бригады отряд специального назначения для охраны президента Афганистана Нур Мохаммада Тараки. Ответственным за формирование был назначен полковник Колесник Василий Васильевич, который до этого командовал этой бригадой».²

3 мая старший офицер 5 управления (оперативно-тактическая разведка на военных объектах) ГРУ ГШ ВС СССР, направлонец по войскам специального назначения по Средней Азии — полковник В.В. Колесник и

¹ Справка из исторического формуляра 15-й отдельной бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.

² Колесник В. «Штурм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

офицер 5 управления ГРУ ГШ ВС СССР подполковник О.У. Швец вылетели в г. Ташкент.

Швец О.У.: «С 3 по 9 мая мы согласовывали различные вопросы в штабе Туркестанского военного округа. Пришлось даже звонить в Москву, так как на месте не все понимали серьёзность задачи и «ставили нам палки в колёса». Большую помощь в формировании отряда нам оказал заместитель начальника разведки округа полковник Дунец Василий Васильевич. 10 мая мы провели совещание в 15 бригаде».¹

На совещании кроме В. Колесника и О. Швеца присутствовал заместитель начальника разведуправления ТуркВО полковник В. Дунец, а также представители отдела кадров ТуркВО и офицеры управления 15 ОбрСпН.

Во время совещания В. Колесник довёл до всех присутствующих особые требования к кандидатам формируемого отряда.

Швец О.У.

Колесник В.В.: «Главная особенность отряда заключалась в том, что в нём могли служить только представители трёх национальностей: узбеки, туркмены и таджики. Поэтому и назвали его «мусульманский батальон». Бойцов отбирали только двух призывов: прослуживших полгода и год. Особые требования предъявляли к физической подготовке кандидатов. Поскольку эксплуатация боевой техники предполагает специальные знания, людей отбирали в мотострелковых и танковых частях обоих среднеазиатских округов».²

Формировавшийся отряд имел существенное отличие, как от обычных отрядов спецназа, так и от мотострелковых батальонов.

Шарипов В.С.: «Для спецназа это была уникальная часть. Подразделения специального назначения впервые вооружались БТРами и БМП. Раньше никогда такого не было. Ведь спецназ — это рюкзак на спину, снаряжение, боеприпасы на себя, автомат в руки — и пошёл. А тут — техника! В батальоне имелось 4 роты. Две роты: 1 и 2 — на БТРах, моя 3 рота — на БМП, гранатомётная рота АГС-17, зенитный взвод ЗСУ 23-4 «Шилка», подразделения обеспечения. Для нашего батальона даже программы боевой подготовки не было. Для «чистого» спецназа есть,

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

² Там же.

для мотострелков есть, а для нас нет. Приехали из ГРУ офицеры, и мы сами вместе с ними стали составлять программу».¹

Отряд в спецназе соответствует батальону в сухопутных войсках. Такую странную структуру можно объяснить тем, что первоначально отряд должен был вводиться как «афганский» батальон. Поэтому организационно-штатная структура отряда в основном соответствовала структуре афганского мотопехотного батальона. В целях маскировки предполагались и другие меры: афганская форма одежды, стрелковое оружие и т.д.

Подобные действия не были оригинальными. Через 50 лет они почти полностью повторяли военно-политический опыт СССР 1929 года.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

После приобретения независимости от англичан в 1919 году правительство Амануллы-хана приступило к осуществлению ряда социально-экономических и культурных преобразований.

Однако при осуществлении реформ правительство Амануллы-хана не могло быть последовательным, потому что внутри него существовало 2 противоположных крыла: прогрессивное и консервативное. Прогрессивное крыло состояло из сторонников самого шаха Амануллы-хана: Махмуда Тарзи, Шох Вали-хана и других представителей младоафганского движения. Консервативное крыло образовали сардар Абдулқуддус-хан, Мухаммад Надир-хан, его братья и духовное семейство Муджадади, которые опирались на гласную и негласную поддержку англичан. Внутренние реформы Амануллы-хана, с самого начала, были встречены враждебно консервативной частью афганского общества.

31 августа 1926 года между СССР и Афганистаном был подписан Договор «О нейтралитете и взаимном ненападении».

В январе 1929 года в Афганистане произошёл государственный переворот. 17 января повстанческий отряд под предводительством бывшего взводного командира эмирской гвардии Хабибуллы-хана Калакани (по прозвищу «Бачаи Сакао») занял г. Кабул, и власть перешла к сторонникам развития по исламскому пути, противившимся всему новому: светскому образованию, фабрикам, новым пулемётам и самолётам на вооружении афганской армии.

Разведывательный отдел Среднеазиатского военного округа 10 марта 1929 года докладывал: «Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибулло-ханом отмечается резкое повышение активности бандшаек, учащаются случаи перехода на нашу территорию... Хабибулла-хан установил контакты

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать им содействие в походе на г. Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события создают угрозу спокойствия на нашей границе...».

В феврале 1929 года Аманулла-хан прибыл с группой своих соратников в район г. Кандагара для организации сил, во главе которых он надеялся вновь войти в г. Кабул.

Тем временем в ЦК ВКП(б) обратился генеральный консул Афганистана в г. Ташкенте Гулам Наби-хан Чархи. Он просил разрешить формирование на советской территории отряда из покинувших страну сторонников Амануллы-хана.

В марте 1929 года в г. Москве состоялась встреча, на которой присутствовали советские представители во главе с генеральным секретарём ЦК ВКП(б) И. Сталиным с одной стороны и министром иностранных дел Афганистана Гулам Садик-ханом, прибывшим вместе с Гуламом Наби-ханом Чархи с другой стороны. Для усиления боеспособности воинства генерала Гулам Наби-хана его решили пополнить красноармейцами из национальных частей САВО: из 81 кавалерийского, 1 горнострелкового полков и 7 конного горноартиллерийского дивизиона. Руководство формированием отряда поручили заместителю командующего САВО Маркиану Германовичу.

К 10 апреля 1929 года отряд из 800 отборных красноармейцев, переодетых в афганскую форму, вооружённых карабинами, 12 станковыми и 12 ручными пулемётами, 4 горными орудиями и мощной радиостанцией, при поддержке 6 аэропланов под командованием военного атташе в Афганистане Примакова Виталия Марковича¹ (псевдоним — «кавказский турок Рагиб-бей») был подготовлен к выступлению (18 мая командование отрядом принял Черепанов Александр, псевдоним — «Али Авзаль-хан»). Начальником штаба отряда был афганский офицер Гулам Хайдар. С правовой точки зрения, эта миссия была «обоснована» статьями советско-афганских Договоров «О дружбе» (1921 г.) и «О нейтралитете и взаимном ненападении» (1926 г.). Подготовка и действия отряда были тайной до момента перехода границы (реки Аму-Дарья) 15 апреля 1929 года в районе г. Термез.

Совершив внезапное нападение на пограничный пост «Патта-Гисар», а затем, заняв г. Мазари-Шариф и г. Ташкурган, отряд во встречном сражении разгромил афганское войско в 3000 человек, потеряв при этом убитыми 120 бойцов. Нелегальный представитель разведуправления Матвеев

¹ Примаков Виталий Маркович (1897 — 1937 гг.) — в 1929 году возглавил миссию советского отряда специального назначения по реставрации режима короля Амануллы-хана в Афганистане. Комкор (1935 г.).

сообщал: «Наши ребята умеют стрелять, и мы бы в неделю добрались до Кабула, если бы Аманулла-хан продержался в Кандагаре», но двигавшиеся в столицу Афганистана сторонники Амануллы-хана потерпели поражение от М. Надир-хана и его брата М. Хашим-хана, которые в борьбе за власть расправились и с Хабибуллоу-ханом Калакани. В этой ситуации продолжение войны силами маленького отряда становилось бессмысленным, и 28 мая штаб САВО отдал приказ о возвращении его на Родину.¹

В архивных документах эта операция значителась как «Ликвидация бандитизма в южном Туркестане». Несмотря на то, что более 300 участников операции были награждены орденом Красного Знамени, а остальные — ценными подарками, её изложение в исторических формулярах было запрещено до 1993 года.

Правильно говорил мудрец, что история повторяется...

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОТРЯДА

По организационно-штатной структуре, подготовленной В. Колесником и О. Швецом, формируемый отряд насчитывал 537+1 человек.

Командование отряда — 18+1 человек:

Управление — 9 человек:

Командир отряда; заместитель командира; заместитель командира по политической части; заместитель командира по технической части; заместитель командира по тыловому обеспечению; начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения; начальник вещевого и продовольственной службы; начальник финансовой службы; помощник начальника финансовой службы.

Штаб — 6 человек:

Начальник штаба; помощник начальника штаба; начальник разведки; начальник связи; переводчик; старший писарь.

Партийно-политический аппарат — 3 человека:

Секретарь партийного бюро; секретарь комитета комсомола; начальник клуба.

Оперуполномоченный особого отдела КГБ СССР — 1 офицер (по отдельному штату).

1, 2, 3 роты специального назначения по 120 человек каждая:

а) управление — 6 человек:

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 140-146.

Командир роты; заместитель командира по политической части; заместитель командира по технической части: — в 1 и 2 ротах — старший прапорщик; в 3 роте — офицер; старшина; старший механик-водитель; санинструктор.

б) 3 группы по 38 человек:

- командир группы — офицер;
- заместитель командира — прапорщик;

4 отделения по 9 человек:

- командир отделения-командир БТР (БМП) — сержант;
- наводчик-оператор — ефрейтор;
- механик-водитель — ефрейтор;
- старший разведчик-пулемётчик — младший сержант;
- разведчик-пулемётчик — рядовой;
- разведчик-санитар — рядовой;
- разведчик-гранатомётчик — рядовой;
- помощник разведчика-гранатометчика — рядовой;
- стрелок (в первом отделении — снайпер) — рядовой.

Рота оружия — 4 человек:

а) управление — 4 человека:

— командир роты; заместитель командира по политической части; старшина; старший техник.

— б) 3 группы оружия по 25 человек:

- командир группы — офицер;

4 отделения по 6 человек:

— командир отделения (командир первого отделения — заместитель командира группы) — сержант;

— водитель — рядовой;

— 2 расчёта АГС-17 по 2 человека — рядовые.

Зенитно-артиллерийская группа (заг) ЗСУ 23-4 — 19 человек:

а) управление — 3 человека: командир группы; заместитель командира; техник.

б) 4 экипажа по 4 человека:

- командир ЗСУ 23-4 — сержант;
- наводчик-оператор — ефрейтор;
- механик-водитель — ефрейтор;
- заряжающий — рядовой.

Отделение ремонтно-наладочных работ (орнр) — 6 человек:

— командир отделения — офицер; 4 водителя — рядовые; электрик — рядовой.

Группа связи — 20 человек:

а) управление — 2 человека:

— командир группы — офицер; заместитель командира — прапорщик;

б) отделение управления командира отряда — 5 человек:

— командир отделения — сержант;

— механик-водитель БМП-К — ефрейтор;

— старший водитель-электрик радиостанции Р-142 — младший сержант;

— радиотелеграфист — рядовой;

— радиотелефонист — рядовой;

в) отделение управления начальника штаба отряда — 4 человека:

— командир отделения — сержант;

— механик-водитель БМП-1КШ — ефрейтор;

— водитель-электрик радиостанции Р-118 — рядовой;

— радиотелефонист — рядовой;

г) отделение связи — 9 человек:

— командир отделения — сержант;

— старший радиотелефонист — младший сержант;

— старший мастер — младший сержант;

— 2 радиотелефониста — рядовые;

— 2 телефониста-линейщика — рядовые;

— водитель-электрик — рядовой;

— водитель — рядовой.

Группа обеспечения — 35 человек:

— командир группы — старший прапорщик;

а) хозяйственное отделение — 13 человек:

— командир отделения-повар — сержант;

— старший повар — сержант;

— 3 повара — рядовые;

— старший водитель — сержант;

— 3 водителя — рядовые;

— начальник склада горюче-смазочных материалов — сержант;

— начальник склада боеприпасов — сержант;

— начальник вещевого склада — сержант;

— начальник продовольственного склада — сержант;

б) автомобильное отделение — 14 человек:

— командир отделения — сержант;

— старший водитель — сержант;

— старший водитель-заправщик — сержант;

— старший водитель-радиотелефонист — сержант;

— 5 водителей — рядовые;

- 4 водителя-заправщика — рядовые;
- водитель-киномеханик — рядовой;
- в) техническое отделение — 7 человек:
 - командир отделения-старший мастер по топливной аппаратуре — сержант;
 - старший механик по электроспецоборудованию-аккумуляторщик — младший сержант;
 - механик по гидромеханическим агрегатам к узлам — младший сержант;
 - слесарь-монтажник — рядовой;
 - водитель-вулканизаторщик — рядовой;
 - 2 техника артиллерийского вооружения — рядовые.

Медицинский пункт отряда — 5 человек:

Врач — офицер; фельдшер-начальник аптеки — старший прапорщик; старший водитель-санитар — сержант; санитар — сержант; водитель-санитар — рядовой.

Представители отдела кадров ТуркВО подготовили свои предложения на должности командира отряда, его заместителей, начальника штаба, командиров рот и групп, их заместителей. Предложенные кандидатуры обсуждались персонально, затем отклонялись или утверждались.

Особенно долго обсуждали кандидатуру командира отряда.

В конце концов, по предложению В. Колесника было решено назначить на эту должность капитана Х. Холбаева, которого В. Колесник знал ещё с тех пор, когда был командиром 15 бригады.

Кривопалов О.В.: «Командиром мусульманского батальона был назначен мой сослуживец по второму отряду спецназа Холбаев Хабиб Гаджибаевич. Невысокого роста, крепкий, немногословный, он не особенно выделялся на общем фоне. Однако даже в далеком 1975 году он заставил о себе говорить. События, в ходе которых отличился старший лейтенант Холбаев, происходили на учениях войск ТуркВО. Выполняя задачу в тылу условного противника, он со своей группой захватил в качестве «языков» целый автобус с офицерами штаба воздушной армии. Был грандиозный скандал. Командиру группы обещали «кары небесные», объявили взыскание от руководства ТуркВО. Но главный наш уважаемый судья — командир бригады полковник Мосолов на служебном совещании офицеров поставил Холбаева всем в пример и приказал начальнику штаба полковнику Колеснику подготовить наградной материал для поощрения молодого офицера. И не так важно, что в тот раз, как говорят, награда обошла героя, а важно то, что воспитывался смелый десантный характер. Все офицеры осоз-

нали, что не нужно бояться действовать на учениях, как в бою. Я не знаю, что думал Василий Васильевич Колесник в 1979 году при отборе кандидатуры на должность командира «мусульманского батальона», но уверенность в том, что Холбаев выполнит любой приказ, у него была».¹

После совещания В. Колесник и О. Швец отбыли в г. Москву. В дальнейшем курировать формирование отряда в г. Чирчик приехали офицеры 5 управления ГРУ ГШ ВС СССР: полковники Лавренёв Николай Николаевич и Блохин Анатолий Павлович.

1.2. ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ И ПРАПОРЩИКИ

Достойный сын СССР:
Себе знал цену офицер,
Не то, что нынешнее племя,
Что унижают, как хотят:
«Реформы это!» — говорят...

Владимир КОШЕЛЕВ.

Офицерами и прапорщиками отряд был укомплектован в основном из частей Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Отбор офицеров производился по специальностям и национальностям. Все офицеры и прапорщики прошли медкомиссию и с ними проводились собеседования.

В конце апреля 1979 года, — вспоминал Р.Абдуллаев, — меня вызвал к себе командир 232-го учебного танкового полка, в котором я тогда проходил службу в г. Теджене. В кабинете командира полка находился майор-десантник, который представился как офицер штаба 15 бригады специального назначения. Побеседовав со мной, он предложил мне служить в войсках специального назначения. Я сначала сомневался в своих способностях проходить службу в этих войсках, и поэтому отказался. Но он меня переубедил и сказал, что это только предварительная беседа, и со мной будут ещё беседовать в штабе округа, а там решение будет окончательным. В дальнейшем со мной и другими политработниками беседовали начальник отдела кадров политуправления ТуркВО, член военного совета округа генерал-лейтенант В.С. Родин, представители разведывательного управления округа и ГРУ ГШ ВС СССР.

Артыков А.Б.: «Весной 1979-го года по моей просьбе меня перевели

¹ Кривопапов О.В. Спецназ на Афганской войне. — Тюмень: издательство «Вектор», «Военно-исторический альманах». 2004, № 4.

в Туркестанский военный округ. В первых числах мая я прибыл в штаб ТуркВО для оформления документов. Я должен был поехать в госпиталь, в Нукус, однако в этот день документы оформить не успели. Когда я пришёл на следующий день, меня вызвали на собеседование с офицером разведуправления округа, а затем с представителем ГРУ ГШ. В результате я оказался в Чирчике, в 15 бригаде спецназа. Я прибыл первым из офицеров «мусульманского батальона». К этому времени в батальоне уже было около 100 солдат. Мне пришлось ими командовать. Через несколько дней, после меня, прибыл капитан Ашуров, которому я с радостью, передал командование людьми».

Шарипов В.С.: «Меня пригласили к командиру полка. У него сидел незнакомый офицер в «гражданке». Поинтересовался: «Не хотите ли служить в спецназе?». Я, конечно же, согласился. Я уже прошёл медкомиссию для службы в жарких странах. Поэтому всё оформили очень быстро. Вот так я оказался в «мусбате».¹

Кудратов И.С.: «Я был в отпуске. После отпуска я по замене должен был ехать в Германию. Отпуск закончился, а в части меня уже ждал приказ о назначении командиром 1 роты «мусбата». Приехал в Чирчик и принял роту. Она в основном состояла из десантников, прибывших из 22-й бригады специального назначения и из 105 воздушно-десантной дивизии».

Абдуллаев А.С.: «Собеседование со мной проводилось в управлении кадров ТуркВО. Кто проводил, не знаю, так как офицеры, беседовавшие со мной, не представились. Могу лишь догадываться, что это были представители разведуправления округа и ГРУ ГШ».

Ахмедов М.: «Я находился в командировке в Сары-Озеке. Мы строили полигон для зенитно-артиллерийского полка 68 мотострелковой дивизии. 5 июня 1979-го года меня срочно вызвали к заместителю командира полка. От него я узнал, что приехали представители Туркестанского военного округа и отбирали офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат по национальности из узбеков, таджиков и туркмен для войск специального назначения в ТуркВО. Конкретно я не знал, что пойду служить в «мусульманский батальон». После того, как я сдал дела и должность, прибыл по предписанию в город Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР, в войсковую часть 64411 Туркестанского военного округа. Тут я узнал, что буду проходить службу в «мусульманском батальоне»».

Состав прибывших в отряд офицеров был достаточно разнородным. Большинство прибыли из развёрнутых частей, но были и офицеры из скандированных частей, военкоматов, военных кафедр институтов.

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

Саттаров А.С.: «В мае 1979-го года я служил в облвоенкомате Наманганской области. В начале месяца со мной два раза проводили собеседование офицеры из 15 бригады спецназа. Затем облвоенкому Исакову Каримжану Исаковичу позвонил ЧВС ТуркВО, и после беседы с ним к телефону вызвали меня. Он сказал, что меня хотят назначить замполитом батальона, которому предстоит выполнить особое задание Родины. Я ответил ему, что задание Родины выполнить готов. Через несколько дней пришла телефонограмма, в которой мне предписывалось прибыть на собеседование в политуправление Туркестанского округа. Там сообщили, что я назначен на должность замполита батальона и предложили выбрать замполитов рот, секретаря парторганизации и секретаря комитета комсомола из предложенных кандидатур. Мне указали, кого они считают наиболее подходящими. Я с этими кандидатурами согласился и после собеседования сразу отправился в Чирчик».

Касымов С.С.: «Я в это время служил в военно-строительном отряде. В начале мая меня вызвал на беседу начальник политического отдела полковник Пенкин. Предложил служить в ВДВ. Я с большим желанием и радостью согласился. В конце мая 1979 года был переведен для прохождения службы в город Чирчик, в «мусбат».

Среди офицеров я прибыл в отряд одним из первых. Кроме меня уже были капитаны А.М. Ашуров, Р.М. Бердыев и А.Б. Артыков. Затем в нашу 3 роту из развёрнутых и учебных частей прибыли: из г. Кызыл-Арвата — В.С. Шарипов и Р.Ч. Назаров, из г. Отара — Н. Намозов и А.А. Джумаев, из г. Ашхабада — Б.А. Эгамбердыев. Причём трое из нас оказались выпускниками суворовских военных училищ: В.С. Шарипов и Р.Ч. Назаров — Свердловского, а я, Р.И.Абдуллаев — Казанского суворовского военного училища. Полковник В.В. Колесник к нам предъявлял особые требования, поскольку сам был суворовцем одного из первых послевоенных выпусков.

После проведённых собеседований отобранные офицеры и прапорщики вернулись в свои воинские части для сдачи должностей и получения предписаний для следования в г. Чирчик, в войсковую часть 64411.

Одним из последних прибыл командир отряда майор Х. Холбаев.

Холбаев Х.Т.: «В 1976 году в нашей 15 бригаде были сокращения. Несколько отрядов скадрировали. Я должен был ехать в группу советских войск в Германии, но заболел: был прооперирован по поводу аппендицита. Вроде и времени прошло немного, но вместо меня уже уехал другой. Мне предложили стать преподавателем военной кафедры в Чарджоу. Там я пробыл недолго. В конце 1978 года пришла разрядка на одного офицера на курсы «Выстрел». Предложили мне. Я согласился. В ноябре уехал в

Солнечногорск (в Подмосковье). 8 мая 1979-го года, когда мы шли на торжественное собрание, меня из колонны вызвал полковник в десантной форме. Во время беседы он спросил, хотел бы я вернуться в 15 бригаду спецназа. Я уточнил: «На какую должность?». Он ответил, что на должность командира отряда. Я согласился. Он сказал, что моими занятиями на курсах довольны, и мне сообщат о решении. Я уже начал забывать о разговоре, но 28 мая меня вызвали в Москву. Там в ГРУ ГШ меня встретил какой-то полковник, дал мне инструкцию и закрыл в кабинете. Через полтора часа он пришёл и спросил о моём мнении об этой инструкции. Я высказал свое мнение.

Весь день я ходил по начальству. Сначала к генерал-майору, затем к генерал-лейтенанту. Последним меня принимал начальник ГРУ генерал армии Ивашутин. Он выглядел совсем старым. Я, чтобы не сделать ему больно, только слегка пожал ему руку. Но он мне сжал руку очень сильно. Поспрашивал, где я служил, какой опыт работы с людьми.

В заключение сказал, что меня назначают командиром отряда. Спросил: «Когда вам выходит срок на майора?». Я ответил, что через полгода, если считать по-старому, а по-новому уже полгода переходил. Тогда Ивашутин приказал своему порученцу записать мои данные, чтобы к отлёту я был уже майором. Ночью в 00.50 я уже вылетел в Ташкент. К моему приезду отряд уже был почти полностью укомплектован офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами».

Некоторые должности в отряде были укомплектованы позже, когда отряд уже приступил к подготовке, а некоторые так и остались вакантными.

Холбаев Х.Т.: «Так как должность начфина была не заполнена, его обязанности некоторое время выполнял замполтылу отряда майор Джалилов, а должностные обязанности начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения исполнял мой заместитель по вооружению старший лейтенант Ибрагимов».

1.2.1. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОФИЦЕРОВ И ПРАПОРЩИКОВ

Командование отряда: ¹

Управление:

— командир — майор Холбаев Хабибджан Таджибаевич;

¹ Справка из исторического формуляра 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР. Должности и воинские звания указаны на 1 июня 1979 года.

— заместитель — старший лейтенант Сахатов Мурад Таймасович;
— заместитель по политической части — старший лейтенант Саттаров Анвар Саттарович;
— заместитель по тыловому обеспечению — майор Джалилов Джурабой;
— заместитель по технической части — старший лейтенант Ибрагимов Эдуард Нариманович;
— начальник службы РАВ — вакант;
— начальник финансовой службы — вакант;
— помощник начальника финансовой службы — вакант;
— начальник продовольственной и вещевого службы — прапорщик Байрамгельдиев А.Б.

Штаб:

— начальник штаба — капитан Ашуров Абдулкасым Мамадалиевич;
— помощник начальника штаба — вакант;
— начальник разведки — старший лейтенант Джамолов Ашур;
— начальник связи — капитан Бердыев Рашит Меджитович;
— переводчик — старший лейтенант Камбаров Ибодулло Каримович.

Партийно-политический аппарат:

— секретарь партийного бюро — старший лейтенант Рашидов Анвархон Ганеевич;
— секретарь комитета комсомола — лейтенант Зуфаров Хусан Адюлович.

— начальник клуба — прапорщик Умаров Камиль.

Оперуполномоченный особого отдела КГБ СССР — старший лейтенант Байхамбаев Махамоджон Каримович (по отдельному штату).

1 рота БТР:

— командир — капитан Кудратов Исмат Суннатович;
— заместитель по политической части — лейтенант Хусаинов Мурат

Ораевич;

— заместитель по технической части — прапорщик Касымов Таиржон Камилович;

— старшина — прапорщик Курязов Атабай;

1 группа:

— командир — лейтенант Туркманов Мавлян;
— заместитель — прапорщик Бабаджанов Юлдаш Машарипович ;

2 группа:

— командир — лейтенант Турсункулов Рустамходжа Турдихуджаевич;

- заместитель — прапорщик Жуматов Бекиммат;
- 3 группа:
 - командир — старший лейтенант Абдуллаев Алымжон Султанович;
 - заместитель — прапорщик Норов Джуракул.
- 2 рота БТР:
 - командир — старший лейтенант Амангельдыев Курбандурды Мередович;
 - заместитель по политической части — лейтенант Касымов Солижон Собиорович;
 - заместитель по технической части — прапорщик Мусаев Абдурахим И.;
 - старшина — прапорщик Ибодуллаев Гаппар;
- 1 группа:
 - командир — лейтенант Нуритдинов Мусалим Султанович;
 - заместитель — прапорщик Каримов Б.;
- 2 группа:
 - командир — лейтенант Ахмедов Махмудбек ;
 - заместитель — прапорщик Худайбердыев А.А.;
- 3 группа:
 - командир — лейтенант Маматкулов Гулямжон Юсупович;
 - заместитель — прапорщик Шамиев Д.
- 3 рота БМП:
 - командир — старший лейтенант Шарипов Владимир Салимович;
 - заместитель по политической части — лейтенант Абдуллаев Рашид Игамбердиевич;
 - заместитель по технической части — старший лейтенант Эгамбердыев Баходыр Абдуманопович;
 - старшина — прапорщик Машарипов Рузмет Машарипович;
- 1 группа:
 - командир — лейтенант Назаров Рустам Чингизович;
 - заместитель — прапорщик Мамедназаров Ишанберды;
- 2 группа:
 - командир — старший лейтенант Джумаев Анваржон Аланазарович ;
 - заместитель — прапорщик Кучкоров Г. Н.;
- 3 группа:
 - командир — капитан Намозов Ниёзитдин;
 - заместитель — прапорщик Алисултанов С. А.

Рота оружия:
— командир — старший лейтенант Мирюсупов Миркасым Миргуланович;
— заместитель по политической части — старший лейтенант Камбаров Александр Магруппович;
— старшина — прапорщик Менлидурдиев Амандурды;
1 группа:
— командир — старший лейтенант Тишаев Гафуржон Кадырович;
2 группа:
— командир — лейтенант Абдувалиев Улугмирза Халмирзаевич;
3 группа:
— командир — лейтенант Ходжаев Рахимходжа.
Зенитно-артиллерийская группа (заг):
— командир — старший лейтенант Праута Василий Максимович;
— заместитель — прапорщик Неверов Юрий Анатольевич;
— техник — прапорщик Смайлов Рустам.
Отделение регламентных и настроечных работ (орнр):
— командир — старший лейтенант Никонов Олег;
— заместитель — прапорщик Акыев О.
Группа связи:
— командир — старший лейтенант Мирсоатов Юлдаш.
— заместитель — вакант.
Группа обеспечения:
— командир — старший прапорщик Рахимов Асрор.
Медицинский пункт отряда (мпо):
— врач — капитан медицинской службы Артыков Абдурасул Бекбетович;
— фельдшер-начальник аптеки — старший прапорщик мед. сл. Асоров Карим.

1.3. СЕРЖАНТЫ И СОЛДАТЫ

В части ТуркВО, САВО, ЗакВО, БелВО, ЛенВО и МосВО, из которых в соответствии с директивой начальника ГШ ВС СССР отбирали сержантов и солдат, были направлены представители 15 бригады СпН. Отбирались сержанты и солдаты необходимых военно-учётных специальностей и только трёх национальностей (узбеки, таджики и туркмены), прослужившие полгода и год. Но предпочтение отдавалось тем, кто прослужил один год, поэтому их было большинство. Так как в отряде должна быть

бронетехника (БМП, БТРы, ЗСУ), то отбирали не только из спецназа и ВДВ, но и из мотострелковых и танковых частей. При этом весь личный состав отряда по состоянию здоровья должен отвечать требованиям годности для прохождения службы в ВДВ.

Сержанты и солдаты прибыли из нижепоименованных воинских частей:

— 2 ОбрСпН (г. Псков, ЛенВО); 12 ОбрСпН (г. Лагодехи, ЗакВО); 16 ОбрСпН (г. Чучково, МосВО); 22 обрСпН (г. Капчагай, САВО); 103 ВДД (г. Витебск, БелВО); 105 ВДД (г. Фергана, ТуркВО); 5 МСД (г. Кушка, ТуркВО); 58 МСД (г. Кызыл-Арват, ТуркВО); 108 МСД (г. Термез, ТуркВО); учебного центра ПВО (г. Мары, ТуркВО); 232 утп (г. Теджен, ТуркВО); 8 МСД (г. Фрунзе, САВО); 68 МСД (г. Сары-Озек, САВО); 80 УМСД (г. Отар, САВО); 167 МСД (г. Семипалатинск, САВО); 201 МСД (г. Душанбе, САВО); 203 МСД (г. Караганда, САВО).¹

Б. Хамза:² «Солдат и сержантов собрали из разных частей и родов войск. Были и с голубыми, и с чёрными, и с красными погонами, в беретах, в пилотках и в панاماх. Офицеров и сержантов назначили сначала из местных».

За каждой ротой был закреплён офицер, ответственный за формирование рот, из числа командиров скадрированных отрядов специального назначения и офицеров управления 15 бригады:

- 1 рота — майор Голубович Александр Леонидович;
- 2 рота — майор Чубаров Александр Сергеевич (впоследствии генерал-майор);
- 3 рота — майор Шрамко Владимир Владимирович;
- рота оружия — майор Коновальчиков Виктор Александрович.

Когда я прибыл в бригаду, солдат и сержантов было уже достаточно много, а офицеров было только трое: А.М. Ашуров, Р.М. Бердыев и А.Б. Артыков, поэтому до прибытия штатных офицеров комбриг назначил так называемых «временных» командиров рот из числа офицеров бригады. Командиром моей роты был майор В.В. Шрамко, а ему помогал лейтенант В. Посохов. С ним были 3 сержанта. Среди сержантов был очень толковый узбек, и я потом упросил В. Посохова оставить его в нашей роте.

Холбаев Х.Т.: «Первое время часть отряда расположили в казармах 4 и 5 рот 2 батальона бригады и в палатках».

¹ Справка из исторического формуляра 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.

² Б. Хамза проходил службу в 154-м ооСпН с мая 1979 года по май 1980 года в должности пулемётчика. Награждён медалью «За отвагу».

К середине мая на формирование прибыло уже около 1000 солдат и сержантов, из которых нужно было отобрать только тех, кто соответствовал определенным требованиям. Отбирали как по квалификации, морально-психологическим и физическим данным, так и по другим признакам: наличие родственников за границей, их судимости и т.д. Важными критериями были также партийность в КПСС или членство в ВЛКСМ, общеобразовательный уровень, знание русского и таджикского языков. Кроме этого, особое внимание уделялось межличностным взаимоотношениям среди сержантов и солдат.

Саттаров А.С.: «Со всеми солдатами, которые прошли отбор, проводились собеседования. По результатам собеседований формировались отделения, взводы, роты».

Несмотря на почти двойное количество прибывших солдат и сержантов, к указанному сроку не удалось найти необходимое число некоторых специалистов или же имеющиеся специалисты не соответствовали поставленным требованиям. Те сержанты и солдаты, которые по тем или иным причинам не были отобраны в отряд, были заменены личным составом из 15 обрСпН. Солдаты и сержанты из 15 ОбрСпН попадали в отряд и по другим причинам.

Овчаров А.А.: «К сожалению, не все командиры частей, откуда прибывали солдаты, отнеслись должным образом к подбору солдат и сержантов. Дошло до того, что из одной части прислали свинаря, которому перед отправкой присвоили звание младшего сержанта и записали на должность командира БМП. Естественно, что и мне не хотелось отдавать хороших специалистов, но мы понимали, что они отправляются не на прогулку. Поэтому я приказал доукомплектовать отряд толковыми солдатами и сержантами из состава бригады».

Колесник В.В.: «В основе комплектования, конечно, лежал принцип добровольности, но при отсутствии волонтеров данной военно-учётной специальности хорошего спеца могли зачислить в отряд даже помимо его воли».¹

По национальности, кроме узбеков, таджиков и туркмен, в нашей 3 роте было 2 казаха и 1 татарин. Были казахи и в других ротах.

Арзаметов Б.С.:² «В отряде были и казахи. Только из Чимкента нас было четыре человека: я, Усманов Миша, Расульметов Курмантай и Бахтияр».

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

² Арзаметов Батырало Султаналиевич проходил службу в 154-м ооСпН в должности стрелка 2-й группы 1-й роты. Награждён медалью «За боевые заслуги».

Зенитно-артиллерийская группа ЗСУ 23-4 прибыла почти полностью укомплектованной из 58 мотострелковой дивизии. Не хватало только нескольких человек, которых забраковали особисты, или это были те, кто уже отслужил полтора года. Большинство в этой группе были славяне.

Иванов В.Б.: ¹ «Некомплект солдат и сержантов для группы ЗСУ 23-4 набрали из учебного центра ПВО в Мары».

Сержантов и специалистов отбирали таким образом, чтобы из отобранных в отряд, создавался двойной штат экипажей БТРов и БМП: командиров отделений, наводчиков-операторов, механиков-водителей.

Первоначально в мою 3 роту поступило почти 40 механиков-водителей. Отобрали только 26: по 2 на каждую БМП. Назначили основных и запасных. Запасных назначили стрелками-санитарами. Такая же картина была с наводчиками-операторами и с командирами БМП. Запасных командиров БМП назначили старшими пулемётчиками-разведчиками, запасных наводчиков-операторов — гранатомётчиками, а гранатомётчиков — их помощниками. Доподготовку они проходили вместе с основными членами экипажей. Причём каждый готовился по штатной и по смежной специальности. Со мной из 232 учебного танкового полка прибыло несколько механиков-водителей и наводчиков-операторов среднего танка, которых также разместили в штате роты на должностях стрелков.

В июне произошёл конфликт между личным составом 1 и 3 рот.

1 рота БТР в основном была укомплектована десанниками и спецназовцами, которые в большинстве своём оказались таджиками.

Ахмедов М.: «Я так думаю, что инцидент произошёл потому, что военнослужащие, которые приехали в батальон из частей ВДВ, хотели показать своё преимущество во владении различными приемами рукопашного боя. Вторая причина: узбеки и таджики, каждый по себе, хотели лидировать. Но этот инцидент произошёл в самом начале и в последующем, после сплочения воинских коллективов, такие вопросы больше не возникали».

Швец О.У.: «В самом начале в отряде был инцидент. Несколько солдат из ВДВ попытались установить в подразделениях свои порядки и т. д. Их сразу отчислили из отряда, и больше неуставных отношений в отряде не было».²

В июле в роте оружия произошло чрезвычайное происшествие. Возвращаясь со стрельб, водитель автомобиля ГАЗ-66 не справился с управлением, и автомобиль перевернулся. В результате погибли 3 и получили увечья 12 человек.

¹ Иванов Владимир Борисович проходил службу в 154-м ооСПН с мая 1979 по май 1980 года в должности командира ЗСУ 23-4 «Шилка». Награждён медалью «За отвагу».

² Колесник В. «Штурм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Камбаров А.М.: «Водитель автомобиля, в котором старшим был майор Коновальчиков Виктор Александрович, прикомандированный к нам из 15 бригады, не справился с управлением и на крутом повороте перевернул машину на левую сторону. Грузовик перевернулся два раза. Людей подавило массивными ящиками, в которые были упакованы АГСы. Все раненые и погибшие были из 2 взвода. Фамилия одного из погибших — рядовой Нуров, родом из Пенджикента. Гроб с телом солдата отвозил на машине в то время капитан Намозов».

Водитель был осужден на 3 года. Вместо погибших и раненых рота оружия была доукомплектована личным составом из 15 обрСпН.

1.4. БОЕВАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА, СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ

Боевую и специальную технику для отряда отбирали офицеры 15 обрСпН на базах хранения ТуркВО и САВО. БМПэшки для нашей роты с ашхабадской базы хранения бронетанкового вооружения пригнал эшелонем лейтенант В. Посохов.

Ибрагимов Э. Н.: «Технику отбирали тщательно. Были случаи, когда нам хотели отдать машины постарее и похуже, но у офицеров были большие полномочия, и при малейшем сомнении технику забраковывали. Всю технику доставили в распоряжение бригады. Так как машин прибыло гораздо больше, чем имелось боксов в бригаде, то технику разместили на открытой площадке в специально оборудованном полевым парке».

Почти вся прибывшая техника была в хорошем состоянии, только несколько машин было с небольшим пробегом, её распределили между подразделениями отряда, в соответствии с приложением к штату отряда.

Всего в отряд прибыла следующая боевая и специальная техника:

1 рота: — 13 БТРов-60ПБ.

2 рота: — 13 БТРов-60ПБ.

3 рота: — 13 БМП-1 (об.765).

Рота оружия:

— 13 автомобилей ГАЗ-66.

Зенитно-артиллерийская группа:

— 4 ЗСУ 23-4 «Шилка»;

Отделение регламентных и настроечных работ:

— 4 автомобиля ЗИЛ-131;

— 4 электростанции постоянного тока;

Группа связи:

— радиостанция Р-142 на базе автомобиля ГАЗ-66;

- радиостанция Р-118 на базе автомобиля ГАЗ-66;
 - БМП-1К;
 - БМП-1КШ;
 - автомобиль ГАЗ-66.
- Группа обеспечения:
- автомобиль УАЗ-469;
 - водовоз на базе ЗИЛ-131;
 - 3 ПАКа-200 (полевая автомобильная кухня) на базе ЗИЛ-131;
 - ПАК-125 на базе ГАЗ-66;
 - 4 бензовоза на базе «Урал»-375Д;
 - МТО-АТ (мастерская автомобильной техники) на базе ЗИЛ-131;
 - ДДА-3 (дизенфекционно-душевой автомобиль) на базе ЗИЛ-131;
 - ПАК-66 (походный автомобильный клуб со стационарной кино-установкой) на базе ГАЗ-66;
 - автомобиль ГАЗ-66;
 - 3 автомобиля ЗИЛ-131.
- Медицинский пункт отряда:
- автомобиль УАЗ-452А;
 - санитарный автомобиль-перевязочная на базе ГАЗ-66.
- Стрелковое оружие:
- пистолеты ТТ — у офицеров и прапорщиков (потом дополнительно получили автоматы АКМС 7,62мм);
 - автоматы АКМС 7,62мм — у солдат и сержантов;
 - снайперские винтовки СВД: по одной в каждой боевой группе 1, 2, 3 рот — всего 12 единиц;
 - пулемёты: в 1 и 2 ротах — РПК 7,62мм; в 3 роте — ПКМ 7,62мм — по 24 единицы;
 - ручные гранатомёты: в 1, 2 и 3 ротах — РПГ-7Д по 12 единиц (в дальнейшем дополнительно получили РПГ-18 «Муха»);
 - автоматические гранатомёты АГС-17 «Пламя»: в роте оружия — 24 единицы.¹

¹ Справка из исторического формуляра 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.

ПОДГОТОВКА ОТРЯДА

ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ ПО ОХРАНЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СССР

Как будто первый раз заметил,
Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив — работа.
И пахнет кирзюю сапог,
И звёздами, и солью пота...

С. ОРЛОВ

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ: ДО 15 ИЮЛЯ

К 1 июня отряд был почти полностью укомплектован. Началась боевая и политическая подготовка. Подготовка велась очень напряжённо, практически без выходных дней, отдыха и досуга. Отряд был полностью освобождён от несения нарядов, караулов, посторонних работ. Подготовку постоянно контролировали кураторы из ГРУ ГШ и штаба округа. За полтора месяца отряд выполнил полугодовую норму по стрельбе, вождению и тактико-специальной подготовке. Почти половина всех полевых занятий проводилась ночью.

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Вся партийно-политическая работа в отряде проводилась в соответствии с действующими инструкциями, приказами и директивами. В отряде и в его подразделениях были созданы партийные и комсомольские организации, назначены руководители групп политических занятий и их помощники, назначен и избран актив подразделений и отряда, были приняты социалистические обязательства и организовано соревнование между подразделениями, а также соревнование по задачам и нормативам между специалистами.

Повестки дня партийных и комсомольских собраний в основном были следующего содержания: «О личной примерности коммунистов (комсомольцев) в выполнении (конкретного задания по тактико-специальной, огневой, физической подготовке или вождению), «О мобилизующей роли коммунистов (комсомольцев) в укреплении воинской дисциплины и сплочении воинских коллективов» и др.

Политические занятия проводились по отдельно разработанному по-

литуправлением ТуркВО плану. Офицеры из политуправления и разведуправления округа проверяли качество проведения политзанятий, способность всех категорий военнослужащих разбираться в военно-политической обстановке, логично и обоснованно излагать изучаемый материал. Особое внимание уделялось индивидуально-воспитательной работе. В часы политико-воспитательной работы проводились специальные тренинги по морально-психологической подготовке различных специалистов.

Саттаров А.С.: «В отряде регулярно проводились партийные и комсомольские собрания, а также общие собрания офицеров, прапорщиков и сержантов, на которые приглашались комбриг Овчаров, начальник политотдела бригады майор Тибенко и кураторы. Организована политическая подготовка со всеми категориями военнослужащих. Все эти мероприятия способствовали сплочению отряда в единый коллектив».

В каждой роте был сформирован коллектив художественной самодеятельности. С окружной базы технических средств информации (ТСИ) я лично получил отрядный и ротные комплекты национальных музыкальных инструментов (в том числе и баяны), а также все необходимые ТСИ. Под руководством секретаря партийного бюро Рашидова Анвара изготавливались походные средства наглядной информации. Полученные ТСИ, а также созданные походные средства наглядной информации активно использовались на полевых занятиях.

Также было поручено к 20 июля подготовить в каждой роте команду «Клуба весёлых и находчивых». Подготовку команд осуществлял секретарь партийного бюро старший лейтенант Рашидов Анвар. Состязания КВН мы провели в августе месяце, где команда 3 роты под моим (Р.Абдуллаев) капитанским руководством заняла 1 место.

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА

Первоначально отряд отрабатывал стандартную программу разведывательных подразделений мотострелковых и воздушно-десантных войск: выдвижение, развёртывание в боевой порядок, атака, захват и оборона объектов; а затем и по программе специальных подразделений: бой в городе, в здании, в окружении; поиск, засада, налёт, отход.

В течение 7 недель интенсивных занятий и тренировок установленная программа была полностью выполнена. Особое внимание уделялось боевому слаживанию отделений, групп и рот, а также взаимозаменяемости в экипажах. Много времени было уделено боевым действиям в горах.

Ашуров А.М.: «В ротах на основании плана боевой подготовки и

Старшие лейтенанты В. Шарипов (справа) и В. Ли на занятиях по тактико-специальной подготовке

развёртывание в линии взводных колон, спешивание, атака переднего края обороны противника, отрабатывались темы по тактико-специальной подготовке: засада и налёт. Все стрельбы проводилось на полигоне Ташкентского ВОКУ и войсковой части 64411».

Кроме офицеров отряда к занятиям по тактико-специальной и подготовке были подключены и офицеры бригады.

Овчаров А.А.: «В это время в горах проходили испытания биологических датчиков, которые должны были определять, кто прошёл: человек или животное. Эти испытания совместили с горной подготовкой отряда».

ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА И ВОЖДЕНИЕ

Всю новую технику обслужили и подготовили к интенсивной эксплуатации, выверили и пристреляли орудия и пулемёты. Огневая подготовка и вождение проходили как на полигоне 15 бригады, так и на полигонах Ташкентского Краснознаменного, ордена Красной Звезды высшего общевойскового командного училища имени В.И. Ленина и Ташкентского ордена «Ленина» высшего танкового командного училища имени П.С. Рыбалко.

Шарипов В.С.: «По распоряжению командующего округом у нас не было никаких лимитов — ни на боеприпасы, ни на моторесурсы. Полигоны предоставлялись в первую очередь, даже если в училищах были запланированы занятия».¹

С основными и запасными механиками-водителями проводились заня-

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

тия по вождению в колонне, по пересеченной местности (вне дорог) и в горах, а ночью — без габаритных огней, прибора ночного видения ТВН и светомаскировочного устройства.

Наводчики-операторы выполняли упражнения учебных стрельб (УУС) по несколько раз в день, как с короткой остановкой, так и с ходу.

Гранатомётчики и их помощники стреляли на дальность, на время, на шум, сквозь дым, на максимальные расстояния и т.д. Со своими гранатомётчиками и их помощниками я занимался лично.

На базе Ташкентского танкового училища все механики-водители и наводчики-операторы БМП прошли ускоренную подготовку в качестве механиков-водителей и наводчиков-операторов среднего танка Т-62. Их подготовку контролировал старший лейтенант М.Т. Сахатов, а иногда и я, так как окончил танковое училище.

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

На занятиях по физической подготовке особенно большое внимание уделялось развитию выносливости. Почти ежедневно совершали марш-броски в учебный центр по танковому маршруту: по 12 километров с полной выкладкой туда и обратно.

Другим важным пунктом физической подготовки был рукопашный бой. Отрабатывались приёмы боевого самбо и дзюдо. Занятия проводил инструктор по рукопашному бою, приглашённый из городского отдела КГБ, и наиболее подготовленные офицеры и сержанты из отряда и бригады.

Назаров Р.Ч.: «Нашей роте доставалось особенно. Кроме того, что нас и так гоняли, так ещё Шарипов за малейшую провинность отправлял роту бегать кросс по 6-8 километров. Поэтому за нашей ротой закрепилась слава «штрафбата» батальона. В роте вся «пехота» (кроме экипажей) прошла подготовку на тропе разведчика. Офицеры бегали кроссы вместе с солдатами. Были даже обиды на ротного».

Шарипов В.С.: «Два месяца я приводил роту, как говорят, к нормальному бою. Солдаты, сержанты и офицеры были собраны со всего бывшего Союза. Офицеры обижались, что я с них много требую, и писали мне рапорта о переводе их в другие подразделения.

Я их просьбы не удовлетворил, а сказал: «Когда я буду уверен, что вы готовы командовать взводами, вот тогда я и подпишу вам рапорта, и добьюсь вашего перевода», и продолжал строго требовать. Командованию отряда и бригады я об этом не докладывал, нет у меня такой привычки.

Через 2 месяца рота стала как «игрушка», можно было идти с ней хоть куда. После этого я предложил офицерам перевестись в другие подразделения, но уже никто не согласился. Конечно, были обиды такого характера, как, например, «Намозов раньше меня закончил ТВОКУ, а его поставили на взвод, а Джумаеву при беседе обещали роту, а поставили ко мне на взвод. А молодым взводным хотелось и в Ташкент съездить» и т.д., а я не всегда отпускал».¹

В соответствии с разработанными планами предвыходных и выходных дней регулярно проводились различные спортивные состязания сначала между группами, а затем и между ротами.

Швец О.У.: «Физическая подготовка в отряде поначалу была неважная. На утренней зарядке многие поначалу бегали еле-еле. За время подготовки из этих солдат сделали настоящих бойцов. Многие бросили курить, а один из солдат даже сбросил 20 килограммов за этот период».²

ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА

В основном занимались оборудованием опорных пунктов групп: различных окопов, блиндажей, наблюдательных пунктов, их маскировкой. Минно-подрывным делом с нами занимались офицеры и наиболее подготовленные специалисты бригады.

Ахмедов М.: «Занятия по минно-подрывному делу проводили такие опытные офицеры из бригады спецназначения как Ершов и Иванов по программе подготовки разведчика-сапера».

Группа обеспечения отрабатывала вопросы организации водоснабжения отряда в полевых условиях.

Также отрабатывались вопросы форсирования БМПэшками и БТРами водных преград, в частности озера им. Петрова».

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА

Таджикам изучение фарси давалось легко (кроме письма), потому что современный язык фарси Афганистана ближе к таджикскому языку, чем к современному персидскому.

Колесник В.В.: «В каждой роте был переводчик, курсант Военного института иностранных языков, направленный для стажировки. Но при таком национальном составе отряда практически не было проблем с языковой

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

² Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

подготовкой, поскольку все таджики, примерно половина узбеков и часть туркменов владела фарси — одним из основных языков Афганистана».¹

Холбаев Х.Т.: «Солдаты и офицеры изучали арабскую письменность, учили фарси: понимать команды афганцев на фарси и самим подавать, если нужно будет, и для маскировки. Учились писать свои фамилии и т. д.».

Занятия по фарси с нами проводил переводчик отряда старший лейтенант Камбаров Ибодулло Каримович, а с солдатами и сержантами — стажёры-курсанты из военного института иностранных языков. Личным составом также изучались организация, вооружение и тактика действий иностранных армий государств Среднего Востока.

ЛЕГЕНДА И РЕКОГНОСЦИРОВКА

28 июня 1979 года специальная комиссия Политбюро ЦК КПСС подготовила следующий документ:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС

<...>В связи с изложенным МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

<...>3. Направить в Афганистан в помощь главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках (в дивизиях и полках)<...>

4. Для обеспечения охраны и обороны самолётов советской эскадрильи на аэродроме Баграм направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны советского посольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125 — 150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства.

5. В начале августа с. г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром Баграм) спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования его, в случае резкого обострения обстановки, для охраны и обороны особо важных правительственных объектов.

А. Громько, Ю. Андропов, Д. Устинов, Б. Пономарёв.

28 июня 1979 года № 0552 ²

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

² Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

Эта «Записка» станет основой Постановления ЦК КПСС № П 156/IX «Об обстановке в Демократической Республике Афганистан и возможных мерах по её улучшению» от 29 июня 1979 года.

Уже 5 июля 1979 года оперативная группа специального назначения (ОГСПН) «Зенит», сформированная на базе выпускников курсов усовершенствования оперативного состава (КУОС) КГБ СССР в составе 38 человек убывает в Афганистан. Командир отряда — Н.А. Сурков, его заместитель — начальник КУОС полковник Бояринов Григорий Иванович. Внеструктурный отряд «Зенит» по штатам военного времени входил в состав отдельной бригады особого назначения (ОБОН) и предназначался для проведения диверсионно-разведывательных мероприятий за рубежом.

Официальным мотивом для этого стала просьба Х. Амина, касавшаяся обучения офицеров афганской национальной гвардии. Однако руководство КГБ поставило перед «Зенитом» и свои дополнительные задачи: изучение и анализ складывающейся в Афганистане оперативной обстановки, проведение разведки расположенных в г. Кабуле важных государственно-административных, политических и военных объектов, их системы охраны, охрана советского посольства и многое другое.¹

7 июля под видом авиационного технического состава в г. Баграм из г. Ферганы был направлен 2 гв. пдб 111 гв.пдп 105-й гв. ВДД.²

Под видом обслуживающего персонала советского посольства для его охраны была отправлена рота пограничников КГБ СССР.

Также в июле месяце командир отряда Х. Холбаев, заместитель командира бригады майор С.Н. Груздев и заместитель командира бригады по тылу майор В.А. Турбуланов вылетели в г. Кабул на рекогносцировку.

Холбаев Х.Т.: «11-го июля я, Турбуланов и Груздев вместе с Юрием Владимировичем Андроповым вылетели на самолёте из аэропорта Ташкент в Кабул на рекогносцировку. После приземления самолёта в аэропорту Кабула, девушка, сопровождавшая Андропова, попросила нас посидеть в самолёте, пока церемония встречи не закончится. Товарища Андропова встретили должностные лица Афганистана и главный военный советник в Афганистане генерал-полковник Магомедов.

Когда они ушли, нас пригласили к выходу. Нас встречал Иван Григорьевич (фамилию забыл, вроде бы военный атташе). В последующем, пока

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 225.

² После того, как 105 гв. ВДД была расформирована, этот батальон стал 1-м гв. пдб 345-го гв. опдп под командованием подполковника А. Ломакина. В августе подполковника А. Ломакина заменил майор Пустовит Олег Тимофеевич.

мы находились в Афганистане, меня сопровождал Иван Григорьевич. Нас Иван Григорьевич представил главному военному советнику Магометову. В беседе Магометов вкратце рассказал об обстановке в Афганистане, попросил хорошо запомнить всё то, что увидим и услышим. Я попросил Ивана Григорьевича согласовать все вопросы с военным советником бригады охраны, показать резиденцию главы государства, которого нам предстояло охранять. Так как в партии было 2 крыла, то правительство никому не доверяло. Но нам доверяли.

В следующие дни Иван Григорьевич показал мне общую обстановку в городе: улицы, которые ведут к резиденции; районы, где размещены телевидение, телеграф, военное и административные руководство республики; места размещения воинских частей в городе и рядом с городом; выходы из военных городков, улицы, ведущие от них к резиденции в городе; новую планируемую резиденцию за городом. Всё, что видели, по возможности фотографировали.

Также мы посетили резиденцию главы государства, где работал генеральный секретарь, с целью ознакомиться с планировкой здания, выходами из здания, порядком охраны и обороны, размещением подразделений охраны.

При подходе к приёмной, случайно (по-моему) вышел из своего кабинета премьер-министр Хафизулла Амин. Он поздоровался с нами, что-то спросил у своего референта или секретаря, находившегося в этой комнате, и, получив ответ, угостил нас чаем. Амин задал мне несколько вопросов о моей службе и о батальоне. В конце беседы он пожелал мне успехов и распорядился ознакомить нас с объектами. У меня осталось впечатление об Амине как о сильной, решительной личности».

Груздев С.Н.: «В Кабул мы полетели втроем: Холбаев — как командир отряда, я и зампотылу Турбуланов — как представители управления бригады. Он должен был ознакомиться с ситуацией на месте и изучить, как лучше обеспечить снабжение отряда.

Мы получили заграничные паспорта и вылетели в Кабул. Задача была — ознакомиться с обстановкой на месте. Мы осмотрели дворец Арк в центре города, в котором находилась резиденция главы правительства, и район Дар-уль-Аман, где находилась новая резиденция. Во дворец Тадж-Бек мы не заходили. Где будем располагаться, нам тогда не показывали. Мы только осмотрели район вокруг дворца Тадж-Бек, который нам предстояло оборонять.

Кроме этого, Турбуланов ходил по рынкам и смотрел, какие продукты и по каким ценам можно купить. В соответствии с этим планировали, что отряду нужно взять с собой, а что можно купить на месте.

Со своей задачей мы справились за 3 дня, но в Кабуле нам пришлось задержаться ещё на 4 дня. Нам запретили улетать самолётом Аэрофлота, и поэтому пришлось ждать, пока в Кабул прилетела какая-то делегация. Самолёты в Кабуле не оставляли. Они в тот же день улетали назад. Вот на таком самолёте мы и вернулись в Ташкент».

На первом этапе после ввода в Афганистан (в период акклиматизации) личный состав отряда должен быть одетым в советскую полевую форму одежды. Для маскировки офицеры должны были ходить с сержантскими погонами. Единственное отличие: у офицеров лычки должны были быть красные, у настоящих сержантов — жёлтые. Предполагалось, что вместе с отрядом в Афганистан будут направлены и некоторые офицеры управления бригады. Поэтому на всякий случай подготовили сержантскую форму с красными лычками и для них.

На втором этапе отряд должен был приступить к охране главы государства уже передевшись в афганскую форму и не выдавая своей принадлежности к ВС СССР.

Швец О.У.: «Я лично привёз и показал начальнику Центрального вещевого управления генерал-лейтенанту Петрову Фёдору Павловичу комплект афганской формы. Так как подходящего материала для изготовления зимней формы не было, я предложил использовать материал, из которого на севере делают портянки. Материал немного отличался от оригинала, но был очень похож».¹

Летний и зимний варианты формы пошили каждому индивидуально, подобрали юфтевые ботинки, головные уборы — кепки. Была поставлена задача «обкатать» форму, чтобы она не выглядела новой, да и чтобы личный состав привык к ней.

Шарипов В.С.: «Выезжали на занятия в советской форме, а уже на полигоне передевались в летнюю афганскую, без знаков различия. Отзанимались, иностранную форму сняли, сложили в грузовики, а свою вновь надели. Так мы привыкали к чужой военной форме».²

Колесник В.В.: «Каждый военнослужащий отряда имел легализованные документы установленного образца на афганском языке. С именами мудрить не пришлось — каждый пользовался своим. Это не должно было бросаться в глаза, поскольку в Афганистане, особенно в северных районах, много и таджиков, и узбеков, да и туркмены тоже не редкость».³

Ашуров А.М.: «На всех военнослужащих батальона были подготовлены афганские паспорта, но они никому не выдавались. Были также под-

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

² Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

³ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

готовлены военные билеты с фотографиями в летней афганской форме. Все документы хранились в нескольких чемоданах в штабе отряда».

Всё автоматическое стрелковое оружие у нас было, как и в афганской армии, калибром 7,62 мм, а у офицеров и прапорщиков — пистолеты ТТ.

В десантном отделении командирской БМП дополнительно была установлена радиостанция Р-123. Командирский шлемофон соединили сразу с 2 радиостанциями: правая тангента и правый наушник — с радиостанциями роты, а левая тангента и левый наушник — с радиостанцией командира отряда.

КОМПЛЕКСНЫЕ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ С БОЕВОЙ СТРЕЛЬБОЙ

С 15 по 17 июля комиссия ТуркВО и ГРУ ГШ проводила проверку отряда путём проведения комплексных тактико-специальных учений (КТСУ) отряда с боевой стрельбой.

Овчаров А.А.: «Полигоны «Азадбаш» и «Багиш» для КТСУ отряда готовились под лично моим контролем офицерами бригады.

Готовность отряда проверялась проведением тактико-специальных учений рот с боевой стрельбой под руководством меня и тактико-специального учения отряда с боевой стрельбой под руководством начальника разведки округа генерал-майора Корчагина.

Контроль за проведением ТСУ рот осуществлял заместитель начальника ГРУ округа полковник Дунец. При проведении КТСУ отряда на контроль приехал начальник штаба округа генерал-лейтенант Кривошеев. Он приехал в тот момент, когда была выполнена задача — «захват горного перевала». Его встречал в районе стрельбища бригады я. Время было ближе к вечеру».

На первом этапе, в ходе ТСУ рот были поставлены следующие задачи:

- «марш в предвидении боя»;
- «преодоление водной преграды»;
- «захват горного перевала»;
- «захват узла связи»;
- «бой в городе»;
- «захват отдельно стоящего здания».

На втором этапе КТСУ отряду были поставлены 2 задачи:

- «захват аэродрома»;
- «обеспечение боевого охранения объекта».

После окончания КТСУ с боевой стрельбой отряд вернулся в пункт постоянной дислокации. Были обслужены боевая техника и вооружение и произведен тщательный разбор действий каждой роты на каждом этапе учений и в целом всего отряда. При всей строгости посредников общая оценка отряда была хорошая. Наша 3 рота немного не дотянула до отличной оценки.

Холбаев Х.Т.: «Некоторые офицеры, прибывшие в отряд, служили на военных кафедрах, в военкоматах или в скадрированных подразделениях и не имели опыта работы с личным составом. Поэтому большая заслуга в том, что отряд стал действительно боевой единицей, принадлежит офицерам, пришедшим из учебных и боевых развернутых частей и подразделений. В первую очередь — Сахатову, Шарипову, Кудратову, Амангельдыеву, Тишаеву, Абдуллаеву Рашиду. Заместитель командира отряда Сахатов практически всё время проводил на полигоне. В 3 роте благодаря командиру роты Шарипову и его замполиту Абдуллаеву удалось создать из непростого коллектива отлично подготовленное подразделение. При этом особенно стоит отметить помощь офицеров бригады в подготовке отряда».

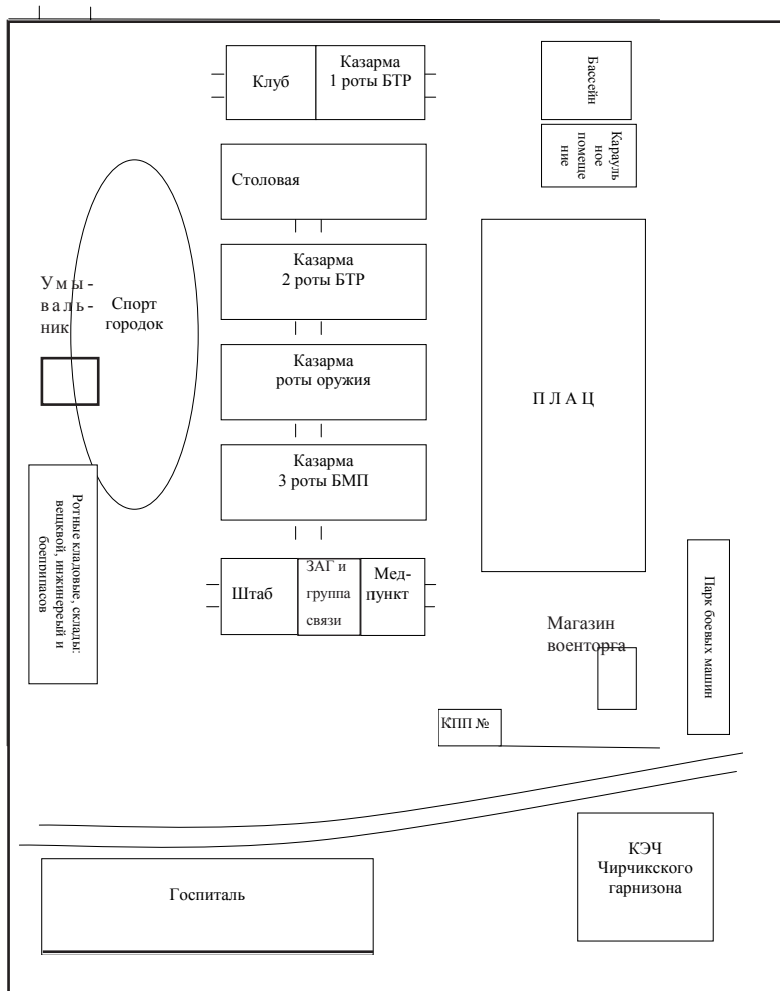
ВТОРОЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ: С 1 АВГУСТА ПО 3 ДЕКАБРЯ

Обустройство военного городка

После устранения недостатков, выявленных в ходе КТСУ, наступило некоторое затишье. ГРУшники в гражданке исчезли, и полевым занятиям сразу — стоп. Прозанимались несколько месяцев интенсивно, а затем всё пошло как-то с прохладцей. Занятия проводились только по политической, физической и языковой подготовкам. Афганскую форму сдали на склад и больше не «обкатывали». Некоторые офицеры уехали в отпуск, несколько — получили очередные воинские звания.

Солдат и сержантов стали ставить в наряды, привлекать на сельскохозяйственные работы (сбор лука). При этом подготовка отряда к отправке в Афганистан полностью не прекратилась. Экипажи бронеемких объектов очень часто выезжали на аэродром «Тузель», где отрабатывали погрузку и выгрузку БМП и БТРов в самолёты. Также тренировались грузить и крепить технику на железнодорожные платформы.

К этому времени отряд располагался в казармах бригады, а личный состав 15 бригады был переселён в палатки. Офицеры нашего отряда про-

Общий план военного городка отряда в г. Чирчике.

живали в казармах вместе со своими подразделениями. Поэтому остальной личный состав отряда занимался оказанием помощи в восстановлении военного городка и оборудовании его помещений.

Овчаров А.А.: «Недалеко от бригады находились старые развалившиеся казармы и другие строения бывшего летнего лагеря Ташкентского общевоинского училища. Ремонт их начался после приезда командующего округом Ю.П. Максимова. Он задал мне вопрос: «Комбриг, что будем

делать: строить новую капитальную казарму или отремонтировать эти старые?». Я ответил: «Для ускорения размещения отряда предлагаю отремонтировать эти казармы». Командующий объявил своё решение: «Отремонтировать эти казармы, но чтобы быстро и качественно». Для этого были выделены соответствующие средства, стройматериалы и строители».

Заброшенный военный городок ТВОКУ, находившийся недалеко от Чирчикского военного госпиталя, был отремонтирован силами квартирно-эксплуатационной части (КЭЧ) Чирчикского гарнизона и отряда 15 бригады под руководством капитана И.Ю. Стодеревского.

Содеревский И.Ю.: «Расположение «мусбата» я приводил в порядок примерно 10 недель, делали капитальный ремонт. Люди были частично из моего отряда, мне была придана рота стройбата (человек 100), а также около 30 гражданских специалистов-строителей. Курировал проведение ремонта лично начальник штаба округа».¹

К концу августа отряд переместился в отдельное расположение.

Дополнительная информация

Между тем обстановка в Афганистане и в руководстве НДПА продолжала ухудшаться с каждым днём.

20 июля 1979 года — митежи в провинции Пактия, 5 августа — в г. Кабуле, в 26 парашютно-десантном полку. Продолжали поступать просьбы о помощи, продолжалась междоусобица и в руководстве ДРА. Разногласия вылились в акции преследования — сначала со стороны халькистов, а после — парчамистов. По обвинению в заговоре был арестован министр обороны А. Кадыр и заключён в тюрьму «Пули-Чархи», где уже сидели будущие премьер-министр С.А. Кештманд и министр обороны М. Рафи.

Вооружённые столкновения правительственных войск с отрядами оппозиции продолжались. Так, однажды Х. Амин откровенно сказал: «Пребывание советских подразделений в Кабуле придаст нам уверенности в наших действиях и позволит высвободившиеся подразделения наших войск использовать для борьбы против контрреволюционных элементов».

4 сентября 1979 года в г. Кабул для охраны посольства СССР прибывает 2 группа отряда «Зенит». Часть отряда «Зенит» 1 состава (кроме 16 человек), окончив свою работу в Афганистане, возвращается вместе с начальником КУОС Г.И. Бояриновым в СССР.

В сентябре 1979 года в провинции Конар части военного гарнизона

¹ Стодеревский И. «Автобиография. Записки офицера спецназа ГРУ». — М.: «Финтрекс», 2010.

«Асмара», который считался одним из лучших в стране, под руководством своего командира полковника Абдур Рауфа приготовились идти на г. Джелалабад и г. Кабул, но они были разоружены силами Исламской партии.

11 сентября Н. Тараки, вернувшись из Москвы в Кабул, заявил: «Будем лечить в партии раковую опухоль». Но дальнейшие события вышли из-под контроля Н. Тараки. Х. Амин, войдя в доверие к Н. Тараки, становится членом Политбюро ЦК НДПА и постепенно прибирает власть к своим рукам, лишая формального воздействия лидера страны: 13 сентября Х. Амин снял с постов 4 министров, соратников Н. Тараки: госбезопасности, МВД, связи, по делам границ.

Это возмутило Н. Тараки, и он по настоянию советских представителей 14 сентября пригласил Х. Амина на встречу в присутствии посла СССР и советских военных советников. Однако встреча не состоялась. Когда Х. Амин и сопровождающие его лица прибыли к резиденции Н. Тараки, охранниками Н. Тараки была спровоцирована перестрелка. Погиб главный адъютант Х. Амина — С.Д. Тарун.

15 сентября, ссылаясь на тяжелую болезнь Н. Тараки, его заместитель по партии и руководству ДРА — Х. Амин совершил государственный переворот: на внеочередном пленуме ЦК НДПА Н. Тараки был освобождён от своих обязанностей и сослан под домашний арест. Х. Амин принял на себя все «тителы» своего предшественника, «друга и учителя» — Н. Тараки (Генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА) и усилил террор в отношении недовольных партийцев, «контрреволюционеров» и «врагов народа».

* * *

*Генеральному секретарю ЦК НДПА,
Председателю Революционного совета и
Премьер-министру
Демократической Республики Афганистан
Товарищу Хафизулле Амину*

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

от 17 сентября 1979 года

Примите поздравления в связи с избранием Вас Генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Революционного совета и премьер-министром Демократической Республики Афганистан.

Выражаем уверенность в том, что братские отношения между Советским Союзом и Революционным Афганистаном будут и впредь успешно развиваться на основе «Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», в интересах народов наших стран, на благо мира и прогресса в Азии и во всём мире.

Л. БРЕЖНЕВ, А. КОСЫГИН ¹

Колотило А.: «Ещё в ту памятную ночь, когда всех подняли по тревоге, мне и нескольким офицерам сообщил по большому секрету заместитель начальника политотдела дивизии гвардии майор Шеметило П.: «Во время визита в Союз Тараки было предложено уступить пост главы государства своему преемнику Амину, а самому остаться лидером партии. Причина — не устраивали личные качества афганского руководителя. Тот вроде бы согласился. Но вернувшись в Кабул, вызвал Амина и приказал его убить. «Преемнику» удалось скрыться. Позже он с верными людьми пробрался в резиденцию и свёл счёты. Конечно, Тараки физически уничтожен, но Амин нас устраивает больше. Он энергичен, умен, лоялен к Советскому Союзу, возраст — около 50. Вот мы и должны помочь ему укрепить свою власть»».²

19 сентября 1979 года в г. Кабул прибывает 3 группа отряда «Зенит» в количестве 14 человек (командир отряда — полковник А.К. Поляков, заместитель — майор Я.Ф. Семёнов) для проведения операции «Радуга» по скрытному вывозу из Афганистана в СССР 3 министров Афганского правительства, оппозиционных Х. Амину: Асадуллу Сарвари, Саид Мохаммада Гулябзоя и Мохаммада Аслана Ватанджара. С 1 на 2 октября 1979 года в Афганистан для усиления отряда «Зенит» прибывает ещё 60 спецрезервистов управления «С» ПГУ (агентурная разведка) КГБ СССР.

ИТОГОВАЯ ПРОВЕРКА ЗА ЛЕТНИЙ ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ: ОКТЯБРЬ

В начале октября всех, кто были в отпуске, стали срочно отзывать, т.к. предстояло сдавать осеннюю проверку.

На проверку приехало много начальства, как из Москвы, так и из штаба округа. Непосредственно проверкой руководил начальник разведки ТуркВО генерал-майор А.А. Корчагин, а боевую задачу по захвату аэро-

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Колотило А. Родина не торопилась признавать нас своими... — М.: «Братишка», 2005, 27 декабря.

дрома «Чирчик» поставил начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Г.Ф. Кривошеев.

Саттаров А.С.: «На проверке присутствовали несколько полковников из ГРУ. Проверяли боевую и политическую подготовку. Отряд выполнял задачу по захвату аэродрома в Чирчике и объектов, прилегающих к нему. Проверку отряд сдал на «хорошо». По политической подготовке отряд получил оценку также «хорошо», в чём большая заслуга замполитов рот, которые проводили очень большую работу с личным составом рот».

Колесник В.В.: «Отряд проверяла комиссия Генштаба и признала уровень боевой подготовки вновь сформированного отряда хорошим. Иначе и быть не могло, так как в отряд отобрали лучших специалистов из 2 округов. Комиссия уехала, а отряд продолжил совершенствовать боевую подготовку».¹

Несмотря на то, что проверку мы сдали на твёрдую «хорошую» оценку, специальная комиссия Политбюро ЦК КПСС ставить вопрос о направлении нашего отряда в ДРА посчитала пока преждевременным.

Мы перевели всю технику на зимний режим эксплуатации и стали готовиться к ноябрьскому военному параду.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

3 октября 1979 года в беседе с главным военным советником генерал-полковником С.К. Магометовым Х. Амин высказал следующее: «Мы готовы принять любые ваши предложения и планы. Мы предлагаем вам смелее принимать участие во всех наших делах... Я — преданный советист и прекрасно понимаю, что если бы не было в Монголии вашего присутствия, то Монголия не продержалась бы и одного дня. Китай бы проглотил её. Так почему вы стесняетесь сотрудничать с нами так, как с Монголией? Вы же знаете, что Афганистан идёт по пути построения нового общества, без классов, у нас общая марксистско-ленинская идеология и наша цель — построение социализма в Афганистане».²

8 октября 1979 года по личному приказу Х. Амина офицерами национальной гвардии во главе с майором Сабри Джандадом был задушен Н. Тараки. Официально о «скоропостижной» смерти главы государства в связи с «продолжительной и тяжёлой болезнью» было объявлено по радио

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

² Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

только 10 октября. Семья убитого главы государства и его ближайšie сподвижники были отправлены новоявленным диктатором в тюрьму «Пули-Чахри».¹

Обстановка ещё более ухудшилась — начались массовые репрессии, стала разваливаться армия.

Чернышёв Е.В.:² «В армии и в руководстве нет единства. Основные 2 партии «Хальк» и «Парчам» ведут между собой бескомпромиссную борьбу, ослабляя друг друга. Сейчас в армии на командных должностях в основном хальковцы».³

Афганистан. Кабул-столица.
Сентябрь. И вновь переворот...
Амин сегодня веселится,
Скривил в усмешке наглой рот.
Он — победитель, значит — правый,
И свой спрямляет путь кровавый:
«Вчера задушен Тараки,
теперь другие «сорняки».
Как нужно выводить заразу? —
Всю на корню, не тратя слов!».
Убитыми заполнен ров
По президентскому приказу,
Потом ещё... — Во вкус вошёл:
В стране повсюду произвол.⁴

Богданов Л.: «Пытки, расстрелы были каждый день. Расстреливали списками, без суда и следствия — это у них называлось «отправить в Пакистан». За городом рыли специальные траншеи, чтобы хоронить тела, закапывали бульдозером... Уже после начальника контрразведки рассказывал мне, как его вызвал Амин и упрекнул: «Вы лично расстреляли всего

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмоскoвья», 2007. С. 195, 198.

² Чернышёв Евгений Владимирович в декабре 1979 года был старшим офицером Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. Откомандирован в Афганистан в непосредственное подчинение ГВС на период проведения там оперативных мероприятий. Полковник.

³ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Soryright_chernyshev_ev30@mail.ru

⁴ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмоскoвья», 2007. С. 501.

5 тысяч человек, а вот Сарвари, ваш начальник, уже 10 тысяч. Это неправильно, вы должны его нагнать»».¹

После того как А. Сарвари был снят с поста министра госбезопасности, его место занял двоюродный брат Х. Амина — Абдулла Амин, который ещё более усилил террор.

Шахнаваз Танай: «Партия (НДПА — А.Р.) стала жертвой внутренней борьбы между фракциями и группами. В условиях нажима и давления пытки, казни Амина и его подручных были направлены не только против руководства парчамистского крыла. Некоторые из руководителей и функционеров из числа халькистов также оказались жертвой аминовского произвола. Амин жаждал занять пост руководителя. И, в конце концов, с целью узурпирования власти Амин и его группа безжалостно расправились с Тараки, который был основателем партии и её первым генеральным секретарем и которого Амин лицемерно называл «учителем», «великим вождем» <...>

Хафизулла Амин предстал перед членами партии и народом как убийца и преступник. Асадулла Сарвари, Саид Мохаммад Гулябзой, Шир Джан Маздурьяр и Мохаммад Аслан Ватанджар с целью организации борьбы и восстания против Амина перешли на нелегальное положение. По инициативе известных членов партии были организованы попытки вооруженного восстания против диктатуры Амина. Можно назвать в их числе вооруженный мятеж 13 октября 1979 года. Однако, к сожалению, по различным причинам эти восстания уже в самом начале были беспощадно потоплены в крови».²

Кривопапов О.В.: «Он (Х. Амин — А.Р.) уничтожил Тараки, по его приказу живьем сбрасывались в ямы с хлорной известью сторонники Тараки. Над Гиндукушем раскрывали ramпы у транспортных самолётов и, как пепел по ветру, рассеивали живых людей. Это называлось выбросить «десант». После убийства Тараки была перехвачена американская шифровка: «Советы не в восторге, но сознают, что сейчас им ничего не остаётся, как поддерживать амбициозного и жестокого Амина».³

Рябинин А.Т.: «От своих старших оперативных товарищей мы знали, что Амин вёл двойную игру. Так совместно с США разрабатывался план высадки крупного военного десанта с использованием кандагарского аэро-

¹ Хинштейн А. Тайны афганской Лубянки. — См.: «Московский комсомолец» — 29 марта 2002 года.

² Из выступления на пресс-конференции в гостинице «Интерконтиненталь» в г. Кабуле в апреле 1989 года.

³ Кривопапов О. Спецназ на Афганской войне. — Тюмень: издательство «Вектор», «Военно-исторический альманах», 2004, № 4.

порта. Предполагалось разместить воинские подразделения в центральной провинции и некоторых других, в основном на востоке страны. Вдобавок имелись достоверные данные о согласии Амина разрешить размещение в приграничных с нашей страной провинциях Афганистана американских средств технической разведки (вместо частично сокращаемых установок в Пакистане и Турции). Немалую заинтересованность США проявляли и к найденному под Кандагаром урану, к месторождению которого они планировали провести железную дорогу».¹

Х. Амин продолжает вести двойную политическую игру, выражая просьбы о вводе советских войск.

Зайцев Г.Н.:² «Оказавшись между молотом и наковальней, Амин метался, ожидая смертельного удара со стороны своих противников. С одной стороны, он попросил Москву усилить охрану своей новой резиденции. С другой стороны, в декабре по его инициативе состоялась встреча с министром иностранных дел Пакистана. По словам диктатора, СССР якобы требовал, чтобы его страна «отказалась от независимости и суверенитета», и просил как можно скорее передать в Вашингтон, что предлагает вмешаться в афганскую ситуацию. Наше посольство получило исчерпывающую информацию об этом контакте.

В перехваченном советской разведкой докладе одного из американских дипломатов в Государственный департамент США говорилось дословно: «Афганистан ищет лучших отношений с США. Я думаю, что они должны быть положительно оценены».³

Несмотря на то, что Х. Амин полностью дискредитировал себя, специальная комиссия Политбюро ЦК КПСС пока не торопилась принимать радикальных решений.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС**

Записка в ЦК КПСС

<...>6. Находящимся в Афганистане советским воинским подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортно-авиационные эскадрильи самолётов и вертолётот), а также отряду по охране советских учреждений продолжить выполнять поставленные задачи.

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 – январь 1980 гг. – Copyright_chemyshev_ev30@mail.ru

² Зайцев Геннадий Николаевич – один из командиров легендарной спецгруппы «Альфы». Герой Советского Союза. Генерал-майор в отставке.

³ Зайцев Г.Н. – М.: «Красная звезда», 2007. 21 ноября.

От направления в Кабул по просьбе Амина советского воинского подразделения для его личной охраны воздержаться.

А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, Б. Пономарёв.
29 октября 1979 года № 0937¹

Но уже 9 ноября 1979 года в ЦК КПСС поступает новый документ:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС

Обстановка в Афганистане после событий 13-16 сентября с. г., в результате которых Тараки был отстранён от власти и затем физически уничтожен, остаётся крайне сложной.<...>

<...>В последнее время отмечаются признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить «более сбалансированную политику» в отношении с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении.<...>

С учётом изложенного и, исходя из необходимости сделать всё возможное, чтобы не допустить победы контрреволюции в политической ориентации Амина на Запад, представляется целесообразным придерживаться следующей линии:

1. Продолжить активно работать с Амином и в целом с нынешним руководством НДПА и ДРА, не давая Амину поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело. Использовать контакты с Амином для оказания на него соответствующего влияния и одновременно для раскрытия его истинных намерений (подчёркнуто А.Р.).<...>

<...>6. Находящимся в Афганистане советским воинским подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортно-авиационные эскадрильи самолётов и вертолётов), а также отряду по охране советских учреждений продолжать выполнять поставленные задачи.

При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х. Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны.

А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, Б. Пономарёв²

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Там же.

Рябченко И.Ф.:¹ «В конце октября 1979 года я с группой офицеров вылетел в Афганистан, где мы посмотрели основные объекты в столице, аэродромы — «Кабул», «Баграм» и «Кандагар». Задача была одна — ознакомиться, и в случае получения задачи мы были готовы пойти на прикрытие определённых объектов после высадки... Тогда нам стало известно направление — это Юг».

Востротин В.А.:² «В первых числах ноября 1979 года меня вызвал командир полка Сердюков и приказал из личного состава подразделений полка сформировать 9 роту. В течение нескольких дней рота была сформирована из лучших операторов-наводчиков, механиков-водителей и младших командиров. Были проведены боевые слаживания взводов и роты и 1 декабря мы прибыли в Баграм».

1 декабря в г. Баграм прибыл 3 гв. пдб 345 гв. опдп. Этот шаг был предпринят не по просьбе афганского правительства, а советских представителей в Афганистане с целью «обеспечить безопасность при возможной эвакуации советских граждан в случае дальнейшего обострения обстановки в стране».

Колотило А.: «Впоследствии Амина объявят агентом ЦРУ. Это вызывает у меня законное недоумение. Разве руководитель государства может быть чьим-то агентом? — подумаю я. — Другое дело, Амин решил проводить проамериканский курс. Но это право главы страны, коль он — верховная власть. Причём же здесь агент?». ³

¹ Рябченко И.Ф. В 1979 году — командир 103 гвардейской воздушно-десантной дивизии. Генерал-майор.

² Востротин В.А. В 1979 году — командир 9 гв.пдр 3-го гв.пдб 345 гв.опдп. Старший лейтенант.

³ Колотило А. Родина не торопилась признавать нас своими... — М.: «Братишка», 2005, 27 декабря.

ОТПРАВКА В АФГАНИСТАН

Потом наступит покаяние...
Сейчас уходим на задание —
Приказ, как цель, и ясен путь,
Им не сойти, и не свернуть.
Ночь озарит на миг ракета,
Как жизнь людская,
как комета,
Но это вовсе не салют —
Ура! Вперёд... на Божий суд!

В. КОШЕЛЕВ

Непосредственная подготовка к вводу: с 4 по 9 декабря

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Дроздов Ю.И.: ¹ «Амин, несмотря на то, что сам в сентябре (наверное в октябре — А.Р.) обманул Брежнева и Андропова (обещал сохранить Тараки жизнь, когда последний был уже задушен. В итоге советское руководство 2-3 дня «торговалось» с Амином из-за уже мёртвого к тому моменту лидера Апрельской революции), как ни странно, доверял русским. Почему? Если не отбрасывать версию, что он был связан с ЦРУ, то, скорее всего, он получал такие инструкции или, возможно, считал, что победителей не судят, с ними... дружат. А может быть, не сомневался, что и «русские признают только силу». Так или иначе, но он не только «окружил себя» советскими военными советниками, консультировался с высокопоставленными представителями КГБ и МО СССР при соответствующих органах ДРА, но и полностью доверял... лишь врачам из России и надеялся в конечном итоге на наши войска. Не доверял же парчамистам, ждал нападения или от них, или от моджахедов. Однако стал он жертвой политической интриги совсем не с той стороны, откуда ждал».¹

¹ Юрий Иванович Дроздов — разведчик-нелегал, резидент советской разведки в США и Китае, начальник управления нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР, стоял у истоков создания группы специального назначения «Вымпел». Награждён многими орденами и медалями СССР и других стран, почётным знаком «За службу в разведке». В 1979 году — генерал-майор.

² Дроздов Ю. Как штурмовали дворец Амина. — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Зайцев Г.Н.: «По данным «Зенита», в декабре Амин дважды конспиративно посещал американское посольство. Мне сложно судить, так это или не так: наша профессия — борьба с терроризмом, а не разведка. Могу лишь сослаться на частные беседы, в ходе которых собеседники указывали на давние связи Амина за океаном. Захватив власть, он обсуждал варианты военной поддержки Америкой своего режима, вплоть до ввода под благовидным предлогом «миротворческих войск»».¹

Тем временем в ЦК КПСС решалась наша судьба.

СССР... Москва-столица.
На Старой площади в ЦК:
«Суша ль у нас пороховница?» —
Вопрос решают с кондачка,
«Что на югах у нас творится?» —
Кумекают большие лица
В чаду и смраде табака,
Чтоб доложить наверняка
Международные расклады
Генсеку и Политбюро.
А получив от них «Добро!»,
Себе истребовать награды —
Медали, дачи, ордена...
А по-другому ни хрена.²

4 декабря 1979 года Ю. Андропов и Н. Огарков представили Л.И. Брежневу докладную записку:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС

Председатель Революционного совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРА Х.Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции.

С учётом сложившейся обстановки и по просьбе Х. Амина считаем

¹ Зайцев Г.Н. — М.: «Красная звезда», 2007, 21 ноября.

² Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 500.

целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР (подчёркнуто А.Р.). Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. № П156/IX.

В связи с тем, что вопросы направления отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой половине декабря с.г.

Тов. Д.Ф. Устинов согласен.

Ю. Андропов, Н. Огарков.

4 декабря 1979 года № 312/2/0073 ¹

6 декабря в кабинете состоялось совещание, в котором принял участие «узкий» круг членов Политбюро ЦК КПСС: Л. Брежнев, А. Громыко, Ю. Андропов и Д. Устинов. Они долго обсуждали положение, сложившееся в Афганистане и вокруг него, взвешивали все «за» и «против» ввода туда советских войск. В качестве доводов в необходимости такого шага со стороны Ю. Андропова и Д. Устинова приводились:

— предпринимаемые ЦРУ США усилия по созданию «Новой Великой Османской империи» с включением в неё южных республик из состава СССР;

— отсутствие на юге страны надёжной системы ПВО, что в случае размещения в Афганистане американских ракет типа «Першинг» ставит под угрозу многие жизненно важные объекты, в том числе космодром «Байконур»;

— возможность использования афганские урановые месторождения Пакистаном и Ираном для создания ядерного оружия;

— установление в северных районах Афганистана власти пропакистанской оппозиции и присоединение этого региона к Пакистану и т.п.

В конечном итоге решили в предварительном плане проработать следующие 2 вопроса:

— силами спецслужб КГБ устранить Хафизулла Амина и поставить на его место Бабрака Кармаля;

— послать какое-то количество войск на территорию Афганистана для этих же целей.²

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Дроздов Ю.И. Между большими войнами ведётся война тайная (записки начальника нелегальной разведки). — М.: издание «Русского биографического института», 1999.

Кривопапов О.В.: «В такой обстановке, не дожидаясь, когда афганский диктатор за доллары отдастся американцам, ЦК КПСС принял решение поддержать Бабрака Кармаля и его единомышленников. Созрела операция по захвату всех важных политических, военных, административных объектов и методом налёта разгромить резиденцию Амина. После чего привести к власти надёжного своего человека».¹

При всей пестроты, неоднозначности и запутанности ситуации решение о вводе отряда и какого-то количества войск готовилось Л. Брежневым, А. Громыко, Ю. Андроповым и Д. Устиновым не импульсивно, а после долгого и тщательного анализа сложившейся ситуации. Главный тезис: подрывающие афганскую революцию силы действуют извне и в перспективе угрожают СССР.

6 декабря записка Ю. Андропова и Н. Огаркова от 4 декабря была отправлена в ЦК КПСС, но уже отредактированная и «согласованная» на заседании Политбюро ЦК КПСС.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС**

Согласовано на заседании Политбюро ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС

Председатель Революционного совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА и Премьер-министр ДРА Х. Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции.

С учётом сложившейся обстановки и по просьбе Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. № П156/IX. В связи с тем, что вопросы направления отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с.г.

¹ Кривопапов О. Спецназ на Афганской войне. — Тюмень: издательство «Вектор», «Военно-исторический альманах». 2004, № 4.

Тов. Д.Ф. Устинов согласен, чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу (подчёркнуто А.Р.).

*Ю. Андропов, Н. Огарков.
6 декабря 1979 года ¹.*

И вновь Москва. В Кремле все члены
Политбюро собрались в круг:
Не ждали с юга здесь измены,
А тут ещё задушен друг
Товарища КП генсека,
Всем дорогого человека.
Притрушен «дорогой» Ильич:
Представил, видно, старый хрыч,
Мол, если так пойдут делишки,
То могут и его... друзья,
Что нынче мелкие князья,
Списать куда-нибудь в излишки:
«Терпеть Амина — не с руки,
Послать туда, где Тараки!».

С таким-то мудрым изреченьем
Все согласились — без проблем,
Обременили порученьем
ГБ, МО... ГШ затем.
Но лезть в «добро...» кому охота? —
Военные сначала что-то
Пытались малость побухтеть.
Но им сказали: «Не «свистеть...».
Вперёд, в Афган! Вас ждут награды,
Лишь преподайте там урок,
Чтоб кой-кому пошёл он впрок:
«Советам на Востоке рады...».
Кто эти мысли изрекал? —
Да нам известный генерал.²

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С.503.

Если в первой докладной записке Ю. Андропова и Н. Огаркова Л.И. Брежневу говорилось только о направлении в ДРА «подготовленного для этих целей отряда ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек», то во втором документе после слов «Тов. Д.Ф. Устинов согласен» было добавлено «чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу».

6 декабря решение о направлении отряда в Афганистан становится официальным. Из Политбюро ЦК КПСС в специальную комиссию поступает следующий документ:

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС**

**Тт. Ю. Андропову, А. Громыко,
М. Суслову, Д. Устинову**

Выписка из протокола № 176
заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года

«О НАПРАВЛЕНИИ СПЕЦОТРЯДА В АФГАНИСТАН»

Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 года № 312/2/0073 (прилагается).

Секретарь ЦК КПСС Л. БРЕЖНЕВ ¹

В дальнейшем этот протокол заседания Политбюро ЦК КПСС и прилагаемая к нему докладная записка были оформлены в виде Постановления ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года №176 «О направлении спецотряда в Афганистан».

Как позже указывал Л.И. Брежнев в интервью газете «Правда»: «С целью не допустить превращения Афганистана в империалистический военный плацдарм на южных рубежах нашей Родины».

Голубев А.Т.:² «Где-то к 6 утра (в первых числах декабря — А.Р.)

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Голубев Александр Титович в 1979 году возглавлял ряд оперативных подразделений службы внешней разведки (СВР), подполковник. Награжден четырьмя орденами. В 2009 году — старший консультант, председатель Совета ветеранов СВР, генерал-лейтенант в отставке.

мы были в аэропорту «Чкаловский» и взяли курс на Ташкент, где потом провели с неделю. Там нас переодели в солдатскую форму. Мне и Магомеду Абдуллаеву дали погоны старших сержантов, остальным — рядовых... Были организованы огневая и спортивная подготовка; большую заботу о нас проявлял начальник особого отдела ТуркВО Владимир Михайлович Спиваков...

Вместе со мной в моей группе было 18 человек, все были офицерами. Почти всех людей я знал — большинство из них прошли КУОС, 5 или 6 человек были сотрудниками нашей службы. Все были со знанием языка, с оперативной подготовкой, хорошо владели всеми вопросами ведения боя в любой обстановке... Многие товарищи были из территориальных органов, двое — Шитов и Паршин Юра — из военной контрразведки... Во всех я был уверен так же, как и они во мне». ¹

Зайцев Г.Н.: «Ранним утром 7-го декабря с группой наших сотрудников (Ю.А. Изотов, А.Ф. Алуцено, М.В. Головатов, А.И. Гречишников, М.Я. Картофельников, А.М. Лопанов, А.И. Мирошниченко и В.А. Тарасенко) под командой В.И. Шергина мы прибыли на дачу. Затем на нескольких машинах — впереди «Чайка» старого образца — выехали на один из подмосковных аэродромов. Там уже ждал самолёт. Перелёт предстоял сначала в Ташкент, а потом уже в Афганистан». ²

Изотов Ю.А.: «Прилетели мы в Ташкент и разместились на шикарной даче. Там мы пробыли один день, затем вылетели курсом на Афганистан. На земле встречал представитель посольства. Проводили нас к капо-ниру, где были вырыты землянки. Анахита Ратебзад и Бабрак Кармаль жили в одной землянке, в другой обосновались мы». ³

Зайцев Г.Н.: «На следующий день нас свозили на склад, где мы получили солдатское обмундирование. Анахита и Бабрак тоже облачились в солдатскую форму». ⁴

ПЕРЕСТАНОВКИ И ДОУКОМПЛЕКТОВАНИЕ

Незадолго до ввода в Афганистан в отряде произошли изменения в штатно-должностном списке личного состава отряда. Командиры групп нашей роты, кроме Р.Ч. Назарова, подали рапорта о переводе их в другие роты отряда. Причиной было их недовольство тем, что им приходится бегать вместе с солдатами кроссы, которые назначал В.С. Шарипов за провинности солдат.

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

^{2,3,4} Зайцев Г. — М.: «Красная звезда», 2007, 21 ноября.

Перед самым вводом в Афганистан старший лейтенант Джумаев Анвар Аланазарович был назначен на должность помощника начальника штаба, до этого вакантную. Вместо него командиром 2 группы 3 роты был назначен лейтенант Абдуллаев Хамидулла Убайдуллаевич.

Шарипов В.С.: «Первоначально я их рапорта не подписал. Но Джумаева затребовал начальник штаба Ашуров, а Холбаев не мог отказать ему».⁴

Вместо выбывшего старшего лейтенанта Зуфарова Хусана Адыловича в октябре секретарём комитета комсомола отряда был назначен начальник клуба прапорщик Умаров Камиль.

Умаров К.: «Я прибыл в отряд в июне на должность начальника клуба. В октябре из отряда ушёл секретарь комитета комсомола отряда Зуфаров. Замену ему не нашли и мне пришлось исполнять обязанности секретаря комитета комсомола и начальника клуба вплоть до возвращения отряда из Афганистана».

Командиром 3 группы роты оружия вместо выбывшего старшего лейтенанта Ходжаева Рахимходжи был назначен лейтенант Абзалимов Рамиль Каримович. Во 2 роте были уволены из рядов ВС СССР заместители командиров 2 и 3 групп прапорщики Б. Каримов и Д. Шамиев. Группы так и остались без заместителей командиров групп на всё время операции.

Нуритдинов М. С.: «Мой заместитель — прапорщик Б. Каримов был уволен из рядов Вооружённых Сил СССР за употребление спиртных напитков в служебное время».

Ахмедов М. : «Заместителем командира 3-го взвода был прапорщик Шамиев, по национальности туркмен. Имени я, к сожалению, уже не помню. После прохождения беседы с представителями особого отдела он отказался служить в «мусульманском батальоне», поэтому был уволен из рядов Вооружённых Сил СССР. Временно исполняющим обязанности заместителя командира взвода был назначен старший сержант срочной службы Аззамов».

Были и другие перестановки, в т.ч. и в нашей роте. Несколько человек из роты убрали: у них оказались родственники за границей. Кроме этого, одного сержанта осудил военный трибунал за самовольное оставление части: он 2 раза уходил в самоволку. В сумме он отсутствовал 4 часа, но требования к воинской дисциплине были не просто высокие, а очень жёсткие. К нам в роту на «перевоспитание» перевели 2 солдат из 1 роты и 2 солдат из 2 роты.

⁴ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, №6.

Отряд был доукомплектован солдатами и сержантами из состава 15 обрСпН. К каждой роте планировалось прикомандировать переводчика, из числа сотрудников КГБ, но это так и не было реализовано. Вместо радиостанции Р-118 отряд получил радиостанцию Р-130 на базе ЗИЛ-131. Перед отправкой было частично заменено стрелковое оружие, офицеры получили автоматы. Всё новое оружие было пристреляно на полигоне Ташкентского высшего общевойскового командного училища.

ВВОД ПЕРЕДОВОЙ ГРУППЫ

В ночь с 4 на 5 декабря с аэродрома «Чирчик» на самолёте АН-12 в Афганистан убыла передовая группа из личного состава 3 роты под руководством заместителя командира отряда капитана М.С. Сахатова.

Шарипов В.С.: «Комбриг мне говорит: «Шарипов, быстро давай фамилии 10 человек. Только чтобы были не из основного состава экипажей БМП». Я хотел за штатно-должностной книгой сбежать, а он мне: «По памяти называй!». Я фамилии даю, а комбриг их по ЗАСовской связи тоже диктует кому-то в Москву. Я назвал 10 фамилий. Они посоветовались и требуют ещё 10. Дал. Комбриг их опять по ЗАС продиктовал.

Мне Овчаров поставил задачу: «Получишь боеприпасы, по 3 боекомплекта на каждую единицу оружия, но не на складе возьмёшь, а из своих БМП. Получать будешь лично с особистом. И ещё тебе поможет кто-нибудь из бригады. Только не из вашего отряда».¹

Состав передовой группы:

- капитан Сахатов Мурад Таймасович — старший группы;
- старший лейтенант Джумаев Анвар Аланазарович — его заместитель;
- сержант Бабаев А.И.;
- ефрейтор Азаматов Ш.А.;
- ефрейтор Астанов У.Н.;
- ефрейтор Кундузов А.Р.;
- ефрейтор Эшонкулов Р.М.;
- рядовой Абдуразаков Х.Т.;
- рядовой Гельдиев М.;
- рядовой Гулов С.С.;
- рядовой Джураев К.С.;
- рядовой Мустафакулов И.Б.;

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

- рядовой Саидкулов М.Р.;
- рядовой Сотволдиев Э.А.;
- рядовой Турсунов А.В.;
- рядовой Урунов С.Р.;
- рядовой Хайдаров Т.А.;
- рядовой Хезретов Б.;
- рядовой Холмурзаев С.Т.;
- рядовой Шапохатов К.А.;
- рядовой Эрматов Н.Ш.;
- рядовой Эшонкулов П.Р.

С собой группа взяла палатки УСБ, шанцевый инструмент, запас продуктов и должна была к прибытию отряда развернуть палаточный городок.

В Баграме их встретили десантники из 1 гв. пдб 345 гв. опдп. М. Сахатов связался с командиром батальона, который и указал им место, где они должны были оборудовать палаточный городок.

Шарипов В.С.: «Незадолго до отправки в Афганистан мы получили денежное довольствие и отметили предстоящие события. То, что скоро предстоит отправка, уже не было секретом. После того, как улетела группа Сахатова, было ясно, что счёт уже пошёл на дни».

Холбаев Х.Т.: «Вариантов того, как мы будем переброшены в Афганистан, было несколько. Кроме прямого перелёта рассматривали и выдвижение до границы по железной дороге, а дальше в Кабул своим ходом».

Овчаров А.А.: «В бригаде был разработан план отправки отряда в Афганистан с аэродрома Чирчик самолётами АН-12 и с аэродрома Тузель самолётами ИЛ-76. Этот план был согласован с представителями военно-транспортной авиации по времени отправки каждого самолёта, по количеству и виду грузов на каждый самолёт».

Остаток недели ушёл на подготовку к вылёту.

УБЫТИЕ В АФГАНИСТАН

Вечером и ночью с 9 на 10 декабря в Афганистан убыла основная часть отряда. С аэродрома «Чирчик» на самолетах АН-12 убыли: управление отряда, рота оружия, личный состав группы обеспечения, медицинского пункта, почти вся колесная техника, боеприпасы, продовольствие, твёрдое топливо (уголь, саксаул) и взрывчатые вещества. Погрузкой грузов руководил майор В. Турбуланов, погрузкой техники — полковник В. Дунец.

Полковник В. Дунец после отправки самолётов с аэродрома «Чир-

чик» прибыл на Ташкентский военный аэродром Тузель. На это время в самолёты ИЛ-76 уже была загружена колёсная техника и спецмашины на базе ЗИЛ-131 и ГАЗ-66. Погрузкой техники руководил начальник политического отдела бригады подполковник И. Тибенко. Начальник штаба бригады майор А. Стекольников следил за выполнением временного графика отправки отряда в Афганистан. Подполковник А. Овчаров курировал погрузку личного состава и осуществлял общее руководство отправки.

Овчаров А.А.: «Отправка отряда началась с утра 9 декабря и продолжалась всю ночь 10-го декабря. Полковник Дунец приехал проверять погрузку. Походил, всё посмотрел и говорит мне: «Выделяй мне фронт работы. Проверять мне тут нечего — всё организовано, а сидеть без дела я не хочу». Я сначала не хотел, — всё-таки он был моим начальником. Но потом он сам предложил проконтролировать погрузку БМП и ЗСУ 23-4. На этом и сошлись».

В ночь с 9 на 10 декабря самолёты с техникой и личным составом 1, 2 и 3 рот, зенитно-артиллерийской группы и группы связи также вылетели в г. Баграм на 22 самолётах ИЛ-76 3-мя группами: по 7 самолётов в 1 и во 2, 8 — в 3. На вылет каждой группы отводилось 45 минут. Интервалы между самолётами — 6 минут, между группами — 15 минут.

Шарипов В.С.: «Утром отправились на аэродром Тузель. Часть батальона улетала в тот же день из Чирчика. Загрузили технику и опять в Чирчик. Переоделись в солдатскую форму, оставили там свою форму. А вечером опять в Тузель. У офицеров нашивки на погонах — красные, у сержантов — жёлтые. Вот и все различия. По званиям офицеров различали так: ефрейтор — это лейтенант, младший сержант — старший лейтенант, сержант — капитан и так далее. Комбат наш стал — старшиной.

Взлетали уже ночью. Моя рота вылетела 1 рейсом на 7 самолётах:

- в 1 — 2 БМП и 14 солдат, старший — я;
- во 2 — 2 БМП и 14 солдат, старший — Назаров;
- в 3 — 2 БМП и 14 солдат, старший — Машарипов;
- в 4 — 2 БМП и 14 солдат, старший — Абдуллаев Хамид;
- в 5 — 2 БМП и 14 солдат, старший — Абдуллаев Рашид;
- в 6 — 2 БМП и 14 солдат, старший — Намозов;
- в 7 — БМП и 6 солдат, старший — Эгамбердыев».¹

Овчаров А.А.: «Самолёты вылетали с аэродромов после загрузки, по времени — согласно разработанному плану-графику. После отправки отряда всё руководство бригады собралось в моём кабинете. Кроме заместителя начальника разведки округа полковника Дунца, из вышестоящего начальства никого в бригаде не было».

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

Голубев А.Т.: «9 декабря вместе с военнослужащими и техникой «мусульманского батальона», которым командовал майор Холбаев — очень порядочный командир, хороший человек, мы полетели в Баграм. Холбаев принял меня тепло, на довольствие поставил».¹

В БАГРАМЕ

Пред нами вновь зелёная долина,
Колонна вьётся будто бы змея.
Идёт вперёд стальная наша сила,
Несётся к чёрту на рога.

Взлетно-посадочная полоса аэропорта в Баграме

на аэродроме «Баграм» советской эскадрильи вертолётов МИ-8 под командованием подполковника А. Белова и эскадрильи транспортных самолётов АН-12 военно-транспортной авиации (ВТА). Также на аэродроме уже находились: узел связи, база стройматериалов, гв. разведрота (рр), 1 и 3 гв. пдб 345-го гв. опдп под командованием майора О.Т. Пустовита и подполковника Н.И. Сердюкова.

Отряд расположился в конце взлётной полосы, рядом с капонирами для самолётов, где передовой группой под руководством капитана М. Сахатова уже был подготовлен палаточный городок. На оборудование всего полевого городка и для обустройства на месте нам было выделено 2 дня (10 и 11 декабря).

Чернышев Е.В.: «На пункт управления прибыли 2 наших офицера —

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

командир «мусульманского батальона» майор Холбаев Хабиб Таджибаевич и его заместитель. Одеты в афганские шинели-балахуши. Озабоченно беседуют с Главным. Потом выясняю: батальон ночью 10-го декабря прибыл из Союза на аэродром Баграм на 22 ИЛ-76 и 32 АН-12.

Всего пришло:

- личного состава — 540 человек;
- БМП-1 — 13;
- БТР-60 ПБ — 26;
- ЗСУ 23-4 «Шилка» — 4;
- «Урал»-375Д — 4;
- ЗИЛ-131 — 18;
- ГАЗ-66 — 19;
- УАЗ-469 — 1;
- УАЗ-452 — 1;
- кухню — 5;
- прицепов — 4;
- продовольствия —

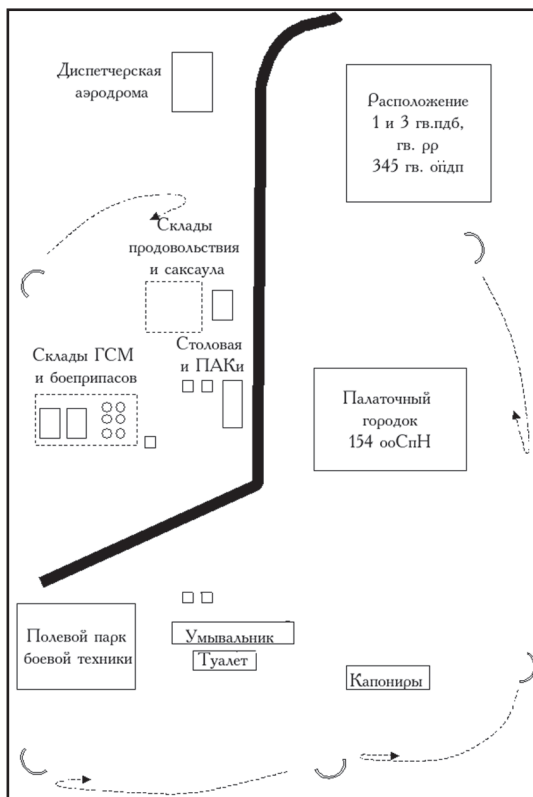
30 сутодач;

- боеприпасов — 150 тонн;
- хозяйственного имущества — 45 тонн.

Неделю батальон находился на аэродроме Баграм, это около 70 км к северу от Кабула». ¹

Два батальона и разведроты 345 гв. отдельного парашютно-десантного полка располагались в 500-х метрах от расположения отряда, напротив диспетчерской аэродрома.

Холбаев Х.Т.: «Мы расположились в торце взлётной полосы. Вдоль дороги, которая вела вправо, устроили склады ГСМ и боеприпасов, 4 ПАКа

Общий план полевого городка на аэродроме Баграм.

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

и 2 палатки под столовую. На противоположной стороне поставили палатки УСБ для солдат и офицеров. Недалеко от расположения устроили парк техники. Была организована караульная служба. В караул и наряд по отряду заступала одна рота. Выставлялись посты в составе одного отделения. Ночью от постов выслались парные патрульные».

В 2 палатках УСБ были устроены склады боеприпасов: в 1 — снаряды для орудий БМП и гранатомётов, во 2 — боеприпасы к стрелковому оружию. Недалеко был устроен склад ГСМ из двухсотлитровых бочек с топливом. Немного ближе находились продовольственный склад и склад саксаула (древесного топлива). Склады и полевой парк боевой техники обнесли колючей проволокой. Вокруг полевого городка оборудовали 5 постов охраны и обороны.

Для каждой роты были установлены по одной палатке УСБ для личного состава и по одной восьмиместной палатке для оружия и боеприпасов под стрелковое оружие. Все 3 отдельных группы (заг, связи, обеспечения) расположились в одной палатке УСБ, 2 палатки УСБ были выделены под солдатскую и офицерскую столовые, 1 палатка УСБ была установлена для офицеров управления и штаба, 2 палатки выделили для сотрудников КГБ, 1 — резерв.

Кровати поставили в 2 яруса и сдвинули, настелили на них матрасы (матрасов и подушек было достаточно). На 2 кровати ложились по 3 человека. Офицеры и прапорщики располагались в палатках вместе с личным составом.

Б. Хамза: «Недалеко были глинобитные строения. Немного похоже на мой кишлак, только беднее. У нас и свет был на улицах, и здание конторы из кирпича, и трактора. А здесь ничего этого не было. Погода была непонятная: днём тепло, а ночью мороз. Печки топили саксаулом, но они грели недостаточно. Укрывались всем, что было: шинелями, бушлатами, одеялами, матрасами. Потом привезли «печки-поларисы», которые топились солярой. Но их установили только в Кабуле».

Овчаров А.А.: «Печки-поларисы» были изготовлены в бригаде по предложению начальника тыла бригады майора Турбуланова. Вначале была изготовлена одна печь как образец. Опробовали её, а потом по приказу командующего округом было изготовлено ещё несколько таких печей».

Ибрагимов Э.Н.: «Прилетев в Баграм, мы выгрузили технику и разместили её недалеко от палаток личного состава в полевом парке. Весь следующий день занимались размещением и обустройством. Водители колёсных машин, механики-водители БТРов, БМП и ЗСУ проверяли состояние техники, проводили техосмотр и обслуживание, готовили её к дальней-

шей эксплуатации. Кроме того, машины дозаправляли топливом, так как при перелёте топливные баки полностью не заправлялись. В последующие дни были организованы занятия по тактической, огневой, физической подготовке и вождению боевых машин.

Через день из посольства привезли афганские номера на автомобили, и мы все советские номера поменяли на афганские. Бортовые номера закрасили зелёной краской».

Остатки боеприпасов, ГСМ и имущества тыла были доставлены в последующие дни с аэродрома Чирчик.

Вместе с нами на аэродром Баграм прибыла группа из 18 сотрудников ПГУ КГБ СССР и работники территориальных органов госбезопасности. По легенде они являлись инженерно-технической группой нашего отряда. Возглавлял вновь прибывшую группу подполковник А.Т. Голубев. Им предоставили одну из оставшихся пустых палаток.

Вечером 11 декабря на аэродром Баграм прибыла 3-я группа отряда «Зенит», находившегося во введении управления «С» ПГУ КГБ СССР.

Голубев А.Т.: «К нам подсоединилась группа, которая прилетела из Ферганы, там тоже было 18 человек, может, и чуть больше. Они получше были экипированы... Всего было 3 группы — отряд «Зенит»».¹

Общая численность «зенитовцев» в Афганистане уже составляла более 130 человек. Общее руководство ими осуществлял полковник Поляков Алексей Константинович. Основной состав отряда размещался на 3-х вилах в г. Кабуле, арендуемых советским посольством.

Б. Хамза: «В Баграме к нам присоединились люди. Они были заметно старше нас. Поэтому мы их так и прозвали «стариками». Сначала мы думали, что это «партизаны», но потом, по отношению к ним наших офицеров, поняли, что это люди из КГБ. С нами и с нашими офицерами они почти не общались».

11 декабря 1979 года заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Н.Н.Гуськов ставит задачу на захват объекта «Дуб» — резиденции Х. Амина в центре Кабула. Операцию по устранению Х. Амина планировалось провести в ночь с 13 на 14 декабря силами 154 отряда спецназа, 1-го и 3-го гв. пдб и гв. разведроты 345 гв. опдп, отряда КГБ СССР «Зенит». Всего около 1700 человек.

В этот же день из частей кабульского гарнизона привезли полтора десятка переводчиков и военных советников. Они должны были уточнить расположение частей и указать людей, которые подлежали первоочередной

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

нейтрализации. Все они расположились в палатках УСБ в расположении отряда: сотрудники группы «Зенит», переводчики и советники отдельно друг от друга.

Слинкин М. М.: ¹ «Уже в сумерках добрались до Баграма. Проехали прямо на лётное поле, потом к укрытиям для самолётов, около которых стояли глинобитные постройки и армейские палатки. В них располагался советский десантный батальон, сплошь укомплектованный выходцами из среднеазиатских республик и предназначенный для охраны Амина.

Сразу же идём на инструктаж: «Всё, о чём вы здесь услышите, что узнаете и увидите, чем будете заниматься — государственная тайна. Никогда, никому, ни при каких обстоятельствах. Распишитесь!» Расписались несколько раз в том, что пожизненно будем сохранять молчание.

Парни в комбинезонах песочного цвета с множеством карманов, некоторые с пистолетами «Стечкина» в деревянных кобурах — группа спецназа госбезопасности «Зенит» — разбирают прибывших.

Несколько зенитовцев и я устроились в палатке поближе к печке «буржуйке» на 2-х солдатских койках, между которыми поставили табурет. На табурете листок бумаги. Мне дают карандаш: «Черти план штаба корпуса». Рисую от руки, без линейки, поясняя: «Первый этаж: вот вход, парадная лестница, вот чёрный ход, под ним в полуподвальном помещении узел связи». Спросили: «Окна узла связи выходят во двор?». Отвечаю: «Да».

Уже не мне: «Чтобы не успели сообщить, кинем в окно слёзоточивку, а в коридоре всех повяжем, как начнут выскакивать». Продолжаю: «Второй этаж. Кабинет командира корпуса майора Мохаммад Дуста». Опять вопрос: «Рассказывай, кто таков?». Отвечаю: «Из мелких феодалов. Халькист «гнезда» Аминова. По-моему, всем ему обязан и лично предан». Вопрос: «Сопротивляться будет?». Отвечаю: «Надо полагать, раз вопрос стоит о свержении Амина». Говорят: «Тогда будем уничтожать. Ставим крест». Поясняю: «У комкора телохранитель — солдат-пуштун огромного роста и невероятной силы. Днём и ночью при хозяине». «Справимся, — кидают уверенно. — Ещё на ком ставить крест?». Отвечаю: «Кабинет рядом — начальника штаба корпуса».

Начальник штаба корпуса — полковник Шах-Заде. С ним у меня отношения приятельские, почти дружеские. Подставлять его ой как не хочется. Он нам, советским, всегда безоговорочно верил, поэтому говорю: «Нет, начштаба — наш человек. Его трогать никак нельзя. Кто потом

¹ Слинкин Михаил Михайлович — в 1979 году был переводчиком в 1-м армейском корпусе Вооружённых Сил ДРА.

организует всю эту перепуганную ораву штабистов». О том, что Шах-Заде тоже «птенец» гнезда Аминова, умалчиваю. Соглашаются: «Хорошо, дальше давай». Продолжаю: «Остальные — ни рыба ни мясо. Флюгера, держат нос по ветру. Вот только неясная, мутная фигура — контрразведчик корпуса». Коротко: «Ставим крест. Разбираться времени не будет».

Тяжелое чувство: вот так, мимоходом, 3-х человек и приговорили. Долго уточняем детали: подъезды к зданию штаба, наличие оружия у офицеров, решётки на окнах, расположение комнаты советников (это чтоб не зацепить своих сторяча), караула, постов, на которые заступают часовые, и т. п.

В палатку входит солдат-истопник подбросить дров в печку. Все замолкают. Солдат неловко пытается открыть дверку печи. Обжигается и дует на пальцы. Кто-то тянет: «Эх, водки бы выпить, для сугрева». Старший обрывает: «Решили же, до победы — сухой закон!».

Утром иду разбираться с главным солдатским вопросом — где харчеваться. Говорят, что столовая в палатке. Солдаты, однако, принимают пищу прямо под открытым небом, стоя в куртках и шапках вдоль длинных столов. Нахожу не отапливаемую палатку-столовую. Получаю пайку, сажусь за стол, а пайка уже остыла. Чай тоже холодный.

День, не считая ещё одного прогона деталей предстоящего дела, проходит в полной беспорядочности. Слоняюсь по лагерю. Всё прямо по персидской поговорке: «Одинаковый с одинаковым: голубь с голубем, сокол с соколом». Зенитовцы кучкуются с зенитовцами, офицеры-десантники с офицерами-десантниками, солдаты с солдатами».¹

В один из дней мы должны были продемонстрировать некоторые наши боевые возможности афганскому руководству. Этим занимался В. Шарипов.

Шарипов В.С.: «Амина предварительно пытались выманить в расположение «мусульманского батальона», где под видом демонстрации новых советских образцов вооружения (ПТУР «Малютка»), с ним якобы мог произойти «несчастный» случай.

Меня вызвал комбат и сказал, что нужно для афганцев провести показательные стрельбы ПТУРАми и спросил: «Кто лучше всех сможет это сделать?». Я предложил себя. Комбат согласился. Мне выделили 4 учебных ПТУРа для тренировки и 2 боевых для демонстрации. Выбрал себе мишень — остатки самолёта, которые находились недалеко от нас. Учебными я пристрелялся. Но в последний момент стрельбу боевыми ПТУРАми отменили».²

¹ Слинкин М.Ф. Кто был и есть в Афганистане. — Симферополь: «Востоковедческий сборник», 1997, № 1.

² Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

Ибрагимов Э.Н.: «Мне была поставлена задача — выделить 3 автомобиля: 2 ГАЗ-66 и УАЗ-469. К указанному времени машины были готовы. Приехали какие-то люди, забрали оба грузовика и уехали. Через некоторое время их пригнали полностью загруженными ящиками. Тенты были наглухо закрыты и опечатаны. Рессоры машин чуть-чуть не выгибались в обратную сторону. Такое состояние машин меня, естественно, обеспокоило, и я сказал об этом. На что мне ответили, что это приказ, и не следует задавать лишних вопросов. Позже выяснилось, что в машины было загружено стрелковое оружие, предназначавшееся для сторонников Тараки, которые после освобождения их из тюрьмы «Пули-Чархи» также должны были участвовать в операции. Машины так и простояли загруженными, вплоть до отмены операции 13-го декабря. Затем ящики с оружием перегрузили, а машины вернули нам.

Автомобиль УАЗ-469 вместе со штатным водителем забрали перевозить каких-то людей, одетых в советскую солдатскую форму и бушлаты. Их разместили в одном из капониров для укрытия самолетов. Вход занавесили маскировочными сетями и никого туда не пускали. На прогулку, в туалет, по территории их перевозили только в автомобиле, не допуская никаких контактов с посторонними. Их постоянно охраняла спецгруппа КГБ из нескольких человек. Впоследствии выяснилось, что это члены «нового» афганского правительства, а тогда у нас были только предположения и догадки».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

12 декабря 1979 года по предложению специальной комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану и на основании подписанного 5 декабря 1978 года советско-афганского Договора «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» 4 членами Политбюро ЦК КПСС: Брежневым Л.И., Устиновым Д.Ф., Андроповым Ю.В. и Громыко А.А. — было принято решение об оказании ДРА военной помощи путём ввода на его территорию контингента советских войск.

Как видите, перед нами всего лишь партийный протокол, принятый узким кругом членов Политбюро ЦК КПСС и написанный неровным почерком, а не решение высшего законодательного органа СССР — Верховного Совета СССР, причём оформленный как дополнение к постановлению заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года № 176 «О направлении спецотряда в Афганистан» (см. стр. 62 — А.Р.).

При внимательном изучении этого «опуса» видно, что фамилии

11 участников этого заседания: Брежнев Л.И., Сулова М.А., Гришина В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинова Д.Ф., Черненко К.У., Андропова Ю.В., Громыко А.А., Тихонова Н.А., Пономарёва Б.Н. были дописаны в верхней части листа позже, а остальные 12 членов Политбюро ЦК КПСС были ознакомлены с ним только 25 и 26 декабря (поперечные подписи и даты).

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС**

Председательствовал тов. Л.И. Брежнев
Присутствовали: Сулов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарёв Б.Н.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ЦК КПСС
К ПОЛОЖЕНИЮ В
«А»**

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым - Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить в коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Анд-

СОБРАНИЕ
ОСОБАЯ ПАПКА

Присутствовали тов. Л.И. Брежнев
Председательствовал: Сулов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарёв Б.Н.

К положению в «А»

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. осуществлять эти мероприятия в ходе выполнения их обязанностей.

11/25/76
11/26/76

№ 999-м/16/Секретно

ропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК **Л. БРЕЖНЕВ.**

№ 997 (1 л.)

П 176/125 от 12/ХІІ¹.

Других документов до настоящего времени не опубликовано. Да и вряд ли они существуют. В этот же день на коллегии Министерства обороны СССР было принято решение о формировании 40-й общевойсковой армии.

РЕКОГНОСЦИРОВКА И ПОДГОТОВКА К ЗАХВАТУ ОБЪЕКТОВ В Г. КАБУЛЕ: 12-13 ДЕКАБРЯ

Колесник В.В. : «Согласно первоначальному плану, отряд должен был выдвинуться из Баграма и с ходу захватить резиденцию Амина в Кабуле. 13 декабря отряду поставили задачу совершить марш и прибыть в Кабул для усиления охраны главы государства. Такова была легальная задача «мусульманского батальона»».²

12 декабря утром старшие штурмовых групп отряда в сопровождении сотрудников группы «Зенит» выехали на рекогносцировку в г. Кабул.

Холбаев Х.Т.: «Утром 12 декабря на УАЗе-452 мы выехали на рекогносцировку маршрута и объектов Кабула. Были командиры рот и я. После изучения дороги я доложил, что мне понадобится на 70 километров движения 2 часа. Здесь я ошибся, так как до этого у меня не было практического опыта в организации марша смешанной колонны такой величины в горной местности и ночью».

Шарипов В.С.: «Мы получили 7 пропусков от афганцев. Один был у Холбаева, один у меня. Были также у Сахатова и других командиров рот. У кого были ещё — не помню.

Усадили нас в машину: по виду «санитарка», а сиденья внутри, как у микроавтобуса. За рулём — офицер КГБ, «гид» тоже из комитета. Провезли нас по объектам. С каждым командиром подразделения — приданный офицер КГБ. Со мной был подполковник Александр Рябинин. Всех сразу предупредили: «Головами не крутите. Чей объект — только тот и смотрит». Наш объект — телерадиоцентр. Его охраняли 4 БМП и 8 тан-

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Колесник В. «Штурм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

ков Т-54, до роты солдат и офицеров. В зданиях имелись аппаратные, студийные и технические комнаты, помещения административно-хозяйственного назначения, казарма для личного состава. Но главная особенность этого объекта была в том, что он находился рядом с посольством США. Меня сразу предупредили: «Спланируй захват так, чтобы ни одна пуля, тем более граната или снаряд не улетели на территорию посольства. Причём не только наши, но и афганские. Иначе виновных ждёт трибунал!». Да тут не одна мелочь, а десяток тщательных рекогносцировок нужно».¹

После рекогносцировки, вечером 12 декабря старших штурмовых групп от 154 ооСпН, 1 и 3 гв. пдб и гв. рр 345 гв. опдп, группы «Зенит», группы переводчиков, а также приданого отряда особистов собрали в штабной палатке. Здесь до присутствующих заместителем командующего ВДВ гв. генерал-лейтенантом Н.Н. Гуськовым был доведён план операции по захвату или блокированию ряда объектов в г. Кабуле.

Ашуров А.М.: «Вечером 12 декабря задачу доводил заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Гуськов. В состав штурмовых групп входила и группа переводчиков «Чалма», подчинявшаяся министру иностранных дел Громько — всего 15 человек, а также приданный отряд из 25 разведчиков, сформированный из офицеров особых отделов ТуркВО и САВО, присоединившийся к нам в Баграме под видом сапёров. Они же и сопровождали отряд на марше из Баграма в Кабул. В своих 2-х БРДМах (об этом мы узнали позднее) они хранили привезённые из СССР для Бабрака Кармаля 50 миллионов афгани».

Планом предусматривалось: 13 декабря в 16.00 на бронетехнике и автомобилях роты оружия выдвинуться в г. Кабул, к вечеру добраться до г. Кабула и с ходу в течение ночи 14 декабря захватить резиденцию главы государства дворец Арк («Дом народа») и другие ключевые объекты города с целью отстранения Х. Амина от власти.

Всю «грязную» работу при этом должны были выполнить сами афганцы, а подразделения ВДВ и спецназа ГРУ и КГБ становились как бы подстраховывающей и дополнительной силой.

На захват дворца Арк и штаба 1 армейского корпуса, находившихся в центре г. Кабула и охранявшихся бригадой национальной гвардии и 21 отдельным полком охраны общей численностью около 3000 человек, выделялись:

- 1 рота (старший — капитан И.С. Кудратов);
- зенитно-артиллерийская группа ЗСУ 23-4 (старший — старший лейтенант В.М. Праута);

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

— 1 группа роты оружия (старший — старший лейтенант Г.К. Тишаев).

— группа «Зенит».

Итого:

— БТР-60ПБ — 13;

— ЗСУ 23-4 — 4;

— АГС-17 — 8;

— личного состава — около 200 человек.

Соотношение 1 к 15!

Кудратов И.С.: «В ночь с 13 на 14 декабря моя рота должна была штурмовать резиденцию Арк вместе с сотрудниками спецподразделения КГБ «Зенит». По первоначальному плану именно я с приданным мне взводом ЗСУ 23-4 (они должны были пробить ворота и огнём проложить дорогу моим бойцам) в качестве главной ударной силы должен был выполнить главную задачу — захватить Амина».

Иванов В.Б.: «Все 4 машины нашего взвода должны были участвовать в штурме дворца в центре города. Так как наши установки были самыми мощными, то на них и возлагалась задача пробить ворота и проделать путь штурмовым группам. Ответственное задание быть в голове колонны и пробить ворота Праута поручил моей машине».

Курилов В.Н.: «По плану мы в составе 5 БТРов должны на огромной скорости снести броней парадные ворота дворца. Быстро подавить из гранатомётов стоящие с внутренней стороны вблизи ворот 2 танка (которые были вкопаны в землю по башни) и 2 или 3 БМП, а затем разъехаться вправо и влево по узким дорожкам вдоль четырёхэтажных казарм, где располагаются гвардейцы. При этом на броню вылезет переводчик и в мегафон объявит, что антинародный режим кровавого Амина пал, и предложит гвардейцам сдаваться и выходить из казарм без оружия и с поднятыми руками. Предполагается, что гвардейцы тут же выйдут из своих казарм... Ну и так далее... При этом нам надо было проявить максимум дружелюбия, доброжелательства и улыбочивости, а если кто-то из нас попытается затеять ненужный шум и стрельбу, если у нас не выдержат нервы, то разбираться с виновными будут по всей строгости закона! Ведь мы находимся на территории дружественного государства, и любой случайный выстрел или неосторожно брошенное слово могут послужить причиной международного скандала».¹

Планом также предусматривалось блокирование и подавление следующих располагавшихся в г. Кабуле воинских частей и соединений:

¹ Курилов В. Так начинался «Штурм». — «Трибуна», 2004, 29 декабря.

- а) частей 1 армейского корпуса:
- 190 отдельного артиллерийского полка;
 - 38 механизированного полка 7-й пехотной дивизии;
 - 82 пехотного полка 7-й пехотной дивизии;
 - 72 механизированного полка 8-й пехотной дивизии;
- б) частей центрального подчинения:
- 1 бригады национальной гвардии;
 - 26 парашютно-десантного полка;
 - 32 полка «Коммандос»;
 - 88 артиллерийской бригады;
 - 4 танковой бригады;
 - 15 танковой бригады;
 - 21 отдельного полка охраны;
 - 52 отдельного полка связи;
 - 444 отдельного пехотного полка.

На блокирование 4 и 15 танковых бригад выделялось по одной роте из 345-го гв. опдп! Соотношение 1 к 18!!

Востротин В.А.: «Наша рота должна была блокировать 4 танковую бригаду в районе «Пули-Чархи»».

Кроме этого, планировалось захватить или блокировать: Министерство обороны и Генштаб, Главные штабы ВВС и ПВО, штаб 1 армейского корпуса, штаб МВД «Царандой», штаб службы госбезопасности «КАМ»,¹ тюрьму «Пули-Чархи», Главпочтамт, Центральный телеграф и Телерадиоцентр.

Камбаров А.М.: «Атаковать тюрьму «Пули-Чархи» назначалось группе старшего лейтенанта Маматкулова».

Шарипов В.С.: «По общему замыслу, мы с приданными комитетчиками должны были захватить все ключевые объекты в городе, в том числе и военные. Но главное — взять резиденцию Амина. Она в это время находилась не в Тадж-Беке, а где-то в другом дворце. И это всё — всего на 1700 человек!»

Меня планировали на «Радио Афганистана» и «Телевидение Афганистана». В составе одного взвода, плюс моя, командира роты БМП: с ходу ворваться на территорию телерадиоцентра, нейтрализовать часовых, блокировать охрану и захватить афганские танки и другие бронеобъекты, противника, оказывающего сопротивление, постараться взять в плен без стрельбы. Организовать охрану объекта, чтобы в дальнейшем обеспечить и проконтролировать выход в эфир обращений «нового афганского руководства». Всё

¹ В некоторых документах — «ХАД».

это сделать с минимальной стрельбой, чтобы не задеть рядом стоящее посольство США, сохранить обслуживающий персонал и не повредить теле-радиотехнику!! В случае неудачи — не допустить обращений к народу действующего руководства страны. Мы с Рябиным прикинули — это же самоубийство! Я вообще удивляюсь, насколько бестолково была спланирована операция. Не знаю, кто эту операцию планировал (вроде комитетчики), но дошло даже до того, что сержанту поставили задачу: на одном БТРе с отделением солдат ... взять афганский штаб КГБ — «ХАД»!». ¹

И это всё надо было сделать одним отрядом спецназа, двумя батальонами десантников, разведывательной ротой и группой КГБ «Зенит»!!! Общее соотношение сил было 1 к 30, а по боевому уставу Сухопутных войск ВС СССР при захвате или блокировании объекта соотношение сил и средств должно быть 3 к 1! Просто нас посылали на верную смерть и полный провал всей операции!

СМЕНА ВОЕННОГО АВАНТЮРИЗМА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРАГМАТИЗМОМ

Спецназ уходит по приказу
В налёт на вражескую базу.
Его судьбу не предсказать...
Храни, Господь! —
Веди, комбат!

В. КОШЕЛЕВ

Как известно: приказы не обсуждаются, а выполняются. И поэтому с утра 13 декабря солдаты и офицеры отряда переоделись в афганскую форму, механики-водители отряда выстроили боевую технику в колонну для выдвижения в г.Кабул. Десантники 345 гв. опдп также выстроили свои колонны. Выдвижение группы «Зенит» планировалось вместе с нашим отрядом.

Ибрагимов Э.Н.: «Утром 13 декабря мы выстроили 2 колонны техники. Одна должна была двинуться в Кабул в 16.00, вторая — на следующий день. Я должен был выдвигаться со второй колонной. Получили боеприпасы, прогрели двигатели.

Мы взяли с собой из Союза несколько бутылок водки. Часа в 2 мы собрались и выпили за успех операции. Тогда это ещё воспринималось не

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

так серьёзно. Многие шутили. Затем офицеры, которые должны были уезжать первой колонной, пошли в штабную палатку отдохнуть. Я обнялся с Шариповым и пожелал ему удачи. Он должен был идти во главе колонны отряда. Механики-водители стали заводить машины. Колонна даже немного продвинулась вперёд, чтобы установить необходимую дистанцию среди машин. Но вместо приказа на движение поступил «отбой». Машины стали опять загонять в парк. Этим и прозанимались остаток 13-го декабря.

В 15.00 офицеров отряда и сотрудников КГБ собрали в палатке управления отряда для получения боевого приказа. Но в 15.30 поступил приказ об отмене операции. Видно кто-то из руководства всё-таки понял, что этот план — полная авантюра.

Голубев А.Т.: «Мы ждали, когда наступит время «Ч». Проводились рекогносцировки, люди были расписаны — кто куда, как и что должен делать, сколько в каком БТРе будет сидеть военнослужащих батальона, сколько наших, все пароли и отзывы и т.д. 13-го числа была команда садиться в бронетранспортеры и БМП, мы заняли места, но поступила команда «отбой»».¹

Зайцев Г.Н.: «Как мы знаем, история не любит сослагательного наклонения. Неизвестно, чем бы в целом завершилась эта военно-политическая авантюра, но вот конкретно для спецназа КГБ и «мусульманского батальона» конец оказался бы один. По мнению многих людей, участников событий, с кем мне довелось в разное время общаться по этому вопросу, план операции имел серьёзные изъяны, главный из которых — слабость ударного кулака. Для захвата «Дуба» (дворца Арк — А.Р.) и других объектов сил и средств явно не хватало».²

Ляховский А.А.: «По свидетельству Главного военного советника в Афганистане Магометова, когда он разговаривал по спецсвязи с Министром обороны СССР Устиновым, последний поинтересовался: «Как идёт подготовка к выполнению плана по отстранению от власти Амина?». Этот вопрос поставил Магометова в тупик, так как он был совершенно не в курсе, о каком плане идёт речь. Тогда Устинов сказал, чтобы Магометов уточнил все детали у генерал-лейтенанта Иванова».³

Однако когда Главный военный советник в ДРА обратился к представителю КГБ СССР по поводу этого плана, тот ответил, что не имеет об

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

² Зайцев Г. — М.: «Красная звезда», 2007, 21 ноября.

³ Иванов Борис Семёнович — спецпредставитель КГБ СССР в Афганистане. Генерал-лейтенант.

этом ни малейшего понятия. Магометов стал доказывать, что необходимо действовать совместно, ему об этом звонил член Политбюро ЦК КПСС Устинов.

Через некоторое время Иванов, видимо, переговорив с Андроповым, пригласил Магометова в свой кабинет и показал ему разработанный сотрудниками КГБ СССР план операции. Главный военный советник потом возмущался, говоря, что это был не план, а «филькина грамота», поэтому по его настоянию операцию отложили. Работавшие в Кабуле многочисленные высокопоставленные представители КГБ СССР, руководитель оперативной группы ВДВ, сотрудники аппарата военного атташе оказались в затруднительном положении.

Теми силами и средствами, которые имелись тогда в Кабуле, выполнить поставленную задачу, они были не в состоянии. В Москву за четырьмя подписями совпредставителей была направлена шифротелеграмма с оценкой ситуации в Афганистане и выводом о том, что имеющимися в Кабуле силами они устранить Амина не смогут, и без войсковой поддержки не ручаются за успех переворота. Просили усиления для проведения операции в Кабуле. Им такое усиление было обещано — «воздушно-десантная дивизия».¹

13 декабря была сформирована оперативная группа министерства обороны СССР (ОГ МО) под руководством генерала армии С.Ф. Ахромеева.

14 декабря ОГ МО прибыла в г.Термез и приступила к своей деятельности. Несколько позднее её возглавил маршал Советского Союза С.Л. Соколов. Под его непосредственным руководством, начиная с середины декабря, ускоренными темпами начал формироваться контингент советских войск для последующего ввода его на территорию ДРА. В дальнейшем, по предложению министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова, он станет называться «ограниченным».

После звонка Ю.В. Андропова генерал Н.Н. Гуськов организовал вылет «особых» афганцев и охранявших их сотрудников КГБ СССР обратно в Союз.

Изотов Ю.А.: «Нам пришлось ещё раз вернуться в Ташкент... Самолёт АН-12 без опознавательных знаков подогнали почти вплотную к кабинам задней рампы. Двигатели не выключали. Быстро проводили на посадку Бабрака Кармаля, Аслама Ватанджара, Нур Ахмад Нура и Анахиту Ратебзад. Это потом уже нас посадили в самолёт, который был загружен керосином и саксаулам, и снова привезли в Баграм».²

¹ Ляховский А. А. — «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12; 2004, № 1-3.

² Зайцев Г. — М.: «Красная звезда», 2007, 21 ноября.

Слинкин М. М.: «3 день, потом 4 — никаких значимых перемен. Снег, мороз, в палатке холодно, и пиджачок не греет. Начинаю кашлять. Поэтому много времени провожу под одеялом. Отсыпаюсь впрок. Мысли приходят сами собой: «Похоже, команды брать Кабул одним «мусульманским батальоном» и группой «Зенит», усиленной «сусаниными» из военного контракта, т. е. нами, мы не дождёмся». То ли что-то изменилось, то ли и с самого начала это не планировалось, а было лишь иллюзией, возникшей в наших головах, напичканных героическими примерами неравных схваток из славного боевого прошлого».

С 14 по 16 декабря мы занимались обслуживанием боевой техники. Но тревожные ощущения не покидали нас, — чувствовалось, что это всего лишь короткая отсрочка.

В КАБУЛЕ

Ты, как положено, встречай
Подарок от страны Советов.
Идет в дивизиях аврал,
Вот-вот дадим «Вперед!» сигнал
Чтоб прям по ленинским заветам
Исполнить — видим в этом толк! —
Интернациональный долг.

Владимир КОШЕЛЕВ

ПЕРЕЕЗД Х. АМИНА ВО ДВОРЕЦ ТАДЖ-БЕК

16 декабря на Х. Амина было совершено покушение, он был легко ранен, пострадал и его брат Асадулла Амин. Х. Амин отправил Асадуллу на лечение в Советский Союз, а сам сменил свою резиденцию и 20 декабря перебрался в уже упоминавшийся дворец Тадж-Бек, расположенный на окраине Кабула в районе проспекта Дар-уль-Аман.

Абдул Рашид Седигзай:² «Точную дату переезда я не помню. Бригада переезжала несколько дней. В первый день — один батальон. На второй

¹ Слинкин М.Ф. Кто был и есть в Афганистане. — Симферополь: «Востоковедческий сборник», 1997, № 1.

² Абдул Рашид Седигзай в 1979 году проходил службу в бригаде национальной гвардии ДРА.

день — второй батальон и рота охраны. На третий день — остатки бригады. Когда переехал наш батальон, советская часть уже была на месте».

Абдулла Вардак:¹ «Охрана переезжала частями. На всё ушло 3 дня. Когда переехал товарищ Амин, я точно не знаю. Думаю, что на второй день, когда переехали мы. Тогда его постоянно охраняли два батальона. Вряд ли он согласился бы остаться под охраной только одного батальона. Но это только мои предположения».²

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ ОТРЯДА В Г. КАБУЛ: В НОЧЬ С 17 НА 18 ДЕКАБРЯ

В соответствии с договорённостью с афганским правительством, отряд должен был к 20 декабря передислоцироваться в г. Кабул и войти в новую систему охраны главы государства.

17 декабря отряд получил приказ выдвинуться в г. Кабул в район Дар-уль-Аман, куда перемещалась новая резиденция главы ДРА. Весь день прошёл в подготовке к маршу: выстраивали колонну машин и бронетехники, в автомобили загружалось имущество отряда, боеприпасы. Поздним вечером 17 декабря колонна отряда начала выдвижение в афганскую столицу.

Перед маршем в Кабул мы снова переоделись в афганскую форму.

Шарипов В.С.: «Установили новую систему связи. Позывной комбата — «Беркут», мой для связи с комбатом — «Булава», группы моей роты получили позывные: «Сокол 1», «Сокол 2», и «Сокол 3» соответственно. От афганцев получили пароли. Пароль на выход из Баграма — «Мотор», отзыв — «Маймана». Пароль на вход в Кабул — «Машин», отзыв — «Мазар». Несмотря на пароли, пока мы доехали до Кабула, нас останавливали раз 15. Каждый раз комбат выходил на связь с нашим начальством в посольстве, те связывались с афганским, — и уже они давали команду пропустить нас. Если бы нам пришлось выполнять задачу по первому плану, мы бы и до Кабула, наверное, вообще не добрались».³

На марше один из БТРов стал отставать.

Ибрагимов Э.Н.: «На марше в Кабул у одного из БТРа из 2 роты

¹ Абдулла Вардак в 1979 году проходил службу в роте личной охраны Х. Амина. С 1979 по 1985 годы находился в тюрьме «Пули-Чархи». С 1985 года проходил службу в ВС ДРА.

² Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

³ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

вышел из строя один двигатель. Он продолжал ехать на втором, но на подъёмах БТР стал отставать. Чтобы не тормозить всю колонну, командир отряда оставил меня и автомобиль МТО-АТ с неисправным БТРом, а сам продолжил движение. Так как быстро починить БТР не удалось, мы взяли его на буксир и на подъёмах помогали. В Кабул мы прибыли несколько позже основной колонны, но так как главная колонна в Кабуле растянулась, мы догнали их ещё в черте города».

К тому же, во время движения шёл снег, видимость не превышала нескольких метров. И только после того, как уже в Кабуле нас начала сопровождать машина афганской полиции с мигалкой, мы стали ехать более-менее свободно.

Холбаев Х.Т.: «В результате остановок на постах на марш нам понадобилось вместо запланированных 2 часов — 4 часа. И Магометов и Иванов были очень недовольны задержкой и тем, что одна машина отстала. Иванов сказал: «Если вы сейчас не справились с задачей, то что же будет в боевой обстановке?!».

О том, что на марше отстала одна из машин отряда, узнал главный военный советник генерал-полковник С. Магометов. У него были все частоты, на которых велись радиопереговоры в отряде, и он следил за передвижением отряда. С. Магометов сразу же доложил в Москву о плохой организации марша командиром отряда майором Х. Холбаевым.

И уже через 2 с половиной часа полковник В. Колесник получил приказ от начальника ГРУ ГШ генерала армии П. Ивашутина — вылететь в Афганистан и разобраться на месте с ситуацией. С собой В. Колесник взял подполковника О. Швеца. Вместе с ними вылетели сотрудники управления «С» ПГУ КГБ генерал-майор Ю. Дроздов и капитан 2-го ранга Э. Козлов.

Дроздов Ю.И.: «Вечером 18 декабря в Москве полковник Колесник получил приказ от начальника ГРУ ГШ вылететь в гражданской форме одежды в Афганистан для выполнения специального правительственного задания. Вместе с ним должен был лететь ещё один офицер, и по просьбе Колесника направили подполковника Швеца. Быстро оформив все необходимые в таких случаях документы (заграничные паспорта им привезли прямо к самолёту), они в 18.30 18 декабря отправились с аэродрома Чкаловский через Баку и Термез в Баграм. До Термеза летели с экспедитором, сопровождавшим военторговский груз.

В Баграм прилетели только поздно ночью. Комитетчики уехали с какими-то людьми в гражданском, а Колесник со Швецом, переночевав в первом попавшемся капонире, утром 19 декабря направились в Кабул, где

представились главному военному советнику генерал-полковнику Магометову и резиденту КГБ в Кабуле, которые были предупреждены об их прибытии. Колесник, хорошо знавший майора Холбаева, взял его под защиту, сказав, что «комбат толковый, хотя и немногословный. На него можно надеяться, в трудную минуту не подведёт».¹

В. Колесник и О. Шве́ц прибыли в советское посольство в Кабуле 19 декабря утром. Представились главному военному советнику генерал-полковнику С. Магометову, который высказал своё недовольство действиями командира батальона и потребовал от В. Колесника заменить его.

Колесник В.В.: «Холбаева я знал давно, как вполне подготовленного офицера, поэтому я постарался убедить в этом вспыльчивого генерала. Опираясь на факты, я доказал ему, что действия комбата в данной ситуации были абсолютно верными. Поняв, что доводы мои логичны, Салтан Кекезович несколько успокоился и приказал мне организовать боевую подготовку отряда в соответствии с вновь полученными задачами, которые заключались в охране дворца Тадж-Бек. Конфликт усилился ещё и из-за того, что Холбаев не любил оправдываться и не старался показать себя лучше, чем он есть. Такое поведение сразу настроило против него Салтана Кекезовича, по-восточному любившего чинопочитание».²

Чернышёв Е.В.: «Кто служил под началом генерал-полковника Магометова Салтана Кекезовича знает, что он был достаточно груб с подчиненными, малоприветлив. До похвал и благодарностей снисходил редко».³

Выслушав замечания С. Магометова и высказав ему своё мнение, В. Колесник и О. Шве́ц выехали в расположение отряда.

Холбаев Х.Т.: «Через день приехали Колесник и Шве́ц. Было ясно — приехали снимать меня. Колесник, правда, ничего не сказал. Провёл беседы с офицерами и прапорщиками. Не знаю почему, посчитали меня невиноватым или решили, что менять командира перед операцией не стоит, — и меня не сняли».

Вместе с В. Колесником и О. Шве́цом в расположение отряда прибыли Ю. Дроздов и Э. Козлов.

Дроздов Ю.И.: «Переговорив по телефону со своим начальством в Москве и переночевав в посольстве, они (В. Колесник и О. Шве́ц — А.Р.) 19 декабря поехали в расположение отряда, который разместился

¹ Дроздов Ю. Как штурмовали дворец Амина. — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/ Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.

² Колесник В.В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

³ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

примерно в километре от дворца Тадж-Бек, в недостроенном здании, с окнами без стекол. Вместо них натянули плащ-палатки, поставили «печки-буржуйки», кровати в 2 яруса. Афганцы выдали им шерстяные одеяла из верблюжьей шерсти. В тот год зима в Кабуле была суровая, ночью температура воздуха опускалась до 30 градусов мороза. Продукты питания покупали на базаре. В общем, кое-как устроились».¹

По легенде, полковник В. Колесник действовал в роли «майора Колесова» — заместителя командира батальона по боевой подготовке, а подполковник О. Шве́ц — «майора Швецова» — офицера особого отдела, генерал-майор Ю. Дроздов стал «капитаном Лебедевым» — заместителем Х. Холбаева по технической части.

ОБУСТРОЙСТВО В РАЙОНЕ ДАР-УЛЬ-АМАН: С 18 ПО 21 ДЕКАБРЯ

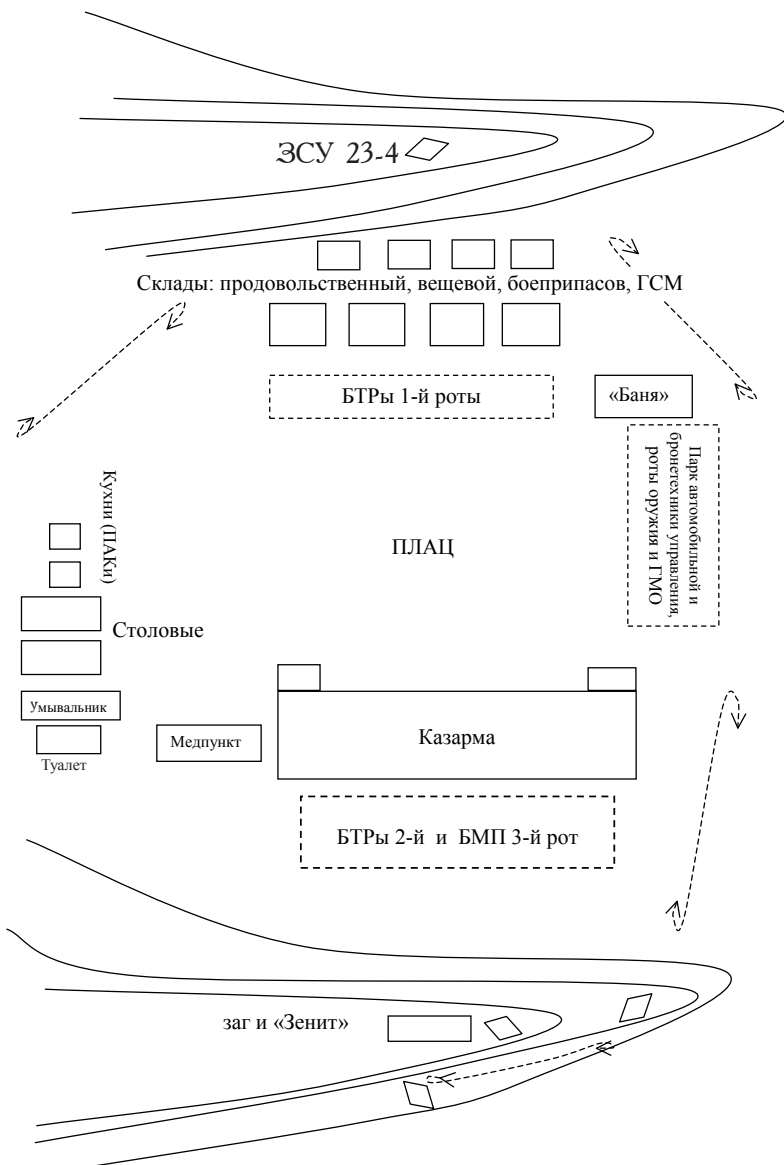
К новому расположению прибыли ночью 18 декабря. Отряд разместился в недостроенной казарме танкового батальона бригады охраны на удалении 1 километра от дворца.

В течение 2 дней рядом с казармой были оборудованы палатки УСБ под солдатскую и офицерскую столовые. Площадки с боевой техникой оградили колючей проволокой, соорудив таким образом 3 парка боевой техники. В 4 палатках УСБ были устроены склады: продовольственный, вещевой и боеприпасов. Склад ГСМ состоял из составленных вместе двухсотлитровых бочек. Рядом со складами развернули под «баню» дезинфекционный душевой автомобиль (ДДА). У сопки устроили туалет и умывальник.

Холбаев Х.Т.: «Казарма находилась между двумя достаточно высокими холмами, так что некоторые сразу прозвали наше расположение «ямой». До дворца Тадж-Бек было по прямой — метров 900. Казарма была двухэтажная. На каждом этаже было по 9 маленьких и 1 большой комнате. Вход в комнаты был с одного длинного коридора. С каждой стороны казармы находились лестницы. В казарме не было ни стёкол, ни отопления. Вместо стёкол натянули плащ-палатки. В каждой комнате у окна установили «печки-поларисы», доставленные из Чирчика. Поставили по 9 кроватей в 2 яруса с каждой стороны, итого — 36 кроватей в комнате».

Саттаров А.С.: «Здание было недостроенное, без окон. Пол был из гравия. Хорошо, что был свет. К нам подъехал командир бригады охраны,

¹ Дроздов Ю. Как штурмовали дворец Амина. — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Общий план военного городка отряда в районе Дар-уль-Аман

пожелал нам побыстрее устроиться на новом месте. Сказал, что наш приезд мы отметим, как только устроимся на новом месте. Личный состав рот и взвода связи разместились в казарме. Группа «Шилок» расположилась в старом глинобитном здании на сопке южнее расположения. Взвод обеспечения расположился в 4 глинобитных зданиях-полуземлянках, которые находились у горы, севернее казармы».

1, 2 и 3 ротам досталось по 4 комнаты (по 1 на группу и 1 — офицерам и прапорщикам), роте оружия — 2 комнаты, группе связи — одну большую комнату. В одной комнате расположился штаб (А. Ашуров, А. Джамолов, А. Джумаев и И. Камбаров), одну комнату определили для дежурного по отряду, одну комнату заняли Ю. Дроздов, Г. Бояринов, Э. Козлов, В. Колесник и О. Швец. Комнату рядом заняли Х. Холбаев, М. Сахатов, А. Саттаров, Э. Ибрагимов, А. Рашидов и М. Байхамбаев. Медицинский пункт расположился в одной большой комнате. В отдельной комнате расположилась часть сотрудников группы «Зенит».

Касымов С.С.: «По прибытию в Кабул наш батальон расположился недалеко, где-то в одном километре от дворца Амина в недостроенном двухэтажном кирпичном здании. На окнах рам не было, приходилось закрывать оконные и дверные проемы плащ-палатками, был сквозняк, иногда приходилось расчищать казарму от снега. Первые 2-3 дня было очень холодно, с потолков стекала вода, пол не был забетонирован, а был засыпан щебнем. В течение 2 дней мы более или менее привели свой быт в нормальные условия, благодаря кропотливой работе командира и замполита батальона».

Б. Хамза: «Поселили нас в недостроенной казарме. Неделок было очень много: не было даже рам, в коридоре пол не был забетонирован, вместо пола был насыпан гравий, и в комнатах пол не был забетонирован. В окна нанесло снега, поэтому нам пришлось сначала очистить комнаты от снега, прежде чем заселиться. Окно закрыли плащ-палаткой, оставив отверстие для трубы печки. Поставили койки в 2 яруса. Накидали на них матрасов, которых было гораздо больше, чем коек. Спали по 3 человека на 2-х койках. В первую ночь все легли спать одетые, так как казарма ещё не прогрелась, и в комнатах было холодно. Утром стало немного теплее: и печка немного натопила и мы надышались».

Группа обеспечения расположилась отдельно в 4-х полуземлянках. Личный состав зенитно-артиллерийской группы разместился в глинобитном строении на холме, недалеко от своих установок ЗСУ 23-4. Вместе с ними разместились 10 «зенитовцев».

На холмах выкопали окопы полного профиля. В них и располагались посты наблюдения. Пришлось очень тяжело, т.к. почва была каменистая, да ещё и промёрзшая. Посты были в парках, у складов. В основном парке был оборудован КТП. В караул заступали поротно. Караульного помещения как такового не было.

Холбаев Х.Т.: «Общая охрана осуществлялось по периметру расположения отряда, особое внимание обращалось на предполагаемые направления нападения. Одна рота на сутки обеспечивала охрану, кухонный наряд, дежурство по КПП и штабу отряда. Кроме того, группа обеспечения и зенитчики осуществляли охрану себя сами».

Иванов В.Б.: «От нашей группы ЗСУ каждую ночь выставлялся караул на 2 поста. Они охраняли наше расположение и наши машины».

Абдуллаев А.С.: «Механики-водители и наводчики-операторы в караул не заступали. Они посменно находились в парке, поддерживали температуру двигателей не ниже 50 градусов. Посты находились во всех 3 парках и вокруг расположения батальона на холмах».

На одном из холмов, ближе к дворцу личным составом 1 группы нашей роты во главе с сержантом А. Салиховым был оборудован замаскированный наблюдательный пункт, оснащенный прибором ночного видения, биноклем и телефонной связью. С этого НП круглосуточно велось наблюдение за дворцом и прилегающей к нему территорией. Результаты наблюдения заносились сержантом А. Салиховым в журнал и ежедневно направлялись начальнику штаба отряда капитану А. Ашурову.

Несмотря на то, что ночью температура опускалась до 30 градусов мороза и ниже, все службы работали нормально. В каждой комнате были истопники, которые отвечали за поддержание необходимой температуры.

Еду готовили, как и в Баграме, в ПАКах. Из-за высокогорья температура кипения воды была где-то 85 градусов, поэтому мясо приходилось варить более 3-х часов. Продукты питания частично привезли с собой, но большую часть покупал на базаре зампотылу отряда майор Д. Джалилов. Афганские деньги на продукты получали в финансовой службе посольства. Чтобы получить очередные деньги на закупку продуктов, заместитель по тылу и я, как председатель народного контроля, каждый день отчитывались по меню-раскладке и по распискам, полученным от продавцов.

Ашуров А.М.: «Продукты в Кабуле закупали в одних и тех же магазинах: этим занимались майор Джалилов, старший лейтенант Рашидов, прапорщик Рахимов, старший лейтенант Камбаров Ибодулло, лейтенант Абдуллаев Рашид. Воду, как и в Баграме, привозили из посольства СССР и хранили в резиновых резервуарах».

«Зенитовцы» на ЗСУ 23-4 на фоне дворца Тадж-Бек

реводчик отряда и отдавал для отчёта в посольство. Оригиналы мы наклеивали в альбом, который специально для этого купили. Потом он нам пригодился. Уже в 1980 году у Василия Васильевича попросили отчитаться о выделенных на питание отряда деньгах. Я позвонил Холбаеву и попросил найти альбом и передать его в Москву. Холбаев передал альбом с самолётом, летевшим в Москву, и на следующий день альбом был у нас. Василий Васильевич передал альбом тем, кто очень заинтересовался деньгами. Претензий к нему не было».¹

5.3.2. ОЗНАКОМЛЕНИЕ С СИСТЕМОЙ ОХРАНЫ ДВОРЦА ТАДЖ-БЕК

21 декабря полковника В. Колесника и майора Х. Холбаева вызвали к Главному военному советнику в Афганистане, от которого они получили приказ усилить охрану дворца подразделениями отряда. По боевому расчёту нам предписывалось оборонять дворец в промежутке между расположениями 1 и 2 афганскими батальонами.

Колесник В.В : «Непосредственно дворец охраняла рота личной охраны — это считалось 1 линией охраны, 2 линию должны были составить мы, а 3 — была бригада охраны, которую возглавлял майор Джандат — главный порученец Амина. На следующий день мы поехали к нему знакомиться. Он некогда закончил иностранный факультет нашего воздушно-десантного училища в Рязани, а позже прошёл обучение в Военной Академии

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

имени Фрунзе и поэтому говорил по-русски очень хорошо, хотя сначала это не афишировал».¹

Сразу же приступили к выполнению боевой задачи. Установили контакт с командиром бригады охраны (национальной гвардии) майором Сабри Джандадом (он же порученец Х. Амина) и его военным советником полковником из 9 управления КГБ СССР Пупшевым Леонидом Степановичем, согласовали с ними расположение оборонительных позиций подразделений отряда и все необходимые вопросы взаимодействия. Для связи лично с ним С. Джандад предоставил командованию отряда небольшие японские портативные радиостанции.

Холбаев Х.Т.: «После нашего переезда в Кабул я и Колесник каждый день ездили на совещание к Магометову Салтану Кекезовичу. После того, как мы устроились на новом месте, мы получили приказ усилить охрану резиденции главы государства. Для этого нам нужно было на следующий, день, 22 декабря, встретиться с командиром бригады охраны и его военным советником и согласовать вопросы взаимодействия.

Утром мы встретились с представителями бригады охраны. С нашей стороны были: я, Колесник, Швец, Дроздов (они выступали в роли моих заместителей) и командиры рот. Со стороны афганцев присутствовали Джандад, один из его заместителей и командиры батальонов. Кроме этого, присутствовал военный советник Джандада полковник Пупшев.

Вместе с ними мы ознакомились с системой охраны, с расположением батальонов охраны, их задачами и с подступами к дворцу, а также согласовали вопросы взаимодействия с батальонами бригады охраны. Нашему отряду со стороны командира бригады охраны Джандада конкретной задачи на первое время не ставилось. Нам было сказано: «Вы находитесь в резерве, занимайтесь повседневной подготовкой и изучите обстановку». Джандад дал мне рацию, по которой я мог напрямую связываться с ним. Для более тесного знакомства я пригласил майора Джандада на торжественный ужин».

Новая резиденция находилась юго-западнее Кабула, в районе Даруль-Аман, с 3 сторон окружённая горами. Дворец Тадж-Бек располагался фасадом на северо-восток, на высоком, поросшем деревьями и кустарником крутом холме. К дворцу можно было подъехать по 3 дорогам. Каждую из этих дорог перекрывал один из батальонов бригады охраны.

Подход к дворцу с северо-запада перекрывали 1 мотопехотный и танковый батальоны, зенитный дивизион. Подход к дворцу с северо-востока перекрывали 2 мотопехотный батальон и рота личной охраны, с юга —

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Расположение дворца Тадж-Бек (в центре) и подразделений бригады охраны и «мусбата» в районе Дар-уль-Аман

ных пушек КС-19 М и 12 спаренных установок ЗУ 23-2. Численность дивизиона была 230 человек. В дивизионе были мощные прожекторы, которые могли освещать расположение нашего отряда.

Наш отряд должен был выполнять роль резерва бригады охраны дворца, находясь в 1,5 км северо-западнее от дворца.

Афганские батальоны были полностью укомплектованы и оснащены советской военной техникой: танками Т-55, БТРами-6ОПБ и БМП-1. Вооружены они были также советским стрелковым оружием: автоматами АК 7,62мм, пулемётами РПК 7,62мм и ДШК 12,7мм.

Территория вокруг дворца была оборудована террасами и заминирована. Непосредственно к дворцу вела единственная дорога, усиленно охраняемая. Дворец был довольно труднодоступным сооружением, практически — крепостью.

Бармин Ф.: «Вот он, дворец Амина. Сооружен на высоком, поросшем деревьями и кустарником крутом холме, все подступы заминированы. К нему ведёт одна-единственная дорога, охраняемая круглосуточно. Сам дворец тоже является труднодоступным сооружением. Его толстые стены способны выдержать удар артиллерии. Местность вокруг пристреляна танками и крупнокалиберными пулемётами. Трудная задача была поставлена перед нашим спецназом».¹

Болтунов М.: «У человека, даже очень далёкого от проблем военного искусства, при виде дворца (хотя бы и на фотографии) возникает странное чувство, кстати, проверенное десятки раз: то, что называют дворцом, вовсе

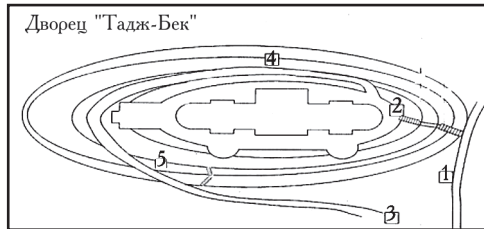
¹ Бармин Ф. Штурм дворца Амина. — М.: «Спецназ России», 1999, № 11 (39).

не дворец, а крепость! Трёхэтажное здание, массивные стены, способные сдерживать удар самой современной артиллерийской системы (при штурме использовались многоствольные зенитно-артиллерийские установки «Шилка», снаряды которых, как орехи, отскакивали от стен).

Крепость построена с истинно восточной мудростью — на господствующей высоте, к которой подойти незамеченным практически невозможно. Более того, чтобы оказаться у ворот резиденции, надо преодолеть круговую серпантинную дорогу, которая вьётся по склону холма и находится под пристальным наблюдением охраны. Так что наступающему подразделению придётся долго кружить по дороге под огнём защитников дворца, и говорить о внезапности как одном из факторов победы нелепо.

Однако дело не только в умелом выборе места расположения дворца и его фортификационных достоинствах, в крепость его превращала хорошо продуманная система обороны. Резиденцию охраняли национальные гвардейцы — специально отобранные, тщательно проверенные, прекрасно обученные военнослужащие. Каждому из них было что защищать. Вступая в бой с атакующими, они обороняли не только Амина, но и свою безбедную жизнь в нищей стране, высокое жалованье, солидные пайки, которыми одаривал их «отец» и благодетель».¹

Вокруг дворца располагалось 7 постов охраны: 3 поста охраны находились непосредственно вокруг дворца (севернее — № 5, южнее — № 4 и западное — № 2), на дорогах к дворцу с северо-запада располагались ещё 2 поста охраны (№ 1 и № 3), на возвышении юго-западнее от дворца Тадж-Бек находились 2 отдельных поста охраны усиленные 4 танками Т-55, которые могли простреливать подходы к дворцу с юга и с запада. Кроме этого, в расположении 3 мотопехотного батальона находилось ещё 6 танков Т-55. Все эти 10 танков были из состава 15 танковой бригады.

На каждом из постов находилось по 4 человека, вооружённых крупнокалиберным пулемётом ДШК 12,7мм, гранатомётом РПГ-7 и 2 автоматами АК 7,62 мм, также была радиостанция для связи со штабом бригады. Посты выставлялись из состава батальонов охраны. На постах, усиленных танками, находились экипажи танков. Посты менялись каждые 2 часа по чётным часам.

¹ Болтунов М. Дворец Тадж-Бек (Дар-уль-Аман). — М.: «Яуза», «Эксмо», 2003.

Система охраны самого дворца Тадж-Бек была организована тщательно и продуманно. Её создавал Кутепов Юрий и ещё один советский военный советник из 9 управления КГБ СССР с учётом всех инженерных особенностей объекта и характера окружающей местности, что делало дворец малоуязвимым для противника. Внутри дворца несла службу рота личной охраны Х. Амина, состоявшая из его родственников и особо доверенных людей.

Солдаты роты личной охраны были вооружены 9 мм пистолет-пулемётами «МГ-5», офицеры — пистолетами «Beretta». Они и форму носили специальную, отличную от других военнослужащих: на фуражках белые околыши, белые краги, ремни и кобуры. Их казарма находилась в непосредственной близости от дворца, напротив штаба бригады национальной гвардии.

Лебедев А.: «Советское руководство, изощёрённое в политических и военных маневрах, запустило в Афган «тройянского коня», который скоро показал свою истинную сущность. Встав рядом с дворцом Тадж-Бек, «мусульманский батальон» был готов в любую минуту атаковать охраняемый объект». ¹

ПРИМ КОМАНДОВАНИЯ БРИГАДЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

После согласования вопросов по охране и обороне дворца Тадж-Бек вечером 22 декабря в ресторане-казино был устроен торжественный ужин, на который было приглашено руководство бригады охраны дворца. Из посольства на эти нужды были выделены водка, коньяк, икра, красная рыба, другие закуски. Водку подавали в чайниках. От командования бригады охраны приехало человек 15. Наши повара приготовили национальные блюда.

Саттаров А.С.: «Когда мы устроились на новом месте, то пригласили командование бригады охраны к нам в гости отметить новоселье. Мы подготовили программу художественной самодеятельности. Генерал из КГБ проинструктировал нас перед встречей, чтобы мы не сразу спаивали своих «подопечных», а попытались выпытать из них как можно больше информации о состоянии бригады, о системе охраны. Каждому выделили своего собеседника. Мне предстояло беседовать с замполитом бригады. Как выяснилось, он закончил военно-политическое училище в СССР. У него оказа-

¹ Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, сентябрь.

лись знакомые, которые учились в Новосибирском военно-политическом училище. В беседе с ним мне удалось выяснить, что бригада была полностью укомплектована согласно штату и полностью обеспечена техникой и оружием из СССР. По его словам, подготовка личного состава была невысокой, поэтому они не могли в полной мере пользоваться техникой, моральное состояние в бригаде было несколько подавленное, боевого опыта солдаты не имели.

Хотя они были из одного племени, что и Амин, а сержанты и офицеры были, кажется, даже из родственников Амина и считались преданными ему, это не могло компенсировать их слабую подготовку. Кроме бригады охраны, была ещё хорошо подготовленная офицерская рота внутренней охраны. Она полностью состояла из родственников Амина, которые прошли подготовку в военных училищах СССР. Наутро каждый доложил ту информацию, которую удалось получить у подопечных».

Своим офицерам повара-официанты наливали вместо водки воду.

Колесник В.В.: «Замполит бригады, видимо, не рассчитал свои силы и утратил «революционную бдительность». Полагая, что за этим столом все друзья, он в порыве откровенности рассказал, как Джандат, начальник связи, и он, подушками удавили Тараки. Конечно, мы и виду не подали, что нас это высказывание пьяного афганца каким-то образом заинтересовало, но на следующий день в Москву ушло сообщение о факте убийства Тараки как по линии КГБ, так и по нашей линии. Информация была очень важной, поскольку Амин, ведя переговоры с руководством СССР, использовал жизнь Тараки как козырную карту. Он обещал сохранить ему жизнь в обмен на ввод наших войск в то время, как Тараки был уже мёртв. Думаю, что эта информация помогла нашему правительству действовать более решительно».¹

Эта информация подтверждала сообщения резидентов управления «С» ПГУ КГБ.

ПОСЛЕ ПРИЪМА КОМАНДОВАНИЯ БРИГАДЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

После согласования всех вопросов приступили к проведению практических мероприятий в соответствии с планом обороны. По всему периметру были вырыты окопы полного профиля, оборудованы огневые точки и подъездные пути. Спланировали боевые действия, поставили задачи группам.

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Провели рекогносцировку маршрутов выдвижения и определили позиции каждой группы при различных вариантах нападения «ихванов» (так сами афганцы называли моджахедов). На одном из маршрутов имелось естественное препятствие — арык. Совместно с солдатами бригады построили мостик: уложили бетонные фермы, а на них положили плиты. Этой работой занимались в течение 2 суток.

Саттаров А.С.: «Несколько раз замполит бригады был у нас, но чаще я был в батальонах охраны. Там мне тоже удалось получить информацию о состоянии бригады охраны».

Абдул Рашид Седигзай: «То, что в бригаде были только земляки Амина и только члены партии — неправда. Были люди и из других провинций. Партийная организация была очень сильная, в основном крыла «Хальк», но было много и не членов партии. Многие офицеры участвовали в Апрельской революции. Большинство из них давно знали Амина и были преданы ему. Среди солдат были разные настроения. Многие так и не поняли смены руководства государства от Тараки к Амину.

Ситуация в бригаде, как и во многих других частях, была не самая лучшая. Постоянные проверки, «чистки». Сначала убрали всех, кого подозревали в симпатиях к Давуду, затем «парчамистов», затем уже — сторонников Тараки из «халькистов». Постоянно арестовывались или просто исчезали офицеры и сержанты. На их место приходили новые. А через несколько месяцев пропадали и они. Поэтому все немного нервничали: кто будет следующим, кого уведут завтра?». ¹

Внутрипартийные разборки.
«Хальк» и «Парчам». Где чья родня?..
Какие тут недоговорки? —
Без казней не бывает дня.
Амин с «друзьями» сводит счёты,
У палачей полно работы:
Петля — для непростых особ,
Для прочих — просто пуля в лоб.
Над Гиндукушем с АН-12
Бросают камнем в ВИП-персон:
«Кто враг народа, кто шпион,
Чего особо разбираться —

¹Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. —
Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

Аллаху там видней,
Кто праведник, а кто злодей!».¹

Тем временем 22 декабря 1979 года в Москве заместитель командира подразделения «А» Службы охраны дипломатических представительств 7 Управления КГБ СССР майор М.М. Романов получает приказ на формирование спецгруппы «Гром» для отправки в Афганистан.

НОВАЯ ЗАДАЧА: С 23 ПО 25 ДЕКАБРЯ

РАЗРАБОТКА И «УТВЕРЖДЕНИЕ» ПЛАНА ШТУРМА ДВОРЦА

Во второй половине 23 декабря В. Колесника и Х. Холбаева вызвали в советское посольство. Там они сначала доложили генерал-полковнику С. Магометову результаты проделанной работы, а затем прошли в кабинет

С.К. Магометов

на 2 этаж, где размещалось представительство КГБ СССР. В начале беседы спецпредставитель КГБ СССР в ДРА Борис Семёнович Иванов заинтересовался планом охраны дворца. Плана самого дворца на этот момент в посольстве не было. То ли об этом забыли, то ли офицеры 9 управления КГБ СССР по соображениям конспирации в суть операции посвящены не были.

После доклада полковника В. Колесника о решении по охране и обороне дворца Б. Иванов предложил ему подумать над вариантом действий на случай, если вдруг придётся не охранять, а захватывать дворец. При этом он добавил, что часть отряда будет выполнять и другую задачу, а отряду придадут роту десантников и 2 специальные группы КГБ: «Зенит» и «Гром».

Колесник В.В.: «В соответствии с их планом отряд должен был направиться по взводу на бронетранспортерах на аэродром, а также к Генеральному штабу, на узел связи, в ХАД и Царандой. При таком раскладе на основной объект — дворец Тадж-Бек и бригаду охраны — оставалась

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 502.

Б.С. Иванов

рота на БМП и 2 взвода на БТРах. Даже на основании самых грубых расчётов я усомнился в возможности осуществить план, предложенный руководством».¹

Холбаев Х.Т.: «23 декабря мы прибыли в посольство. Из спецназовцев были, как всегда, только я и Колесник. Также там присутствовали командир группы «Зенит» и советник при командире бригады охраны полковник Пупшев. Мы доложили о проделанной работе и о готовности отряда к охране и обороне резиденции. Нас внимательно выслушали, а в заключение предложили Колеснику разработать план на случай, если придётся не оборонять, а штурмовать дворец Тадж-Бек. Причём кроме объекта Тадж-Бек предусматривалось привлечение отряда к захвату Афганистан-телевидения и Генштаба ВС ДРА. Сказали, что для этого нам дополнительно придадут роту десантников и 2 специальные группы КГБ СССР.

Затем Магометов предложил возглавить операцию полковнику Пупшеву, аргументировав тем, что он знает расположение, порядок охраны и обороны дворца. Но полковник Пупшев отклонил его предложение, мотивируя своё решение тем, что без разрешения командира бригады охраны майора Джандата никуда не может отлучиться.

Тогда Магометов попросил рассказать о себе полковника Колесника. Узнав, что он служил в частях спецназа, окончил военную академию имени Фрунзе, был командиром 15 бригады спецназа, а сейчас служит в ГРУ ГШ, генерал-полковник Магометов сказал: «Вот вам и карты в руки. Вы будете руководить операцией. К утру представите её план». В общем, сказал: «Идите, думайте, а завтра утром приезжайте и докладывайте свои соображения». Времени на принятие решения нам дали до следующего дня».

Манером особливо тайным
Решался здесь вопрос о том,
Кого назначить самым... крайним.
Уже шушукались о нём:
«Кто нынче главный на банкете,
Тот завтра и за всё в ответе!».

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Тут самый старший генерал
Его фамилию назвал —
Им стал полковник ГРУ Колесник.
Ему ля-ля про долг и честь,
А он ответит скромно: «Есть!».
Но коли сам-то — не кудесник
И даже не Наполеон,
Пошёл готовить батальон.¹

Советник командира бригады охраны полковник Л. Пупшев тоже получил задачу — разработать свой вариант плана боевых действий.

Состав и численность афганских сил и средств охраны и обороны Тадж-Бека на это время были следующие:

— рота личной охраны Х. Амина (телохранители, почётный караул, адъютанты, офицеры связи и др.) насчитывала не менее 150 человек;

— бригада охраны (национальная гвардия): штаб, 3 мотопехотных и танковый батальоны, подразделения обеспечения и обслуживания — до 1800 человек;

— зенитный дивизион — до 230 человек;

— танковая рота из 15 танковой бригады — не менее 50 человек;

— строительный полк — около 700 человек.

Итого:

— личного состава было не менее 2500 человек;

— БТР-60ПБ и БМП-1 — около 100;

— танков Т-55 — не менее 40;

— 100 мм зенитных пушек КС-19М — 9;

— зенитных установок ЗУ 23-2 — 12.

Решения по новой задаче принимали всю ночь. Считали долго и скрупулезно. Командование понимало, что это и есть реальная задача, ради которой они здесь. В. Колесник пришёл к выводу, что если из отряда заберут 4 взвода, о чём предупреждал руководитель представительства КГБ, то захватить дворец отряд не сможет, даже с учётом усиления и фактора внезапности. Даже при участии всех имеющихся у нас сил и средств и без учёта строительного полка у афганцев соотношение сил и средств складывалось примерно 1 к 4 в пользу афганцев. Тогда как при захвате объекта оно должно быть 3 к 1. Необходимо было задействовать все силы отряда и средства усиления. Исходя из этого и был разработан план.

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 509.

Холбаев Х.Т.: «В расположении отряда Василий Васильевич закрылся в отдельной комнате и всю ночь планировал, рассчитывал. Нам ничего не говорил. Всё держалось в тайне. Когда всё было готово, я вместе с Колесником поехал в посольство».

Ашуров А.М.: «План операции, составленный Колесником, на карте оформлял я. Происходило это уже после прибытия к нам генерала Дроздова».

Между тем, 24 декабря 1979 года на аэродром «Баграм» для усиления группы «Зенит» прибыла во главе с майором М. Романовым группа «Гром» из подразделения «А» Службы охраны дипломатических представительств (СОДП) 7-го Управления КГБ СССР (всего 30 человек). Главным предназначением этой совершенно секретной группы специального назначения КГБ было противодействие терроризму и организованной преступности в их экстремальных проявлениях. Однако сейчас на неё возлагалось: во-первых, обеспечение личной безопасности группы лидеров афганской оппозиции из НДПА во главе с Бабраком Кармалем; во-вторых, участие в ряде специальных мероприятий по захвату дворца Тадж-Бек и физической ликвидации диктатора Х. Амина.¹

24 декабря полковник В. Колесник привёз в посольство подробно отработанный на карте план штурма дворца Тадж-Бек для утверждения его С. Магометовым и Б. Ивановым.

Первым докладывал полковник Л. Пупшев. С первых же его слов стало понятно, что к своей миссии он подошёл чисто формально, по принципу «Чего изволите?»², ведь выполнять задачу нужно было не ему. Докладывал, что выделенных сил и средств достаточно, но подтвердить свои утверждения расчётами не смог. Затем свое решение на захват дворца Тадж-Бек доложил полковник В. Колесник. Обосновал необходимость участия в штурме всего отряда со всеми приданными силами и средствами, детально изложил план действий.

Колесник В.В.: «Я начал докладывать, что объект находится на господствующей высоте, задачу по его охране и обороне выполняют рота личной охраны, бригада охраны, а от ударов с воздуха дворец прикрит зенитным полком. Орудия и пулемётные установки полка находятся на позициях, которые позволяют вести огонь по наземному противнику в случае такой надобности. Общая численность данных воинских частей составляет около 2 с половиной тысяч человек. Кроме того, не исключена возможность вмешательства 2 танковых бригад, расквартированных под Кабулом. Я сказал,

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 230.

что в случае прибытия к дворцу, пусть и с некоторым опозданием, хотя бы одного танкового батальона остановить его будет нечем ввиду отсутствия противотанковых сил и средств. Я объяснил, что батальоны бригады расквартированы в 3 городках. Для блокирования каждого нужно не менее роты, а также рота для штурма дворца. Заканчивая доклад, я сказал, что, исходя из вышеизложенного, мне необходима рота десантников и взвод ПТУР».¹

С учётом полного состава отряда и обещанных нам приданных сил и средств, планом операции предусматривалось следующее их распределение:

1. В назначенное время тремя ротами занять участки обороны между дворцом и тремя мотопехотными и танковым батальонами с целью не допустить их выдвижения к Тадж-Беку, а частью сил подавить зенитный дивизион:

— против 1 мотопехотного батальона афганцев должна была действовать 1 рота без одной группы;

— против 3 мотопехотного батальона — 2 рота без одной группы;

— против 2 мотопехотного батальона — рота десантников без одного взвода;

— против танкового батальона — взвод ПТУР;

— против роты личной охраны Х. Амина — один взвод от роты десантников;

— против зенитного дивизиона — одна группа от 3 роты и одна группа от роты оружия;

— против строительного полка — одна группа от 2 роты;

2. Смешанной ротой на БМП и БТРах доставить группы КГБ «Гром» и «Зенит» к дворцу и перекрыть все возможные выходы из дворца и выполнить целевую установку операции:

— от 3 роты: экипажи и пулемётчики 2 группы на 4 БМП, 2 отделения от 3 группы на 2 БМП, отделение управления роты на командирской БМП (всего 50 человек на 7 БМП);

— 2 группа 1 роты (всего 38 человек на 4 БТРах);

— группа КГБ «Гром» в составе 30 человек;

— группа КГБ «Зенит» в составе 30 человек.

1. Установка ЗСУ 23-4 и 8 автоматических гранатометов АГС-17 должны осуществлять огневую поддержку атаки дворца, остальные — атаки других боевых групп;

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

2. Предусматривались также охрана командного пункта, резерв и группа захвата 4 танков, находившихся на блокпостах.

После долгих обсуждений командованию отряда сказали: «Ждите». Ждать пришлось довольно долго. Майор Х. Холбаев поехал проводить первоочередные мероприятия по подготовке к штурму, а генерал-полковника С. Магометова и полковника В. Колесника вызвали на переговоры с Центром.

Тогда ещё руководители операции не знали, будет ли обещанное усиление или нет. Начальник управления «С» ПГУ КГБ СССР (агентурная разведка) генерал-лейтенант В. Кирпиченко позвонил в Москву начальнику ПГУ КГБ СССР В. Крючкову, поинтересовался, как решается этот вопрос. В. Крючков заверил, что на усиление придёт воздушно-десантная дивизия, а группа «Гром» уже находится в Баграме.

С. Магометов объявил В. Колеснику, что тот утверждён руководителем операции, и ему необходимо лично переговорить с начальником Генерального штаба маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым.

В 18.00 генерал-полковник С. Магометов и полковник В. Колесник по засекреченной линии связи переговорили с первым заместителем начальника ГШ ВС СССР генералом армии С.Ф. Ахромеевым, находившимся в это время в г. Термезе в составе ОГ МО СССР. В завершении беседы генерал армии С. Ахромеев сказал, что его план утверждается, отряд задачу будет выполнять в полном составе со средствами усиления, и приказал С. Магометову и В. Колеснику к утру 25 декабря доложить шифротелеграммой за их подписями решение на проведение штурма дворца.

Дроздов Ю.И.: «Вечером 24 декабря Магометов и Колесник приехали на полевой переговорный пункт, который был, развёрнут на стадионе недалеко от американского посольства. Зашли в переговорную кабину правительственной связи и стали звонить генералу армии Ахромееву, — он в то время находился в Термезе в составе оперативной группы Министерства обороны СССР, осуществлявшей руководство вводом советских войск в Афганистан. Телефонистка долго отказывалась соединить полковника Колесника, говорила, что его нет в специальных списках, но затем, видимо, спросив у Ахромеева, всё же соединила. Первый заместитель начальника Генерального штаба приказал доложить решение. Выслушав, стал задавать вопросы по его обоснованию и расчётам. Его интересовали мельчайшие детали. По ходу разговора делал замечания и давал указания. Затем с Ахромеевым переговорил Магометов. Ему была поставлена задача к утру 25 декабря шифром доложить решение за двумя подписями (своей и Колесника) (подчеркнуто А.Р.). Когда выходили из переговорной кабины, Ма-

гометов сказал Колеснику: «Ну, полковник, у тебя теперь или грудь в крестах, или голова в кустах»».¹

Никто из руководителей, находившихся в то время в Кабуле, подписывать план не стал. Просто сказали: «Действуйте!». Тогда в их присутствии полковник В. Колесник на плане написал: «План устно утверждён главным военным советником С. Магометовым и главным военным советником КГБ Б. Ивановым. От подписи отказались», поставил дату и свою подпись.

В 02.00 25 декабря соответствующая шифротелеграмма В. Колесником была отправлена. С этого момента началась непосредственная подготовка к операции, получившей кодовое наименование «Шторм-333».

Холбаев Х.Т.: «План был разработан и 24 декабря Василий Васильевич доложил его на совещании. Его план утвердили устно. После утверждения плана Магометов прямо сказал мне: «Вам, то есть вашим солдатам и офицерам отступать некуда, и помощи тоже нет. Надеяться надо только на свои силы и возможности. В случае неудачного исхода операции тебя поставлю к стенке. Скажу, что командир отряда перепил и натворил всё на пьяную голову. После того как план Колесника утвердили, он остался в посольстве, а я поехал в отряд».

Дроздов Ю.И.: «24 декабря Колесник и я доложили новый план боя. Вернули без подписи со словами: «Действуйте!». Руководителем операции был назначен Колесник».²

Холбаев Х.Т.: «В тот же вечер Магометов поставил мне задачу перевезти одного человека в расположение отряда, а откуда я буду забирать этого человека, мне покажут сотрудники КГБ. Напомнил что, в случае неудачи, этот человек не должен живым попасть в руки афганцев, то есть, я должен погибнуть после него. У меня в руках был пропуск, выданный командиром бригады охраны майором Джандадом, я также знал пароль. Я пообещал, что доставлю человека живым и здоровым».

Возвратившись примерно в 03.00 25 декабря из посольства в расположение отряда, полковник В. Колесник возглавил подготовку к боевым действиям по захвату дворца. Активную помощь ему оказывали подполковник О. Швец и капитан А. Ашуров.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Днём 25 декабря в отряде произошло чрезвычайное происшествие.

¹ Дроздов Ю. «Шторм-333». — М.: Альманах «Вымпел», 1999, № 3 (11).

² Там же.

Холбаев Х.Т.: «Через расположение отряда проходила полевая дорога, на въезде и выезде которой были установлены шлагбаумы. На тыльной стороне службу несли 2 солдата. Как потом доложил дежурный по отряду, к тыльному посту подъехала автомашина. Один из постовых подошёл к автомашине и вступил с приехавшими в разговор. Находившиеся в автомашине люди захватили этого солдата и уехали. Буквально через 3-4 минуты после этого события я, Байхамбаев и Ибодулло Камбаров с 2 солдатами поехали за ними следом. Быстро нашли автомашину и зашли в дом. Там находились 3 человека в штатской одежде и наш солдат. Мы забрали солдата, его оружие и вернулись обратно в расположение отряда. Всего на это ушло не более 30 минут. Если бы мы своевременно не организовали розыск солдата, могло бы случиться непоправимое».

Чернышёв Е.В.: «25 декабря днём один из солдат батальона был увезён афганцами. Этот факт встревожил ГВС: «О чём они там говорили?». Командир батальона придерживался мнения, что солдат ничего лишнего сказать не мог. А что такого лишнего могли сказать солдаты? Потом я выяснил: батальон, оказывается, предназначался для захвата дворца Амина. ГВС опасался, что руководство ДРА разгадает этот замысел».¹

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Чернышев Е.В.: «По радио в определённые часы передаются на русском языке последние известия и другие сообщения. Бесперывно упоминается Хафизулла Амин. Похоже, укрепляется его культ. Привыкаю к мысли, что дивизии, развёрнутые в Кушке и Термезе, будут вводиться в ДРА, а мы, видимо, будем их «тянуть» на себя».²

23 декабря в г. Кабул прибыла оперативная группа, которую возглавил находившийся уже здесь заместитель командующего ВДВ гв. генерал-лейтенант Н.Н. Гуськов. Эта группа должна была осуществлять руководство переброской частей ВДВ, а также управлять всеми имеющимися силами советских войск в Кабуле при осуществлении государ-

*Зам.командующего
ВДВ Н.Н. Гуськов*

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

² Там же.

**Командир 350 гв.
ПДП подполковник
Г.И. Шпак**

ственного переворота в Афганистане (в зависимости от того или иного варианта действий).

Чернышев Е.В.: «23 декабря начальник штаба аппарата ГВС ставит меня в известность, что президент страны Хафизулла Амин ведёт политику на разрыв с Москвой и сближение с США. В стране имеются патриотические силы, которые выступают против него. Наше правительство решило им помочь. В страну будут введены советские войска для оказания помощи патриотическим силам. У нас создаётся группа управления проводимыми мероприятиями. Показал список из 21 фамилии, в том числе моей, Березина и Иванова.

Приступили к подготовке мероприятий. Лица, включённые в особый список, закрепляются за конкретными объектами, подлежащими или захвату (генштаб, «Радио Афганистана», аэропорт и др.), или блокированию (войсковые части: 7 ПД, 8 ПД, 4 тбр, 15 тбр, военное училище, 26 пдп, полк «Коммандос» и др.). Подготовкой захвата дворца Амина занималась группа генерал-лейтенанта Иванова. Мне поручалось поддерживать связь с аэропортом, танковыми бригадами, контролировать подготовку захвата «Радио Афганистана»».¹

23 декабря 1979 года в газете «Правда» появилось сообщение: «В последнее время западные, особенно американские, средства массовой информации распространяют заведомо инспирированные слухи о некоем «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела Афганистана. Дело доходит до утверждения, что на афганскую территорию будто бы введены советские «боевые части». Всё это, разумеется, чистейшей воды вымысел».

24 декабря в войска и органы управления поступила совершенно секретная директива № 312/12/001, подписанная министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба ВС СССР Н.В. Огарковым в которой определялись задачи на ввод и размещение советских войск на территории ДРА.²

Приказ на ввод контингента советских войск в Афганистан поступил утром 25 декабря:

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chemyshev_ev30@mail.ru

² Изложение директивы Д.Ф. Устинова о вводе войск в Афганистан — М.: «Военно-исторический журнал», 1991, № 7. С. 43.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

**Главнокомандующему ВВС,
Командующему ВДВ,
Командующему войсками ТуркВО.
Копии: Главнокомандующему Сухопутными войсками,
Главнокомандующему Войсками ПВО страны,
Начальнику ОГ ГШ ВС СССР в г. Термезе**

ПРИКАЗ № 312/1/030

25 декабря 1979 года

г. Москва

Переход и перелёт государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40-й армии и авиации ВВС начать в 15.00 25 декабря с. г. (время московское).

Министр обороны СССР Д. УСТИНОВ ¹

Утром 25 декабря на аэродроме «Хаджи Раваш» состоялось совещание ряда руководителей советнических коллективов в ДРА, в ходе которого были поставлены задачи по поддержанию спокойствия в вооруженных формированиях Кабульского гарнизона, то есть по нейтрализации афганских воинских частей в период ввода войск, а также по обеспечению прямого контроля над всеми зенитными средствами ПВО, чтобы это обеспечило безопасную и бесперебойную посадку частей ВДВ в аэропорту г. Кабула и на аэродроме «Баграм».

Чернышёв Е.В.: «25 декабря с советниками 4 тбр и 15 тбр и с аэропортом установил телефонную связь. Около 20 часов. Вся оперативная группа за столами. Начали прибывать первые транспортные самолёты, приземляться в городском аэропорту и на аэродроме Баграм. В городе в это время распространяются слухи о, якобы, ожидающемся нападении «братьев мусульман» и других враждебных групп. Видимо, это убедило руководство ДРА в искренности намерений советского руководства».²

25 декабря 1979 года в 18.00 местного времени, вновь сформирован-

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

ная 40 общевойсковая армия генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова вступила в Афганистан, имея 4 дивизии (103-ю гв. ВДД под командованием гв. генерал-майора И.Ф. Рябченко — посадочным способом, 108 МСД под командованием генерал-майора К.А. Кузьмина, 5 гв. МСД под командованием гв. генерал-майора Ю.В. Шаталина, 201 МСД под командованием полковника В.А. Степанова), 5 отдельных бригад, 4 отдельных полка, смешанный авиакорпус, трубопроводную бригаду и бригаду материального обеспечения.

Холбаев Х.Т.: «25 декабря в аэропорту Кабула начала высаживаться 103 ВДД. Она должна была с ходу занять те объекты в городе, которые предполагалось занять нам в первом варианте. Сигнал на штурм должен был поступить из посольства. Нам с Колесником выдали рации, похожие на современные мобильные телефоны. Только я и Колесник имели право пользоваться ими. По ней и должен был поступить сигнал на штурм — «3 зуммера»».

Начальник управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко вводит в боевые порядки 103 гв. ВДД и 345 гв. опдп, разведывательно-диверсионные группы из числа «зенитовцев», чтобы они указали частям и подразделениям ВДД маршруты к важнейшим объектам, которые предстояло захватить в ходе операции:

1. Дворец Тадж-Бек — резиденция Генерального секретаря ЦК НДПА, Председателя Революционного совета и Премьер-министра ДРА Х. Амина (подчёркнуто А.Р.);

2. Генеральный штаб ВС и министерство обороны ДРА, расположенные на проспекте Дар-уль-Аман, рядом с дворцом Тадж-Бек.

3. Линии кабульской гражданской (центр города) и армейской (между Тадж-Бекком и Генштабом) связи.

4. Управление и штаб 1 армейского корпуса ВС ДРА, расположенные во дворце Арк.

5. Здание министерства внутренних дел ДРА («Царандой»).

6. Комплекс зданий службы государственной безопасности ДРА («КАМ»).

7. Комплекс зданий кабульского радио и телецентра, расположенный в непосредственной близости от посольства США в ДРА.

8. Министерство связи и информации ДРА, центральный телеграф и главпочтамт.

9. Тюрьму «Пули-Чархи», в которой содержались политические заключенные и др.¹

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 355.

Попутно передовым подразделениям десантников поручалось избавиться от наиболее одиозной части правительства, подозревавшейся в готовности «сдать страну американцам».

Здесь следует обратить особое внимание на 1 пункт! Как я позже выяснил в беседах со своими однокашниками по военному училищу, проходившими службу в 350 гв. пдп 103-й гв. ВДД, им о нас вообще никто ничего не говорил, и они с полной уверенностью должны были выдвинуться на штурм дворца Таж-Бек. Что потом и случилось.

Другим советским войскам, введённым на территорию ДРА 25 декабря, боевые задачи будут поставлены только 27 декабря в директиве Министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова № 312/12/002 в соответствии с разработанным оперативным планом «Байкал-79».

На выбор Кремлём пути военного решения проблемы повлияло сочетание сразу нескольких причин: стремление поправить в свою пользу геополитическую обстановку, расширяя число государств социалистической ориентации, и идеологической убеждённости в правоте «революционного процесса». Свою роль сыграло и уже шедшее втягивание СССР в разгоравшуюся в Афганистане войну — военно-техническое, экономическое и информационно-психологическое. Вера в «единственно правильное учение» и правоту силы подтолкнуло советское партийное руководство к постановлению — «направить в Афганистан ограниченные воинские контингенты для выполнения задач, о которых просит правительство Афганистана. Эти задачи состоят исключительно в том, чтобы оказать содействие Афганистану в отражении внешней агрессии».

«СОВ. СЕКРЕТНО»

К № П 176/125 ОП ОТ 12/ХП-79 г.

26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали т.т. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П 176/125 от 12/ХП-79 г. доложили т.т. Устинов, Громыко, и Андропов.

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами, на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. По вопросам, которые необходимо

принимать решения, своевременно вносить в ЦК КПСС.

К. ЧЕРНЕНКО

№ 13 оп (1л.)
27/ХП-79 г.¹

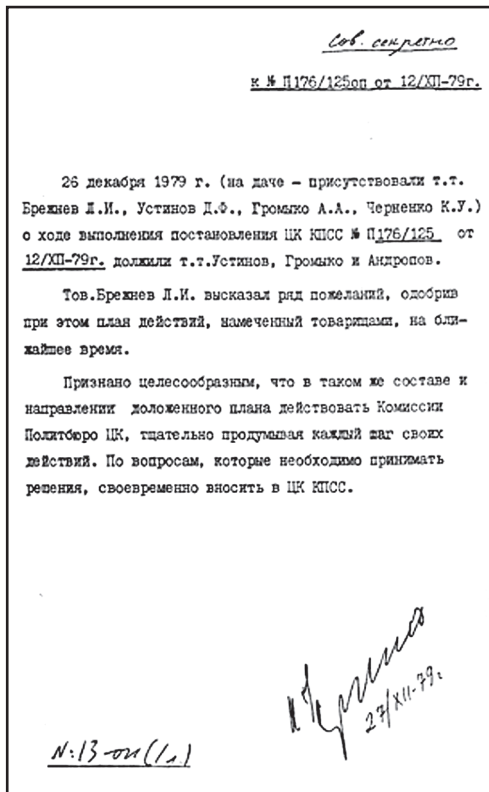
Последнее предложение, по всей вероятности, должно было быть записано в следующей редакции: «Вопросы, по которым необходимо принимать решения, своевременно вносить на рассмотрение в ЦК КПСС». Опять же очередная «отписка» является лишь дополнением к предыдущей «отписке». (См. стр. 85 — А.Р.)

Посылая войска, в Кремле не хотели замечать, что Афганистан по сути уже охвачен гражданской войной, в которую неминуемо будут вовлечены советские солдаты и офицеры. Опыт военного вмешательства, опробованный в Венгрии и Чехословакии, внушал кремлёвцам уверенность в успехе предприятия.

Л.И. Брежнев в интервью корреспонденту газеты «Правда» объяснял происходящее необходимостью «не допустить превращения Афганистана в империалистический военный плацдарм на южной границе нашей Родины... Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах нашей страны, на территорию Афганистана в целях оказания помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрепятствования возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств. Участие в боевых действиях не предусматривается».²

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

² Марковский В. Жаркое небо Афганистана. — М.: «Техника молодежи», 2000.

Однако на этот раз ввод войск сыграл дурную роль — армия оказалась в гуще конфликта, где чужое военное присутствие спровоцировало усиление мятежного движения, направленного теперь уже в первую очередь против советских войск, а незнание местных обычаев и традиций Востока лишь усугубило положение, многократно приумножив ряды противника. Кремлёвские стратеги не задумывались о другом опыте истории, не принёсших успеха в 3 англо-афганских войнах, итог которых ещё в конце XIX века подвёл британец Феррье: «Иностранец, которому случится попасть в Афганистан, будет под особым покровительством неба, если выйдет оттуда здоровым, невредимым и с головой на плечах». ¹ По его следам теперь двинулись на юг солдаты и офицеры 40 армии...».

ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ «ШТОРМ-333»: С 25 ДО ПОЛУДНЯ 27 ДЕКАБРЯ

УСИЛЕНИЕ ОТРЯДА

Г.И. Бояринов

нов Ю.Ф.

Востротин В.А.: «Я получил приказ от командира полка Сердюкова Николая Ивановича выдвинуться в район Дар-уль-Амани. О штурме ничего не говорили. Приказ был усилить «мусульманский батальон». На въезде в Кабул нас встретили советники и проводили к

Для усиления отряда 25 декабря из г. Баграма прибыли группа КГБ СССР «Гром», 9 гв. пдр под командованием старшего лейтенанта В.А. Востротина и гв. противотанковый взвод (пТВ) ПТУР «Фагот» из 345 гв. опдп. Командный состав представляли офицеры-десантники: командир Востротин В.А., заместитель Монахов М.С., замполит Павлов Ю.М., командиры взводов Лупиногин Г.В., Орехов С., Труфахин А., Татари-

В.А. Востротин

¹ Марковский В. Жаркое небо Афганистана. — М.: «Техника молодежи», 2000.

расположению «мусульманского батальона». Нам выдали афганскую форму и приказали переодеть солдат. Форма была в основном маленькая, а у меня самый маленький солдат был ростом 178 сантиметров. Но ничего — переоделись. Вместе с нами переоделись и сотрудники КГБ».

На тот момент в 9 роте числилось: личного состава — около 100 человек, БМД — 10. В гв. пТВ ПТУР «Фагот»: личного состава — 27 человек, ПТУР «Фагот» — 6. Они расположились в казарме отряда. Взвод ПТУР «Фагот», офицеры и прапорщики роты заняли одну маленькую комнату (пришлось потесниться роте оружия). Личный состав 9 гв. пдр разместили в большой комнате (медицинский пункт переместился в палатку УСБ).

Голубев А.Т.: «Накануне операции прилетел полковник Бояринов. Я у него спросил: «Григорий Иванович, мы приехали — понятно, а ты чего приехал? Ты ведь уже повоевал». Он говорит: «Война не закончена! Обстановка тяжёлая — поверь, тут будет большая бойня!». Нас всех переодели в афганскую форму, в ней мы и воевали, одев на рукава опознавательные повязки из бинтов». ¹

Группа «Гром» разместились в маленькой комнате.

НЕБОЛЬШИЕ ВОЕННЫЕ ХИТРОСТИ

Дроздов Ю.И.: «Руководство батальона хорошо понимало, что задача может быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости. В противном случае им никому живыми не уйти. Поэтому, чтобы приучить афганцев и раньше времени не вызвать подозрения, разработали соответствующий сценарий и начали проводить демонстрационные действия: стрельба, выход по тревоге и занятие установленных участков обороны и т.д.». ²

Чтобы в решающий момент не вызвать подозрений, разработали план отвлекающих действий. С утра 25 декабря начали проводить демонстрационные действия: стрельба холостыми, выход по тревоге, развёртывание и занятие установленных участков обороны. Десант тренировался высаживаться из БМП и БТРов на ходу, в том числе и КГБэшники.

В тёмное время суток пускали осветительные ракеты. По графику прогревали двигатели бронетранспортеров и боевых машин пехоты, перемещали их с места на место. Сначала это вызывало у командования брига-

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

² Дроздов Ю. «Шторм-333». — М.: Альманах «Вымпел», 1999, №3 (11).

ды охраны дворца беспокойство. Например, когда первый раз запустили осветительные ракеты, расположение батальона мгновенно осветили прожекторы зенитного дивизиона, приехал майор С. Джандад. Ему разъяснили, что идёт обычная боевая учёба, проводятся тренировки по обороне дворца, а местность освещают, чтобы исключить возможность нападения «ихванов». С. Джандад попросил, чтобы мы не очень шумели, т. к. двигатели мешают Х. Амину спать.

«Манёвры» отряда продолжались в течение 26 и в первой половине 27 декабря, что потом частично обеспечило внезапность действий.

Неподалеку от дворца, на высотке, находился ресторан-казино, где обычно собирались высшие офицеры афганской армии. Под предлогом того, что требуется заказать нашим офицерам места для встречи Нового года, спецназовцы КГБ побывали и там. Оттуда Тадж-Бек был виден как на ладони. Ночью одна из «Шилок» переместилась на противоположный холм. Накануне штурма мы помыслись, используя машину ДДА.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ОПЕРАЦИИ

26 декабря у нас появились «особые» афганцы, по разговорам якобы члены «нового» правительства.

Холбаев Х.Т.: «По приказу Магометова я на автомобилях УАЗ-469 и ЗИЛ-131 МТО-АТ поехал в Кабул. Со мной ехали представитель особого отдела отряда старший лейтенант Байхамбаев, переводчик отряда старший лейтенант Камбаров и 5 человек из группы «Гром». Мы были вооружены пистолетами и автоматами и имели ящик гранат, готовых к применению.

В одном из пригородных зданий Кабула нам представили не одного, а 3 человек. Эти люди обняли меня, поздоровались. Я узнал их. Когда мы дислоцировались в Баграме, они были в нашем отряде. Тогда я их расположил в отдельном глинобитном здании и организовал охрану. Каким образом их привезли в Кабул, я не знаю.

Возвращаясь в расположение отряда, на подъезде к дворцу Тадж-Бек мы были остановлены постом бригады охраны. Несмотря на то, что у меня был пропуск и я правильно назвал пароль, нас не пропускали. Требовали открыть дверь, хотели осмотреть, что мы везём в кузове МТО-АТ. Дверь кузова был закрыта на замок и опечатана. Люди, которых мы везли, были в кузове этой машины, Я ответил через переводчика, что везём секретные документы, и открывать его нельзя. Услышав ответ и увидев нашу решительность, начальник караула уступил и открыл шлагбаум. Наши автоматы были направлены на солдат, находившихся на посту.

По прибытии в расположение отряда я поместил прибывших людей в отдельное помещение. Охраняли их «громовцы». Их никто не видел. Еду им приносил в землянку всегда один и тот же солдат. Даже в туалет выводили только ночью».

Климов П.: «Накануне штурма я, Козлов, Карпухин, Бояринов и Швачко привезли будущих членов «нового» афганского правительства в расположение отряда. Это были ближайшие сторонники Бабрака Кармала: заместитель Премьер-министра ДРА Мохаммад Аслам Ватанджар, министр связи ДРА Саид Мохаммад Гулязбой и министр госбезопасности ДРА Асадулло Сарвари».¹

Дроздов Ю.И.: «Поздно вечером 26 декабря Колесник и я вместе с Козловым и Швецом ещё раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение главной задачи — захват дворца: силами 2 смешанных штурмовых групп — «Гром» и «Зенит», действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского батальона» и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия».²

Но Ю.И. Дроздов здесь не раскрывает цель операции, хотя весь ход последующих событий показал, что её целевыми установками были не просто захват дворца, а, во-первых, уничтожение Хафизуллы Амина; во-вторых, обеспечение безопасности «нового» афганского правительства во главе с Бабраком Кармалем. Тем более, что Политбюро ЦК КПСС, судя по документам о пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении «А», уже постановило 27 декабря 1979 года списать всё это на афганскую междоусобицу.

Главной целью операции «Шторм-333» следует считать физическую ликвидацию Х. Амина, то есть решение ключевого вопроса государственного переворота в Афганистане, приведшего к власти в ДРА «здоровые силы НДПА» во главе с Бабраком Кармалем сотоварищи.

Кошелев В.М.: «Одной из его главных отличительных черт (операции — А.Р.) было то, советские специальные формирования решали задачу не столько тактическую или оперативную (в военном понимании этих терминов), сколько стратегическую. В результате её реализации были достигнуты

¹ Ляховский А.А. «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12, 2004; № 1-3.

² Дроздов Ю. «Шторм-333». — М.: Альманах «Вымпел», 1999, №3 (11).

известные военные и политические цели, определённые руководством Советского Союза и афганской оппозицией просоветской ориентации».¹

ОБЪЕКТЫ АТАКИ И СОСТАВ БОЕВЫХ ГРУПП

С утра 27 декабря началась непосредственная подготовка к штурму дворца Тадж-Бек. Но время его начала — «Ч» ещё определено не было.

Швец О.У.: «Утром 27 я поехал к Джандаду пригласить его с офицерами, якобы на день рождения одного из наших офицеров. Было запланировано: во время застолья захватить руководство бригады охраны, чтобы облегчить себе задачу. Такие встречи уже проводились у нас в батальоне. Но на этот раз Джандад сказал, что он и его офицеры смогут приехать только вечером. Тогда я попросил его отпустить наших военных советников, которые были в батальонах охраны. Джандад согласился, и мы забрали из батальонов всех советников к себе. Они так и отсиделись в расположении батальона до конца операции».²

У сотрудников КГБ уже был план дворца с указанием коммуникаций, электросети. Они знали внутреннюю структуру этажей дворца Тадж-Бек, размещение аппаратуры радиотелефонной связи, режим несения караульной службы и численный состав охраны и т.д. Дворец имел 3 этажа и подвальные помещения: 1 этаж — служебные помещения, узел связи, столовая, медицинский пункт; 2 этаж — резиденция главы государства; 3 этаж — личные покои, помещения для отдыха роты личной охраны.

К началу операции «Шторм-333» спецназовцы из 2 группы 3 роты и 2 группы 1 роты отряда также изучили наиболее удобные пути подхода, режим несения караульной службы, общую численность охраны и телохранителей Х. Амина, расположение пулёмётных точек, БТРов и танков.

Вокруг дворца повсюду мины,
К нему — дорога-серпантин.
Она доходит до вершины,
Вползая будто бы в кувшин.
Громада замка нависает
Над местностью. — Кто знает,

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 70.

² Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Сколь нужно положить бойцов,
Чтоб взять его на сто «пудов»²
Внизу закопаны по башни
Два танка, чёрт бы их побрал!
И выбор мал: иль трибунал,
Иль тут веди со Смертью шашни.
Но, может статься — повезёт:
Не так-то быстро... всех в расход!¹

После детальной проработки особенностей операции состав боевых групп и их задачи стали следующими:

— 1 боевая группа (старший — капитан М. Сахатов) в составе: 8 гранатометчиков и их помощников и 4 стрелков-санитаров из 3 роты, начальника разведки отряда капитана А. Джамолова, 2 снайперов из группы «Зенит» (В. Цветкова, Ф. Ерохова), 2 пулемётчиков из группы «Гром» (Д. Волкова и П. Климова) — захват и подрыв танков на блокпостах;

— 2 боевая группа (старшие — полковник Г. Бояринов и старший лейтенант В. Шарипов): отделение управления 3 роты на БМП № 030, 2 группа 3 роты под командованием лейтенанта Х. Абдуллаева совместно с группой КГБ «Гром» под командованием майора М. Романова — штурм дворца; подгруппа из 2 БМП от 3 группы 3 роты: БМП № 041 во главе со старшим лейтенантом Б. Эгамбердыевым — подавление блокпоста №5, БМП № 042 во главе со мной — подавление караульного помещения; в последующем обе БМП — штурм дворца Тадж-Бек;

— 3 боевая группа (старшие — майор Я. Семёнов и лейтенант Р. Турсункулов): экипажи и пулемётчики 2 группы 1 роты совместно с группой КГБ «Зенит» — штурм дворца Тадж-Бек со стороны лестницы, справа от здания; подгруппа стрелков, гранатомётчиков и их помощников от 2 группы 1 роты (старший — Г. Толстиков) — штурм дворца Тадж-Бек с тыльной стороны здания;

— 4 боевая группа (старший — капитан И. Кудратов): 1 и 3 группы 1 роты под командованием лейтенанта М. Туркманова и старшего лейтенанта А. Абдуллаева — блокирование и подавление 1- мотопехотного батальона бригады охраны;

— 5 боевая группа (старший — гв. старший лейтенант В. Востротин): 1 и 2 гв. пдв 9 гв. пдр 345 гв. опдп — блокирование и подавление 2 мотопехотного батальона;

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 505.

— 6 боевая группа (старший — старший лейтенант К. Амангельдыев): 2 и 3 группы 2 роты под командованием лейтенантов М. Ахмедова и Г. Маматкулова — блокирование и подавление 3 мотопехотного батальона бригады охраны;

— 7 боевая группа (старший — гв. старший лейтенант В. Севастьянов): гв. пТВ ПТУР «Фагот» — блокирование и подавление танкового батальона, при необходимости ведение огня по расположению 1 мотопехотного батальона;

— 8 боевая группа (старший — подполковник О. Швец): 1 группа 3 роты под командованием лейтенанта Р. Назарова совместно с 3 группой АГС под командованием лейтенанта Р. Абзалимова — блокирование и подавление зенитного дивизиона;

— 9 боевая группа (старший — командир взвода): 3 гв. пдв 9 гв. пдр — блокирование и подавление казармы роты личной охраны Х. Амина;

— 10 боевая группа (старший — лейтенант М. Нуритдинов): 1 группа 2 роты — блокирование и подавление строительного полка;

— 11 боевая группа (старший группы — старший лейтенант В. Праута): 1. Установка ЗСУ 23-4 № 043 — огневая поддержка атаки 2 и 3 боевых групп. Состав экипажа — с-нт. Кривобоков В., рядовые Новиков С., Волошин О., Баклунов В.; 2. Установка ЗСУ 23-4 № 044 — огневая поддержка атаки 4 и 7 боевых групп. Состав экипажа — мл.с-нт Иванов В., рядовые Боголевский С., Ташходжаев Х., Луцук П.В.; 3. Установка ЗСУ 23-4 № 045 — огневая поддержка атаки 5 боевой группы. Состав экипажа — мл.с-нт Труфанов С., рядовые Кутаков Н., Искандеров А., Богданов Е.; 4. установка ЗСУ 23-4 № 046 — огневая поддержка атаки 6 боевой группы. Состав экипажа — мл.с-нт Мерский В., рядовые Коров А., Эрназаров У., Ибрагимов С.

— 12 боевая группа (старший — старший лейтенант М. Мирюсупов): 1 группа роты оружия под командованием старшего лейтенанта Г. Тишаева — огневая поддержка атаки 2 и 3 боевых групп; 2 группа роты оружия под командованием лейтенанта У. Абдувалиева — огневая поддержка атаки боевых групп: 2 расчёта АГС-17 — 4 и 7 боевых групп; 2 расчёта АГС-17 — 5 боевой группы; 2 расчёта АГС-17 — 6 боевой группы; 2 расчёта АГС-17 — 9 боевой группы.

Другие элементы боевого порядка:

— командный пункт (старший — полковник В. Колесник) в составе генерал-майора Ю. Дроздова, майора Х. Холбаева, капитана А. Саттарова, старшего лейтенанта М. Байхамбаева на Р-130 и БМП-1К;

— запасной командный пункт (старший — капитан А. Ашуров) в составе капитана Р. Бердыева, старшего лейтенанта А. Джумаева, прапорщика Ю. Мирсаатова на Р-142 и БМП-1 КШ;

— подвижный командный пункт и резерв на БМП № 039 и № 040 под командованием капитана Н. Намозова;

— тыловой пункт управления (старший — майор Д. Джалилов) в составе капитана А. Артыкова, старшего прапорщика А. Рахимова, прапорщика К. Асророва, личного состава и техники группы материального обеспечения;

— ремонтно-эвакуационная группа (старший — старший лейтенант Э. Ибрагимов) в составе МТО-АТ и 4-х «Уралов»375Д и их экипажей.

Другие офицеры и прапорщики командования отряда также получили свои задачи и были распределены:

— старший лейтенант А. Рашидов — в 4 боевую группу;

— прапорщик К. Умаров — в 12 боевую группу;

— старший лейтенант И. Камбаров — во 2 боевую группу (сопровождение А. Сарвари).

Холбаев Х.Т.: «На штурм дворца Тадж-Бек от отряда выделялось две группы. Первая в составе 7 БМП из 3 роты. Задача этой группы — пятью БМП пройти по серпантину до дворца и атаковать дворец. На этих 5 БМП находились спецназовцы из группы «Гром». Из нашего отряда в этих машинах остались по 5 человек: командир БМП, наводчик-оператор, механик-водитель и 2 пулемётчика.

БМП Эгамбердыева должна была подавить блокпосты и тем самым обеспечить продвижение основной группы из 5 БМП, в последующем присоединиться к основной группе, другая БМП Абдуллаева Рашида — подавить караульное помещение и обеспечить подход группы «Зенит» к боковой лестнице дворца, в последующем присоединиться к основной группе. Кроме экипажей, в этих машинах находились наши солдаты, которые должны были, подавив сопротивление блокпостов, также выдвинуться к дворцу.

Вторая группа в составе 4-х БТРов была штатной группой из первой роты. Командовал ей лейтенант Турсункулов. В БТРы там сели спецназовцы из группы «Зенит». Эта группа должна была подойти к дворцу со стороны лестницы и атаковать его с правого торца дворца и с тыла. Каждой группе были приданы из взвода связи связисты с переносной рацией».

Ашуров А.М.: «В начале штурма планировался 7-минутный огневой налёт: АГСами «Пламя» из 4 роты — по прилегающей к дворцу территории; «Шилками» — по правому торцу дворца и по батальонам бригады охраны; пятью БМП 3 роты — по окнам первого этажа; БМД 9 роты также должны были открыть огонь по окнам 2 и 3 этажей дворца».

Шарипов В.С.: «В штурмовую группу под мою команду выделили 7 машин. Планировалось, что «Гром» к Тадж-Беку мы доставим на своих пяти БМП. В каждую, кроме экипажа, я посадил по 2 бортовых пулемётчика с ПКМом, 25 «громовцев» и одного афганца разместил по «десантам» БМП. И начали мы их учить посадке-высадке». ¹

25 сотрудников КГБ группы «Гром» были распределены в группу В. Шарипова в следующем порядке:

1 подгруппа (БМП № 035):

— Балашов О.А.; ²

— Баев А.И.;

— Федосеев В.М.;

— Швачко Н.М.;

— Камбаров И. — офицер-переводчик из 154-го ооСпН;

2 подгруппа (БМП № 030):

— Романов М.М.;

— Репин А. Г.;

— Толстиков Г.;

— Мазаев Е.П.;

— Козлов Э. Г.;

— Сарвари Асадулло — представитель афганской оппозиции;

3 подгруппа (БМП № 036):

— Карпухин В. Ф.;

— Берлёв Н.В.;

— Плюснин А.Н.;

— Коломеец С. Г.;

— Гришин В.П.;

4 подгруппа (БМП № 037):

— Емышев В.П.;

— Кувылин С.В.;

— Кузнецов Г.А.;

— Якушев А.А. — офицер-переводчик из ПГУ;

— Бояринов Г.И.;

5 подгруппа (БМП № 038):

— Голов С.А.;

— Анисимов В.И.;

— Гуменный Л.В.;

— Зудин Г.Е.;

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

² Старшие всех подгрупп указаны первыми.

— Филимонов В.И.;

— Соболев М.В.

Их задачей было — захват дворца через центральный вход.

В «Громе» 7 человек были из первого набора группы «А» (с 1991 года «Альфа»): А.И. Баев, Н.В. Берлёв, С. Г. Коломеец, В.П. Емышев, Г.А. Кузнецов, Г.Е. Зудин, В.И. Филимонов.

27 сотрудников КГБ группы «Зенит» были распределены в группу Р. Турсункулова в следующем порядке:

1 подгруппа (БТР № 015):

— Семёнов Я.Ф.;

— Карелин А.А.;

— Агафонов А.С.;

— Антонов В.В.;

— Кимяев Н.Ф.;

— Курбанов Н.Х. — офицер-переводчик из тер. упр. КГБ по Таджикистану;

— Чернухин С.А.;

— Гулябзой Саид Мохаммад — представитель афганской оппозиции;

2 подгруппа (БТР № 016):

— Суворов Б.А.; — сотрудник тер. упр. КГБ по Омской области;

— Гулов Т.Д.;

— Дроздов В.В.;

— Колмаков А.В.;

— Новиков А.Ф.;

— Поддубный В.А. — сотрудник тер. упр. КГБ по Харьковской области;

— Рязанов В.М. — сотрудник тер. упр. КГБ по Смоленской области;

3 подгруппа (БТР № 017):

— Фатеев В.П.;

— Ильинский Ф.Ф.;

— Лысоченко Ю.А.;

— Макаров В.С.;

— Цыбенко М.;

— Чижев С.;

4 подгруппа (БТР № 018):

— Циголов В.З. — сотрудник тер. упр. КГБ по г. Ленинграду и Ленинградской области;

— Быковский В.С.;

— Иващенко А. Г.;

— Пономарёв Б.;

М.М. Романов

Я.Ф. Семёнов

- Чарыев У.;
- Курилов В.Н.;
- Захаров В.

Им предстояло ворваться во дворец с правой стороны здания.

Часть личного состава из группы Р. Турсункулова поступила в распоряжение Г. Толстикова. Они должны были блокировать тыльную сторону дворца с задачей — пресечь попытки бегства и не допустить возможный подход подкрепления.

Представителей афганской оппозиции специально развели по двум группам: А. Сарвари — основной в «Громе», С.М. Гулябзой — дублёр в «Зените».

Руководство «громовцами» осуществлял майор Романов Михаил, а «зенитовцами» — майор Семёнов Яков. Общее руководство группами КГБ осуществлял полковник Бояринов Григорий, его заместителем был капитан 2 ранга Козлов Эвальд.

Чтобы в бою не перестрелять друг друга, все участники штурма дворца на рукавах сделали белые повязки из медицинских бинтов и установили голосовой сигнал по именам руководителей групп

КГБ: «Миша» — «Яша».

Бронежилеты у группы «Гром» были свои. Группе «Зенит» мы отдали свои бронежилеты, потому что в отряде их было всего 30 штук.

Некоторые наши военные советники при командирах частей кабульского гарнизона также получили разные задания. Проводились и другие подготовительные мероприятия. Главное для них — секретность и скрытность.

Чернышев Е.В.: «Военные советники командиров частей кабульского гарнизона были собраны на совещание у генерал-полковника Магометова. Им поставлена задача: завтра (27 декабря — А.Р.) остаться в частях на ночь, организовать ужин с подсоветными (для этого им выдано спиртное и кое-чего из съестного) и ни при каких обстоятельствах не допустить выступления афганских частей против советских войск».¹

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

Мухаммад Захир: ¹ «В каждом батальоне был один советник. Мы уважали этих людей, верили им. Накануне они лично проверяли боеготовность танков. Когда же через 4 дня после ввода войск мы получили команду выгрузить из машин боеприпасы, вдруг обнаружили, что все ударники в орудиях вынуты. Это сделали перед 27 декабря советники».²

Как и в первый раз (с 13 на 14 декабря), планировалось провести операцию в ночь с четверга на пятницу. Перед выходным днём некоторые солдаты и офицеры уезжали к своим семьям, что помешало бы командованию афганцев быстро принимать решения.

Абдул Рашид Седигзай: «День для операции советские выбрали удачно: пятница в Афганистане — выходной день, и поэтому в четверг многие офицеры ушли в город к своим семьям».³

Суммируя все особенности разработанного плана и приводя существующую в то время военную терминологию различных силовых структур к единому пониманию, можно согласиться с мнением подполковника спецназа ГРУ Владимира Кошелева: «Штурм дворца Таж-Бек представлял собой прежде всего операцию армейского спецназа, действовавшего в данных обстоятельствах в значительной мере в качестве общевойсковой (мотострелкового) формирования с привлечением штурмовых спецгрупп КГБ и подразделений ВДВ, а также с использованием возможностей агентурной разведки и военных советников. На языке спецназа ГРУ её следовало бы именовать «налётом», а по терминологии воздушно-десантных войск она проходит как «захват объекта в тылу противника». В рамках этой войсковой операции проводилась и частная комитетская (специальная) операция — физическая ликвидация генсека ЦК НДПА, председателя Революционного совета и Премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина. Поэтому на острие штурмующих дворец были офицеры КГБ, действовавшие совместно с двумя разведывательными группами спецназа из состава «мусульманского» батальона».⁴

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

27 декабря 1979 года Директивой МО СССР № 312/12/002 час-

¹ Мухаммад Захир — механик-водитель из 15-й танковой бригады ВС ДРА.

² Колотило А. Родина не торопилась признавать нас своими... — М.: «Братишка», 2005, 27 декабря.

³ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

⁴ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 455.

тям и подразделениям МО и КГБ СССР были поставлены конкретные боевые задачи на подавление сопротивления правительственных войск.

В целях перестраховки в плане операции предусматривалось 3 варианта ликвидации Х. Амина и его ближайшего окружения:

1. Отравление поваром (агентом КГБ СССР).

2. Штурм резиденции Х. Амина дворца Тадж-Бек спецподразделениями КГБ СССР и ГРУ ГШ ВС СССР.

3. Ракетно-артиллерийский удар РСЗО «Град» с Кабульского аэропорта по дворцу Тадж-Бек и последующий штурм подразделениями ВДВ. (подчёркнуто А.Р.).

Общее руководство всей операцией осуществлялось с пункта управления «Микрон», расположенного на стадионе «Клуб Аскари». На нём находились: С. Магомедов, Б. Иванов, Е. Кузьмин, В. Кирпиченко, Л. Богданов.

К этому времени небольшой группой оппозиционеров в составе А. Сарвари, С.М. Гулязбова, М.А. Ватанджара, Н.А. Нура, А. Ратебзад и других партийцев Генеральным секретарём ЦК НДПА и руководителем «подпольного» Революционного Совета ДРА, был провозглашён Бабрак Кармаль.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС**

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС «О ПРОПАГАНДИСТСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАШЕЙ АКЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА»

<...>5. При освещении изменений в руководстве Афганистана подчёркивать, что это является внутренним делом афганского народа, исходить из заявлений, опубликованных Революционным Советом Афганистана, из выступлений Председателя Революционного Совета Афганистана Кармаля Бабрака.

6. Давать твёрдый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчёт якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. Подчёркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана.

27 декабря 1979 года. № П 177/151¹

¹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. — М.: «Новая и новейшая история», 1993, № 3; 1996, № 3.

Обратите внимание на то, что уже 27 декабря ещё при живом Х.Амине Б.Кармаль уже называется Председателем Революционного Совета Афганистана.

ПОПЫТКА ОТРАВЛЕНИЯ Х. АМИНА: 27 ДЕКАБРЯ

А в это время сам Х.Амин, ничего не подозревая, находился в эйфории оттого, что удалось добиться своей цели: советские войска вошли в Афганистан. Днём 27 декабря он устроил обед, принимая в своем роскошном дворце близких ему лиц. На обед во дворец были приглашены Шах Вали и С.М. Зерая, секретарь ЦК НДПА Г.Д. Панджшери и ещё несколько членов правительства. Кроме них присутствовали взрослые члены семьи Х. Амина.

Формальным поводом собрать всех стало, с одной стороны, желание показать соратникам свою новую резиденцию, а с другой — возвращение из Москвы Г. Панджшери, который заверил Х. Амина: «Советское руководство удовлетворено изложенной версией смерти Тараки и сменой лидера страны, визит ещё больше укрепил отношения с СССР. Там подтвердили, что Советский Союз окажет Афганистану широкую военную помощь».

Х. Амин торжественно говорил присутствующим: «Советские дивизии уже на пути сюда. Всё идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громько, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи». Порассуждали и о том, как начальнику Генерального штаба Мохаммеду Якубу лучше наладить взаимодействие с командованием советских войск.¹

Мухаммад Захир: «Не помню точно, то ли 25, то ли 26 декабря, мы смотрели телевизор. Корреспондент задал Амину вопрос: «Приземляются большие самолёты. Что в них?». Он ответил: «Самолёты наших друзей привозят товары первой необходимости»».¹

В советский персонал, обслуживавший семью Х. Амина, входили повар и личный врач-переводчик.

Ещё в октябре управление «С» ПГУ КГБ, занимающееся нелегалами, приняло решение о командировке своего агента из г. Кандагара в г. Ка-

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмоскovie», 2007. С. 397.

² Колотило А. Родина не торопилась признавать нас своими... — М.: «Братишка», 2005, 27 декабря.

бул. Этим агентом был азербайджанец, специалист по Афганистану, прекрасно владеющий языками, подполковник Талыбов Михаил. Он работал в Афганистане ещё при прежнем режиме и хорошо знал г. Кабул. С помощью советников из посольства СССР он был устроен на должность повара в президентском дворце Х. Амина.¹

По воспоминаниям министра финансов А. Мисака: «На обед подавали шурпу, ашак и гранатовый сок. После обеда перешли в другой зал пить чай. Здесь Х. Амину и некоторым гостям стало плохо. В этот день, по свидетельству племянника Х. Амина — Мир Вайс Амина, Х. Амин ел мало из-за расстройства желудка, которое он испытывал ещё с прошедшего вечера. После обеда, приготовленного советскими поварами, Х. Амин, его дети и невестка, а также две гостьи почувствовали себя плохо и вскоре потеряли сознание».

Когда Х. Амину стало плохо, его жена, которая почти ничего не ела, вызвала С. Джандада. Он стал звонить начальнику Центрального госпиталя афганской армии «Чарсад Бистар» подполковнику Велаяту Хабиби. Велаят Хабиб и прибывший с ним главный хирург госпиталя подполковник медицинской службы Тутахель Абдул Каюм обнаружили у больных отравление (к этому времени повар уже исчез из дворца).

По просьбе начальника Главного политуправления ВС ДРА Экбала Вазири и начальника политотдела аппарата ГВС в ДРА генерал-майора Татушкина в Тадж-Бек для оказания необходимой медицинской помощи из советского посольства была выслана группа врачей:

— главный терапевт поликлиники советского посольства полковник Кузнеченков Виктор Петрович (выпускник Ленинградского СВУ и Ленинградского военно-медицинского института);

— начальник хирургического отделения полковник Алексеев Анатолий Владимирович (выпускник Ленинградского военно-медицинского института);

— врач Коноваленко Станислав Иванович;

— анестезиолог Шанин Александр.

В бригаду медиков также входили 2 женщины: врач-диетолог и медсестра, работавшие в медпункте, расположенном в левом крыле первого этажа дворца Тадж-Бек.

Мисак А.К.: «27 декабря Амин пригласил всех своих ближайших соратников с семьями на обед. В конце обеда вдруг всем захотелось спать. Я ещё помню, обеспокоенно спросил: «Может быть, нам что-то в еду подсыпали? Не яд ли это? Кстати, кто твой повар?». «Не волнуйся, —

¹ Абдуллаев Ч. Уйти и не вернуться. — Ростов на Дону: Проф-пресс.

ответил хозяин. — И повар, и врач-переводчик у меня — советские». Однако сам Амин тоже имел бледный вид. Держался за стены. Я пожал плечами и поспешил на свежий воздух. Погода была морозная, выпал снег, снаружи мне стало немного легче. Кто отведал этот обед, чувствовал себя словно пьяный. Только Пандшери с удивлением взирал на наши мучения. Он единственный из нас не ел суп, потому что соблюдал диету. Видимо, что-то было подмешано именно в суп. Быстро распрощавшись со всеми, я поехал к себе в министерство финансов... Сел в кресло и мгновенно уснул, как в глубокую яму провалился».¹

Чернышев Е.В.: «Во дворце Амина устраивался торжественный обед по случаю оказания дружественным Советским Союзом военной помощи Афганистану. Были приглашены наиболее преданные друзья и родственники. После обеда офицеры и охрана почувствовали сильное недомогание и сонливость. В тяжелом бесчувственном состоянии оказались Амин, его дети, жена, гости. Во дворце испугались и вызвали из госпиталя советских врачей. Во дворец поехали, ничего не зная о готовившемся штурме, врачи — полковники Кузнеченков и Алексеев и 2 гражданских».²

Видимо, руководители операции рассчитывали, что сработает план устранения Х. Амина путём его отравления и тогда, возможно, отпадёт необходимость штурмовать дворец Тадж-Бек. Но ввиду строгой секретности этого плана советские врачи не были к нему допущены и по незнанию сорвали его выполнение, оказав Х. Амину медицинскую помощь.

Абдулла Вардак: «Днём мы узнали, что товарищу Амину стало плохо. Было это отравление или просто плохо приготовленная пища — я не знаю. Нам ничего по этому поводу не говорили. То, что советские могут на нас напасть, мы сначала и не думали. Но когда мы увидели, что в расположении советского батальона началась суэта, то наше начальство подумало, что советские знают немного больше о каком-нибудь путче или чём-то подобном со стороны оппозиции. Поэтому охрану дворца усилили: к обычной смене, охранявшей резиденцию товарища Амина, добавили вторую. Так как беспорядки в Кабуле были часты, то мы постоянно находились в повышенной боевой готовности».

Это происшествие очень встревожило С. Джандада и В. Экбаля — ответственных за организацию охраны Х. Амина. Они выставили дополнительные внутренние и усилили внешние посты охраны, одновременно позво-

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 398.

² Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

нили в 15-ю танковую бригаду, чтобы там были готовы оказать необходимую военную помощь. Однако помощи им ждать было неоткуда, так как наши десантники 103 ВДД уже почти полностью блокировали располагавшиеся в г. Кабуле части афганских войск.

Мухаммад Захир: «27 декабря 1979 года я служил механиком-водителем в 15 танковой бригаде. Очень хорошо запомнил ту ночь. Мы, а также 4 бригада, стояли под Кабулом в направлении тюрьмы «Пули-Чархи». Когда уже стемнело, началась стрельба. Экипажи бросились к машинам. Но танки не вышли за КПП. Командир дал приказ остаться на местах. Сейчас он в тюрьме... К нам пришёл заместитель начальника политотдела. С ним был советник. Они собрали всех поговорить. В это время ваши БМД окружили танки и казармы. Блокировали парк...».¹

Абдул Рашид Седигзай: «27 декабря объявили тревогу. Мы начали получать оружие и строиться. Что случилось, мы не знали. Думали, что опять какие-то беспорядки. Тогда постоянно так было, что не выходные — так какая-то заварушка: то бунт в какой-нибудь части кабульского гарнизона, то демонстрации. Нас приводили в боевую готовность, но воевать нам не приходилось. Поэтому мы на этот раз подумали, что просто побудем некоторое время в боевой готовности, и на этом всё закончится».²

После оказания необходимой медицинской помощи Х. Амину стало лучше, и врачи в 18.00 сообщили об этом в посольство.

Когда Х. Амин придёт в сознание, он удивленно спросит: «Почему это случилось в моём доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?». Остальные же ещё находились в бессознательном состоянии.

Холбаев Х.Т.: «Амина до начала штурма попытались отравить. Хотя это не удалось осуществить, но было гарантировано нахождение Амина на «объекте» в момент штурма».

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ: ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ 27 ДЕКАБРЯ

Команда звонкая «Вперед!»,
И, подчиняясь предков зову,

¹ Колотило А. Родина не торопилась признавать нас своими... — М.: «Братишка», 2005, 27 декабря.

² Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

Решили славу добывать,
Оправив на Смерть рать на рать.

Владимир КОШЕЛЕВ

Тем временем, в 14.00 из посольства в отряд передали, что время «Ч» — начала штурма — определено на 15.00, так как в частях кабульского гарнизона начались мероприятия по приведению их в повышенную степень боевой готовности.

Дроздов Ю.И.: «Центр нам передал, что штурм назначен на 15.00. Получив это сообщение, вместе с Колесником решили срочно собрать всех командиров рот, старших штурмовых групп и подразделений огневой поддержки в моей комнате на втором этаже казармы.

Как старшему по званию Колесник предложил мне открыть совещание. В своем кратком выступлении я дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее распределение сил и средств «мусульманского батальона» и штурмовых групп. После этого Колесник отдал боевой приказ подразделениям, доведя до каждой группы конкретные задачи.

Когда говорил Колесник, я внимательно смотрел на лица офицеров. Все разные, собранные, немного напряженные. В каждом чувствовалась дисциплина, воля и решительность. Два спецназа — Главного разведывательного управления и Комитета госбезопасности — в тесном взаимодействии при выполнении сложной боевой задачи за пределами своей страны».¹

Холбаев Х.Т.: «В 14.10 27 декабря на совещании командиров групп полковник Колесник командиру каждой группы ставил задачу индивидуально. Готовность к выполнению задачи определялась — 15.00.

После этого в подразделениях закипела работа по подготовке к операции: предстояло довести задачи до подчиненных, организовать взаимодействие между группами и внутри групп, на радиостанциях установить новые частоты и позывные, проверить организацию управления в подразделениях и в отряде, всему личному составу отряда выдать индивидуальные перевязочные пакеты. В последующем начало боевых действий планировалось в 22.00. Затем время начала атаки переносилось на 21.00, на 20.00, а в конечном итоге определились на 19.30».

Востротин В.А.: «Задачу ставили несколько раз. Первое совещание было в 14.10, а в последний раз уже в 18.15. Рота как раз пошла в столо-

¹ Дроздов Ю. «Штурм-333». — М.: Альманах «Вымпел», 1999, № 3 (11).

вую, когда нас начали собирать. На каждом совещании время операции переносили. На первом совещании начало операции назначили на 15.00, на втором 22.00, затем — на 21.00, а на последнем — на 19.30. Задачу мне на последнем совещании ставил Дроздов».

Шарипов В.С.: «Последнюю задачу получили от Колесника на холме: «Стартанёшь на 5 машинах. В каждой — по 5 человек твоих, плюс 5 кэбэбэшников. Сразу же с началом движения откроешь огонь из всего оружия. Оцепишь здание так, чтобы никто не ушёл. Внутри будет комитет действовать, а твоё задание — никого не упустить!»».¹

Для полной скрытности конкретные боевые задачи при взятии резиденции Х. Амина личному составу отряда довели лишь в 14.30.

Ахмедов М.: «Рекогносцировка и уточнение боевых задач по захвату объекта была около 14.30. Командир роты старший лейтенант Амангельдыев, не показывая объект руками, поставил задачу командирам взводов на захват штаба 3 батальона охраны дворца, расположенного в 1,5 километрах южнее дворца Таж-Бек».

Б. Хамза: «После обеда 27-го декабря нас построили, объявили, что Амин предатель, и мы должны выполнить задание Родины. Каких-то особенных чувств у меня тогда не было. Выдали боеприпасы. Указали, кто и где сидит, кто куда едет».

Карпухин В.Ф.: «Перед началом штурма Зудин Геннадий Егорович решил сначала всё скрупулезно записывать: кому 2 гранаты дал, кому — 3, кому столько-то патронов: А потом плюнул и говорит: «Да берите всё подряд, чего хотите». И мы взяли весь боекомплект. Какая-то отрешённость была в человеке. Такое ощущение, что он прямо из жизни уходит. Он у нас в группе «дедом» считался, 42 года. Наверно, жизненный опыт сказывался. Видимо, с годами человек тяжелее переживает ситуации, связанные с риском для жизни. Я тогда этого не понимал, сейчас понимаю».²

Салкин В. Г.: «Вечером, приблизительно в 18.30 командиру бригады капитану Ахмаджану поступила команда ввести один батальон в город. Я и военный советник командира бригады полковник Пясецкий в это время постоянно находились рядом с командиром бригады. Тот отдал приказ командиру первого танкового батальона привести батальон в состояние полной боевой готовности, заявив, что приказ о выходе батальона будет отдан позже. Личный состав, получив приказ, буквально ринулся к танкам. Ментально взрели танковые двигатели. Первый батальон был готов к действиям. Пясецкий время от времени смотрел на часы, ожидая новых команд бригаде. В 19.20 Виктор Николаевич сам попросил Ахмаджана

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

² Бармин Ф. Штурм дворца Амина. — М.: «Спецназ России», 1999, № 11 (39).

связаться со своим командованием и уточнить указания по выходу батальона в город. Однако командир не смог позвонить из-за отсутствия связи (спецгруппой КГБ уже был взорван узел связи). Убедившись в отсутствии связи, Пясецкий посоветовал командиру бригады проконтролировать взводом связи со стояние телефонного провода на территории бригады. На это ушло примерно 30 минут».¹

ОПЕРАЦИЯ «ШТОРМ-333»

Наш жребий, в общем-то, простой:
Удача выпадет — Герой,
Не подфартит — «за упокой»
Товарищи поднимут чашу...

В. КОШЕЛЕВ

ЖРЕБИЙ БРОШЕН: — ШТУРМ ДВОРЦА ТАДЖ-БЕК

Дыхание опасности во мне почуял зверь,
Всё остальное — частности, всё частности теперь.
Мгновенье — нет усталости — вперёд и победить!
Эх, не дожить до старости, а может быть, дожить?»²

Перед штурмом дворца спецгруппой КГБ был взорван так называемый «колодец связи» — фактически центральный узел секретной связи между важнейшими военными и гражданскими объектами г. Кабула.

В 19.10 группа разведчиков-диверсантов на 3 автомобилях (УАЗ-469, УАЗ-452 и «Волга») под командованием Б.А. Плешкунова прибыла к «колодецу связи». УАЗ-452 приблизился к люку центрального распределительного узла подземных коммуникаций связи, проехал над ним и «заглох». Пока часовой-афганец приближался к ним, из кузова крытой машины вывалились 2 фигуры, подняли крышку люка, опустили взрывчатку, забот-

¹ Дроздов Ю. «Шторм-333». — М.: Альманах «Вымпел», 1999, №3 (11).

² Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 363.

ливо прикрыли её. Мотор взревел, завёлся-таки, водитель махнул рукой афганцу-часовому, и машина скрылась за поворотом. На всё ушло 35-40 секунд. Через 5 минут прогремел взрыв, оставивший г. Кабул без телефонной связи. Это был общий сигнал к началу боевых действий.

Слышишь, брат: «Та-ра-рам!» — в 7.15 начало,
Сорок шесть килограмм, как сигнал прозвучало.
И пошли «полоскать» с чердака и до входа,
Смерти нам не искать, нынче смерть вошла в моду...¹

Каждой из неполных рот спецназа и 9 гв. пдр ВДВ предстояло иметь дело с батальоном афганцев. Но на стороне штурмующих была отличная подготовка и знание обстановки: заранее успели изучить расположение сил противника, пути подхода и режим караульной службы. У бойцов «Грома» и «Зенита» были сектора обстрела постов охраны и планы расположения комнат в здании Тадж-Бека.

Турсункулов Р.Т.: «Наш батальон был разбит на несколько боевых групп, каждая из которых получила свой участок действий. Группа Сахатова, заместителя командира нашего отряда, должна была нейтрализовать танковые посты афганской армии, которые располагались недалеко от дворца. Две другие группы, которые возглавляли мой «однополчанин» Шарипов и я, должны были прорываться к дворцу. В моём распоряжении находились БТРы с десантом группы «Зенит». У Шарипова — БМП. Его задача была сложнее: боевые машины с десантом «Гром» должны были подойти к дворцу по дороге, которая серпантинном огибала дворец. Я двигался с другой стороны».²

Шарипов В.С.: «Всё спланировав, я и Романов подошли к замкомбата генерал-майору КГБ Дроздову. Он предложил нам посмотреть альбом со схемой здания. Мы просим: «Дайте его в группу! А генерал головой мотает: «Нельзя!». Потом ко мне обращается с такими словами: «Запомни! Вам отступать некуда. Я тебя, если неудача случится, в лучшем случае смогу сделать перед афганцами психом-дурачком... Смотри, чтоб Амин не ушёл! Не дай Бог, объявится в другой стране!»».³

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 364.

² Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, № 9.

³ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

«Так что, ребята, здесь... за нами?»
Приказ! — «Скворцов» им так сказал, —
У нас поэтому в программе
Назначен завтра карнавал.
Амин — подлец редчайшей марки,
Преподнесём ему подарки:
Сначала — громкий тарарам,
Потом — свинцовых 9 грамм.
Но, если смоемся мерзавец,
Не посмотрю, что вы — спецназ,
Сдеру три шкуры, братцы с вас:
Любим... нам нужен тот красавец.
И хоть за вами нет вины,
Готовьтесь, сукины сыны!».¹

ДЕЙСТВИЯ БОЕВОЙ ГРУППЫ М.Т. САХАТОВА

Дроздов Ю.И.: «Одной из важнейших задач был захват 4 закопанных танков, которые держали под прицелом все подходы к дворцу. Для этого выделили 12 человек во главе с заместителем командира батальона капитаном Сахатовым, а также 2 снайперов и 2 пулемётчиков из КГБ. От действий этой группы во многом зависел успех всей операции. Они начинали первыми».²

Холбаев Х.Т.: «Примерно в 18.00 на связь вышел Султан Кекезович и сообщил, что операцию нужно начинать как можно раньше. Минут через 15 после получения приказа на автомобиле ГАЗ-66 выехала группа Сахатова. Задачей группы было снять из снайперских винтовок часовых, которые находились на пути штурмовых групп, и овладеть танками, вкопанными на высотах».

Захватив танк, необходимо было произвести выстрел, который станет сигналом к штурму дворца. Группа под руководством капитана М. Сахатова в составе 12 солдат (3 танковых экипажей: 2 основных и одного запасного), 2 офицеров отряда (М. Сахатова и А. Джамолова) и 4 сотрудников КГБ на автомобиле ГАЗ-66 выехала в 18.15. Солдат отобрали из 3 роты с учётом того, что они ранее прошли доподготовку как механики-водители или наводчики-операторы среднего танка.

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 511.

² Дроздов Ю. Как штурмовали дворец Амина. — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Проезжая мимо расположения 3 батальона они увидели, что батальон получает оружие и строится. Капитан М. Сахатов приказал подъехать к стоявшим в центре командиру батальона и другим офицерам.

Джамолов А.: «Сахатов подозвал командира батальона. Когда он подошёл, мы его захватили и сразу рванули вперёд. Отъехали до небольшого арыка, выпрыгнули из машины и заняли оборону. Сотрудники КГБ на машине продолжили движение. Когда афганцы начали преследование, мы открыли по ним огонь на поражение. Так как место было открытое, и они были у нас как на ладони, то и потери у них были большие».

Абдул Рашид Седигзай: «Все наши командиры доверяли советским военным. Поэтому, когда советский офицер подозвал нашего командира, тот пошёл к машине без всяких предосторожностей. Он ещё не успел подойти, как его схватили и забросили в машину. Для нас это было настолько неожиданно, что мы не сразу поняли, что нужно делать. Через некоторое время кто-то из офицеров пришёл в себя и приказал преследовать машину. Многие побежали, но все ещё были настолько в шоке, что даже не думали, что они делают, и побежали толпой. Поэтому, когда советские начали стрелять, много солдат было убито и ранено. Только после этого люди стали приходить в себя: начали искать укрытие, осознанно стрелять в цель. Но в этот момент на нас вышли штук 15 бронемашин. Они стреляли по нам из всех стволов. Мы тоже не сразу поняли, что это советские машины. Когда стрельба утихла, мы услышали, как люди у машин говорят по-русски».¹

Холбаев Х.Т.: «Когда начала действовать группа капитана Сахатова, послышалась стрельба из района 3 батальона охраны. Наша внезапность теряла смысл, поэтому полковник Колесник приказал начать атаку немедленно. Я двумя сигнальными ракетами красного цвета и одновременно по радиосети подал команду о начале штурма. И буквально в это же время по мобильной радиостанции получил сигнал к атаке: «Штурм» и 3 зуммера».

Примерно в 19.15 на дворец обрушился шквал огня. По команде командира зенитно-артиллерийской группы старшего лейтенанта В. Прауты первыми по дворцу и по расположениям батальонов и зенитного дивизиона открыли огонь самоходные установки ЗСУ 23-4 «Шилки» и автоматические гранатометы АГС-17. Их огонь скорее носил характер морально-психологического подавления и не давал возможности экипажам подойти к танкам и к другой боевой технике.

«Афганистан. Кабул-столица.

27 декабря...

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. —
Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

Смеркается. Бледнеют лица.
Команда: «Шторм!». И всё — «Ура!..».
К дворцу пошли 2 мехколонны,
Расстрельные минуя зоны,
Но на войне как на войне —
Бьют гулко пули по броне.
Огонь открыли наши «Шилки», —
Секут они со всех стволов
Узоры непечатных слов.
Трясутся у врага поджилки:
Не может он понять никак —
Тадж-Бек штурмуют, как Рейхстаг!». ¹

ДЕЙСТВИЯ БОЕВОЙ ГРУППЫ В.С. ШАРИПОВА И ГРУППЫ «ГРОМ»

Первой должна была выдвигаться на 7 БМП боевая группа старшего лейтенанта В. Шарипова и группа «Гром» под руководством майора Романова Михаила.

Целью группы было: двумя БМП сбить внешние посты охраны и подавить караульное помещение, а 5 БМП с подгруппами из «Грома» во главе с О. Балашовым, В. Емышевым, С. Головым и В. Карпухиным достичь центрального входа и, ворвавшись во дворец, выполнить главную цель операции. При этом экипажи БМП и пулемётчики «мусбата» должны блокировать все выходы.

Шарипов В.С.: «Изготовившиеся к броску БМП выстроились в колонну. Часы отсчитывали последние мирные минуты. Или пан, или пропал! А внутри было нехорошо — до тошноты. Был всё же страх, был! Ребята-«громовцы» достали бутылку. Разлили, выпили грамм по 100. Я подзываю механика-водителя первой БМП: «Иди-ка сюда». Подбегает. Я кружку в руки даю. Боец нюхнул и удивлённо на меня уставился. В батальоне нашем отличная дисциплина была. Не поймет солдат — шутит, что ли, командир? «Это ж водка!» — говорит. Я ему: «Пей давай!». Он кружку опрокинул, повеселел: «Спасибо, товарищ старший лейтенант». И бегом к машине. Сам я сел на место механика-водителя в другую БМП. Запустили двигатели...».²

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 511.

² Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

Но не обошлось без «накладок». Первыми на 3 БТРах 2 группы первой роты лейтенанта Р. Турсункулова начали выдвигаться 3 подгруппы «Зенита». А 4 подгруппа «зенитовцев» во главе с В. Щиголевым по случайности оказалась в колонне боевой группы В. Шарипова вместе с «Громом». БМП № 041 Б. Эгамбердыева, 5 БМП В. Шарипова и примкнувший к ним БТР №018 из группы Р. Турсункулова по единственной дороге, крутым серпантинном взбирающейся в гору, устремились к «Тадж-Беку».

Моя БМП №042 и 3 БТРа лейтенанта Р. Турсункулова устремились направо к караульному помещению, находившемуся снизу и справа от дворца.

Начав движение, группа В. Шарипова сразу же открыла огонь по дворцу. Время движения до дворца, установленное В. Колесником, было 10 минут. Перед штурмом мы примерно оценили время, которое нам потребуется, чтобы добраться до дворца. Получилось приблизительно 10 минут. Во время продвижения к его выходам 5 БМП В. Шарипова должны были стрелять по окнам дворца. Подсчитали, что успеем сделать по 3 выстрела из каждой БМП — итого 15 выстрелов. На каждом этаже было по 15 окон. Стреляли по окнам в шахматном порядке, справа налево: первая машина — по первому, 5 и 9, 2 — по 2, 6 и 10 и т. д. По такому же принципу огонь по окнам 2 и 3 этажей должны были вести огонь 10 БМД 9 гв. пдр (по 5 на каждый этаж). Кроме нас по дворцу «работали» ЗСУ 23-4 и АГСы.

Едва колонна стала подниматься по серпантину, как из здания по нам ударили крупнокалиберные пулемёты. При подъезде к правому торцу здания БМП № 035, шедшая первой (командира 2 группы 3 роты лейтенанта Х. Абдуллаева), пытаясь объехать стоявший микроавтобус «РАФ», на котором ранее приехала бригада советских врачей, задела стену и остановилась. В следующий момент она была подбита огнём «Шилки», а командир взвода Абдуллаев Хамидулла был тяжело ранен.

Романов М.М.: «Начался штурм. Каждая из нескольких моих подгрупп двигалась на боевой машине пехоты. Заход в район дворца предполагался с двух сторон — мы «крутимся» по серпантину, а Яша Семёнов со своим «Зенитом» выходит к пешеходной лестнице, которая ведёт вверх. У фасада соединяемся. Но на войне как на войне. Прорыв группы шёл под ураганным огнём, загорелся бронетранспортер».¹

Кувылин С.В.: «Вдруг слышу какой-то дробный стук. Думаю: двигатель, что ли, застучал? Оказывается, осколки и пули по броне. И чем

¹ Ляховский А. «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12, 2004; № 1-3.

дальше едем, тем больше долбят. Я потом, после боя, фальшборт на своей БМП оглядел — решето! Самое настоящее решето, дуршлаг, хоть макароны отбрасывай».¹

Холбаев Х.Т.: «Когда пошли наши боевые группы и вёлся огонь из ЗСУ 23-4 и АГС-17, было захватывающее зрелище, как на учениях. Однако через 5-7 минут после начала атаки один из механиков-водителей БТРа на долгое время занял радиоэфир, прося помощи. Командир группы старший лейтенант Шарипов всё-таки прорвался в эфир и попросил перенести огонь на верхние этажи. Я лично сходил к ЗСУшке и постучал прикладом автомата по броне. Выглянул один из членов экипажа, которому я приказал перенести огонь по верхним этажам».

Карпухин В.Ф.: «Я был командиром одной из подгрупп. Когда БМП по дороге остановилась, я слегка припугнул оператора-наводчика. Сказал ему, чтобы не жалел боекомплекта, а стрелял в максимальном темпе. И он постарался, да так, что от дыма в машине просто нечем было дышать. Очень скоро все снаряды и патроны к пулемёту, спаренному с пушкой, были израсходованы. Я заставил механика-водителя подъехать поближе к дворцу. Под таким плотным огнём не то что десантироваться, а высунуться — и то было просто безрассудно. Поэтому механик-водитель подогнал БМП почти к самому главному входу. Благодаря этому в моей подгруппе легко ранили только 2-х человек из 5. Все остальные подгруппы пострадали гораздо сильнее. Я выскочил первым, рядом со мной оказался Плюснин Саша. Открыли прицельный огонь по афганцам, которые стреляли из окон. Тем самым дали возможность десантироваться всем остальным бойцам нашей подгруппы. Они сумели быстро проскочить под стены и прорваться во дворец».²

Вторая БМП № 030 (командира 3 роты В. Шарипова) отодвинула подбитую БМП № 035 в сторону и освободила путь остальным машинам. БМП № 030 и БМП № 036 быстро проскочили вперёд и блокировали центральный и правый от него входы. БМП № 037 загорелась и перекрыла дорогу, поэтому следующая за ней БМП № 038 была вынуждена столкнуть её вниз, чтобы освободить дорогу.

Шарипов В.С.: «А там, где на вершине холма темнел монолит Тадж-Бека, под огненным ливнем «Шилок» металась застигнутая врасплох охрана дворца. В темноте декабрьского вечера афганцы ещё не видели атакующих, но уже отчётливо был слышен надсадный рёв приближающихся боевых машин... Мы только двинулись, у меня пропала связь с командным

¹ Ляховский А. «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12, 2004; № 1-3.

² Бармин Ф. Штурм дворца Амина. — М.: «Спецназ России», 1999, № 11 (39).

пунктом. Почему? До сих пор не знаю. Я с группой своей на дворец словно в одиночестве шёл. С ходу все 5 машин стали бить по окнам из пушек, из пулемётов. И тут... В общем, при въезде на площадку перед дворцом первая БМП № 035 зацепила край стены и заглохла! Уже стрельба вовсю, с парашюта дворца по нам в упор лупят, а механик никак передачу выбить не может! Пули ливнем по машине бьют. Я думаю: «Не хватало только ещё гранатомётчиков, по одному на каждую машину. Такого огня мы не ожидали».

Я сразу дал команду спешиться. «Громовцы» наружу выбрались. А огонь такой плотный, что им за машинами пришлось укрыться! Словом, к зданию пробиться невозможно. Вдобавок ко всему наши «Шилки» лупят так, что снаряды над самой головой летят. Я давай по переносной радиостанции комбата вызывать — никакого ответа. Тут вдруг чувствую — шнур от радиостанции натянулся, и меня аж развернуло всего.

У нас ведь радиостанции какие? Сама она на спине у бойца-связиста, а наушники и переговорное устройство — у командира. Боец, бывает, повернётся неловко — и потянет за собой всё это «хозяйство».

Я только развернулся бойца ругнуть, а он уже — всё, готов, на землю валится. И тут вижу — в арыке рядом с нами афганец лежит, прячется от огня. В память почему-то врезалось: у него на руке часы с рубиново-красным циферблатом. Я по нему очередь дал. Вроде попал, а он подпрыгивает. Я ещё очередь — он опять подпрыгивает. А это пули АКМовские тело прошивают и от бетона рикошетом тело подбрасывают. Только повернулся в другую сторону — мимо БМП афганец-офицер с ПМом в руке бежит. Я его свалил из автомата. Пистолет подобрал, зачем-то Бояринову из «Грома» показываю. А он мне: «Ну, давай, бери, первый твой боевой трофей».¹

В загоревшейся БМП № 037 детонировал боекомплект, оторвало башню, которая, подлетев вверх метров на 100 вверх, упала рядом с моей БМП № 042 и БТРами Р. Турсункулова. «Громовцы» под прикрытием БМП № 030, № 036, № 038 прорвались на площадку перед центральным входом дворца и под непрерывным огнём гвардейцев с криками, в основном матом, пошли на штурм.

Колесник В.В.: «Под прикрытием огня «Шилок» группа Шарипова на БМП шла к дворцу по серпантину. Охрана дворца открыла по наступающим ураганный огонь. Боевая машина пехоты, шедшая впереди, была подбита. Десант, сидевший в ней, покинул машину. Вторая БМП загорелась. Машина, шедшая сзади, столкнула подбитую БМП, освобождая путь

¹ Лёгкий П. Операция «Штурм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

наступающим. Продолжив путь, 3 БМП 3 роты через 10 минут после начала штурма оказались на площадке перед дворцом. Двери десантных отделений распахнулись, и бойцы спецназа КГБ и ГРУ ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина, состоявшей в основном из его родственников».¹

БМП № 041 Б. Эгамбердыева, пропустив вперёд 5 БМП, с короткой остановки сначала подавила блокпост № 5, находившийся при въезде к дворцу со стороны города, и вслед за БТРом № 018, догнала основную боевую группу.

Б. Хамза: «Вечером началось. Расселись по машинам и стали ждать команды. «Старики» («громовцы» — А.Р.) ждали в стороне. Мы должны были подвезти их к дворцу, поддержать огнём и обеспечить внешнее кольцо охраны, никого из афганцев не выпуская из дворца.

Первыми выехала группа Сахатова. Где-то за 30 минут до нас. Наконец дали команду и нам. Наши «старики» стали залезать в БМП. Пока они залезли (а залезали они не очень быстро: были они не очень худыми, да ещё в бронежилетах) — группа Турсункулова уже пошла. Затем пошли мы. Я посмотрел на часы. Было 19.18. Я ехал на третьей БМП. На 1 БМП № 035 был наш новый взводный Абдуллаев Хамидулла. Пока ехали к дворцу, выстрелили по нему несколько раз из пушки. Потом некоторое время была тишина. Мотор, конечно, работал. Не было никаких других звуков: никто в БМП не разговаривал, все притихли.

Через некоторое время по нашей БМП начали стрелять. Причём с 2-х сторон. Мне стало совсем страшно. Ехали неравномерно: то быстрее, то медленнее, то совсем остановились, то опять быстро поехали. Когда подъехали к дворцу, командир БМП дал команду: приехали. Все «старики» попрыгали из машины, Я тоже в порыве рванул на выход, но увидел, как один из «стариков» упал, получив пулю, и я не вышел из БМП.

Несколько мгновений я боролся с собой — выходить или нет. Всё-таки заставил себя выйти. Точнее, выползти наружу. Там залёг и огляделся. Часть «стариков» ворвалась во дворец, но большинство было ещё снаружи. Кто у дворца в «мёртвой зоне» залёг, кто за БМП спрятался. Наши тоже залегли кто где.

Со всех сторон стреляли. Было очень страшно. БМП пытались стрелять по дворцу. Потом огонь из дворца на момент уменьшился, и «старики» стали со всех сторон забираться во дворец. Кто бегом, кто ползком, кто в двери, кто в окна. Несколько человек из нашей роты тоже рванули туда.

¹ Колесник В. «Штурм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Ротный что-то кричал, — то ли звал назад, то ли звал в атаку, — я не расслышал. По крайней мере, я не побежал. Сколько наших побежало я не помню. Человек 6-8. Может, немного больше. Нас-то было всего 10 пулемётчиков из роты. Много «стариков» было ранено ещё на подходе к дворцу. Ранило и нескольких из наших. В том числе командира роты и командира взвода.

Во время боя по нам неожиданно открыли огонь с тыла (вроде из караульного помещения). Один из наших пулемётчиков, Хезретов, стал стрелять туда. К этому времени бой переместился во дворец, и из окон по нам уже не стреляли».

Карпухин В.Ф.: «Мы попали под жесточайший обстрел гвардейцев. Заняли позиции и на огонь ответили огнём. Так началось кровавое столкновение профессионалов. Должен признаться, что у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверно, научиться воевать можно только на войне, как бы это жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну в кино. По-киношному она и воспринималась. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность... Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед».¹

Американский специалист по изучению опыта советских спецслужб Д. Миллер в книге «Коммандос» потом отмечал: «По обороняющимся ведут огонь пулемёты из БМП и БТР, рвутся гранаты, по стенам дворца молотят счетверённые артиллерийские установки «Шилка». И хотя пробить стены они не могут, всё же разрывы снарядов как-то не стимулируют высываться из окна, чтобы обстрелять штурмующих сверху. Да и окон-то этих немного, ровно по 15 на каждом этаже... Но даже в таких условиях через 2 минуты штурма половина атакующих была выведена из строя ранениями».

Бой в самом здании сразу же принял ожесточённый и бескомпромиссный характер. Если из помещений не выходили с поднятыми руками, то выбивались двери и в комнату бросались гранаты. Затем очереди из автоматов.

Вместе с офицерами КГБ по коридорам и лабиринтам дворца Тадж-Бек продвигалась и мы: в силу того, что в определённый момент боя создавалась критическая ситуация, потребовавшая от нас дополнительной помощи. Других в Тадж-Беке загнал огонь своих же «Шилок» и «АГСов», стреляющих по площадке перед дворцом. В последующем мы действовали вместе с бойцами «Грома» и «Зенита» в зависимости от складывающейся боевой обстановки.

¹ Ляховский А. «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12, 2004; № 1-3.

«К дворцу пробилась... Всё по плану,
Хоть и полно неразберих.
«Броском вперёд!» — и влёт... охрану,
И многих нет уже в живых.
Здесь 3 рота из «мусбата»,
Взвод 1 роты плюс ребята
Из «Грома» и «Зенита» здесь —
Сбивают у гвардейцев спесь.
«Стреляй! Руби! Мочи! Рви гадов!» —
Спецназ идёт — неудержим,
Как судный день неотвратим —
Краса войны, а не парадов.
Захвачен первый им этаж —
Вошли ребята в полный раж».¹

Голубев А.Т.: «Всё было объединено — и наши, и романовские товарищи, и «мусульманский батальон», и генерал Дроздов — все шли в бой вместе, это было одно боевое подразделение, в котором все выполняли одну задачу и защищали друг друга».²

Бой разложился на множество групповых и индивидуальных схваток. Каждому хотелось выжить, но для того чтобы уцелеть, нужно было стрелять, бросать гранаты... Что касается защитников афганского диктатора, то каждый из них выбирал свою судьбу сам...

Шарипов В.С.: «Мои солдаты-пулемётчики как увидели, что кэгэбэшники пошли в атаку, тут же рванули за ними следом! Забыли начисто о своей задаче, такой был порыв. Если бы Амин в тот момент через окошко выпрыгнул — запросто бы ушёл! Я за бойцами следом — надо же остановить!

Возле самого здания меня вдруг как кирпичом по левому бедру ударило. Я сразу и не понял, что ранен. Добрался до входа, вижу: Бояринов лежит — убит. Забрало шлема у него было поднято, видно, что пуля прямо в лицо попала. Кое-как я к своей БМП доковылял. Вколот себе промедол из аптечки. Чувствую, надо ещё. Подзываю сержанта Джумаева. Он у меня вместо телохранителя был. Давай, — говорю, — бегом за аптечкой! Его перед самой отправкой в Афган КГБ потребовал оставить в Союзе —

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 512.

² Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

отец когда-то, ещё до рождения Джумаева, был осуждён. А сержант «зайцем» в самолёт забрался и прилетел вместе с нами в Баграм. Ну не отправлять же его обратно! Так вот, он убежал за промедолом и словно пропал — нету и нету. А тут мне «громовец» кричит: «Прекрати огонь по 2 этажу! Там никому зайти невозможно». Долго Джумаева не было... Потом прибегает с промедолом. Я ему: «Ты куда пропал?!». Он рассказывает: «Добежал до БМП и увидел, что неподалеку от брони лежит пулемётчик Хезретов и в одиночку сдерживает афганцев, которые, опомнившись попёрли снизу из караулки вверх, к дворцу. Ему пулей нижнюю челюсть своротило, кровяца хлещет, а он — стреляет! Мужественный парень!». Джумаев метнулся в БМП, из чьего-то вещмешка полотенце выгасил, Хезретову челюсть кое-как подвязал — и только тогда ко мне.

Тут бой начал стихать. Кто-то из «Грома» опять мне машет: «Всё! Амина убили! Докладывай!» Я говорю: «Постой, я сам пойду и посмотрю». Мы поднялись по лестнице наверх. Зашли в комнату. Амин лежал в трусах и в майке около бара. Плеча левого, считай, как и не было. То ли его из «Шилки» достали, то ли гранатой — не разберёшь. Я его узнал по тем фотографиям, которые до этого показывали». ¹

Козлов Э. Г.: «Постепенно пороховой дым рассеялся, и мы увидели Амина. Он лежал возле стойки бара в адидасовских трусах и майке. Диктатор был мёртв. Возможно, его настигла пуля кого-то из спецназовцев, возможно, осколок гранаты». ²

Семёнов Я.Ф.: «Внезапно стрельба прекратилась. Я доложил по радиостанции Дроздову, что дворец взят, много убитых и раненых, главному конец». ³

Холбаев Х.Т.: «Когда минут через 40-45 Шарипов по радиостанции доложил, что задание выполнено, мы на БМП направились прямо во дворец. Там нас встретил Шарипов, и как руководитель группы захвата доложил о выполнении задания. Когда он закончил, я заметил, что он ранен в ногу. Я приказал посадить его в БМП и направить в госпиталь».

Шарипов В.С.: «Я увидел Холбаева, принял строевую стойку, руку к козырьку и начал докладывать о выполнении задачи. Я-то думал, что он меня прервёт, и мы зайдём внутрь дворца. А он встал навытяжку, тоже руку к головному убору приложил и... так весь доклад выслушал. А стоять у здания было ещё опасно, постреливали. Колесник ситуацию понял, говорит: «Зайдите в здание. Опасно здесь». Они внутрь прошли, а я остался

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, №6.

² Бармин Ф. Штурм дворца Амина. — М.: «Спецназ России», 1999, № 11 (39).

³ Там же.

снаружи. Штанину задираю — всё белье в крови. Дырка — сквозная. Вышел Колесник и говорит: «Группы и раненых забирай и — в расположение». Моему замполиту Абдуллаеву Рашиду дали команду спустить Амина вниз. Мне потом рассказывали, что когда Абдуллаев ухватил Амина за руку, она чуть не оторвалась от тела. Он завернул Амина в штору и вместе с другими бойцами вынес его наружу. Наши потери: один убитый, много раненых. А всего в моей роте 27-28 декабря погибло трое: Щербеков, Хусанов и Курбанов. Другие подразделения в том числе «Гром» и «Зенит» тоже понесли потери».

Когда моя группа и группа Р. Турсункулова поднялись по лестнице к дворцу, бой уже шёл внутри него. У входа во дворец я увидел В. Шарипова. Он был ранен в бедро. После его доклада Х. Холбаеву, мы посадили его в БМП. К нему загрузили ещё нескольких раненых сотрудников КГБ. Я подозвал механика-водителя и предупредил его, что он лично отвечает за то, чтобы раненые как можно скорее попали в медпункт отряда. Затем я со своими солдатами поспешил во дворец, потому что на верхнем этаже ещё шли перестрелки.

Спецназовцев КГБ в какой-то мере спасли бронежилеты, хотя практически все получили ранения.

Чернышев Е.В.: «Продолжали поступать доклады от командиров действующих подразделений. В трубке раздается: ««Берёза», я «Берёза 1», «Берёза», я «Берёза 1», ранен полковник, срочно вышлите хирурга. «Берёза 1» штурмовала дворец Амина». Через некоторое время доложили, что погиб полковник. Около меня находился полковник из группы Иванова. Он просит узнать имя и отчество погибшего. Я запросил. Мне ответили. Услышав ответ, он сокрушенно восклицает: «Это мой товарищ, совсем недавно был здесь у нас на пункте управления». Погибший полковник Бояринов только прибыл из Союза, был одним из руководителей штурма дворца Амина. В ночной суматохе, возможно, ему досталась шальная пуля от своих же.

В момент, когда начался штурм, внутри дворца находились, ничего не зная о готовившемся штурме, врачи — полковники Кузнеченков и Алексеев. Наши спецназовцы влетали в помещения, бросали гранаты и поливали вокруг автоматным огнем. Возможно, одна из пуль досталась находившемуся там полковнику Кузнеченкову Виктору. Она попала ему в горло, и он через короткое время умер».¹

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан декабрь, 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

ДЕЙСТВИЯ БОЕВОЙ ГРУППЫ Р.Т. ТУРСУНКУЛОВА И ГРУППЫ «ЗЕНИТ»

Задачей группы Р. Турсункулова было: вслед за группой В. Шарипова и БМП № 042 от 3 роты продвинуться к лестнице (из 93 ступеней), находившейся справа от дворца, и по ней прорваться к дворцу. Но БМПэшки 3 роты немного задержались и поэтому первыми пошли 3 БТРа 2 взвода 1 роты.

Едва первый БТР № 015 во главе с Суворовым Борисом миновал поворот, как из резиденции Х. Амина ударили крупнокалиберные пулемёты. У БТРа оказались поврежденными колеса, но он дотянул до стены. Десанту пришлось спешиться ранее намеченного срока. Сам командир подгруппы погиб, а личный состав получил ранения.

Турсункулов Р.Т.: «Все машины под завязку были набиты боекомплектom. Любое прямое попадание могло превратить БТР в братскую могилу, в которой остались бы лежать и ребята из «Зенита», и «мусульмане»».¹

Второй БТР № 016 был также подбит. Машина загорелась. Механик-водитель не справился с управлением, и БТР упал в арык. Десант покинул БТР и попал под обстрел. Командир упавшей машины стал непрерывно вызывать на помощь и тем самым заглушил эфир. Третий БТР № 017 смог всё-таки проскочить вслед за первым БТРом к лестнице. БТР № 018, шедший последним в колонне, потерял ориентацию, и 4 подгруппа во главе с В. Щиголевым оказалась в колонне старшего лейтенанта В. Шарипова.

В результате успешно добрались до лестницы только 2 из запланированных 4 БТРов, то есть чуть более половины сотрудников группы «Зенит», которые должны были штурмовать дворец по лестнице, и моя БМП № 042.

Спешившись перед лестницей, штурмовая группа «Зенит» попала под обстрел. Все залегли или укрылись за БТРами. В группе опять появились раненые. Сложилась критическая ситуация. Сил оказалось меньше запланированного. Пулемёты продолжали работать по нам так, что голову было невозможно поднять. Когда пулемёты были подавлены, несколько человек из группы «Зенит» двинулись вверх по лестнице, но вновь были встречены огнём из пулемёта и поэтому вынуждены были снова залечь.

Сверху по нам вела огонь из стрелкового оружия охрана дворца. Прямо над нами стояла сплошная огневая завеса трассеров «Шилки», ко-

¹ Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, № 9.

торая долбила правый торец дворца. Спереди — огонь из караульного помещения, да ещё рядом начал рваться боекомплект в подбитом БТРе № 016. Грохот и огонь со всех сторон был неимоверный. Было ощущение, что в любую минуту вместе со всем личным составом взорвется и моя № 042 машина. Но вместе с этим была какая-то уверенность, что задачу мы все равно выполним, только надо действовать хладнокровно, не паниковать и вспомнить всё, чему нас обучили...

После того как огнём из орудия и пулемётов мы подавили караульное помещение, я дал команду перенести огонь на 2 этаж дворца... Наконец-то «Шилка» и АГСы прекратили вести огонь по дворцу.

Лебедев А.: «Подойдя к дворцу и десантировавшись, бойцы группы Турсункулова залегли — шквальный огонь с обеих сторон не позволял поднять голову. Рустам видел, как первая атака «Зенита» захлебнулась в огненном смерче. Однако время шло, и график продвижения необходимо было соблюдать, ведь с другой стороны дворец тоже штурмовали наши ребята, им нужна была помощь».¹

Тем временем подгруппы «Грома» по серпантину поднимались к Тадж-Беку, преодолевая круги земного ада. Через несколько минут пулемёт был подавлен. И вновь несколько человек из группы «Зенит», осмотревшись, с помощью штурмовых лестниц рванулись наверх. На этот раз пулемёт молчал. Группа была встречена только разрозненным огнём из автоматов. В это время я увидел, как сверху стала скатываться горящая БМП, но она, не доехав до нас, взорвалась.

Турсункулов Р.Т.: «В этот момент я услышал: «Мужики, ну что же вы лежите?! Помогите!». Тогда я и мои солдаты поднялись и вместе с «зенитовцами» рванули вперёд, вверх по лестнице. Страшно было то, что мы остались без связи. Все мои связисты в первые же минуты оказались выведенными из строя: одни были ранены, у других радики оказались разбиты попаданием в них пуль или осколков. Да что там говорить! Я и сам, не успев вылезти из БТРа, сразу получил 2 отметины. Первая — в каске, которую пробил крупнокалиберная пуля, оставив огромную дыру. Спасло то, что я не затянул ремешок, а так бы точно шейный позвонок пополам. Другая пуля попала мне в грудь, в то место, где я разместил магазины для автомата. Удивило то, что патроны не сдетонировали. Зато синячище на теле остался такой, что будь здоров. Страшно было и то, что наши гранатометчики, стрелявшие из АГС-17 по заданной им заранее площади, так и не перенесли огонь по другим объектам. И нам пришлось прорываться

¹ Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, № 9.

сквозь ливень свинца, который бил с обеих сторон. Как удалось это сделать, я сейчас не могу сказать. Но мы прорвались во дворец. Все обмундирование было разорвано в клочья, посечено осколками и каменным крошевом. Ссадины и незначительные ранения были у каждого, но мы их не замечали».¹

Группа Р. Турсункулова всё-таки прорвалась к дворцу и соединилась с группой В. Шарипова уже внутри дворца.

Турсункулов Р.Т.: «В этой кутерьме разобраться, где свой, а где чужой, было не просто сложно, а почти невозможно. Какие там опознавательные повязки на руках! Выручил обыкновенный русский мат — более точного определителя «свой — чужой», оказалось, не найти».²

ДЕЙСТВИЯ КОМАНДОВАНИЯ, ЗЕНИТНО-АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ГРУППЫ И РОТЫ ОРУЖИЯ

Холбаев Х.Т.: «Мы: я, Колесник и Дроздов находились на сопке. Недалеко от нас находились «Шилки». Немного ниже находились АГСы».

Камбаров А.М.: «Я находился вместе с Праутой на холме прямо напротив торца дворца Тадж-Бек. АГСы «Пламя» и «Шилка» поддерживали огнём атаку 3 роты на БМП и группу Рустама Турсункулова на БТРах».

Всё шло как будто по плану, но случилось непредвиденное. Командир перевернувшегося БТРа № 016, как вошёл в сеть командира зенитно-артиллерийской группы, включился на передачу и безостановочно вызывал своего старшего командира Р. Турсункулова. В самый ответственный момент вся радиосеть была заглушена. Как раз в это время БМП вышли к правому торцу дворца. Но так как связь была нарушена, командир батальона и командир зенитно-артиллерийской группы заранее установленную команду о прекращении огня не получили, «Шилки» и АГСы продолжали вести огонь. И только после того как командир отряда лично увидел, что БМП попали под огонь своих же «Шилок», командованию отряда пришлось использовать другие заранее предусмотренные сигналы. На всё на это ушло чуть больше одной минуты. Но этого оказалось достаточно, чтобы шедшая первой БМП № 035 командира 2 группы Абдулаева Хамидуллы превратилась в решето.

¹ Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, № 9.

² Там же.

Саттаров А.С.: «С КП мы наблюдали, как проходил штурм дворца. Мы все удивлялись тому, как здорово работали группы КГБ и наши бойцы. Ночь, темнота, сильный огонь из окон, а они всё-таки вошли во дворец и смогли захватить его!».

Намозов Н.: «Мы, резерв отряда, находились под сопкой, на которой находился командный пункт, и располагались 2 «Шилки». Недалеко от нас расположилась группа АГСов из 4 роты. Они тоже работали по дворцу. Мы вместе с взводом связи находились в составе подвижного командного пункта. Так как мы располагались немного справа и почти на одном уровне с дворцом, то могли наблюдать, как наши машины двигались к дворцу. Часть машин попала под обстрел нашей «Шилки». В частности, машина Абдуллаева Хамида была повреждена, а сам Хамид, как выяснилось позже, был ранен.

Когда на командном пункте получили команду, что дворец захвачен и «главному» конец, Холбаев, Колесник и генерал из КГБ Дроздов спустились к нам. Холбаев приказал мне доставить их к дворцу. Они сели в мою БМП, и мы двинулись к Таж-Беку».

Саттаров А.С.: «Когда нам доложили, что Амин убит, мы начали выдвигаться к дворцу. Когда мы прибыли во дворец, — там ещё шёл бой. Я вышел на площадку перед дворцом, где находились Дроздов и Холбаев. В этот момент по дворцу со стороны Генштаба ударила очередь. Я предложил всем зайти во дворец, но Дроздов приказал мне идти смотреть за порядком во дворце, а сам остался снаружи. Через несколько минут меня вызвали к комбату. Он приказал мне взять несколько человек и принести тело Амина. Когда мы поднялись на 2 этаж, там находились Абдуллаев Рашид, 3-е его солдат и 2 сотрудника КГБ, один из которых показал тело Амина».

СМЕРТЬ Х. АМИНА И ПОХОРОНЫ АФГАНЦЕВ

Приведение в исполнение смертного приговора Х. Амину возлагалось на бывшего начальника афганской службы государственной безопасности — А. Сарвари и бывшего министра связи ДРА С.М. Гулязбоя. Но оппозиционеров от НДПА в личных покаях Х. Амина вовремя не оказалось. А ведь именно они должны были придать этим событиям характер внутриафганского, точнее, «внутрипартийного» дела посредством зачитки приговора и... так далее. Когда «громовцам» удастся с трудом вытащить изрядно струхнувшего шефа АСГБ А. Сарвари из БМП, Х. Амин уже будет мёртв.

Ляховский А.А.: «Постепенно стрельба прекратилась и пороховой

дым рассеялся, атакующие узнали в лежащем возле стойки бара человеке Амина. Он был мёртв... Возможно, его настигла пуля кого-то из спецназовцев, возможно — осколок гранаты. Некоторые высказывают версию, что Амина убили афганцы. Что на самом деле послужило причиной его гибели, сейчас выяснить довольно сложно».¹

Э.Г. Козлов

В.Ф. Карпухин

На 2 этаж я поднялся с рядовыми Астановой Уралом, Эшонкуловым Рифкатом и сержантом Э. Джумаевым. Бой ещё продолжался, но где-то выше. Когда мы поднялись к бару, к нам подошли двое из группы КГБ. По-моему, это были Э. Козлов и В. Карпухин. Один из них, указывая за стойку бара, произнёс: «Там Амин». Заглянув за стойку, мы увидели труп мужчины. Он был в серых трусах с полосками и в белой майке, лежал головой к проходу в бар. Видно было, что тело за ноги затащили за стойку бара. На теле были многочисленные ранения, особенно одно — большое осколочное в левое плечо. Когда я и Р. Эшонкулов начали вытаскивать Х. Амина из-за стойки, то его левая рука, за которую я взялся, почти оторвалась. Плечо было просто разворочено осколком. Мне запомнились золотые часы «Сейко» на левой руке. Один из кэгебэшников предложил мне взять часы себе на память в качестве трофея. Но я отказался.

«Тадж-Бек... И часа не минуло,
Приказ исполнен основной.

Пускай ещё во тьме Кабула
Не утихает где-то бой,
Но всё для всех теперь понятно:
Уже покинул безвозвратно
Хафизулла Амин сей мир —
Пал новоявленный кумир.
Потом втихую Президента
Зароют. Скажут: «Наш клиент —

¹ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана / 2-е изд., перераб. и доп. — Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. С. 290.

Был цэрэушный спецагент!».
И быстро сменит конкурента
На всех постах Кармаль Бабрак,
Что бухануть был не дурак».¹

Намозов Н.: «Когда мы подъехали к дворцу, бой ещё не закончился. На 3 этаже раздавались выстрелы. Мы подъехали к главному входу. Руководители операции остались возле машины. Когда мы вошли во дворец, я увидел там группу человек из 12. Среди них я запомнил пожилую женщину, молодую девушку с маленьким ребёнком и раненого подростка. Рядом с ними лежал труп мужчины. Подростка отправили в медпункт, который организовали в левом крыле дворца, но уже было поздно. Он скончался от потери крови. Как я позже узнал, это были жена Амина со снохой и сыном старшего сына Амина Абдурахмана. Сам Абурахман и один из младших сыновей Амина и другие члены его семьи были убиты в перестрелке».

Холбаев Х.Т.: «После доклада старшего лейтенанта Шарипова полковник Колесник, генерал-майор Дроздов, Байхамбаев, Саттаров и я вошли в здание, чтобы посмотреть на главу государства и убедиться: это он или нет. Амин лежал в майке и в трусах. Ранение было многочисленное, в том числе и в голову».

Дроздов Ю.И.: «На площадке перед дворцом и внутри него к нам обоим подходили командиры групп и подразделений с докладами и за распоряжениями. Уже шла эвакуация раненых и погибших на бронетранспортерах и БМП».

Вошли во дворец. Внизу, в холле, продолжали перевязывать раненых. Разгорячённые только что закончившимся боем, ходили спецназовцы и штурмовики-«мусульмане», проверяя, нет ли затаившихся «аминовцев».

Карпухин подошёл с каской в руках, показал застрявшую в триплексе пулю и говорит: «Смотри, генерал, как повезло. Я теперь маму увижу».

Романов, Козлов, Семёнов тяжело переживали потери: 4 убитых и 17 раненых. В тот вечер в перестрелке был убит общий руководитель спецгрупп КГБ СССР полковник Бояринов, его заменил подполковник Козлов.

В «мусульманском батальоне» погибло 2 человека, ранено 35. Причём 23 человека, получивших ранения, остались в строю. Остальных раненых зампотех батальона капитан Ибрагимов вывез в кабульский госпиталь.

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007, С. 515.

Позже мне не раз приходилось слышать мнение, что дворец Тадж-Бек брали спецгруппы КГБ, а армейцы только присутствовали при этом. На мой взгляд, это не совсем так. Одни чекисты ничего сделать не смогли бы. Конечно, по уровню личной подготовки спецназовцам трудно было тягаться с профессионалами из КГБ, но именно они обеспечивали успех этой операции. Я разделяю эту точку зрения Ляховского.

Когда штурмовые группы ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме спецназовцы «мусульманского батальона» создали жёсткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта и внутри здания, уничтожая всё, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы намного больше. Ночной бой, бой в здании требует теснейшего взаимодействия и не признаёт выделения каких-либо ведомств».¹

К нам на 2 этаж поднялся замполит батальона А. Саттаров. Он приказал спустить тело Х. Амина на первый этаж. Мы сдёрнули с дверного проема одну из штор (она была достаточно длинной — метра 3), завернули в неё Х. Амина и вместе с кэгебэшниками спустили труп в холл первого этажа.

Саттаров А.С.: «Мы завернули труп в штору. Офицер из КГБ ещё раз по радио уточнил у кого-то, можно ли нам забрать труп. Когда ему подтвердили это, мы вынесли его на площадку перед дворцом».

Когда мы вынесли труп Х. Амина к выходу, там уже находились В. Колесник, Х. Холбаев и представители КГБ. Они заставили нас размотать штору и показать Х. Амина «особым» афганцам: С.М. Гулязбою, А. Сарвари. Те подтвердили, что это действительно Х. Амин.

Холбаев Х.Т.: «К нам вынесли труп Амина. Он был завёрнут в штору. Я приказал её развернуть. Привели «особых» афганцев, которые подтвердили, что это он. Я, Дроздов и один из афганцев составили акт и подписали его. Я приказал своему замполиту похоронить Амина».

Тогда мы снова завернули его в штору и погрузили на БМП. Наш замполит отряда А. Саттаров с 3 солдатами из роты увезли труп Х. Амина хоронить.

Чернышев Е.В.: «Поступил доклад: «Берёза», я «Берёза-1». «Берёза», я «Берёза-1». «Первый» ликвидирован, «Первый» ликвидирован. Продолжаем выполнять дальнейшую задачу. Этот доклад был историческим, ибо под объектом «Первый» значился президент Афганистана Хафи-

¹ Дроздов Ю. Как штурмовали дворец Амина, — В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.

зулла Амин. Была выполнена самая главная задача, о чём тут же было доложено в Москву»¹.

Саттаров А.С.: «Мне приказали похоронить Амина и установить камень как ориентир, чтобы можно было потом найти тело. Солдаты из 3 роты загрузили труп в левое десантное отделение, и мы двинулись к расположению отряда. Там, недалеко от расположения, мы вырыли яму и похоронили Амина. Закидали всё это камнями и сверху установили большой камень как ориентир. Солдаты, естественно заинтересовались: «Кто это?». Я им ответил, что это какой-то местный «шишка».

Когда мы вернулись к дворцу, у меня спросили, не забыл ли я поставить ориентир? Я ответил — не забыл. Впоследствии никто не уточнял у меня, где и что это за ориентир. наших погибших и раненых отправили в расположение отряда, а погибших афганцев стали вытаскивать из дворца и хоронить недалеко от него. Приносили из кабинетов, из коридоров и даже из лифтов».

Намозов Н.: «Амина принесли со 2 этажа, завёрнутого в кусок материи. Внизу перед входом её развернули и стали рассматривать Амина. Мне приказали выделить в распоряжение Саттарова одну БМП. Я выделил БМП № 040 (механик-водитель рядовой Гуриев). Амина загрузили в БМП и увезли. Через некоторое время они вернулись и доложили, что Амин похоронен».

Так как кэгебэшники свою конкретную задачу по ликвидации Х. Амина уже выполнили, а перестрелки ещё продолжались на 3 этаже, то я с рядовыми Астановым Уралом, Эшонкуловым Рифкатом и сержантом Э. Джумаевым поднялся на 3 этаж.

Во дворце было 3 лестницы: центральная, по которой мы все пробились с боем, и две по краям дворца. Между 2 и 3 этажами правой лестнице разгорелся пожар, поэтому по ней нельзя было ни подняться наверх, ни спуститься вниз, — мы стали подниматься на 3 этаж по центральной лестнице. На 3 этаже мы встретили 2 человек из группы Р. Турсункулова. Затем все вместе двинулись в сторону левой лестницы, по ходу «защита» комнаты, расположенные справа и слева от длинного коридора, который соединял все 3 лестницы. Так мы оказались на площадке левой лестницы, с которой на чердак вела железная лестница. Люк на крышу был открыт, поэтому мы сразу поняли, что на ней укрылись национальные гвардейцы. Поднявшись по лестнице к люку, я фонариком осветил крышу, а Астанов Урал в это время криком снизу призывал афганцев сложить ору-

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

жие и сдаться, потому что сопротивление бесполезно, Х. Амин убит, а все остальные уже сдались. Затем я и У. Астанов поднялись на крышу, продолжая призывать афганцев к сдаче. Гвардейцы стали выходить из-за дымовых труб с поднятыми руками и идти к нам. Пока они спускались вниз, мы быстро проверили крышу и собрали их оружие. Всего мы взяли в плен 11 человек, среди которых 3 человека были ранены, мы им оказали первую медицинскую помощь. Я только потом осознал, что кто-нибудь из них мог спокойно расстрелять нас.

В ходе боя были убиты 2 сына и внук Х. Амина, а дочь ранена в ноги. Майор Х. Холбаев приказал мне похоронить всех убитых афганцев в саду позади дворца. Я передал этот приказ капитану Н. Намозову.

Намозов Н.: «В холле уже лежали несколько погибших афганцев. Среди них были и дети. Говорили, что это члены семьи Амина и его приближённые. Точно я не знаю, кто это был. Всего их было человек 25. Мне приказали похоронить афганцев. Я взял нескольких солдат из моей группы для контроля за пленными, которые выкопали одну братскую могилу, перенесли туда все тела погибших и закопали. Сыновей Амина я похоронил отдельно. Выживших членов семьи Амина утром куда-то увезли».

Оставшиеся в живых члены его семьи были посажены в тюрьму «Пули-Чархи», сменив там семью Н.М. Тараки.

Настоящий шок испытал В.С. Шарипов, когда, лежал в госпитале: «По советскому телевидению увидел... суд над Амином. Что за фокусы? Убили же его, мертвее не бывает! Разгадка оказалась проста и оригинальна: ещё при жизни Амина уговорили сняться в документальном фильме о самом себе, в котором была сцена суда над ним. Но для большинства людей, видевших эти кадры, для иностранцев это кино выглядело вполне реальным репортажем из зала суда — кто там разберёт, что это за суд? Главное — реальный, живой Президент».

БОРЬБА ЗА СПАСЕНИЕ РАНЕННЫХ

Практически все получили ранения. Например, из 10 пулемётчиков, подгруппы В.С. Шарипова 6 были тяжело ранены, а все остальные получили легкие ранения.

Сразу же после завершения активной фазы боевых действий в левом крыле первого этажа на базе медпункта дворца был организован пункт оказания первой медицинской помощи как раненым советским солдатам и офицерам, так и защитникам дворца. Ранеными занимались полковник медицинской службы А.В. Алексеев, прибывший во дворец ещё днём, и аф-

ганский военврач подполковник Велоят Хабиби, одна из медсестёр и одна женщина-афганка. Кто она такая, я не знаю.

Пострадавшим афганским руководителям и членам их семей также была оказана первая медицинская помощь, в том числе и дочери Х. Амина. Уцелевших пленных афганцев мы собирали в правом крыле дворца.

На двух БМП из резерва и БТРах из группы лейтенанта М. Ахмедова мы начали эвакуировать раненых в медпункт батальона. Раненым собрали одеяла, так как было холодно, а некоторых мы положили прямо на броню.

Голубев А.Т.: «Когда взяли дворец, там было взято в плен большое количество афганцев. Наши давали им какие-то одеяла, укрывали их, потому что было холодно... Мы не рассчитывали, что раненые будут на подходе, а их было много, в том числе и из моей группы».¹

Ахмедов М.: «После захвата дворца, где-то в 20.30, я со своим взводом поехал к дворцу, оказывали помощь раненым и доставляли их в медпункт батальона».

На батальонном медицинском пункте ранеными занимались врач отряда А. Артыков и фельдшер отряда К. Асроров. Тяжелораненых, после оказания первой медицинской помощи сразу же отправляли в поликлинику посольства. Сформировали колонну из 2 кунгов и санитарного автомобиля УАЗ-452 и выдвинулись в город. По дороге в посольство они были обстреляны десанниками 103 гв. ВДД.

Ибрагимов Э.Н.: «После окончания штурма дворца стали привозить раненых в расположение отряда, где был развёрнут и подготовлен медпункт. Привезли командира 3 роты Шарипова, раненного во внутреннюю часть бедра и в область паха, офицера из группы «Гром» Баева, раненного в шею, и многих других, участвовавших в штурме дворца. Работы у врача отряда капитана Артыкова становилось всё больше и больше и, нужно отдать ему должное, он с честью справился с этой работой. Многие должны быть благодарны ему за спасённые жизни. Через короткое время медпункт был уже переполнен, размещать раненых стало негде.

Мне была поставлена задача сформировать колонну и обеспечить перевозку раненых в советское посольство, которое находилось в городе, в 5 километрах от дворца. Быстро сформировали колонну из машин, оборудованных кунгами. Так как было очень холодно, чтобы никого не заморозить, покидали в них матрацы и одеяла. Разместили раненых в машинах и вместе с группой сопровождения начали движение. На головной машине

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

прикрепили белый флаг с красным крестом. Проехав мимо дворца и отъехав от него в сторону города на 250-300 метров, мы были обстреляны десанниками из 103-й Витебской дивизии. Чудом никого не задело. Выскочив из кабины машины, я стал громко кричать матом, чтобы они прекратили стрельбу и убеждать их, что мы свои и перевозим раненых. Стрельба прекратилась. Впереди нас дорога была перекрыта боевыми машинами десанта и вооружёнными десанниками, одетыми в комбинезоны и бушлаты.

Они удивлённо смотрели на нас, пытаясь понять, кто мы такие — на советских машинах, но с афганскими номерами, одетые в афганскую форму, но говорящие на русском языке с отборным матом. Похоже, всё это привело их в замешательство. Видимо, десантники не были проинформированы о нашем существовании и наших задачах. Не поверив моим объяснениям, десантники заглянули в один из кунгов. Увидев раненых и услышав очередную порцию нецензурной брани в свой адрес, они, похоже, окончательно убедились, что мы свои. Только после этого они пропустили колонну. Остаток пути мне пришлось ехать на подножке машины и периодически кричать в темноту, что мы свои и чтобы по нам не стреляли. Другого способа организовать связь и взаимодействие с десанниками у меня в тот момент не было.

Нам пришлось ещё несколько раз останавливаться и с помощью мата объяснять десанникам, чтобы они не задерживали машину с ранеными. Подъехав к зданию советского посольства, мы стали выгружать раненых. Кого на носилках, а кого на руках. В посольстве уже всё было подготовлено к приёму раненых. Нас ждали и заранее мобилизовали сотрудников посольства для оказания медицинской помощи. Разместив пострадавших, мы той же дорогой вернулись в расположение отряда».

Голубев А.Т.: «Скомплектовали 3 машины, посадили раненых, и я повёз. В это время входила Витебская дивизия, стали палить, не зная, что за колонна... А мы-то — в афганской форме! Пришлось всё объяснить на самом крепком русском языке. Вскоре мы разместили раненых в посольстве».¹

Хотел бы отметить профессионализм и гуманность наших врачей. Именно благодаря этому у нас в отряде не умер никто из тех, кто не был сразу убит в бою. Все раненые выжили. И это при том, что медпункт не был оснащён для военного времени. В распоряжении медиков было всего по 3 литра физраствора и консервированной крови. Я уже не говорю о необходимой в таких случаях медицинской аппаратуре. Кроме раненых бойцов

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М.: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

нашего отряда и сотрудников КГБ, на медпункт привезли и тяжелораненых афганцев. Оказав помощь нашим тяжелораненым и, оценив состояние остальных, А. Артыков сначала оказал помощь тяжелораненым афганцам, которые в этом срочно нуждались, а затем уже занялся нашими бойцами, которые могли ещё потерпеть. Ведь советский офицер и солдат, воспитанный на высоких нравственных традициях боевого прошлого предков, всегда, как только есть у него такая возможность, проявит к поверженному противнику сострадание и милосердие.

Легкораненые и бойцы, получившие ранения средней тяжести, от эвакуации в посольство отказались. Наши врачи и санитары практически 3 дня не смыкали глаз, пока не стало ясно, что все раненые выживут.

Раненые афганские солдаты и офицеры после оказания им первой врачебной помощи были эвакуированы в свой военный госпиталь.

АТАКА ДРУГИХ ОБЪЕКТОВ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ДВОРЦА

Атака первого мотопехотного и танкового батальонов

На блокирование первого мотопехотного и танкового батальонов были выделены 2 взвода первой роты (всего 9 БТРов) под руководством командира роты капитана И.С. Кудратова. Их поддерживали «Шилка», АГСы роты оружия под командованием лейтенанта У. Абдувалиева и взвод ПТУР «Фагот».

Кудратов И.С.: «Бой начался со своеобразной артподготовки: сначала обстреляли из «Шилки» и АГСов, потом из всех видов оружия. Моя рота блокировала казармы первого мотопехотного и танкового батальонов бригады национальной гвардии, в которых находилось до 700 солдат. В плен взяли около 200-250 человек из тех, что не успели убежать. Команда на захват поступила от начальника штаба батальона капитана Ашурова».

По расположению танкового батальона, чтобы не допустить личный состав к танкам, первыми огонь открыли «Шилка» и АГСы «Пламя». Когда афганские солдаты и офицеры попытались выйти из казарм, они были обстреляны из автоматов и гранатомётов. Наши бойцы без необходимости огонь на поражение не вели, старались стрелять перед солдатами. Тем не менее, среди афганцев были раненые и убитые.

Абдуллаев А.С.: «Были танки, но мы их захватили почти без боя: затворов не было ни в орудиях, ни в пулемётах. Это постарались наши военные советники. Аккумуляторы были, но они, кажется, были отсоедине-

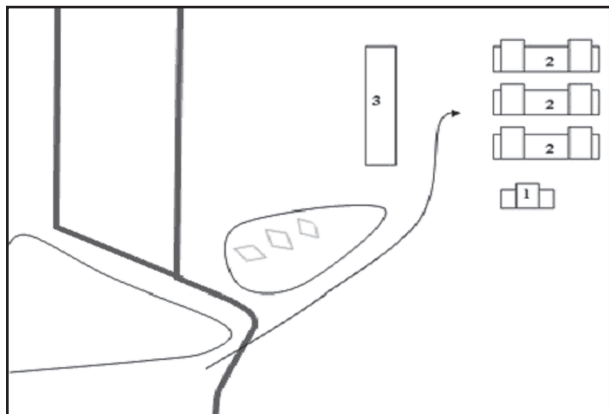

Схема атаки первого мотопехотного и танкового батальонов

тенанту. Со второй попытки он попал в танк. Больше проблем с ними до утра не было».¹

ны. Бой начался огнём из всех видов оружия, но в дальнейшем афганцы сколько-нибудь серьёзного сопротивления не оказали, т. к. были деморализованы».

Швец О.У.: «Несколько афганцев успели добежать до одного из танков. Я приказал командиру взвода ПТУРов поразить его. Первый пуск прошёл мимо. Я сделал замечание лей-

Атака второго мотопехотного батальона

Востротин В.А.: «Мне поставил задачу Дроздов. Задача была: выйти на плац второго батальона и огнём орудий БМД и стрелкового оружия подавить сопротивление и не допустить его выдвижения. Мы встали в колонну. Перед нами стояли БТРы «мусульманского батальона». Когда они тронулись, тронулись и мы.

Выдвинувшись на плац второго батальона, мы развернулись в цепь и открыли огонь из всех стволов по казармам. По нам открыли огонь с тыла. Мы оставили в тылу штаб батальона. Из него и вели огонь по нам. У нас появились потери. Выстрелом в голову был убит рядовой Калмагамбетов. Погиб рядовой Савоськин. Пуля попала в гранатомёт, и граната взорвалась. Был ранен рядовой Борышников. Я приказал своему заместителю подавить огонь из штаба батальона. Первый взвод развернулся в сторону штаба и открыл огонь по нему. Через некоторое время огонь из штаба стих, и находившиеся там афганцы во главе с командиром батальона сдались нам в плен. Командир афганского батальона предложил сходить к его личному составу и договориться о прекращении огня и сдаче батальона. Я согласил-

¹ Колесник В. «Штурм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

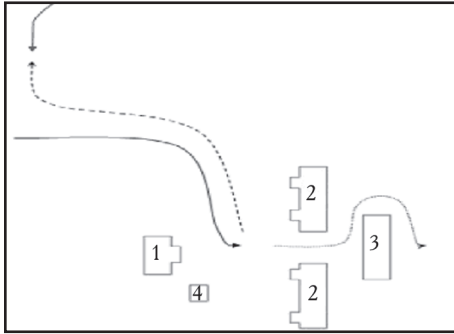

Схема атаки второго мотопехотного батальона

на встречу вышли десантники — 3 БМД и взвод из артдивизиона (3 пушки Д-30) из 350 полка 103 дивизии. Я выехал им навстречу и представился. Ими командовал старший лейтенант Солдатенко, с которым мы вместе учились в Рязанском училище. Он начал проверять, действительно я тот, за кого я себя выдаю — стал задавать вопросы: «Кто был командиром роты в училище и т.д.». Когда признал меня — подъехал ко мне.

Мы с ним немного поговорили. Ни он, ни я свои задачи не раскрывали. Поговорив со мной, он развернул свою группу, и они отъехали назад. Через некоторое время на связь вышел Холбаев и предупредил, что на нас идут танки».

Хафизулла Амина отчаянно защищала верная ему национальная гвардия. Никто из других частей столичного гарнизона не пришёл к нему на помощь, если не считать попытки прорваться к дворцу Тадж-Бек танкового батальона.

Мир Абдулла Анад: «Когда началась стрельба, то большинство подразделений не предприняло активных действий. Только танковый батальон двинулся в сторону президентского дворца».

Востротин В.А.: «Мы выставили вперёд ПТУРы и стали ждать. Через некоторое время показалось 3 колонны танков. По количеству танков мы определили, что на нас движется танковый батальон. Когда они приблизились, мы расстреляли несколько танков из ПТУРов. Один танк Т-55 и одна БРДМ попытались уйти в сторону Генштаба, но мы их догнали и остановили. Там находился командир батальона. Тем временем экипажи остальных танков тоже сдались. Их всех мы посадили к остальным пленным в котлован. Когда обстановка немного успокоилась, я съездил к Тадж-Беку и доложил о выполнении задачи. Дроздов поблагодарил меня и

ся. Доложил Холбаеву. Тот на меня — матом. Пообещал отдать меня под трибунал. Я приказал своему заместителю вернуть командира батальона. Он успел догнать его и вернул назад.

К утру сопротивление стихло. Тех, кто не разбежался, мы взяли в плен и согнали в котлован рядом со штабом батальона. Один взвод переместился к дороге со стороны Дар-уль-Амана.

Через некоторое время им на

сказал, что будет представлять меня на Героя Советского Союза. После доклада я вернулся в роту. Через некоторое время пришли грузовые машины, в которые мы загрузили наших погибших и раненых. Я поехал вместе с ними. Нескольким человекам поручил сопровождать пленных в расположение «мусбата»».

Атака третьего мотопехотного батальона и строительного полка

Вслед за группами, шедшими на штурм дворца Амина, выдвинулась и боевые группы для блокирования 3 мотопехотного батальона, танков из 4 танковой бригады и строительного полка афганцев. Боевые группы представляли собой штатную 2 роту отряда. Командование на этом участке осуществлял командир 2 роты старший лейтенант К. Амангельдыев.

Ахмедов М.: «После того как «Шилки» открыли огонь по дворцу, мы в составе роты на бронетранспортерах двинулись для выполнения поставленной задачи, но через 200 метров одна из машин первого взвода встала. И я, возглавлявший 2 взвод, свернул в сторону строительного полка, т.е. мой взвод стал выполнять другую задачу.

Мы столкнулись с подошедшим афганским подкреплением, они стре-

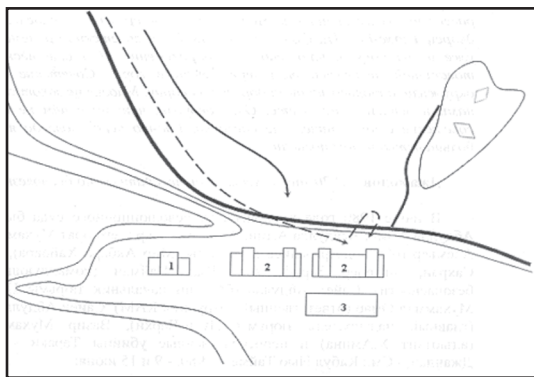

Схема атаки третьего мотопехотного батальона

Мы столкнулись с подошедшим афганским подкреплением, они стреляли в нашу сторону. Тогда я дал команду стрелять по ним, в результате чего мы подожгли автомашину ГАЗ-66. Они ранили двоих моих солдат: один из них, младший сержант Абдулаев Р.Х., получил пулевое ранение в живот, а второй рядовой Абдулаев С.К., получил осколочное ранение в спину».

Косымов С.С.: «27 декабря после проведенных мероприятий, где-то после 18

вые 20-25 минут начавшегося боя многие солдаты и некоторые офицеры были в растерянности. Было очень страшно, когда вокруг тебя рвутся гранаты, снаряды, горит техника, свистят шальные пули.

В эти минуты многие офицеры, солдаты преодолевали психологический барьер. После преодоления его мы действовали храбро, смело, решительно, невзирая ни на какие опасности, хотя уже рядом с нами были раненые товарищи.

Когда шли боевые действия, мы встретились с группой Сахатова, его главной задачей была, по всей видимости, захват танков противника и совершение марша в пункт постоянной дислокации. Во время этого боя Сахатов обратился ко мне, чтобы я ему помог в формировании колонны танков. Он знал, что я раньше служил в танковых войсках механиком-водителем. Я помог завести 3 танка. После построения колонны его группа успешно совершила марш к месту назначения. Всего танков было 7 или 8.

Я как замполит роты остался со своей ротой дальше выполнять боевую задачу. Мы брали группами в плен афганских солдат и офицеров, проводили с ними короткие беседы и под конвоем сопровождали их в расположение батальона, где с ними проводилась соответствующая работа сотрудниками органов КГБ и т. д.».

Абдул Рашид Седигзай: «Некоторые из наших солдат и офицеров отстреливались, но большинство просто затаилось. Мы думали, что это недоразумение. Может быть, нас приняли за мятежную часть, и с рассветом всё выяснится. Через некоторое время мы увидели, что горит дворец Тадж-Бек. На фоне огня видны были советские бронемшины. Тут уже и мы поняли, что это не недоразумение. Я и ещё несколько моих товарищей, пользуясь темнотой, ушли в горы. Советские же нас не окружили, а только закрыли дорогу к дворцу. Многие не захотели уходить с нами и остались на месте. Они говорили, что ни в чём не виноваты, и советские с ними ничего не сделают».¹

Джамолов А.: «Я 20 минут уговаривал их сдаться, но бесполезно».

Ахмедов М.: «Потом командир роты старший лейтенант Амангельдыев мне и командиру 3 взвода старшему лейтенанту Маматкулову поставил боевую задачу по уничтожению штаба батальона. Мы, используя складки местности, приблизились к блокпостам и штурмом захватили штаб батальона.

В штабе батальона афганцев было около 30 человек, но они не оказывали сопротивления. Больших потерь у нас не было. Мне помнится, когда

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

приблизились к блокпостам, я и старший лейтенант Маматкулов бросили в сторону блокпоста гранаты РГ-42. Одна из них взорвалась, а вторая — нет.

Где-то через 30 минут после захвата штаба батальона мы наблюдали, что со стороны гор к нам идут афганцы с белыми флагами. Мы дали команду, чтобы они сложили оружие и сдались в плен. Более 200 человек без всякого сопротивления сложили оружие и по нашей команде выстроились в двадцати шагах от сложенного оружия. Видимо тут хорошо поработали наши советники, или то, что после начала стрельбы по дворцу советники увели их в горы».

Атака зенитно-артиллерийских подразделений

На этот участок были выделены две группы: первая группа третьей роты под командованием лейтенанта Р. Назарова и 3 группа роты оружия АГС-17 под командованием лейтенанта Р. Абзалимова. Общее руководство на этом направлении атаки осуществлял подполковник О. Швец.

Назаров Р.Ч.: «По сигналу моя группа выдвинулась на БМПэшках к зенитному дивизиону. Когда мы подъехали к нему, то увидели, что часть солдат выбежала из расположения и прорвалась к орудиям. Из 9 орудий 3 были подготовлены к переезду и поэтому не могли стрелять. У остальных 6 орудий суетились люди. Несколько орудий уже начали опускать стволы для стрельбы. Одно уже готово была открыть огонь.

На подъезде к расположению дивизиона одна из наших машин провалилась в ров. Оставшиеся 3 машины открыли огонь из всех стволов по тем, кто прорвался к орудиям. Я на своей машине прорвался к тому орудью, которое уже было готово к стрельбе, и огнём из пулемётов уничтожил расчёт. Часть людей была убита, остальные были рассеяны. Кто-то отбежал к казарме, кто-то убежал в другую сторону — в горы.

Мы развернулись так, чтобы никто не смог подойти к орудиям и чтобы никто со стороны дивизиона не смог выдвинуться в сторону отряда. Особых попыток прорваться не было. Когда начало рассветать, мы вытаскивали нашу БМП из рва и утром уже были в полном составе. Потерь в группе не было».

Абзалимов Р.Х.: «По сигналу с командного пункта моя группа подошла к расположению дивизиона и заняла позиции. Когда солдаты и офицеры дивизиона попытались выйти из казарм, они были обстреляны из автоматов и АГСов. Специально на поражение огонь не вёлся — старались стрелять перед солдатами. Тем не менее, раненые у зенитчиков были.

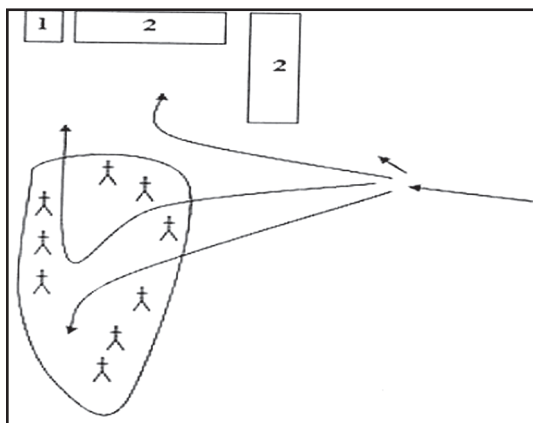

Схема атаки зенитно-артиллерийских подразделений

Утром из управления отряда поступила команда разоружить дивизион, а солдат и офицеров доставить в расположение. Несколько человек спустились к дивизиону и потребовали, чтобы к ним вышел командир. Командиру объяснили требования и последствия, которые грозят в случае неповиновения. Очевидно, такие аргументы командира убедили, и весь состав дивизиона организованно сдался в плен. Все военнопленные были достав-

лены в расположение отряда».

Колесник В.В.: «Основная часть афганских солдат и офицеров сдалась в плен. Так, например, практически без боя сдался зенитный полк (дивизион — А.Р.). Танковый батальон также не оказал особого сопротивления. Всего было пленено около 1700 человек».¹

Абдуллаев А.С. : «От Колесника поступил приказ: найти определенных лиц из состава пленных, взятых во дворце. Пленных разделили: рядовых — отдельно, офицеров — отдельно. Нашли начальника штаба, начальника связи, начальника особого отдела бригады, т.е. тех, кто был причастен к убийству Тараки. Но Джандата среди них не было».

ПОСЛЕ ШТУРМА: В НОЧЬ С 27 НА 28 ДЕКАБРЯ

После штурма дворца я собрал солдат и сержантов роты из числа штурмовавших дворец. Тяжелораненых мы уже отправили в медпункт отряда, а остальным оказали медицинскую помощь на месте. Первым делом я поблагодарил личный состав за выполнение задания советского руководства, затем перераспределил его по экипажам и десантам БМП. Из 7 БМП, штурмовавших дворец, фактически полностью боееспособными осталось только 2 БМП: 2 сгорели, 2 не могли самостоятельно двигаться, а у одной было повреждено орудие.

Поскольку отдельные перестрелки ещё продолжались, комбат прика-

¹ Колесник В. «Штурм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

зал мне организовать круговую оборону. Четыре БМП, которые ещё могли вести огонь, я расставил по периметру дворца, 2 из них пришлось буксировать к указанной огневой позиции. Также пришлось перераспределить оставшейся боекомплект, затем я установил порядок отдыха и дежурства у орудий БМП. Ночь прошла относительно спокойно.

Б. Хамза: «После штурма, когда всё более-менее успокоилось, нас всех солдат расставили по периметру дворца на случай, если на нас нападут. Некоторые из кэгэбэшников ходили по дворцу и что-то искали. Они открывали сейфы, собирали какие-то бумаги. Затем кэгэбэшники, кто не был ранен, собрались в баре. Некоторые наши офицеры тоже».

В течение ночи солдаты отряда несли охрану дворца, так как опасались, что на его штурм пойдут дислоцировавшиеся в Кабуле полки и танковые бригады. Отдельные перестрелки продолжались до утра. В. Колесник заверил, что необходимо продержаться только до утра, а к рассвету к нам на помощь должны подойти десантники-витебчане.

Но с рассветом в сторону дворца, вместо ожидаемой помощи, полетели артснаряды, а со стороны штаба бригады охраны был открыт интенсивный огонь из стрелкового оружия, в частности, из пулемётов ДШК.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОЕВ: С УТРА 28 ДЕКАБРЯ

Чернышев Е.В.: «На «Радио Афганистана» включили магнитофонную запись с выступлением Бабрака Кармая. В афганской армии известие о том, что новым президентом стал Бабрак Кармаль, вызвало резко отрицательную реакцию. От советников стали поступать тревожные сообщения о намерениях некоторых командиров выступить против нового президента. Командир 8 пехотной дивизии, услышав по радио Бабрака, решил выступить против советских войск. Угроза была реальной и слишком опасной. Такое выступление дивизии могли поддержать и другие колеблющиеся части, а выход её на улицы Кабула означал большие жертвы, кровопролитие и непредсказуемый результат. Во второй половине дня из провинций стали поступать сведения об отрицательной реакции на обращение нового президента».¹

ЗАХВАТ РЕСТОРАНА-КАЗИНО «ЗАЛЬМО»

Косымов С.С.: «Утром 28 декабря командиру группы Нуриддинову

¹ Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

была поставлена задача — захват ресторана. Личный состав с этой задачей справился за короткое время и успешно. При захвате особого сопротивления не было, охрана ресторана до прихода группы уже частично покинула помещение, а обслуживающий персонал покорно выполнял наши приказы».

Холбаев Х. Т.: «Группа Нуритдинова привела 17 пленных. У афганцев было несколько раненых. У нас убитых и раненых не было».

Нуритдинов М. С.: «28 декабря мы атаковали ресторан-казино, естественно, после того как зенитки по нему выпустили несколько очередей. Сопротивления не было, поэтому мы быстро справились с этой задачей, 17 человек сдались в плен, а в ходе нашей стрельбы у них погибли 3 человека».

ЗАХВАТ КАЗАРМЫ РОТЫ ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ Х. АМИНА

Казарму роты личной охраны с началом атаки обстрелял взвод из 9 роты. Но поскольку все офицеры ещё днём убили на усиление охраны дворца, оставшийся внутренний наряд из солдат сопротивления не оказал.

Саттаров А. С.: «Когда совсем рассвело, мы заметили движение в глинобитных строениях метрах в 500-700 от нас. Там располагалась казарма роты личной охраны. Мне комбат приказал взять 10 человек и проверить эти строения. Мы спустились к ним и обыскали.

Там мы нашли только двух солдат, которые при нашем появлении сразу стали поднимать руки. Один из наших солдат выстрелил в них и ранил одного в руку. Я накричал на солдата, так как афганцы и без этого сдавались. Мы перевязали раненого и повели пленных к дворцу.

Когда двигались к дворцу, обнаружили во рву ещё с десятков солдат, которые просидели там всю ночь. Мы забрали у них автоматы, магазины, сложили в вещмешок и вместе с другими отвели к дворцу. Там мне приказали допросить пленных. Допрос я начал сразу на площадке перед дворцом.

Во время допроса со стороны зданий штаба бригад раздались выстрелы. Стреляли с чердака. Первой же очередью меня ранило в левую сторону живота. Первую помощь мне оказала медсестра-афганка. Потом меня погрузили в БМП и отвезли в батальонный медицинский пункт. Как выяснилось, ранение было касательное, и жизненно важные органы задеты не были. На следующий день, 29 декабря меня перевезли в Кабул и погрузили на самолёт ИЛ-18. Этим рейсом раненых отправили в Ташкент. Вместе с

нами были и наши погибшие. В Ташкенте нас сразу отправили в центральный госпиталь ТуркВО».

Вульф Валерий: «Наш полк 27 декабря занял позиции на аэродроме Кабула. Утром 28 я увидел, как к стоявшему недалеко от нас АН-12 подъехал УАЗик защитного цвета. Мне стало интересно, что они там привезли. Думал, что может быть удастся разжиться едой, так как нас несколько дней толком не кормили. Когда я подошёл к самолёту, люди, приехавшие на санитарке, открыли задние двери. В машине лежали тела людей в афганской форме. Большинство из них были азиатами, но были и славяне. Некоторые были далеко не солдатского возраста. Все тела были завернуты в одеяла. Меня попросили помочь занести тела в самолёт. Я помог им и затем ушёл к своим».

ЗАХВАТ ШТАБА БРИГАДЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Захват штаб бригады национальной гвардии не был спланирован из-за недостатка сил и средств и, как не представляющий реальной боевой угрозы.

28 декабря около 8.00 часов утра из расположения штаба бригады национальной гвардии в сторону дворца Тадж-Бек и первой роты отряда раздались выстрелы из автоматов и пулемётов. К расположению штаба бригады выдвинулась 2 и 3 группы первой роты во главе с командирами групп Абдуллаевым Алымом, Туркмановым Мавляном и замполитом роты Хусаиновым Муратом. Приближающиеся БТРы были встречены выстрелами из гранатомётов. Появились раненые. Среди раненых был и замполит роты Хусаинов Мурат, которому 3 осколка от гранаты попали в спину.

Абдуллаев А.С.: «Задача на выдвижение групп была поставлена начальником штаба батальона. Она заключалась в захвате штаба бригады и аресте командования бригады во главе с майором Джандадом».

Турсункулов Р.Т.: «Около 1000 метров севернее от дворца находился афганский штаб бригады охраны. Из этого штаба по нам открыли пулемётный огонь. У меня состояние тогда было возбуждённое, я себя чувствовал победителем, кровь ещё бурлила, боевой азарт не прошёл. Так я прямо на глазах у всех встал в полный рост и сделал 3 выстрела из снайперки (больше в винтовке не было патронов), которую взял во дворце, по штабу бригады охраны.

Целил в то место, откуда шла стрельба. Расстояние было приличное,

но оптика у «аминовской» винтовки была немецкая, превосходная. Не знаю, попал ли я или кто-то другой там, в здании разобрался с пулемётчиком, но стрельба прекратилась. Эту винтовку вскоре у меня забрали, попросили в качестве трофея для одного из руководителей КГБ. Конечно, я отдал, даже без сожаления. Что мне эта снайперка, когда сам живой остался — вот что было настоящей радостью!».¹

Но неожиданно для нас, по дворцу и местам расположения батальонов национальной гвардии, где уже находились наши подразделения, открыли артиллерийский огонь десантники-витебчане.

Чернышев Е.В.: «В районе дворца Амина неожиданно восстали гвардейцы. Шаг с их стороны был абсурдным. Но они, видимо, хотели как-то реабилитировать себя за потерю дворца. Наши артиллеристы-десантники открыли по ним огонь. Периодически звуки артиллерийских выстрелов раздавались над городом. В соседней комнате у радиостанции полковник из штаба ВДВ принимал доклады от командиров, действующих в районе дворца.

Из динамика раздавалось: «Берёза», «Я — «Берёза 4», «Берёза», «Я — «Берёза 4». Дайте команду артиллеристам прекратить стрельбу, они же бьют по своим. Попытки полковника остановить стрельбу артиллеристов успеха не имели. Трудно было связаться с артиллеристами.

Примерно через час начальник штаба холбаевского батальона — капитан Ашуров — взмолился: «Берёза», да прекратите же стрельбу артиллеристов, уже разбили наш БТР. Однако ещё около часа артиллерийские выстрелы периодически раздавались над городом. Где-то около 2 часов дня всё стихло. Часть мятежников разбежалась. Остальные были разоружены. В батальоне Холбаева несколько человек было ранено и 3 БТРа подбиты».²

Холбаев Х.Т.: «Утром 28 декабря 2 и 3 группы первой роты при захвате штаба бригады были остановлены интенсивным огнём не только афганцев, но десантников-витебчан. Было много раненых. Когда над казармой бригады охраны поднялся белый флаг, я приказал Эгамбердыеву Баходыру и Абдуллаеву Рашиду взять 2 БМП и привезти сдавшихся в плен афганцев, в том числе и Джандада. Однако когда они подъехали к штабу бригады охраны, по ним открыли огонь из крупнокалиберного пулемёта и автоматов. Были потери».

После непродолжительного боя офицеры и солдаты, оставшиеся в

¹ Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом «Ленина». — М.: «Братишка», 1999, № 9.

² Чернышев Е.В. Дневник. Афганистан, декабрь 1979 — январь 1980 гг. — Copyright_chernyshev_ev30@mail.ru

штабе бригады охраны, сдались в плен (всего 54 человека). Среди пленных оказался и командир национальной гвардии майор Сабри Джандад.

БОЕВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ 350-ГО гв. ПДП 103-Й гв. ВДД

При штурме дворца в отряде погибли 2 человека: младший сержант Щербеков Миркасым Абдрашимович из 3 роты и прикомандированный в 3 роту связист рядовой Сулейманов Шокиржон Султанович. К большому сожалению, на следующий день погибли ещё 5 человек!

Шарипов В.С.: «Однако не обошлось, увы, без стрельбы по своим... В уже захваченном спецназом Тадж-Беке и около здания штаба бригады, только что вошедшие в Кабул и ничего не знавшие об операции «Шторм» витебские десантники вступили в бой с... «мусбатом». Подвела афганская форма последних. В одном месте они из БМД влупили по нашему БТРу. Пока разобрались, кто свои, а кто чужие, потери с обеих сторон.

Ещё раньше, когда нас, раненых во время штурма дворца Тадж-Бек повезли в посольство, тоже обстреляли витебчане. Они решили, что мы афганцы, и давай нас в плен брать. Мы их спрашиваем: «Вы куда направляетесь?», а они в ответ: «Едем дворец Амина брать!». Оказывается, ни о «мусбате», ни о «Громе» они ничего не знали!».¹

После того, как оставшиеся в штабе бригады охраны афганцы были взяты в плен и разоружены, мы подверглись нападению со стороны 8 гв. пдр 3 гв. пдб 350 гв. пдп 103 гв. ВДД.

Командир роты — гв. старший лейтенант Панасюк Александр.

Заместитель командира роты — гв. лейтенант Турченко Геннадий Петрович.

Заместитель командира роты по политической части — гв. лейтенант Попов Владимир.

Старшина роты — гв. прапорщик Лобков.

Командиры взводов:

— гв. лейтенант Ходосок Михаил;

— гв. лейтенант Камаев Валерий;

— гв. лейтенант Мармазов;

Турченко Г.П.: «Наша рота вместе с 7 ротой, которой командовал старший лейтенант А.Л. Козюков, принимала участие в захвате Генштаба,

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

который располагался возле дворца Дарь-уль-Аман. К дворцу мы прибыли, когда он был уже захвачен, так как операция началась раньше времени. Огонь по дворцу мы не открывали».

Швец О.У.: «Когда Сахатов перегонял танки в расположение, десантники начали стрелять по ним. В головной танк выстрелили из гранатомёта РПГ-7. Борт танка пробило насквозь. К счастью, потерь не было. Наш экипаж успел выпрыгнуть из танка». ¹

Ставиский С.: «Утром я заметил недалеко от нас 4 танка. На всякий случай я начал наводить на них пушку. Видимо заметив движение, один из танков стал наводить свою пушку на меня. Так мы и стояли, наведя пушки друг на друга. Через некоторое время в стороне от нас началась стрельба. Кто и где начал стрелять, я не заметил, так как всё моё внимание было занято танками».

Турченко Г.П.: «Утром 28 декабря недалеко от нас раздалась стрельба. К офицерам нашей роты подошёл комдив Рябенко и спросил: «Что происходит?». Ему ответили, что стреляют в районе бригады охраны дворца. Тогда он сказал им: «А вы чего ждёте? Вперёд! В атаку!». Мы сели в машины и двинулись в том направлении, откуда раздавались выстрелы».

Ставиский С.: «Через некоторое время подбежал ротный, сел в мою машину и приказал двигаться в сторону казарм (недалеко от которых стояли танки) и разобраться, что же там происходит. Настроение у нас сразу упало. Что такое 4 танка и что наши БМДэшки? Но мы, естественно, двинулись вперёд».

Турченко Г.П.: «Достаточно быстро мы заметили несколько БТРов и солдат в афганской форме возле них. Они по нам не стреляли».

Ставиский С.: «Мы заметили у казармы 2 БМП (БМП №041 и № 042 — А.Р.) и 2 группы людей в афганской форме, но у одних были повязки на руках, и они были в касках. На других не было ни касок, ни повязок. Они вели огонь друг по другу. Было похоже, что те, кто был с повязками, пытаются взять в плен тех, кто был без повязок. Последние бросились в нашу сторону. Из казармы открыли огонь из пулемёта по тем, кто был с повязками».

Турченко Г.П.: «Где-то в стороне раздалась очередь. У кого-то из нашей роты (подчеркнуто А.Р.) не выдержали нервы, и он открыл огонь. Остальные также открыли огонь, хотя точно не знали, что происходит. Несмотря на наш огонь, люди у БМП сначала огонь не открывали».

Абзалимов Р.К.: «Я как раз сопровождал пленных к расположению

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — «Братишка», 2000, № 5-6.

отряда, когда недалеко от нас произошло столкновение с десантниками. После того как у первой роты появились погибшие, один из замкомвзводов роты — здоровый сержант — выстрелил несколько раз из гранатомёта по десантникам».

Турченко Г.П.: «Выстрел из гранатомёта попал в головную машину, но повредил только двигатель поворота пушки и крепление для «Малютки». На месте наводчика-оператора сидел сержант Ставиский Сергей. Он был контужен».

Ставиский С.: «По нам был произведён выстрел из РПГ слева. К счастью, не попали. Я попросил сержанта Целуева «снять» стрелка. Через некоторое время — снова выстрел, только справа. Этот выстрел попал в башню. Нас спасло то, что граната попала в лом, который был прикреплён к башне, и то, что я не успел закрыть люк. Граната повредила двигатель поворота башни и вышибла неплотно прикрытый люк. Меня и ротного посеколо осколками. Я заметил, что гранатомётчик, который выстрелил по нам, снова заряжает гранатомёт. Я хотел снять его из пулемёта, но башню заклинило. Тогда я приказал механику-водителю дать газу и захватить за угол казармы. Ротный пошёл докладывать комбату и упал в обморок. Вдобавок к ранениям его ещё и контузило. Контузило и меня. Я потерял сознание в башне. Нас с ротным увезли в медсанбат. Других потерь у нас не было».

Абдуллаев А.С.: «Мы неожиданно были атакованы парашютистами из 350 полка 103 воздушно-десантной дивизии. Это была ГПЗ в составе роты. Атакой с ходу они открыли огонь на поражение из всех видов оружия. Одна из боевых машин парашютистов обстреляла группу солдат и офицеров нашей роты. Лишь счастливая случайность позволила им остаться в живых. Я подскочил к машине и постучал по броне. Вылез сержант-десантник. Я сказал ему: «Прекратите стрелять. Здесь — свои». Захватить штаб бригады мы так и не смогли».

Кудратов И.С.: «Два взвода моей роты атаковали штаб бригады. Огонь вёлся со всех направлений: из штаба, с правой стороны, с левой стороны, из расположения зенитчиков, и за ними. Прапорщик Косимов находился возле БТРа. Снаряд, выпущенный из БМД 103 ВДД, прямым попаданием разнёс наш БТР. Прапорщик был ранен осколками. лейтенанту Хусаинову было приказано со своей группой блокировать афганских гвардейцев. Он бросил гранату в окно казармы, она попала в раму, отскочила и при взрыве ранила офицера. К тому же мы были атакованы витебскими десантниками, нас обстреляли их БМД.

Нас спасло «мёртвое» пространство и Абдуллаев Алым. Он подо-

брался к машине и прикладом автомата постучал по броне. На стук вылез огромный сержант. После этого стрельба прекратилась. Непосредственно от огня десантников 2 взвод моей роты понёс потери: 17 человек было ранено, 2 человека погибли: Богодиров и Расульметов».

Холбаев Х.Т.: «Через некоторое время по объектам, которые уже были захвачены нами, начался артобстрел. Мы видели, как подошла колонна «витебцев» и стала разворачиваться в боевую линию. Когда они развернулись, завязался бой с нашими подразделениями, которые находились ближе всего к ним — группой Абдуллаева Алыма и двумя БМП из 3 роты. Одна машина из первой роты была подбита из гранатомёта».

При захвате штаба бригады пришлось застрелить несколько афганцев, которые отчаянно вели огонь и не сдавались. Остальных мы разоружили и вывели около 50 человек во двор. Майора С. Джандада взял в плен Б. Эгамбердыев и передал мне, а затем опять вернулся в здание штаба за документами. У С. Джандада я забрал личные документы, пистолет и посадил под охраной в свою БМП, построил пленных, назначил охрану. В это время я увидел, как к штабу подъехала БМД «витебцев». В своей БМП я взял полотенце и, размахивая им, стал подавать сигнал «витебцам», чтобы они не открывали по нам огонь. Когда из люка БМД показалась голова командира машины, я матом добавил пару «ласковых» и попросил его прикрыть наш отход. Он вроде бы всё понял и отъехал в сторону.

Но только мы стали отправлять пленных в расположение отряда, как неожиданно по нам открыли интенсивный огонь из стрелкового оружия и из гранатомётов, причём сразу с нескольких направлений.

Я занял позицию на откосе обочины, возле БМП, и открыл огонь по окнам одноэтажного здания, находившегося справа от штаба. Так как его мы не «прочесали», то я сначала подумал, что огонь открыли национальные гвардейцы. Рядом со мной отстреливался рядовой Хусанов Сабиржон. Его смертельно ранило в голову, и он упал прямо на меня. Сомнений в том, что он погиб, у меня не было. В этот момент я услышал страшный крик, оглянулся и увидел вместо лица сплошное месиво: вместо носа была кровавая дыра, левый глаз вытек, а из локтя правой руки торчали две кости, она болталась на одних сухожилиях, поэтому я сначала не понял — кто же это мог быть. Я стал накладывать на его руку жгут. Курбанов Ходжанепес перебежал ко мне, чтобы оказать помощь и перенести раненого в БМП. Я и Ходжанепес подхватили раненого и уже почти добежали до наших машин, оставалось каких-то 2-3 метра, когда несколько пуль попало в Ходжанепеса. К нам вылез из башни наводчик-оператор Ю. Мурадов, с которым мы затащили обоих раненых в БМП. Тело С. Хусанова затащили в БМП после этого.

Группы отряда оказались в тяжёлом положении. Если десантники 103 ВДД не понимали, с кем они ведут бой, то мы прекрасно видели, что нас атаковали советские войска, которых мы ждали всю ночь на помощь, и поэтому не вели огонь на их поражение.

Востротин В.А.: «Я поднялся в свою комнату за сигаретами, когда услышал стрельбу. Выглянув в окно, увидел наступающих десантников на БМД и отступающих солдат «мусбата». Десантники вели огонь из всех стволов. «Мусбатовцы» вяло отстреливались перед БМДэшками, пытаясь как-то остановить их».

Несмотря на тяжёлое положение и требования солдат открыть ответный огонь, я удержал солдат от ответного огня на поражение. Когда положение стало критическим, мы открыли заградительный огонь перед машинами десантников, стараясь замедлить их наступление и уменьшить интенсивность их огня. Благодаря этому мы с Б. Эгамбердыевым быстро покинули двор штаба бригады и на полной скорости поехали в сторону медпункта отряда.

Насколько тяжело был ранен Х. Курбанов, я не знал. Думал, что удастся его спасти. Но когда добрались до медпункта, капитан А. Артыков сказал мне, что он уже умер. По всей вероятности он умер сразу же, так как одна пуля вошла слева под мышкой, а вышла справа, ниже печени. А тяжелораненым оказался рядовой Низамов Азиз. Б. Эгамбердыев занялся выгрузкой раненых.

Взятого в плен майора С. Джандата вместе с его личными документами, пистолетом, всеми документами и афганскими деньгами, что Б. Эгамбердыев собрал из сейфов штаба бригады охраны в 2 дипломата, я передал военному советнику при командире бригады охраны полковнику Л. Пупшеву, который в это время находился рядом с медпунктом. Для охраны выделил пулемётчика П. Эшонкулова. После этого мы с Б. Эгамбердыевым на своих БМП поднялись к дворцу и доложили В. Колеснику и Х. Холбаеву о выполнении приказа. В. Колесник приказал мне немедленно вернуться в медпункт и привезти С. Джандата и дипломаты с документами и деньгами. Вернувшись в казарму, я обнаружил там только майора С. Джандата и пулемётчика П. Эшонкулова. Полковник Л. Пупшев вместе с дипломатами и всем их содержимом исчез, за что я получил хороший нагоняй от В. - Колесника.

Несколько БМД десантников выстрелили по горе, на которой находились «Шилки», взвод АГС и тыловой пункт управления (ТПУ). Два

БТРа были разбиты. Члены экипажей получили ранения. Во взводе АГС было 3 раненых. Кроме этого, раненые были в группе «Шилок», в 1 и 3 ротах.

Ашуров А.М.: «Где минут через 20 мне удалось установить позывной передовой роты десантников 103 ВДД атаковавшей нас — «Водоём». Их БМД (БМД командира 8 гв. пдр 3 гв. пдб 350 гв. пдп — А.Р.) до этого 2 выстрелами из пушки подорвала наш БТР. Погиб наш повар, сидевший на броне, первый снаряд попал в левое переднее колесо, второй — под самую башню. Её оторвало и далеко отбросило. Ответным огнём один из солдат выстрелом из гранатомёта подбил их машину, но она не взорвалась. Когда меня запросили по радиии, что происходит, я ответил: «Меня атакует «Водоём»».

Кривоपालов О.В.: «Одна из боевых колонн пришла в район Дар-Уль-Аман и сходу вступила в бой с «мусульманским батальоном». К этому времени дворец был уже взят. Советский спецназ и чекисты уже были внутри здания и отбивали атаки афганских подразделений. Из-за неразберихи и отсутствия взаимодействия, советские десантники начали уничтожать из всех видов оружия отчаянно обороняющихся разведчиков из отряда спецназа. С обеих сторон появились убитые и раненые, прежде чем недоразумение было улажено».¹

Только где-то через 35-40 минут боя десантники получили информацию, кто находится перед ними, и наконец-то прекратили вести огонь.

Холбаев Х.Т.: «Мы связались по нашей радиии с Магометовым и доложили, что атакованы советскими войсками. Через некоторое время бой прекратился. С нашей стороны были потери».

Турченко Г.П.: «В последний момент от командира батальона поступила команда по радиии, чтобы мы прекратили огонь, так как перед нами находятся свои. Потом через некоторое время к нам подбежал солдат в афганской форме и с повязками на руках и на хорошем русском языке с характерными выражениями объяснил, что они свои».

Курилов В.Н.: «Операция по взятию дворца Амина, считавшегося неприступным, признана образцовой, она вошла во все учебники спецназа, в том числе и за рубежом. Но не все происходило так гладко, как об этом зачастую писалось. Без накладок, конечно, не обошлось. Так, подразделение прибывших с аэродрома десантников по приказу своего командира обстреляло наших солдат из «мусульманского батальона», одетых для маски-

¹ Кривоपालов О. Спецназ на Афганской войне. — Тюмень: издательство «Вектор», «Военно-исторический альманах», 2004, № 4.

ровки в афганскую форму. Но прибывшие десантники об этом не знали. Были жертвы. Такого рода накладки избежать, увы, не удалось».¹

У нас в этом бою погибло 5 человек: в первой роте — Богодиров Абдумумин Абдунабиевич и Расульметов Курмантай Мурадович, в 3 роте — Хусанов Сабирджон Камилович и Курбанов Ходжанепес, в группе обеспечения — Мамаджанов Абдунаби Гайджанович.

Усманов М.: «В этом бою погиб мой земляк Расульметов Курмантай. Мы с ним сдружились ещё в Чирчике. Его прошло очередь из ПКТ в грудь и в голову».

Арзаматов Б.С.: «Расульметова я узнал только по губам. У него были большие губы. Пуля попала в голову, и лица было не узнать».

Витебчане атаковали не только нас, но другую группу из отряда «Зенит», которая должна была захватить Генштаб.

Ляховский А.А.: «Бой продолжался больше часа. Когда перестрелка уже стала затихать, к зданию Генерального штаба стремительно на БМД выдвинулся батальон десантников 350 парашютно-десантного полка, руководимый командиром полка подполковником Г.И. Шпаком, который прибыл через 40 минут после начала боя, так как спецназовцы начали операцию раньше установленного планом времени. Десантники открыли шквальный огонь из пулемётов и автоматов по окнам. «Зенитовцы» вынуждены были лечь на пол или занять различные укрытия, чтобы не пострадать от своих же солдат. Трассирующие пули, впиваясь в стены комнат, горели красными светлячками, создавая неповторимое зрелище. Майор Розин стал кричать командиру дивизии, что надо предпринять какие-то меры, чтобы прекратить огонь. Генерал Рябченко поставил задачу одному из своих офицеров срочно связаться с командиром роты. Через некоторое время в здание прибыли связисты с радиостанцией Р-105, и командир дивизии взял управление на себя. По радиосетям были переданы команды: «Не бросать гранаты на второй этаж, там наши». Десантники быстро подавили оставшиеся очаги сопротивления и заняли третий этаж. Провели зачистку помещений».²

Слюсарь А.Е.: ³«Ожесточенное сопротивление частям дивизии оказал

¹ Курилов В. Так начинался «Шторм». — «Трибуна», 2004, 29 декабря.

² Ляховский А.А. «Байкал-79». — М.: «Спецназ России», 2003, № 12, 2004; № 1-3.

³ Слюсарь А. В 1979 г. — заместитель командира, а с 1981 по 1984 годы — командир 103-й гв. воздушно-десантной дивизии. Гв. генерал-майор.

только... «мусульманский батальон», о существовании которого нас не оповестили. Мы воевали с ними до тех пор, пока мне не дали команду оставить их в покое. Чья-то явная беспечность привела к трагическим последствиям — от своих же погибли и получили ранения многие».¹

Почему же всё-таки «правая рука не знала, что творит левая»? По всей вероятности, ввиду следующих причин:

— о планируемых ГРУ ГШ и КГБ СССР «мероприятиях» не знали даже высокопоставленные чины из числа посольства Советского Союза в ДРА, включая посла Ф.А. Табеева, а также многие видные руководители аппарата советников (например, тот же генерал-майор С.П. Тутушкин), специалисты (в частности военные врачи А.В. Алексеев и В.П. Кузнецников). В свою очередь до исполнителей, задействованных в этой операции, доводилась только та часть информации, которая непосредственно касалась их;

— отсутствие чёткой радиосвязи, не доведение до сведения командиров системы позывных и рабочих частот для радиообмена;

— несвоевременная доставка достаточного количества необходимых топографических карт местности, особенно г. Кабула;

— незнание командирами подразделений районов их боевого применения в связи с невозможностью проведения достаточного числа рекогносцировок;

— афганская форма личного состава «мусульманского батальона» и групп КГБ «Гром» и «Зенит».

Также очевидно, что из-за двойной и даже тройной перестраховки по Тадж-Беку и по прилегающей к нему территории заранее был спланирован, но из-за чьей-то беспечности вовремя не отменён, и поэтому был произведён почти одночасовой массированный артиллерийский огонь, а затем десантниками-витебчанами было «продублировано» взятие дворца Тадж-Бек.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ 28 ДЕКАБРЯ

Б. Хамза: «После обеда 28 декабря мы успели немного походить по дворцу. Взяли себе немного сувениров. Там лежали пачки афганских денег, которые КГБэшники выбросили из сейфа. Мы взяли немного. Может быть, взяли бы и больше, но не были уверены, что пригодятся. Много до нас взяли и КГБэшники. В одной из комнат висел красивый герб из золота и красных камней, — я его заметил, когда мы выносили убитых. К утру его

¹ Кривопалов О. Спецназ на Афганской войне. — Тюмень: издательство «Вектор», «Военно-исторический альманах», 2004, № 4.

уже не было. Один из КГБэшников даже взял вещмешок из нашего БМП, чтобы сложить трофеи. К вечеру 28-го нас заменили. Кто-то остался охранять дворец, кого-то отправили в расположение».

Востротин В.А.: «После обеда 28 декабря «мусульмане» передали нам под охрану дворец, который мы охраняли до 31 декабря. Комендантом дворца я назначил своего заместителя Монахова. В парке техники недалеко от дворца мы нашли 2 «Волги» и ЗИЛ-130. Одну «Волгу» я передал Карпухину. Одну оставил себе. Потом я её бросил в Кабуле, когда в ней кончился бензин. ЗИЛ мы оставили себе для перевозки имущества роты».

Ахмедов М.: «28 декабря ко мне подошёл мой заместитель старший сержант Агзамов и сказал, что в боксе нашли машину «Мерседес-Бенц», но никак не могли открыть его, пока топором не разбили боковое стекло и открыли дверь.

Честно говоря, 28 декабря мы на нём ездили в центр города. Когда возвращались в расположение батальона, не доезжая до дворца, нас остановили на блокпосту, который выставили недавно. Ребята увидели нас в афганской форме, начали ругать нас на русском языке, а когда мы заговорили на русском языке, то один из офицеров выругавшись, сказал, что, мол, эти афганцы ещё и говорят на русском. После того как мы объяснили им, что мы из «мусульманского батальона», они отпустили нас».

Ибрагимов Э.Н.: «На следующий день после штурма дворца в течение дня часть военнослужащих отряда добиралась до расположения отряда на трофейных грузовых и легковых автомобилях, так что рядом с парком боевых машин появилось около десятка легковых машин различных иномарок. Позже была дана команда: одним из захваченных танков раздавить эти легковые автомобили, чтобы ни у кого не возникало алчных намерений. Было жалко смотреть, как новые шикарные машины скрежетали под гусеницами танка.

На площадке перед дворцом также было много битой, сгоревшей и расстрелянной техники. Среди них находился и один из бронированных «Мерседесов» Амина. Мне была поставлена задача перегнать его в советское посольство. Подойдя к автомобилю с группой сопровождения, мы внимательно осмотрели его со всех сторон, провели контрольный осмотр и пришли к заключению, что внешне он, к нашему удивлению, почти не пострадал от пуль и снарядов. Колёса, правда, были приспущены. Открыв двери, мы осмотрели салон. Он был почти в идеальном состоянии. Только был выдран замок зажигания, вместо которого торчал пучок проводов.

До этого я никогда не имел дела с машинами такого класса, но приказ нужно выполнять. Сев за руль, перебирая и соединяя поочерёдно провода,

методом «тыка», мы всё-таки завели автомобиль и смогли тронуться с места.

Ощущения и впечатления от езды были непередаваемые, так как нам впервые пришлось ехать на правительственном автомобиле. Приехав в посольство, мы передали автомобиль его сотрудникам».

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

После штурма семья Х. Амина (мать, жена, 2 дочери и средний сын), потерявшие при штурме, кроме отца, убитыми двух малолетних сыновей, находились в расположении отряда. В помещение, где они находились, никого не допускали. Охранял и обслуживал их старший сержант Ходыев Ариф.

Холбаев Х.Т.: «Дочь Амина была красавицей лет 16-18, хорошо воспитанной и образованной. Она была ранена в ноги. Так как Ариф был таджик, то он свободно общался с ней. За эти несколько дней, пока он охранял её, Ариф влюбился в дочь Амина. После Нового года за семьёй Амина приехали сотрудники «ХАДа». Но Ариф не позволял им увезти их. Мне пришлось обезоружить Арифа. После этого семью Амина увезли¹. Ариф несколько дней не мог прийти в себя и к службе не допускался. Через несколько дней его, под предлогом опознания погибших, отправили в Чирчик».

После этого среди личного состава батальона ходил слухи, что сержант Ходыев из 1 роты спецназа якобы влюбился в дочку Х. Амина.

Ашуров А.М.: «Приказ о передаче взятых в плен солдат и офицеров бригады охраны поступил от нашего командования (Колесника и Холбаева), после обращения к нему Наджибуллы, возглавившего службу безопасности «ХАД». Всех пленных собрали на плацу расположения отряда. Офицеров собрали отдельно, сержантов и солдат — отдельно. По приказу командира отряда всем пленным выдали чай и галеты. После обеда всех пленных загрузили в грузовики, на которых приехали офицеры из «ХАДа», и увезли к себе».

Всё захваченное оружие и боеприпасы сложили в 2 кучи: отдельно оружие, отдельно боеприпасы к нему.

¹Справка от редакции: Действительно, семья Амина была отправлена в тюрьму «Пули-Чархи», но слухи о казни родственников Амина не соответствуют истине. Впоследствии, по требованию Советского правительства, они были депортированы в СССР, где с 1980 по 1992 гг. семья Амина и проживала. Дети получили образование в советских высших учебных заведениях. С развалом СССР они выразили желание уехать на постоянное место жительства в Германию, где и поселились в г. Гамбурге.

Холбаев Х.Т.: «Пленные бригады охраны сразу же были разоружены и собраны в расположении отряда. Отвозили их на грузовиках отряда по согласованию с «ХАДом» Афганистана. Представитель «ХАДа» Афганистана прибыл в расположении отряда. После беседы с ними полковник Колесник дал распоряжение мне об отправке пленных».

Ашуров А.М.: «Частично пленные были отправлены в тюрьму «Пули-Чархи» на машинах, частично — пешком. Всё захваченное оружие вернули афганцам. Просьбу об этом через наше командование передал Наджибулла».

Кудратов И.С.: «Пленных человек 1500 накормили, раненым оказали помощь. Какую-то часть из них отправили в тюрьму «Пули-Чархи», остальных оставили на месте, в их казармах. Из них впоследствии сформировали новое подразделение. Захваченное у них оружие представители афганского Царандоя вывезли позже».

Абдулла Вардак: «Всех нас отвезли в тюрьму «Пули-Чархи». Почти всех офицеров расстреляли летом 1980-го года. Большинство солдат или были расстреляны, или сами умерли. Тех, кто не умер, выпустили в 1985 году и разрешили искупить свою вину службой в армии».

Холбаев Х.Т.: «По приказу Колесника лейтенант Абдуллаев Рашид привёз из расположения отряда взятого в плен командира бригады майора Джандада, который был допрошен генерал-майором Дроздовым. После допроса Дроздов приказал мне лично отвезти Джандада в тюрьму «Пули-Чархи» и сдать властям (наверно хотел испытать меня — отпущу или нет). На одной БМП лицом к лицу я отвозил Джандата, руки его не были связаны, и наручников не было. При желании он мог бы меня убить или ударить. Вооружившись, мог бы убежать. Внутри БМП был только механик-водитель, но он был изолирован от десантной части, при шуме двигателя он мог бы не слышать стрельбу. Джандат очень умолял отпустить его. Он говорил мне, что его точно убьют. В тюрьме я его сдал местным властям».

В июне 1980 года по приговору революционного суда были казнены: Абдулла Амин, Асадулла Амин, Ареф Алемьяр и его брат Мухаммад Сиддик Алемьяр (оба подозревались в убийстве Мир Акбара Хайбара), Сахибджан Сахраи, инженер Зариф, командующий силами безопасности Али Шах Пайман, начальник тюрьмы «Пули-Чархи» Сайед Абдулла, ответственный сотрудник «КАМа» Мухаммад Омар, главный надзиратель тюрьмы «Пули-Чархи» Сайед Абдулла Самандар, адъютант Х. Амина Вазир

Мухаммад Зирак и непосредственные убийцы Тараки А. Вадуд и С. Джандад.¹

Холбаев Х.Т.: «Техника и вооружение бригады охраны оставались в нашем расположении ещё неделю. В последующем мы всё это передали представителям афганского «Царандоя» и «ХАДа»».

В середине дня 28 декабря В. Колесник, Ю. Дроздов и командир отряда Х. Холбаев прибыли в советское посольство. Сначала доложили ГВС генерал-полковнику С. Магометову и спецпредставителю КГБ в ДРА Б. Иванову о выполненной задаче. Затем полковник В. Колесник из кабинета посла связался с Москвой и доложил генералу армии П. Ивашину о результатах операции, одновременно предложив ему вывести отряд из Афганистана в г. Чирчик.

Начальник ГРУ ГШ ВС СССР распорядился решать нам этот вопрос самостоятельно с командованием ТуркВО.

Швец О.У.: «Первоначально обсуждали возможность того, чтобы отряд оставить для охраны Бабрака Кармала. Однако всё-таки решили отправить его домой. Большую роль сыграло то, что наверху боялись утечки информации по операции».²

К сожалению, не могу не рассказать об одном неприятном случае.

28 декабря мою объяснительную записку и объяснительную записку пулемётчика П. Эшонкулова о пропаже личных вещей майора С. Джандата (удостоверение личности, партбилет члена НДПА, спецпропуск, бумажник, пистолет «Veretta»), одного дипломата с документами из сейфов кабинетов и узла связи штаба бригады, второго — с деньгами, полковник В. Колесник передал генерал-полковнику С. Магометову, который под влиянием полковника Л. Пупшева обвинил меня в присвоении денег и в клевете на Л. Пупшева. Но за меня заступились полковник В. Колесник и майор Х. Холбаев, проведя собственное расследование. Не знаю, чем закончилось это дело, но меня больше по этому вопросу не вызывали.

ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ОПЕРАЦИИ «ШТОРМ-333»

И день за днём идёт работа,
Работа, скрытая от глаз.

¹ «Кабул-Нью Таймс», 1980, 9 и 15 июня.

² Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Война несёт свои заботы,
Заботы мира лучше в тыщу раз.

С. КАЗАНБАЕВ

С 29 ПО 31 ДЕКАБРЯ

29 декабря весь отряд построился для прощания с 5 погибшими в боевом столкновении с «витебчанами», которых после этого отправили сначала в посольство, а оттуда уже на аэродром.

В дальнейшем мы делали перевязки раненым, приводили в порядок оружие и боевую технику, разбирались с пленными.

Ахмедов М.: «По ночам слышались отдельные выстрелы, и многие говорили, что есть тайный ход от резиденции до штаба бригады охраны. 29 декабря я с лейтенантом Турсункуловым решили проверить дворец и действительно нашли подземный ход, но кроме гильз там ничего нашли».

Вечером 30 декабря сотрудники групп КГБ «Гром» и «Зенит» решили отметить успешное завершение операции. Всё было подготовлено на одной из вилл в Кабуле. От нас были приглашены В. Колесник, О. Швец, Х. Холбаев и М. Байхамбаев.

На мероприятие отправились на одном из 4 «Мерседесов» Амина. Для сопровождения взяли БТР. При возвращении из Кабула они были обстреляны постом от 350 гв. опдп недалеко от дворца Дар-уль-Аман. К счастью, никто не пострадал. Все пули попали в радиатор.

Колесник В.В.: «Когда мы возвращались из Кабула, нас обстрелял пост десантников. Пули попали в мотор, и машина заглохла. Мы выскочили из машины и бросились к часовому. Швец обложил его матом. Услышав знакомую речь, часовой прекратил стрелять. Тут к нам подошёл начальник караула — лейтенант. Он сразу получил от Швеца в ухо и выслушал всё, что мы думаем по этому поводу. Юрий Иванович Дроздов подошёл к лейтенанту и негромко сказал ему: «Спасибо тебе, сынок, что не научил своего солдата стрелять»».¹

Турченко Г.Н.: «Этим лейтенантом был я. Меня никто не бил. Часовой действовал согласно уставу, — сначала сделал предупредительный выстрел и затем, когда машина не остановилась, открыл огонь. Когда машина остановилась, из неё вышли офицеры КГБ. Обругав нас, они забрались в сопровождавший их БТР и уехали».

¹ Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

НОВЫЙ 1980 ГОД

Ибрагимов Э.Н.: «Первую похвалу и оценку действий нашего отряда я услышал от командующего округом генерала армии Максимова, который со своим КП проезжал по дороге мимо дворца и остановился в нашем расположении. Я находился рядом с остановившимися БТРами, из которых начали высаживаться люди. Ко мне подбежал кто-то из офицеров и показал командующего округом, который стоял возле БТРа и осматривал местность.

Громко подав команду личному составу отряда, находившемуся возле меня, я подошёл к командующему и доложил о выполнении отрядом боевой задачи и проведении организационных мероприятий на тот момент. Командующий, приняв доклад, крепко пожал руку и несколько раз повторил: «Молодцы! Молодцы!».

Комбат поручил мне заняться оформлением палатки для новогоднего вечера. Я вместе со своими солдатами У. Астановым и Р. Эшонкуловым срубил возле дворца арчу, установил её в палатку, которую к этому времени хорошенько протопили, так как было холодновато.

У. Астанов и Р. Эшонкулов до призыва в армию окончили художественное училище и были профессиональными художниками, поэтому они на бумаге красками, какие нашлись во дворце, оформили шаржи, поздравления и т.д. Когда мы оформляли палатку, в неё вошёл командующий округом Ю.П. Максимов. Я представился как временно исполняющий обязанности заместителя командира батальона по политической части, и поэтому со своими солдатами занимаюсь подготовкой новогоднего вечера. Увидев арчу и на ней боевые гранаты, пулемётные ленты, ракетницы и т.д., которые мы за неимением ёлочных игрушек развесили на арче, он тут же распорядился, чтобы из Ташкентского окружного дома офицеров самолётом прислали нормальную ёлку и комплект новогодних игрушек. При этом он сказал своему порученцу, чтобы всё это загрузили в ближайший самолёт на Кабул, и добавил: «Они заслужили того, чтобы отдохнуть в новогоднюю ночь как положено нормальным людям, а то ещё взорвутся ненароком». Игрушки и ёлку действительно доставили, но только... в посольство. На арче я оставил и всю прежнюю «атрибутику», кроме боевых гранат.

Артыков А.Б.: «31 числа нам привезли из посольства водку из расчёта 1 бутылку на двоих. Водка была, естественно, только для офицеров и прапорщиков».

С Новым годом нас поздравил только В. Колесник, сказав, что штурм

дворца был для нас, как в своё время для наших отцов Рейхстаг, только в миниатюре. Первый тост мы выпили за успешное завершение операции и чтобы боевые задачи выполнялись с минимальными потерями, второй — в память наших ветеранов Отечественной войны, а третьим тостом помянули погибших сослуживцев.

Собрались. Осушили кружки,
Но водка что-то не берёт:
«Вот и верь потом кукушке.
Такой вот, братцы, переплёт!».
Головушки пусты... Нет мыслей,
И в подсознании зависли
Стоп-кадры яростной борьбы,
Гром взрывов, молнии стрельбы.
Стоят. Сидят. Немногословны.
А вон кого-то вдруг на грех
Пробил истошный дикий смех...
И каждый вновь в себе безмолвно
Прокручивает взад-вперёд
За эпизодом эпизод.¹

Наверное, тогда и зародилась афганская традиция: 3 тост — за тех «афганцев», кто не вернулся из боя, потому что фронтовики Отечественной войны поминали своих сослуживцев 2 тостом. Это их прерогатива. После 3 тоста мы разошлись по своим подразделениям, чтобы поздравить личный состав и вместе с ним встретить Новый год. Из руководства нас никто не поздравил: ни по радиосвязи, ни по телефону...

Кудратов И.С.: «Новый год я встречал в наряде — дежурным по части. Естественно, трезвым. Отметил только на следующий день. Спиртное было. Но пьяных не было. Охраняли дворец Тадж-Бек и самих себя».

Абдуллаев А.С.: «Новый год встречали по ташкентскому и по московскому времени. Со спиртным проблем не было. Угостили даже солдат срочной службы. Помянули погибших. Пьяных не было».

Ахмедов М.: «Ночью с 31 декабря на 1 января шёл сильный снег. Снегопад напоминал Сибирь. Естественно, офицеры и прапорщики праздновали Новый год без тех офицеров и прапорщиков, которые стояли в

¹ Кошелев В. Штурм дворца Амина: версия военного разведчика. — Люберцы: РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. С. 516.

наряде. Но вечером 1 января для тех, которые стояли в наряде, организовали праздничный ужин. Спиртное давали 1 бутылку водки на двоих».

Камбаров А.М.: «Новый год встречали в 2 этапа. Первый раз с 31 декабря на 1 января в палатке управления батальона. Поздравлял Василий Колесник. Второй раз — там же поздравили офицеров из тех, кто накануне был в наряде. Их поздравлял Холбаев. Ель нарядили ракетницами и пулёмётными лентами».

Шарипов В.С.: «Первым к нам в окружной госпиталь приехал капитан Стодеревский. На следующий день приехал комбриг Овчаров с подарками для раненых». ¹

Саттаров А.С.: «31 декабря, когда мы немного отошли, к нам в госпиталь приехал Овчаров. Он зашёл и ко мне в палату, достал из дипломата шпроты, копчёную колбасу и коньяк. Расспросил меня об операции, о моём ранении. Мы с ним выпили коньяка — «обмыли» моё боевое крещение и выпили за Новый 1980 год».

С 1 ПО 9 ЯНВАРЯ 1980 ГОДА

Колесник В.В.: «2 января я попрощался с личным составом отряда, поблагодарил их за службу. Тогда я впервые услышал в свой адрес «Батя». Я увозил в Москву мой план, отчёты об операции, написанные участниками и списки для награждения. Прибыв в столицу, я сразу доложил о результатах и ходе операции Ивашутину Петру Ивановичу, который руководил тогда ГРУ. Затем нас принял начальник Генштаба маршал Огарков. Он выслушал меня, забрал все подготовленные мной документы, закрыл их в свой сейф и сказал, чтобы я без его ведома никому ни о чём не рассказывал. Но на следующий день он снова вызвал меня, дал своего порученца, машину, вручил мой план и сказал, чтобы я прибыл на доклад к Устинову.

Когда я достал план для того, чтобы объяснить, как мы действовали, министр увидел, что он не утвержден, и надпись, которую я сделал в кабинете Магометова. Покачав головой, он сказал: «Я понимаю, почему осторожный кавказец Магометов не поставил свою подпись на твоём плане. Но почему Иванов не расписался, я понять не могу». Тактично промолчав, я продолжил рассказ». ²

Дроздов Ю.И.: «По возвращении из Кабула в Москву нас принял Андропов. В середине того же дня я с Колесником был на приеме у начальника Генштаба маршала Огаркова.

¹ Лёгкий П. Операция «Шторм». — М.: «Армия», 1999, № 6.

² Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

Николай Васильевич внимательно выслушал наш доклад и принял от нас единственный документ, характеризующий все особенности этого боя: карту с нанесённой обстановкой, задачами подразделений спецназа и таблицей взаимодействия. Маршал бросил быстрый взгляд на карту и спросил: «Почему не утверждена?». Мы промолчали. Обычно сдержанный, он выругался в адрес не утвердивших боевой документ, встал и положил карту в свой приоткрытый сейф.

Я не осуждаю двух генералов, которым не хватило мужества поставить свои подписи, утвердить документ, воспользоваться правом, предоставленным им руководством страны. Мы уходили выполнять задание правительства, сознавая, что можем не вернуться, оставляя, как принято в таких случаях, всё на сохранение другим. Их же поступок оставил щемящее чувство досады: мы рисковали жизнью, они — только возможной оглаской личной причастности к этому событию. Может быть, этот их шаг характеризовал их личное отношение к решению руководства страны? Не знаю, но разделяю возмущение маршала Огаркова». ¹

Холбаев Х.Т.: «В период с 30 декабря 1979 по 8 января 1980 года отряд занимался охраной дворца Амина, места расположения отряда, батальонов и штаба бригады охраны, также занимался обслуживанием боевой, специальной и транспортной техники и вооружения».

В этот период наша рота в основном занималась подготовкой боевой техники к списанию — 2 БМП, сдаче в ремонтные органы — 5 БМП, передаче 40 армии — 6 БМП. Боевую технику и соответствующие акты на списание и передачу, под руководством заместителя командира отряда старшего лейтенанта Э.Н. Ибрагимова готовили экипажи БМП.

При этом произошёл курьёзный случай, о котором я не могу не вспомнить без смеха. Старшина роты прапорщик Р.М. Машарипов, воспользовавшись удобным случаем, уговорил старшего механика-водителя роты сержанта Б. Набиева включить в акты 2 БМП, подлежащих списанию, недостающее имущество роты. Когда сержант Б. Набиев принёс проекты актов на утверждение исполняющему обязанности командира роты старшему лейтенанту Б.А. Эгамбердыеву, тот с удивлением обнаружил, что в этих 2 машинах в момент их подрывов почему-то находились: 7 сапёрных лопаток, 11 комбинированных котелков, 4 аксельбанта, 2 парадно-выходных кителя. Хозяйственный у нас был старшина! Конечно же, акты пришлось переписать. Но этот анекдот потом долго ходил по отряду, всё больше обрстая

¹ Дроздов Ю. «Как штурмовали дворец Амина», из книги: «Батя. Легенда спецназа ГРУ» Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2004.

новым имуществом, которое бы просто физически не вместилось даже в грузовой автомобиль.

Хамза Б.: «После Нового года каждый вечер показывали фильмы. В отряде была киноустановка на базе ГАЗ-66».

6 января в отряде произошёл несчастный случай. При неосторожном обращении с гранатомётом «Муха» погиб рядовой Мадияров Зиябетдин Гияшитдинович из первой роты.

ГЛАВА 2

ХРОНИКА 1980 ГОДА

Временной отрезок, вобравший в себя свержение аминского режима и приход к власти в Афганистане политических сил во главе с Бабраком Кармалем, получил в истории название второго этапа Апрельской революции. Начиная с известных событий 27 декабря 1979 года власть в стране по существу перешла от одного крыла НДПА («Хальк») к другому («Парчам»). Последовали чистки, аресты, репрессии. Такое развитие событий, разумеется, не могло не обеспокоить Советский Союз, и в январе этому вопросу было посвящено специальное Обращение ЦК КПСС.

В январе 1980 года к ранее введенным войскам присоединились еще одна мотострелковая дивизия, десантно-штурмовая бригада, отдельный мотострелковый полк и в феврале 459 отдельная рота спецназа (командир роты капитан Р.Латыпов). Таким образом, численность советских войск достигла 82 тысяч человек. К тому же времени относится решение задач по размещению введенных войск по гарнизонам, их обустройству, организации проводки автоколонн. Была налажена охрана объектов советско-афганского сотрудничества: газопромислы Джаркудук и Шибарган, электростанции в Суруби, Наглу, Пули-Хумри, Кабуле, завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе, тоннель Салан г. Войсками обеспечивались охрана и бесперебойная работа аэродромов в Кабуле, Баграме, Кундузе, Мазари-Шарифе, Джелалабаде, Кандагаре, Шинданде, Герате.

Путем размещения гарнизонов советских войск осуществлялась поддержка органов «государственной» власти во многих провинциальных и уездных центрах. В это время части и подразделения боевых действий, как правило, не вели, однако подвергались постоянным обстрелам со стороны оппозиции.

Ввод советских войск не привел к спаду вооруженного противостояния.

Значительная часть афганских офицеров ввиду дезорганизованности ВС Афганистана и из-за нежелания воевать с оппозицией считала, что в условиях, когда в стране находятся советские войска, вся ответственность за судьбу Афганистана должна лежать на Советском Союзе. Такие настроения разделял и Бабрак Кармаль, постоянно подталкивавший наше руководство на привлечение введенных войск к активным боевым действиям совместно с афганскими частями.

Первый крупный бой подразделений ОКСВ велся против поднявшего

мятеж артполка 20 афганской пехотной дивизии в населенном пункте Нахрин 10-11 января 1980 года. А затем из Москвы поступило указание начать боевые действия по разгрому отрядов оппозиции. И с марта 1980 года части ОКСВ активно участвуют в боевых действиях. Первая армейская операция проводилась в провинции Кунар подразделениями 103 и 108 дивизий.

Затем были подавлены очаги мятежей в районах Файзабада, Талукана, Баглана, Джелалабада, а также ликвидированы крупные формирования оппозиции в Нуристане и Хазараджате. В апреле 1980 года была проведена первая операция в Панджшере. Война разворачивалась все шире и шире, и в Союз проторили воздушную дорогу «черные тюльпаны».

До 1983 года официально считалось, что 40 армия находится на учениях.

Первым правительственным документом, касающимся пребывания наших войск в ДРА, было секретное постановление Совмина СССР от 19 февраля 1980 года № 152-45, определяющее вопросы финансирования и предоставления льгот личному составу войск, находящихся в Афганистане. Разумеется, подчеркивалось, что ввод войск — это временная мера. Руководство страны было в этом искренне уверено. В постановлении Пленума ЦК КПСС от 23 июня 1980 года подчеркивалось: «Пленум ЦК КПСС полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых — задушить афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных рубежах СССР...».

Но были голоса и против. Главными противниками ввода войск являлись военные. Но, получив приказ, они были вынуждены его выполнять. Через 25 дней после начала афганской войны группа академиков во главе с О. Богомоловым направила в ЦК докладную, где акции была дана крайне резкая оценка и прогнозировалась неудача.

Еще через полгода, в июне 1980-го, написал протестующее письмо академик Д. Сахаров.

Но никто не мог предположить, что до конца войны придется ждать еще долгих восемь с лишним лет.

За год погибло 1484 военнослужащих ОКСВ. Среди них были и 3 спецназовца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

Утром 8 января в отряд поступил приказ передать охраняемые объек-

ты представителям 40 армии и на следующий день быть готовыми к вылету в г. Ташкент. Весь день отряд готовился к отлёту. Представителям 40 армии были также переданы последние боевые машины и боеприпасы. На следующий день после обеда нас на грузовых автомобилях вывезли в Кабульский аэропорт.

Ибрагимов Э.Н.: «Повреждённую технику списали. Целую и исправную передали 40 армии по акту. Также передали боеприпасы, ГСМ и т.д. В Союз вылетели только с личным оружием».

Из Баграма в Кабул докатились слухи о том, что мы якобы вывезли огромное количество ценностей, захваченных при штурме дворца Тадж-Бек. Это породило недоверие к личному составу отряда, и поэтому в аэропорту всех обыскали, изъяв при этом всего несколько кинжалов, 2 пистолета и 1 транзисторную магнитоу.

Когда самолёты были уже в воздухе, видя такое недоверие к тем, кто, не жалея своей жизни и здоровья, в сложнейшей обстановке выполнил правительственное задание, некоторые из офицеров отряда даже высказались о том, что самолёты могут сбить свои же, таким образом «заметая следы» всего происшедшего. И тогда не будет «лишних» вопросов: «Почему всё-таки в 103 ВДД никто даже не знал о существовании советского отряда спецназа и спецгрупп КГБ?!». 2 часа этого полёта прошли для солдат и офицеров отряда в невероятно высоком нервном напряжении.

Холбаев Х.Т.: «Мы все вылетели из Кабула на 2 самолётах АН-22. Кому не хватило мест на скамейках вдоль бортов, разместились прямо на полу.

В Ташкенте нас встречал Овчаров с техникой, чтобы доставить нас в Чирчик. На следующий день командованием бригады был устроен торжественный ужин. Настроение было у всех приподнятое, — совершили такое дело и вернулись живыми домой».

На следующий день после возвращения состоялось совещание офицеров, на котором командир отряда майор Х. Холбаев поставил ряд задач:

— каждому офицеру написать подробный отчёт о своих действиях во время проведения операции, при этом описать действия своих подчиненных с предложениями об их награждении, особо отметив погибших и раненых;

— подготовить к сдаче всё имеющееся стрелковое оружие;

— представить графики отпусков офицеров и прапорщиков (большинство не были в отпуске ещё за 1979 год);

— представить списки офицеров и прапорщиков, нуждающихся в жилой площади (таких было почти 100%);

— подать предложения по новой организационно-штатной структуре подчиненных подразделений и их вооружению (с учётом как положительных, так и отрицательных сторон, выявленных в ходе боевых действий);

— разработать вариант шестимесячной программы для штурмовых подразделений войск специального назначения.

Затем эти предложения анализировались, обобщались во всех инстанциях от роты до штаба 15 ОбрСпН (в части их касающейся). В конечном итоге «родилось» 3 документа, которые были отправлены в ГРУ ГШ полковнику В.В. Колеснику:

— предложения по новой организационно-штатной структуре отряда и его вооружению;

— вариант учебной программы для штурмовых подразделений войск специального назначения;

— представления к награждению военнослужащих отряда правительственными наградами.

ПЕСНЯ О «МУСУЛЬМАНСКОМ» СЛАВНОМ БАТАЛЬОНЕ

За границей, где страна ислама
Постигает свой полураспад,
Появился прямо у Баграма
Боевой ударный наш отряд.
И врагу заслон поставлен четко:
Под охрану взят аэродром,
Чтоб работала все время взлетка
И борта ходили косяком.

Мы пришли сюда не на парады:
Мы — советский первый эшелон,
Из пятнадцатой разведбригады
«Мусульманский» славный батальон.

Был приказ — мы завели моторы
И колонной двинулись в Кабул:
Видно, скоро кончат разговоры
С тем, кто нас как будто обманул.
У Тадж-Бека мы стоим в охране,
Стережем Амина нервный сон.
Пусть поспит: пока в Афганистане
Он самодержавный фараон.

Мы пришли сюда не на парады:
Мы — советский первый эшелон,
Из пятнадцатой разведбригады
«Мусульманский» славный батальон.
Из пятнадцатой разведбригады
«Мусульманский» славный батальон.

Рассудив, мол, дело будет в шляпе,
Надо мстить за Нура Тараки,
Приказали в Генеральном штабе
Перейти границу у реки.
И «мусбат» наш поднят был, конечно,
И нацелил стрелы на Тадж-Бек,

Чтобы там уснул уже навечно
Самый подлый здешний человек.
Мы пришли сюда не на парады:
Мы — советский первый эшелон,
Из пятнадцатой разведбригады
«Мусульманский» славный батальон.
Мы разбили гвардии охрану,
Быстро взяли на «ура!» дворец,
И тогда кровавому тирану
Наступил, как водится, трындец...
Так проделал наш спецназ работу:
Преподнес он кой-кому урок
И помог афганскому народу,
Но об этом далее — молчок.
Мы пришли сюда не на парады:
Мы — советский первый эшелон,
Из пятнадцатой разведбригады
«Мусульманский» славный батальон.

Владимир КОШЕЛЕВ

ПОДСЧЕТ ПОТЕРЬ

Ждет родимая сторонка,
Отчий дом солдата ждет,
Только злая похоронка
Весть дурную принесет,
Мол, погиб, друзей спасая,
Смертью смерть поправ в бою.
Жди его, земля сырая,
Во кладбищенском краю.

Владимир КОШЕЛЕВ

Потери в «мусульманском батальоне» составили:

— **погибших — 8 человек:**

1. Рядовой Богодиров Абдумумин Абдунабиевич, разведчик-гранатомётчик, 1 рота. Род. 12.6.1960 г. в г. Турсунзаде Таджикский ССР. Таджик. Работал радистом на Турсунзадевском городском узле связи. В Вооруженные Силы СССР призван 2.11.1978 г. Турсунзадевским ОГВК. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

2. Рядовой Расульметов Курмантай Мурадович, стрелок, 1 рота. Род. 8.6.1959 г. в г. Чимкенте Казахской ССР. Казах. В Вооруженные Силы СССР призван 9.11.1978 г. Чимкентским ГВК. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

3. Рядовой Мадияров Зиябиддин Гияшитдинович, разведчик-санитар, 1 рота. Род. 2.02.1958 г. в кишлаке Теляу Ахангаранского района Ташкентской области Узбекской ССР. Узбек. Работал в совхозе им. К. Ворошилова. В Вооруженные Силы СССР призван 18.4.1978 г. Ахангаранским ОГВК. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

4. Младший сержант Шербеков Миркасым Абдрашимович, командир отделения, 3 рота. Род. 29.9.1958 г. в колхозе им. Я. Свердлова Галабинского района Ташкентской области Узбекской ССР. Узбек. В Вооруженные Силы СССР призван 3.11.1978 г. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

5. Рядовой Курбанов Ходжанепес, разведчик-пулемётчик, 3 рота. Род. 25.4.1959 г. в кишлаке Кум-Даг Красноводской области Туркменской ССР. Туркмен. Работал в г. Кизил-Арвате на вагоноремонтном заводе. В Вооруженные Силы СССР призван 2.11.1978 г. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

6. Рядовой Хусанов Сабирджон Камилович, механик-водитель, 3 рота. Род. 22.10.1959 г. в г. Ташкенте. Узбек. Работал слесарем в пос. Янги-Сарай Ташкентской области. В Вооруженные Силы СССР призван 16.11.1978 г. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

7. Рядовой Сулейманов Шокиржон Султанович, радиотелефонист, группа связи. Род. 25.8.1959 г. в кишлаке Вахим Риштанского района Ферганской области Узбекской ССР. Узбек. Работал в совхозе «50 лет Узбекской ССР». В Вооруженные Силы СССР призван 13.5.1978 г. Риштанским РВК. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

8. Рядовой Мамаджанов Абдунаби Гайджанович, повар, гмо. Род. 5.8.1958 г. в г. Ош Киргизской ССР. Узбек. Учился в торговом техникуме в г. Ош. В Вооруженные Силы СССР призван 9.5.1978 г. Ошским ГВК. Награжден медалью «За отвагу» (посмертно).

— **Раненых всего 67 человек, из них тяжелораненых, получивших лечение в госпиталях — 37 человек (пять — стали инвалидами):**

1. Капитан Сагтаров А.С., замполит отряда, управление.
2. Лейтенант Хусаинов М.О., замполит 1 роты.
3. Прапор-к Косимов Т.К., техник 1 роты.
4. Рядовой Абдуллаев С.К., разведчик-санитар 1 роты.
5. Рядовой Абдуллаев Р.Х., стрелок 1 роты, комиссован.
6. Рядовой Билолов М.М., стрелок 1 роты.
7. Рядовой Алимов Н.И., стрелок 1 роты.
8. Рядовой Атаев А.С., разведчик-гранатомётчик 1 роты.
9. Рядовой Ахмедов С.Р., стрелок 1 роты.
10. Рядовой Джапаров К.К., разведчик-санитар 1 роты.
11. Рядовой Донаев Х.Д., стрелок 1 роты.
12. Рядовой Исаков Х.Н., механик-водитель 1 роты.
13. Рядовой Рахманов М.И. стрелок 1 роты.
14. Рядовой Турсунов А.Х., стрелок 1 роты.
15. Старший лейтенант Шарипов В.С., командир 3 роты.
16. Лейтенант Абдуллаев Х.У., командир группы 3 роты.
17. Рядовой Донаев С., механик-водитель 3 роты.
18. Рядовой Жаббаров И.М., разведчик-гранатомётчик 3 роты.
19. Рядовой Данияров С., стрелок 3 роты.
20. Рядовой Мухтаров Т.Н., разведчик-пулемётчик 3 роты.
21. Рядовой Нуралиев А.А., механик-водитель 3 роты.
22. Рядовой Султанов Р.Х., стрелок 3 роты.
23. Рядовой Тураев М.Е., разведчик-пулемётчик 3 роты.
24. Рядовой Туракулов Э.С., разведчик-пулемётчик 3 роты, комиссо-

ван.

25. Младший сержант Муминов И.С., разведчик-пулемётчик 3 роты.
26. Рядовой Мустафакулов М.М., стрелок 3 роты, комиссован.
27. Рядовой Низамов А.Т., стрелок 3 роты, комиссован.
28. Рядовой Хезретов Б., разведчик-пулемётчик 3 роты. комиссован
29. Младший сержант Шодиев И.А., командир отделения 3 роты.
30. Рядовой Юлдашев Р.Р., разведчик-пулемётчик 3 роты.
31. Рядовой Мередкулиев Б.И., старший стрелок 4 роты.
32. Рядовой Турсунов С.С., водитель 4 роты.
33. младший сержант Халимов А.К., командир отделения 4 роты.
34. Младший сержант Труфанов А.Н., командир отделения заг. ко-

миссован

35. Рядовой Волошин О.И., наводчик-оператор заг.
36. Рядовой Бекмухамедов Т.Т., водитель-электрик заг.
37. Рядовой Косимов Х.Д., водитель гмо.

«На второй день после прибытия в г. Чирчик, — вспоминал Р.И. Абдуллаев, — мы в составе нескольких делегатов от подразделений, в которых были раненые, навестили их в Ташкентском окружном военном госпитале. Обходить пришлось чуть ли не все хирургические отделения. Уехали мы из госпиталя только поздно вечером, поскольку с каждым хотелось пообщаться, рассказать им последние новости, обнадёжить в скорейшем выздоровлении;

— лёгкораненые, получившие лечение в медпункте отряда — 24 человека.

Потери в 9 гв. пдр 345 гв. опдп:

— погибших — 2 человека: гв. рядовые Омангельды Калмагамбетов и Владимир Савоськин;

— тяжело ранен — 1 человек гв. рядовой Виктор Барышников, который стал инвалидом (ампутированы нижние конечности).

Потери в группах «Зенит» и «Гром»:

— погибших — 6 человек.

1.БОЯРИНОВ Григорий Иванович, начальник КУОС КГБ СССР, группа «Зенит», полковник. Род. 15.11.1922 г. в селе Сукромля Смоленской области. Русский. В Вооружённых Силах СССР с 20.8.1940 г. В 1941 г. окончил Свердловское военное пехотное училище. Участник Великой Отечественной войны: командовал взводом, был начальником погранзаставы, начальником штаба стрелкового батальона войск НКВД. После войны служил в погранвойсках. В 1959 г. окончил адъюнктуру при Общевойсковой академии им. М.В. Фрунзе. Кандидат военных наук. Похоронен в г. Москве на Кузьминском кладбище.

2.МУРАНОВ Анатолий Николаевич, группа «Зенит», капитан. Родился 31.01.1947 г. в г. Никополе Днепропетровск обл. УССР. Русский. В ВС СССР с 17.8.1971 г. Окончил Уральский лесотехнический институт. Похоронен в г. Свердловске на Ширококореченском кладбище.

3.СУВОРОВ Борис Александрович, Омское УКГБ, группа «Зенит», старший лейтенант. Родился 17.8.1951 г. в г. Магнитогорске. Русский. В ВС СССР с 12.12.77 г. Окончил Волгоградский институт физической культуры. Похоронен в г. Омске на воинском Северо-восточном кладбище.

4.ВОЛКОВ Дмитрий Васильевич, группа «Гром», капитан. Родился 27.02.1947 г. в г. Москве. Русский. В ВС СССР с 10.12.1969 г. Окончил военную кафедру при Государственный институте физической культуры. Похоронен в г. Москве на Хованском кладбище.

5.ЗУДИН Геннадий Егорович, группа «Гром», капитан. Родился 26.6.1937 г. в г. Москве. Русский. В ВС СССР с 31.5.1965 г. Окончил Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Похоронен в г. Москве на Востряковском кладбище.

6.ЯКУШЕВ Андрей Александрович, группа «Гром», старший лейтенант. Родился 21.7.1956 г. в г. Москве. Русский. В Вооружённых Силах СССР с 21.8.1973 г. Похоронен в г. Таллинне.

Раненых в группах «Зенит» и «Гром» — 17 человек.

Нелепо погиб полковник медицинской службы Кузнеченков В.П.

КУЗНЕЧЕНКОВ Виктор Петрович, полковник мед. службы. Родился 3.11.1934 г. в Жуковке Брянский обл. Русский. В ВС СССР с 1.8.1952 г. Окончил Ленинградский военно-медицинский институт. Похоронен в г. Ленинграде на Богословском кладбище.

Дроздов Ю. И. «При всей сложности тогдашней обстановки операция «Шторм-333» завершилась при минимальных потерях. У нас в группах разведчиков-диверсантов было 6 убитых и 17 раненых, в «мусульманском батальоне» погибли 5 солдат, 35 были ранены. Отступить нам было некуда, кроме как «вниз», в землю.

Из раненых в том бою большинство (более 20 человек) из «мусульманского батальона», остались в строю. Молодые, хорошие, интересные ребята. Их опалил и закалил огонь войны. И я горжусь, что был одним из командиров таких людей.

«Мусбат» был один из лучших батальонов спецназа Советской Армии, сформированный из добровольцев. Командовал подразделением майор Хабиб Холбаев. А командиром одной из парашютно-десантных рот был

старший лейтенант Востротин Валерий, известный «афганец», Герой Советского Союза, ныне генерал-лейтенант».¹

Генерал-майор Ю.И. Дроздов немного ошибается, когда говорит о потерях при штурме дворца Тадж-Бек, путая их с потерями 28 декабря. Непосредственно при штурме дворца погибли 10 человек: в 154 ооСПН — 2 человека (М.А. Щербеков и Ш.С. Сулейманов); в 9 гв. пдр — 2 человека (О. Калмагамбетов и В. Савоськин); в группах «Гром» и «Зенит» — 6 человек: Г.И. Бояринов, А.Н. Муранов, Б.А. Суворов, Д.В. Волков, Г.Е. Зудин, А.А. Якушев. Остальные — 5 человек из 154 ооСПН А.А. Богодиров, К.М. Расульметов, Х. Курбанов, С.К. Хусанов, А. Г. Мамаджанов погибли на следующий день в боевом столкновении с подразделениями 103 гв. ВДД. Нелепо погибли В.П. Кузнечников В.П. и Э. Г. Мадияров. Всего за 2 дня боёв в 154 ооСПН были ранены 67 человек: тяжело раненых — 37 человек (госпитализированы на территории СССР); остальные 30 отказались от госпитализации и остались в строю.

НАГРАЖДЕНИЕ

Участники штурма дворца Тадж-Бек, награжденные орденами Ленина: в парадной форме — старший лейтенант Байхамбаев М.К., капитан Джамолов А., лейтенант Турсункулов Р.Т., капитан Сахатов М.Т., майор Холбаев Х.Т., крайний справа — старший лейтенант Шарипов В.С.

По результатам операции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года полковнику Колеснику Василию Васильевичу было присвоено звание Героя Советского Союза, генерал-майор Дроздов Юрий Иванович был награжден орденом Октябрьской революции, подполковник Швец Олег Ульянович — орденом Красного Знамени.

¹ Дроздов Ю.И. — из интервью корреспонденту газеты «Подмосковные известия», 1996, № 29.

Колесник В.В.: «Орденом Ленина наградили 7 человек, в том числе Холбаева и Сахатова, хотя я их представлял к званию Героя Советского Союза. 20 человек были награждены орденом Красного Знамени, среди них был и Швец. Около 60 человек наградили орденом Красная звезда и ещё почти 300 человек медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Всего же было награждено 380 человек».¹

Это без учёта сотрудников КГБ, но с учётом московских и ташкентских штабистов, которых почему-то оказалось больше, чем непосредственных участников операции. Всего в отряде было награждено 180 человек.

Награждение состоялось в торжественной обстановке 9 мая 1980 года в клубе отряда. Личный состав отряда был награжден:

орденом Ленина — 7 человек:

- майор Холбаев Хабибджан Таджибаевич;
- капитан Сахатов Мурад Таймасович;
- капитан Джамолов Ашур;
- старший лейтенант Байхамбаев Махамоджон Каримович ;
- старший лейтенант Праута Василий Максимович;
- старший лейтенант Шарипов Владимир Салимович;
- лейтенант Турсункулов Рустамходжа Турдихуджаевич;

орденом Красного Знамени — 10 человек:

- капитан мед. сл. Артыков Абдурасул Бекбетович;
- капитан Кудратов Исмаи Суннатович;
- капитан Саттаров Анвар Саттарович;
- старший лейтенант Эгамбердыев Баходыр Абдуманапович;
- лейтенант Абдуллаев Рашид Игамбердиевич;
- лейтенант Абдуллаев Хамидулла Убайдуллаевич;
- лейтенант Назаров Рустам Чингизович;
- сержант Мамедов Довлет Пардаевич;
- сержант Салихов Ахрор Кадирович;
- рядовой Ибодов Люффи Бобоевич;

орденом Красной Звезды — 42 человека:

- майор Джалилов Джуробай;
- капитан Ашуров Абдулкасым Мамадалиевич;
- капитан Бердыев Рашид Меджитович;
- старший лейтенант Абдуллаев Алым Султанович;
- старший лейтенант Амангельдыев Курбандурды Мередович;
- старший лейтенант Тишаев Гафуржон Кадырович;
- старший лейтенант Камбаров Александр Магрупович;
- старший лейтенант Маматкулов Гулям Юсупович;

² Колесник В. «Шторм» в Кабуле. — М.: «Братишка», 2000, № 5-6.

— лейтенант Абдувалиев Улугмирза Халмирзаевич;
— лейтенант Абзалимов Рамиль Каримович;
— лейтенант Касымов Салижон Сабинович;
— лейтенант Нуриддинов Мусалим Султанович;
— лейтенант Туркманов Мавлян;
— лейтенант Хусаинов Мурат Ораевич;
— прапорщик Жуматов Бекиммат;
— прапорщик Ибодуллаев Гаппар;
— прапорщик Мамедназаров Ишанберды;
— сержант Кривобоков Виктор Николаевич;
— младший сержант Мардыев Аман Файзуллаевич;
— младший сержант Султанов Рустам Хамиджанович;
— младший сержант Тураев Солохиддин Музафарович;
— младший сержант Щербек Миркасым Абдрашимович (посмертно);

— ефрейтор Абдуразаков Алишер Акмоллович;
— ефрейтор Халилов Мухаммеджон Бакиевич;
— рядовой Абдуллаев Рустам Хабибович;
— рядовой Богодиров Абдумумин Абдунабиевич (посмертно);
— рядовой Боратов Якуб Салихович;
— рядовой Гаипов Фарид Аманович;
— рядовой Кенжаев Равшан Нурмахматович;
— рядовой Курбанов Ходжанепес (посмертно);
— рядовой Мамаджанов Абдунаби Гайджанович (посмертно);
— рядовой Низамов Азиз Таджикиевич;
— рядовой Расульметов Курбантай Мурадович (посмертно);
— рядовой Рахматуллаев Иркин Исроилович;
— рядовой Рахмонов Мирзо Исроилович;
— рядовой Саидов Насим Каггабаевич;
— рядовой Сулейманов Шокиржон Султанович (посмертно);
— рядовой Туракулов Зокир Салиевич;
— рядовой Хезретов Бабахан;
— рядовой Ходжабеков Бурибай Хасанович;
— рядовой Хусанов Сабирджон Камилевич (посмертно);
— рядовой Эльшанов Сайдалим Субханович;
орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3 степени;

— старший лейтенант Э.Н. Ибрагимов.

Медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» были награждены 120 человек.¹

¹ Справка из исторического формуляра 154 отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Некоторые сержанты и солдаты к этому времени были в госпитале и получили награды позже. Последним, в декабре 1980 года, награду получил рядовой Б. Хезретов, который почти год лечился в военном госпитале в г. Ленинграде и вернулся в отряд, чтобы сняться с комсомольского учёта. Он уже более полгода должен был быть демобилизован.

Овчаров А.А.: «Я приказал построить бригаду и в торжественной обстановке вручил Хезретову орден Красной Звезды».

Голубев А.Т.: «Орден Красного знамени, я получил из рук Андропова. Тогда всем налили шампанского, Юрий Владимирович сказал так: «Эти ордена боевые, они завоеваны кровью, их шампанским не обмоешь. Езжайте домой и выпейте водки!.. Но забудьте, где вы были, что делали!».¹

По результатам операции указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1980 года также были награждены несколько офицеров из 15 обрСпН: орденом Красной Звезды:

— подполковник Овчаров Александр Алексеевич — командир 15 обрСпН;

— подполковник Стекольников Анатолий Михайлович — начальник штаба 15 обрСпН;

— подполковник Турбуланов Владимир Александрович — заместитель командира 15 обрСпН по тыловому обеспечению;

— подполковник Шрамко Владимир Владимирович — командир отряда;

— майор Коновальчиков Виктор

Командир 15 обрСпН полковник Стекольников Анатолий Михайлович

Александрович — командир отряда;

— майор Смелов Михаил Петрович — нач. инженерной службы.

орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3 степени:

— подполковник Агапонов Алексей Васильевич — заместитель командира 15 обрСпН;

— подполковник Тибенко Иван Иванович — заместитель командира

¹ Бондаренко А. Забудьте, где вы были, что делали! — М: «Красная звезда», 2004, 28 декабря.

15 обрСпН по политической части — начальник политического отдела бригады.¹

ВРУЧЕНИЕ БОЕВОГО ЗНАМЕНИ

В феврале 1980 года предложения по новой организационно-штатной структуре отряда и его вооружению, а также вариант учебной программы для вновь создаваемых штурмовых подразделений войск специального назначения с незначительными изменениями Генеральным штабом ВС были утверждены. Командование отряда и 15 бригады приступило к реализации соответствующих директив МО и ГШ ВС СССР.

Мы получили собственный номер — в/ч 94028, 3 рота БМП стала 1 ротой БМП, 2 рота БТР стала 2 ротой БМП, 1 рота БТР стала 3 ротой БМД, рота оружия практически не изменилась. Образовались 2 новые роты: рота специального оружия (состоящая из 2-х взводов: инженерно-саперного и огнеметного взвода РПО «Рысь») и рота материального обеспечения (вместо группы материального обеспечения). Группы связи и зенитной артиллерии ЗСУ 23-4, а также медицинский пункт практически не изменились. Соответствующую боевую технику и стрелковое оружие, как и в прошлый раз, получили с окружных складов.

21 октября 1980 года приказом МО СССР № 4/372 отряду был присвоен закрытый номер — 154 ооСпН, открытый номер в/ч 35651, условное наименование (позывной связи) — «Пахта». Боевое знамя части отряду было вручено начальником разведки ТуркВО генерал-майором А.А. Корчагиным заместителю командира отряда капитану Н.М. Костенюку.

¹ Справка из исторического формуляра 15 отдельной бригады спецназа ГРУ ГШ ВС СССР.

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ 1979 ГОД И КОЛЕСНИК ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ¹

«В ноябре 1978 года из числа выпускников Рязанского высшего воздушно-десантного училища к нам в роту распределили лейтенанта Григория Иванова. И сразу же после их приезда в части объявили повышенную боевую готовность в связи с событиями в Иране. Офицеры и прапорщики, образно говоря, дневали и ночевали в бригаде, а затем нам объявили, что покидать расположение части никому не разрешается, так как бригада переведена в повышенную боевую готовность. Офицерам и прапорщикам организовали койки для отдыха в канцеляриях и бытовых комнатах рот, где мы спали, а все остальное время проводили на стрельбище, минно-подрывном городке и в полях вокруг Чирчика, где старались ликвидировать недостатки, недочеты и пробелы в обучении солдат и сержантов, накопившиеся за время постоянных отрывов их от занятий.

Как я уже упоминал ранее, в период наибольшего обострения обстановки в Иране разведгруппе спецназа под командованием лейтенанта Лоринда Ко были поставлены реальные боевые задачи на ведение разведки в северных районах этой страны. И только перед самым вылетом группы на боевое задание в штаб 15 обрСпН поступил приказ, запретивший реальное применение этой разведывательной группы.

Вот так и закончился бурный во многих отношениях 1978 год.

13 января 1979 года, когда контроль за присутствием офицеров в части, вызванный объявлением повышенной боевой готовности, несколько ослаб, Игорь Стодеревский пригласил Сашу Латышева, Валентина Ледовского и меня в ресторан, располагавшийся в авиагородке Чирчика, чтобы отметить Новый год хоть по старому стилю, так как нормальный Новый год нам так и не удалось нормально отпраздновать. Оркестр в ресторане с промежутком в две-три, максимум четыре песни исполнял очень популярную в то время песню Михаила Боярского из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетера», в котором были такие слова:

¹ Из воспоминаний о 1978 — 1980 гг. ветерана бригады, в то время командира 4 роты 15 обрСпН старшего лейтенанта Харламова С.А.

Пора-, пора-, порадуемся на своем веку,
Красавице и кубку, счастливому клинку,
Пока-, пока-, покачивая перьями на шляпах,
Судьбе не раз шепнем: «Мерси боку!»

На фоне переполнившей в те времена кино- и телеэкраны производственно-партийной темы эта песня оказалась тем свежим глотком лирики и романтики, который всем нам, особенно спецназовцам, был очень близок. Кроме того, в лексикон офицеров и солдат чирчикского спецназа в качестве крылатых вошли некоторые фразы, озвученные героями этого фильма. Например, эта: «Вообще-то мы мухи не тронем..., а вообще-то мы головорезы!», которая всем нам очень нравилась и после этого фильма часто употреблялась по различным поводам и без таковых.

Отдыхая в ресторане авиагородка Чирчика, мы тогда еще не знали и не чувствовали, что время неумолимо начало отсчет, завершавший мирный период для советского спецназа...

А тем временем в середине января 1979 года Василий Васильевич Колесник в очередной раз напомнил о себе, когда Главное разведывательное управление Генерального штаба организовывало обучение группы офицеров войск специального назначения и других армейских структур на курсах усовершенствования офицеров. Фактически Василий Васильевич по предложению командира нашей бригады подполковника А.А.Овчарова утвердил Федора Волоха и меня в качестве кандидатов для обучения на этих курсах.

Лично я ехал в Москву без особого желания, так как понимал, что после учебы на этих курсах могу уже не вернуться в часть, да и в спецназ, который искренне любил и хотел там служить. Но такова, видимо, военная судьба — приходится ей повиноваться и служить не там, где хочется, а там, где надо, где от тебя ожидают больше пользы.

На майские праздники мы с Федей приехали из Москвы в Чирчик на 10 дней на каникулы. Как раз в то время на базе 15 обрСпН под руководством представителя ГРУ ГШ полковника Колесника началось формирование 154 отдельного отряда специального назначения, который, как стало известно позже, создавался в Чирчике согласно директиве начальника Генерального штаба ВС СССР от 26 апреля 1979 года. Из-за того, что в этот батальон набирали исключительно представителей коренных национальностей республик Средней Азии СССР, солдаты и офицеры 15 обрСпН

Ветераны отряда в наши дни. Слева направо: Полковники Стодереvский Игорь Юрьевич, Амангельдыев Курбандурды Мередович, Шарипов Владимир Салимович. (Фото 2009 г.), г.Киев

назвали его «Мусульманским батальоном». Как можно было судить, в то время вообще никто, не только офицеры бригады, но и сам Василий Васильевич в точности не представляли, для чего на самом деле создавалось это специфичное подразделение, какая роль отводится ему в той игре, которая начинала разыгрываться в Афганистане.

До конца это трудно было понять и тогда, когда мы с Федором, вернувшись в конце ноября 1979 года из Москвы, оказывали помощь в отправке «мусульманского батальона» в Афганистан. Кстати, наше возвращение в Чирчик было отмечено тем, что нас с Федором назначили на должности командиров рот, но командовали мы ими недолго, так скоро пришел приказ из Москвы, согласно которому мы в конце февраля 1980 года должны были отправиться служить по вновь приобретенным специальностям в другие воинские части. Федя поехал на Дальний Восток, а я — в Среднеазиатский военный округ.

Из опубликованных воспоминаний Василия Васильевича Колесника и из последующих моих бесед с ним, проведенных в разное время, можно было сделать однозначный вывод, что лишь он один да еще несколько человек во всем Советском Союзе доподлинно знали, зачем на самом деле был сформирован этот «мусульманский батальон».

О том, как 154 отдельный отряд специального назначения штурмовал Дворец Амина, написано достаточно много, и у тех, кто изучает или просто интересуется этой темой, вопросов практически не осталось, хотя в те времена, когда эти события происходили, все было покрыто мраком неизвестности и таинственности. Правда, в 15 обрСпН о штурме Аминовского дворца Тадж-Бек, осуществленного 27 декабря 1979 года, все узнали практически на следующий день. В данном случае сработал так называемый «солдатский телеграф». Без особых деталей, но суть того, что произошло, мы все-таки знали достаточно точно, намного раньше и лучше многих.

Уже утром 30 декабря командир 2 батальона капитан Игорь Стодеревский съездил в Ташкентский военный госпиталь, чтобы проведать раненного в ногу при штурме Аминовского дворца командира 1 роты «мусульманского батальона» старшего лейтенанта Володю Шарипова. Помню, как в тот день, перед началом торжественного собрания, посвященного очередной годовщине образования 15 отдельной бригады специального назначения, Игорь Стодеревский рассказывал, со слов Шарипова, о действиях нашего 154 отряда спецназа в Афганистане, уточняя лишь то, что большинство из нас уже фактически знало.

Вспоминая тот день, 30 декабря 1979 года, не могу не сказать, что из-за задержки командира бригады подполковника А.А.Овчарова в Ташкенте начало торжественного собрания было отложено примерно на два часа. Когда Овчаров приехал, мы по его виду поняли, что он сильно взволнован. Командир долго не мог собраться с мыслями, чтобы начать мероприятие. Затем вышел к трибуне и, извинившись перед собравшимися за столь долгую задержку, в обстановке идеальной тишины в зале с трудом начал рассказывать о том, что был в Ташкентском военном госпитале, где проходило прощание с семьей нашими бойцами из «мусульманского батальона», погибшими при штурме Дворца Амина Тадж-Бек. По его предложению все присутствующие почтили их память вставанием. Раненых спецназовцев из 154 ооСпН оказалось более полусотни.

2 января 1980 года я поехал в Ташкент, в госпиталь к Володе Шарипову, с которым мы вместе учились в Свердловском суворовском военном училище. Вместо предложения Игоря Стодеревского отвезти Володе в подарок бутылку водки я привез ему банку настоящего горного меда с пасеки моего тестя Петра Николаевича Саморокова. Наливая мед в банку, тесть заметил, что не успеет Володя съесть полбанки этого ценного продукта, как уже совсем выздоровеет, и все его раны полностью заживут.

Шарипыч, как мы звали Володю в Свердловском СВУ, несмотря на ранение, чувствовал себя очень даже бодро, поэтому много и довольно подробно рассказал об операции по взятию Аминовского дворца.

Как представляется, говоря о Василие Васильевиче, уместно отразить только то, что точно и достаточно емко характеризует его и что не получило достойного и достаточно полного отражения в публикациях очевидцев тех событий.

Многое из того, что тогда рассказывал мне Володя Шарипов, я в разное время неоднократно уточнял в беседах с Колесником, когда он уже ушел на пенсию. Василий Васильевич подтвердил, что Володя, будучи всего лишь командиром роты боевых машин пехоты «мусульманского батальона», знал многие детали операции, так как был командиром штурмовой группы, выделенной от нашего батальона. При этом основное на что обратил мое внимание Шарипов, было то, что Василий Васильевич проявил настоящее мужество, отстаивая перед начальниками свой вариант плана взятия Дворца Амина Тадж-Бек. Именно разработанный Колесником план действий 154 отряда и приданных ему сил и средств из состава спецподразделений «Зенит» и «Гром» который, в конечном итоге, был точно выполнен его подчиненными, позволил избежать серьезных потерь во время проведения операции по штурму Дворца Тадж-Бек. Уж кто-кто, а Колесник прекрасно понимал, что первый вариант плана, подготовленный крупными специалистами из высоких штабов ВС СССР, мыслившими не иначе, как: «Одним парашютно-десантным полком возьмем целый город», привел бы к огромным невосполнимым потерям как в нашем «мусульманском батальоне», так и в спецподразделениях «Зенит» и «Гром» КГБ СССР.

Мой многолетний опыт службы в Вооруженных Силах СССР и России достаточно красноречиво показывает, что далеко не всякий командир способен проявить мужество и настойчивость, чтобы доказать несостоятельность решений, принятых высоким начальством. Поэтому я с еще большим уважением начал относиться к Василию Васильевичу Колеснику, когда узнал, как ему приходилось отстаивать свое мнение и доказывать преимущества своего плана взятия Дворца Амина и отмены плана, утвержденного на самом высоком уровне.

При этом, как представляется, Колесник в то время меньше всего думал, что о нем лично подумает его непосредственное руководство в Главном разведывательном управлении, а также прямые начальники в Генеральном штабе и Министерстве обороны СССР. За долгие годы службы в войсках специального назначения он привык прежде всего думать о каче-

Старший лейтенант Праута Василий Максимович (слева второй) с подчиненными перед прыжком с парашютом. Фото 1979 г.

ственным выполнении поставленных боевых задач с минимально возможными потерями личного состава, а уж потом, если получится, можно позаботиться и о себе, о своем личном авторитете.

Руководствуясь именно этими критериями, Василий Васильевич составил свой план штурма Дворца Амина и отстоял его основные положения у начальника Генерального штаба ВС СССР маршала Н.В.Огаркова.

Видимо, с учетом исключительных личных и деловых качеств именно Колесник был назначен ответственным за выполнение задачи по взятию аминовского дворца Тадж-Бек. В подчинении у него, кстати сказать, оказались весьма высокие должностные лица из других уважаемых ведомств и даже в более высоких, чем у Василия Васильевича, воинских званиях.

Василий Васильевич Колесник проявил себя как неординарный командир и незаурядный человек также и тогда, когда он приступил к выполнению разработанного им плана. Как представляется, афганское руководство к вечеру 27 декабря 1979 года начало догадываться, что советский батальон специального назначения готовится к проведению акции против Хафизулы Амина и попыталось предпринять меры, чтобы воспрепятство-

Военнослужащие группы ЗАГР сержант Виктор Кривобоков и рядовой Павел Луцук после награждения. Май 1980 г.

вать этому. Колесник, основываясь на поступающих к нему сведениях о действиях охраны Х.Амина и войск Кабульского гарнизона, правильно оценил сложившуюся обстановку и принял решение начать операцию несколько раньше установленного плана срока, что способствовало внезапности при атаке 154 отрядом СпН и спецназовцами «Зенита» и «Грома» КГБ СССР Дворца Тадж-Бек. Тем самым, отдав приказ на штурм дворца

несколько раньше, чем было запланировано ранее, Колесник в максимальной степени использовал фактор внезапности, благодаря чему спас не один десяток жизней спецназовцев ГРУ ГШ и КГБ СССР.

Все участники операции прекрасно понимали это. Поэтому на следующий же день, когда напряжение, вызванное скоротечным, но напряженным боем по взятию резиденции Хафизулы Амина в основном сошло, на построении 154 отдельного отряда СпН спецназовцы, зная, что именно благодаря четким действиям Василия Васильевича Колесника многие из них и остались живы, решили, что полковник Колесник достоин, чтобы бойцы отряда официально называли его своим «Батей».

Очевидцы этого события утверждают, что после объявления данного решения перед строем «мусульманского батальона» Василий Васильевич искренне расчувствовался, совершенно не стесняясь своих слез. Многие из солдат и офицеров 154 отряда спецназа тоже плакали как дети. Это были слезы искренней благодарности Колеснику за то, что уважаемый командир сделал все, чтобы полностью выполнить поставленную перед спецназовцами боевую задачу и спасти их жизни.

После того подвига, который был совершен в Кабуле спецназовцами ГРУ и КГБ, стало ясно, что все они должны быть награждены высокими государственными наградами. В мае 1980 года, когда я вновь ненадолго оказался в Чирчике, мне стало известно, что полковник Колесник удостоен

высокого звания Героя Советского Союза. Помню, как в Чирчикской бригаде спецназа по этому поводу готовили шикарный поздравительный адрес для Василия Васильевича. Именно тогда я во всех деталях вспомнил, как почти тремя годами раньше, после похорон капитана С.М. Шапиро, полковник Колесник перед офицерами нашей бригады делился своими сомнениями относительно того, является

Полковники Холбаев Х.Т. и Золотарев С.К. (в центре сержант Хакимов) на встрече в 2009 г. в Чирчике

ли он по-настоящему смелым человеком. Конкретные дела и личные боевые заслуги Василия Васильевича точно расставили все точки над «i».

Да, операция по взятию Дворца Амина явилась для Колесника той вершиной, к которой он стремился всю жизнь, к достижению которой готовился на всех этапах своей службы: во время учебы в суворовском и военном училищах, Военной академии имени М.В.Фрунзе, а также во время своей длительной службы в войсках специального назначения. Судьба распорядилась так, чтобы именно он был назначен ответственным от Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР за подготовку и проведение этой уникальной операции, а потом и возглавил всю объединенную войсковую группу ГРУ ГШ, КГБ СССР и ВДВ. Как я уже говорил выше и, что немного нашлось бы достойных командиров и начальников, которые смогли бы так же успешно справиться с этой сложнейшей боевой задачей. А Василий Васильевич Колесник смог, и тем самым оправдал то доверие, оказанное командованием Главного разведывательного управления Генерального штаба.

Когда об афганских событиях начали писать все кому не лень, я предлагал Василию Васильевичу «положить на бумагу» то, что он знает, участником чего он был. Однако он всегда отказывался. При этом говорил, что уже написал, что хотел, намекая на несколько статей, написанных им о взятии 154 отрядом спецназа ГРУ Дворца Амина. Как-то, объясняя свою позицию, Василий Васильевич заявил, что если начать писать, придется касаться и своей роли в этих событиях, а писать о себе он считал не вполне

этичным. «Пусть другие напишут, — заключил он. — Это будет, думаю, намного интереснее и более объективно».

Сейчас уже точно не помню, в этот ли раз, или во время другой нашей с Василием Васильевичем беседы, он, глубоко задумавшись, сказал, что ни тогда, в 1979 году, ни сейчас не верил и не верит в особую необходимость для СССР ввода советских войск в Афганистан. Он долго обосновывал свою позицию по данной проблеме. При этом он считал с самого начала, что ввод советских войск изначально был серьезной ошибкой руководства страны. Однако Колесник однозначно заявил, что мы люди военные, дисциплинированные и обязаны выполнять приказы, хотя порой и не согласны с решением командования».

КОМБРИГ

*Светлой памяти генерал-майора
Колесника Василия Васильевича*

...И рядовые, и комбаты,
Осилившие высоту,
Его зовут и ныне «Батей»
За праведную доброту,
Хотя у самого истока
Он мог и смел бы стать жестоким.
В шесть лет легла на сердце шрамом
Та встреча с клятыми врагами
Со свастикой на рукавах.
Они родных отца и маму
Казнили на его глазах.
И стала б мачехой постылой
Земля без мамы и отца...
Но привлекла и приютила
Семья суворовцев мальчика.
В ней обретал он шаг за шагом
Законы дружбы и отваги,
И крепость воли обретал,
Как закаляемый металл.
Та воля душу вдохновляла,
В полет звала и помогала
Перемогать знобящий страх
И на афганских перевалах,
И на граничных рубежах.
И в строгой летописи ратной
Останутся на долгий век
Штурм и захват Тадж-Бек
Сквозь строй охраны многократной.
Подмяв бесшумно грозных стражей,
Руководимый им отряд
Отсек броню от экипажей
И командиров от солдат.
Затем в порыве том едином,

Запалы вывинтив из мин,
Связь срезал —
И аминь Амину,
И лжи аминовской — аминь!..
А на ученьях, на досуге,
Во всем понятный и большой,
Он был советником и другом,
Отцом бригады
И душой.
И в памяти —
Как та зарница
За дальней облачной грядой,
Гроза прошла,
А свет лучится,
Земле, дарующий покой.

*Михаил СЕЛЕЗНЕВ,
Лауреат премии В.И.Ленина,
премии Н.Ушакова и ряда
литературных премий,
инвалид ВОВ, авиадесантник
Великой Отечественной
войны*

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

Я СКАЖУ ВАМ ПРАВДУ¹

Живет боец текущим днем.
Да, завтра будет под огнем,
Но помирать в кровавой стычке
Не собирается спецназ,
Коль получил иной приказ.

Владимир КОШЕЛЕВ

Еще в Минске, задолго до командировки, я мысленно нарисовал его облик: не улыбочивый, сухощавый, невысокого роста; типичные южные черты лица, смуглая кожа... и обязательно — небольшие черные усы. Почему-то именно таким он мне представлялся. Каким же было мое изумление, когда в Слониме на железнодорожном вокзале меня встретил... типичный полесский белорус. От мысленно нарисованного портрета на месте были лишь усы. Да и те рыжие. Видимо, поняв мое недоумение, Владимир Салимович Шарипов весело улыбнулся:

— Да у меня мама — русская!..

¹ Шарипов Владимир Салимович родился 8 марта 1952г. в семье военнослужащего в Душанбе. Окончил Свердловское СВУ и Ташкентское ВОКУ им. Ленина в 1974. Мастер спорта по стрельбе и КМС по мотокроссу. С 19.09.1974 по 8.9.1978 гт. — командир взвода в мсп (г.Кушка). С 8.9.1978 по 16.5.1979 гт.-командир мсп (г.Кушка). с 16.5.1979 по 8.01.1981 гт. командир роты спецназа «мусбата» 15 обрСпН (г.Кабул-Чирчик). С 8.01.1981 по 20.7.1981 гт. заместитель командира 154 ооСпН 15 обрСпН. С 20.7.1981 по 31.1.1982 гт. командир демантно-штурмового батальона 66 омсбр (г.Джелалабад, ДРА). С 31.01.1982 по 28.8.1982 гт. командир отряда СпН в 15 обрСпН (г.Чирчик). С1982 по 1983 гт. слушатель ВА им. Фрунзе. С 22.6.1985 по31.10.1985 гт. старший офицер 4 отдела РУ ПрибВО. С 31.10.1985 по 21.12.1987 гт. — начальник штаба 291 мсп 26гв.мсд (ПрибВО). С 21.12. 1987 по 21.4.1989 г. командир 482 мсп 144 гв мсд (ПрибВО).21.4.1989 по 15.9.1992 гт. — командир 249 мсп 11 гвtd (ЗГВ-БелВО) вывел полк в Белоруссию. 15.9 1992 по 30.11.1994 гт. — замкомандира механизированной бригады 28 армии (Республика Беларусь). С 1994г. в запаса. Награжден орденом Ленина и орденом «За службу Родине» 3 ст. Женат. Проживает в Минске.

В тот день лил густой, не по-летнему холодный дождь. Ветер швырял его косые струи на лобовое стекло машины, и дворники едва справлялись с заливавшей обзор водой. Мы ехали к Шарипову домой. Владимир Салимович, не щадя моего журналистского самолюбия, ругал погрязшую в разных грехах прессу, раздраженно сетовал на домыслы тех, кто хоть и являлся участником событий двадцатилетней давности, но взял на себя ответственность рассказывать о том, чего лично не видел.

— Э-э-э, понапишут ерунды всякой! Попробуй докажи, что все по-другому было! Я как-то о себе прочитал в одной газете: мол, войдя в комнату, где убитый Амин лежал, я всадил в него автоматную очередь. Полный бред! Зачем неправду писать, а? Люди ведь прочитают, скажут: «Ладно, дворец штурмовал, но зачем было труп расстреливать?». Или вот вы написали, что одной из рот «мусбата» командовал будущий генерал Востротин. Да не так это было: он командовал ротой десантников, которая была придана «мусульманскому» батальону, но в штате батальона рота не состояла.

Я чувствовал: наболело в душе Шарипова за эти годы. Была легендарная «Альфа», был «Зенит». Но ведь был еще и «мусульманский» батальон.

И болит у него душа за то, что «мусбат», а точнее — 154 отдельный отряд специального назначения, 540 офицеров, прапорщиков и солдат этой уникальной части остались в тени, почти в забвении. А ведь именно они определили успех беспрецедентной в истории спецназа операции «Шторм». Достаточно хотя бы сказать, что сразу после десантирования «Альфы» перед дворцом Амина 13 из 20 ее бойцов получили ранения. Кто-то из раненых, правда, продолжил бой, но ведь дворец обороняло около 200 гвардейцев из элитной бригады охраны!

Зимой 1979 года командира мотострелкового взвода, кандидата в мастера спорта по мотокроссу, мастера спорта по стрельбе из пистолета, старшего лейтенанта Шарипова неожиданно пригласили на беседу в кабинет командира полка. Незнакомый офицер в «гражданке» поинтересовался: «Не хотите ли послужить в спецназе?».

Спецназ!.. Ну какой настоящий военный не мечтал о спецназе! Старлей Шарипов почти без раздумий согласился. В феврале 1979 получил направление в Чирчик, где дислоцировалась 15 отдельная бригада специального назначения Туркестанского военного округа. «На базе бригады создавали какое-то странное подразделение. Формировали воинскую часть, практически полностью состоящую из уроженцев среднеазиатских республик. Единственным офицером, русским по национальности, был командир

зенитного взвода Василий Праута. В «мусбате» Шарипов принял третью роту.

Для спецназа это была уникальная часть. Подразделения специального назначения вооружались БТРами и БМП. Раньше никогда такого не было. Спецназ ведь — это рюкзак на спину, снаряжение, боеприпасы на себя, автомат в руки — и пошел. А тут — техника! В батальоне имелось четыре роты. Две роты — первая и вторая — на БТРах, третья — на БМД — моя. Гранатометная рота АГС-17, зенитный взвод ЗСУ 23х4 «Шилка», подразделения обеспечения. Для нашего батальона даже программы боевой подготовки не было. Для «чистого» спецназа есть, для мотострелков есть, а для нас — нет. Приехали из ГРУ офицеры, и мы сами вместе с ними стали составлять программу. Никто не знал, для выполнения каких задач создается этот странный батальон. Смутно догадывались — предстоит отправиться куда-то за рубеж.

— Сначала определили нам общую тему: оборона зданий. «Разбросали» ее на полгода. Программа была совершенно особая, для единственного в Союзе батальона. Дали технику — вся новая, с завода. Никаких лимитов — ни на боеприпасы, ни на моторесурсы. И — никаких работ посторонних. Только боевая подготовка. Вот тут нам было раздолье! Очень здорово занимались физподготовкой. Совершали марш-броски по 30 километров с полной выкладкой. Было письменное распоряжение начальника Генерального штаба, по которому нам в любое время Ташкентское ВОКУ и Чирчикское танковое училище предоставляли свои полигоны. Даже если у них там были запланированы занятия с курсантами. Поначалу мы были отдельным батальоном на базе бригады специального назначения. Выделили нам даже свой отдельный военный городок. А потом и знамя вручили, дали наименование — 154 отдельный отряд специального назначения.

Владимир Салимович не произносит это типичное спецназовское слово «отряд». Для него куда привычнее — «батальон», «мусбат».

— Стройбат для нас несколько зданий построил. Были на полигоне какие-то мазанки, они их в городские дома превратили. С нами постоянно находились офицеры ГРУ из Москвы. Месяцев пять мы прозанимались интенсивно, а потом все пошло как-то с прохладцей. «ГРУшники» в «гражданке» вдруг исчезли, и сразу занятия — стоп. Начали на работы всякие солдат отвлекать. И пошло: подметай, убирай... О нас словно забыли. Однако спустя некоторое время снова появились мужики в «гражданке». И нам резко меняют программу подготовки: теперь на три месяца спланировали занятия по тематике: «Штурм зданий». Выдали всем афганскую форму. Выезжали на занятия в советской форме, а уже на полигоне переодевались

в афганскую, без знаков различия. Впрочем, тогда мы даже не знали, что она — афганская. Откуда нам было знать? Отзанимались, иностранную одежду сняли, сложили в грузовик, а свою вновь надели. Так мы привыкали к чужой военной форме.

Вскоре батальону начали выделять квартиры в Чирчике, отправлять офицеров в отпуск. Шарипов тоже уехал в отпуск. И вдруг телеграмма за подписью комбрига Овчарова: «Срочно прибыть в часть!».

Думаю: «Может, ребята пошутили?». От Душанбе до Ташкента 45 минут лета. Прилетишь, а тебя друзья вызвали «отдохнуть». Все мы были молодые, с чувством юмора. Я решил, позвоню-ка оперативному дежурному. Звоню, а тот мне: «Нет, никакая не шутка это, ваши зашевелились».

Первым же рейсом вылетел в Ташкент. Недобрый предчувствием шевельнулась тогда в душе Шарипова тревога: «Неужели началось?..» Приехал в батальон. Ба-а-а, на территории городка черные «Волги», всюду люди в «гражданке». Вызвал меня и «особиста» 5 батальона старшего лейтенанта Байхамбаева командир бригады полковник Овчаров. Заходим в приемную. Там наш солдат и мужик в «гражданке» — офицер КГБ. Он поднимает трубку, звонит в кабинет комбрига по телефону. Открыли дверь, впустили нас. В кабинете за Т-образным столом командир бригады, наш комбат Хабиб Холбаев, начальник штаба батальона капитан Ашуров, три человека в «гражданке» и начальник штаба бригады спецназа. Дым коромыслом, окурки горой. «Давай, — говорят, — Шарипов, быстро фамилии десяти человек. Только чтобы были не пулеметчики и не из состава экипажей боевых машин». А у меня в роте 120 человек и 13 БМП — откуда всех по должности помню? Я хотел за штатно-должностной книгой сбежать, а они мне: «По памяти называй!». Я фамилии даю, а комбриг по ЗАСовской связи тут же диктует их кому-то в Москву... Назвал я десять фамилий. Они посоветовались и требуют еще десять. Дал. Комбриг опять их по ЗАС продиктовал. А зачем, не говорит. Потом мне Овчаров задачу ставит: «Получишь боеприпасы, по три боекомплекта на каждую единицу оружия. Но не на складе возьмешь, а заберешь из своих БМП (они на территории бригады стояли). Получать будешь лично с особистом, и еще поможет тебе кто-нибудь из бригады. Но только не из вашего батальона».

Утром следующего дня Шарипова известили: двадцать солдат из его роты под командованием заместителя командира батальона капитана Михаила Сахатова (туркмена по национальности) вылетают ставить палаточный городок. Куда? Неизвестно. Означало это одно: скоро двинется с места и весь «мусбат».

Команда Сахатова вылетела из Чирчика 5 декабря. С собой, кроме

оружия и сухих пайков, везли гору палаток. Через два дня, 7 декабря, с ташкентского аэродрома стартовали в неизвестность и основные силы «мусбата». Суматоха погрузки не скрывала волнения и тревоги. Что ждет их там, куда нацелили батальон?

— Перед вылетом всех срочно переодели в солдатскую форму. У офицеров нашивки на погонах красные, а у бойцов — желтые. Вот и все различие. По званиям офицеров различали так: ефрейтор — это лейтенант, младший сержант — старший лейтенант, сержант — капитан и так далее. Комбат наш стал аж старшиной. Вместо пистолетов ПМ выдали ТТ (у афганцев на вооружении ППШ были, а от них патроны как раз к ТТ подходят). Автоматы — АКМ. Тоже, как я сейчас понимаю, для того, чтобы мы могли их боеприпасы использовать. За день до вылета всем нам выдали получку. Вечером мы с ребятами накрыли стол, хорошо посидели. А утром отправились на аэродром, в Ташкент. Часть батальона улетала в тот же день из Чирчика. Загрузили технику — и опять в Чирчик. Оставили там всю свою старую форму, а вечером — опять в Ташкент. Взлетали уже ночью. Но, даже находясь в самолете, не знали, куда летим... В Ил-76 вместе с нами летели, судя по внешнему виду, несколько «партизан». Мужики все были в возрасте, в старой военной форме. Нам сказали: это саперы. Мы и поверили. Решили про себя: судя по возрасту, они еще на той войне в саперах воевали... Я к одному подошел, похлопал по круглому животу: не страшно, мол, дядя, на войну вроде как летим? А тот улыбается: да нет, все нормально, не страшно. Уже потом, в Афгане, комбат собрал офицеров и объяснил: «Никакие это не «партизаны», а представители Советского правительства и военачальники». Чуть позже я «своего» встретил: перед ним навывтяжку... генерал стоял! Он тоже меня узнал, улыбнулся, спросил, как дела. А я по стойке «смирно» стою и вспоминаю, как его по животу хлопал.

Прилетели мы на рассвете. Смотрим: тут же, на аэродроме, наши палатки стоят. Встречает нас... советский десантный батальон из Ферганской дивизии ВДВ. Они, оказывается, раньше нас сюда прибыли, охраняли аэродром. Выяснилось, что аэродром, где сели, — афганский, Баграм. Рядом с ними в капонире разместились какие-то афганцы. Судя по всему, важные были люди. Ходили они в нашей, советской форме, питались с нами в одной столовой, но — никаких контактов. Потом их от нас вообще отделили и даже кормили отдельно. Через несколько дней повезли нас в Кабул на рекогносцировку. Переворот ведь первоначально планировался на 14 декабря. Усадили в машину — по виду «санитарка», а сиденья внутри, как в микроавтобусе. За рулем — офицер КГБ, «гид» — тоже из Коми-

тета. Провезли нас по объектам. С каждым командиром подразделения — приданный офицер КГБ. Со мной был подполковник Анатолий Рябинин. Он до этого бывал в Афгане, работал под «крышей» инженера и прекрасно знал Кабул. Всех сразу предупредили: «Головами не крутите. Чей объект — тот только и смотрит». Мы, разумеется, в советской форме. Подъезжаем к столице. Слева перед въездом расположился афганский танковый батальон. Мимо него никак не проскочишь.

По общему замыслу, мы с приданными комитетчиками должны были захватить все ключевые объекты в городе, в том числе и военные, взять резиденцию Амина. Он в это время находился не в Тадж-Беке, а где-то в другом дворце. И эта задача — на 540 человек всего! Меня планировали на Кабул-радио и Кабул-телевидение. А у меня все силы — один взвод плюс моя, командира роты, БМП. Мы с Рябининым прикинули — это же самоубийство! Я вообще удивляюсь, насколько бестолково была операция спланирована. У меня в старом блокноте схемка осталась. Я втихаря местность набросал, пока разглядывал объект. «Вот смотри: внизу улочка такая узкая, что БМП там не развернуться. Справа — посольство США, слева — стадион. Со стороны стадиона атаковать запретили — можно зацепить огнем американцев. Со стороны посольства тоже нельзя — афганцы могут по нему ударить. Остается одно: атака через поле в лоб — там у них четыре танка, три БМП да еще ДШК». Рябинин мне говорит: «Те перебьют тут всех... Будем делать не так. Видел на въезде танковый батальон? Главное, его пройти надо. Ты подбери водителей. Мы в город пробьемся, технику свою оставим, а возьмем у гражданских легковушки. И проедем по этой улочке. Отсюда и будем объект брать».

Не знаю, кто эту операцию планировал, но дошло знаешь до чего? Сержанту (!) поставили задачу: на одном БТРе с отделением солдат взять... афганский КГБ — ХАД!

Когда закончили рекогносцировку, повезли нас на окраину Кабула. Халбаев, комбат наш, перед этим зашел в советское посольство. А мы приехали на какую-то виллу. Тут для нас организовали обед. Пока ели, к вилле подъехали два УАЗика, в которых находились комитетчики и какой-то важный афганец. Мы только потом сообразили, что это был представитель будущего нового афганского правительства. Не успели обед закончить, заходит офицер и спрашивает: «Вы какое-нибудь оружие с собой взяли?». А у нас только пистолеты у офицеров да еще пара АКМов у сержантов. Он ругнулся и вывел нас в холл, а там, в недействующем фонтане, штабелями сложены ящики с оружием и боеприпасами. Дали нам автоматы, гранаты, боеприпасы. Мы с тревогой гадаем, зачем это? Вышли во двор.

Афганец в окружении офицеров КГБ сел в один из УАЗиков, мы сели в свою «санитарку». Вновь поехали через Кабул. По пути нас предупредили: «Возле танкового батальона шлагбаум. Если с ходу УАЗ не пропустят — открывать огонь без предупреждения. Шлагбаум проскочить любой ценой!». А УАЗик то впереди нас едет, то сзади. Когда подъехали к шлагбауму, он как раз сзади был. И вдруг УАЗик резко нас обогнал и проскочил шлагбаум. Нашу машину тоже никто не остановил. Мы на полной скорости помчались в Баграм. Афганца, который был в УАЗике, плотно опекало КГБ, так что мы могли только догадываться, кто он такой...

Ситуация, сложившаяся в Кабуле накануне 14 декабря, была ясна, пожалуй, только членам Политбюро да кое-кому из руководства КГБ. Все остальные — исполнители — были в полном неведении, даже относительно того, что за задача стоит перед приятелем-сослуживцем.

Владимир Шарипов, командир роты, не знал ничего о том, что будут делать в Кабуле его взводные. Был введен строжайший режим секретности: каждый готовился к перевороту независимо от других, каждый знал только свою роль, сценарий же писался где-то наверху.

Батальон, между тем, жил размеренной армейской жизнью. В 5 утра подъем, потом физзарядка, утренний осмотр, обязательная тридцатиминутная политинформация, завтрак, развод, занятия... Командиром авиационного полка в Баграме был тогда недружественно настроенный к советским военнослужащим афганский подполковник. Одним лишь своим присутствием он постоянно держал в напряжении готовившихся к проведению операции. Накануне переворота решено было его устранить. В момент посадки Ил-76 на аэродроме внезапно погас свет. В несколько секунд подполковника, прогуливавшегося вечером по аэродромной бетонке, скрутили «кагэбэшники» и, дав мощного пинка под зад, впихнули в иномарку. Взревел двигатель, машина рванула с места. Больше никто этого командира полка не видел. Шарипов, ставший невольным свидетелем сцены, только молча удивился произошедшему. Он и сейчас, вспоминая об этом, подчеркивает:

— А ведь еще и войны-то не было!

Между тем, мало кто в «мусбате» сомневался, что повоювать придется. Решительность и дерзость комитетчиков укрепляли их в этой мысли каждый день.

13-го вечером в расположении батальона выстроилась колонна для совершения марша в Кабул. Согласовали сигналы управления и взаимодействия, распределили позывные.

— Колонну выстроили уже в темноте. Мы с Рябининым пошли получать задачу к генералу КГБ. Зашли в здание, смотрим: у генеральского

кабинета стоит здоровенный амбал с «узи», обвешанный гранатами, на боку пистолет. Он Рябина узнал, пропустил нас. Мы зашли как раз в тот момент, когда окончательно решался вопрос о времени начала движения колонны. Мне генерал поставил такую задачу: «В твою машину мы посадим человека с охраной. За него будешь отвечать головой. В другие машины загрузишь листовки». Кто человек этот — не говорит. Но мне понятно: раз я иду на радио и телевидение, то этот афганец — кто-то из нового правительства, наверняка с обращением к народу... Думаю, что это был Бабрак Кармаль.

Но колонна движения не начала: президент Хафизулла Амин внезапно уехал в тот день из Кабула, и операцию решили отложить. Спецназовцы облегченно вздохнули. И опять пошли дни ожидания. Угнетала неизвестность. Никто и ничего толком не знал. Так — догадки, обрывки информации.

Вскоре Шарипову поставили новую задачу. Поскольку «мусбат», по взаимной договоренности между СССР и ДРА, должен был входить в состав президентской бригады охраны, то специально для правительства Амина решено было устроить показательные стрельбы — «продемонстрировать мощь Советской Армии». В один из дней ротный выехал за аэродром и потренировался в пусках ПТУР «Малютка» с БМП-1. Предполагалось удивить афганцев боевыми возможностями советского управляемого оружия. Но в последний момент стрельбы отменили. Вместо этого батальон получил задачу передислоцироваться в Кабул и... приступить к охране дворца Тадж-Бек (в конце декабря Амин перенес туда свою резиденцию). Сам того не ведая, афганский президент облегчил советским спецназовцам выполнение их основной задачи...

23 декабря батальон был переброшен в афганскую столицу. Семьдесят километров преодолели за четыре часа, хотя времени планировалось потратить вдвое меньше. И все из-за того, что афганские посты останавливали их раз пятнадцать. Каждый раз наши, проклиная несогласованность между советским и афганским командованием, выходили на связь со своим руководством. Те дозванивались аж до самого начальника афганского генерального штаба генерала Якуба, и только потом сверху по инстанциям спускалось разрешение продолжать движение дальше... Страшно даже подумать, что с такой организацией могло бы быть 14 декабря... Пожалуй, далее танкового батальона, что на окраине Кабула, они бы не прошли. Выходит, что, убыв в тот день из столицы, Амин тем самым сберег советский спецназ от поражения?

В Кабуле колонну встретили офицеры ХАДА и сопроводили ее до

самого дворца. «Мусбат» разместили метрах в трехстах от Тадж-Бека — в казарме. Батальон вошел в подчинение командиру бригады охраны майору Джандаду.

— Мы переоделись в афганскую форму. Афганцы комбату выдали радиостанцию для прямой связи с комбригом. Джандад тут же начал «строить» нас за форму одежды. За то, что солдаты оправляются не по-мусульмански... Мы, конечно, для вида соглашались, признавали его правоту. Между тем в батальоне появились новые люди. «Замполитом» стал полковник ГРУ Василий Васильевич Колесник (в прошлом — командир чирчикской бригады специального назначения). «Заместителем» — подполковник ГРУ Олег Ульянович Швец. В управление батальоном, также под видом одного из замов комбата, был введен представитель КГБ. Под «капитаном Лебедевым» скрывался генерал-майор КГБ Ю.И. Дроздов — начальник Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ.

В один из вечеров батальон навестил комбриг Джандад. Специально для афганских гостей было устроено щедрое застолье. Уезжали они уже почти друзьями... Вновь была проведена рекогносцировка. За несколько дней до штурма в столицу прибыла «Альфа». Переодетые в солдатскую форму, ее бойцы незаметно растворились среди солдат «мусбата». У каждого был чемодан с личным оружием, бронежилетом и прочим снаряжением.

Незадолго до их появления из Москвы прибыла посылка: пять тяжелых ящиков. Когда комбат Холбаев вместе с Шариповым вскрыли их, то обнаружили внутри... три десятка бронежилетов. Впрочем, прибывшие вслед за «Альфой» офицеры КГБ из группы «Зенит» тут же реквизировали бронежилеты. Предполагалось, что именно им придется действовать внутри дворца, а раз так, то «Зениту» «броня» нужней, чем «мусбату».

Планировалось, что «Альфу» к Тадж-Беку мы доставим на своих БМП. В штурмовую группу под мою команду выделили пять машин. В каждую, кроме экипажа, я посадил по два бортовых пулеметчика с ПК, 20 «альфовцев» разместил равномерно по «десантам» всех БМП. И начали мы их учить посадке-высадке. Пробовали высаживать, как положено, когда машина идет на пониженной передаче. Но они говорят: скорость слишком маленькая. На первой передаче попробовали — тоже медленно. Пришлось им учиться высаживаться в условиях, когда БМП идет на второй передаче.

«Альфовцы» поначалу снопами вываливались из машин... Что интересно, вся подготовка к штурму происходила прямо на глазах у

афганцев. Поэтому мы маскировали свои действия под обычную, плановую боевую подготовку. Ничего иного нам не оставалось.

По ночам, примерно в 24 часа, и в 6 утра машины заводили и проводили занятия по вождению. Приучали афганцев к тому, что у нас эта «боевая подготовка» идет круглые сутки. С постов, которые на высотах вокруг батальона были расположены, пускали осветительные ракеты. Командир бригады Джандад поначалу звонил среди ночи: «Что такое, почему стреляют? Почему машины гудят?». А комбат наш Хабиб Таджикибаевич ему отвечал: «Да у нас боевая подготовка идет. Нормально все». Джандад: «Почему не предупреждаете заранее?». Холбаев: «У нас же каждую ночь занятия, чего тут предупреждать?».

Вечером 24 декабря в кабинете главного военного советника в Афганистане генерал-полковника С.К. Магомедова решался принципиальный вопрос: кто будет руководить операцией, а значит, и возложит на себя ответственность за ее исход? Вопрос обсуждался долго. Слишком скользким он был, щекотливым. Возглавлять такое дело мало кому хотелось. Все понимали: если провал — перед афганцами повинятся, заявят, что у офицеров что-то случилось с головой, руководство СССР здесь совершенно ни при чем. Наконец, буквально каждый боец понимал: идти с такими скромными силами в бой — самоубийство.

Так что назначали, скорее, крайнего, а не руководителя операции. После долгих дебатов жребий пал на полковника ГРУ Василия Колесника — был он в свое время комбригом в спецназе, его план штурма дворца был признан лучшим, а стало быть, ему и карты в руки.

Из прокуренного кабинета разошлись уже 25-го. Время «Ч» было назначено на 22 часа 27 декабря. До начала штурма оставалось немногим более двух суток.

Комбриг Джандад в ночь перед штурмом провел с бригадой занятия по боевой готовности. Словно чувствовал что-то. Задачу мне поставил сам Колесник: «Стартанешь на пяти машинах. В каждой — по пять человек твоих, плюс «кагэбэшники». Потом твоих людей, кому не хватит места в БМП, подвезут следом. Сразу же с началом движения откроешь огонь из всего оружия. Оцепишь здание так, чтобы никто не ушел. Внутри будет Комитет действовать, а твое задание — никого не упустить!»

Никого — это, в первую очередь, самого Амина! Боеприпасы приказано было выдать за час до начала операции. Ее начало было перенесено на 20 часов.

Штурм дворца планировалось осуществить двумя группами. Первая — «Гром». Это бойцы «Альфы» под командой Михаила Романова. Поз-

же, перед Штурмом, к 20 бойцам группы «А» подключились Э.Козлов, Г.Бояринов из ПГУ и мы, 25 человек из «мусбата». Как раз получилось по 9 человек на каждую БМП. Вторую группу составили бойцы спецподразделения «Зенит» и еще одна группа ребят из нашего батальона на БТРах.

Мы решили своей группой идти к дворцу по дороге. Поначалу хотели было рвануть напрямую, потому что дорога афганцами была пристреляна. Но вокруг здания шла стена высотой метра четыре. Да еще ров Дауда по всему периметру. Он, правда, сухой был. Мы предполагали поставить на его дно машину и по ней перебраться через ров, а стену взять с помощью штурмовых лестниц. Но потом подумали и решили: пойдем по серпантину вверх вокруг холма, на котором расположен дворец. Чтобы от охраны Тадж-Бека отличаться, не перестрелять друг друга в темноте, на рукав, выше локтя, каждый боец штурмовой группы намотал белый бинт. Группу «Зенита» к ведущей к главному входу лестнице должен был следом за нами доставить на своей технике командир взвода лейтенант Турсункулов. Определили позывные. Нашей штурмовой группе — «Миша» (по имени командира «Альфы» Михаила Романова). «Зениту» — «Яша» (командир — Яков Семенов).

До штурма оставались считанные часы. Мы находились на холме прямо перед дворцом. Задачу от полковника Колесника получали там же, на холме.

Все спланировав, я и Романов подошли к «замкомбата» — генерал-майору КГБ (Ю.И.Дроздову). Он предложил нам посмотреть альбом со схемой здания. Мы просим: «Дайте его в группу!». А генерал головой мотает: «Нельзя!». Потом ко мне обращается с такими словами: «Запомни! Нам отступать некуда. Я тебя, если неудача случится, в лучшем случае смогу сделать перед афганцами психом-дурачком... Смотри, чтоб Амин не ушел! Не дай Бог, объявится в другой стране!..».

Генерал сказал тяжкие слова. И Шарипов понимал, он не шутит. Сознание неотвратимости надвигающихся событий решительности не прибавляло. Скорее наоборот. Страшно было уже даже не за себя, страшно было за успех Операции...

За день до ее начала, 26-го, командование предоставило «мусбату» возможность немного расслабиться — устроили банный день. Офицеры (хохмы ради, наверное) постриглись под «ноль». Солдаты, глядя на командиров, тоже сбрили с голов всю растительность. Все они были молоды, любили жизнь, веселье и не хотели думать о завтрашнем дне. Не хотели думать о возможной смерти...

27 декабря в расположение батальона въехала афганская машина. Из

бригады охраны прислали «мусбатовцам» верблюжки одеяла. Обычное вроде дело — машины, одеяла. Но когда стали их выгружать, кто-то из офицеров КГБ узнал среди приехавших афганцев переодетого в солдатскую форму офицера ХАД. Неужели что-то почувствовали? Посоветавшись, решили его арестовать. До начала операции оставались считанные часы, поэтому арест осложнить отношения не мог. ХАДовца взяли тихо, заперли в пустую комнатушку, поставили часового.

В батальоне уже вовсю шла подготовительная суета: получали боеприпасы, проводили в подразделениях политинформации. Солдатам объявили: американцы собираются разместить на территории ДРА ядерные ракеты средней дальности, Амин — государственный преступник, его надо сместить силой.

Так уж получилось, что в суете командир взвода снял своего солдата с поста у комнаты, где сидел задержанный ХАДовец. Афганец, конечно, сбежал. Когда его хватились, было уже поздно что-либо предпринимать. В спешном порядке начало операции перенесли еще на час вперед...

Главное было — не допустить вступления в бой бригады охраны, блокировать афганцев в пунктах постоянной дислокации. На каждый батальон охраны шла рота спецназа, а то и меньше — таково было соотношение сил...

Взвод «Шилок» старшего лейтенанта Василия Прауты встал на холме напротив дворца. Толстые стены были «не по зубам» для их снарядов. Но «Шилки» — «море огня». Они способны были загнать афганцев внутрь здания.

Изготовившиеся к броску, БМП выстроились в колонну. Часы отсчитывали последние мирные минуты. Или пан, или пропал! А внутри было нехорошо — до тошноты. Был все же страх, был!.. Ребята-«альфовцы» достали бутылку. Разлили, выпили грамм по сто. Я подываю механика-водителя первой БМП: иди-ка сюда. Подбегает. Я ему кружку в руки даю. Боец нюхнул и удивленно на меня уставился. В батальоне нашем отличная дисциплина была. Не поймет солдат, шутит, что ли, командир? «Это ж водка!». Я ему говорю: «Пей

*Рядовой Боголевский
Станислав (группа ЗАГР).
Фото 1979 г.*

давай!». Он кружку опрокинул, повеселел: «Спасибо, товарищ старший лейтенант». И бегом к машине. Сам я сел на место механика-водителя в другую БМП. Запустили двигатели...

Настала та самая минута, к которой они столько готовились, ради которой пришли в эту страну.

19.00. Гусеницы боевых машин пехоты рванули мерзлую землю, и они с ревом ушли в темноту. Тут же ударили по придремавшему Тадж-Беку «Шилки». Огненные трассы крошили стены, стальным вихрем врывались через окна внутрь помещений. Крики, звон разбитых стекол, визг рикошетирующих снарядов. Где-то погас свет. Кто-то из охраны схватился за оружие, кто-то бросился к телефону. А связи уже не было — поработала «Альфа», взорвавшая колодец связи на площади Пуштунистана, неподалеку от дворца.

Очень опасными для атакующих были два танка у шлагбаума, перед въездом на дорогу, которая вела к дворцу. Здесь все решала скорость. Кто окажется быстрее: спецназ или танкисты?

Головная БМП с ходу разнесла в щепки полосатое бревно шлагбаума. На бешеной скорости пять БМП пронеслись мимо застывших монументами танков президентской охраны. Выскочивший из «караулки» на шум солдат-афганец погиб, так и не поняв, что произошло. БМП смела его с дороги, отшвырнув тело под гусеницы следующей машины...

А там, где на вершине холма темнел монолит Тадж-Бека, под огненным ливнем «Шилок» металась застигнутая врасплох охрана дворца. В темноте декабрьского вечера афганцы еще не видели атакующих, но уже отчетливо был слышен надсадный рев приближающихся боевых машин.

Мы только двинулись, у меня пропала связь с командным пунктом. Почему, до сих пор не знаю. Я с группой своей на дворец словно в одиночестве шел. С ходу все пять машин стали бить по окнам из пушек и пулеметов. И тут... В общем, на въезде на площадку перед дворцом первая БМП зацепила край стены и... заглохла! Уже стрельба вовсю, с парашета дворца по нам в упор лупят, а механик никак передачу выбить не может! Пули ливнем по машине бьют. Я думаю: «Не хватало только еще гранатометчиков, по одному на каждую машину». Такого огня мы не ожидали... Я сразу дал команду спешиться. «Альфовцы» наружу выбрались. А огонь такой плотный, что им за машинами пришлось укрыться!.. Наконец, первая БМП завелась, сдала чуть назад и мимо этой стенки выскочила к дворцу. Мы — за ней следом вырвались на площадку. Словом, к зданию пробиться невозможно. Вдобавок ко всему наши «Шилки» лупят так, что снаряды

над самой головой летят. Они немного ниже дворца стояли, вот и получались траектории столь низкими. Я давай по радиостанции комбата вызывать — никакого ответа... Тут вдруг чувствую, шнур от радиостанции натянулся, и меня аж развернуло всего. У нас ведь радиостанции какие? Сама она на спине у бойца-связиста, а наушники и переговорное устройство — у командира. Боец, бывает, повернется неловко — и потянет за собой все это «хозяйство». Я только развернулся бойца ругнуть, а он уже — все, готов, на землю валится. И тут вижу — а в арыке рядом с нами афганец лежит, прячется от огня. В память почему-то врезалось: у него на руке часы с рубиново-красным циферблатом. Я по нему очередь дал... Вроде попал, а он... подпрыгивает. Я еще очередь — он подпрыгивает. А это пули АК-Мовские тело прошивают и от бетона рикошетом тело подбрасывают... Только повернулся в другую сторону, мимо БМП афганец-офицер с ПМом в руке бежит. Я его свалил из автомата. Пистолет подобрал зачем-то, Бояринову из «Альфы» показываю. А он мне: «Ну давай, бери, первый твой трофей...».

Штурмовая группа Шарипова сумела-таки подавить огонь защитников дворца. Рассредоточившиеся вокруг здания БМП вели непрерывный огонь. Под его прикрытием «Альфа» ринулась на штурм.

Мои солдаты-пулеметчики как увидели, что «кагэбэшники» пошли в атаку, тут же рванули за ними следом! Забыли начисто о своей задаче, такой был порыв. Если бы Амин в тот момент через окошко выпрыгнул, запросто бы ушел! Я за бойцами следом. Надо же остановить! Возле самого здания меня вдруг, как кирпичом, по левому бедру ударило. Я сразу и не понял, что ранен. Добрался до входа, вижу: Бояринов лежит — убит. Забрало шлема у него было поднято, видно, что пуля прямо в лицо попала. Кое-как я к своей БМП доковылял. Вколот себе промедол из аптечки. Чувствую, надо еще. Подзываю солдата — Джумаева. Он у меня вместо ординарца был. «Давай, — говорю, — бегом за аптечкой!». Его перед самой отправкой в Афган, КГБ потребовал оставить в Союзе. Отец когда-то, еще до рождения Джумаева, был осужден. А солдат «зайцем» в самолет забрался и прилетел вместе с нами в Баграм. Ну не отправлять же его обратно! Так вот, он убежал за промедолом и словно пропал — нет и нет. А тут мне «альфовец» кричит: «Прекрати огонь по второму этажу! Там никуда зайти невозможно». Долго Джумаева не было... Потом прибегает с промедолом. Я ему: «Ты куда пропал!». Он рассказывает: добежал до БМП и увидел, что неподалеку от «брони» лежит пулеметчик Хезретов и в одиночку сдерживает афганцев, которые, опомнившись, поперли снизу из

караулки вверх, к дворцу. Ему пулей челюсть нижнюю своротило, кровяща хлещет, а он — стреляет! Мужественный парень! Джумаев метнулся в БМП, из чьего-то вещмешка полотенце вытащил, Хезретову челюсть кое-как подвязал — и только тогда ко мне. Тут бой начал стихать. Кто-то из «Альфы» опять мне машет: «Все! Амина убили! Докладывай!». Я говорю: «Постой, я сам пойду посмотрю». Мы поднялись по лестнице наверх. Зашли в комнату. Амин лежал около бара. Я его узнал по тем фотографиям, которые до этого показывали.

Все... И хотя наверху, на третьем этаже, еще кипел бой, Шарипов с облегчением понял: свою задачу штурмовая группа выполнила. Осталось доложить о смерти афганского президента. Ротный спустился к БМП, еще раз попытался оживить замолкшую радиостанцию. И, удивительное дело, сразу же удалось связаться с батальоном. Ответил начштаба капитан Ашуров.

— Я думаю: как ему сказать? Открытым текстом нельзя. И кое-как на ломаном узбекском языке давай объяснять. Тот меня с ходу понял.

А стрельба уже перекинулась на чердак. Бойцы «Альфы» выбивали последних защитников дворца. Прихрамывая, Шарипов снова пошел к зданию.

Вскоре подъехали Холбаев и Колесник. И все получилось по-киношному.

— Я увидел Холбаева, принял строевую стойку, руку к козырьку и начал докладывать о выполнении задачи. Я-то думал, что он меня прервет, и мы зайдем внутрь дворца. А он встал навтыжку, тоже руку к головному убору приложил и... так весь доклад выслушал. А стоять у здания было еще опасно, постреливали. Колесник ситуацию понял, говорит: «Зайдите в здание. Опасно здесь». Они внутрь прошли, а я остался снаружи. Штанину задираю — все белье мое в крови. Дырка — сквозная. Вышел Колесник: «Трупы и раненых забирай — и в расположение». Моему замполиту Рашиду Абдуллаеву дали команду похоронить Амина. Вошли в комнату, Абдуллаев за руку Амина ухватил, а она... оторвалась от тела. Он тогда Амина в штору завернул и куда-то отвез. Куда — одному ему известно... Стали мы потери подсчитывать. У нас — один убитый, много раненых. А всего в моей роте 27 — 28 декабря погибло трое: Шербеков, Хусанов и Курбанов. «Альфа» и «Зенит» тоже понесли потери.

В тот вечер успех сопутствовал не только штурмовой группе Владимира Шарипова. Практически все объекты, на которые были нацелены подразделения «мусбата», спецназ взял без серьезного сопротивления.

Однако не обошлось, увы, без стрельбы по своим. «Шилка» пробила

борт одной из БМП роты Шарипова, снарядом оторвало пятку командиру взвода Абдуллаеву. А когда он попытался выбраться через верхний люк, две пули пробили руку. Настолько плотный огонь вели защитники дворца. И все же взводный, истекая кровью, продолжал командовать! В уже захваченном спецназом Тадж-Беке и около здания штаба бригады только что вошедшие в Кабул и ничего не знавшие об операции «Шторм» витебские десантники вступили в бой с... «мусбатов». Подвела афганская форма последних. Были потери с обеих сторон.

— В одном месте они из БМД влупили по нашему БТРу. Пока разобрались, кто свои, кто чужие... Слава Богу, никто не погиб...

Интересный штрих запомнился. Наш зампотылу, узбек, «дядя Жора», так его мы звали, пленных в КамАЗ грузит. Нас, раненых, повезли в посольство. Вдруг — стрельба впереди. И русский мат-перемат. Мы выглянули, а это нас витебские десантники остановили. Решили, что мы афганцы, и давай нас в плен брать. Мы их спрашиваем: «Вы куда направляетесь?». А они в ответ: «Едем дворец Амина брать!» Оказывается, ни о «мусбате», ни об «Альфе» они ничего не знали...

...В 1982-м, когда участники штурма отмечали трехлетие операции «Шторм», офицер «Альфы» неожиданно сказал сердечное спасибо Шарипову за то, что тот вовремя доложил о смерти Амина. И пояснил: если бы доклад опоздал на семь минут, то с кабульского аэродрома по дворцу ударили бы реактивные системы залпового огня.

— Теперь я понимаю: была задумана двойная страховка на случай, если бы моя штурмовая группа не смогла выполнить задачу. Сначала РСЗО ударили бы, а потом бы на дворец пошли десантники. Но получилась полная неразбериха, и витебчане шли на уже взятый нами дворец.

Так родилась легенда о том, что гвардейцы из 103 ВДД захватили резиденцию афганского президента. (От редакции: даже через 30 лет распространяются подобные небывлицы. Так, в книге бывшего командующего ВДВ генерала В.Ачалова «Я скажу вам правду», Москва, 2006 г. сообщается: «Атака дворца началась по сигналу, колонна боевых машин 9 роты быстро продвигалась по дороге к резиденции»).

К утру 28 декабря все было закончено. За несколько часов было взято в плен около двух тысяч афганцев, над столицей установлен полный контроль.

ПОЧЕМУ ГЕРОИ НЕ СТАЛИ «ГЕРОЯМИ»?

Всех раненых привезли в посольство СССР. Врачи схватились за голову: как с ними со всеми быть? Одно дело — много. Другое — ранения все огнестрельные, а это уже особая «отрасль» медицины. По элементарной некомпетентности Шарипову сквозную рану зашили, чего делать было ни в коем случае нельзя.

В палате он оказался рядом с офицером КГБ Валерием Емышевым, тоже участником штурма. Во дворце Емышеву по локоть оторвало руку. Болтающееся на лоскутах кожи и волокнах мышц предплечье еще в Тадж-Беке отрезали ножом. Для молодого здорового мужчины это было страшным ударом. Как же теперь без руки-то? Утешение: «Хорошо, что вообще жив остался» — не помогало...

На следующий день Ил-18 доставил раненых в Ташкент. Через несколько дней, уже в январе 1980 года, самолетами военно-транспортной авиации перебросили в Союз и «мусбат».

— В ташкентском госпитале я лежал вместе с ребятами из КГБ. Они меня называли «командир». Врачи удивлялись: эти — старшие офицеры КГБ, а тут — общевойсковик, старлей и вдруг — «командир». Откуда им знать было, что я штурмовой группой командовал? Потом «альфовцев» увезли долечиваться в Москву.

Старшего лейтенанта представили к званию Героя. Но тут случилась довольно неприглядная история, главную роль в которой сыграло тщеславие и болезненное самолюбие одного единственного человека. В «мусбате», как и в любом другом батальоне, был секретарь партийной организации. Должность эта была освобожденной. Товарищ этот ничем иным, кроме парторботы, по долгу службы не занимался. Офицеры его откровенно недолюбливали, относились к нему с неприязнью, и не потому, что являлся парторгом. Такой уж он был неприятный человек. В Афганистан он полетел вместе со всеми. 27 декабря непосредственно в боевых действиях не участвовал. А награждали в батальоне всех — и участников, и очевидцев. Только первым давали и ордена, и медали, а вторым, таким, как он, — всего лишь медали. Партиец обиделся: вон, даже солдатам ордена дают, а я все же офицер! И «настроил» бумагу наверх о мародерстве, которым занимались штурмовые группы после боя.

Дело в том, что сразу после штурма по дворцу прошли люди из Комитета госбезопасности и выпотрошили все сейфы и ящики в поисках важных документов. На пол вместе с бумагами летели и афганские деньги. Оказавшиеся рядом солдаты и офицеры, чего уж греха таить, набили этими экзотическими бумажками карманы, сами еще толком не зная, понадобятся они им или нет. Мол, чего ж добру пропадать? Эти трофеи брали все. Оказавшись в стороне от места событий, партийный вожак ничем разжиться не смог и, разволновавшись по этому поводу, попробовал выклянчить немного афгани у офицеров, вернувшихся из боя. Реакция оказалась довольно резкой. Один из сослуживцев со злорадной улыбкой сжег на его глазах пачку денег...

Бумага попала куда надо и сработала как надо. Собрали общее собрание во главе с представителями вышестоящей инстанции, стали «трясти»: кто чего в Кабуле купил и на какие такие шиши, если денежное довольствие не выдавалось? Представленным к орденам снизили ранг награды на одну ступень. Не поощадили и представленных к званию Героя. В итоге в батальоне — семь орденов Ленина и ни одной Золотой Звезды. В роте Шарипова: один орден Ленина, пять — Красного Знамени, двенадцать — Красной Звезды, медали.

Перед Шариповым, ничего, кроме сквозной дырки в левом бедре, из Афгана не вывезшим, потом долго извинялись:

— Ты уж прости, Володя! Мы совсем забыли, что тебя от дворца сразу в посольство отвезли с ранением. А так бы хоть один Герой Советс-

Ветераны «мусбата» в Чирчике. Слева второй — Рашид Абдуллаев, справа налево третий — Михаил Мирджанаров (Фото 2010 г.)

кого Союза в батальоне был. Э-эх!.. Офицеров «мусбата» через некоторое время потихоньку разбросали по всему Советскому Союзу. Солдат уволили в запас. Все дали подписку о неразглашении государственной тайны.

После апреля 85-го никто на эту подписку внимания уже не обращал. Заговорили все, пресса только успевала выдавать на-гора публикации на тему декабрьского переворота в Кабуле».

...А Владимиру Шарипову еще раз довелось пересечь «речку». Прибыл в Афганистан на должность командира десантно-штурмового батальона в 66-ю мотострелковую бригаду. Правда, когда через некоторое время об этом узнали в ГРУ, его немедленно отозвали в Союз. Не дай Бог, окажется в плену и заговорит. Потом была Военная академия им. М.В. Фрунзе, разведуправление Прибалтийского ВО, нелюбимая штабная работа, рапорты с просьбой о переводе в войска, бесквартирье. В Таллинне первое время семья — он, жена и двое детей — жила в... театральной гримерной клуба полка. Наконец его просьбы удовлетворили, и в 1987 году Владимир Салимович Шарипов стал командиром мотострелкового полка. На этой должности прослужил шесть лет. После вывода советских войск из Германии остался в Беларуси, стал заместителем командира 11 механизированной бригады. Не раз и не два ему предлагали высокие должности в родном Таджикистане. Например, как-то предложили стать командиром 201 мотострелковой дивизии. А в 1992 году — должность министра обороны Таджикистана. Но Шарипов ответил отказом. Участвовать в гражданской войне на родной земле — это не для него. «Теперь уже все, здесь мне до конца быть», — Владимир Салимович невесело улыбается. Невесело ему оттого, что там, в Душанбе, остались родные ему люди: мама, братья, сестра. Там похоронен его отец — полковник Салим Шарипов, человек, которым гордится Владимир Салимович и о котором говорит, избегая слова «был».

...На стене гостиной его квартиры — картина, на которой изображен штурм Тадж-Бека. Пламя в темноте, трассы пуль, снарядов, темные коробки БМП. «Мои бойцы нарисовали. Взводному такую же подарили, только на его картине трупы лежат повсюду, даже из окон свешиваются. А я так не захотел. Ни к чему это...»

Я уезжал поздним вечером. Накрапывал дождь, небо еще плотнее, чем утром, затянули свинцовые тучи. Прощаясь, Владимир Салимович пожал мне руку и негромко, но жестко произнес:

— Надо написать так, как на самом деле было, ты понял? Без вранья! Меня это так уже достало! И в газетах, и на телевидении. Я рассказал тебе то, что видел сам.¹

¹ Рассказ В.С.Шарипова записан капитаном П.Легким и опубликован в белорусском журнале «Армия» (№6 за 1999 г. Стр. 48—53).

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

Я ТОЖЕ ШТУРМОВАЛ ДВОРЕЦ¹

Идет жестокая игра,
Металлом плынули винтовки,
К Аллаху выписав путевки...

Владимир КОШЕЛЕВ

Лейтенант Р. Турсункулов тоже штурмовал дворец, но с другой стороны, по лестнице. Интересен его взгляд на историю тех событий.

Однако начнем его рассказ с родословной. Летопись его семьи — как зеркальное отражение бурной и трудной истории нашей страны в XX веке. До революции его дед был известным и уважаемым в Узбекистане муллой, репрессированным впоследствии большевиками. Отец прошел всю Великую Отечественную, получил семь ранений, остался живым и до преклонных лет служил в МВД простым старшиной. Детям, которых как в обычной узбекской семье, было много — одиннадцать душ, всегда строго-настроено наказывал: как бы трудно ни было в жизни, полагайтесь только на себя. Его судьба — отражение истории страны, которой он верой и правдой служил без малого четверть века. Сегодня он с гордостью называет всем свое имя, в котором слышен отголосок того, уважаемого религиозного прошлого — Рустамходжа. Его же друзья и боевые товарищи, с которыми он не раз попадал в крутые переделки, но с неизменным, будто дарованным свыше везением из них выбирался, по-прежнему называют его коротко и привычно — Рустам.

¹ Турсункулов Рустамходжа Турдихуджаевич родился 30 ноября 1956 г. в г.Ташкенте. В 1974 г. поступил в РВВДКУ. Службу начинал командиром взвода 111 гв пдп 105 гв вдд в г.Ош (Киргизия. САВО). С мая 1979 г. — командир группы спецназа в «мусбате» 15 обрСпН в г.Чирчике. Принимал личное участие в штурме дворца Амина. В мае 1980 г. переведен в особый отдел КГБ 15 обрСпН. С 1982 г. служит в аппарате КГБ Узбекистана. В 1983 г. откомандирован в ПГУ КГБ, где проходит службу в группе «Вымпел». С 1985 по 1987 г. — слушатель факультета повышения руководящего состава. С 1987 г. советник КГБ в Афганистане. С 1989 г. — в составе центра Службы внешней разведки КГБ СССР. В 1994 г. уволен по состоянию здоровья. Полковник. Награжден орденом Ленина, медалью «За отвагу». Женат. Воспитал троих детей. В настоящее время — директор ЧОП «Илиевы». Живет в Москве.

Закончив Рязанское воздушно-десантное училище, лейтенант Рустам Турсункулов попал служить в отдельную бригаду специального назначения Туркестанского военного округа, дислоцировавшуюся в городе Чирчик. Горно-пустынная местность как нельзя более соответствовала рельефу соседнего Афганистана. Бригада и группа спецназа, которой командовал Рустам, день за днем проводила в постоянных и напряженных учениях. То, что рано или поздно придется выполнять какое-то специальное задание на территории соседнего Афганистана, стало ясно, когда на базе бригады создали так называемый «мусульманский» батальон. Весь его личный состав был из представителей среднеазиатских республик, за исключением зенитчиков комплекса «Шилка». Здесь роль «правоверных» исполняли украинцы. Всем пошили форму, которая была принята в афганской армии.

«Наш батальон был разбит на несколько групп, каждая из которых получила свой участок действий, — вспоминает Рустам. — Группа Сахатова, заместителя командира нашего отряда, должна была нейтрализовать танковый батальон афганской армии, который располагался недалеко от дворца. Две другие группы, которые возглавляли мой однополчанин Шарипов и я, должны были прорываться к дворцу. В моем распоряжении находились БТРы. У Шарипова — БМП. Его задача была сложнее — боевые машины с десантом спецназа должны были подойти ко дворцу по дороге, которая серпантином огибала дворец. Я двигался напрямую с другой стороны. Команда на штурм поступила ночью. Атакующие начали движение. И сразу попали под ураганный огонь аминовской гвардии. Из дворца били в упор из автоматов, крупнокалиберных пулеметов, велась стрельба из гранатометов. С нашей стороны по дворцу работали «Шилки», в башнях которых сидели украинские «мусульмане». Шквальным огнем им удалось подавить афганских пулеметчиков, что позволило спецназу ворваться во дворец. Но это было потом, а в первые же минуты штурма один из БТРов оказался подбитым и сгорел у всех на глазах. Это были первые потери». Рустаму Турсункулову на головной машине удалось прорваться к стенам дворца. В горячке боя некогда было оглядываться на пылающий сзади БТР. Сам Рустам находился на броне (как под свинцовым дождем остался жить — только Аллаху известно), весь десант сидел в чреве БТРа. Любое прямое попадание могло превратить БТР в братскую могилу, в которой остались бы лежать и ребята из «Грома», и «мусульмане»... Но обошлось.

Подойдя к дворцу и десантировавшись, бойцы группы Турсункулова залегли, — шквальный огонь с обеих сторон не позволял поднять головы. Рустам видел, как первая атака «Зенита» и «Грома» захлебнулась в огненном смерче.

Однако время шло, и график продвижения необходимо было соблюдать, ведь с другой стороны дворец тоже штурмовали наши ребята, им

нужна была помощь... В этот отчаянный миг Турсункулов, зарывшийся в землю со своими бойцами, услышал: «Мужики, ну что же вы лежите? Помогите!!!».

Подняв своих людей и рванувшись к дворцу первым, Рустам пришел на помощь спецназу. «Это было нарушением приказа. Но спланировать все до конца получается редко. Этот случай, к сожалению, не был исключением. Страшно было то, что мы остались без связи. Все мои связисты в первые же минуты оказались выведенными из строя: одни были ранены, у других рации оказались разбиты попаданием пули или осколка. Да что там говорить! Я и сам, не успев вылезти из БТРа, сразу получил две отметины. Первая — в каске, которую пробил крупнокалиберная пуля, оставив огромную дыру. Спасло то, что я не затянул ремешок, а так бы точно шейный позвонок пополам... Другая пуля попала мне в грудь, в то место, где я разместил магазины для автомата. Удивило, что патроны не сдетонировали. Зато синячище на теле остался такой, что будь здоров... Страшно было и то, что наши гранатометчики, стрелявшие из АГС-17 по заданной им заранее площади, так и не перенесли огонь. И нам пришлось прорываться сквозь ливень свинца, который лился с обеих сторон. Как удалось это сделать, я сейчас не могу сказать. Но мы прорвались во дворец. Все обмундирование было разорвано в клочья, посечено осколками и каменным крошевом. Садины и незначительные ранения были у каждого, но мы их не замечали. По анфиладе комнат продвигались, как учили: граната, стрельба из автоматов, вперед. «Мусульмане» не были готовы действовать в самом дворце, такой задачи у них не было, поэтому, как вспоминает Рустам, продвижение было хаотичным, плана дворца никто из них не знал. Конкретную задачу знали только ребята из «Грома» и «Зенита» — они-то готовились к захвату. В этой кутерьме разобраться, где свой, где чужой, было не просто сложно — почти невозможно. Какие там опознавательные повязки на рукавах! Выручил обыкновенный русский мат — более точного определителя «свой-чужой» оказалось не найти...

В одной из комнат наткнулись на osobиста Михаила Байхамбаева, тот возглавил группу и дальше продвижение шло вместе с ним. Установка была только одна: только вверх, вверх по этажам, вверх... Штурм завершился через 45 минут, как и планировалось по графику». После захвата дворца Рустаму поручат охранять семью погибшего Амина — домочадцы хозяина Тадж-Бека еще долго будут находиться под впечатлением от всего случившегося... Вместе со спецназовцами «Зенита» и «Грома» Рустам побывал в кабинете Хозяина. Роскошь там была потрясающая. Но Турсункулова больше всего привлекла снайперская винтовка из коллекции личного оружия Амина. лейтенант на правах победителя взял этот трофей с собой. Как оказа-

лось, совершенно не напрасно. Через несколько часов это оружие спасет ему и его товарищам жизнь. Но это случится позже.

А сейчас необходимо было в первую очередь решить вопрос с пленными, которых было очень много, и обеспечить охрану взятого дворца. Эти задачи в первые часы после штурма легли на «мусульман».

Как раз тогда лейтенант Турсункулов впервые познакомился с Эвальдом Григорьевичем Козловым, который вскоре станет первым командиром «Вымпела». Козлов, оказавшийся в числе первых спецназовцев, которым удалось прорваться в аминовскую цитадель, сразу выделил из героев-«мусульман» молодого горячего лейтенанта. Выделил и запомнил надолго. Окровавленную повязку на голове Рустама Козлов сразу же вспомнит, когда Турсункулов придет служить в «Вымпел». Вспомнит и ту аминовскую снайперскую винтовку, которую из дворца вынес Рустам.

«Рядом с дворцом находился афганский генеральный штаб. И как только мы вышли из уже взятого дворца, из генерального штаба по нам открыли пулеметный огонь. Нашего замполита сразу же ранило. У меня состояние тогда было возбужденное, я себя чувствовал победителем, кровь еще бурлила, боевой азарт не прошел. Так я прямо на глазах у всех встал в полный рост и сделал три выстрела (больше в винтовке патронов не было) по генштабу. Целил в то место, откуда шла стрельба. Расстояние было приличное, но оптика у аминовской винтовки была немецкая — превосходная. Не знаю, попал ли я, или кто-то другой в здании разобрался с пулеметчиком, но стрельба прекратилась. Эту винтовку вскоре у меня забрали, попросили в качестве трофея для одного из руководителей КГБ. Конечно, отдал без сожаления. Что мне эта снайперка, когда сам живой остался — вот что было настоящей радостью!»

Награждали Рустама и других командиров групп мусульманского батальона в родной чирчикской бригаде. Было это спустя четыре месяца — в апреле 1980 года. Ребятам кто-то сказал, что в Москву ушли представления на Героев. Однако в Чирчик пришли ордена Ленина. Так в двадцатитрехлетнем возрасте, будучи лейтенантом, Рустам Турсункулов стал кавалером высшей государственной награды страны. Лейтенант Турсункулов после кабульских событий недолго задержался в спецназе ГРУ. Сначала его «сосватали» в особый отдел бригады, а после этого он ушел в КГБ Узбекистана. Несколько позднее попал в «Вымпел», где встретился снова с Э. Г. Козловым. Снова направлен в Афганистан. Занимался советнической деятельностью. После командировки побывал во всех горячих точках бывшего Союза. Преподавал ТСП в «вышке» имени Ю. В. Андропова. Уволился в 1994 году.¹

¹ Лебедев А. Профессионалы: «мусульманин» с орденом Ленина. — М.: «Братишка», 1999, № 9.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

САТТАРОВ АНВАР САТТАРОВИЧ

Родился 8 сентября 1946 года в селе Учи Учинского района Наманганской области Узбекистана. После окончания школы поступил в Кокандское железнодорожное училище и впоследствии работал в Кокандском депо. В 1966 году призван в армию и окончил сержантскую учебную школу в г. Люберцы Московской области. Служил командиром отделения в учебном подразделении РВСН в Ярославле, а позднее начальником радиолокационной станции слежения по низколетящим целям. После увольнения в запас в 1969 году принимает решение стать профессиональным военным и поступает в Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище.

В 1973 году по окончании училища по личной просьбе попадает в ТуркВО, где назначается замполитом 1 роты 1 батальона 371 Краснознаменного Зимовниковского мотострелкового полка. Как заместителя командира отличного подразделения в 1975 году представляет ТуркВО на Всесоюзном слете передовиков боевой и политической подготовки. В 1976 году по просьбе единственной матери, нуждающейся в уходе по болезни, переведен пропагандистом в Наманганский областной военный комиссариат. В мае 1979 года откомандировывается в 15 обрСпН на должность заместителя командира отряда спецназа по политчасти. Во время штурма Дворца Амина получает ранение в брюшную полость, но не покидает поле боя. За проявленное мужество и героизм награжден орденом Красного Знамени.

В 1980 году назначен заместителем командира мотострелкового полка 61 учебной дивизии в Ашхабаде, а через год полк передислоцируют в Теджен. За успехи в боевой и политической подготовке и умелое воспитание подчиненных по представлению командира полка полковника А. Солтанова и начальника политотдела дивизии полковника Халова Саттарову присваивается воинское звание «майор» досрочно. В 1981 году становится слушателем Военно-политической академии им. В. И. Ленина. После окончания служит замполитом танкового полка в Северной группе войск. В 1986 году переведен в ТуркВО в г. Сурхандарью в танковый полк. Летом 1986 года повторно направлен в Афганистан в 149 мсп 201 мсд для оказания помощи командованию части по подготовке и выводу танкового полка дивизии на территорию СССР. Осенью 1986 года по личной просьбе переведен в политотдел Наманганского облвоенкомата. С 1992 года — начальник управления альтернативной службы Наманганской области. Полковник. С января 2005 года — на пенсии. Имеет двоих сыновей и дочь.

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

БОЕВАЯ СМЕНА (459 орСпН)

4 февраля 1980 года на смену бойцам «мусульманского батальона» из состава 15 обрСпН в ДРА была введена 459 отдельная рота спецназа, подчиненная непосредственно штабу 40 армии. Коллектив роты составляли военнослужащие Чирчикской бригады и доукомплектован личным составом и офицерами переведенными из бригад спецназа трех южных округов: Закавказского, Туркестанского и Среднеазиатского.

Командиром роты был назначен лучший офицер 15 обрСпН капитан Латыпов Рафис Рафакович¹.

Заместителем у Латыпова был Виктор Боев (из Капчагая), замполитом — Сергей Михальков, прибывший из 12 бригады, находившейся тогда в Лагодехи. Группами командовали Григорий Иванов из Чирчика, Евгений Тишин из Лагодехи, Владимир Сомов и Михаил Лукомский из Капчагая. Группу связи возглавлял Шаламов. Согласно штатному расписанию рота насчитывала сто двенадцать человек.

Безусловная заслуга командира роты Латыпова была в том, что он сумел в кратчайшие сроки сформировать подразделение и провести боевое слаживание. От прибывших обстрелянных бойцов «мусульманского» батальона они узнали правду об Афганистане. Из их рассказов становилась понятна реальная военно-политическая обстановка, а также климатические условия.

Первый командир 459 орСпН капитан Латыпов Рафис Рафакович был ранен в 1980 г.

¹ Латыпов Рафис Рафакович родился 22 марта 1953 г. в рабочей семье в Казани. Окончил 9 роту спецназа РВВДКУ. Командовал группой и ротой во 2 отряде спецназа 15 обрСпН в Чирчике. После ранения, полученного в 1980 г. в Афганистане, окончил Военную академию им.Фрунзе и служил старшим офицером разведуправления ЛенВО. Награжден орденом Красной Звезды. Полковник. После смерти жены один воспитал троих детей.

Вскоре командир роты Рафис Латыпов получил ранение во время первого серьезного столкновения с духами группы Григория Иванова. Окруженные разведчики держали оборону на высоте. Трое из них были ранены. Командир группы вызвал вертолеты. Своих бойцов полетел вытаскивать лично командир роты, который тоже получил тяжелое ранение из карабина БУР-300 в область таза, когда с пулеметом прикрывал отход группы, заняв позицию у вертолета. Первый боевой результат дала группа лейтенанта М.Лукомского. На досмотровых действиях она забила два каравана и взяла большие трофеи. Командир группы был сразу представлен к ордену Красной Звезды.

Однако Начальник ГРУ Ивашутин П.И. положил конец досмотровой эпопее, сказав: «Это не дело — летать на вертолетах.. Мы по вашим действиям учебники пишем. Афганистан для вас — обкатка. Мы планируем вас применять дальше»... Как показало время, мудрый начальник, оказывается, заблуждался в этом вопросе. Именно работая с авиацией, в будущем спецназ добился выдающихся боевых успехов в борьбе с международным терроризмом в той войне.

Поскольку Начальник ГРУ приказал писать учебники по действиям кабульской роты, то ее обеспечили в соответствии со всеми требованиями приказов и наставлений. Из техники было выдано все, что полагалось иметь группам в тылу противника. Оружие — согласно штату, но кроме этого в группу был выдан пулемет ПКМ. Боеприпасов разведчики должны были взять три боекомплекта. Однако тот, кто составлял такие нормы, сам ни разу не пробовал все это уложить в десантный ранец и тем более поднять. Три БК к автомату АКС-74 — это одна тысяча триста пятьдесят патронов. Поскольку они просто не помещались в ранец, решили взять только два БК. Но с ними пришлось жертвовать продуктами. Уходя на пять суток, бойцы брали один сухой паек на двоих на сутки, да и то не весь.

Рота свернула досмотровые действия, и разведотдел армии поставил задачу приступить к подготовке для работы спецназовскими методами на всей территории.

Группа старшего лейтенанта В.Сомова вышла для ведения разведки недалеко от границы с Пакистаном, в районе кишлака Алихейль. В первых боях духи дали понять, что они — достойные противники, и воевать с ними не так легко, как предполагал маршал Соколов, сказавший: «Что могут сделать эти мужики в широких штанах?». Чтобы их побеждать, нужна была военная хитрость, способность мыслить и действовать нестандартно.

Первым примером таких действий был выход с группой заместителя командира роты старшего лейтенанта В.Боева в мае 1980 года. Боев, изу-

чавший в училище китайский язык, решил его использовать. Поскольку форма спецназа не похожа на форму советского солдата, а скорее, напоминает американскую, но для тех, кто не понимает, могла сойти и за китайскую.

Боев изображал китайского инструктора, которые уже тогда работали на стороне моджахедов. Группа организовала засаду на тропе, по которой духи съезжались на заседание исламского комитета. Ехали на ишаках по тропе, по двое.

Боев выходил к ним из укрытия и обращался к ним на китайском языке. Пока духи соображали, что к чему, он и прапорщик Рязанов «валили» их из бесшумных пистолетов. Ишаков отводили в сторону. Как вспоминали разведчики, ишаков у них собралось целое стадо. Однако в конце концов группа была обнаружена и вела серьезный бой с противником.

За этот выход В.М. Боев первым в роте награжден орденом Красного Знамени. Впоследствии подполковник В.М. Боев в должности заместителя комбрига спецназа допустил твердую принципиальность в докладе вы-

После награждения боевыми орденами. На фото слева направо: зам. командира роты капитан Сомов В.М., командир 459 ор СпН капитан Боев В.М., командир РГСпН ст. л-т Иванов Г.О., зам. ком. группы пр-к Рычков С. после награждения орденами. Февраль 1981 г. Кабул, расположение 459 ор СпН

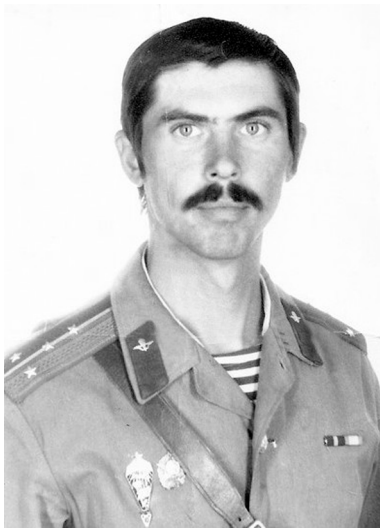
шестоящему начальнику и попал в немилость, был уволен в запас. Живет в Бердске.

Однако опыт Боева в 80-х был высоко оценен командованием и со-зрело решение организовать более тесное взаимодействие спецназа с аген-турой разведцентра.

Роте повезло и на замполита. Старший лейтенант С.Михальков пользо-вался авторитетом и у солдат, и у офицеров, поскольку неплохо был подго-товлен как офицер. Сергей был хорошим спортсменом, боксером. Когда роту перебросили в Шинданд для уничтожения отходящих из Герата душ-манов, особо отличился замполит. Он с группой уничтожил целую банду, движущуюся в Иран. Банду, состоящую из шестидесяти двух хорошо обу-ченных и вооруженных бандитов...

Ветераны вспоминали: когда ротный прилетел почти на границу за трофеями, то увидел две горящие духовские машины и множество душман-ских трупов. На вопрос: «Как дела?» замполит ответил коротко: «У меня потеря...».

Командир видел, в каком состоянии его комиссар и не приставал с

Замкомандира 459 орСпН ка-питан Сомов Владимир Ми-хайлович представлялся к званию Героя Советского Со-юза

расспросами. Загрузили захваченное ору-жие, документы, печати и даже знамя. Только в расположении роты Сергей рас-сказал, как погиб в бою солдат его груп-пы. В рукопашной схватке у него про-изошло утыкание патрона, и душман, вос-пользовавшийся заминкой, успел выхва-тить пистолет и выстрелить разведчику прямо в сердце. Замполит не мог про-стить себе эту потерю всю жизнь. Будто он был в этом виноват.

Замполит Михальков за этот вы-ход получил орден Красной Звезды.

После Р.Латыпова исполнять обя-занности командира роты было поручено В.Боеву, а его заместителем стал В.Со-мов. Прибывший ротный из Союза не вписался и был откомандирован. Только Володя Москаленко прижился в роте.

Ярким командиром-разведчиком проявил себя капитан В.М. Сомов, вы-полнявший ответственные разведыватель-

ные задания, в том числе и личные рискованные задания маршала Ахромеева под Джелалабадом, когда, в частности, взял в плен высокого ранга заложника, что позволило обменять его на нашего пленного — главного советника по геологии, похищенного духами вместе с женой.

И Сомову прочили за эту операцию Звезду Героя.

Но перед возвращением в Союз его вызвал к себе начальник разведки и сказал: «Ну, что, Владимир Михайлович, Красную Звезду ты получил, к ордену Красного Знамени тебя месяц назад представили, заменик к тебе прибыл, что еще нужно? Спасибо за службу».

Наверное, Звезда Героя больше подходила к маршальскому кителю. Впоследствии В.М. Сомов стал полковником ГРУ. В настоящее время живет в Москве.

Печальная и короткая судьба была у его сменщика — командира отдельной роты старшего лейтенанта Якименко Валерия Павловича¹ (прибывшего на повышение из 154-го ООСПН), который вскоре сгорел вместе с подбитым вертолетом во время выполнения боевого задания.

Евгению Викторовичу Тишину довелось стать генералом и командовать Спецназом ГРУ в самые тяжелые годы борьбы с терроризмом на Северном Кавказе. Его государственный взгляд на события, командирская интуиция, самоотверженная принципиальность, настойчивость в повышении боевой готовности соединений Спецназа стали примером для многих руководителей военной разведки. Он родился 7 июля 1955 г. Окончил КВОКУ, ВА им. М.В. Фрунзе, Академию Генерального штаба, командовал группой, ротой, отрядом, полком, 16 обрСпН. С 1998 по 2004 гг. являлся начальником направления специальной разведки ГРУ ГШ. Время его руководства назвали периодом внезапного, но короткого расцвета Спецназа. Благодаря его стараниям еще до начала боевых действий в марте 1999 г. была создана бригада спецназа, нацеленная на борьбу с террористами. В 2000 г. приказом министра обороны утвержден День Спецназа. Ему удалось добиться увеличения численности частей и соединений спецразведки. Командиры ряда бригад СпН получили генеральский статус. Был создан учебный центр горной подготовки. При этом эффективно решались боевые и специальные задачи в различных регионах мира. К сожалению, пришедшие после него «временщики» не сохранили, сделанное Е.В.Тишиным. Но роль личности в истории всё-таки велика.

Вот такие были офицеры первого состава кабульской роты спецназа — люди из легенды.

¹ Якименко Валерий Павлович пришел в 459 отдельную роту спецназ на повышение из 154 ооСпН, где проявил себя смелым и грамотным офицером.

Встреча в Москве ветеранов 459 орСпН, октябрь 2003 г. На фото слева направо: подполковник Михальков С.И. (замполит 459 ор СпН), полковники Иванов О.Г. (ком-р 1 РГСпН), Козырь А.А. (ком-р гр. спец. радиосвязи), генерал-майор Тишин Е.А. (ком-р 4 РГСпН), полковник Сомов В.М. (зам. ком. 459 ор СпН), генерал-лейтенант Гредасов Ф.И. (начальник разведки СВ ВС СССР)

Позже начали воевать батальоны, и там были свои герои. Многие результаты роты на их фоне результатов кажутся незначительными, но следует помнить, что именно эти офицеры, прапорщики, сержанты и рядовые начали боевую историю спецназа. Они были первыми в 1980 и 1981г г. Война же только разгоралась, и еще не один десяток военнослужащих 15 обрСпН пополнит ряды легендарной 459 роты...

ГЛАВА 3

ХРОНИКА 1981 ГОДА

И наши войска, и оппозиция постепенно приобретали опыт войны. Уже с конца 1980 года в связи с большими потерями живой силы оппозиция отказалась от прямого противостояния и перешла к действиям мелкими группами с использованием партизанской тактики: обстрелам войск и населенных пунктов, нападениям на посты и мелкие гарнизоны, диверсиям на хозяйственных объектах, диверсионно-террористическим актам, попыткам срыва перевозок на коммуникациях.

Хотя по мере накопления опыта советские войска стали действовать все более успешно, масштабы мятежного движения не сокращались. И главные причины этого лежали не в военной, а в политической сфере.

Достаточно точно обстановку этого периода характеризуют строки одного из документов на имя командующего войсками ТуркВО:

«С конца марта 1981 года военно-политическая обстановка в Афганистане повсеместно заметно обострилась. Процесс стабилизации застыл. Положение в стране сейчас хуже, чем в этот же период прошлого года. Примечательно, что обстановка стала чрезвычайно острой даже в ряде тех районов, где не было крупных бандформирований. Это значит, что в борьбу против власти и советских войск включилась часть населения, которая ранее занимала выжидательные позиции.

Противник наносит удары по самым чувствительным местам: убивает партийных активистов, оседлал все стратегические коммуникации и нарушил работу транспорта, разрушает важные экономические объекты, школы, больницы... Мятежникам удалось изгнать народную власть из ряда освобожденных в течение зимы уездов и волостей и насадить контрреволюционные органы власти (т.н. «исламские комитеты»).

Был сделан и соответствующий вывод: боевой потенциал оппозиции высок, контрреволюция способна длительное время противостоять не только слабому народно-демократическому режиму, но и оказывать упорное сопротивление советским войскам.

К сожалению, не все в руководстве нашей страны воспринимали суть таких докладов. Однако видя, что война затягивается, по просьбе афганского руководства стали создавать режимные зоны вокруг аэродромов, электростанций и т.п. в целях обеспечения безопасности. Главная роль здесь

отводилась советским войскам, которые выполняли эту задачу, выставляя постоянные сторожевые заставы.

Всего силами армии было создано 862 сторожевые заставы. Они выставлялись также для охраны коммуникаций, ибо проводка колонн с запасами материальных средств стала одной из важнейших и сложнейших задач наших войск в Афганистане.

Война затягивалась. Обустраивался армейский быт, вместо палаток строили сборно-щитовые помещения. На войне как на войне. Наши войска были вынуждены организовать и пункты сбора и отправки тел погибшего личного состава. Их было четыре — Шинданд, Баграм, Кабул, Кундуз.

«Весной 1981 года поступила директива начальника Генерального Штаба ВС СССР, в которой предписывалось перевести из бригады в другие части всех офицеров-участников операции «Шторм-333», которые ещё продолжали служить в отряде (фактически разъединить «гремучую смесь»). Вследствие этого и меня перевели в 902 одшб Южной группы войск», — вспоминал полковник Рашид Абдуллаев.

В октябре 1981 года на территорию Афганистана передислоцированы 154 ооСпН 15 бригады спецназа, которым командовал майор И.Стодеревский и 177 ооСпН 22 бригады спецназа (командир майор Б.Керимбаев).

За 1981 год по всей территории СССР офицеры военкоматов 1298 раз со скорбной вестью поступали в родительские двери.

В числе погибших — 18 спецназовцев (из них 11 человек оказались из 154 ооСпН). Без вести пропал рядовой Горбунов Евгений Александрович.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КОМБАТ СТОДЕРЕВСКИЙ

Его редкая казачья фамилия хорошо известна не только в советском, русском, украинском и белорусском спецназе. Его воспоминания о службе печатались в журналах «коммандос» на польском языке. Уверен, что читали его и другие иностранцы. Стодереvский Игорь Юрьевич родился в марте 1948 года в семье офицера-пограничника в Ашхабаде. Шестимесячным грудничком пережил трагедию ашхабадского землетрясения, унесшего жизнь его старшей сестры. Двое суток тогда пролежал мальчуган с матерью под развалинами дома. Суждена была ему сложная, интересная и опасная жизнь. Для него не существовало альтернативы: кем быть? И он, и его младший брат Юрий стали военными. Окончили ТВОКУ и ВА им.Фрунзе. С 1971 по 1981 г. Игорь Юрьевич службу прохо-

Командир 154 отдельного отряда спецназа полковник Стодереvский Игорь Юрьевич

дил командиром группы, роты и отряда спецназа в 15 обрСпН. За образцовое выполнение служебных обязанностей одним из первых в соединении оказался награжденным редким тогда орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени. В 1980 году выполнял специальное задание командования в Афганистане в качестве военного специалиста в 157 парашютно-десантном полку, где обучал десантников тактике борьбы с мятежниками. За это награжден орденом Красной Звезды. Улетая из Кабула, не мог и предполагать, что снова через год начнет «маршировать» в провинции Джаяузджан. Осенью 1981 года принял командование 154 ооСпН и, совершив марш, вошел с ним в Афганистан. За мужество и героизм, умелое командование частью в боевой обстановке в течение двух лет награжден орденом Красного Знамени.

После возвращения в Союз откомандирован командиром отряда в 12 бригаду спецназа в г.Лагодехи, что приютился у подножья Большого

Кавказского хребта. 17 апреля 1984 г. майора Стодеревского прославил на все вооруженные силы журналист «Красной Звезды» подполковник А.Юркин, написавший прекрасную статью «Три ордена комбата». Затем комбат наводил «порядок», командуя батальоном охраны и обслуживания штаба Закавказского военного округа в г.Тбилиси. В феврале 1985 года назначается заместителем командира 90 мотострелкового полка 145 мсд в десятке километров от Батуми. С 1985 по декабрь 1987 года — командир мотострелкового полка в Батуми.

С декабря 1987 по август 1990 гг. командует развернутым по штатам военного времени 355 гвардейским мсп в г.Вазияни в 50 километрах от Тбилиси. В это время весь Кавказ охвачен межнациональными беспорядками. 25 ноября 1988 г. назначается комендантом особого района в г.Шеки Азербайджана, где железной рукой поддерживает общественный порядок и пресекает уголовные преступления. С августа 1990 по июль 1991 гг. — командир 68 гвардейского мсп в Западной группе войск в г.Галле. «Боевая подготовка там была отлажена как часы, — вспоминал Стодеревский. — Не зря на Западе нас уважали и побаивались».

Однако шел необратимый процесс развала армии и государства. Германия объединялась. Служить в ЗГВ полковнику Стодеревскому довелось всего 7 месяцев. Выполняя приказ командования, вывел полк на территорию СССР в г.Тозк. Там, на месте испытания на войсковых учениях ядерного оружия и состоялся печальный процесс расформирования дивизии и полков. Один из батальонов его полка тогда принял брат Юрий Стодеревский, который служил с ним в Афгане. Впоследствии Юрию доведется пройти Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Чечню... А Игорь в дни работы ГКЧП (19 августа 1991 г.) попадает на должность военного комиссара объединенного городского военного комиссариата г.Александрии Кировоградской области. Где служил до апреля 1996 г.

После увольнения в запас обустроился в Киеве. Занимается активной общественной работой. В составленной 12-томной Книге Памяти о погибших разведчиках есть и его личный вклад. За многие годы сохранил комбат коллектив своего 154 ооспН. Шесть раз собирал своих соратников на встречи боевых побратимов. Заслуженно награжден Российским союзом ветеранов Афганистана орденом РСВА «За заслуги», Региональной ассоциацией спецназа Украины отмечен «Белым крестом спецназа» за № 570. Приказом командующего ВДВ России награжден почетным знаком «За отличие».

Женат. Стодеревский воспитал 3 дочерей, которые подарили деду внуков Дениса, Андрея, внучку Анастасию.

154 ОТРЯД СНОВА НА ВОЙНЕ

«Война — брусок, на котором оттачиваются, как лезвие, достоинство и совесть человеческая. У одних эта совесть оттачивается, а у других, как плохо закаленная сталь, крошится».

П. АВТОМОНОВ

— События с момента ввода в Афганистан и до апреля 1982 года у меня отражены очень точно, — говорил командир 154 ооСпН майор Стодеревский, — я вёл дневник:

— В 1.30 минут 30.10.81 года последняя наша машина перешла границу. При переходе было много суматохи. Пограничники не могли точно пересчитать всех людей. У них получилось меньше, чем было на самом деле. Дело в том, что многие солдаты уже спали, а спящих в боевой технике посчитать сложно. В конце концов, пограничники записали ту цифру, которую я дал, и мы пошли строго на юг, вглубь Афганистана.

Совершение марша — это был сплошной кошмар. Хорошо, что на этом участке дороги никогда не было душманов. Иначе из нас сделали бы кровавое месиво. Колонна была полностью неуправляемой. Радиосвязь была только между боевыми машинами, а у нас в колонне было около 150 КАМАЗов, которые везли наше имущество.

Периодически какой-то из них ломался, и все машины, что следовали за ним, останавливались. Водители засыпали. Впереди идущие машины продолжали идти. Отремонтированная машина трогалась, а все остальные стояли. Я был вынужден ехать на БМП не по дороге, а рядом. Солдаты прыгивали с БМП и, стуча прикладами в кабины, будили водителей. Но так мы никуда бы не дошли, и я посадил в кабину каждого КАМАЗа нашего солдата. Тогда колонна потихоньку, но пошла. Всю ночь не спал.

В 7 часов утра колонна вышла на перекрёсток дорог. Налево, на северо-восток, на Ташкурган и далее на Пули-хумри и Кабул; направо, на запад, на Мазари-Шариф и далее на Шибарган. Южнее перекрёстка было место дислокации 122 МСП, 201 МСД, впоследствии мы часто работали на операциях совместно с подразделениями этого полка.

На перекрёстке нас уже ждал батальон из 56 ДШБР. Дальше было идти уже опасно, и они осуществляли охрану наших колонн. Пошли в сторону Шибаргана тремя колоннами, а я с генералом Винокуровым поле-

тел на вертолётѣ выбирать место для размещения отряда. Две колонны проскочили нужный поворот, пришлось их догонять и возвращать. И в конце концов потерялась одна Шилка. Заглох двигатель, пока устранили неисправность, колонна ушла. Ну и, конечно, поворот они тоже проскочили. Регулирование организовано не было.

В течение месяца я потом проводил занятия по совершению марша и организации связи в колонне. Одного месяца хватило решить эти вопросы.

Шилка пришла в три часа ночи. Нам просто повезло, что душманы, видимо, эти сутки отдыхали.

Прежде чем вводить отряд, надо было провести хотя бы несколько занятий по боевому слаживанию. Ни я, никто из офицеров не имел опыта в организации марша даже в мирное время. В спецназе нет в подразделениях техники, на учениях — только пешком. А здесь война, сотни машин, колонна смешанная, и колёсные, и гусеничные машины. О чём только начальники в больших штабах думали, и война ведь уже шла около года, пора бы иметь хоть какой-то опыт.

Мы опыт обретали в боевых условиях, а это всегда лишняя кровь.

И боевые операции мы впоследствии планировали и проводили исходя не из требований уставов и инструкций, а из реалий Афганистана. Операции по захвату душманских баз представляли собой «солянку» из пехотной и спецназовской тактики. Засадные действия практически не противоречили требованиям инструкции по применению частей и подразделений спецназа, но и здесь Афган внёс свои коррективы. Доставку групп мы осуществляли исключительно наземным путём. В связи с относительно небольшими зонами ответственности мы отказались от вертолётов, по земле надёжней и более скрытно. За два года мы ни разу не осуществляли эвакуацию групп. Наоборот, при боестолкновении с противником мы наращивали свою группировку. Ни одна наша группа, уходя на засаду, не оставалась без прикрытия, но об этом позже.

В первую же ночь охранением был задержан подозрительный афганец — крутился возле лагеря и не мог внятно объяснить, что он тут делает. Допрос особиста ничего не дал. Тогда я приказал привести его ко мне. Он опять нёс какую-то чушь. Я вызвал нашего начальника медпункта и приказал ему принести и разложить самый страшный, с его точки зрения, медицинский инструмент. Сказал, чтоб он обязательно взял шприц, которым в фильме «Кавказская пленница» делали укол Бывалому. После того как инструмент разложили, даже не пришлось задержанного запугивать — он, поглядывая на стол, выложил 14 адресов. Утром мы его сдали в ХАД.

В ночь с 31 октября на 1 ноября при проверке боевого охранения был ранен помощник начальника штаба старший лейтенант Михалёв Владимир

Николаевич. Он пошёл с начальником штаба проверять посты. И получалось так, что на один из постов они вышли не со стороны лагеря, а от речки, поросшей камышом. Солдат, стоявший на посту, применил оружие, даже не окликнув. Первый раз в жизни восемнадцатилетний парень попал в боевые условия, и нервы не выдержали.

Утром десантники пошли на операцию, и я отправил с ними две группы из второй роты, одной из групп командовал мой брат. У нас в лагере был генерал-майор Глушаков, он и руководил действиями десантников и нами. Мы с ним подошли к Михалёву, он был бледен, но выглядел хорошо и даже улыбался. Ему наши медики оказали всю возможную помощь он лежал на носилках, мы ждали вертолёт. Глушаков спросил у него: «Ну что сынок, до вертолётов потерпишь?» Володя что-то ответил, улыбнувшись, к сожалению, не помню. Вертолётом его отправили в Шибарган, в центр провинции Джаузджан. Там находился городок советских специалистов, нефтяников и газовиков и имелась небольшая поликлиника. Там Володе и сделали операцию.

2.11.81 года утром нам сообщили, что старший лейтенант Михалёв умер от большой потеря крови. Володя, как и мы все, был добровольцем. На должность помощника штаба он согласился только потому, что очень хотел идти с отрядом, а свободных групп не было. Потомственный военный, он не мог иначе. В Минске у него остались отец и мама.

Судьба солдата, ранившего Михалёва, сложилась трагически. Буквально через неделю на одной из операций во время боя он пропал. Опускалась ночь, и роте надо было уходить, иначе были бы большие потери. С рассветом мы вернулись на то место большими силами. Солдата нашли, он всю ночь просидел в глубоком арыке, под камышом, по пояс в воде. Но через три месяца в одной из операций он погиб.

Мне не нравилось наше месторасположение, вокруг очень много посадок и глубоких арыков, по которым можно незаметно подойти к лагерю. К тому же мы стояли на пахотных землях, а значит, у кого-то отрывали хлеб. Наше расположение устраивало только местную власть, так как мы были недалеко от н.п. Акча, центра волости. А на них периодически нападали душманы. Прилетел генерал-полковник Горяев. С его разрешения облетел местность на вертолёте и выбрал новое место для лагеря. Три роты ушли на операцию.

На следующий день переехали на новое место и стали обустриваться. Вернулись три роты и привезли одного раненого, отправили его вертолётном в Кундуз.

Так начались наши будни в чужой стране. Я ездил в Шибарган налаживать взаимодействие с размещённым там танковым батальоном и

группой разведотдела 40 Армии. Заодно договорился с советскими специалистами насчёт вагончиков под жильё и о стройматериалах.

6 ноября первый раз испекли хлеб, в составе отряда было два отделения полевого хлебозавода. Организовали баню с применением установки по дезинфекции. Показали личному составу первый фильм. Так что жизнь стала входить в нормальное русло.

На следующий день поступила информация, что пропал губернатор провинции, и поступила просьба от местных властей помочь в его поиске. Одна рота во главе с моим заместителем, старшим лейтенантом Посоховым В.Н. убыла на поиски. Нашли в кишлаке Менгаджик, сидел в осаде. Царандоевцы бросили его и на двух БРДМах, сбежали к нашей границе. Рота уничтожила 15 басмачей.

Именно так мы называли противника, или душманами, но не духами, и тем более не моджахедами.

Ещё пятерых взяли в плен. Было захвачено оружие и восемь кавалерийских лошадей под седлом. Операция прошла удачно. Но ночью когда рота возвращалась в лагерь, попали в засаду. Нападение отбили и прорвались. Но когда пересчитали солдат, не оказалось рядового Горбунова. Вернулись на место боя, прочесали всю местность, но солдата так и не нашли.

В течение месяца, как этого и требовал приказ, основные свои усилия мы сосредоточили на поиске Горбунова. Но, к сожалению, ни наши операции по прочёсыванию кишлаков, ни агентурная работа результатов не дали. Мы постоянно получали информацию от местного Хада, что советского солдата видели то в одном месте, то в другом. Но при проверке всё это оказывалось липой. Я даже поставил задачу местным властям, чтоб они попытались выйти на душманов и передали им, что готов обсудить вопрос обмена. Но к сожалению, Женю мы так и не нашли.

Было тяжело об этом писать родителям. На погибших писать тоже, конечно, очень тяжело эмоционально. Всё это трагедии каждой отдельно взятой семьи. В случае с Горбуновым тяжелей вдвойне. Нам постоянно шли письма не только от родителей и родственников солдата, но и от его друзей, и его школьных учителей. Женина судьба волновала всех. И все требовали и упрекали. Я на них не обижался. Понимал, что они там, в Союзе, плохо представляют себе, что здесь, в Афгане, творится. Ведь в газетах тогда писали, что мы здесь ведём учебные бои, и иногда доставляем хлеб в горные кишлаки. Всей перепиской занимался замполит. Длилась она около года. Затем пришло письмо от сестры Жени, где она очень жёстко высказало всё, что думала обо мне. Наверное, она в чём-то была права. Она упрекнула меня, что если бы такое случилось с моим братом, то я бы поиски не прекратил. Это уже было в начале осени 1982 года, отряд был передис-

лоцирован в другую провинцию, и по Горбунову мы уже ничего не могли предпринимать.

Я ответил, что мой брат находится здесь, рядом со мной, и неизвестно, выйдем ли мы отсюда живыми. И письма прекратились.

Мама Жени приезжала в Чирчик, беседовала с теми офицерами, находившимися в то время в отпуске. Родители в праве были знать, кто виновен в случившемся. Приезжала она и ко мне в 1985 году, когда я уже служил в Батуме. Мы с ней сели, я ей подробно рассказал о тех событиях, показал ей два своих афганских альбома. Ей казалось, что в этой трагедии виноват Посохов, так как был старшим. Но мне кажется, я убедил её, что во всём виновата только война. Ведь тот бой у большинства был первым, и у Посохова в том числе. Они попали в засаду, к тому же ночью. Да если свести воедино все эти реалии, то там должно было остаться полроты. Но благодаря тому, что солдаты были неплохо подготовлены ещё в мирное время, и благодаря, конечно, Посохову рота потеряла только одного солдата. Но он был сыном именно этой матери. И она будет его ждать и искать всю свою жизнь.

В ноябре 1992 года, я служил в Украине. Мне пришёл запрос из Российского комитета по делам воинов-интернационалистов. Уточняли обстоятельства пропажи Горбунова, они занимались его поисками. Дай-то бог, чтоб он нашёлся.

В тот же день когда пропал Горбунов, охранением был задержан всадник. Как оказалось, он добровольно ехал к нам сдаваться. Это был заместитель главаря одной из банд. Главарь изнасиловал его сестру, а он, убив бандита, явился к нам. С собой имел два автомата Калашникова, как он говорил, один его, другой главаря. Мы передали его в ХАД.

На следующий день после пропажи Горбунова одна рота ушла на его поиски. Прочесали два кишлака. Убили пятерых басмачей и двоих взяли в плен. Один из них показал, что Горбунова взяли живым и увезли в кишлак Абоз. Пригнали пять лошадей под седлом.

9 ноября в 4.00 две усиленные роты убыли на прочёсывание кишлака Абоз. У них имелись наводчики из местных жителей. В 9.00 на двух МИ-8 сам вылетел к кишлаку Абоз. И с восемнадцатью бойцами десантировался на северной окраине кишлака, с юга подходили наши роты. Вертушки остались в воздухе для поддержки огнём. Но, к сожалению, прочёсывание результатов не дало.

Мы обустроивали лагерь. Подвозили из Шибаргана вагончики. Копали для палаток котлованы. Дело в том, что несколько раз ночью лагерь обстреливали из стрелкового оружия. Мы, конечно, проводили засады вок-

руг лагеря, но результатов они не дали. Правда, обстрелы прекратились. Я решил обезопасить людей и приказал для каждой жилой палатки выкопать котлован глубиной 2,5 метра. Стены и пол котлована обшивались досками, ак сверху устанавливалась палатка. В этом случае обстрел был не страшен, пули пролетали бы над головами, дырявя только брезент.

Прилетел командующий 40 Армией генерал-лейтенант Ткач с кучей генералов и старших офицеров. Походили, посмотрели и, сделав ряд замечаний по устройству лагеря, улетели.

Прилетел генерал-майор Близнюк. Он мне сразу сказал: «Командир, я тебе мешать не буду, моя задача — научить твоих ребят стрелять из миномёта». Дело в том, что нам в гранатомётную роту дали 6 штук 82-миллиметровых миномётов «Поднос» (это облегченный вариант для ведения боевых действий в горах). Так, что рота стала миномётно-гранатомётной. В зависимости от задачи они брали на операцию то или другое вооружение. Артиллеристов у нас, конечно, не было, и Близнюк учил их с нуля. Я его практически не видел, он был постоянно с расчётами. Целый день, как лейтенант, крутился в поле на занятиях. И большое ему спасибо за науку, задачу свою он выполнил. Проблемы накрыть цель, в кратчайший срок, для наших миномётчиков не было. Одно непонятно: что, в армии не нашлось толкового командира батареи? Это всё наша армейская перестраховка и попытка подменить нижестоящее звено. А это очень опасно — приводит к потере у офицеров инициативы и способности принимать решение. Мы с этим ещё столкнёмся при проведении операции по уничтожению базы душманов в кишлаке Джар-Кудук.

Мы проводили засады, прочёсывали кишлаки, где, по сведениям ХАДа находились душманы. Были неплохие результаты. Захватывали не только оружие, но и автомобили. При нападениях душманов на населенные пункты, ходили и оказывали жителям помощь. То есть занимались тем, для чего мы сюда прибыли — стабилизацией обстановки в зоне ответственности. А это и провинция Джаузджан, и часть провинции Балх.

19 ноября из Шибаргана приехали начальник армейской разведгруппы и партийный секретарь провинции Джаузджан Насим, он являлся главой власти в провинции. Они пригнали колонну около 100 автомашин с просьбой сопроводить их до Мазари-Шарифа. Подобное в наши задачи не входило, этим должны были заниматься сами афганцы. К тому же у меня не было сил и средств. Часть рот находилась на операции. И я мог выделить только два БТР-а. Ещё громадной ошибкой было то, что колонну пригнали заранее, и она ночевала рядом с нашим лагерем. Все вокруг знали, что она пойдёт на Мазари-Шариф. Надо было отказаться от сопровожде-

ния, а я этого не сделал. Понадеялся на то, что что-то произойдёт, то для наших ребят всё закончится нормально. Один БТР стал во главе колонны, а другой в замыкании. Этого тоже нельзя было делать, надо было их ставить вместе, чтоб они могли оказать друг другу огневую поддержку. У меня не было опыта в сопровождении колонн.

На следующий день рано утром колонна пошла. Этот день — самый чёрный день нашего отряда и лично мой. У кишлака Тимурак душманы выстрелом из гранатомёта подбили последний БТР, а затем добили раненых.

Погибли:

- командир группы лейтенант Слепцов Андрей Александрович;
- сержант Шиварев Алексей Фёдорович;
- рядовой Чегодаев Виктор Анатольевич;
- рядовой Эшонов Шавкат Абдураимович;
- рядовой Милибаев Бахадыр Патидимович;
- рядовой Бабиев Хайридин Тешаевич.

У них забрали оружие, сняли сапоги и сложили вдоль арыка в рядок; изуродовать не успели, подошла одна из наших рот. Только одному перерезали горло и вспороли живот. В их смерти был виновен только один человек, и этот человек я.

Мы привезли ребят и сложили их в одной из палаток. В колонну по одному прошёл весь отряд. А я заходил и смотрел на ребят ещё дважды, набирался ненависти на душманов, и казня себя.

Я считал, что меня снимут с должности и отдадут под суд военного трибунала, но этого не произошло. Позвонил начальник штаба 40 Армии генерал-майор ТЕР-Григорянц и сквозь зубы сказал всё, что он обо мне думает. В заключение сказал, что ещё одна такая ошибка — и суда мне не избежать.

Но самый страшный суд — это суд нашей совести, и нашей памяти. Вот уже более двадцати лет эти ребята судят меня. Особенно в дни, как-то связанные с афганской трагедией.

Мы, конечно, отомстили. В течение недели проводили боевые операции в этом районе, перебили несколько десятков душманов. На одной из операций захватили в плен двух главарей банд. Как раз тех, кто участвовал в нападении на колонну. Я приказал их повесить на том дереве, под которым они сложили наших ребят.

Мы практически ежедневно вели боевые действия. Но подразделения выходили по очереди, группы ходили на засады, а роты прочёсывали проблемные кишлаки. Практически ежедневно мы имели небольшие результаты, 3-5 душманов уничтожали или захватывали в плен. Но зато у нас не было даже раненых. До нас в этом районе душманами никто серьёзно не

занимался, и они обнаглели. Позволяли себе даже делать налёты на Акчу. Кстати, выходя на прочёсывания, мы всегда брали с собой отряды самообороны. Они прекрасно знали местность и воевали гораздо лучше, чем Царандой, ведь все были добровольцами. У каждого из них был свой личный счёт к душманам. Костяк таких отрядов составляли партийные активисты из НДПА.

26 ноября 2 роты ушли ночью на блокировку кишлака Алайли. Ходили мы только пешком, а уже после того как кишлак был блокирован, подходила бронегруппа. В кишлаке оказалась большая банда и попыталась прорваться из окружения. Я выехал с подкреплением, и мы удачно завершили операцию. Это был первый наш большой успех; 25 душманов было убито и 21 взят в плен. Первых семь человек я представил к правительственным наградам. Затем таких удачных операций было несколько.

После месяца нашей работы в зоне ответственности обстановка была несколько стабилизирована. Душманы теперь могли действовать только по ночам и только из засад, кончилась их вольница.

Боевые действия в нашей зоне ответственности имели свои особенности. Мы действовали на равнинной местности с хорошо развитой оросительной системой. Имелось громадное количество больших и малых арыков. Они затрудняли наш манёвр, так как некоторые арыки были в ширину до двух и трёх метров глубиной. Техника не проходила, если даже там не было воды. Душманы пользовались этим и уходили от преследования, тем более, что часто они были на лошадях. Надо было что-то делать. Мы при проведении операций захватывали кавалерийских лошадей — они не боялись выстрелов и по команде всадника ложились. Спрятавшись за них, можно было вести огонь. Я приказал сформировать кавалерийский взвод.

Подобрали солдат из тех, кто умел сидеть в седле, в основном это были ребята из республик Средней Азии. Они были все из сельской местности и умели обращаться с лошадьми. Теперь душманам стало уходить сложнее. Да и ночью при выходе к месту засады выйти в точку можно было гораздо быстрее, и при этом сохранялись силы. А в случае необходимости можно было оторваться от противника. Был случай, когда благодаря нашим кавалеристам одна из рот избежала засады. Рота шла ночью по полевой дороге вдоль небольшого канала, впереди в пятистах метрах — головной дозор на лошадях. Душманы, из засады их окликнули, приняв за своих. Ребята ответили на узбекском языке, те стали кричать, чтобы они срочно уходили, так как сзади идут шурави. Открыв огонь из автоматов, солдаты бросили лошадей и переплыли канал, никто даже не был ранен. Засада была сорвана, и при подходе роты противник разбежался.

Мы только начали разрабатывать тактику действий этого подразделения. Но прилетел генерал армии Ахромеев. Посмотрел лагерь, выслушал мой доклад и приказал лошадёй передать местной власти. Я считаю это ошибкой, надо было целую роту посадить на коней. В труднопроходимой местности конь и сейчас незаменим. А уж при современной тактике ведения боевых действий без него не обойтись.

Считаю, что и сегодня в войсках быстрого реагирования должны быть подразделения, где для передвижения используются лошади. Войны последнего десятилетия — в основном партизанские войны. Проходят они, как правило, в труднодоступной местности, где использование техники затруднено, а зачастую и невозможно. К тому же организовать скрытое передвижение подразделений на технике — это из области фантастики. А сейчас, зачастую выигрывает тот, кто неожиданно для противника оказался в нужном месте и в нужное время.

Россия второе десятилетие ведёт войну в Чечне, да и в Таджикистане, имея тысячи подготовленных кавалеристов, казачество. Не делает даже попыток к созданию таких подразделений. А я уверен — там, внизу, в войсках, при каждом удобном случае солдаты используют лошадей, так же, как это делали мы. Ахромеев улетел, сказав мне, чтоб я довёл до каждого солдата, что мы здесь не интернациональный долг выполняем, а защищаем южные рубежи Отечества. Я дважды встречался с этим человеком, и когда в начале девяностых годов объявили, что он повесился, я не поверил, и сейчас не верю. Такие люди, такие офицеры выдерживают любые удары судьбы и сами не вешаются.

Выполняли мы и задачи по обеспечению безопасности советских специалистов, работавших в Шибаргане. Оттуда по трубе качали газ в Союз. Один раз душманы провели диверсию. Трубу взорвали, но не подумали о том, что в трубе газ. Рвануло так, что из диверсантов мало кто уцелел. Когда подошла наша рота, вокруг места взрыва валялась обувь и окровавленная одежда. Больше они к трубе не совались.

Несколько раз мы проводили операции по вывозу семей партийных активистов и офицеров афганской армии в Акчу из дальних кишлаков.

Душманы развязали против них террор, вырезали всех от мала до велика. Вырезали и сочувствующих власти.

Делалось это так. Рота блокировала кишлак. Один из взводов блокировал необходимый дом. А затем афганцы в наши машины грузили всё имущество семьи. В Акче местные власти выделяли дом. Так что это были боевые операции. Один раз был случай, когда мы вытащили семью практически из-под ножа. Опоздав хотя бы на полчаса, нашли бы только трупы.

В 12.00 29 ноября поступила вводная, что в кишлаке Торли собира-

ются вырезать семью перебежчика. Как раз того, который пришёл к нам 7 ноября, убив главаря банды. Исламский комитет уже вынес приговор — всю семью под нож. Я отправил в кишлак две роты, а сам чуть позже вылетел на вертолётах с десантом. По дороге мы должны были в горах подсесть и забрать наводчика. Дело в том, что в этой местности было несколько кишлаков с таким названием, и без наводчика не обойтись.

Солдат в вертолёты мы грузили по максимуму, и каждый из них был обвешен боеприпасами — неизвестно, какой противник нас ждёт после высадки. А так как на десантирование шли расчёты АГС-17, то это был ещё дополнительный груз. Командир звена, или эскадрильи, кажется, Зайцев. Страшно со мной ругался при погрузке в вертолёты, говорил, что столько не потянут. Но я его уговорил. Дело в том, что вертолёты были МИ-8 Т, а у них очень слабый двигатель. И в условиях высокогорья он вообще никуда не годился. Потом меняли эти вертушки на МИ-8 МТ. Так вот, когда мы подлетели в точку, где надо забрать наводчика, он уже стоял внизу и махал нам руками. Я сказал Зайцеву, что надо подсесть, он мне в ответ — если сядем, то, возможно, не сможем взлететь. Но без наводчика идти нельзя, и мы сели. Мгновенно втащили наводчика, и вертолёт с трудом начал отрываться от земли. Набрал высоты метров десять, он стал медленно оседать к земле. Зайцев повернул ко мне голову, лицо у него было сероватого цвета. В двух словах, используя «русский фольклор», он выразил своё отношение ко мне. Вертолёт ударился о землю всеми четырьмя колёсами, слегка подскочил и завалился в пропасть. Я стоял в кабине у лётчиков. Сердце было где-то в районе гланд. Но, видимо, то, что мы завалились, а точнее, это Зайцев завалил машину в пропасть, нас и спасло. Вертолёт поймал поток и стал набирать высоту. Возможно, лётчики будут улыбаться, что я не профессионально описал ситуацию. Вы уж меня, ребята, простите, но всё происходящее я воспринял именно так.

Но все труды были напрасны — наводчик не смог показать кишлак с воздуха. Роты, идущие по земле, прошли только половину пути. Я, заподозрив провокацию, приказал им остановиться на ночёвку, а сам с десантом вернулся в лагерь. Хотел на следующий день вернуть роты. Но, проанализировав ситуацию мы решили, что наводчик не виноват. Он первый раз в жизни видел землю с птичьего полёта и, естественно, не мог найти нужный кишлак. В карте он вообще не разбирался. Глава семьи, которую надо было вывезти, чуть ли не в ногах валялся, умолял спасти жену и детей. На следующий день мы продолжили акцию. Семью вывезли. А на обратном пути ещё и наткнулись на колонну из 20 грузовых машин, они везли в душманский район продовольствие. Колонну сдали местным властям.

Я уж и забыл об этом случае, но как-то был в гостях у председателя уласвали (это типа нашего райисполкома) и увидел того, из-за спасения семьи, которого мы два дня елозили по горам. Разговорились, оказывается, он довольно зажиточный человек и в Акче открыл своё дело.

Было, конечно, приятно слушать слова благодарности. Но и ощущение того, что мы спасли человеческие жизни, давало чувство удовлетворения. К тому же у меня с детства было повышенное чувство справедливости. И если бы не удалось спасти семью, я бы потом всю жизнь себя за это корил.

Афганец спросил, есть ли у меня дети, и сколько им лет. По прошествию двух или трёх месяцев меня пригласили в уласвали, и этот человек стал вручать мне подарки, я наотрез отказался, что-либо брать. Затем мне разъяснили, что ничего купленного здесь нет. Это мать спасённых детей, в знак благодарности, всё сделала своими руками. Здесь мне деваться было уже не куда, и подарки пришлось взять. Мне подарили чехол для одежды, расшитый бисером, а также покрывало для стрижки из белого шёлка, с вышитыми на них вручную инструментами парикмахера. По назначению я, конечно, ничего этого не применял, они у меня остались как память об Афганистане. Дочерям, а их у меня тогда были две, подарили национальные афганские платья, также красиво расшитые бисером и вышивкой. Старшая дочь, ей было десять лет, в школе на новогоднем утреннике за лучший костюм получила первый приз.

Мы несколько раз передавали, по актам, местной власти захваченные машины, а их было более десятка, и оружие для отрядов самообороны. Но в основном мы сдавали оружие на склады в городе Термезе.

Был даже захвачен автобус ЛАЗ, на спидометре которого было только 10 тыс.км. Мы на нём несколько раз ездили в баню, до бани было всего 300 метров. В офицерском городке, а к тому времени у нас было уже 14 вагончиков, объявлялся выезд. Все собирались, рассаживались, и вперёд, в баню. Это был наш местный прикол. Но, конечно, мы этот автобус тоже отдали.

Не отдал я только наган. Его захватили на одной из операций. Он был бельгийского производства. На нём стояла дата выпуска, 1895 год. Был он в прекрасном состоянии и даже в смазке. В царское мне сшили кобуру, а наш начальник артвооружения привёз из Термеза 5000 патронов. Так я и проходил все два года с этим оружием. Уезжая по замене в Союз, я подарил его начальнику штаба отряда Ахметову Р.М.

Наган недолго оставался в «одиночестве». За полгода я собрал неплохую коллекцию оружия. В ней были винчестер, карабин «Маузер», винтовка иранского производства «Бум-пок»(кажется, так её называли),

конечно же БУР, советский кавалерийский карабин (укороченная винтовка Мосина), бундесверовская автоматическая винтовка G-3 и целая куча всевозможных пистолетов и револьверов. Всё это размещалось на стенах комнаты, где я жил.

Но всё было учтено начальником артвооружения отряда. Во-первых, так положено по инструкции, а во-вторых, так лучше для коллекции, целее будет.

Как-то эту коллекцию смотрел заместитель командующего по вооружению генерал майор Крянга. К личности этого человека, отличного офицера, я ещё вернусь, мы плотно с ним работали в то время, когда отряд перевели под Айбак. Так вот ему очень понравился один из револьверов, и он попросил подарить его. Я вручил ему револьвер и вызвал начальника артвооружения оформить накладную. Узнав, что всё оружие учтено и за подарок надо расписываться, он от него отказался.

Впереди у нас была первая большая операция, в которую мы привлекались по плану штаба 40 Армии.

Некоторые публикации о начальном периоде Афганской эпопеи, в частности С. Козлов в своей книге «Спецназ ГРУ» — пятьдесят лет истории, двадцать лет войны», пишет, что отряды спецназа применялись не по назначению.

Да, в инструкции по применению частей и подразделений спецназа сказано, что они не должны привлекаться для захвата и удержания каких-либо объектов. Но когда писалась инструкция, не было ещё таких подразделений, как наши два отряда. Одновременно с нами в Афганистан был введён 177 ооСпН из Капчагая. И не было такой войны. В Афгане мы получили 6 миномётов, и нам придали, на постоянной основе, танковый взвод и батарею гаубиц Д-30. По огневой мощи с нами не мог сравниться ни один мотострелковый батальон. А столько, сколько у нас было огнёмётов, было только в дивизии.

К тому же, инструкции писались для большой войны, где есть фронт и тыл. Писали по опыту Великой Отечественной войны. Кстати, в ту войну мы пытались воевать, как в Гражданскую, кровью умылись. В Афганистане фронт был везде.

Да мы брали базы и укреплённые районы, которые до нас никто не мог взять. И мы делали своё дело.

Разгром базы душманов в Карере в марте 1986 года, силами двух отрядов спецназа, одним из которых был наш родной отряд, считается делом спецназа. А вот разгром душманских баз силами 154 ооСпН с минимальными потерями:

- в Джар-Кудуке, декабрь 1981 года, во взаимодействии с подразделениями 122 МСП (трое погибших);
- в Дарзабе, январь 1982 года (двое погибших);
- в Санчараке, апрель 1982 года (один погибший);
- в Кули-Ишане, октябрь 1982 года (убитых нет);
- и, наконец, в Мармоле, март 1983 года, во взаимодействии с группировкой войск 40 армии и афганской армии и царандоя (убитых нет).

Автор считает эти операции неспецифическими для спецназа задачами. Видимо, автор совершенно не владеет ни информацией, ни обстановкой того времени. Ну да бог ему судья и офицеры спецназа.

В книге пишется, что наш отряд стоял на охране трубопровода. Как мне кажется, здесь уместно правило, применяемое при обучении механиков-водителей — «Не вижу, не еду», слегка перефразированное — «Не видел, не пишу».

Мы никогда, ничего не охраняли. За исключением одного случая. В мае 1982 года поступила информация о том, что душманы готовят нападение на городок советских специалистов и советское консульство под Мазари-Шарифом. Охрана там осуществлялась афганцами. Решением Кабула туда на усиление, недели на две, была направлена наша разведывательно-десантная рота во главе со старшим лейтенантом Ахметовым Р.М.

Этот офицер прибыл к нам только в апреле месяце и заменил командира роты Якименко В.П., которого забрали в Кабул на отдельную роту спецназа. Кстати, оба они были не только одноклассниками по Киевскому ВОКУ, а ещё и друзья.

Ахметов пытался попасть в наш отряд ещё в Чирчике, при переформировании, и даже был у меня на беседе, но тогда свободных должностей уже не было. Как только представилась возможность, он добился направления к нам. Впоследствии, после перевода Ершова в Союз, он был назначен на должность начальника штаба отряда.

Замена офицеров и прапорщиков отряда началась через год. Это было сделано для того, чтобы плавно, без ущерба для боеготовности отряда, через два года замена была произведена на 100%.

Инструкция для спецназа ко времени Афганской эпопеи безнадежно устарела, так же, как боевые уставы для пехоты. Мы никогда не ходили в атаку цепями, да и вообще, в атаку не ходили, за исключением редких случаев. Как, например, взятие опорного пункта в Джар-Кудуке. Но тогда всё за нас спланировал штаб.

А обычно мы просачивались группами на доступных направлениях и брали объекты с минимальными потерями.

Конечно, нужны подразделения спецназа, имеющие классическую струк-

туру и выполняющие классические задачи. Но Афганская война показала, что не обходимы и такие структуры, каким был наш отряд. И я считаю, что роковой ошибкой руководства было то, что в конце 1983 года у отряда забрали артиллерию, перевели на новое место дислокации, в Джелалабад, и ввели в состав бригады.

Да поняли, наконец, что надо развернуть в Афганистане две бригады. Но не надо было трогать 154 отряд. Он уже врос в свою зону ответственности. Местность мы уже знали не хуже местных жителей, нам и карты уже нужны были лишь для снятия координат. Всю свою зону ответственности мы прошли ножками, и не один раз. Обросли агентурой. Сложились прекрасные отношения и с местной властью и с жителями. Было организовано чёткое взаимодействие с силовыми структурами афганцев. И в одно мгновение всё это — псу под хвост. Значит все потери, понесенные отрядом, оказались напрасны. И если бы наша передислокация из Акчи в Айбак имела под собой хоть какую-то почву! Под Шибарган пришла мобильная группа пограничников, правда, она не могла заменить спецназ. Задачи не те, подготовка не та, да и по своей структуре она значительно уступала нам. А перевод отряда в Джелалабад не был вообще ничем мотивирован.

Необходимо было, чтобы в пункте постоянной дислокации отряда постоянно дежурили две пары вертолётчиков, о чём я всё время просил командование. И тогда не было бы в Армии более мобильного, обладающего большой огневой мощью и возможностями подразделения, способного быстро и качественно решать вопросы контрпартизанской борьбы.

Огромное значение имеет поддержание надёжной и устойчивой радиосвязи между подразделениями. То ли это на марше, то ли при ведении боя. В течение месяца после ввода отряда в Афганистан я проводил занятия по соблюдению строжайшей дисциплины радиосвязи. И мы добились, что на операции все подразделения отряда работали на одной частоте, хотя и положено было в каждой роте иметь свою.

Это экономило драгоценное время. При докладах командиров подразделений я организовывал между ними взаимодействие, и ставил задачу, не вводя в обстановку. Этого просто не надо было делать. Не только каждый офицер, но и все сержанты, да и многие солдаты постоянно были в курсе событий благодаря тому, что все радиостанции были настроены на одну частоту.

ИЗ ТЕНИ ЗАБВЕНИЯ

ОПЕРАЦИЯ ПОД ДЖАР-КУДУКОМ

(6.12. — 8.12.1981 гг.)

В ряду газетных публикаций и статей аналитического характера, посвященных истории Спецназа, и, в частности, 154 ооСпН, остался в тени период боевых действий с 1981 по 1984 годы.

Недостаточно сведущие историки пишут о том, что в это время находившиеся в ДРА отряды спецназа осуществляли охрану трубопровода, идущего из Союза, что, мягко говоря, не соответствует истине и вызывает неудовлетворение у ветеранов Спецназа. Для того, чтобы восстановить историческую правду и вывести из забвения, было написано несколько статей: «Неприступных ущелий не бывает», «Засада», «Кули-Ишан» и другие, в которых уже рассказывалось о том времени и тактике действий подразделений разведчиков.

Опыт боевых действий Спецназа в первые и последующие годы афганской войны неопровержимо доказывает, что подразделения и части Спецназа ГРУ всегда были востребованы командованием 40 армии и находились на острие главных ударов многих армейских операций.

Не всегда это было оправдано, но в расчет всегда ставились уникальные боевые и психологические качества военнослужащих нашего Спецназа, который оправдывал свое назначение...

Самая первая крупная боевая операция отряда из Чирчика, перефор-

Листопад Владимир Спиридонович родился 3 января 1962 г. в украинском индустриальном городе Днепродзержинске Днепропетровской области. Образование — незаконченное высшее. Служил в 154 отряде заместителем командира группы спецназа с октября 1981 по июнь 1982 г.г. в Афганистане. Награжден медалью «За отвагу» и Знаком командующего ВДВ «За отличие». Старшина запаса. Женат. Вырастил трех сыновей. Работает в службе безопасности предприятия.

мированного из легендарного «мусульманского батальона», состоялась через месяц после ввода в Афганистан. В декабре 1981 года подразделениями 154 отряда спецназа во взаимодействии с мотострелками был взят в бою кишлак Джар-Кудук, который являлся базой по подготовке моджахедов Северного фронта.

О том, как это произошло, рассказали участники тех событий: командир отряда, в то время майор Игорь Стодеревский, и замкомвзвода 3 роты, в то время, старший сержант, Владимир Листопад. Дополняя друг друга, они сумели в деталях восстановить те события. Воспользовался я и дневником комбата — этим уникальным в своем роде историческом свидетельстве о человеке и о времени, о котором так немного, в сущности, дошло до нас подлинных документов, тех самых, которым мы даем сейчас название «человеческий документ». Без них трудно понять то время. Как сказал Бунин, «нет ничего лучше дневника... Тут жизнь, как она есть...»

Из дневниковых записей комбата: «В 21.00 29 октября 1981 года начали переход государственной границы и закончили в 1.30 (по ташкентскому времени) 30 октября, когда последняя машина вышла на афганскую землю. Марш колонны, состоящей из более 200 единиц техники, проходил очень тяжело, потому что было много чужих машин. В 7.00 прибыли в район 122 мотострелкового полка, а затем прошли через Мазари-Шариф в определенный нам район. С генералом Винокуровым облетел район на вертолете. Обустроивались. В ночь на 1 ноября во время перестрелки получил тяжелое ранение старший лейтенант В.Н.Михалев. Начали боевую деятельность: отправил на операцию вместе с десантно-штурмовым батальоном две группы, одной из них командовал брат Юрий (От автора: командир группы лейтенант Ю.Ю.Содеревский). Утром 2 ноября сообщили о смерти Михалева. Жаль Владимира — отличный был офицер, золотой медалист, спортсмен, человек незаурядных способностей. Ему досталась одна из первых пуль. Отец — военный, родители живут в Москве. Отдал приказ: прекратить разворачивать лагерь! Прилетал генерал-полковник Гареев и, выслушав мой доклад, согласился с моим решением и разрешил самому выбрать новое место дислокации отряда. Легал на вертолете на рекогносцировку, выбирал пункт постоянной дислокации. Согласно плану разведывательно-боевой деятельности три роты спецназа ушли на операции. Вечером 3 ноября привезли одного раненого разведчика...

4 ноября во время прочесывания местности недалеко от лагеря обнаружили банду. Во время скоротечного боя убили 4 душманов и девятых взяли в плен.

6 ноября продолжаем разбивать лагерь. Настроение предпраздничное.

Испекли первый хлеб. Сделали освещение и провели первую помывку в бане. Политработники прокрутили личному составу первый фильм.

7 ноября. Праздник провели в боевых хлопотах. Рота на БМП под командованием старшего лейтенанта Посохова убыла на поиски губернатора провинции Джаузджан. Нашли его в кишлаке Менганжик, в условиях полной блокады, с оружием в руках и уже потерявшим всякую надежду на спасение. Как оказалось он небольшими силами держал оборону отседающих духов. Разведчики сбили заслоны душманов, убив в бою 15 басмачей. Пять человек взяли в плен. Захватили трофеи, интересно, что среди стрелкового оружия оказалось шесть английских карабинов БУР-303. Забрав на броню губернатора, на обратном пути при возвращении в ППД попали в засаду и потеряли разведчика рядового Евгения Горбунова, уроженца Красноярского края...

20.11.81 г. В районе кишлака Тимурак наша колонна попала в засаду. Душманы расстреляли бронетехнику из гранатометов, а затем раненых доби́ли выстрелами в упор — в лицо, а одному перерезали горло и вспороли живот. Среди погибших лейтенант Андрей Слепцов и солдаты Шиварев, Чегодаев, Эшонов, Мшибаев, Бабиев. Останки всех убитых отправил в Кундуз вертолетом...»

Старший сержант В.Листопад:

— Первую операцию под Джар-Кудуком я запомнил в деталях. К тому времени мы уже обжились в походных условиях недалеко от Акчи. Бытом своим мы, солдаты, были очень даже довольны — несмотря на зимние условия, у нашего взвода была отличная теплая палатка. Топилась печурка, которую сначала топили дровами. С этой целью нам привезли, уж не знаю, откуда, несколько машин сосновых бревен. В качестве зарядки и физо мы играючи пилили и кололи их на дрова, а потом наши умельцы-техники сделали форсунку из канистры битого КамАЗа, и совсем милое дело стало — топили печку соляркой. В боевом плане познакомились и с местностью, пошерстили духов под Акчой, Шибарганом, Балхом, там, где бандиты били наши колонны. Появилась уверенность в себе и товарищах.

Накануне операции, по-моему, 3 декабря, среди белого дня на дороге две наши машины (БМП и БМД) налетели на итальянские транспортные мины. Взрыв под нашей машиной произошел под шестым катком, вырвал его, расколол поддон двигателя, заклинил башню. Мой взводный лейтенант С.Н.Калмыков (впоследствии погиб 6.06.82 г.) мне говорит: «Листопад, садись в башню подорванной машины и расстреляй все боеприпасы».

Я долго в ней сидел, набравшись терпения, наблюдал в прицел, и за 1-1,5 минуты, когда попадали в радиус обстрела бородастые владельцы анг-

лийских карабинов, бил по ним из пулемета, а также два раза ухнул из пушки, пока ее совсем не заклинило. Очень я этой охотой был доволен, так как с пользой расстрелял боезапас, а заодно и потренировался..

Перед операцией мы двое суток были в режиме ожидания. Стояли в танковом батальоне под Шибарганом. Там на выезде еще стояли наши пограничники, афганский военный госпиталь и царандой. В городке наших специалистов комбат договорился о бане и мы все по очереди меняя друг друга помылись и попарились. Мужики, наши специалисты-газовщики, относились к нам очень хорошо, даже квас в парилку приносили. На местной киноустановке прокрутили нам несколько фильмов, то есть все было по-людски. Неопределенность раздражала, скорее хотелось в дело, в бой. Погода была мерзкая: низкая облачность, моросящий дождь, ветер.

Из дневника комбата:

— 5.12.81 г. Сидим, ждём погоды, готовимся и изучаем вместе с командирами и политработниками авиафотоснимки укрепления базы Джар-Кудук. Крепкий орешек получается. Уточняем боевые задачи и последовательность действий, а также порядок докладов.

Листопад вспоминает:

— Начались подвижки, — как только стало светать, небо очистилось, прилетели вертолеты Ми-8 и Ми-6. Запомнил крайний инструктаж комбата: «Запомните ребята! С местным населением вести себя достойно. Духов — бить! Наша сила в дерзости и десантной стремительности. Пленных не расстреливать. Стрелять до того, как он поднял руки, а если после этого в него выстрелишь, — знай, ты преступник, и я тебя отдам безжалостно под трибунал!».

Наконец — взлет, и мы стремительно полетели над землей. Друг друга в воздухе не видели. На самом подлете к цели в иллюминаторы увидели вооруженных всадников, которые прямо с коней стреляли по нам. В ответ и мы ударили по ним из пулеметов и автоматов. Я видел, как двое наездников от нашего огня упали, а остальные поскакали прочь. Вертолетчики шли по курсу, и догонять их не думали. Не долетая до объекта два или три километра, вертолеты подсели, и мы на ходу десантировались. Кто не прыгал из вертолета, грузенный под завязку, не сможет себе представить это «удовольствие» — особое чувство тревоги и шаги в неизвестность.

После десантирования, каждая группа под руководством офицеров самостоятельно начала выдвигание на заранее определенные высоты. Сначала шли цепью, как на учениях, а тут, как из-под земли, появился Стодереvский, который никогда не ругался матом, а тут он как даст: «Мужики, вашу мать, в бою все передвижения бегом!». И дал очередь над головами.

После такой «политработы» мы, взбодренные и проникнутые чув-

ством высокого патриотизма, поскакали на указанные нам рубежи. Кстати, эта стремительность определила победу и многим спасла жизни, но мы это оценили уже после боя.

Кишлак и база мятежников находилась в предгорье, среди высоких сопок, в 60-80км юго-западнее Шибаргана.

Наш взвод вышел на высоту правее КП батальона. Только залегли, отдышались, как мне ротный приказывает, — заберешь отделение управления роты, и бегом к комбату. Я, Вася Чубковцов, мой земляк из Донбасса, радист и два молодых бойца побежали на высотку, где располагался на боевом гребне майор Стодеревский и какой-то генерал с позывным «Гром». Когда мы подбежали к командованию, вдруг с левой стороны, где находился царандой, по нам начали стрелять. Громкий голос комбата перекрывал канонаду: «Я «Чимган», доложите обстановку», а потом громко заматерился в эфир в адрес зеленых, и те стрелять прекратили.

Мне поставили задачу занять оборону на склоне, обращенному к кишлаку. Ползком мы заняли указанную позицию и залегли за валунами, огляделись...

Вид открывался замечательный, но не в плане красоты. Отсюда хорошо просматривался весь кишлак. Он был разделен на две части каньоном небольшой речки. И речушка-то так себе, метров 7 шириной, но она оказалась для нас серьезным препятствием. Глубина была до 2 метров, а местами — не глубже щиколотки. Однако в обрывистых берегах были укрытия, в которых скрывались душманы. Но мы с этим столкнулись чуть позже, когда началось прочесывание.

По данным разведки, на базе готовили гранатомётчиков и связистов. За полгода до операции её уже пытались взять силами нашей пехоты и афганскими подразделениями, но ничего не вышло, понесли потери и отступили.

Из дневника комбата: «В операции под Джар-Кудуком принимали участие:

а) Бронегруппа 122 МСП, наша бронегруппа (в которую входили все боевые машины отряда, кроме двух БМД, которые десантировались с нами по воздуху, и в лагере остался резерв из 10 машин), батальон 122 МСП (неполного состава), артиллерия ствольная, батарея «Град», батальон Царандоя. Бронегруппой командовал заместитель командира 201 МСД подполковник Самсонов. Все эти силы выполняли в операции роль «наковальни».

б) Десантная группа:

154 ООСПН — без одной роты и без бронетехники; мотострелковый батальон 122 полка.

Операции предшествовала хорошая подготовка всего личного состава и разнообразные дезинформационные мероприятия, которые отвлекали противника на другие объекты.

1.12.81 г. Вечером прилетел генерал-майор Гришин с оперативной группой, а также пришли подразделения 122 МСП из Таш-Кургана, прилетело и 30 вертолётов. Спецназовцам объявили, что они пойдут на десантирование на кишлак Сары-Пуль (который находится около 60 км южнее Шибаргана).

2.12.81 г. Подразделения полка ушли утром на Сары-Пуль. Мы сидим в готовности к десантированию, — ждем вертолеты, но погода не дала сделать это, и тогда мы пошли своим ходом. В Сары-Пуль не входили, афганцы перед ним стояли уже двое суток. Был приказ в Сары-Пуль не входить, но одному моему взводу командование дало ошибочные координаты, и он проник в расположение духов, оказался в центре кишлака Сары-Пуля. Переночевали. Утром разобрались, командир группы мне доложил. Я приказал в бой не вступать и выходить обратно. Эти отвлекающие мероприятия сыграли свою роль.

3.12.81 г. Пошли назад из Сары-Пуля в Шибарган, но дорога оказалась заминированной, и на минах подорвались две бронемашины: ранило лейтенанта Дудко (командира взвода 2 роты), он пострадал больше других — получил переломы обеих ног.

6.12.81 г. Десантировались под Джар-Кудуком:

Одна группа под командованием моего заместителя Посохова (в составе усиленной первой роты спецназа, командир старший лейтенант Волчецкий) десантировалась западнее Джар-Кудука, прямо под опорный пункт противника на двух вертолётах МИ-6 (я десантировался южнее и хорошо видел, как наши ребята бежали в лоб на ДЗОТ и траншеи. Хотя подъемчик был приличный, вверх по крутому склону поднялись энергично. Как мы и рассчитывали, духи нас не ждали. В опорном пункте в тот момент было всего человек 15 душманов (дежурная смена), но со стороны кишлака к ним бежало на помощь человек 50. Наши ребята под огнём добежали быстрее, потеряв двух человек убитыми. Если бы замешкались, все бы полегли. В ДЗОТе был ДШК, но душманам он не помог, так как они не ожидали такой стремительной атаки и не сумели организовать отпор.

2 рота во главе с командиром Войтенко десантировалась восточнее Джар-Кудука. Судя по аэрофотоснимкам, здесь, якобы, были самые мощные укрепления, но на деле оказалось, что таковые были у Посохова. С востока сопки были пониже и не такие крутые, потому эта рота сопротивления здесь практически не встретила.

Я с 3 ротой (командир старший лейтенант Частухин) на двух

МИ-6 десантировался юго-западнее Джар-Кудука. Наш подлет и десантирование пришлось чуть раньше остальных. Увидев нас, около двухсот душманов выскочили из кишлака и пошли толпой в атаку. Были они от нас метрах в 500 — 600. В одном вертолёте у меня было 40 человек, а в другом — две БМД, мы их быстро разгрузили и метров с 300 из всех шести пулемётов как дали... Естественно, душманы такого огня не ожидали — ноги в руки и назад в кишлак.

Мы заняли высоту, которая господствовала над долиной (шириной около 1 км), которая шла от кишлака на юг в горы. Со мной был представитель командования армии генерал-майор Гришин (как позже говорили, он приходился племянником первому секретарю МГК КПСС).

Затем высадился батальон 122 МСП (без роты), они перекрыли долину. Мы прочесали часть кишлака (кишлак был крупный) состоялись скоротечные ожесточенные бои, в ходе которых захвачено много оружия и уничтожено много мятежников.

Воспоминания ст.сержанта В.Листопада:

— С 13.00 наша рота, выполняя приказ комбата, скорым шагом, а кое-где и бегом, вошла в кишлак для прочесывания и выявления моджахедов. Спротивление противника носило очаговый характер, вспыхивали яростные перестрелки. Пули свистели над ухом и чмокались рядом в землю. Когда мы спускались с горки, пришлось залечь, так как открыл огонь из пещеры не выявленный ранее пулемет ДШК. Сварку от его выстрелов видно не было, так как он располагался в глубине укрытия. Пока обнаружили место его нахождения, несколько человек получили ранения. Эта огневая точка перекрыла вход на несколько центральных улиц кишлака, и его надо было срочно заставить замолчать. Лейтенант Калмыков мне говорит: «Листопад, займись!»

Я отдал свой автомат молодым солдатам, взял две «мухи» и пополз к дувалу. Взводный с ребятами меня прикрывали отвлекающим огнем. Изловчившись, перепрыгнул через дувал, залег, затаился, осматривая место, откуда могут стрелять. Нашел ту пещерку, хотел сразу стрельнуть, но было очень плохо видно, и за мной очень близко располагалась стена. Если бы выстрелил, то получил бы по затылку своей же струей. Прополз еще немного вперед. Я находился несколько снизу, стрелять было крайне неудобно, но все же ударил одной гранатой и, как мне показалось, вроде точно.

— Володя, прими чуть ниже! — кричат мне пацаны.

— Легко сказать, — прими ниже, — если б можно было, так бы и сделал, — подумал недовольно я.

Но прицелился, как советовали, и вторая граната достигла цели —

пулемет замолчал. Как потом оказалось, граната угодила akurat в броневой щиток и поразила осколками и кумулятивной струей весь расчет.

В этот момент бойцы, лежащие за мной, стали дико ржать. — Что случилось, чем их рассмешил? — подумал я.

А оказалось, в момент второго выстрела сзади подошел неведь откуда взявшийся любопытный ишак, и его ударило реактивной струей. Он сидел, контуженный, на заднице, и как пьяный мотал головой, а уши опустил как две тряпочки. Бедное животное! Мы ушли, а этот бедолага так и остался сидеть на месте...

Идем по узким улочкам кишлака, и вдруг вблизи сарая — залп, почти в упор, оглушительный и ужасный в другое время, но не теперь; то была минута наибольшего душевного подъема, я думаю, что всем, как и мне хотелось в этот момент рычать, метать гранаты, колоть, бить прикладом. И когда рядом упал раненый замполит роты, — я досадливо перескочил через него, обозленный, что он задержал меня на мгновение.

Однако остановился и помог Ермакову. Пуля или осколок попали ему в ушную раковину. Кровь хлестала неудержимой струей на погон и левый рукав. Он испугался своей крови и просит: «Вовчик, помоги!»

— Ничего страшного, товарищ лейтенант, — говорю я ему, — Снимай каску, я тебя перевяжу.

— Нет, пусть будет! — Мы смеялись над чудачеством лейтенанта. Он только закончил общевоинское политучилище, и в нем сидел дух добросовестного курсанта. Им на кафедре тактики вдалбливали, что в бою солдат должен быть по форме одет. Вот почему, несмотря на общий для спецназа «форс» — ходить без лишнего снаряжения, он первое время выделялся среди других неким «анахронизмом».

Я быстро дрожащими руками неумело перевязал раненого, и лейтенант пошел с нами дальше, пугая окружающих своей нелепой повязкой и жутким окровавленным видом.

Опять началась интенсивная стрельба, побежали. Когда добежали до сарая, слева слышу — очередь, повернулся и увидел убегающего душмана. Дал ему вслед длинную очередь, снял гранату и метнул ее в сарай. Пошли дальше...

Из калейдоскопа тех событий память высвечивает: зашли в бедную хибарку. У порога нас встретил древний старик и дети десяти-двенадцати лет. В комнатах — бедность и полумрак. В подсобном помещении около тонны зерна. Вышли во двор, и тут обнаружили россыпь из нескольких свежестрелянных гильз.

— Ага, ребята, кто-то тут есть? Кто-то только стрелял? Пошли обратно.

Осмотр повторили. На этот раз начали шомполами тщательно прощупывать зерно и нашли — откопали молодого парня с оружием. Бойцу Ислама от роду было 16-18 лет, он был худощав и тщедушен. Несмотря на слабое физическое развитие, он вдруг закричал: «Аллах Акбар!» и, вытащив из-за пояса кривой нож, бросился на нас в рукопашную схватку.

Однако силы были явно неравны. Наш богатырь, 24-летний боец, бывший шахтер Вася Чупковцов с улыбкой вышел ему навстречу и всего один только раз огрел душка — тот упал как подкошенный. Забрали у него оружие, а когда бача пришел в себя, пинками выгнали на улицу. В тот момент там проезжала наша броня, на которой сидел замкомвзвода сержант Алешка Шворнев, собирающий трофеи. Ему и сдали нашего «языка» для передачи хадовцам.

Когда завершали осмотр северо-восточного квартала, вышли к каньону реки. На противоположном берегу сидели и лежали наши пехотинцы из мотострелкового полка, что шли за нами во втором эшелоне. «Осторожнее ребята, — закричали они нам, — под вами на берегу духи».

Я, подавив инстинкт самосохранения, заглянул вниз, и, мельком взглядев несколько фигур, почувствовал, как возле моей головы пробуравили воздух несколько свинцовых трасс. Боевой азарт не покидал, я вытащил «феньку» и не глядя бросил ее примерно в то место, где засек моджахедов. Однако высота была небольшая, и они, изловчившись, видимо, успели отбросить гранату от себя. Тогда, вырвав кольцо второй гранаты, я отпустил спусковой рычаг, и после этого просчитав про себя «521», швырнул смертельный бакшиш вниз. На этот раз взрыв точно поразил несчастных. Пехотинцы, наблюдавшие за нами с противоположного берега, радостно закричали, и трое из них стали спускаться на берег речушки для осмотра тел и сбора возможных трофеев.

А мы пошли дальше.

— Володя, давай осмотрим их, — предложили бойцы.

— Не гусарское это дело, — небрежно бросил я им через плечо, — пошли к ротному.

А старший лейтенант Частухин с командиром отделения сержантом Мирзоевым, таджиком по национальности, стояли с небольшой группой старейшин, державших в руках транспарант на красном куске материи и портретом Ленина. Ротный резко что-то им говорил, а сержант переводил. Мы не успели еще подойти к ним, как раздались очереди, и афганцы упали на землю, сраженные пулями. Все разбежались в разные стороны, ища укрытие. Кто и откуда стрелял по ним, я не понял до сих пор.

— Чего встал, сержант, — бросил мне сквозь зубы старший лейтенант, — идите по дворам!

Зашли в ближайший дом. Сразу бросилось в глаза большое количество мужчин и всего одна пожилая женщина с тремя испуганными девочками лет 10-13, прятавшимися за юбку бабушки. Несколько солдат остались во дворе с задержанными мужчинами, а мы, сопровождаемые истошными криками и причитаниями хозяйки, начали досмотр. Ничего подозрительного в доме не нашли. Однако, оттащив хозяйку от сундука, который она обхватила руками, и взломав его замок, увидели штабную документацию исламского комитета, партийные билеты, списки и пачки денег, стянутые резинками. Вынесли сундук во двор. Вытряхнули его. На дне помимо бумаг оказалось еще несколько стволов оружия и боеприпасы. Мирзоев приступил к допросу задержанных, поскольку стало совершенно очевидно, что это руководители — ухоженные лица и бороды, приличные дорогие накидки и чалмы, чистые руки без грязи под ногтями. Один из них начал грубить Мирзоеву. Что он ему сказал, я не понял, а потом и не спросил, но сержант явно записывал. Однако надменность в поведении и разговоре афганцев с нами враз сбил подошедший ротный, который без всяких слов ударил строптивного афганца прикладом автомата по шее, ниже затылка. Тот, нелепо взмахнув руками упал.

— Уберите его отсюда, — командовал нам ротный.

Мы подхватили бесчувственное тело и бросили его на кучу верблюжьей колючки, собранной хозяевами для растопки. У него, вероятно, был перелом позвоночника, поскольку его глаза моргали, а тело оставалось неестественно неподвижным...

— Загружайте оружие и документы, — приказал ротным.

Мы навьючили на двух самых крепких пленников найденное оружие и мешки с пайсой, а затем связали им за спиной руки. Другие понесли документы исламского комитета.

Сколько разных картин! Какие темные силы из глубины души поднимают адреналин боя?! Не помню, сколько времени прошло... Начало смеркаться и мы получили по радио приказ вернуться на командную сопку. Сдали Шивареву трофеи, документы, пайсу.

Подошел комбат, и первым делом к замполиту:

— Что с тобой, ранен, серьезно? Снимай каску.

Содеревский сам лично стал помогать Ермакову, а потом, неловко дернув за конец бинта, оторвал повязку от раны. Лейтенант охнул, опять хлынула кровь, а Игорь Юрьевич ему сказал: «Пустяки, до свадьбы заживет. Иди в медпункт».

— Какой хрен наложил такую дурацкую повязку? — с раздражением и иронией в голосе спросил нас комбат.

— Старший сержант Листопад!— ответил я, — товарищ лейтенант не дал снять каску...

— Двойка тебе по военно-медицинской подготовке. Ну все, хоп майли! Занимайтесь!— раздраженно махнул рукой командир и ушел к командному пункту. По нему заметно было, что он очень болезненно переживал понесенные потери, вот почему лично осмотрел всех остальных раненых.

В нашей роте в тот день, 6 декабря, погиб мой приятель — командир отделения младший сержант Лешка Щеголев из Забайкалья. Произошло это неожиданно, когда чистили кишлак, — в него подло сзади выстрелил дух. Пуля вошла ниже поясницы, а вышла на уровне груди. Леня в течение десять минут еще не терял сознание, хотя был в шоковом состоянии, но спасти его было невозможно.

Нам удалось отомстить за него. Мы нашли того стрелка. Это был иранец средних лет, преподаватель центра, опытный инструктор по стрелковой подготовке. Тут же, несмотря на запрет комбата, после короткого допроса его и грохнули...

Во время прочесывания произошел курьезный случай. Командиру группы лейтенанту Юрию Стодеревскому (младшему брату комбата) из роты Войтенко, пуля из английского карабина попала в живот. Удар был такой силы, что офицер упал навзничь и очень сильно ударился спиной. После некоторого замешательства и осмотра разобрались — смертельный металл угодил в корпус гранаты «Ф-1», висевшей на поясе, и расколол его, потеряв убойную силу. Так чугунная оболочка гранаты спасла лейтенанту жизнь.

После ужина мы с бойцами ушли на усиление на левую сопку. Взводный приказал развернуть захваченный пулемет ДШК, навести его на кишлак и при обнаружении огневых точек уничтожить духов без дополнительных команд.

Хотя и стемнело, было беспокойно. Слышались непрерывное движение, мужские гортанные голоса, подававшие команды, иногда на короткое время зажигался огонь. Мы стреляли из ДШК по всему, что видели, до тех пор пока не закончились боеприпасы. Ночь была холодной, бессонной и беспокойной.

Из дневника комбата:

«2 часа ночи, 7.12.81 г. Душманы пытались прорвать окружение атакой из соседних кишлаков нам в спину. Атаку отбили, здесь хорошо поработали АГС (автоматические гранатометы станковые) под командованием командира взвода лейтенанта Иванова, а затем нанесли удар по ущелью батареей «Град». Батарея стояла севернее Джар-Кудука километров в десяти. Снаряды летели над кишлаком и нашими головами, рвались в ущелье.

После этого душманы больше не совались. Всю ночь над кишлаком авиаторы вешали осветительные бомбы, а артиллеристы стреляли осветительными снарядами и минами».

Утром следующего дня войска вернулись чистить кишлак. На улицах о первом дне напоминали только трупы животных: верблюдов, ишаков, лошадей да отметины от пуль и осколков на глиняных дувалах. Для предотвращения лишних жертв среди местного населения женщины и дети были выведены из кишлака и собрались около командного пункта отряда (всего человек 300), на ночь Стодеревский определил их в крайний, самый большой дом.

Игорь Юрьевич вспоминал: «Люди собрались перед домом и загалдели, а во двор не заходят. Слышу, говорят по-туркменски, а я ведь с детства на погранзаставах с отцом жил среди туркмен и знаю этот язык хорошо. Поэтому, когда ко мне подошла пожилая туркменка и начала рассказывать, что внутрь зайти невозможно, во дворе собака, я ее хорошо понял и пошел к людям сам. Действительно, во дворе меня встретил громадный рычащий волкодав, бросившийся было на меня. Зная повадки собак, я смело пошел навстречу — главное не показать, что ты ее боишься. Собака почувствовала это и кинулась назад, но, остановленная рефлексом, опять встала в дверях дома, глухо рыча, распушив шерсть и приготовившись к прыжку. Как я ни пытался ее отогнать, она самоотверженно охраняло доверенное хозяйство. Пришлось ее пристрелить. После устранения этого препятствия местные жители со словами благодарности зашли в дом. Та сторожевая собака оказалась единственным живым существом, которое я лично убил в Афгане».

Местное население кишлака, вышедшее из зоны боев в течение дня советские солдаты кормили из подошедших походных кухонь. В ходе второго дня прочесывания бои продолжались, были обнаружены еще три исламских комитета и много схронов с оружием. Взяли в плен или уничтожили большое количество мятежников.

О напряжении второго дня операции В.Листопад вспоминал:

— В ходе второго дня по нам пристрелялся снайпер. Появились убитые и раненые среди пехоты. По радио вышел Стодеревский и говорит командиру: «Ну что вы, разобраться некому, кто стреляет с вашего фланга?» Нам взводный командует, — ложись, рассредоточиться, смотри, откуда стреляет снайпер?»

Лежим наблюдаем. Ага. Вижу, есть выстрел из окна дома. Я дал целеуказание.

Расстояние большое — 800 метров, у него, вероятно, был «Бур-303», а нам стрелять было труднее. Долго мы охотились за ним, но все же

срезали. Дух в чалме аж выпал наружу. Вскоре по радио вышел комбат, и Калмыков передал: «Комбат все видел. Сказал, молодцы, удачный выстрел!»

Из дневника комбата:

— 8.12.81 г. Ночь прошла беспокойно. С наступлением утра снова обработали кишлак авиацией и артиллерией и прочесали. После обеда завершили операцию, проверили личный состав и вышли колонной на Шибарган.

Листопад говорил:

— По итогам операции у нас никого не наградили. Через двадцать лет я узнал, что хотя бы погибшие Р.Ш. Рахматулин, Л.Ю. Щеголев, М.В. Калинин были награждены орденами Красной Звезды. Правда, нас, срочников, вместе с офицерами тоже представляли, знаю точно, так как мне говорил замполит роты: «Ну, что Вовчик, готовь дырочку, тебя комбат к ордену представил».

«Да ладно вам, товарищ лейтенант!» — ответил я тогда.

Однако хотя я и порадовался, но награду не получил, так как в это же время «отличился» в дисциплинарном плане. Водители привезли водочки, и мои земляки пригласили ночью отметить мой будущий орден. Хотя все было сделано конспиративно, но меня утром выдал перегар... Комбат этого не терпел. Суровый был командир!

«За пьянку я бы ордена не лишил, — говорил мне И.Стодеревский, — это две разных вещи: заработал награду — получи, а вот если проштрафился — в яму...»

Тем более, что оформляли и отправляли наградные бумаги сразу. Могли зарубить в Кабуле, в Ташкенте или в Москве. Я точно не помню по количеству, но награжденными за Джар-Кудук были и солдаты, и офицеры. Ведь это была наша первая крупная операция и первые награжденные.

Офицеры и солдаты за участие в боях, все без исключения представлялись к наградам согласно «Статуту орденов и медалей». У нас награждение осуществлялось так: после операции сначала собиралось руководство отряда и командиры подразделений. Решали, кто чего достоин, а затем штаб оформлял представления на награждение в двух экземплярах, одно — в штаб 40 армии, а другое — в штаб ТуркВО. Что правда, то правда, чиновники в штабах часто документы задерживали, а иногда и «теряли». Кроме того, сложилась порочная практика награждения на ступень ниже. Например, отправляли на орден Красной Звезды, а приходила медаль «За отвагу» и т.д. Тогда мы стали подавать на ступень выше.

Первые полгода с наградами было очень тяжело. Один большой на-

чальник мне тогда сказал: «Если жена мужа на кухне сковородкой убила — это подвиг, а то, что вы делаете — это ваша работа!»

Серьезно занялись наградами с лета 1982 года. Начальник разведки ТуркВО прилетел в отряд и лично разбирался, кого за что наградили, а если не наградили, то почему. Лично на меня он приказал оформить документы на два ордена, но получил я один. Другой затерялся...

Не все награждались посмертно, а только погибшие в бою. За ранения к наградам не представляли, только строго по статуту. Так что каждая награда многого стоит.

Из дневника комбата И.Ю.Стодеревского: «После операции и меня, и батальон обвинили за глаза в каком-то мародерстве. Полковник Лобадзе из разведуправления ТуркВО приезжал разбираться, у нас многие тогда объяснительные писали. Михаил Николаевич в обиду нас не дал, а при разборе высказался: «Спецназ не должен привлекаться к несвойственным ему функциям, тогда и сплетен не будет. Я Стодеревского знаю с 1971 года и его людям верю».

А ещё после операции было много пленных, около двухсот человек, и мне приказали, чтоб мои бойцы их расстреляли. Я категорически отказался: — Я не палач, с безоружными воевать не обучен.

Но их все равно порешили, вроде бы свои же».

Общие итоги операции в Джар-Кудуке впечатляли: разгромлен центр подготовки специалистов; ликвидированы исламские комитеты; убито 290 душманов; только разведчиками отряда спецназа взято в качестве трофеев 197 единиц стрелкового оружия, кроме того пулеметы ДШК, много патронов, мины итальянского производства.

При этом потери отряда составили: трое убитых, четверо тяжелораненых.

В те дни на улицах Шибаргана личный состав отряда спецназа встречали большие группы афганского населения с транспарантами на русском языке «Да здравствуют освободители!» Мы тогда все это считали вполне естественным, так как делали опасную и трудную работу и испытывали от победы большое внутреннее удовлетворение.

Мы не ощущали в поведении афганцев никакого восточного лукавства, так как хорошо знали, что некоторая часть их действительно искренне верила, что на наших штыках будет построено новое общество. Они заблуждались так же, как и мы...

Комбат Стодеревский вспоминал:

«В городах и больших населенных пунктах нас в основном поддерживали. Там стояли наши или афганские гарнизоны. А в кишлаках оказывали

только негласную поддержку, так как говорили, мол, вы уйдете, а душманы ночью придут и вырежут всю семью. Активисты и отряды самообороны помогали нам при проведении операций, а часто при нашей поддержке проводили их сами. Когда мы стояли в Айбаке, помогли открыть школу. В нашем медпункте отряда два раза в неделю бесплатно лечились местные жители. Мы часто ездили в гости к гражданским и военным руководителям тех районов и провинций, а они приезжали к нам. Наш личный состав имел хорошую физическую подготовку, и мы пытались тягаться с афганцами в их традиционной национальной игре — волейболе. Но, увы, ни разу не выиграли.

Были среди афганцев люди, преданные нам до последнего дыхания, особенно из числа тех, кто пострадал от духов. В Акчу из неблагополучных кишлаков мы вывезли несколько десятков семей, которым грозила смерть, так как их мужчины были активистами или служили в правительственной армии. А еще припоминаю случай: ночью к нам приехал и сдался заместитель крупного бандглаваря. Оказалось, он убил своего курбаши, за то, что тот надругался над его сестрой. Мы провели операцию и за трое суток вытащили его семью, и тем самым спасли ее от неминуемой гибели».

Кто знал, что бойцам нашего отряда придется отдавать свои интернациональные долги еще очень долго — до 18 мая 1988 года. Если бы тогда кто сказал об этом, то не поверили бы. А как оказалось, гражданская война следом за нами пришла из Афганистана на территорию бывшего Союза. Она до сих пор полыхает во многих ее точках. Уже длительное время мы наблюдаем в Чечне, Дагестане ситуацию, при которой федеральные силы и бандформирования с переменным успехом бьют друг друга. И часто ситуация напоминает Афганистан. У бандитов, как известно, тоже есть второй фронт, который растворился среди местного населения.

Сегодня, как и тогда в Афганистане, самая трудная задача — выявить в городах и селах глубоко зарывшиеся там террористические структуры. Похоже, что и после стольких лет войн и потерь пока никто не знает, где то «золотое сечение» политических, экономических и военных споров, которое помогло бы скорее принести мир на многострадальную землю.

А в этих условиях полезно помнить о том, как наши соотечественники выполняли свой воинский долг. В их ратных делах и личных поступках — соленая горсть опыта, политого кровью.

ГЛАВА 4

ХРОНИКА 1982 ГОДА

Хотя НДПА и провела в марте 1982 года первую общенациональную конференцию, рассмотревшую программу по укреплению связи партии с народом, коренного улучшения обстановки в Афганистане не происходило.

Народ в своей массе не воспринимал реформ, проводимых НДПА, и власть центра держалась только в тех местах, где оставались воинские гарнизоны.

Почти все боевые действия советские войска вели совместно с афганскими частями. Плановые боевые операции были, как правило, широкомасштабными, относительно продолжительными по времени, в них участвовало большое количество войск. Всего за годы пребывания в Афганистане наши войска действовали в 416 плановых операциях.

В 1982 году были проведены операции, которые можно было бы занести в летопись афганской войны.

В конце января — начале февраля разгромлены формирования оппозиции в широкой долине — зеленой зоне Джабаль-Уссарадж, Чарикар, Махмудраки. В этой зоне действовали группировки ИПА (Исламская партия Афганистана). Они постоянно обстреливали аэродром Баграм, гарнизоны и здания органов власти, грабили мирный транспорт, совершали диверсии против советских сторожевых застав и колонн. Наличие крупной группировки ИПА вблизи столицы оказывало дестабилизирующее влияние на Кабул.

К исходу 25 января наши подразделения внезапно для врага блокировали район. Сотрудникам МВД и МГБ Афганистана были организованы фильтрационные пункты.

В последующие дни кольцо окружения сжималось, оказывающие сопротивление группы мятежников уничтожались.

5 февраля операции по прочесыванию местности были завершены. Обстановка в провинциях Кабул, Парван и Каписа значительно улучшилась, что положительно повлияло на ситуацию в столице и на магистрали Хайратон — Кабул.

Другой пример крупной боевой операции — разгром крупного базового района оппозиции в районе Дарзаб (на границе провинций Джаузджан и Фарьяб), проведенной с 15 по 19 февраля 1982 года.

Но самыми известными были шесть операций в Панджшере.

В апреле — мае 1982 года был проведен так называемый «второй Панджшер» — самая громкая операция за всю историю афганской войны.

Долина реки Панджшер — один из самых сложных в географическом отношении районов ДРА. Она протянулась на 70 км в длину при ширине 12 км вплоть до пакистанской границы.

Имеет огромное количество пещер, нор, ущелий, перевалов, господствующих высот, проходов, прилегающих к основной долине и дающих свободный выход в различные районы и на основную магистраль, соединяющую Кабул с Советским Союзом через перевал Саланг.

Именно поэтому Панджшер, к тому же имеющий значительные богатства изумрудов, рубинов и лазуритов, и был избран для размещения так называемой Центральной партизанской базы Ахмад-Шаха. Он создал здесь хорошо оборудованную систему обороны, огня и управления мятежными силами, действовавшими на огромной жизненно важной территории.

Боевые действия начались в ночь на 16 мая 1982 года. Советские подразделения внезапно для противника захватили все господствующие высоты у входа в ущелье и на глубине до 10 км от входа в него. Затем началась высадка воздушного десанта, который расчленил всю группировку противника на четыре изолированные части. На соединение с десантом в пешем порядке по высотам справа и слева от ущелья и на боевой технике по его дну двинулись советские и афганские батальоны. В ходе боевых действий было уничтожено и захвачено 203 огневых сооружения, 25 минометов, 120 ДШК, около 30 складов с оружием и боеприпасами, взорвано около 100 пещер, приспособленных для обороны.

Однако руководству Афганистана не удалось использовать успехи войск, и через некоторое время лидеры оппозиции восстанавливали свое влияние в освобожденных районах.

Обстановка усложнялась. В марте 1982 года первые мотоманевренные группы пограничных войск встали в узловых точках северной зоны ДРА. Всего в Афганистане погибло 514 наших пограничников.

В течение года наряду с плановыми боевыми операциями проводились и частные боевые действия командования ОКСВ или по решениям командиров соединений и частей.

По тактическим приемам они не отличались от крупных операций. Если требовала обстановка, применялись обходы, высаживались десанты, противник окружался, блокировались населенные пункты и т.д. Операции были наиболее эффективными, если проводились на удалении не более 10 — 15 км от пунктов дислокации, с выдвижением в районы ночью. Всего в Афганистане проведено более 220 частных операций различного масштаба.

Расширялась война, рос счет жертвам и с нашей, и с афганской сторо-

ны. Так, за 1982 год погибло 1948 человек, в том числе 1623 — боевые потери. В числе погибших — 76 спецназовцев, из них 23 — военнослужащие 154 ооСПН.

Разница в общих потерях и боевых объясняется тем, что люди гибли не только в бою, но и от болезней, от неосторожного обращения с оружием, от несчастных случаев. Так, в ноябре 1982 года произошла трагедия в туннеле Саланг, когда от утара погибли 64 советских и 112 афганских военнослужащих. Война продолжала свой трагический счет.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ЗАСАДА¹

Это было так недавно и не в сказке,
А война, как совершившаяся быть,
Где лицо солдата застывало в маске,
Что в Афгане высекала злая пыль.

В начале лета 1982 года войсками 40 армии при взаимодействии с вооруженными силами ДРА, органами ХАД и Царандоя проводилась операция в провинциях Парван и Каписо по ликвидации мятежных формирований, которая хорошо известна общественности как Пандшжерская операция. В общем плане операции были задействованы все боевые части и соединения армии, в том числе почти весь личный состав 154 отряда, который в тот период находился на боевых в зоне своей ответственности в районе Айбака (Саманган).

В пункте постоянной дислокации оставалась только 3 рота спецназа, которая осуществляла охрану завода в Мазари-Шарифе. Наш противник тоже воевал по единым согласованным планам и, воспользовавшись отсутствием основных сил, так надоевшего им отряда спецназа, решил покончить с небольшой ротой «шурави». О том, какие драматические события сопровождали бой 6 июня 1982 г., когда моджахеды выманили роту 154 отряда для реализации разведанных и сумели организовать грамотную засаду, рассказывают участники боя: начальник штаба отряда С.Н.Ершов², начальник разведки отряда И.К.Скирта, замкомандира группы В.С.Листопад и командир отделения управления 3 роты В.П.Чубковцов.

Из воспоминаний начальника разведки Игоря Скирта:

«Как правило, за добычу разведанных о противнике отвечал я. К тому моменту у меня наладились тесные связи как с Царандоем (МВД), так и с ХАДом (ГБ). Но тут подсуетился батальонный особист

¹ Кривопапов Олег Владимирович.

² Ершов Сергей Николаевич родился 10 октября 1955 г. в семье военнослужащего в п. Ляличи Приморского края. Окончил Уссурийское СВУ и Рязанское ВВДКУ. Командовал группой и ротой спецназ в составе 15 обрСпН. Службу проходил начальником штаба 154 ооСпН в Афганистане. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», орденом РСВА «За заслуги», Знаком отличия МО Украины «Доблесть и честь».

подполковник Николаев (его не любили в батальоне ни бойцы, ни офицеры) — марадеров у нас не было, хотя частенько перед уничтожением дома, например, того же главаря банды, забирали мелочи — то фонарики, то радиоприемники. Так вот, кто возвращался с БД (боевых действий), того первым встречал Николаев, шмонал бойцов, строго глядел на офицеров, а потом еще ночью бегал по солдатским палаткам, «отметая» незамеченные ранее приемники, которые потихоньку слушали уставшие бойцы. А затем устраивал перед строем всего батальона публичное уничтожение трофеев. Минимум раз в месяц он летал в Кабул в командировку, брал с собой несколько опечатанных ящиков из-под снарядов. Как говорил он сам, это была «секретная документация», хотя все знали, как в Кабуле любят подарки... Но кто в тот день ему слил информацию о складе с оружием и боеприпасами на северо-западе н.п. Акча, я до сих пор не знаю ... На проверку РД (разведанных) комбат решил послать 3 роту, старшим за проведение операции был назначен начальник штаба батальона старший лейтенант Сергей Ершов. Конечно, поехал и я, и очень редко выезжающий Николаев. За орденом едет, — подумали мы, — а это всегда плохая примета...»

Выдержка из рапорта начальника штаба отряда капитана Сергея Николаевича Ершова:

**Сергей
Николаевич Ершов**

«Настоящим докладываю, что 5 июня 1982 года майор Николаев (от автора: Н. — офицер особого отдела военной контрразведки) после обеда вернулся из г. Шибарган и привез данные, что якобы сдался главарь банды из под Агчи, и что в его доме есть склад оружия — около 160 единиц стрелкового оружия и РПГ. Через ЦБУ армии запросили разрешение на реализацию разведанных на воскресенье 6 июня. Разрешение было получено.

В ночь с 5 на 6 июня на Агчи было совершено нападение мятежников. Афганцы подавали сигнал красными ракетами о нападении, и майор Николаев подталкивал меня, чтобы мы пошли на помощь. Но из-за какого-то предчувствия беды я выход дежурному подразделению не разрешил и приказал командиру батареи развернуть гаубицы и вести огонь осветительными снарядами в направлении Агчи. Утром 6 июня я с 3 ротой на семи боевых машинах выехал в Агчу за наводчиком, чтобы в последующем идти на реализацию разведанных».

Из воспоминаний старшего сержанта Владимира Листопада:

«Утром шестого июня раненько, по холодку, мы вышли на Агчу.

Помню наши позывные — «Маяк-20, 21» и т.д. Я был «Маяк-30», а когда в эфире разбирали плохо, добавлял: «Листопад». Это все понимали сразу.

Запомнилось безмятежное просыпание природы, уже тутовник был созревший. Хорошо это запомнил. От того памятного и горького дня осталось это яркое впечатление на всю жизнь. Совсем мирное и сладкое — ягоды.

Так как у нас были подозрения о минировании дороги, то, выполняя жесткие требования «Чимгана-2» (от автора — позывной комбата), тщательно все проверяли, и пока инженер с саперами чистили дорогу, мы спешивались и охраняли колонну, а когда в кустах наткнулись на ягоды, то не удержались и наелись до отвала. Для некоторых моих товарищей, как оказалось, это была последняя радость в жизни...

Подъезжая к мосту, остановились, потому что он был наполовину разрушен с левой стороны по ходу движения. Моя группа была отправлена вперед для того, чтобы убедиться, выдержит ли мост нашу машину? Выдвинулись вперед одним отделением. Переправились на другую сторону моста. Осмотрели там все и спустились под мост, проверили, в каком он состоянии. Дали команду колонне на начало движения. Прошла одна машина без десанта на малой скорости. Все нормально. Пошли другие. Проскочили еще на 100 — 150 м. Осмотрели окрестности... Дали отмашку на движение вперед. Пришли в Агчу. Это как раз было воскресенье. Однако нас насторожило, что почему-то народу очень мало, хотя город этот многонаселенный, и на базарной площади всегда активное движение.

Пока брали наводчика от ХАДа, к нам подошли пару бабаев — начали предлагать водку и анашу. Нас это сильно насторожило, потому что такого раньше в принципе никогда со спецназом не было...»

В рапорте начальника штаба отряда С.Н. Ершова отмечено:

«В Агче мы узнали подробности ночного нападения. Хаббибула Фернос выделил нам из числа «хадовцев» наводчика, который знал дом главаря и мы двинулись вперед. Дом блокировали, после долгих поисков нашли место, где хранилось оружие, но там, кроме нескольких винтовочных патронов, уже ничего не было. По убедительной просьбе ХАДа дом главаря взорвали и тронулись в обратный путь...»

Владимир Листопад:

«...Звоночек тревожного состояния уже сработал. Когда пришел начальник штаба, мы ему доложили это обстоятельство. Он был старшим. Для нашей роты это был первый боевой выезд под командованием нового ротного, который только пришел на замену из Союза. Взяли наводчика и

двинулись в указанный кишлак для реализации разведанных — брать склад с оружием. Специально шли окружным путем, чтобы не напрямую ломиться, а через соседний кишлак — не привлекая особого внимания.

Пришли в указанное место. Паренек подскочил маленький — помощник пастуха. С кулаками кинулся на этого задержанного нами.

Оказалось, что в недавнем прошлом именно этот мерзавец застрелил его отца. Прошмонали дом, ничего не нашли. Помню, — обнаружили какое-то одно ружье охотничье и немного патронов. Подняли дом на воздух и приготовились ехать назад в Агчу.

Уже на выезде из кишлака на нас обрушился шквал огня. В первые минуты обстрела нашей колонны из засады три машины были выведены из строя: две подорвались на минах и одна оказалась подбитой из гранатомета. Сгорели в ней три человека: командир машины замкомандира 2 взвода Шворнев Миша, механик его и наводчик. Кумулятивная струя попала в основание башни — Андиферову перебило ноги. А механику Агибердыеву и командиру повредило спины, и они не успели выскочить — так и сгорели все в машине.

В первые минуты боя погиб и белорус Саша Ващербович — он первым увидел вспышки выстрелов, спрыгнул с машины и успел крикнуть: «Засада!». Тут же получил три или четыре разрывные пули в грудь.

Мой взводный лейтенант Калмыков (я у него был заместителем) ехал не на нашей машине, а с первым взводом — сидел по-походному. Автомат у него висел на крышке люка, на месте командира машины. Во время начавшегося обстрела пуля перебила ремень, и его автомат упал внутрь. И когда взводный, подняв автомат, вылезал из люка, ему в шею и голову попали две пули. Он умер мгновенно. Великолепный был мужик — спецназовец, Рязанское десантное закончил...

Ветеран отряда, бывший заместитель командира группы 3 роты спецназа старшина Листопад Владимир Спиридонович (фото 2012 г.). 6 июня 1982 года умело вел бой во время обстрела колонны из засады в районе н.п. Акча

Наша же машина была подбита во время переезда через арык прямо на мосту. Стреляли с правой стороны по ходу нашего движения. Пробили двигатели, машина заглохла, и когда кумулятивная струя выходила, ранила начальника штаба капитана С.Н. Ершова. А он ехал на моем месте рядом с механиком. Им обоим посекло осколками руки и шею, и они практически ничего не видели, так как ко всему еще были сильно обожжены.

Высадив личный состав под левый борт, я принял командование на себя. Так как башня была рабочая, я приказал наводчику:

— Пока боекомплект не расстреляешь, из машины не выпущу...

Пересчитали личный состав — вроде все по лицам есть, но, будто кого-то не хватает. Вскоре разобрались.

— Где майор? — спрашивает ослепший Сергей Николаевич.

— Сейчас найдем...

С нами же ехал один человек из особистов, что работал с афганским ХАДом. Пока выясняли и нашли его в десанте... Заставили вылезти из брони; прикрыли огнем, поскольку боялись повторного выстрела из РПГ.

Из воспоминаний командира отделения управления роты спецназ сержанта Василия Чубковцова¹:

«Мы на БМП шли первыми в колонне, груженные боеприпасами под завязку. Бой начался неожиданно, но духовский гранатометчик с первого выстрела по нам не попал. Однако первой же очередью разрывной пулей, оторвало кисть начальнику головного дозора лейтенанту Калмыкову. От нестерпимой боли он сполз из люка вниз, и я ему сделал перевязку. В этот момент за броней все грохотало. Калмыков попытался вылезти из люка, но вторично был ранен двумя пулями в голову. На этот раз помощь ему уже была не нужна.

Командир отделения управления 3 роты ст. сержант Чубковцов считался одним из лучших разведчиков отряда.

¹ Чубковцов Василий Петрович, родился 26 ноября 1958г.в с.Чубковичи Стародубского района Брянской области. Работал до армии в Донецкой шахте. В ДРА с октября 1981 по 1982 гг.), кавалер двух медалей «За отвагу». Старший сержант. Образование незаконченное высшее. С женой Викторией Борисовной воспитывает внуков. Работает в малом бизнесе.

Я принял командование на себя. В это момент на дороге нас обошла и рванула вперед БМД сержанта Шворнева Михаила, но через несколько секунд раздался мощный взрыв. Его бээмдешка подорвалась на фугасе. По нашей броне долбили пули, и я прокричал механику-водителю: «Обходи Шворнева и выходим из-под обстрела!». Поползли вперед, склон холма прикрыв нас от духовских стрелков и я командовал: «К машине!». Выскочили, заняли оборону, а душманов не видно. Не видели и они нас. Придя в себя, мы начали охват с левого фланга, но они в бой уже не вступали и начали отход в сторону кишлака. Позднее выяснилось, что мы чудом недоехали до очередного фугаса несколько метров. А то сгорели бы, как экипаж Миши».

Игорь Скирта: «Мы ринулись на вырубку, и тут пришла «жопа» — духи ну очень грамотно все подготовили, вся дорога была буквально напигована минами, мы попали под сильнейший обстрел из РПГ. У меня сложилось впечатление, что из РПГ стреляли очередями — так много было гранатометчиков. Вопереди идущий БМД почти одновременно на моих глазах попало три выстрела. По-видимому, погибли в

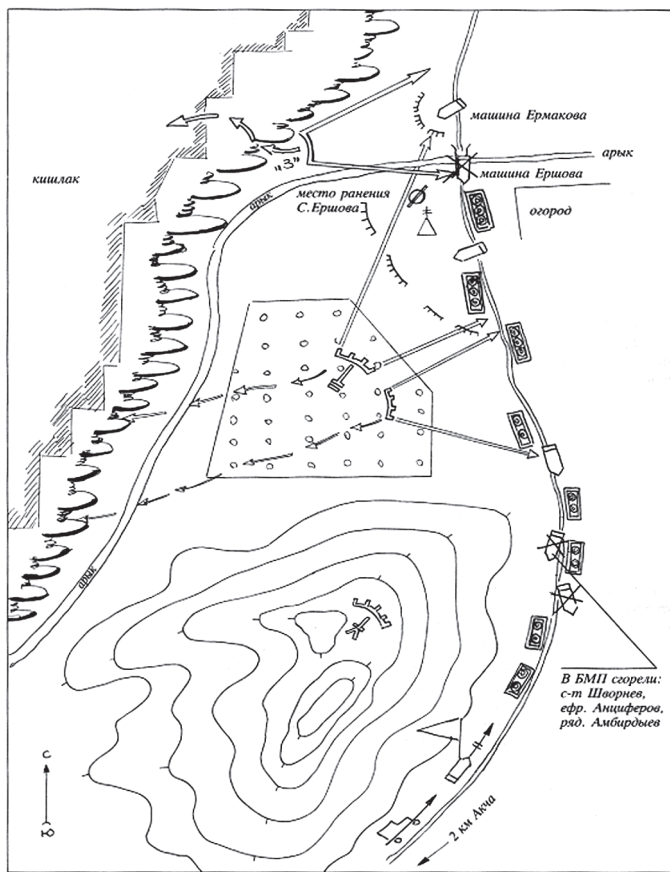

Схема боя роты 154 ооСпН у н.п. Акча 6 июня 1982 г.

ней все сразу, за исключением командира-сержанта — он пытался вылезти, но очередь из АК прошла его. Он так и остался висеть, наполовину высунувшись из люка. БМД стала гореть, как в кино — сначала как-то медленно, затем, когда внутри стали рваться боеприпасы, она вспыхнула как факел. Мой экипаж спасло то, что я увидел на противоположной стороне обочины яму. По моей команде механик быстро сдал назад, и мы оказались как в капонири, позволяющем вести огонь, будучи малой мишенью. Я сбился со счета, сколько раз сердце замирало от близких разрывов РПГ, но все мимо! Шок прошел довольно быстро — открыв ответный огонь, мы убедились, что духи на исходе пошли в рукопашную — насчет этого они всегда были слабаками».

Из рапорта начальника штаба Ершова:

«Моя машина была подбита почти в центре кишлака. С тыла нас прикрывала машина замполита роты лейтенанта А.М. Ермакова. Механик-водитель рядовой Крашенинников и я были ранены, из-за ожога лица и глаз я потерял зрение, радиостанция вышла из строя. Остаться дальше в машине было опасно, и я дал команду наводчику-оператору прикрыть нас огнем с правого борта, а десанту спешиться около левого борта. Чтобы обезопасить личный состав от нападения мятежников, я приказал забросать близлежащие дворы за дувалом гранатами. Мы заняли круговую оборону, лейтенант Ермаков держал связь с другими машинами, и с помощью посыльного я через него руководил боем. По голосам я не мог понять, где находится майор Николаев. Спросил об этом сержанта Листопада, он ответил, что видел его последний раз в десантном отсеке. Я послал его обратно в машину, и он вылез оттуда вместе с майором Николаевым. После прибытия подкрепления я, майор Николаев и остальные раненые были эвакуированы в батальон».

Владимир Листопад:

«За нами — на другом берегу — осталась одна машина замполита роты лейтенанта Ермакова. 25-летний офицер был хорошо подготовлен в военном отношении, так как до поступления в военное училище прослужил год в разведроте воздушно-десантных войск в Прибалтике. Я нашел его под днищем машины, где он, лежа между катками, стрелял по духам. Получив от Ершова приказ управлять боем, замполит толково организовал его и прочно прикрыл наш фланг. Впоследствии он был награжден орденом Красной Звезды».

Стали к нам подтягиваться ребята из других взводов и машин, и на месте наших двух БМП образовался управляемый очаг обороны. Моя машина была подбита, но стреляла, а у замполита оставалась исправная и

рабочая. Через полчаса ведения этого боя к нам подтянулись ребята из других экипажей и вынесли раненых, а потом еще подошла машина из второго взвода (как сейчас помню — бортовой номер 29).

Запомнился своими действиями механик М. Степанов из первого взвода. Его машина была второй в колонне (экипаж сержанта Шворнева) и была поражена первыми выстрелами. Именно тогда Анвару Гимранову снесло полчерепа. А кумулятивная струя попала в триплекс. Осколками этой же гранаты посеколо лицо механику, и он, будучи ослеплен, выполняя команду наводчика, съехал в кювет и начал объезжать первую подбитую машину, но в тот же момент подорвался на mine.

Вторым выстрелом из гранатомета на машине оказалось повреждено противооткатное устройство пушки. Но наводчик стрелял из пулемета, отсекая духов, пока ребята выскакивали из машины и выносили раненых, в том числе и механика Мишу.

Чувство страха было у всех бойцов, но подавлялось практическими действиями, доведенными до автоматизма. Каждый знал свой маневр и действовал осознанно. Раненых перенесли за дувал. Там было надежнее. Ведь машины, тем более ведущие огонь из пушек и пулеметов, привлекали внимание противника. Капитану Ершову и механику сделали перевязки. Вспомнив народное средство, я убедил начштаба, чтобы он помочился на тампон и приложил этот компресс на опухшее и обезображенное лицо. Действительно, это дало ему временное облегчение...

Духи первоначально использовали фактор внезапности. Когда же мы стали вести ответный и плотный огонь, они начали отступать, унося своих раненых и убитых...

Вообще-то, нашим комбатом Стодеревским было заведено, что на случай подобного боя у каждого из нас под сидением лежало «НЗ» — по цинку патронов на брата. В этой ситуации сказались выучка комбата, который жестко и последовательно тренировал личный состав — в ситуациях, подобных этой, чтобы каждый боец, попавший под огонь, заранее знал свой сектор огня. Потому, обученные и тренированные, разведчики разделялись (одни стреляли, другие снаряжали магазины) и могли в течение получаса вести мощный ответный огонь. И это спасло нас в той критической ситуации.

Перестрелка прекратилась. Оставшиеся в строю спешили — прочесали местность и подобрали трофеи: автомат Калашникова китайского производства, пару «буров» духовских и стреляные выстрелы от РПГ. Осмотрели боевые позиции, те места, куда мы стреляли, и те, откуда по нам

стреляли. Видели много стреляных гильз и много крови, остатки вскрытых медицинских пакетов. Но тел убитых и раненых обнаружено не было.

Связь с ППД отряда поддерживалась с 21 борта, где старшим был лейтенант Ермаков. Через полчаса к нам прибыла колонна во главе с замполтехом батальона. В ее составе были две БМП, БТР и БАТ.

Со сгоревшей машины снимали все, что можно было снять: оборудование, пулеметы, замки. Три поврежденные машины взяли на буксир. Всех раненых и убитых загрузили на один бэтээр. И надо же так случиться, что во время марша на них опять было совершено нападение из засады. Убитых не было, но появились свежие раненые... Среди них и командир второго взвода четвертой роты.

Когда загружались, то визуально, совершенно случайно, обнаружили в пыли на обочине транспортную итальянскую мину. Без спешки саперы тщательно стали проверять маршрут нашего выхода из боя и на расстоянии около восьмисот метров обнаружили еще около двадцати мин.

А если бы мы поторопились и поехали не глядя?

Вечером в ППД новый ротный устроил «разбор полетов». В этот момент из командования никого не было. Раненого начальника штаба отправили в госпиталь.

А через четыре дня всех дембелей отправили в Союз. В связи с этим всю жизнь вспоминаю с болью своих погибших товарищей, которые должны были со мной увольняться в запас — Анвар Гимранов, Миша Шворнев, Саша Ващербович не дожили до дембеля совсем немного...»

Игорь Скирта:

«В том бою из 7 машин осталось 2 целых, в том числе и моя. Вызвали помощь из ППД для эвакуации техники. От БМД, сгоревшей впереди меня, остались лишь две ленты гусениц, башня и кусок оплавленного двигателя в луже дышащего пламенем алюминия, из которого мы извлекли семь обугленных грудных клеток — все, что осталось от экипажа ... вот почему матерям не давали вскрывать цинковые гробы с их детьми — не на что смотреть, только аккуратно сложенная внутри цинка в ногах парадная форма и голубой десантный берет на крышке... В том бою мы потеряли 8 ребят (в том бою погибли: лейтенант Калмыков Сергей Николаевич, сержант Гимранов Анвар Наилевич; сержант Шабакеев Марс Октябрисович; сержант Шворнев Михаил Александрович; ефрейтор Андиферов Игорь Михайлович; рядовой Ващербович Александр Иванович; рядовой Алибердыев Кабул Каримович; сержант Маурин Герман Алексеевич, умер от ран 10 июня 1982 года в госпитале), столько же были ранены. Сергея Ершова после попадания РПГ ранило в лицо, он временно потерял зрение, но

руководил боем до подхода резерва. По данным ОАГр, духов, принимавших участие в засаде, было около 250».

После боя капитан С. Ершов об этом докладывал:

«Анализируя все эти события, можно сделать вывод, что информация о складе оружия была сообщена специально для того, чтобы уничтожить единственную роту, которая оставалась в батальоне в ППД, и свергнуть власть в Агче. Другой дороги от «склада с оружием» в Агчу не было, и в случае уничтожения роты оказать помощь местным властям в отражении мятежников было бы некому».

Безусловно, ошибкой можно считать и то, что в связи с ограниченным применением сил и средств на обратном пути не были взяты под контроль господствующие высоты по маршруту движения. Однако, несмотря на неблагоприятные стечения обстоятельств, уничтожить всю технику не удалось. Практически в ходе получасового боя убитых и раненых не было. Все потери были связаны с последствиями фактора внезапности в первые минуты боя. Командно-политический состав и сержанты роты проявили высокую психологическую устойчивость и грамотно организовали и вели бой. Среди личного состава растерянности, паники не отмечалось. Все воины вели огневой бой умело и в противоборстве с противником победили. Ответным мощным огнем враг был рассеян, получил потери и скрылся в кишлаке. В ходе марша и после боя постоянно велась инженерная разведка местности, что позволило избежать дополнительных подрывов на минах противника.

Как свидетельствуют приведенные факты, общий уровень подготовки разведчиков отряда спецназа в начале 80-х годов был достаточно высоким, в чем безусловная заслуга командиров, которые готовили подчиненных к боям. Однако анализ боя, проведенного ротой, доказывает, что душманам удалось ввести в заблуждение наших командиров. Несмотря на достаточно грамотное ведение колонны, рота была втянута в заранее подготовленную ловушку, что свидетельствует о недоработках в звене агентурной разведки и афганского МГБ провинции.

Владимир Листопад и Василий Чубковцов:

«Добрый словом вспоминаем своего комбата И.Ю. Стодеревского. Это был высокий, статный, подтянутый, аккуратный, гусарского вида офицер. Физически накачанный. Видели бы вы, какие чудеса он творил на стрельбище. Он стрелял из двух автоматов с двух рук и поражал цели. Молодец, он в этом отношении был ярким примером для нас, пацанов. А уже в Афгане он показал себя мастером рукопашного боя. Очень смелый был человек. Много раз на одном бэтээре выходил на рекогносцировку и

Построение ветеранов отряда на традиционном сборе в Алуште в сентябре 2012 г. Слева направо от комбата полковника Стодеревского И.Ю. — старшина Листопад В.С. (со знаменем части) и четвертый — старший сержант Чубковцев В.П.

разведку за сто-сто пятьдесят километров от ППД, нередко переодеваясь в духовскую одежду — шаровары, рубахи и тюрбаны. Кто был в Афгане, оценит, что это значило. Комбат был прост и доступен. На боевых питался из одного котелка с солдатами, но примечательно, ел только в тех подразделениях, которые отличались во время боя с лучшей стороны. Все это положительно воспринималось личным составом. Он поражал своим обаянием. Великолепный был человек».

Бывший помощник начальника штаба отряда Александр Викторович Милютенко проводит большую военно-патриотическую работу с молодежью. Фото 2012 г.

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

ГЕНЕРАЛ ВАСИЛИЙ ДУНЕЦ ¹

В сентябре месяце в отряд приехал начальник разведки Туркестанского военного округа генерал-майор Дунец Василий Васильевич. До этого у меня были встречи с этим человеком, но ещё в мирное время, в основном на каких-нибудь занятиях. Личного контакта не было, в нашей среде он слыл довольно жёстким человеком. Накануне нашей встречи я готовился дать отпор возможным наездам.

К тому же у меня была некоторая обида и на руководство спезназа, и на руководство разведки округа. Забросили в Афганистан и забыли про нас. За год никакой помощи, ни в чём. Родная бригада отправила нас и забыла, что мы такие есть. К тому же при отправке, пользуясь полной неразберихой, на отряд повесили два или даже три, сейчас уже точно не помню, комплекта химзащиты. Когда я уже из Афганистана пытался разобраться с этой проблемой, мне сказали: «Ну, что тебе стоит, там же война, спиши на боевые потери». Командование бригады понять было можно, мы стали отдельной частью и уже им не подчинялись, а вот округ уж точно про нас забыл.

Была у меня и личная обида. В течение года отряд провёл массу удачных операций, перечислять их не буду. Была стабилизирована обстановка в зоне ответственности отряда в провинции Джауз-Джан. Отряд на хорошем счету у командования 40 Армии. Мы начали успешные боевые действия и в новой зоне ответственности. И при всём этом никто даже мне спасибо не сказал, я уж не говорю о представлениях к правительственным наградам. А в отряде многие офицеры уже имели по две заслуженные награды. Пехота, с которой мы иногда взаимодействовали, и та была вся в орденах.

К наградам личный состав отряда представлял я. После каждой операции собиралось управление отряда и командиры подразделений. Я проводил разбор действий и выслушивал предложения по представлениям к правительственным наградам. В отряде имелся «Статус правительственных наград», возможно, он назывался как-то иначе. Но в нём было расписано, за какие свершения что положено. Вот согласно этому статусу мы и оформляли документы. Посылали их через Кабул, но документы непонятным

¹ Стодеревский Игорь Юрьевич.

образом часто терялись. Тогда я приказал делать два комплекта документов, один отправляли в Кабул, а другой напрямую в Ташкент.

По нашим армейским слухам, приняв 40 Армию, генерал-лейтенант Ермаков приложил максимум усилий в наведении порядка по награждению правительственными наградами. Чего греха таить, все знали, что ордена можно купить.

Была ещё одна проблема. Посылаем на одну награду, а приходит другая, на ранг ниже. Это имело очень негативные последствия для поддержания у личного состава отряда высокого морально-боевого духа. Мы здесь своей башкой рискуем, выполняя свой воинский долг, а там, в Ташкенте или в Москве, какая-то бумажная крыса лучше знает, что заслужил тот или иной солдат или офицер. Более того, были случаи, когда приходили отказы в награждении под совершенно абсурдными предложениями. Например, что этот офицер три месяца назад уже получил орден. Но там была одна операция, а здесь совсем другая, там были одни деяния, здесь другие. Это то же самое, что не дать зарплату за март под предлогом того, что ты в феврале уже получил. Одним словом, сволочи, вши на теле Армии.

Так вот один из первых вопросов Дунца, как только он вышел из вертолёта, был: как в отряде обстоит дело с награждениями? После моего доклада об обстановке в отряде и в зоне ответственности он скрупулёзно проверил документы на награждения, что-то сказал переделать и снова отправить. Затем спросил, какие награды получил лично я. Доложил ему, что у меня только два ордена, которые я получил ещё в мирное время. Он приказал мне срочно оформить документы на два ордена, на орден Красного Знамени, и на орден Красная Звезда. Я, естественно, отказался, сказал, что сам на себя ничего делать не буду, и никакие документы не подпишу. Сейчас уже не помню, кого он вызвал, кажется, начальника штаба и прапорщика, начальника секретной части. Подготовили документы на оба ордена, Василий Васильевич их подписал, и они были отправлены. Но получил я только орден Красного Знамени, второй орден пропал в некуда. Если бы был отказ, документы бы вернулись.

Дунец не долго был в отряде, но и этого срока было достаточно, чтобы понять, что он за человек. Крайне жёстким он видимо был только с бездельниками и разгильдяями. Спокойный, уравновешенный человек, который во всём доходит до сути. Я не могу и не имею право давать оценку этому человеку, во-первых, из-за того, что это мой начальник, и то, что, к сожалению, я его очень мало знал. Но то, что это человек высочайшего чувства долга, это несомненно. Больше я его не видел.

Спустя два месяца он умер. Как нам довели, от желтухи, так в народе

называют вирусный гепатит. Этой дрянью наверняка переболела треть 40 Армии, от неё не умирают, только надо вовремя начать лечение. Василию Васильевичу лечиться было некогда, в Афганистане воевала его разведка. Как говорят очевидцы, когда ему становилось плохо, он глотал таблетки и продолжал выполнять свои служебные обязанности.

Я в Киеве встречался с его супругой Валентиной Степановной, она считает, что мужа отравили. Так как в госпитале он сгорел буквально за два дня.

Похоронен генерал-майор Дунец В.В. в городе Киеве, на Лукьяновском воинском кладбище. В дни афганских дат мы с ребятами бываем на его могиле.

ОБ ОТПУСКАХ

«Я не помню когда, но, кажется, в конце 1982 года командующий запретил отпускать солдат в отпуска. Участились случаи, когда человек уезжал в отпуск и назад уже не возвращался. Это проделывали не только солдаты, но, к сожалению, и некоторые офицеры и прапорщики. Когда я был на совещании в Кабуле, нам доводили анализ по этим невозвращениям. Они в Союзе находили себе, не без помощи врачей, а видимо и денег, кучу болезней. Особенно этим страдали переведенные из Московского, Ленинградского и Киевского военных округов. Округа эти, по нашим армейским меркам, были «приблатнённые», то есть не каждый мог попасть туда служить. А тут они загремели в Афган, это, как правило, по замене, так как отслужившие в Афганистане имели право выбора округа, и это правильно.

У нас в отряде проблемы с адаптацией не было, очень многие родились и выросли в Средней Азии или прослужили несколько лет в Чирчике. А условия Туркестана мало чем отличались от условий Афгана. Ну и, конечно, опять же отбор и воспитание людей».

Стодеревский умел прививать любовь к службе. В его отряде многие солдаты впоследствии стали кадровыми офицерами. К примеру, подполковник Славник А.В., майор Коробейников А.А. На тот период последний был прапорщиком старшиной 1 роты спецназа и воевал достойно.¹

¹ Майор Коробейников Александр Александрович, родился 1 октября 1956 года в селе Пресногорьковка, Пресногорьковского района Кустанайской области Казахской ССР. С 1964 года проживал в городе Каратау Джамбулской области Казахской ССР. В 1974 году окончил 10 классов средней школы. В 1973 году записался в Каратауский авиационно-технический спортивный клуб ДОСААФ, в котором до призыва в армию совершил 246 прыжков с парашютом, выполнив норматив кандидата в мастера спорта СССР. Осенью 1974 года призван в ряды Советской армии и отправлен для прохождения срочной службы в войсковую часть 64411, в г. Чирчик. Распределён в 4 роту капитана Коновальчикова В.А., во взвод ст.л-нта Стодеревского И.Ю. После изменения штатной структуры рота стала 5. В 1976 году присвоено звание «Мастер спорта СССР» по парашютному спорту. В том же году остался на сверхсрочную службу в этой же части на должности начальника аккумуляторно-зарядной станции 3 батальона. В декабре 1978 года присвоено воинское звание прапорщик, и до октября 1981 года служил в должности заместителя командира взвода. С октября 1981 года по октябрь 1983 года в составе 154 оо СпН в Демократической Республике Афганистан на должности старшины роты. В марте 1983 года награждён орденом «Красная звезда». В октябре 1983 года вернулся в г. Чирчик. Весной 1985 г., после передислокации 15 обрСпН в Джелалабад, в связи с формированием 467 учебного полка, стал начальником склада. В августе 1993 г. присвоено воинское звание «лейтенант», назначен на должность помощника начальника отделения воздушно-десантной подготовки по тяжелой

«Когда поступил такой приказ, я построил отряд и сказал, что если кто-либо из отпускников опоздает хотя бы на одни сутки, больше в отпуск никто не поедет. Не было случая ни одного опоздания. Солдаты приезжали из отпуска, как правило, на день-два раньше срока. Это было связано с тем, что одиночка не мог перейти границу в Термезе, только в составе колонны. А колонны ходили не каждый день, и, чтобы не опоздать и не подвести своих товарищей, люди приезжали в Термез пораньше. Так что надо изучать людей и верить в них.

Офицеров я старался, кроме очередного отпуска, ещё хотя бы раз в году, на 7-10 дней, отпустить к семье.

Уверен, что это только помогало поддерживать высокий морально-боевой дух в отряде. Старое правило: с начала дай, а уже потом требуй, чтоб выкладывались до последнего.

Делалось это так. Нужно было отправив в Союз на ремонт бронетехнику, БМП ремонтировались в г. Борисове, в Белоруссии. Необходим был один сопровождающий, я отправлял троих. После пересечения границы двое сразу ехали домой, а третий — после сдачи техники. И так при каждом удобном случае, не только связанном с отправкой техники.

Сам я так ездить не мог, мне было нужно разрешение командующего, воздушно-десантной технике. В июле 1994г. присвоено звание старшего лейтенанта досрочно, а в ноябре назначен начальником отделения воздушно-десантной подготовки. В январе 1996г. присвоено звание капитан досрочно, в январе 1999 г. — майора. В апреле 1999 г., в связи с переформированием войсковой части 71201 по новой штатной структуре, назначен на должность начальника воздушно-десантной подготовки соединения. С 2001 по 2005 год исполнял обязанности заместителя командира соединения по воздушно-десантной подготовке. В январе 2007 года уволен в запас. С апреля по декабрь 2008 года работал преподавателем кафедры воздушно-десантной подготовки в Чирчикском высшем танковом командном инженерном училище. Имеет 6483 прыжка с парашютом. С женой Сусанной вырастили дочерей Ренату и Ксению.

Майор Коробейников А.А. завершил военную службу старшим преподавателем кафедры Воздушно-десантной подготовки Чирчикского высшего танкового командного инженерного училища Узбекистана. (Фото 2010 г.)

но я нашёл выход из положения. Я сообщил жене, когда ей надо было прилететь в Термез, и уже ждал её в аэропорту. Два дня в Термезе, и опять Афган. За два года я такое проделывал два раза. Риска практически не было. Со мной была машина с радиостанцией, связь с отрядом была круглосуточная. В случае необходимости я максимум за три часа мог добраться до отряда, мы дислоцировались в 120 км южнее Термеза.

В начале октября мы провели очень удачную операцию, которая имела исключительно положительный эффект для стабилизации в районе нашей ответственности и подняла престиж отряда не только у командования 40 Армии, но и у местных властей, и, что самое важное, у местного населения. Этой операции предшествовала трагедия в подразделении трубопроводной бригады.

Километров десять севернее нашего лагеря на одном из постов перекачки топлива ушёл солдат, как потом оказалось, из-за неуставных отношений. Его пошёл искать прапорщик с пятью солдатами. Душманы их перебили и сложили в рядок, забрав оружие. Мы, после того как получили эту информацию, прибыли на место происшествия, провели поисковые действия, но душманы уже ушли. Скорее всего, они были из соседнего кишлака.

КУЛИ-ИШАН

Страшись о рать иноплемённых,
России двинулись сыны.

А.С. ПУШКИН

Операция проводилась 7 или 8 октября 1982 года, точно не помню. Проводилась она по месячному плану, который готовился заранее и утверждался в штабе армии. Но утверждать, что эта удача случайна, нельзя. Не случайно этот кишлак попал в месячный план стабилизации обстановки в районе ответственности. По нашим разведанным, этот кишлак был проблемный, и один из главарей банд был родом отсюда.

Кишлак располагался 10-12 км севернее нашего лагеря, у подножья хребта на берегу реки Саманган, река протекала в каньоне глубиной от 5 до 15 метров.

Первоначально на операцию были спланированы:

— 3 РДР (разведовательно-десантная рота) под командованием старшего лейтенанта Маркушева. Ее задачей было блокировать кишлак со стороны гор и выполнить роль наковальни. Рота вышла ночью, пешком, и к 3 часам заняла свои позиции.

— Одна из рот на БМП (которая, не помню) не в полном составе — 6-7 БМП должна была с рассветом, около 7 утра, изобразить атаку на кишлак со стороны долины. Атаку проводили, не высаживая людей и не заходя в кишлак. Мы часто использовали такой прием.

Душманы, увидев, что шурави атакуют, на коней и в горы, а там их уже ждут и стреляют, как в тире. Если сразу блокировать кишлак со всех сторон, то придётся их оттуда дня три выбивать, ещё и людей потеряешь.

В ППД была развернута батарея Д-30 с задачей огневой поддержки по заявке Маркушева.

Афганские подразделения на такие операции мы не привлекали, так как в кишлак все равно не заходили, — тем самым достигалась полная скрытность подготовки операции.

На первом этапе руководил операцией Маркушев, так как с высот, на которых находилась его рота, все было видно как на ладони. Как только рота на БМП сымитировала атаку на кишлак, сразу была обстреляна из нескольких гранатометов, а душманы не только не стали отходить в горы, но даже контратаковали роту.

Когда мне доложили об этом, я понял, что удача сама идет в руки, и что мы наткнулись на какую-то банду из тех, которые приходится месяцами искать в горах.

Как потом оказалось, в кишлаке собрались две банды, они имели армейскую батальонную структуру. Одна работала севернее Айбака, другая южнее. Главари банд собрались на совещание по вопросу координации ведения боевых действий.

Я поднял отряд по тревоге и все боевые подразделения, и во главе с начальником штаба капитаном Ахметовым Р.М. отправил к Кули-Ишану. Ахметова Р.М. назначил руководителем операции. У Равиля Мусаевича не было ещё правительственных наград, он прибыл в отряд всего пять месяцев назад, а операция обещала быть удачной. Кроме этого, я отправил офицера в г. Айбак за батальоном цирандоя.

Немного погодя собрал всех, кто остался в лагере, включая поваров и ремонтный взвод, и на двух БТС-ах также отправил к кишлаку, чтоб потом иметь моральное право представить этих ребят к наградам. К тому же, был приказ командующего, что в боевых действиях должны принимать участие все. В отряде остались: я, караул, боевое охранение, батарея Д-30, но в этот раз она не работала, не было надобности.

Кишлак блокировали с оставшихся 3 сторон. Тогда душманы попытались сунуться в горы, но там их встретила 3 рота. Они — назад в кишлак и попытались уйти по каньону, он был глубиной до 15 метров, но там тоже уже всё было перекрыто. Началось уничтожение банд. Роту БМП-2 подогнали прямо на край каньона, и она в упор расстреливала всё, что внизу движется.

5 рота работала огнеметами. Где-то к обеду все было кончено. Было взято много пленных, еще больше душманов было уничтожено и захвачено большое количество оружия.

В этой операции был убит знаменный душманский гранатометчик «Софиракет», он имел пять своих личных гранатометов. Но самое главное — были убиты оба главаря банд, один из них крайне одиозная фигура — Ашраф, он лично зарезал более 60 человек, перерезав горло. Его боялась вся округа. Ни у нас, ни у афганцев убитых не было. Было несколько легкораненых.

Помню, после операции подхожу к раненому солдату: горло пробито, и, когда он говорит, прижимая рану рукой, сквозь пальцы идут розовые пузыри. При этом он ещё и улыбается. Никакой паники. Оказывается, рядом с ним разорвалась граната. Его спас бронезилет, он на нем висел

лохмотьями, но ни один осколок до тела не дошел, а вот в горло попали два. Фамилия солдата младший сержант Сяткин.

И еще был героический поступок. Солдат-связист закрыл собой начальника разведки отряда лейтенанта Скирту. Когда наши делали зачистку каньона, душман выскочил из-за валуна и метров с 30 дал очередь из автомата ППШ Скирте в спину, но солдат успел закрыть офицера собой, сам остался жив и даже не был ранен — пули застряли в радиостанции Р-159, которая находилась у него за спиной. Правда одна всё-таки прошла насквозь через радиостанцию и застряла под кожей, на спине, её оттуда ножом выковырнули. После этой операции душманы около трёх месяцев не проводили никаких боевых действий, некому было.

Мне за эту операцию Командующий Армии генерал-лейтенант Ермаков объявил благодарность. Многим я оформил документы на награды, Ахметова представил к ордену Красного Знамени, но пришла Красная Звезда. В Москве виднее, кто, что заслужил. В городе Айбаке, это центр провинции Саманган был большой праздник. Выставили все захваченное оружие, несколько убитых душманов, трупы обоих главарей. Я сам видел, как подходили женщины и плевали на труп Ашрафа. Восток, свои нравы.

После этой операции мы ходили на уничтожение базы Ашрафа. Но разведку провели плохо. К тому же из-за плохой погоды не было поддержки вертолётов, и мы вернулись ни с чем. Только потеряли убитым одного человека, младшего сержанта Шаповалова Игоря Николаевича. 1963 года рождения. Захоронен он в городе Керчи.

Раненого Шаповалова тащил на себе метров 800, под огнём противника, командир группы, лейтенант Сергей Караев. Но, к сожалению, Игорь не выжил.

Это была наша последняя потеря в 1982 году, да и до мая 1983-го, мы, непрерывно ведя боевые действия, потерь не несли. Лично я до замены 6 ноября 1983 года не потерял больше ни одного солдата.

Потери были, до ноября месяца мы потеряли ещё десять человек, но

Полковник Ахметов Равиль Мусаевич, службу проходил в должности начальника штаба 154 ооСпН

при проведении этих операций отрядом командовал мой заместитель, я периодически находился то в отпуске, то в командировке. Вопрос не в том, что отрядом плохо управляли, Вячеслав Посохов прошёл такую же школу, как и я, профессионал и прекрасный человек. Кстати, в бригаду из Ташкентского училища отбирал его я. Дело в том, что отряд стали бросать на операции вне зоны нашей ответственности. Разведки никакой — вперёд, и давай результат. Я об этом ещё буду говорить.

Ну и последнее по потерям. За два года ведения боевых действий, при проведении засад мы не потеряли ни одного человека, потери были только при взятии душманских баз. Это говорит о высоком уровне выучки личного состава, и особенно офицеров.

В боевых буднях незаметно пролетел месяц. На день Октябрьской революции мы пригласили к себе в гости руководство провинции. Показали им технику и вооружение отряда, рукопашные бои, а в конце — концерт нашего эстрадного ансамбля.

Ансамбль «Голубые береты» мы начали создавать ещё в 1981 году. Специально отправляли ребят домой в отпуск, и они привозили музыкальные инструменты. У истоков ансамбля стояли старший лейтенант Михалёв В.Н. (погиб под Акчой в 1981 году), старший лейтенант Доманин В.В. (умер в Кабульском госпитале от тифа в 1983 году), лейтенант Прокопенко В.Н.

Кто дал название ансамблю, я не помню. Но у известного ансамбля ВДВ имя мы не украли, мы были раньше.

Не всё было так безоблачно в отряде с морально-боевым духом, как хотелось бы. Было у нас два случая проявления трусости, но на общем фоне готовности в любое время идти в бой погоды они не делали, тем более, что носили скрытый характер.

А было это так. Перед выходом на одну из операций, мне доложили, что у одной из «Шилок» перерезан шланг автомата подачи боеприпасов, и, естественно, она не боеготовая. Я не поверил, что шланг перерезан, и послал особиста проверить. Он, проверив, подтвердил. Разбираться было некогда. Мы, оставив машину, ушли на операцию. По возвращении было проведено расследование, но оно ничего не дало. Причину не установили, кто и для чего это сделал. Когда то же самое, с той же машиной, повторилось перед выходом на очередную операцию, я понял. У кого-то из экипажа сдали нервы. И нашёл способ побороть трусость. Экипаж машины в полном составе, я придал одной из рот. А воевать в пешем строю — это страшнее, чем сидеть в бронированной машине. Всё. После этого всё прекратилось.

За два года такое было только эти два раза, и, видимо, с одним и тем же человеком.

Было обратное, когда ко мне подошёл заведующий продовольственным складом прапорщик Алёшин и, ссылаясь на приказ командующего Армией, попросился на операцию. По нашим меркам он был уже совсем «дед», 44 года. Для сравнения: мне, самому старому в отряде, было 34 года. Пытался его отговорить. Тем более, что в Союзе у него осталось четверо детей. Ни в какую. Говорит, что ему стыдно, один он не бывает на операциях. Договорились, что два раза сходит, и всё.

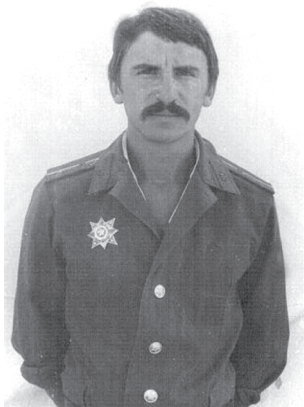
Самым большим наказанием для солдата было не взять его за какие-то дисциплинарные проступки на операцию. Один раз даже было такое, что солдат приходил ко мне с жалобой на ротного, что тот второй раз уже не берёт его на операцию. И это чуть ли не со слезами на глазах.

Как-то пришлось и начпрода отряда, старшего лейтенанта Ольховика, в засаду отправить, к сожалению, не помню, как его звали.

Мне доложили, что группа, вернувшаяся с засады, было плохо обеспечена продовольствием. Ольховик хороший офицер, но допустил существенную ошибку, не проконтролировал, как его подчиненные обеспечили группу. Чтоб он почувствовал, как людям тяжело сутками лежать в засаде, да ещё при этом не иметь всего положенного, на следующий день я его назначил в одну из групп, уходящих на засаду. Парень он был высокого роста, довольно крепкого телосложения, и, на мой взгляд, имел килограммов пять лишнего веса. Он был назначен пулемётчиком и получил пулемёт ПК, который весит около 10 кг. Со своей задачей, как мне доложил командир группы, он справился. Больше промашек у него не было.

С этим офицером судьба меня сводила ещё один раз. Когда я уже командовал полком, под Тбилиси, Ольховик был начальником вещевого службы одного из полков нашей дивизии.

В начале октября 1982 года уехал по замене в Союз мой брат Юра. Дело в том, что мама написала письмо министру обороны о том, что у неё два сына, и оба находятся в Афганистане. Она, жена офицера, понимает, что это дело большой государственной важности, но если есть возмож-

Начальник медицинской службы 154 ооСпН капитан Алексей Дубровка

ность, просила, чтобы одного вернули. Всё это по радио мне передал начальник разведки 40 Армии. И сказал, что министр обороны приказал одного из нас вернуть в Союз. Он хотел, чтоб я решил, кого из нас включать в приказ. Я попросил включить брата.

Юра потом высказывал мне свои «фе» и маме. После года ведения боевых действий ему было противно снова белить бордюры, так мы называли отрыв личного состава на различные хозяйственные работы.

При планировании боевых действий я всегда старался максимально продумать все казалось бы мелочи. Помнил науку Р. П. Мосолова — «ТРИ П». И железное правило — никогда, никто не должен знать, куда ты идёшь. У меня был показательный случай.

Планируя большие операции в провинции Саманган мы привлекали подразделения цирандоя. Советниками там были наши ребята-милиционеры. Старшим у них был полковник милиции, фамилию, к сожалению, не помню, начальник уголовного розыска из города Makeевки. Это, по сути, пригород Донецка. Так что мы с ним почти земляки, у меня туда после увольнения отца в запас уехали родители.

Кстати он, зная, что я люблю хорошее вино, привёз из отпуска две бутылки шампанского на основе вина «Каберне», я больше такого никогда и нигде не пил.

Взаимоотношения у нас с ними были прекрасные, полная слаженность при проведении операций. Да и командир батальона цирандоя майор Махмуд был толковый и храбрый офицер. О проведении операции этот батальон узнавал только тогда, когда она уже началась. Наш отряд или уже шёл в район проведения спецмероприятия, или уже находился на месте. Начальник разведки отряда ехал в г. Айбак и ставил задачу руководству батальона цирандоя. Часто мы их поднимали часа в 4-5 утра по тревоге — и вперёд, на выполнение задачи.

Получалось так, что некоторые афганские офицеры не успевали прибыть по тревоге, и батальон уходил без них. Наш милицейский начальник попросил меня, чтоб я заранее, с вечера, предупреждал его о предстоящей

Стодереский Юрий Юрьевич, кроме Афгана, прошел две войны

операции. На что я сказал, что это невозможно, так как всё сразу будет известно душманам. Он меня заверил, что знать будут только советские офицеры.

Мы разработали две операции в разных районах, и об одной сообщили заранее нашим советникам при цирондое. Стою я на дороге около нашей колонны, ждём афганцев. Подъезжает Махмуд, и в руках у него карта с нанесенной нашей операцией. Я понял, что случилось то, что я и ожидал: об операции знают все, включая торговцев на базаре. Вручил ему карту с другой операцией, поставил задачу, и, развернув колону, мы убьли выполнять резервную задачу.

Я никогда не ставил колонну головой в ту сторону, куда собираюсь идти — противник не должен знать, куда я пойду, иначе будут мины.

Благополучно выполнив задачу, мы вернулись в лагерь без потерь. Через два дня через ХАД поступила информация, что нас, если бы мы стали выполнять первую задачу, ждало 4 километра минированной дороги. После этого наша милиция согласилось, что лучше ничего не знать и оставаться в живых.

По этому вопросу у нас была ещё одна проблема. При Саманганском ХАД был советник от КГБ, полковник. Он требовал, чтоб я согласовывал с ним все операции. По той же причине я отказался это делать. Куда он только на меня не писал! Обосновывал это тем, что он ведёт переговоры с бандами, а мы их бьём и мешаем ему работать. И то, что у него в бандах есть свои люди, а мы можем и их зацепить. На это я отвечал то, что если я буду давать ему информацию, куда я иду, то цеплять уже будут моих солдат, а они мне дороже, чем какие-то виртуальные информаторы. В штабе Армии меня поддержали, но врага я себе нажил.

Где-то в это же время к нам из Ташкента приехала комиссия в составе двух полковников, медиков. Они приехали разбираться, на каком основании в отряде делаются полостные операции. Такие операции делаются только в медсанбате дивизии. Но когда они посмотрели нашу медицинскую базу и увидели, какой у нас штат врачей, были приятно удивлены. Они считали, что мы — обыкновенный мотострелковый батальон. А у нас по штату был старший врач-хирург, врач-анестезиолог и всё необходимое оборудование. Не было только операционной сестры. Сколько я ни пытался её найти, ничего не вышло. Наши медики подготовили двух солдат, и те помогли им при проведении операций.

В одном из вагончиков мы оборудовали реанимационную палату. И, как я уже писал, один из тягачей МТЛБ был переоборудован для проведения операций прямо на поле боя.

Хирургом был старший лейтенант Бегишев Э.Ф., безусловно одаренный человек, скольких он солдат спас! А вот сам не уцелел, погиб на одной из операций летом 1983 года, при подрыве МТЛБ. Это была его последняя операция перед отъездом в Союз. Он поехал показать сменщику, как надо работать в полевых условиях. Они погибли оба, один на своей последней операции, другой на первой.

У Бегишева был роман с продавщицей нашего магазина, фамилию, к сожалению, не помню, звали Иррой, и была она родом из Крыма. Намерения у них, видимо, были серьёзные, так как она поехала домой рожать. Родители Бегишева, наверное, и не знают, что где-то растёт их внук или внучка.

Перед отъездом этой медицинской комиссии сели, пообедали, и полковники решили посмотреть, что собой представляет спецназ. Попросили меня показать, как мы умеем стрелять. Я сказал, что все офицеры боевых подразделений заняты, поэтому своё мастерство продемонстрирует начфин, лейтенант Евгений Большаков.

Наши гости, конечно же, не знали, что он кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе. Один из полковников бросил вверх свою фуражку, и Женя из автомата с первого же выстрела пробил ей тулюю. Надо было видеть этого полковника — вата из фуражки торчала в разные стороны. Он сокрушался, как же теперь поедет в Ташкент, помочь я ему ничем не мог, у них фуражки были с чётным околышем. Не черта спецназ проверять.

Этой же осенью у меня был неприятный инцидент с политработниками.

Я приказал поставить в наряд дежурным по лагерю секретаря партийного бюро отряда. Должность эта у нас была освобождённая, то есть она была выборная, и он ничем больше не занимался, только партийной работой. Выбирались, конечно, на эти должности исключительно политработники по представлениям политотделов.

Ещё только придя служить в армию, я слышал, что политработников занимающих такие должности, в наряды ставить нельзя. Но, прослужив в Армии почти 29 лет, я ни разу этого приказа так и не видел.

Так вот, в отряде сложилась к тому времени сложная обстановка с офицерскими кадрами. Из пятидесяти положенных по штату офицеров отсутствовало 19 человек: болезни, ранения, отпуска. И получалось, что офицер идёт в наряд, а сразу после наряда на боевую операцию, или наоборот, из засады в наряд.

Партийный секретарь пошёл жаловаться замполиту отряда капитану

Воронову В.Н. Хороший был офицер, но пошёл на поводу у секретаря, да и, видимо, честь касты защищал, но я на него обиды не держу.

Приходит ко мне Владимир Николаевич и просит отменить моё решение о постановке в наряд секретаря, ссылаясь на приказ. Я ему сказал, что этого приказа в глаза никогда не видел, и пусть они мне его покажут. Но если такой приказ и есть, в сложившейся обстановке секретарь все равно пойдёт в наряд. Мне было заявлено, что на меня будут жаловаться, я сказал, что это их право.

Всё вроде бы улеглось, но недели через две в Кундуз с визитом прилетел ЧВС округа. Так почему-то величали главного политработника округа, хотя в военный совет входило не менее десяти человек, видимо, он был самый главный член. Воронов подошёл ко мне с просьбой, чтоб я отпустил его и секретаря на встречу с ним, мне было прямо сказано, что они будут поднимать вопрос с нарядами. Я санкционировал отъезд.

После их поездки из политотдела дивизии прибыл подполковник для проведения разбирательства. Хочу отметить (к сожалению, фамилию его не помню) разбирался он не предвзято, и было видно, что толковый офицер. Вердиктов никаких не выносил, а все документы увёз с собой.

Спустя несколько дней приехал начальник политотдела 201 дивизии, полковник то ли Игнатьев, толи Игнатов Анатолий Иванович, сейчас уже точно не помню. Запомнил, что это был достойный офицер. Он посадил меня и Воронова и в моём присутствии начал его отчитывать. Говорил, что он не комиссар времён Гражданской войны и своими действиями подрывает основу Вооружённых сил, единоначалие. И что его задача — во всём помогать мне как командиру части. То есть, его мысли полностью совпадали с моими.

Узнав, что у меня есть выговор по партийной линии, (за женитьбу). Начальник политотдела приказал немедленно написать заявление в партийную комиссию дивизии, наша партийная организация была там на учёте. И так как у меня не было времени на поездку в Кундуз, с меня взыскание сняли заочно.

Но это противостояние с политработниками всё же вышло мне боком.

Где-то в начале осени был приказ оформить документы на очередное звание досрочно всем, кто служил в Афганистане и в звании проходил уже более половины срока. В разведотделе Армии оформили документы на подполковника, на меня и Бориса Керимбаева, командиру 177 ооСпН.

В декабре месяце я ездил в Кабул утверждать у командующего план боевых действий на следующий месяц. Попутно в управлении кадров мне вручили орден Красного Знамени, и я его обмыл тут же в штабе, в кабине-

те начальника особого отдела Армии. У меня с ним сложились хорошие деловые отношения.

К сожалению, фамилию этого полковника я забыл, но знаю, что он гасил негативную информацию, которую на меня пытались присылать «доброжелатели».

Так вот, при вручении ордена майор из отдела кадров мне сказал, что списки на присвоение досрочных званий уже в Армии подписаны, но член военного совета, генерал-майор Овчинников, мою фамилию вычеркнул. Я пошёл к этому чиновнику за разъяснениями, предварительно спросив разрешения у майора отдела кадров, чтоб его не подставлять.

Первый вопрос, который мне задал генерал, был: «Кто вам это сказал»? Я назвал фамилию, вызвали майора, но он заявил, что, выполняя свои обязанности, был обязан оповестить меня. Взбучки у генерала не получилось. Да и в Афгане мало кто боялся больших начальников, обстановка другая.

Овчинников мне сказал, что он подумает, думает до сих пор. А я, балбес, не пошёл с этим вопросом к командующему, Ермаков наверняка бы этот вопрос решил. Вот так я второй раз за службу пролетел мимо досрочного звания.

Спустя семь лет, когда я уже командовал полком в Закавказском военном округе, к нам приехала комиссия Главного политического управления Советской армии во главе с начальником ГлавПУРА генералом армии Лизичевым. В составе этой комиссии был и Овчинников. Оба они, проходя мимо шеренги командиров частей дивизии, выслушав доклад, здоровались, пожимая руку. Когда я назвал свою фамилию, рука Овчинникова дрогнула, и он пристально посмотрел на меня. Вспомнил генерал...

ГЛАВА 5

ХРОНИКА 1983 ГОДА

Напряженные боевые действия потребовали от официальных властей Афганистана коренной реорганизации и укрепления Вооруженных Сил.

Однако укреплялась и оппозиция. Все чаще части и подразделения ОКСВА сталкивались с хорошо организованным и фанатичным сопротивлением. Заметно улучшилось и техническое оснащение противостоящей стороны. Оппозиция обладала возможностью готовить свои отряды в 200 учебных центрах, расположенных в Пакистане и Иране, куда душманы уходили с наступлением холодов, чтобы весной вновь перейти к активным боевым действиям. С зимы 1983 года многие формирования моджахедов не покинули Афганистан. Война стала круглогодичной.

Боевые отряды не имели строго определенной структуры и численности. Основным тактическим звеном оппозиции считалась группа численностью от 25 до 50 человек. Ее возглавлял авторитетный, прошедший подготовку командир, имевший заместителя и телохранителей. В группе имелось: 3-5 разведчиков, 2-3 боевые подгруппы, расчеты крупнокалиберных пулеметов, минометов, гранатометов. В случае необходимости группы объединялись в отряды. Основным стрелковым оружием были автоматы Калашникова китайского и египетского производства, американские винтовки, автоматы и гранатометы западногерманского, английского, шведского и израильского производства. Широко использовались крупнокалиберные пулеметы ДШК, минометы калибра 60 — 82 мм. С 1983 года стало появляться большое количество противопехотных и противотанковых мин: итальянских, американских, английских. Наиболее широко применялись мины в пластмассовом корпусе, а также фугасы с дистанционным управлением и радиоуправляемые мины. Часто использовались и мины-сюрпризы кустарного производства. Все это вынуждало командование ОКСВА отвлекать значительные силы на охрану военных и экономических объектов, режимных зон и коммуникаций, а также на сопровождение колонн. В отдельные моменты до 60 процентов всех подразделений 40-й армии выполняли охранные функции.

Вместе с тем войска ОКСВА продолжали осуществлять операции, направленные на разгром узлов сопротивления вооруженной оппозиции. Таких узлов было немало. Наиболее известной из операций 1983 года была Нижерабская операция (провинция Каписа). Ее успех, как и вся кампания 1983 года, дорого обошелся стране. В боях погибли 1446 военнослужащих, в том числе 35 спецназовцев (12 человек из 154 ооСпН).

НЕПРИСТУПНЫХ УЩЕЛИЙ НЕ БЫВАЕТ ¹

Прекрасна доля Пересвета —
Пасть на миру, где смерть красна...
Что смерть — когда нужна победа!
Заколыхались знамена.

Основной причиной проведения операции в Мармольском ущелье было похищение 16 гражданских специалистов. По разведанным именно главарь этого бандформирования организовал его. И был отдан приказ об уничтожении этой банды. Тем более, что это имело и политическое значение. Главарь банды, Забибуло, называл себя командующим Северным фронтом. Набеги на наши колонны из этого ущелья осуществлялись с 1980 года. Ещё в то время туда направляли батальон, но он не смог выбить душманов из ущелья. И они стали раздувать миф о неприступности своей базы.

По данным разведки в бандформировании было до 1300 душманов, и их база была хорошо укреплена. Но по данным всё той же разведки, сама база находилась в 8-10 км от входа в ущелье, и исходя из этого разрабатывался план её взятия. Подразделения и части, привлекаемые к этой операции, были разбросаны на очень большой площади. А как потом оказалось, база находилась сразу на входе в ущелье.

Для проведения операции была собрана мощная группировка войск и наши части и части афганской армии. Кроме нас привлекались подразделения 201 МСД и пограничники. С афганской стороны, подразделения пехотной дивизии, что дислоцировалась в Мазари-Шарифе, бригада «коммандос» из Кабула и подразделения цирандоя. Активно применялась авиация, вертолёты, свои, с Кундуза, а бомбовые удары наносились авиацией с территории Союза, кажется, с аэродрома «Какойты».

На утро следующего дня колонна отряда пошла к Мармольскому ущелью. Впереди шли два приданных минных разградителя, на базе танков Т-55, но до входа в ущелье мы дошли без инцидентов.

Временный лагерь разбили в метрах 300 от горловины ущелья. Она была шириной метров 15-20, и более половины её занимала вытекающая река Мармоль. Её стискивали вертикальные скалы с отрицательным углом, уходя вправо и влево на несколько сотен метров. Это и был наш участок,

¹ Стодеревский Игорь Юрьевич.

который мы должны были штурмовать. Я много видел гор, но эти были как из сказки об Алибабе, ни одной тропинки наверх. Слегка холмистая местность, и сразу вертикальные скалы.

Как только мы сунулись в ущелье, сразу были обстреляны из пулемётов. Душманы располагались внутри ущелья, конфигурация скал и им не позволяла сделать огневые точки на хребтах. Да, видимо, они считали, что это ни к чему. Огневые точки на скалах могли стать лёгкой добычей для авиации или быть поражены артиллерией. А в ущелье, как потом оказалось, они располагались во множестве естественных пещер, которых было несколько сотен по обеим сторонам ущелья и на разной высоте. Так как скалы здесь тоже в основном были отвесные, из пещер висели лестницы. Но всё это мы увидели только через девять дней, когда взяли душманскую базу.

Так что к ущелью можно было свободно подойти, мы для противника были недостижимы. Но как только мы, стоя на тропе, ведущей в ущелье, на палке высовывали каску за уступ скалы, сразу звучала длинная очередь.

Я считаю, что душманы бой начали совершенно безграмотно. Надо было запустить одну нашу роту, ведь мы не знали, где именно в ущелье противник. Мало кто из этой роты уцелел бы. За горловиной ущелье слегка расширялось, но всего метров на 60-70, и там можно было для атакующих сделать страшный огневой мешок. В двухстах метрах от горловины ущелье поворачивало градусов на 30, и там был оборудован мощный дот, амбразуры которого смотрели на вход в ущелье. То есть ущелье простреливалось не только с флангов, но был и сильный фронтальный огонь.

Соседей ни справа, ни слева не было, все подразделения группировки, как я уже говорил, были разбросаны по горам вокруг ущелья. Посылать роты в обход на большие расстояния я не имел права, там должны были действовать другие подразделения, а наша задача была штурмовать с входа в ущелье. Но, видя, что в лоб ничего не сделаешь, а только потеряешь людей, я послал вторую роту под командованием старшего лейтенанта Войтенко попытаться обойти вход в ущелье слева. Рота нашла, какие-то тропинки на расстоянии километра полтора от ущелья. Но продвинуться на хребет смогла метров 100. Была обстреляна и залегла. Делать какие-то манёвры с людьми местность не позволяла, опять получалась атака в лоб. А в атаку мы ходили только раз, при взятии Джар-Кудука. Основной метод был просачивание на доступных направлениях. К тому же в роте появились раненые, и я её вернул.

Помню, принесли лейтенанта, пуля попала в спину, лежал на скалах, а стреляли сверху. Вышла пуля в районе живота. Спрашиваю своих медиков, как состояние раненого. Сказали, что не жилец, ранения в живот очень

опасные. Вертушки его увезли, а через две недели он прибывает в отряд живой и почти здоровый. Оказывается, лейтенанта спас бронезилет, который на нём был. Пуля пробила его, но изменила направление и, пройдя каким то образом вокруг тела, вышла в районе живота, не повредив кишечник. Бывают на свете чудеса.

Началась длительная, девяносточная осада ущелья. Никакие наши попытки ворваться в ущелье успеха не имели. Да я и не пытался этого сделать, могли быть большие потери. Надо было подавить огневые точки противника.

Практически весь световой день над ущельем висела авиация, я наводил её на ущелье лично, именно на ущелье, а не на огневые точки. Как я уже говорил, мы не видели противника. Но расстояние между нами было не более 30 метров. И в таких условиях главное было, чтобы не побили моих солдат.

С вертушками было попроще, скорости маленькие, высоты тоже небольшие, им было легче разобраться, где враг, а где свои. А вот штурмовики, которые приходили с аэродрома в Кокойтах, на юге Узбекистана, были опасны. Они выстраивались в круг, по четыре штуки и по очереди заходили на цель, сначала бомбили, а затем работали пушками и пулемётами. Но работали ювелирно, ни одна бомба, ни один снаряд не разорвалась вне ущелья.

Как только появлялась авиация, я сразу, по радио, выходил на корректировщика. Это был самолёт на базе АН-24, какой точно модификации, с земли не было видно, он часами кружил на высоте более 4000 км. Вот он и руководил авиацией по моей наводке. Сейчас точно не помню, но, кажется, там находился командующий авиации 40 Армии полковник Медведев. Я с земли давал курс, а ребята зажигали пирофакелы, чтоб обозначить наш передний край. Авиацию запускали, как правило, с курсом «0», это точно с севера на юг, вдоль ущелья.

Что только не бросали на это ущелье — и обычные бомбы, и объёмного взрыва, жгли напалмом — толку не было. Только мы пытались сунуться в ущелье, начинался плотный ружейно-пулемётный огонь. Как я уже писал, во время авианалётов душманы прятались в пещеры, которые не могли взять никакие бомбы. Прямые попадания были исключены. Налёт заканчивался, и они выползали из своих нор.

Во время одного из таких налётов нас обстреляли из миномёта. Видимо, противник засёк, откуда наводится авиация. Я это делал прямо из лагеря, стоя у БТР-а, на котором стояла радиостанция для связи с авиацией. Лагерь мы развернули метрах в пятистах от входа в ущелье.

Первая мина разорвалась с недолётом, вторая с перелётом, было по-

нятно — нас берут в вилку. Я приказал всем спрятаться за броню, огонь вёлся из американского 81мм миномёта, броню наших бронемашин эта мина не пробивала. Третья мина разорвалась в метрах 30 от нас.

Я не мог укрыться, так как шла работа авиации, и надо было корректировать их действия, иначе накрыли бы моих ребят. В момент разрыва мины успел прыгнуть в узкий проход между машинами. Ещё в полёте почувствовал удар и боль в пятой точке. Ну, думаю, приехал, провоевал более полутора лет, ни одной царапины, и тут получить ранее в задницу, стыдуха. Это же насмешки на всю жизнь, как в спектакле «Иван да Марья», смотрел в Киеве, в главных ролях замечательные артисты как Валерия Заклунная и Александр Мажуга.

Встал, ощупал себя, вроде брюки целы, крови нет, а боль есть. Видимо, меня ударило камнем, голышом. Но корма оказалось крепкой, не треснула. Дня три сидел на стульях одним боком. Кстати, в этот день мне исполнилось 35 лет, жена к этой дате передала из Союза бутылку шампанского, вот мы его вечером и выпили, и за день рождения, и за целый зад.

Нам была придана батарея 57мм зенитных орудий. Мы её не применяли, так как она могла вести огонь только прямой наводкой, а противник за хребтами. Ну, тут и им работа нашлась. Ребята быстренько вычислили, откуда душманы могли корректировать огонь миномёта, это оказалась небольшая пещера, около метра диаметром. Зенитчики всадили туда три снаряда подряд, хоть она была на расстоянии более полутора километров и на высоте около 600 метров. Молодцы, попали как в копеечку. С обратной стороны хребта пошёл дым, видимо, пещера была сквозная, и миномёт больше уже огонь не вёл.

Бой мы вели практически непрерывно и днём и ночью, надо было измотать противника. Ночью организовывали психические атаки. Начинали стрелять из всего имеющегося оружия, кричали «ура!», но в атаку не ходили, и так за ночь несколько раз.

Когда мы сделали это в первый раз, позвонил генерал-лейтенант Шкруднев и спросил, что это у нас за кутерьма. Он подумал, что душманы пошли на прорыв.

В одну из ночей мне доложили, что справа от входа в ущелье с гор спустились несколько наших солдат из пехоты во главе с командиром роты. Как я уже говорил, боевые действия шли на большой территории. И это было одно из подразделений, которое работало справа от нас. Но выходить к нам они не должны были. Когда я стал беседовать с командиром роты, а это был капитан, здоровенный мужик двухметрового роста, выяснилось, что он совершенно пьян, и роту свою по сути дела бросил.

Часа три-четыре, небольшими группами, по пять-шесть человек, спус-

кались с гор солдаты его роты, неся с собой раненых. Беседовать с этой тварью было невозможно, да и не хотелось. Когда я вышел из палатки, ко мне подошли возмущённые наши офицеры и попросили разрешения набить этому выродку морду. Я, конечно, запретил, но доложил об этом происшествии в штаб группировки.

Видя, что мы застряли на одном месте, к нам на боевые позиции прибыл Шкруднев, чтобы на месте разобраться, чего мы тут топчемся. Мы с ним подъехали на БТР-е, к самому входу в ущелье. Спешились и подошли к моим ребятам, находящимся у крайней от входа скалы.

Я выставил руку за скалу и резко её убрал, немедленно прозвучала пулёмётная очередь. Осмотрев местность и оценив сложившуюся ситуацию, генерал одобрил нашу тактику.

Но надо было что-то делать, ведь такое противостояние могло продолжаться сколько угодно долго. Не помню, кому из офицеров в голову пришла идея, поднять наших солдат на скалы с отрицательным углом с помощью автокрана. Что мы успешно и проделали. Теперь мы уже прочно захватили вход в ущелье и могли вести по противнику огонь и из стрелкового оружия.

На скалах помещалось не более одной группы, а так как погода была отвратительная, дождь со снегом и резкий сильный ветер, мы людей меняли, кажется, каждые 2-3 часа. Люди спускались в таком состоянии, что у них даже не гнулись пальцы на руках. Кормили их горячей пищей, обогревали в специально развёрнутой палатке, и снова на скалы.

Ко мне подошёл кто-то из офицеров 1 роты, а это именно их группы сидели на скалах, и сказал, что у одного из молодых лейтенантов сдали нервы, и он отказывается вновь туда подниматься. По сути дела невыполнение приказа, можно отдавать под суд военного трибунала. Но я знал этого офицера, он не был трусом. И сейчас из душевного равновесия его выбила не боязнь получить пулю, а почти недельное испытание холодом. Холодно было всем, но там, на скалах, было особенно тяжело. У каждого человека есть в жизни свои критические моменты, и в это время человека надо просто поддержать. Я зашёл в палатку, положил ему руку на плечо, и, назвав по имени, сказал, что надо идти, его солдаты уже пошли, а он должен идти впереди. Офицер молча поднялся и ушёл со своей группой.

Противнику было легче, они сидели по пещерам, где не капало за шиворот, да и костёр можно было развести. Расстояние между нами было небольшое, в некоторых местах не более 50 метров. А так как у нас в отряде было много солдат среднеазиатских национальностей, то мы с противником часто переругивались. И если матом, то обе стороны это делали

на русском языке, воистину великом и могучем. Я как-то присутствовал при одной из перебранок.

Видя наше тяжёлое положение, они нам кричали, чтобы мы шли к ним, у них есть плов, горячий чай, французские девочки. На, что получали в ответ, что французские девочки нам не к чему, и что чуть погодя, войдя в ущелье, мы их поймеем.

Тыловое снабжение на этой операции было организовано очень хорошо и боеприпасами, и продовольствием. Подвоз мы осуществляли сами, своими силами, благо, плечо подвоза было менее 100 км. А расход боеприпасов был очень большой.

Молодец командир роты материально-технического снабжения капитан Свиридов, часто мы его поругивали за недостатки в работе, но в этот раз всё работало как часы. Помню, как-то на обед, на второе, каждому солдату выдали по целой варёной бройлерной курице, таких и норм снабжения нет, уж не знаю, как тыловики и выкрутили. Питание было только котловое, на боевые позиции горячую пищу таскали в термосах. За девять дней операции я ни разу не отвлёкся на решения вопросов тыла, тыл тогда хорош, когда ты забываешь о его существовании. Свиридов за эту операцию был представлен к медали «За боевые заслуги».

На седьмой день операции позвонил командующий 40 Армией генерал-лейтенант Ермаков, я уже говорил, что командующий любил наш батальон, в этот раз он с металлом в голосе сказал:

— Не узнаю ни тебя, ни батальон.

Я ему ответил, что сейчас беру автомат и поднимаю батальон в атаку. Максимум через три часа возьму ущелье, но пусть готовят минимум двадцать цинков (цинковые гробы для отправки погибших в Союз). Попросил не подгонять меня, дня через два-три мы все равно возьмём это ущелье. Он дал добро.

Ущелье мы взяли через два дня, не потеряв убитыми ни одного человека. Вообще офицер в бою должен воевать мозгами, это его главное оружие, а пистолет и автомат — это для самообороны. Да и обороняться он должен не сам, ему некогда думать о своей безопасности. Во всяком случае, начиная с командира роты.

Это я вспомнил к тому, что на этой операции у нас в отряде уже был новый замполит капитан Гаврилов, прибыл вместо Воронова по замене с Брестской десантно-штурмовой бригады. Толковый офицер, но необстрелянный. Это была его первая операция, и он, схватив автомат, всё пытался влезть в какую-нибудь заварушку. Понять его было можно, он всем хотел показать, что не трус. Я ему объяснил, что солдат у меня в батальоне достаточно, а замполит один, и он должен выполнять свои обязанности. И

что сейчас не Великая Отечественная война, поэтому никаких атак с криками «ура» на пулемёты не будет. Нужна спокойная кропотливая работа.

По поводу безопасности командира любого ранга скажу одно: это должна быть система, а не какое-то разовое мероприятие. По прибытии в Афганистан и после проведения первых операций я понял, что невозможно нормально работать, если кто-то постоянно не заботится о твоей безопасности и быте. Именно тогда был оборудован штабной салон. Именно тогда я подобрал себе группу телохранителей.

Было их пять человек, двое из которых составляли экипаж БТР-70, водитель и наводчик пулемёта. Они постоянно находились рядом со мной, в любой обстановке. Были прикомандированы ко мне на постоянной основе. И даже находясь в лагере, спали в соседней со мной комнате. Я мог в считанные минуты уехать в любое время суток, мне не требовалось дополнительных сил и средств. Правда, если поездка была на большие расстояния и через проблемные районы, обязательно брал ещё один БТР. Кстати бортовой номер на моём БТР менялся каждый месяц. На кратковременных операциях, где мы не разворачивали походные кухни, в задачу этих ребят входило и приготовление пищи.

Если я заходил в какой-нибудь афганский магазин или учреждение, то один из солдат заходил со мной и стоял сзади меня метрах в двух, второй оставался у входа, третий стоял метрах в пяти от входа, и уже четвёртый на другой стороне улицы. Они, прикрывая друг друга, прикрывали меня. Один из ребят был переводчиком. За два года состав этой группы частично менялся, одни увольнялись на смену им приходили другие. И я благодарен этим ребятам за то, что остался жив. Вот они:

— Шлепитис и Мальшев, два кандидата в мастера спорта, первый по боксу, второй по десятиборью, оба из Чирчика. Они уволились в мае 1982 года. До сих пор себя укоряю за то, что не представил их к наградам.

— Нажмутдинов Заир;

— Разухин Сергей;

— Давлятов Нурулло;

— Михалдыко (имя, к сожалению не помню);

— Саловат и Тимур (не помню фамилий). Все эти ребята из Таджикистана, в основном из Душанбе. Уволившись, писали мне в Афган письма.

— Два водителя БТР — Бойцов и Степанов.

Возможно, кого-то забыл, много времени прошло. Все эти ребята живыми и здоровыми вернулись домой. Жаль моего последнего переводчика Садыкова Гуламжона Галиевича, спустя полгода после моей замены в Союз он погиб в бою под Джалалабадом.

Возвращаясь к безопасности, напомним, что мой друг и коллега Саша

Тимченко погиб в одном из дуканов Кабула. А командир 2 МСБ, 122 МСП, который размещался в г. Айбаке, майор Герасимчук Василий Васильевич на одной из операций был просто задушен душманами.

В один из дней блокады ущелья к нам в батальон прибыл агитационный отряд из 201 МСД. Имея несколько БРДМ, оборудованных громкоговорящими устройствами, они должны были подрывать боевой дух противника. Попросив меня прекратить всякую стрельбу, они около часа вещали на душманов: уговоры сдаться в плен шли вперемешку с молитвами. Всё бы ничего, но оказалось, что персонал из этого отряда совершенно не знает ни традиций, ни обычаев мусульман. Сразу после молитвы они включили нашу советскую эстраду, мои солдаты из среднеазиатских республик стали плевать. Оказывается, что эти горе-агитаторы обгадили, неплохо проведенную свою же работу. Нельзя было сразу после молитвы транслировать эстраду, да ещё европейскую.

В ночь перед решающим штурмом ущелья к нам с боем, как раз через это ущелье, прорвалась мотострелковая рота, уж не помню какого полка. Душманы более недели, сдерживавшие наш натиск, видимо, совсем не ожидали удара в спину.

К сожалению, взаимодействие между частями было организовано плохо, связь была только через штаб руководства операцией, прямая радиосвязь с соседями отсутствовала. Но, правда, между частями были большие разрывы, это было обусловлено самой местностью, на которой проходила операция. И по замыслу наши подразделения нигде не должны были пересекаться. Каждый имел своё, отдельное направление наступления, как это и положено по уставу при ведении боевых действий в горах. Но горы и реальная обстановка всегда вносят свои коррективы.

Координаты расположения частей зачастую давались с ошибками и с большим опозданием. И когда подразделения соседей попадали в нашу зону ответственности, и мы сталкивались лоб в лоб, это было полной неожиданностью и для нас, и для них. Слава богу, что мы имели уже богатый опыт ведения боевых действий, и в том числе ночью, а ведь оба раза к нам пехота выходила именно ночью.

Когда мне доложили, что в ущелье началась беспорядочная стрельба, но пули в нас не летят, у нас сложилось мнение, что в ущелье прорвалось какое-то наше подразделение, и душманы ведут с ним бой. Были предложения поддержать наших огнём и даже атаковать, но мне было совершенно непонятно, кто и где находится, да и вообще, что там происходит, были только предположения. А вдруг это какая-то хитрость противника? Когда я запросил штаб руководства, там мне тоже пояснить ничего не смогли.

Стрельба продолжалась не более 10-15 минут и прямо на нас вышла неполная мотострелковая рота. Если бы мы атаковали, то атаковали бы своих. Потерь у роты при выходе из ущелья не было, мы не сделали по ним ни одного выстрела. А вот при прорыве через ущелье потери были. Когда на следующий день мы его взяли, метрах в пятидесяти от входа лежал командир взвода этой роты старший лейтенант Белов. Он лежал как живой, с автоматом в руках, душманы не успели ни обыскать его, ни поиздеваться над трупом. Пуля попала офицеру точно в сердце.

О САМОМ ШТУРМЕ

Утром мы атаковали, но только двумя БМП. Это было очень рискованное мероприятие. Под прикрытием огня взвода сидящего на скалах, а главное под прикрытием дымовой завесы, ребята со скал забросали вход в ущелье дымовыми шашками. В ущелье ворвались две БМП, имея в экипажах только по два человека, механиков-водителей, и в башнях сидели наводчики. К сожалению, фамилий солдат, которые сидели за рычагами боевых машин не помню. А вот наводчиками пошли офицеры, это замполит первой роты старший лейтенант Стасюк А.А. (сейчас живёт в Донецке) и командир группы этой же роты старший лейтенант Сергей Паховский (сейчас живёт в Екатеринбурге).

Когда рассеялся дым, душманы увидели боевые машины, но было уже поздно, офицеры открыли огонь по огневым точкам противника. Стрельба велась практически в упор, 30 мм орудия БМП стреляли очередями. Но и сами БМП были хорошей мишенью. Для того чтобы максимально уменьшить риск, мы каждую боевую машину зацепили тросом за БТС-ы, в случае подрыва их бы вытащили из ущелья.

Кстати, штурм осуществлялся под песню «Миллион алых роз» в исполнении Аллы Пугачёвой. Её транслировал на всё ущелье агитационный отряд. Солдаты в атаку шли с улыбками.

В одном из своих интервью Алла Борисовна с гордостью говорила о

Подполковник Стасюк Алексей Адамович, служил в 154 ооСпН замполитом 2 роты спецназа. Он один из немногих политработников награжден орденом Красного Знамени (Фото 2010 г.)

том, что она ни разу не была в Афганистане, и к той войне относится крайне отрицательно. Она не была, а её песня была и воевала.

В продолжение о штурме. Одну из машин душманы всё же подбили, но вытаскивать её не понадобилось, под прикрытием огня боевых машин в ущелье уже ворвались штурмовые группы. Менее чем за полчаса база душманов была взята.

Мы взяли базу, не потеряв ни одного человека убитыми, только семнадцать раненых, из них двенадцать легко. Были взяты большие трофеи. Только оружия, боеприпасов и мин мы вывезли два грузовика. Было захвачено более десятка различных автомобилей. Продовольствие разрешили вывозить афганцам. Кстати, когда ущелье уже было взято, при въезде в него подорвался афганский БТР, мина стояла прямо в речке. Так что первым нашим БМП просто повезло.

Безусловно, что заслуга во взятии базы душманов в Мармолье принадлежит не только нашему отряду, а и всем частям и подразделениям, участвовавшим в этой операции, и советским и афганским. Без массированного давления на всех направлениях мы вряд ли взяли бы Мармоль, но то, что мы оказались на острие этой операции, неоспоримый факт.

То, что мы не понесли безвозвратных потерь, заслуга не только офицеров, прапорщиков и солдат отряда показавших свой высокий профессионализм, но и руководства этой операцией и лично генерал-лейтенанта Шкруднева, а также командующего 40 Армией генерал-лейтенанта Ермакова. Они не толкали нас, сломя голову, на пулемёты, не пытались добиться быстрого успеха ценой солдатских жизней, берегли людей, и большое спасибо им за это.

После взятия Мармоля Шкруднев приказал мне представить списки отличившихся солдат и офицеров отряда для награждения. Мы подготовили такой список, получилось около двадцати человек. Когда я представил его Шкрудневу, он сказал, что в нём не хватает командира отряда, и собственноручно дописал во главе списка мою фамилию, напротив написал — орден Красного Знамени. Я не получил этого ордена, видимо, кто-то решил, что не достоин. Кстати, не получил не только я. Офицеры, которые первыми ворвались в ущелье на БМП, мною были представлены также к ордену Красного Знамени. Но если Стасюк его получил, то Паховского орден нашёл только лишь в 2003 году, и вручал его ему бывший командующий 40 Армией генерал армии Ермаков.

Захваченное в Мармолье оружие местные власти два дня демонстрировали в Мазари-Шарифе, а затем мы его показывали в Айбаке.

Было захвачено немало и различных оптических приборов. Команду-

ющий авиацией 40 Армии полковник Медведев рассматривая трофеи, хотел взять себе один из биноклей. Но бинокль был не очень хорошего качества, и я в благодарность ему за отличную поддержку нас авиацией, а это именно он с самолёта корректировщика руководил действиями авиации, иногда и сам садился за штурвал, боевого вертолёт и штурмовал душманские позиции, предложил ему хороший японский бинокль, но сказал, что он находится у нас в ППД. Сразу же получил предложение слетать за ним. Медведев сам сел за штурвал и минут за тридцать мы были на месте. Вот сейчас я подошёл к тому, ради чего веду этот разговор.

Вертолёты, опасаясь обстрела с земли, летали всегда не ниже 2000 метров, и уже подойдя к назначенному месту, кругами снижались и садись. Когда мы подлетели к нашему лагерю, Медведев спросил, сколько у меня прыжков с парашютом, и когда я ответил, сказал, что теперь будет ещё прыжок, но без парашюта.

На высоте 2000 метров он выключил двигатель, и, как он сказал, мы стали парашютировать, а попросту падать, в полной тишине, но довольно устойчиво. Уши заложило, как при прыжке с парашютом. Старший лейтенант, лётчик этого вертолёт, сидевший рядом со мной, сказал, что его за такие художества, сам Медведев посадил бы на гауптвахту. На высоте метров 200-300 Медведев включил двигатель, и мы благополучно приземлились.

БУДНИ

Мармоль был последней большой операцией, в которой мне пришлось участвовать. Опять началась рутинная боевая жизнь.

Практически ежедневно группы уходили в засады. Но противник в зоне ответственности был парализован. Диверсий на дороге и на трубопроводах не было. Отряд выполнил поставленную задачу. Несколько раз по просьбе местной власти мы ходили на отдалённые кишлаки, но это была просто демонстрация силы. Под нашим прикрытием они проводили свою работу.

Шли мы на одну из операций, как всегда, в ночь. Сейчас не помню, куда конкретно, но выход был в составе отряда. Не доходя Айбака, мне командир головного взвода докладывает, что нас остановил старший лейтенант комендантско-дорожной бригады.

К этому времени для наведения порядка на дорогах в Афган была введена такая бригада. С её вводом уменьшилась на нас нагрузка по проведению мероприятий комендантского режима. Одной из основных задач под-

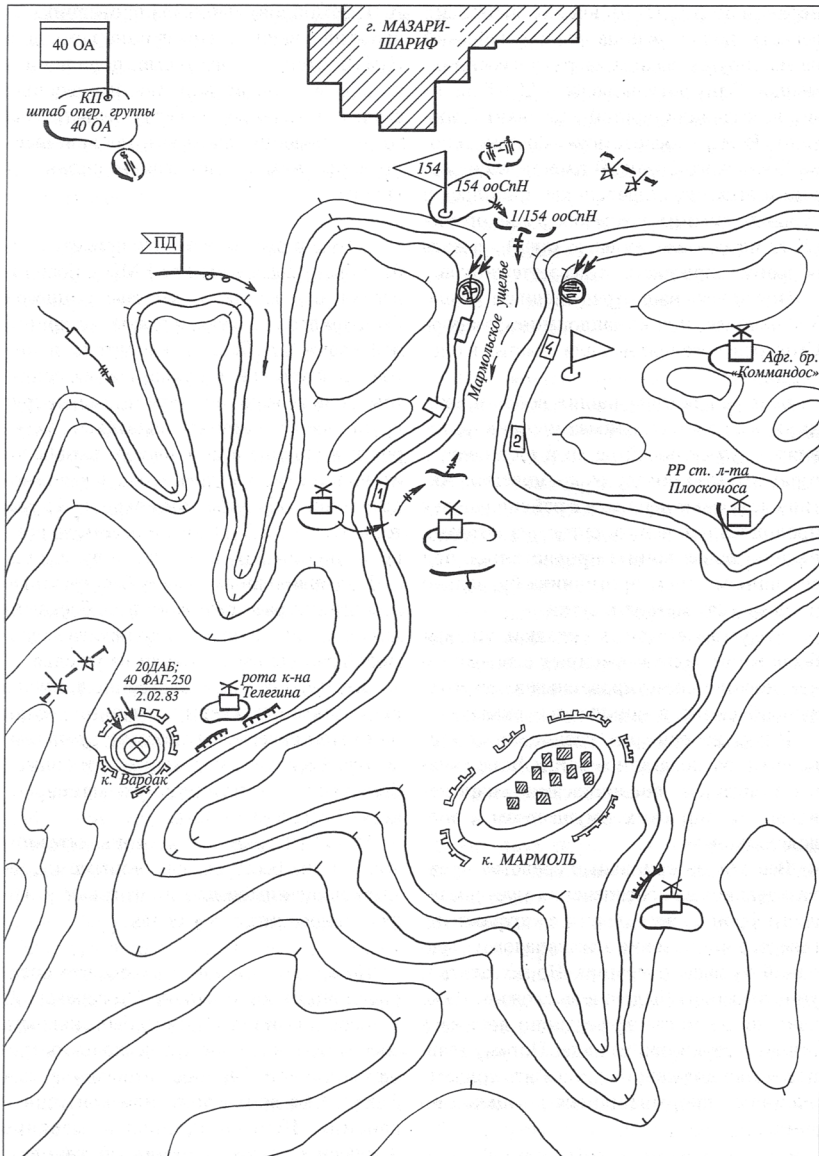

Схема действий в ходе армейской операции по уничтожению штаба Северного фронта моджахедов у кишлака Мармоль (февраль-март 1983 г.)

Через тридцать лет после операции в Мармольском ущелье генерал армии Ермаков В.Ф. и бывший руководитель операции генерал-майор Шевченко С.Н. возложили цветы к памятнику Маргелова В.Ф. в Днепропетровске. Фото 2013 г.

разделений этой бригады была организация передвижения транспортных колон Армии.

Я уже говорил о том, что согласно приказу командующего Армией после 16.00 запрещалось передвижение колон, они должны были становиться на ночлег, организовывая охрану. Вот и нас остановили с такой задачей. Я передал по радио взводному, чтоб он объяснил офицеру, что мы не транспортная колонна, а специально идём в ночь на боевую операцию, и что он сейчас находится в зоне нашей ответственности. Но старлей был непреклонен, и я приказал, сломав БМП-шкой шлагбаум, продолжить движение.

Дня через три к нам приехал, не помню уж кто из руководства КД бригады со своим оперуполномоченным особым отдела. Конфликт был решён в течение нескольких минут, тем более, что с ними прибыл начальник особого отдела Армии, который уже до приезда объяснил им кто, есть кто.

Мы заменили поломанный шлагбаум, а они обещали поднимать его по первому нашему требованию. Больше проблем у нас на дорогах не было, впрочем, как и вне дорог.

В провинции была только одна вооружённая сила, которая ходила и ездила в любом направлении, в любое время суток, когда хотела, и имя ей — 154 ооСпН.

В день Саурской революции, 26 апреля, мы организовали жителям Самангана сюрприз. О нём не знало и руководство провинции. В этот день в городе был большой праздник. С утра демонстрация, затем спортивные мероприятия. Мы играли с афганцами в волейбол, а в конце провели показательные выступления по рукопашному бою.

Вечером всё руководство отряда было приглашено к губернатору провинции на банкет. Вот во время банкета мы и преподнесли им сюрприз. Когда стемнело, я попросил всех выйти на улицу. К этому времени на окраине города уже развернулись две батареи, гаубичная и миномётная. По моей команде они сделали три залпа осветительными минами и снарядами. Одновременно с ними 30 человек сделали три пуска разноцветными реактивными патронами, в народе их просто называют ракетами. Город был освещён так, что можно было читать газету. Народ впервые видел фейерверк. В районе ответственности отряда была одна достопримечательность — радоновое озеро. Вода в нём была всегда около двадцати градусов. Это была наша отдушина, в летнее время мы часто ездили туда отдохнуть.

15 мая я убыл в Ташкент, в родное училище, для подготовки к поступлению в Академию имени М.В.Фрунзе. Здесь же после этого сдавал экзамены выездной комиссии Академии. Отсутствовал более полутора месяцев.

Прибыв в отряд буквально через месяц, убыл в отпуск. В Чирчике попал на день рождения своего бывшего подчиненного Валеры Якименко, он возвращался из отпуска. Я уже писал о том, что Валера в апреле 1982 года ушёл от нас на отдельную роту спецназа в Кабул.

Я поехал на Украину, а Валера в Афган. Спустя несколько дней он погиб.

Старший лейтенант Якименко Валерий Павлович, погиб 23.07.83 года при эвакуации разведгруппы из тыла противника.

Я был у его родителей в селе Андреевка Белгород-Днестровского района Одесской области в 1993 году. Но Валера похоронен не там, жена увезла и похоронила его на Урале. Жену понять можно, она его очень любила. Ну а старикам тяжело вдвойне, они не имеют возможности ходить на могилу сына.

Из отпуска я возвращался через Чирчик, все мы так делали, ведь у

нас там были квартиры. Вдруг меня срочно вызывают в бригаду. Прихожу к комбригу, приказывает немедленно явиться к начальнику штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанту Михайлову, что случилось, не горят. Какое-то «ЧП» в отряде.

Генерал принял меня спокойно, сказал, что поступила информация о том, что в отряде имеют место противоправные действия, и творится беззаконие. Что в отряде процветает мародёрство, и даже то, что наши офицеры на боевых операциях расстреливают неугодных солдат. Какой-то бред сивой кобылы. Михайлов разговаривал со мной не больше пяти минут. Сказал, что во всё это не верит, и мне надо срочно убывать в отряд во всё разобраться на месте. Тем более, что там уже работает начальник разведки округа полковник Таушанов. Разбираться мне не пришлось — когда я прибыл, он уже во всё разобрался.

Паскуды есть везде, и в офицерской среде тоже, хотя, конечно, поменьше, чем на гражданке, условия жизни другие. Так что же произошло?

В период, когда я, поступив в академию, вернулся в отряд. Из Чирчикской бригады приехал новый начальник штаба, не буду называть его фамилию, бог ему судья. Как я уже говорил, в состав бригады мы не входили, но им поручили нас курировать. И они периодически стали к нам кого-нибудь присылать.

Офицер оказался моим однокашником по училищу, мы учились в параллельных ротах, так что по вечерам у меня в комнате нам было о чём поговорить. После моего отъезда в отпуск и он уехал, увозя с собой, как оказалось, рапорт, о вопиющих нарушениях законности в отряде.

Мне не задал ни одного вопроса. И даже не смотрел документацию в штабе. Все «факты» ему довели два урода, которые и офицерами-то называться не могут. Один командир роты, моя вина, что он им стал. Я его назначил взамен офицера, убывшего в Союз. Как потом оказалось, страстный почитатель «зелёного змея». В моё отсутствие, в пьяном виде даже начальнику штаба отряда оружием угрожал. Второй замполит роты за два года поменял три роты, нигде в офицерском коллективе не уживался.

Так вот, когда я приехал, Таушанов собрал всех офицеров и, подняв этих двух погононосителей, сказал им в лицо всё, что думал о них. Они облили грязью нескольких офицеров отряда, а при разбирательстве оказалось, что сами они ничего не видели, а просто от кого-то слышали, но вот от кого — не помнят. Мне инкриминировалось то, что я скрыл гибель солдат при несчастных случаях.

Да, к сожалению, у нас были и так называемые небоевые потери.

Один солдат подорвался на нашей мине, которые стояли вокруг лагеря, это ещё в 1981 году, в Акче. Были погибшие при чистке оружия, при разряжании оружия после возвращения с операции, при баловстве с трофейным оружием. Один солдат умер от сердечного приступа, находясь в санчасти. И таких потерь было восемь человек. Это много. Но по каждому из этих случаев мной как командиром части были возбуждены уголовные дела и документы отправлены в прокуратуру. Но там дела закрывали, злого умысла нигде не было. И прокурор говорил, пусть воюют, в зоне легче, чем здесь. Так что этому проверяющему надо было просто зайти в строевую часть и попросить документы. Тогда не было бы этого идиотского рапорта.

Я до сих пор не могу понять, что этим двум особям надо было? Какую цель они преследовали? Офицеры отряда были возмущены до предела. Кто-то из замов, сейчас не помню, подошёл ко мне и сказал, что этих двух уродов нельзя больше пускать на боевые операции. Им до замены осталось месяца полтора, пусть сидят в лагере. Не дай бог, у кого-то из офицеров нервы не выдержат. Так изгоями они и уехали в Союз.

ПРОЩАЙ, АФГАН

В августе я уехал в академию, на сессию, она длилась около месяца. Так что с мая по сентябрь я был в отряде не более месяца. Бремя командования отрядом легло на плечи моего заместителя капитана Вячеслава Посохова. Из Афгана он заменился чуть раньше меня недели на две.

Но я был в курсе всего, что происходило в отряде, периодически получал подробные письма от Посохова В.Н. и начальника штаба отряда Ахметова Р.М., два из них я привожу ниже. Вот теперь я возвращаюсь к тем потерям, которые понёс отряд в период с мая по ноябрь 1983 года.

Первое: отрядом пытались латать дыры, возникавшие за пределами его ответственности.

Второе: задачи ставились на скорую руку, по принципу «Даёшь!», а дальше — как получится. Доскональная разведка района предстоящих действий не проводилась. Взаимодействия с соседями не организовывались или организовывались очень плохо. Никто не спрашивал с тех командиров, чьи подразделения не выполняли свои задачи. И в связи с этим отряд был вынужден работать за себя и за того парня, отсюда и лишние потери.

Ну и последнее, третье: руководили операциями люди, которых надо было во время посылать на, и делать своё дело. Но в боевой обстановке это сложно, можно загреметь под трибунал.

Когда я получал письма от ребят, было большое желание сорваться с места и поехать набить морду какому-нибудь подполковнику.

В начале ноября прилетел командир 15 обрСпН подполковник Стекольников и привёз с собой моего заместителя майора Алексеенко Василия Ивановича. Дня за два я сдал отряд. 5 ноября построили весь личный состав, я попрощался с людьми и со знаменем отряда. Вечером посидели в моём домике. Стекольников неплохо играл на баяне и пел, так что из Афгана я уезжал под песни комбрига. Поздно вечером все разошлись.

Уезжал я на следующий день, рано утром, в 4 часа. Отряд спал. К шести часам мы уже были на мосту. Я, попрощавшись с сопровождавшими ребятами, перешёл границу.

Чувства были смешанные. Наконец я буду дома с семьёй. Но там за речкой, оставался мой отряд, мои ребята. У них продолжались нелёгкие боевые будни, им надо реализовывать задачи, которые перед ними ставились командованием, и ближайшая — это план на ноябрь, который мы сами готовили, и который они уже будут выполнять без меня. Возникали ощущения человека, отставшего от поезда.

Не все из ребят вернуться домой. Там, за речкой, остался отрезок моей жизни длиной в два года, как я сейчас понимаю, мои лучшие офицерские годы.

Лет десять по ночам я продолжал воевать, мне снился Афган, а потом всё реже и реже.

В Термезском аэропорту билетов как всегда не было. Но получилось так, что вместе со мной улетал наш давний боевой соратник, командир танкового батальона 122 МСП, как раз того, что размещался под Шибарганом и откуда нам предавали танковый взвод. Мы с ним встретились в аэропорту. Фамилии его, к сожалению, не помню. Он вручил кассиру набор французских тарелок, и билеты сразу появились. В этот же день, 6 ноября 1983 года, я был дома. Закончилась моя афганская эпопея.

А ДЛЯ МЕНЯ НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ ТАК...¹

...25 сентября 1980 года у меня был двойной праздник — и день рождения, и выпуск молодых лейтенантов в Рязанском воздушно-десантном училище. Из 41 поступившего во 2 взвод 9 роты специального назначения нас осталось 27. Причины отсева были разными — большинство ушло во время КМБ (курса молодого бойца), поняв, что романтика — это одно, а будни тяжелее. Хотя ротный нас сразу предупредил: «Кто в небе видел парашют, не на конфетных фантиках, кого е...ли как вас е...т, тому не до романтики!». А кто так и не сумел избавиться от страха совершать прыжки, как Коля Нечепуренко — его, страшно упирающегося, с помутневшими глазами, мы вместе с выпускающим офицером выталкивали за борт, а на земле он спрашивал: «Ребята, правда, что я сегодня сам прыгнул?» Кто не сумел освоить язык — для будущего офицера-разведчика это был один из самых главных предметов — в дипломе моя специальность звучала как «Командно-тактическая разведка, референт-переводчик английского языка» (у остальных ребят был или немецкий, или французский, или китайский — в зависимости от предполагаемого ТВД — театра военных действий). Но вот все позади! По распределению на службу просился поближе к дому — в Вильяндискую ОБРСпн. Желание «учли» и направили в ТуркВО, Чирчикскую обрСпН.

Распределили меня в 1 роту, где сразу сдружился с закончившим на год раньше Ташкентское ВОКУ Олегом Частухиным. Все полевые занятия с нашими группами мы стали проводить вместе, мучили себя, но бойцам доставалось еще больше. Но та выносливость, те знания, полученные сол-

¹ Скирта Игорь Константинович родился 25 сентября 1958 г. Служил в Афганистане с 1981 по 1983 год в 154 отдельном отряде специального назначения, начальником разведки отряда и командиром группы. Принимал участие в боевых операциях отряда, награжден орденом Красной Звезды. Подполковник. Живет в Эстонии.

датами, те проверки на «силу духа», которые не найти ни в одном боевом Уставе, давали им почувствовать себя настоящими «рексами» спецназа. В Афгане мне потом очень не хватало именно таких подготовленных «рексов», а учить на войне — это всегда кровь... и слезы не «рексов» (и такое бывало), а их МАТЕРЕЙ.

Через год моего комбата подполковника Костенюка перевели в отдельный 154 оСПН, в народе его окрестили «мусульманский», после того, как в декабре 1979 года принимал участие в штурме дворца Амина. После выполнения этой задачи батальон вернулся в Чирчик. Комбат предложил мне должность начальника разведки батальона, я согласился.

Организация батальона сильно отличалась от «классических» отрядов спецназа — 1 и 2 роты были на БМП, 3 на БМД, 4 и 5 на БТР, 6 — авторота плюс взвод ЗСУ 23-4 «Шилка» и взвод связи. Это было подразделение, готовое автономно выполнять любые задачи. Во время прохождения проверок офицерам приходилось сдавать такой предмет как вождение БМП или БМД, но в училище, в отличие от основного, чисто десантного профиля, которые и «спали» в БМД, и получали дипломы инженеров по эксплуатации гусеничной и автотракторной техники. Так, мне за годы учебы удалось поводить БМД один раз на 2 курсе со снятыми траками! Не дай Бог, сожгли бы бортовые фрикционы! Вот и пришлось осваивать мне вождение БМП. Ничего, научился. Правда, при преодолении элемента трассы «мост» не предупредили, что оно выполняется на 2 передаче, а я въехал на 4! У БМП треснуло днище... спас меня — Афган!

В конце октября 1981 года получен сигнал боевой готовности номер «раз», началась загрузка боеприпасов в боевую технику, офицеры переведены на казарменное положение. Никто не говорил, куда нас собрались отправлять — кто помнит это смутное время, тому нет надобности напоминать, что смелые головы даже делали предположения о вводе войск в Польшу, где обстановка была накалена до предела. Думали — туда. Загрузка на платформы, через сутки мы ... в Термезе; вот тут всем стало все понятно. Недавно назначенный к нам комбат майор Игорь Стодеревский отдал боевой приказ на совершение марша к новому пункту дислокации отряда — Демократическая Республика Афганистан, провинция Джаузджан, 4 км юго-восточнее н.п. Акча. 29 октября 1981 года в 00 часов 15 минут моя БМП КШ (бортовой номер 02) по понтонной переправе Термез — Хайратон пересекла государственную границу СССР. Так начались мои пыльные афганские дороги...

Чувство страха присуще всем нормальным людям — это один из защитных видов человеческого организма. У десантников это чувство на-

тренировано гораздо лучше, чем у других — ведь совершение прыжков с парашютом — это тоже преодоление страха перед высотой — нормальное явление. Правда, не всем людям удастся преодолеть это чувство, я бы даже сказал, что степени преодоления страха у всех людей разные — ты можешь одно, а другое будет не под силу...

Не знаю, как у других, у меня страх приходил в Афгане позже, потом, когда все было позади уже в постели, в родной палатке ППД (пункта постоянной дислокации). Анализировал проведенные боевые операции, страх проникал в меня и заполнял все внутренности — а что, если бы не так... а так? При 60 градусной жаре тело покрывал омерзительный и холодный пот, а потом все проходило и опять начинало повторяться — а что если бы не так... а так... и опять потек...

Но большего страха, чем на второй день, когда мы прибыли в ППД, у меня не было за весь Афган. Прибыв на место, мы обнаружили, что четыре «Шилки» куда-то пропали, связи с ними нет. Комбат решает послать взвод Сергея Калмыкова на двух БМП на поиски. Я напросился вместе с ним в последнюю минуту, когда БМП уже начали движение. Запрыгнув внутрь через башенный люк, я согнал с места наводчика-оператора. Едем. Глупые мысли лезут в голову — а если засада? Меня ведь в училище обращаться с орудием БМД «Гром» и курсовым пулеметом ПКТ учили так же, как и водить БМД — стрельнули разок, и хватит переводить боеприпасы — вам это не пригодится... Спрашиваю бойца — «Стрелять умеешь?». Он обиженно — «А то!». «Ну, говорю, тогда меняемся местами». Сделать это было очень сложно: во-первых, теснота. Во-вторых, зимняя одежда. Однако поменялись, и я занял место у борта, между десантным отделением и местом командира. Едем дальше. Тут вижу через открытый люк огромное зарево и никаких подробностей, так как место лучшего обзора у меня нет, пихаю в спину сержанта — командир БМП — что видишь? А в ответ перепуганное лицо. Не издает ни звука, едем дальше... и тут такой силы удар, что выстрелы к орудию повыпадали из боеукладки, в десантном отделении «заработали» АКСу. Ну, думаю, это п...дец! Тут оператор стал вращать башней — я смотрю и потихоньку ох...ваю, так как выстрелы, что попадали из боеукладки, стали при вращении конвейера гнущься, и кусок моей куртки затянуло тоже в конвейер. Мне никуда не вылезти. Это полный конец, подумал я. Однако все неожиданно — закончилось. Стукнув по башке оператора, я показал, что он натворил, чем опять нарушил его способность говорить, ножом отрезал куртку и вылез наружу. То, что я увидел, заставило меня и рассмеяться, и набить кому-то морду — просто механик-водитель без опыта вождения не выдержал дистанции, и

мы врезались в Серегину БМП, когда он резко затормозил. В десантном отделении подумали, что это удар от выстрела, попавшего в нас РПГ, и открыли огонь на поражение. Зарыв огня оказался от горевшего бензовоза — во время марша он съехал в кювет. В Афгане если остановился, ты становишься прекрасной мишенью, поэтому бензовоз наши же и подожгли, чтобы не достался врагу. Тогда я заменил механика (не зря же тренировался!), нашли мы «Шилки» и пригнали их домой. Случай этот из памяти моей не стерся, правда, вспоминая его, ладошки не потеют, просто улыбаюсь

Бывший командир группы спецназа 154 ооСпН, полковник Сергей Дудко

происхождения, а у наших азиатов — русского. Например, по-таджикски «кино» — это «кино», а на местном — «синимо», от английского «cinema». Однако я совсем не удивлюсь, если сейчас в Афгане говорят американским рейнджерам непривычное им «fuck you», а «иди ты...» — именно в этом я и убедился. Только въехав в кишлак Акча, навстречу нам попался боец местного Царандоя (внутренние войска, или милиция по-нашему). Он широко развел в приветствии руки и выдал цитату, которая чуть не сбросила меня с брони... Все, я сразу понял, что афганцы по-настоящему братский народ, и переводчик мне уже не нужен!

В действительности я не раз потом еще убеждался, с какой непосредственностью дети вдоль центральных дорог щебетали по-русски, предлагая

На следующий день после прибытия в новый ГПД комбат отдает приказ: взять две БМД роты, водовозку на базе ГАЗ-66 и отправиться в Акчу, узнать возможное дальнейшее водоснабжение батальона. Я пошел к командиру 3 роты Олегу Частухину. Он получил должность ротного перед вводом отряда в Афган — все офицеры, кто был там в 1979, были заменены на новых, из бригады, а солдаты, участвовавшие в штурме дворца Амина, давно уволены в запас.

Доложил о приказе комбата и попросил в переводчики солдата-узбека или таджика. Дело в том, что север Афганистана полностью заселен узбеками и таджиками, поэтому пушту здесь услышать редкость. Отличие языков лишь в том, что современные слова у них английского

купить то жвачки, то презервативы, просили дать бакшиш (подарок). Воду я привез, а впечатлений еще больше!

ДЕНЬ, КОГДА УМЕРЛИ ЖАЛОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ

Проводили нас в Афгане батальон 56 ДШБр, который ушел от нас на третий день на свою базу в Кундуз. Мы провели с ними несколько зачисток и блокировок кишлаков, ребята показали нам, как в принципе это делается. Вот и остались мы одни — сильные духом, но совсем без опыта.

Где-то на 5-6 день пришло распоряжение на сопровождение афганской транспортной колонны с продовольствием по маршруту Мазари-Шариф — Шиберган. Никто из нас не знал, что такая колонна из 100-120 машин может растягиваться на десятки километров — это не наши транспортники, познавшие на себе цену остановок — они гнали колонны на максимальной скорости для сопровождающих их БТРов, а ломающиеся машины немедленно сбрасывались с дороги и уничтожались — лучше потерять одну машину, чем остановить колонну и погибнуть всем.

Афганцы же машин не бросали — чинили, цепляли на буксир, что и способствовало громадным разрывам. Комбат, не зная всего этого, выделил два БТРа 5 роты со старшим лейтенантом Слепцовым. Он же и на месте определил первый БТР в голову колонны, а сам пошел в замыкании. Колонна растянулась так, что связь между БТРами потерялась. Слепцов попал в засаду. Узнали мы об этом слишком поздно — высланная помощь на месте обнаружила на месте сожженный БТР, трупы 7 бойцов и офицера. Когда ребят привезли в батальон, их положили в ряд. Комбат построил всех для последних почестей. Сняв головные уборы, 500 солдат и офицеров батальона в колонну по одному прошли мимо Героев — они приняли бой, но удача была не на их стороне. Проходя мимо них, каждый думал о чем-то о своем — у меня в голове страха оказаться на их месте не было — необъятное желание отомстить засело у меня в голове. Я сейчас осознаю, что комбат сделал очень сильный психологический ход — затем было много операций, но пленных мы не брали, только если специально приказывали — взять одного, то брали одного, не больше.

У НАС ВНУТРИ ВСЕ УМЕРЛО. МЫ СТАЛИ МАШИНАМИ СМЕРТИ...

P.S. После недельного тяжелого преследования банда была уничтожена — ребята отмицены...

Вот уже и декабрь 1981 года. Время летит стремительно, мы начинаем осваиваться и потихоньку набираться боевого опыта, однако хороших результатов пока не было. Очередное распоряжение из штаба Армии пришло неожиданно — необходимо было уничтожить базу и центр подготовки мятежников в н.п. Джар-Кудук, это северно-западнее Афганистана, совсем рядом с иранской границей. Для выполнения задачи отряд вышел в полном составе, ППД осталась для охраны лишь 6 транспортной роты — в капо-ниры по периметру батальона, где обычно стояли БМП, они загнали свои ЗИЛ-131, на кузова установили бревна — ну гаубицы получились, да и только!

Встали лагерем в 50 км от кишлака. Так как база была сильно укреп-лена, решили немного перехитрить духов — по замыслу операции вся тех-ника пошла своим ходом, но только с механиками-водителями и оператора-ми орудий, а остальные были разделены на группы по 15-20 человек и рассажены на борта прилетевших Ми-8 (я никогда в жизни не видел такого количества вертолетов сразу). В одну вертушку Ми-6 была погружена БМД 3 роты. Итак, операция началась. Техника начала выдвигание рань-ше, и духи, подумав, что это основные силы, вышли к дороге для организа-ции засады, оголив при этом свои позиции вокруг базы, которые были очень выгодными для обороняющихся с тактической точки зрения — киш-лак находился в долине между сопок, на которых по периметру были вы-рыты окопы в полный профиль, оборудованы огневые гнезда ДШК, опор-ные пункты.

По мере приближения техники в объекту полк бомбардировочной авиа-ции нанес мощный бомбово-штурмовой удар по позициям духов и кишлаку, затем нас вертушки высадили прямо на окопы духов, в пыль, не успевшую осесть пыль от бомбового удара.

Духи отошли от шока быстро — сказала хорошая подготовка, нали-чие пакистанских и китайских наемников — поперли на нас в атаку. Да хрен там! Выгодные позиции были теперь у нас, кинжальным броском мы вытеснили духов вниз к кишлаку. Наступило затишье, как вскоре оказа-лось, временное. И тут надо было комбату рассмотреть в бинокль на окра-ине кишлака замаскированный БРДМ: «Скирта, быстро бери группу и вперед, захватить эту «телегу!»» Взяв трех бойцов с КП полезли вниз, но уже за первым дувалом нас встретил такой прицельный огонь, что, завалив одного духа, даже не смог забрать его БУР! Пришлось дать команду на отход. Комбат не обиделся — в бинокль он все видел.

К вечеру подошла техника и батальон пехоты, усиленный батареей ГРАД. Батарея гаубиц Д-30 и танковая рота встали по периметру. Насту-

пила ночь, но у нас было светло — на высоте постоянно кружил Ан-12 и сбрасывал САБы (световые авиационные бомбы). Артиллерия и танки методично, квадрат за квадратом, долбили по кишлаку. За ночь духи несколько раз ходили на прорыв, но очень немногим удалось вырваться из кольца...

Утром были сформированы штурмовые группы, определены сектора действий, и одновременно все пошло на штурм. Я возглавил группу из 5 человек — помощником капитан, парторг отряда Виктор Шуман, три бойца и я. Сопrotивлялись духи отчаянно — с боем приходилось брать каждый дом, каждый дувал. По мере того, как мы били духов, росли трофеи — нельзя же оставлять оружие на поле боя. Но когда на мне и остальных оказалось по пять единиц оружия (АК, винтовки), маневренность группы упала... Но смекалка не подвела — тут мы увидели, как по кишлаку с диким ревом мечутся обезумевшие от этого ада ишаки. Я приказал бойцам отловить двух красавцев, загрузили их оружием, правда, одного бойца пришлось назначить погонщиком, но зато мобильность группы была восстановлена! Так и двигались вперед — количество ишаков в караване постоянно росло, да и все было бы хорошо, если бы не этот проклятый трактор... Новенький МТЗ стоял за одним из дувалов. Не оставить врагу ничего было делом принципа. Достав из РД (рюкзак десантника) СЗ (сосредоточенный заряд), я быстренько установил его на блок двигателя... Со взрывом заряда взорвался и эфир: «Какой мудака взорвал трактор?», — гремел голос комбата. «Чимган» (позывной комбата), я «Компас» (мой позывной), моя работа! Он: «Компас», ты когда думать научишься? На чем мы весной огород в ППД вскапывать будем? Тебя старшим назначу!» Спасло меня то, что буквально в 200 метрах от меня взлетело на воздух одновременно две «Тойоты» — не знаю, что комбат собирался вспахать на них, но меня оставил в покое и переключился на других. Правда, сразу центральнo прошел приказ, куда сгонять трофейную технику.

В центре кишлака встретили группу, которой командовал Олег Частухин, стали действовать вместе. Здесь Олег спас мне жизнь — ворвавшись первым в один из домов, я с ходу завалил духа у задней стенки, не обратив внимания, что за закрывавшейся дверью остался еще один — выстрелом в упор в голову уже целевшегося в меня духа обезвредил Олег. Голова духа лопнула, как мыльный пузырь, а мы оказались измазанными кровью и серым веществом мозга... Действуя совместно с Олегом, мы взяли кассу Мусульманского комитета, однако до Кабула эти миллионы не долетели, долго корили себя, что часть не оставили себе. Ну а моя группа дала неплохой результат — 43 правоверных было отправлено к Аллаху, захваче-

но 95 единиц стрелкового оружия, 2 склада с продовольствием, склад с ВВ и СВ, склад с формой Царандоя, автомобили ГАЗ-66 и ЗИЛ-131. БРДМ захватил кто-то другой из командиров групп. Общий результат отряда составил: 650 уничтоженных мятежников, 3 ДШК, около 850 стрелкового оружия, 1 БРДМ, 5 автомобилей, 2 радиостанции, огромное количество мин различных типов, ВВ и СВ.

За эту операцию наиболее отличившиеся были представлены к наградам Родины — в моей группе все солдаты были награждены медалями «За отвагу», Виктор Шуман орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени, я — орденом Красная Звезда.

Хоть и не спецназовское это дело штурмовать базы, но мы доказали, что все задачи для нас по плечу!

P.S. В этом боевом выходе наши ребята из 1 роты взяли в плен инструктора-китайца. Когда его привязали к дереву, бойцы, думая, если китаец, значит каратмен, попробовали, как он держит удары. Когда китаезу передали нашим ГБистам для допроса, те привели его через полчаса обратно — «Он не говорит!». «Так в чем дело — мы вам поможем сделать его разговорчивым!» — предложили мы. «Ему поможет только хирург — вы ему горло перебили», — ответили ГБисты — «Забирайте его в ХАД, он нам такой не нужен!». «Не нужен, так подарим вертолетчику!» — решил комбат. Делая, как обычно, прощальный круг по «ромашке» (радиостанция для связи вертолет-земля), летчики «запросили» у нас, какова безопасная высота для совершения прыжков, мы без задней мысли ответили, что 200 метров. Свободный полет длился 7 секунд, зато он стал десантником, по-мартно, правда...

КОНЕЦ БАНДЫ АШРАФА

...За успешную боевую операцию по уничтожению банды Ашрафа орденом Красной Звезды был награждён и командир 3 роты спецназа старший л-т Ахметов Равиль Мусаевич, уроженец Свердловска (Екатеринбург). В том же незабвенном марте, когда две роты отряда выбивали банду из укрепрайона, рота Ахметова зашла им в тыл и, находясь в засаде, уничтожила противника при отходе. О том, что наши воины поддерживались простым населением, ярко свидетельствует тот факт, что в связи с этой победой «шурави» в провинции Саманган был большой праздник. Местные жители дарили советским воинам цветы. В Кишлаке Кули-Ишан на площади для всеобщего обозрения выложили трупы убитых в боях бандитов. Много добрых слов из уст простых декхан в свой адрес услышали наши воины. Здесь же от афганцев узнали, что Ашраф был зверем в человечес-

ком обличье, что он не жалел никого и лично убил более 60 мирных жителей провинции.

Мне, как непосредственному участнику вышеуказанных событий, разрешите вести некоторые дополнения и рассказать поподробнее.

9 октября 1982 года наш отряд дислоцируется в новом месте — провинция Саманган, 5 км северо-западнее н.п. Айбак. Перст комбата ткнулся в карту, и он произнес риторическое «здесь» — под пальцем оказался кишлак под названием Кули-Ишан. Иногда такие операции — профилактические, без всяких подтвержденных разведанных, давали результаты.

В тот раз решили выбрать тактику америкосов — «Молот и наковальня», для чего 3 рота под командованием ст.лейтенанта Влада Маркушева совершила скрытый марш ночью 10-15 км и заняла позиции в засаде между кишлаком и вероятными путями отхода духов в горы. Утром следующего дня 4 рота Олега Частухина с 1 ротой Самойлова и приданным им батальоном «зеленых» (так мы называли братьев по оружию) с ревом и пылью стала блокировать кишлак, оставляя только путь в горы — в нашу засаду. Общими действиями руководил ЮО НШ батальона ст.л-нт Ахметов (Сергея Ершов уехал поступать в Академию Фрунзе). Вначале духи не приняли бой и стали отходить в горы, но, напоровшись на засаду и потеряв 7 человек, вернулись в кишлак, где тактически выгоднее было отражать атаку. Оставив технику, мы спешили, разделились на группы и пошли сжимать кольцо. Моей группе досталось направление вдоль русла реки, которая делила кишлак на две части — у нее были высокие и отвесные берега — 4-5 м высотой. Бой завязался сразу — у «зеленых» вспыхнул БТР — не зря гранатометчика Ашрафа прозвали «Софи-ракет» — точный глаз, а ведь бил метров с 400.

Вот и мы напоролась на духа — расстреляв полмагазина, я приказал сержанту Абушахмину продолжать состязаться в точности огня с духом, а сам с помощью радиста Акбарова и с-та Кравченко влез наверх, прополз эти 80 метров и завалил духа, так сильно увлекшегося стрельбой с моим сержантом. Сполз назад, и опять вперед: в голове группы — сержанты и я, замыкающий — радист. В береге русла реки была масса пещер, где свободно могли укрыться духи, поэтому, пока не закончились гранаты, закидывали в них Ф-1, но гранаты скоро кончились. И тут слышим свист. Развернувшись с радистом назад, смотрим, свистят из стоявшей наверху БМП и машут руками (как потом сказали пацаны, не могли сами стрелять, так как близко от нас ОН был). И тут выскочило это чудо природы — из-за поворота с 3-4 метров от бедра дух дал очередь. Я не мог стрелять, находясь за радистом, но Акбаров не растерялся и очередью свалил духа. Сделали остановку на перекур, говорю радисту: «Давай связь — «Компас»

«взял» еще один АК», — а он в ответ: «Товарищ ст.л-нт, станция не работает!». Осмотрели станцию, а в ней два пулевых отверстия. Примерил станцию на себя — радист стоял ко мне перпендикулярно — одна пуля была бы в груди, другая в животе. Сел на труп духа, выкурил еще одну сигарету. Спасло нас еще то, что у духа был АК китайского производства — после короткой очереди его заклинило.

В тот раз мы хорошо поработали — группа уничтожила 7 духов, добыла 5 АК, 1 пулемет БРНО, вместе с группой ст.л-нта Рината Муртазина ПЕРВЫЙ за всю историю РПГ-7, комбат давно обещал Красное Знамя (орден) за это. Все вместе мы уничтожили более 30 духов, в том числе и главаря Ашрафа, много АК, целых 3 РПГ-7, карабины, пистолеты. Радиста Акбарова, спасшего жизнь командира группы, наградили орденом Красной Звезды, оба сержанта были награждены медалями «За отвагу», Ринат вместо обещанного Знамени получил орден Красной Звезды, за общее руководство удачной операцией Ахметова наградила орденом Красной Звезды, ну а меня... А меня угораздило где-то за 2 недели до этого «залететь» в командировку в Кабуле (ездил за наградами для отряда) вместе с однокашником, командиром РГСпн Кабульской роты Спн Вале́й Ганчуком — нас глупо повязали в дукане, а там с этим было строго. НШ Армии объявил нам по 10 суток ареста и «вдул» начальника разведки Армии — нашего прямого шефа. Ну а тот, как увидел наградной лист на меня, так, говорят, чуть ногами не затоптал от бешенства — разорвал мой наградной на мелкие кусочки. Видно, крепко его вздрючили за нас с Вале́й. Обидно, конечно, но не в орденах счастье — я знал — в меня бойцы верили, и это самое главное! А не все орденосцы могли этим похвастать.

ОБ ОФИЦЕРСКОЙ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ

9 августа 1983 года я, командир дежурной группы — да, моя звезда в Афгане «закатилась», и жизнь, как говорят военные, пошла на «конус» — грудь для орденов все уже, задница для пинков все шире. А все из-за того, что верил, да и сейчас, несмотря ни на что, верю в офицерское братство, но в семье не без уродов.

Оставаясь в декабре предыдущего года «за главного» — комбат и НШ куда-то уехали, и надо именно в этот момент приехал ст.л-нт, узбек, автомобилист — сказал, что отстал от колонны, которая наверняка уже пересекла границу СССР. А с ним боец, которого надо занести в паспорт (в то время существовало правило, по которому загранпаспорта были лишь у офицеров и прапорщиков, солдат вписывали на отпечатываемые дополнительно вкладыши, что, например, по паспорту такому-то с таким-то следует

рядовой такой-то, и заверялся он печатью). Ну как я не мог не поверить офицеру? Поверил, оформил... Как оказалось, он решил дезертировать, и не один, а прихватив с собой родственника-бойца. Вкладыши остаются на границе, по номеру части не составило труда вычислить пособника дезертиров. Что тут началось! Приехал дознаватель из штаба Армии, допросы, угрозы выгнать из армии или отправить в пехоту... Самое интересное — я в этом уверен, что судьба подставила именно меня — был бы комбат, он поступил бы так же — это был не первый случай, но выбор пал на меня,

И вот август 1983 года и я командир дежурной группы от 4 роты, вместо меня стал начальником разведки ст.л-нт Иванов, а я принял его группу в роте Олега Частухина. С одной стороны, может, это судьба — ведь будучи начальником разведки, мне приходилось участвовать практически во всех операциях отряда, а теперь только когда принимала участие рота, или редкие засады 3-4 раза в месяц, так как существовала очередь — в засады ходили взводные 1-4 рот хоть и каждый день, но нас было много. Дежурство означало, что мой взвод находился в 5 минутной готовности — если где-то с кем-то беда в районе ответственности батальона, дежурный взвод выезжал на помощь и принимал на месте решение о дополнительных силах, если того требовала обстановка.

Но вот, как в песне, «взлетела красная ракета» — для меня это сигнал к бою, значит, где-то беда, кто-то нуждается в нашей помощи. Если ракета — это означало, что весь батальон приводят в боевую готовность «раз», значит, что-то серьезное. Уточняя задачу — напротив нас высота с отметкой 2807,2. Пехотный взвод из расположенного в Айбаке батальона вышел на горную подготовку, попал в засаду, несет потери, пехотный комбат попросил помощи. Ротный запрыгнул ко мне в БТР, и мы рванули к подножью горы, расположенной в 3-4 км от нашего ППД. Доехав до места, куда могли въехать наши БТРы, мы спешились и разделились с Олегом на две группы по 7 бойцов в каждой. Стали подниматься, через час подъема духи заметили нас и стали тоже очень активно обстреливать. Прикрывая друг друга, все же лезем вверх, а что такое лазить по горам без снаряжения, когда страховка — это выбранные тобой 3 точки опоры, стрелять не можешь — а по тебе лупят от души с отяжкой. Ну тут смотрим, батальон внизу нас спешился, хоть мы и на 1 км выше них, думаем — духи тоже не дураки — тоже глаза есть — пора отходить, да хрен там, решили на наших группах отыгаться — стрельба как в тире. Гляжу — мама родная — 2 борта МИ-8 подходит, ну, думаю, живем! Сейчас поддержат огоньком! По «ромашке» выхожу на связь с ведущим вертолетчиков, обозначаю себя дымом — 100 метров выше — духи, давай работай! Тот:

«Понял, вижу, захожу на боевой!». Залп, и я что-то не понял — НУРСы начинают рваться ниже меня по склону, приближаясь ко мне. Затем какая-то сила перевернула меня вверх ногами и бросила вперед на скалы.

Когда пыль развеялась, сплюнул песок, забивший рот, услышал постанывания бойцов — из 7 человек 4 раненых, правда, легко, но дальше воевать не могут. Эвакуирую их самостоятельно вниз, по «ромашке»: «Пламенный привет мамам вертолетчиков!» и далее, чтоб они убирались, не дождавшись нашей встречи на земле. Посоветовался с Олегом — он был ниже, и его не зацепило, он принимает решение лезть дальше. Почти на вершине в небольшой лощинке нашли полностью деморализованных пехотинцев и совсем молоденького лейтенантика — видно 1-2 месяца после училища — он плакал и ничего не понимал. Олег от души вмазал ему по морде, что немного привело парня в чувство, и он стал просить спустить его вниз. Олег дал мне команду с пулеметчиком Кабинкой и разведчиком Аверьяновым занять господствующую высоту и держаться, пока он не организует эвакуацию пехоты. Поднявшись еще на 100 метров выше, в камнях вершины заняли позиции, духи весь огонь перенесли на нас. Камень, за которым я лежал, стал шевелиться от попадавших в него пуль; вскрикнул в метре от меня Аверьянов — его ранило в ногу, а вторая пуля, попав в автомат, вырвала его из рук и выбросила наружу — вперед от нашего укрытия. Аверьянов засунул руку в карман штанов, достал ложку и завопил: «Ну, суки, ложку испортили!». С этим «сувениром» он и уехал после госпиталя на дембель — пуля пробила ложку, но оболочка осталась в ней, только стальной сердечник проник в кость — его вытащили в госпитале магнитом. Меня же мучила больше мысль, как достать его автомат, а не ложка. О том, чтобы оставить оружие врагу, я не думал, под трибунал идти не хотелось. Голова в таких ситуациях работает четко — прокрутил даже такой вариант: завтра, 10 августа, у моей мамы день рождения, так что «если что», похоронка придет позже. Не знаю, как я это сделал, только неведомые силы подняли, перенесли меня и вернули назад с автоматом. Взвалив Аверьянова на себя, вернулся к Олегу, чем очень его рассердил — он еще не успел всех отправить вниз. Пришлось и мне впрягаться в четверку для эвакуации трупа пехотинца. Кто был в горах, тот знает, что подниматься гораздо легче, чем спускаться. Все шли на пределе — ну кому в здравом уме может прийти мысль: ранило бы меня, только легко, в мякоть, чтоб тащил не я, а меня ... Отдых в горах мне не предлагайте, даже бесплатно в австрийских Альпах — горный адреналин вытек из меня полностью и целиком на высоте с отметкой 2807,2...

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЫХОД ПОД ГАРДЕЗОМ!

Середина сентября 1983 года. Наконец-то началась долгожданная замена, уже несколько офицеров уехали, и каждый прилет вертолета ожидаешь с нетерпением — вдруг прилетит твой заменик — а он все не летит, зараза, зато «прилетел» приказ — 4 роте совершить марш в н.п. Гардез для проведения спецмероприятий в этом районе. Но посмотрите на карту! Чья-то «умная» голова решила прогнать нас через весь Афган своим ходом вместо того, чтобы вертолетами с большей безопасностью перебросить в заданный район. Но приказ есть приказ. Комбат усилил роту тремя БМП-2 первой роты, командир группы Николай Меркулов, и «таблеткой» — медицинской эвакуационной машины на базе МТЛБ с двумя хирургами — старшим лейтенантом Бегишевым и его замеником, лейтенантом, только что закончившим Ленинградскую медакадемию. За двое суток удачно прошли без боев Саланг и вышли к Кабулу. Хотели и дальше идти сами по «дороге смерти», как ее звали, Кабул — Гардез, но комендантский пост остановил нас и предупредил, что хоть мы и спецназ, но одних нас не пустят — нужно ждать попутную колонну. Старший группы — капитан Посохов, ЗКБ, решил ждать. Очень скоро пришла колонна «наливников» — где-то 30 КАМАЗов, и в сопровождении группы Кабульских десантников мы тронулись с Богом.

Описывать этот ужас не буду, приведу лишь цифры — за полдороги духи сожгли 12 «наливников», десантура потеряла 2 БТРа. После н.п. Бараки мы решили двигаться сами, но напрасно — отъехав на 2-3 км, «таблетка» наехала на контактный фугас — взрыв огромной силы переворачивает МТЛБ и разрывает ее изнутри, как консервную банку — оба офицера и механик-водитель погибают на месте, придавленные бортом МТЛБ. Сержант-фельдшер с оторванной рукой еще жив, мы с трудом освобождаем его из-под машины и с прилетевшим вертолетом эвакуируем его в госпиталь, где на следующий день он умер от потери крови. Посохов решает оставить «гусеницы» — группу Меркулова в Бараках, т.к. местные десантники сказали, что на гусеницах ездить очень опасно — у духов вошло в моду ставить контактные фугасы, которые срабатывают именно от замыкания гусеницами. Продолжаем движение лишь на БТРах, и через сутки мы в Гардезе; встали лагерем в ППД 56 ДШБ — они тоже поменили ППД. Из Кундуза их бросили в Гардез — знамение? — начинать и заканчивать Афган вместе с теми же! Выйдя на связь со своим батальоном, Виктор Шуман (парторг, он тоже был с нами), узнает, что ему пришла замена — на вертолет и домой, все, отвоевался, Виктор! С ним я еще встречусь в Вильянди, он там тоже будет парторгом.

Мы же начинаем готовиться к БД в новых условиях — Гардез распо-

ложен на высоте более 3 км над уровнем моря, и с непривычки тяжело — не хватает воздуха и устаешь гораздо быстрее. За 3 дня прошли «акклиматизацию» — столько отпустил нам штаб Армии, и тут бежит старший лейтенант Домрачев Вовка — «Игорь! Тебя заменик в бате ждет!». Я к Посохову: «Слава, все, отвоевался, отправляй домой!». А он: «Ни хрена! Вот выведешь в засаду Некрасова — лейтенанта, только что прибывшего к нам на замену Калмыкову — вот тогда и поедешь». Я лишь заскрежетал зубами от такой несправедливости. Ну вот и наш выход — получил задачу на разведку караванных троп — точка в 10 км от Пакистанской границы. Вертолет, сделав несколько ложных посадок, оставляет нас в предгорьях в наступающей ночи. Ох уж эти долбаные горы! Всю ночь карабкались по ним то вверх, то вниз — назначил старшего тыльным дозора Некрасова — казалось — иди за мной и все, так нет, он умудрился у меня потеряться! Связь в горах такая, что перевалил за хребет, и все — нет ее. Не знаю, водились ли там вороны, но то, что они вообще-то по ночам не каркают — это точно. А вот под Гардезом каркали полночи. Так вот, не мог же я просто орать: «Некрасов, мудааааааааак, ты гдееееееее?!». Нашли, однако времени потеряли уйму. За ночь выйти на точку не успевал. Дал команду оборудовать засаду — обложились камнями, натянули сверху палатку, стали ждать рассвета. Лучше бы не рассветало — с первыми лучами солнца я понял, что позиция у нас — хреновей не бывает: со всех сторон превосходящие вершины. Осталось уповать на волю Всевышнего. Заметив посадку вертолета, духи вышли на поиски группы — для этого использовался простой способ — чабаны широкой полосой выгоняли овец в горы и прочесывали таким образом местность. Обнаружив группу, сбрасывали условным сигналом информацию и тогда выдвигались в район группы ликвидации. Стадо баранов, что вышло на нас, вернулось в кишлак без чабана, но это тоже сигнал о пребывании группы именно здесь. Времени у меня было в обрез, но тут ура! — засек внизу караван — даю на базу данные, получаю «добро» спускаться вниз ждать «вертушку» и уничтожить караван. Спустился и прождал борта 3-4 часа, за это время караван растворился в горах. Нас вернули в ППД, еще раз вышла группа Сани Андиферова, он забил трактор и трех духов, а затем 56 ДШБ «влетела» так, что все борта стали работать только на них. Нам дали приказ возвращаться.

Домой вернулись без приключений — но цена этого выхода! Вам судить, читатель: 23 сентября был «дома» — сдал технику и бойцов заменику — можно и домой, но 25-го ведь у меня юбилей — 25 лет! Как не встретить его с теми, с кем стал братьями! Границу СССР, уже по новому мосту «Дружбы» я пересек 29 сентября 1983 года, сплюнув через левое плечо три раза. Прощай, Афган, но знаю, что частичка меня осталась там, за речкой...

ГЛАВА 6

ХРОНИКА 1984 ГОДА

1984-1985 годы стали периодом максимальной интенсификации боевых действий в Афганистане. По существу, ОКСВ оказался втянутым в полномасштабную гражданскую войну, развернувшуюся на всей территории страны. Политическое и военное руководство СССР ставило перед советскими войсками две задачи: совместно с правительственной армией Афганистана разгромить крупные вооруженные формирования мятежников в базовых районах и оказать содействие Кабулу в укреплении органов государственной власти на местах. Эти задачи не были легкими, учитывая то обстоятельство, что полное уничтожения вооруженных формирований мятежников достигчь в большинстве случаев не удавалось, а насаждаемые органы власти быстро ликвидировались моджахедами. К тому же лидеры мятежников, понимая, что захват власти вооруженным путем в данной ситуации невозможен, стали применять тактику затягивания войны.

В военной истории 1984 года нужно отметить операции в провинциях Парван, Каписа, Кабул, Лагман (февраль-март). Ввиду партизанского характера действий противника, а также серьезных просчетов далеко не все операции достигли цели. Среди компетентных военно-политических кругов СССР росло понимание бесперспективности дальнейшего выполнения нашими войсками полицейских функций в Афганистане.

Характерным примером этого стала докладная записка, подготовленная на имя Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко ответственным сотрудником Главного политического управления генералом Л.Шершневым, где констатировалось, что ситуация для ограниченного контингента советских войск непрерывно ухудшается, а противник, наоборот, укрепляет свои позиции. «Операции приобрели характер полицейских карательных мер, — писал Шершнев, — в результате мы втянулись в войну с народом, а она бесперспективна. Антигуманные действия советских войск в отношении местного населения носят массовый и систематический характер и проявляются в грабежах, неоправданном и необоснованном применении оружия, разрушении жилищ, осквернении мечетей»... Но объективная информация была доступна только очень узкому кругу лиц. В средствах массовой информации СССР события в ДРА продолжали замалчиваться, а присутствие войск подавалось исключительно как гуманитарная миссия.

Год стал самым трагичным по количеству понесенных нашими войсками потерь — погибло 2343 солдата и офицера. В том числе 107 спецназовцев (48 человек из 154 ооСпН. 23 марта утонули в реке Кабул и считаются без вести пропавшими: лейтенант Овчаренко Сергей Васильевич, мл. с-нт Олейников Юрий Николаевич, рядовой Белицкий Виктор Павлович).

О СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ «ЗАВЕСА»

С приходом на политическую арену М.Горбачева начался новый этап эскалации боевых действий. С этого времени основной задачей спецназа стала «караванная» война. Проблема караванов всегда вызывала озабоченность советского командования. Чтобы ее решить, прибегали к разным способам: минировали границу; наносили бомбо-штурмовые удары по предполагаемым местам стоянок караванов; совершали облеты больших участков приграничных территорий на вертолетах; совершали дерзкие налеты и рейды. Исламские партизаны, чтобы избежать потери караванов, стали прибегать к тактическому приему: сразу же после перехода афганской границы караван разгружался, товар передавался в течение суток людям из отрядов оппозиции и перегружался на несколько маленьких караванов, которые перевозили оружие и боеприпасы вглубь страны.

С весны 1984 г. ведение засадных действий было упорядочено приказом командующего 40 ОА. Согласно которому была введена в действие система «Завеса», когда всем соединениям и частям определялись полосы засадных действий, а отрядам спецназа — зоны разведывательно-боевых действий. В системе «Завеса» в 1984 году боевые действия вели 11 линейных батальонов, 3 разведывательных батальона, 3 батальона спецназа (к имеющимся 154 и 177 ооСпН, в начале 1984г. в Афганистан введен 173 ооСпН), 1 отдельная рота СпН, 11 разведывательных рот и 60 взводов, т.е. 33 расчетных батальона, способных одновременно выставить 180 засад. Реально же ежедневно выставлялось не более 30-40 засад.

Опыт боевых действий в Афганистане убедительно показал, что в советских вооруженных силах накануне вторжения в эту страну не существовало подразделений, предназначенных исключительно для ведения антипартизанской войны. Это лишний раз доказывает, что при планировании операции по вводу войск Генеральный штаб сделал довольно поверхностный прогноз дальнейшего развития событий в Афганистане. По всей видимости, вооруженная оппозиция в лице моджахедов не воспринималась как серьезный противник. Только столкнувшись с мощью джихада, советское командование кардинально изменило свою первоначальную точку зрения.

Функции специальных антипартизанских подразделений были возложены на спецназ, который изначально имел совершенно иное предназначение.

Парадокс ситуации заключался еще и в том, что настольными книгами моджахедов были пособия, написанные на основе лекционных материалов и воспоминаний таких признанных мастеров партизанской войны, как Вершигора, Медведев и Федоров, прославившихся во время Второй мировой войны. А командирам - спецназовцам нашей бригады пришлось досконально изучать немецкие наставления по борьбе с советскими партизанами. В определенной мере спецназу на себе пришлось испытать богатый опыт отечественных партизан — творчески переработанный и приспособленный к азиатским условиям.

Части спецназначения довольно быстро превратились в эффективную силу, которая противостояла моджахедам. Однако и спецназовцам, за спинами которых была целая армия, усиленная большим количеством авиации, не удалось нанести решительное поражение исламским партизанам. В Афганистане повторилась ситуация, в которую попадали в разное время наполеоновские войска в Испании, немецкие — в России и Югославии, американские — во Вьетнаме. Подавить партизанское движение, имеющее широкое признание и поддержку среди местного населения, практически невозможно. Операции, проведенные нашим спецназом против моджахедов, достойны глубокого изучения в стенах военной академии.

Непросто нарабатывался боевой опыт в этой напряженной вооруженной борьбе и 154 отрядом, сменившим 6 ноября 1983 г. командира. Майор Стодеревский И.Ю. в присутствии командира бригады полковника Стекольников А.М. сдал отряд новичку майору Олексенко Василию Ивановичу, которому, к сожалению, не довелось командовать частью долго. Через три месяца за серьезные недостатки, вскрытые в период передислокации отряда на новое место, а также гибели 6 военнослужащих командира и его замполита сняли с должностей.

Колесник В.В.: «В 1984 году отряд переведён в Джелалабад. С этого момента он приступил к выполнению специальных задач в зоне определенной ему ответственности».

МАРШ ОТРЯДА В ДЖЕЛАЛАБАД

Приказ о передислокации отряда в новый район пришел в часть неожиданно. Переезд из Айбака в Джелалабад состоялся в самое трудное время года — в феврале месяце. Он оказался особенно тяжким из-за преодоления серьезного препятствия — горной гряды Гиндукуша и самого высокого перевала Саланг, смертельно опасного своими ураганами, вьюгами, обледеневшими дорогами, на которых буксовала техника, при ошибках водителей безвозвратно сползавшая в бездонные пропасти.

Ветераны отряда В.Лопатин, В.Атутов, И.Додонов, П.Лозовой рассказывали:

«Во время переезда к нам были прикомандированы дополнительные водители и машины. Всей картины я не знаю, но как рассказывали, в ходе марша были потери, падения машин в пропасти на Саланге, в том числе и из моей второй роты. Из упавшей бээмпэшки раненых отправили в госпиталь».

«Часть техники просто не потянула перевал, и ее оставили на сторожевых заставах с нашей охраной из солдат и сержантов. На Саланге от 2 роты, например, осталась прикомандированная машина с кроватями. А потом о всех отставших на перевале просто забыли. Бардака было много. К примеру, наши «Шилки» загнали на тралы. Мы возмущались, а кто нас слушал?! Так нас с этими машинами чуть в пропасть не спустили. Мы попали в буран и в страшные ураганы. Потом самостоятельно еле согнали с тралов машины, взяли их на буксир и тянули до туннеля, а там движение оказалось закрытым с нашей стороны. Пришлось остаться на стоянке возле туннеля до утра. Так мы с горем пополам за трое суток своим ходом и дошли до Джелалабада, с одной остановкой возле Кабула. За Кабулом на блок посту ночью пришлось в ответ пострелять по духам, пока те не прекратили стрельбу. Без происшествий добрались до места. Позднее опытные мужики из 66 омсбр говорили нам: «Вам крупно повезло, что духи не воспользовались вашим беспорядочным движением, а то могли бы хорошо почистить». Да и погода была просто дрянь...»

«Наша первая рота уходила из Айбака последней. Я на своей БМП замыкал всю колонну. Причин бардака было много, но основная, я считаю, командование: при переезде не было четкого управления. К тому моменту поменялось много офицеров, неопытных и зеленых. До прибытия нового комбата отрядом командовал начальник штаба отряда Ахметов Р.М., ему же по причине неспособности комбата Олексеенко пришлось и руководить переездом. Заместитель командира по ВДС капитан Ильин остался в штабе в одном лице за всех. Заместитель комбата Посохов к тому времени убыл в Союз, а на его место сменщик еще не прибыл».

«Сколько за этот переезд было утеряно — так это просто мама не горюй! Совершенно справедливо говорили, что к этому приложили руку и некоторые работники хозслужбы из тыла. Комбата сняли. Солдатская молва утверждала, что сняли именно за марш. А так как я замыкал всю колонну, прекрасно видел, как все происходило. Как только подворачивался какой-нибудь дуكان, так у тыловиков «ломались» машины. А мне приходилось ждать их, ну тут уж прапорщики «попарились». Из числа отстав-

ших военнослужащих при поломках на марше я лично хорошо знал Пирожкова Володю, призванного из Чирчика. После моего дембеля он вернулся в нашу роту. С ним приключилась такая история: на серпантине Саланга оборвало дышло у дизеля, его оставили вместе с дизелистом на ближайшем сторожевом посту и забыли. Он целый год ждал своих, занимаясь с дизелистом обеспечением поста электричеством. Потом, за полгода до дембеля, сбежал с поста и самовольно приехал в батальон с попутной колонной, естественно, без дизеля. Его назначили в роту спецназа пулеметчиком. Погиб он, со слов ветеранов, геройски — прикрывал отход наших разведчиков, попавших в засаду. Подорвал себя гранатой вместе с духами, когда патроны кончились¹. Обидно, что произошло это перед самым дембелем. Солдаты и офицеры тогда горевали: «Хороший был парень! Лучше бы он на посту остался!».

Из письма Портнягина майору И.Ю.Стодеревскому: «9 февраля приказом начальника Генштаба я стал командиром 154 ооСпН. Моего предшественника и замполита батальона сняли с должностей за потери. Во время марша из Айбака на Джелалабад в отряде были потери, одна БМП в районе перевала Саланг упала в пропасть. По мнению вышестоящего командования, это произошло по причине низкой боеготовности и недостаточной дисциплины. Новым местом дислокации утвердили н.п.Шамархель (в 12 км от провинциального центра Джелалабад), на территории 66 омсбр.

¹ Старший сержант Пирожков Владимир Михайлович. Геройски погиб в бою 4 декабря 1984 г. Представлялся к званию Героя Советского Союза. Наградное представление реализовано не было. Похоронен в г. Чирчике на специальной аллее воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КОМБАТ ПОРТНЯГИН

(24.10.1947 — 30.03.2009 г.)

Владимир Павлович Портнягин родился в семье профессионального военного. Его отец Павел Павлович Портнягин в годы Великой Отечественной войны командовал стрелковым батальоном и являлся кавалером четырех орденов, среди которых выделялись особо почитаемые в армии орден Боевого Красного Знамени (еще на закрутке) и орден Александра Невского. Сын гордился своим отцом, рано ушедшим из жизни, и с детских лет тянулся к военной истории и романтике ратных будней. Его желание стать военным подталкивало к развитию волевого мужского характера, ежедневным изнурительным тренировкам, формированию не только спортивного тела, но и психологической устойчивости в экстремальных обстоятельствах. Закончив 7 классов и став студентом Челябинского железнодорожного техникума, он проявил незаурядные

Командир 154 отдельного отряда спецназа подполковник Портнягин Владимир Павлович

организаторские способности в создании и руководстве студенческим оперативным отрядом по борьбе с преступностью. Будучи малолеткой, закалялся в схватках с хулиганами. С той поры перестал бояться уголовных авторитетов, научился драться, мог постоять за себя и применить жесткую физическую силу к нарушителям общественного порядка. Стал внештатным сотрудником милиции. После завершения учебы работал монтером на энергоучастках Южноуральской железной дороги. Несмотря на нелегкую работу, все свободное время посвящал спорту (был участником соревнований различного уровня и добивался высоких спортивных результатов в легкой атлетике, борьбе самбо, в горном туризме). Был выдержан и пропагандировал здоровый образ жизни — не пил и не курил.

В ноябре 1966 года подошло время призыва на военную службу, и его направили в школу младших командиров войск ПВО страны. Ревностное отношение к военной специальности курсанта Портнягина отмечено в Книге Почета школы. По выпуску он сразу получил звание сержанта. Службу Портнягин проходил в техническом дивизионе зенитно-ракетного полка. Однако в 1967 г., по рекомендации командования, направляется на учебу в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. В июне 1971 года с отличием его заканчивает и начинает офицерскую службу в 119 отдельной ракетной бригаде ЗаКВО. В январе 1973 года отбирается разведчиками округа для службы в 12 отдельную бригаду спецназначения на должность заместителя командира роты спецназа по политической части.

На новом месте он, как и прежде, увлекается спортом и участвует в соревнованиях любого уровня, но появляются и новые увлечения — стрельба из пистолета, офицерское многоборье. С учетом его склонностей и высокого физического уровня развития направляется на вакантную должность начальника физической подготовки и спорта полка. Там же вскоре становится начальником разведки полка. В 1980 году возвращается в бригаду на должность заместителя командира 17300СпН, а через три года становится командиром второго батальона 12 обрСпН.

В связи с усилением группировки спецназа в Афганистане возникают проблемы по подбору и замене находящихся там офицеров. Командование отбирает Портнягина для командировки в Афганистан. Новый комбат производил приятное впечатление. Он был высок, сухощав и строен. Говорил лаконично и складно. Любил воспитывать личный состав по принципу: «Делай как я!». Ему доверили командовать боевым уникальным коллективом, на совершенно новом месте и в новых условиях.

Это было очень сложное время обустройства части и изучения нового горного приграничного района боевых действий, через который интенсивно поставлялись караваны с оружием для поддержки мятежников. Приняв разрозненный и неукомплектованный офицерами батальон, пережив организационно-штатное изменение (ликвидацию двух подразделений), Портнягину удалось добиться первых боевых результатов и вскрыть основную группу населенных пунктов, входящих в систему перевалочных баз и укрепленных районов противника в провинции, что впоследствии было востребовано.

24 сентября 1984г. духи обстреляли Джелалабадский аэродром и авиабазу реактивными снарядами. Портнягин поднял подразделения отряда по тревоге для прочесывания близлежащих кишлаков. Одно подразделение возглавил сам лично. В ходе боя получил ранение. После лечения в медроты

66 омсбр в Джелалабаде Портнягин подцепил гепатит. А потом начались проблемы с поврежденным на подрыве позвоночника, вскрылась зажившая вроде бы рана... Лечение подполковника Портнягина растянулось на три месяца. Какое-то время отряд был без комбата. И на замену прислали капитана Дементьева из 56 дшбр.

Только в 1985 году Портнягин возвращается в боевой строй старшим офицером разведуправления Туркестанского военного округа. И девять месяцев выполняет служебные задания в Афганистане. Трижды участвует в операциях в провинциях Нангархар, Кунар, в Панджшерском ущелье, в районе авиабазы Баграм, отвечает за организацию боевого обеспечения марша по проводке 334 ооСпН в Асадабад.

В связи с ухудшением здоровья откомандировывается командиром отряда в 14 обрСпН в г.Чучково Рязанской области, где в октябре 1988 г. увольняется в отставку по болезни.

Вернулся на малую родину, на Урал, в Челябинск, где за оставшиеся два десятилетия прожил сложную, полную трагедий и драматизма, насыщенную жизнь. По преступному наговору власть предержавших был осужден на большой срок. Добились его освобождения Начальник ГРУ генерал армии Корабельников и губернатор Московской области генерал-полковник Громов, к которым обращались с ходатайствами ветераны бригады Стодереvский и Кривоpалов. Вопреки всему пользовался Портнягин большим уважением у общественности областного центра, особо почитаем был среди ветеранов и молодежи, с которой проводил большую патриотическую и спортивно-массовую работу. Проявлял истинную бескорыстность и надежность. Скончался после трагической гибели единственной дочери. В последний путь комбата Портнягина торжественно проводили со всеми ритуалами военнослужащие 12 обрСпН (в которой он прослужил в ЗакВО), прибывшие из г.Асбеста Свердловской области, где в то время дислоцировалось соединение, а также несколько сотен ветеранов спецназа, собравшихся со всего СНГ и Евросоюза.

КАК ОТРЯД СТАЛ ДЖЕЛАЛАБАДСКИМ?

Пятый год «за речкой» шла война и гибли люди. Совершенно справедливо, что в этих условиях вышестоящие начальники жестко требовали от подчиненных командиров беречь людей. И сурово наказывали за необоснованные потери. Наказывали вплоть до снятия с должностей командиров и политработников. В этой обстановке отмечались нервозность, кадровая че-

харда и волонтеризм, поспешность в решениях, которые вырывали из рядов 40 армии немало командиров, не успевших еще набраться опыта и допустивших ошибки, повлекшие потери в боевых столкновениях с моджахедами. В этом, по их мнению, был заложен главный критерий оценки способностей командиров на войне.

Вспоминая тот год, ветеран отряда полковник Хаев А.Н¹. справедливо написал:

Командиры подразделений Сергей Зинченко и Александр Хаев в магазине. (Фото 1984 г.)

«Март 1984 г. в Джебалабаде — это не октябрь 1941 г. под Москвой. Дать 2-3 месяца на обустройство и подготовку отряда к действиям в новой обстановке, наверное, было возможно. А командир отряда должен был на этом настоять и доказать вышестоящему командованию. Не сделав этого сразу, мы всё равно вернулись к

этим вопросам летом и осенью 1984. Но за прошедший отрезок времени потеряли личный состав и утратили тот воинский порядок, который был установлен при Стодеревском и который отличал нас от других воинских частей».

«И в 1984 г., и сейчас к Портнягину Владимиру Павловичу как к человеку и как к офицеру я отношусь с большим уважением. Любая война, большая или малая — это в итоге не только победа, но и потери. И от того, насколько мы подготовлены к ней, зависит не только наш успех, но и какой

¹ Полковник Хаев Александр Николаевич, родился 27 февраля 1960 г. в пос. Новострой, Ярковского района, Тюменской области. Выпускник Свердловского СВУ в 1977 г. и Киевского ВОКУ в 1981 г. Служил командиром группы спецназа в 4 обрСпН (г.Вильянди). С 1982 г. служил в 154 ооспН начальником парашютно-десантной службы, начальником разведки отряда и командиром роты. Принимал участие во многих боевых операциях, в том числе в Панджшерском ущелье. Награжден двумя советскими орденами. В 1985 г. вернулся в Вильянди. До поступления в академию им. Фрунзе был старшим помощником начальника оперативно-планового отделения штаба 4 бригады. В 1985 г. поступил в академию, после окончания которой раскрылся его талант ученого и преподавателя. Сотрудник ГРУ. Преподавал в нескольких военных академиях, кандидат военных наук, доцент. С женой Инессой Арнисовной воспитали дочь.

ценой мы его добились. Поэтому, называя причины наших потерь, я в первую очередь указываю на неподготовленность отряда в начале 1984 г. к выполнению поставленных задач в новых условиях. Ответственность за это несут командиры всех уровней. По уставу это — первейшая обязанность любого командира. И здесь в полной мере ответственность лежит на руководителях и в Москве, и в Ташкенте, и в Кабуле, и на Портнягине, и на мне как на одном из командиров подразделений».

В свою очередь В.П. Портнягин ни на что не сетовал, в своем письме И.Ю.Стодеревскому он писал:

«В течение февраля-апреля изучал район и учился с подчиненными действовать в местных условиях. Установил контакты с руководством провинции Нангархар и зонального управления ХАДа (госбезопасности). С помощью советников достигнуто взаимодействие с вождями племен Моманд и Шинвари, что позволило провести ряд успешных операций без потерь личного состава. В итоге часть территорий провинций Нангархар и Кунар взята под контроль племенем Моманд, имеющем 140 человек под ружьем. С боевым отрядом племени Шинвари проведена совместная операция по ликвидации баз оппозиции в уезде Назьян. Оказана помощь ХАДу в формировании и обучении первого в Афганистане оперативного батальона ХАД, в котором советником майор КГБ Труш Г.А. Здесь жизнь напряженная, воюем часто. Офицеры все живы, кроме С.Овчаренко и О.Скуридина».

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ОТРЯДА

Отряд уже около месяца располагался в провинции Нангархар, в расположении 66 омсбр (западнее Джелалабада). Место дислокации находилось в старом русле р.Кабул и ограничивалось с одной стороны рекой, а с другой — господствующей над всем районом горой. Повсюду заболоченные участки в зарослях камыша. Из них роем летят комары, несущие инфекционные болезни нашему воинству. За рекой начиналась «зелёнка».

Территория ППД бригады была вытянута вдоль реки Кабул. Прямо на этой территории находился запущенный цитрусовый сад и белоснежная вила, некогда принадлежавшая директору ирригационного канала. Штаб, жилые модули, столовая, клуб бригады располагались в западной части городка, на въезде со стороны Джелалабада. Парк машин, склады — в восточной части, на удалении от штаба до 2-3 км.

Подразделения отряда размещались отдельно от подразделений бри-

гады мотострелков в своём палаточном городке, ближе к парку машин. За палатками подразделений в сторону парка машин размещались два уцелевших вагончика Стодереvского, вывезенные из Айбака. В одном из них располагался командир отряда, в другом — дежурный по части и ЦБУ. Штаб и все службы располагались в одном из модулей бригады, на удалении от подразделений и ЦБУ отряда. Офицеры и прапорщики управления отряда жили и работали в модулях 66 омсбр. Офицеры и прапорщики подразделений находились постоянно с личным составом в своём палаточном городке.

На ЦБУ должны были находиться командир отряда и его заместители. Но командир Портнягин осваивал новый район. И постоянно был на выездах в ХАДе, оперативно-агентурных группах ГРУ, у советников собирая информацию для организации разведки, а его заместители занимались каждый своим делом. Поэтому на ЦБУ в марте-апреле, как правило, был только кто-то из числа командиров рот (если его рота выходила на боевые) или начальник службы (когда выходов не было), а также дежурный радист. На удалении, метрах в 100 от ЦБУ, была обозначена вертолётная площадка.

Следует отметить, что в отряде постоянно находились многочисленные представители из Москвы, Ташкента, Чирчика и штаба армии в званиях старших офицеров, а то и генералов. Они частенько сидели на ЦБУ. Пытались командовать и своим присутствием вносили нервность в действия непосредственных командиров.

Ветеран отряда рядовой В.Соболев рассказывал:

«Когда мы переехали в Джелалабад, наша рота была по своему составу наиболее подготовлена, так как в ней находилось наибольшее число старослужащих, поэтому нас чаще других посылали на задания, а летать на караваны мы начали где-то в феврале. Сначала мы летали только с офицерами своей роты. А потом нами командовали все кому не лень. Кроме того, нас просто замучили строевыми смотрами. Из Кабула к нам прилетали проверяющие каждую неделю и перед выходами проверяли наш внешний вид и наличие подшивы и ниток. А на кой она нам, когда мы шли в ночную засаду?»

ПЕРVЫЙ БОЕВОЙ ВЫХОД В ПРОВИНЦИИ НАНГАРХАР События 22-23 марта 1984 г.

В 20-х числах марта 66 омсбр в плановом порядке, как обычно,

начала «шерстить зелёнку» на противоположном (левом) от своего расположения берегу р. Кабул. Пехота «прочёсывала», а с воздуха поддерживали вертушки.

На эту «шумиху» привлекли и наши подразделения. 1 рота во главе с командиром роты Есиповым в ночь с 21 на 22 марта была посажена в засаду на участке переправ через р. Кабул. Рота должна была вести засадные действия на переправах, сидя на правом берегу, до полного завершения «чистки зелёнки». Это был первый боевой выход 1 роты после передислокации из Айбака.

Район засадных действий находился на небольшом удалении от ППД, всего в 5-7 км по прямой, если идти пешком. На технике можно было выйти к этому месту, только объехав гору, нависавшую над ППД. На это требовалось несколько часов. Кроме этого, данный маршрут движения бронетехники проходил через несколько населённых пунктов. Поэтому бронегруппа 1 роты находилась в ППД, а рота вышла в район засадных действий пешим порядком.

Утром 22 марта «духи» под давлением пехоты 66 омсбр подошли к левому берегу р. Кабул в надежде переправиться. Но в результате ударов НУРСами и бомбардировки с воздуха их частично уничтожили, частично рассеяли.

1 рота с правого берега Кабула всё это наблюдала. Доложили ситуацию по радио на ЦБУ — командиру отряда. После этого командир роты вызвал бронегруппу. Обстреляли противоположный берег, прочесали камыши, собрали «трофеи». Доложили на ЦБУ о результатах и получили команду отправить с бронегруппой в отряд «трофеи» и своих больных. В середине дня на участке переправ повторно отбомбились вертушки.

Во второй половине дня в ППД на броне вернулась вся 1 рота. Командир роты Есипов доложил Портнягину, что он болен. Вид у него был очень плохой, и он таял прямо на глазах. Командира роты отправили в медпункт. Через несколько дней он убыл в госпиталь, в Союз.

После короткого разбора 1 роте было приказано вернуться в район засадных действий и продолжить выполнение ранее поставленной задачи.

Ветеран отряда рядовой П. Лопатин вспоминал: «Когда 66 бригада проводила зачистку зелёнки и кишлаков, то они запросили командование нашего батальона о помощи в зачистке камышовых островков. Нашу роту загрузили в вертушки и высадили на эти островки, на берегах которых лежали кожи коров, надутые воздухом. Они, видимо, служили духам плавсредствами. Запомнил, что при посадке с вертолетов одна из пуль попала в автомат рядовому Мушинкину и разорвалась. Он получил ранение. В ходе

скоротечного боя мы взяли в плен 5-7 человек. 4 были уничтожены, в том числе гранатометчик. За пленных Кустов нам чистил мозги. На волне такого успеха нам дали приказ ночью переправиться через речку Кабул и на правом берегу организовать засаду».

К вечеру пошёл дождь. Весеннее тепло и дождь быстро превратили Кабул в бурный поток.

Вечером 22 марта, когда уже стемнело, рота убыла в район засады. С подачи офицеров 1 роты выдвижение осуществлялось на броне. Рота во главе с капитаном Кустовым (прибыл на замену Волкова) двигалась к указанному месту на боевых машинах не в объезд, а по прямой, по руслу Кабула, ночью, в дождь. Первоначально машины шли без огней. Река из-за проливного дождя разлилась, образовалось множество рукавов. Во время движения колонна несколько раз пересекала Кабул и выходила то на один берег, то на другой.

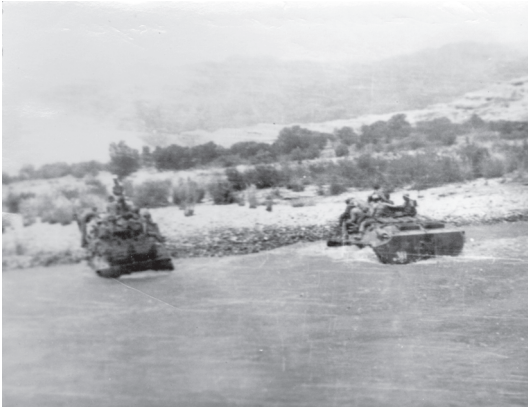
Впереди шла БМП № 17 с командиром группы лейтенантом Овчаренко¹. Несмотря на кромешную тьму и дождь, он смело шёл вперед по руслу бурлящего Кабула. Даже когда его машина несколько раз «зависала» на поверхности воды, а под гусеницами не чувствовалось дно, направление движения не изменялось.

Около полуночи при подходе к району засадных действий машины повернули к берегу. На этом участке берег реки был крутой. Стали искать место для выхода из реки. Включили огни. Видимо, в этот момент БМП № 17 в очередной раз «повисла». Но, если до этого они шли по течению и машина успевала проскакать ямы, воронки и промоины, то в этот раз, повернув к берегу, её захлестнуло водой и она носом «клюнула» под воду.

В бмп № 17 находилось 9 человек. Лейтенант Овчаренко и ещё пять бойцов были на броне, все с полной выкладкой. По команде командира группы они сразу же покинули машину и их, видимо, унесло речным потоком. Механика-водитель Сокирко из машины вытолкнуло водой и потоком на некотором удалении выбросило на берег. В десантном отделении спали Калашников и Гаевский. Услышав крик Овчаренко, они проснулись, но не успели ничего сделать, как их подхватил речной поток и выбросил на некотором удалении на разные берега Кабула.

Кустов, потеряв в кромешной тьме из виду БМП № 17, видимо, в

¹ Лейтенант Овчаренко Сергей Васильевич, выпускник Челябинского ВТКУ 1983 г., прибыл на должность помощника начальника штаба (ПНШ) 154 ооСпН. Хороший спортсмен, он с первого дня рвался на боевые и добился перевода в 1 роту спецназ командиром группы вместо капитана Вахнина, которого назначили на его место. 22 марта был его первый боевой выход. Сергей хорошо знал бронетехнику и безраздельно верил в её мощь и высокую проходимость.

Преодоление бронетехникой своенравного Кабула в районе кишлака Шахидан

По тревоге были подняты все свободные подразделения. Ещё до рассвета все имевшиеся ремонтно-эвакуационные средства и техника убыли к месту затопления БМП № 17. К утру туда подтянулась и техника 66 омсбр. Своими силами зацепить трос за крюк БМП не удалось из-за большой глубины (около 4 м), сильного течения и ледяной воды. Через сутки прибыли водолазы из Баграма. Зацепили трос, и машину вытащили на берег. В машине никого не было. Это подтвердило слова Сокирко о том, что находившиеся на броне все спрыгнули в воду, и их унесло речным потоком.

22 днём и ночью 23 марта комбат Портнягин был на месте. И только он один владел полностью ситуацией. На ЦБУ, услышав о «трофеях», прибежали «любезнательные военные» разного ранга и толка. Но в суть боевой обстановки никто из них не вникал.

К утру 23 марта, когда уже начало приходить понимание масштаба потерь, в вагончике ЦБУ отряда собралось много народу. Днём дополнительно для разбора ЧП прибыли большие начальники. Но в то время и без них в отряде постоянно сидели представители вышестоящих штабов. Поэтому выводы были сделаны жесткие, но внешне они никак не проявились. Комбат Портнягин мужественно всё вынес и взял всю полноту ответственности на себя.

Поиски пропавших разведчиков велись долго. Вся местная власть и население провинции знали о произошедшем. С помощью афганцев, через некоторое время на большом удалении от места затопления БМП № 17 нашли тела троих бойцов.

первый момент не понял, что произошло. Он, как и Овчаренко, был уверен в успехе предпринятого ими маневра. Включив фароискатели на всех машинах и увидев бегающего и кричащего на берегу одного из спасшихся, он понял, что произошло, и доложил в отряд.

С получением после полуночи 23 марта сообщения о случившемся от Кустова командир отряда поставил ему задачу организовать

Об остальных (лейтенант Овчаренко С.В., рядовой Белицкий В.П., младший сержант Олейников Ю.Н.) не было никакой информации. И по сей день они числятся пропавшими без вести.

В отношении Овчаренко в мае-июне 1984 г. при назначении пособия вдове, у которой родился сын, предпринималась попытка о признании его погибшим. Были собраны показания свидетелей и оформлено соответствующее ходатайство».

«ПОМОЩЬ СО СТОРОНЫ»

В марте-апреле 1984 г. командиру отряда крутившиеся вокруг него многочисленные «советники» не помогали, а только мешали и плели интриги.

«Позже к моей группе, — вспоминал В.М.Якунин, — был представлен какой-то полковник, он сказал, из оперативной группы маршала Соколова. Так все оставшееся время операции я был под его командованием. Он даже несколько раз приказывал мне выпрашивать у пастухов баранов, чтобы накормить генералов. На что я ему говорил: «Это пахивает мародерством!» Он психовал, отвечая, мол, не твое дело, всю ответственность я беру на себя».

«Палыч, — так уважительно звали Портнягина за глаза подчиненные офицеры и солдаты, — по натуре боевик и был весь на войне, а на всё остальное его не хватало». Только с назначением в мае начальника штаба Григория Быкова в действиях отряда появилась определенная плановость и осмысленность действий.

«В апреле 1984, — вспоминал Портнягин, — благодаря хорошим отношениям, сложившимся с советническим аппаратом и местной властью, получил территорию под отдельный городок отряда: 6 каменных строений бывшей птицефабрики, эвкалиптовую рощу, небольшой канал с чистой горной водой. К маю провели ремонт развалин, отрыли две артезианские скважины, построили столовую, помещение караула, баню, склады, ремонтные мастерские. При этом все ремонтные и строительные работы выполнены собственными силами». Впоследствии этот городок 154 отряда стал лучшим в бригаде, ибо другие части располагались значительно хуже: Газнийский батальон всю войну прожил в палатках, Баракинский батальон — в землянках, а Асадабадский батальон, размещенный на полуострове, не имел возможностей для развития инфраструктуры из-за ежедневных обстрелов оппозицией. С передислокацией 28 апреля в новый городок с разрешения командования приостановили на месяц участие в боевых действиях и обус-

траивались на новом месте: налаживали быт отряда, организовывали боевую подготовку подразделений и т.п.

Портнягин писал Стодеревскому: «Приходится крутиться. В Союзе за год столько бы не сделал и не построил, а здесь за месяц порой такое делаем. Читал о тебе в «Красной звезде». Хорошо написано. Тебя, Игорь, в коллективе помнят, и потому за этой газетой охотились. Извини за краткость, сам знаешь, здесь рабочий день плавно переходит в рабочую ночь, а та — в новый рабочий день. Засыпаю на ходу. А в общем жизнь интересная, я себя чувствую на своем месте, занимаюсь делом, к которому стремился всю жизнь».

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПЕРВЫХ ВЫЛЕТОВ ДОСМОТРОВЫХ ГРУПП События 5-10 апреля 1984 г.

Подразделения отряда стали привлекаться для действий совместно с 335 обвп для ведения воздушной разведки и в качестве досмотровых групп.

А.Шемелин вспоминал: «Практически с первых дней пребывания в Джелалабаде мы вылетали не только на разведку, но и на досмотр караванов. Один случай мне запомнился тем, что когда мы вылетели, то караван уже был обстрелян вертушками. При десантировании со своей группой я увидел, что кто-то рядом прячется за камнями. Заглянув, увидел раненую молодую афганскую женщину. Решил ей помочь. Вытащил ИПП и достал штык-нож. Она страшно испугалась и стала отползать от меня, пока спиной не уперлась в камень. Тогда я убрал нож и подошел к ней. Оказалось, что она ранена осколком в ногу, который прошел навывлет. Я сделал ей перевязку и загрузил в подсевшую вертушку. Вылеты до 20 марта у нас были почти каждый день, а в отдельные дни нас поднимали по тревоге и по несколько раз в день».

Назначенные подразделения находились в ППД, а с получением распоряжения из штаба армии вылетали на вертушках на облёт указанного района. В случае обнаружения движущихся подозрительных машин или вьючных животных группы десантировались и проводили их досмотр. Для выполнения этой задачи досмотровые группы имели стрелковое вооружение с носимым боекомплектом, Р-148 и «Ромашку». Численность досмотровой группы определялась в 10-12 человек.

Командир 4 роты старший лейтенант Хаев А.Н. вспоминал:

«5 апреля на рассвете, в соответствии с распоряжением штаба армии на досмотр местности вылетала группа лейтенанта Скуридина. Группа убы-

ла на аэродром. В резерве от моей роты находилась ещё одна группа во главе с замполитом роты Осадчим Валерием.

Около 9.00 я получил распоряжение недавно прибывшего из Союза заместителя командира отряда Худина о выделении резервной группы. Уточнив содержание задачи, направил Осадчего с группой на грунтовую вертолётную площадку вблизи ЦБУ. Там уже находились группы от 2 роты.

По словам Худина выходило, что это обычный облёт района. Но всё-таки я уточнил у него, кто старший во 2 роте и кто руководит действиями всех убывающих групп. Он ответил, что во 2 роте старший замполит Жеглов, а всеми группами руководит — замполит отряда Пинчук, прибывший в отряд несколько дней назад с должности замполита батальона охраны штаба армии вместо Гаврилова.

Услышав это, у меня всё внутри похолодело, — как можно было поручать такое ответственное дело человеку не знающему нашей тактики и специфики. В это время на нашу площадку начали заходить две пары вертушек. Я подбежал к Пинчуку и сказал, что лечу с резервной группой от моей роты. Спросил, куда летим. Он ответил, что обнаружен караван вьючных животных, где точно, он не знает. Карт ни у кого не было. Радиостанции только Р-148 и «Ромашка». У Пинчука вообще ничего не было.

По направлению полёта стало понятно, что летим на северо-запад от Джелалабада. В этом направлении наши группы ещё не летали. При подлёте к горке с высотой около 2700 м увидели кишлак и сухое русло реки. Кишлак подковой окружали горы. Сели почти на окраине кишлака. «Восьмёрки» тут же ушли. «24» какое-то время повертелись и тоже ушли.

Сразу после высадки уточнил у Пинчука задачу. Но он, видимо, сам не знал, что делать. Поэтому сказал, чтобы я обошёл кишлак с юга, осмотрел дувалы в поисках признаков каравана. Группы 2 роты должны были обойти кишлак с севера. Перед тем как начать движение, я уточнил у Пинчука, где группа Скуридина. Он ответил, что она высадилась первой и, вероятно, уже где-то в кишлаке.

Приблизились к кишлаку, который казался вымершим. Кругом тишина. Радиосвязи между группами не было. Но визуально я видел передвижения групп 2 роты. Группу Скуридина¹ не наблюдал. Обойдя кишлак и

¹ лейтенант Скуридин Олег Игоревич, выпускник Киевского ВОКУ 1983 г. В отряд прибыл в сентябре 1983 г. вместо убывшего в Союз Игоря Скирты. В свой первый выход на засаду, недалеко от ППД в Айбаке, он лоб в лоб столкнулся с «духами». Не растерялся, развернул группу и открыл упреждающий огонь. Несмотря на горячность, Олег был исключительно добросовестным и исполнительным офицером, человеком чести и долга. В апреле 1984 г. он собирался в отпуск — решил жениться. Дома его ждала невеста, уже был назначен день свадьбы. Комбат подписал ему рапорт на отпуск с 8 апреля 1984г.

осмотрев дувалы, вышел на небольшую возвышенность. Отсюда было видно, что группы 2 роты обошли кишлак с севера и достигли подножия примыкавшей к нему горы. В этот момент со склона горы по ним началась прицельная стрельба. Сначала медленно, но, постепенно ускоряясь, группы 2 роты стали отходить к месту высадки.

Видя, что обстановка приобретает скверный характер, я выдвинулся к площадке высадки. Пинчук уже был там и сообщил, что вертушки уже на подходе, но здесь они не сядут — собьют, посадка будет южнее 2 км, все выдвигаются туда. Я уточнил у него, получил ли Скуридин команду на отход. Он ответил, что не знает. На это я предложил дать установленный сигнал общего сбора — пустить сигнальную ракету, что и сделали. После этого группы 2 роты ушли к месту посадки на вертушки.

Я с группой Осадчего остался на месте первоначальной высадки, вблизи кишлака, дожидаться группу Скуридина. Чем ближе был гул вертушек, тем вокруг нас всё больше было фонтанчиков от пуль. Бойцы начали палить в ответ. Но я приказал прекратить беспорядочную стрельбу, экономить боеприпасы и вести только прицельный огонь по видимому противнику. Кроме этого, мы были практически на голой сопке и ниже «духов». Переползая, собрали все лежащие рядом камни и соорудили небольшие брустверы. Через некоторое время рядом с нами из сухого русла выскочил младший сержант Воробьёв, а за ним ещё четверо бойцов из его отделения.

Воробьёв сообщил, что, увидев ракету, Скуридин повёл группу к первоначальному месту высадки. Он двигался впереди, и с ним ещё были четверо бойцов группы. Воробьёв со своим отделением отстал от них. Поэтому он думал, что Скуридин уже вышел к нам на площадку. По словам Воробьева, радиостанция Р-148 у Скуридина была исправна и включена. Почему на наши запросы он не отвечал, Воробьёв не знал.

Вертушки, забрав 2 роту, ушли. По «Ромашке» я запросил кружащую над нами пару «24» осмотреть с воздуха местность в поисках Скуридина. Они на пределе прошли над кишлаком вдоль сухого русла. Но никого не увидели. Сообщили, что топливо на исходе, и ушли.

После ухода вертушек «духи», поняв, что мы остались одни, начали движение. Плотность огня «духов» возросла. Мы отвечали редко. Через какое-то время я посчитал весь имевшийся у нас боезапас — осталось не более десятка патронов на ствол. Подумал — это несколько минут боя.

Солнце уже начало клониться к закату. В этот момент вернулась пара «восьмёрок». По моей наводке вертушки обстреляли местность вокруг нас и несколько раз на пределе прошли над кишлаком и сухим руслом. После

этого старший пары сообщил, что у него топливо на исходе, и у него приказ забрать нас и возвращаться. При этом сказал, что сядет только одна вертушка. Вторая будет кружить и прикрывать.

Я надеялся, что Скуридин находится рядом, но не может подобраться к нам из-за огня «духов». Поэтому назначил вертолётчикам площадку для посадки прямо у выхода из сухого русла. Кроме этого, сообщил, что у меня две группы, и они нас одной вертушкой взять не смогут. Предложил садиться по одному, прикрывая друг друга. После этого разделил своих ребят на два борта. В первый борт назначил десять человек во главе с Осадчим. Во второй борт оставил отделение Воробьева в расчёте на то, что этот борт заберёт и Скуридина.

Вертолётчики, покружив немного, поняли мой замысел и согласились. Начали по одному заходить на посадку. Группа Осадчего бросилась к садящейся вертушке, по которой «духи» открыли огонь. Я видел, что борт забрал всех. Как только он оторвался от земли, второй пошёл на посадку, прямо к выходу из сухого русла. Посадив всех, я чуть задержался, медлил какое-то время, надеялся. Но ни Скуридин, ни Учанин, ни Кацов, ни Малюта не появились.

Поднявшись в воздух, командир пары сообщил мне, что во время взлёта в группе Осадчего получил тяжёлое ранение один боец (Мальгин), ранен второй номер экипажа, вертолёт с «дырками» и он сразу ушёл на аэродром. Мы же сделали несколько заходов над кишлаком и сухим руслом, выпустили весь боекомплект НУРСов. На все вызовы радиостанции борта и нашей Р-148 никто не отвечал.

С заходом солнца сели на аэродроме. В темноте добрались до ППД отряда. Пошёл искать командира, чтобы доложить. В полночь командир отряда поставил задачу: с рассветом двумя группами на двух бортах вылететь на поиски группы Скуридина.

Получив задачу, зашёл на ЦБУ. Нашёл на карте район, в котором мы были — Бадпаш-Куза-Кала, в 60-70 км северо-западнее Джелалабада. В этом местечке сходились все караванные маршруты, там караваны перегружались и дальше шли на Панджшер. Одним словом, важный для духов район! Но это всё я узнал несколько позднее.

6 апреля, с восходом солнца, вылетели. При подходе к Бадпаш-Куза-Кала не стали кружить, а сразу сели южнее кишлака. Я с группой сразу пошёл в сухое русло в поисках группы Скуридина и прошёл через кишлак в западном направлении. Кишлак, как и в предыдущий день, злое молчал. Ни собак, ни кур, ни звука.

На западной окраине была «зелёнка», в которой мы укрылись и организовали наблюдение. Так как мы не нашли никаких следов группы Скуридина, я решил обойти кишлак с севера и начал движение. Как только вышли на открытое место и приблизились к небольшой сопке, началась стрельба в нашем направлении. Было видно, что огонь ведут со склона господствующей горы (выс. с отм. 2700). До неё было метров 200 через открытое пространство.

В это время с юга начали подходить вертушки с десантом на борту. Мы же попарно, короткими перебежками, стреляя на ходу, бросились в направлении высоты 2700, прямо на стреляющих «духов». Достигли подошвы горы без потерь. Без передышки начали подъём почти по отвесному склону. Немного поднявшись, мы оказались в мёртвой зоне для «духов» и стрельба в нашем направлении временно прекратилась.

Со склона вся долина была как на ладони. Южнее кишлака высаживался десант. По радио я получил задачу овладеть высотой с отметкой 2700. Начали подъём группами в одном направлении, но параллельными курсами. «Духи» открыли плотный и прицельный огонь. Вскоре были ранены находившиеся со мной радист из группы связи и один боец роты. Ранения были в плечо и руку. Отправив их с сопровождающими вниз, продолжили подъём. По пути обнаружили несколько капитально оборудованных огневых точек с брошенным оружием, спальными мешками, термосами, медикаментами. Было видно, что эти «гнезда» — не «дехкан с кремнёвыми ружьями», а обученных и опытных бойцов.

С последними лучами заходящего солнца достигли вершины. Только успел осмотреться и распределить людей по точкам — наступила ночь. Всю ночь оборудовали огневые позиции.

С рассветом следующего дня увидел всю прелесть занятой нами позиции. От вершины нашей горки расходились тропки к соседним горкам. Позиция позволяла контролировать все подходы к кишлаку. Вертушки летали ниже нас. Днем дооборудовали огневые позиции и в течение трёх суток удерживали эту горку. Дважды с вертушек нам сбрасывали боеприпасы и воду. «Духи» держались на удалении пулемётно-винтовочного огня и атаковать нас не пытались.

В ночь с 9 на 10 апреля, получив сигнал, начали спуск. Спустились без потерь. Одна из моих «сигналок» сработала, когда мы уже были почти внизу.

На рассвете 10 апреля вышли на вертолётную площадку. Войск и техники было много. Из нашего отряда никого не встретил. Мы были в серой суконной афганской форме и ко мне подошёл Габидов из штаба

ТуркВО. Узнав кто мы, он отвёл меня к Артеменко (старшему офицеру по специальной разведке РО 400А). От него я узнал, что внизу была «большая война» с участием нашего отряда и дшб 66 омсбр, наша бронегруппа с людьми уже ушла, остались только мы. После этого вертушками нас доставили на аэродром, а оттуда в ППД.

По описаниям места, где нашли группу Скуридина, и расположения тел погибших получалось, что они проскочили выход из сухого русла, ведущего к месту сбора, где находился я, и куда вышло отделение Воробьёва. Попав в одно из боковых ответвлений русла, они, видимо, натолкнулись на «духов» и были в упор расстреляны ими по одному, в той последовательности как шли. Это было недалеко от места сбора и произошло в то время, когда я их ждал. Видимо, из-за непрерывной и плотной стрельбы вокруг нас мы не услышали одиночных выстрелов в этом ответвлении сухого русла.

После этого события были разборки в поисках крайнего. В расположении отряда я несколько раз видел незнакомых «военных». Один из них, с эмблемам военной юстиции, в первый же день после моего возвращения с Бадпаш-Куза-Кала взял с меня письменный подробнейший отчёт обо всём произошедшем 5 апреля. Но из нашего командования меня никто ни о чём не спрашивал. Единственный человек, Василий Петрович Нахратский, подробно меня опросил обо всём и в заключение бросил: «Да, тяжела ты, шапка Мономаха!». Кого он имел в виду, я не понял и не стал уточнять.

Крайним оказался Пинчук. Несмотря на это, он продолжал ходить с подразделениями на боевые выходы. Вскоре его сняли с должности и отправили в 201 мсд, где он возглавил политработу в линейном пехотном батальоне.

Как и в предыдущем эпизоде, все «шишки» достались лично комбату Портнягину. Более того, зная его характер, видимо, он сам всё принял на себя».

КТО ВИНОВАТ В ПЕРВЫХ ПОТЕРЯХ?

Во-первых, сказалась неподготовленность отряда к действиям в новых условиях. Опытные боевые офицеры из комплекта комбата Стодерева уехали в Союз. Молодежь учить было некому. Сменщики в подавляющем своем большинстве не являлись спецназовцами, и, хотя смело рвались в бой, лишь ценой потерь, учебы на собственных ошибках приобретали необходимый опыт боевых действий в новых условиях. Даже зрелые спецназовцы первоначально порой жестоко ошибались и платили кровью своих подчиненных.

Так, один солдат, ветеран отряда, пожелавший не указывать своей фамилии, с горечью написал: «С начальником штаба капитаном Б. опасно было на войну ходить. Сначала во время облёта бросил пятерых наших в кишлаке после начала обстрела. Высадка ещё не закончилась, а он приказал грузиться в вертушки и сваливать. Уже в Джелалабаде обнаружили, что пятерых нет. А когда вернулись, у пацанов уже кишки размотаны. Впятером посреди кишлака!¹ Духи кругом! Они погибли героически — тоже себя гранатами порвали! А затем в Кунаре, при ночной переправе 11 человек утопил, вместе с ротным и техникой. За достоверность отвечаю, в обеих операциях принимал личное участие».

«Дурную репутацию имел и лейтенант Щ., которого с позором выгнали из батальона за то, что он бросил солдат своей группы и убежал, когда попали в засаду. И это офицер, закончивший Рязань по отделению спецназа».

Во-вторых, слабое представление руководства в Москве о реальном состоянии дел в отряде и об условиях выполнения поставленных им задач в труднейшей пограничной с Пакистаном провинции. Данная причина устранялась постепенно: во второй половине 1984 г. начались изменения в организационной структуре.

Колесник В.В.: «С мая 1984 года на основании Директивы ГШ был изменен штат 154, 177 и 173 ооСпН, находящихся в ДРА. В 1 роту определили БМП-2, 2 и 3 пересели на БТР-70. 4 и 5 роту расформировали, но при этом группа минирования стала отдельной и появились роты материального обеспечения.

А ведь ситуация тогда была просто драматическая — с марта 1984 г. в боевых ротах реально было по 2-3 офицера. Иногда доходило до абсурда. После гибели группы лейтенанта Овчаренко в 1 роте остались только замполит роты лейтенант Королицкий и командир группы лейтенант Щеглов. Командир роты Есипов в госпитале, а оставшийся за него капитан Кустов с подачи Ильина перебрался в штаб. В результате в конце марта на «войну» с 1 ротой постоянно ходил парторг отряда Василий Парамонов.

После Бадпаш-Куза-Кала в 4 роте сложилась аналогичная ситуация. Остались командир роты, замполит и старшина. Одного офицера, пока командир был на боевых, отправили в Хайратон сдавать БТРы, а другого — сопровождать тело погибшего. Оба вернулись в подразделение через три месяца.

¹ Это произошло 1 июня 1984 г. Героически погибли в окружении младшие сержанты Руденко Н.В. Мелентий И.М., рядовые Дадаев Н.К., Крыжановский П.А., Кудырма-нов Е.К.

Всё эти трудности можно было осилить только сообща, руководствуясь здравым смыслом, а не эмоциями.

В июле отряд перешёл на новый штат. По новому штату были ликвидированы 4 и 5 роты. Должности командиров этих рот, их заместителей, старшин рот, командира огнёмётной группы и начальника ВДС были сокращены. Все сокращённые были распределены в другие части 40 армии. Командир 5 роты майор Лисовой убыл начальником разведки 45 исп (Чарикар), командир огнёмётной группы 5 роты — офицером в отдел РХБЗ армии, замполит 4 роты Осадчий — замполитом танкового батальона 149 мсп 201 мсд, начальник ВДС Ильин¹ — начальником разведки одного из батальонов 395 мсп 201 мсд.

Вне организационно-штатных мероприятий из отряда также убыло несколько человек. Так, в отряд не вернулся после болезни командир 1 роты Есипов. Летом, пробыв в отряде около 3 месяцев, уехал обратно в Чирчик заместитель командира отряда Худин. Вместо него прибыл капитан Абзалимов.

Ряд офицеров, прибывших в отряд в 1983 г. по замене из пехоты, на должности командиров групп, получив звание «капитан», летом 1984 г. ушли обратно. Так, капитан Серхачёв после расформирования 4 роты был назначен во 2 роту, но позднее по личной просьбе был переведён в 108 мсд на должность начальника разведки батальона. ПНШ капитан Вахнин, после прибытия в отряд нового начальника штаба Быкова убыл в пехоту. Примерно в это время убыл из отряда капитан Кустов.

В 1985 г. радикально изменился подход к комплектованию подразделений как офицерским, так и рядовым составом, для чего развернули учебный полк спецназ в Чирчике, изменили систему управления и взаимодействия отрядов. Для сравнения уже в октябре-ноябре 1984 г. в строю всех рот было не менее 4 офицеров, в основном прибывших из бригад спецназа.

В-третьих, стремление кабульских начальников добиться любой ценой быстрого и ошеломляющего успеха. Часто начальники контролировали действия командиров в большом и малом. Один из ветеранов вспоминал такой прискорбный факт: «Припоминаю бой по зачистке нескольких кишлаков,

¹ Капитан Ильин, выпускник Омского ВОКУ 1975 года. В отряд прибыл в ноябре 1983 г. с должности помощника начальника разведки дивизии (БВО, Гродно) вместо Иванова А.В. Так как должность начальника разведки была занята, то он был назначен на вакантную должность начальника ВДС, занимался службой войск. С убытием Ахметова Р.М. стал ВРИО НШ. С прибытием Быкова Г.В. на должность НШ отряда, а Ветрова А.Н. начальником разведки, капитан Ильин остался на должности начальника ПДС. Из отряда убыл по сокращению его должности в августе 1984 г.

название которых не помню, в поисках погибшей группы из 4 роты. Невдалеке на одной из сопок был организован штаб, на которую высадили 4 генералов, наблюдавших за организацией боевых действий. Комбат шел в боевых порядках с подразделениями. В ходе боя Портнягин приказал расстрелять «доставшего» нас своим упорством духа. За всей этой картиной в бинокли наблюдали генералы. Увидев это, начальники вызвали по радиации Портнягина и отстранили от командования батальоном. Прямо в ходе боя!»

Подобная «опека» командиров была устранена с вводом в 1985 г. в Афганистан управления 15 бригады, которое прикрывало командиров отрядов от гнева нетерпимых армейских руководителей и оказывало существенную помощь в планировании и координации боевых действий с другими видами разведки и авиацией.

Колесник В.В.: «На первых порах, пытаясь применять тактику засад, отряд успеха не имел. Впоследствии отряд выработал тактику, максимально эффективную в местных условиях. Наиболее применяемая тактика отряда — налёт. Руководство отряда довольно успешно сотрудничало с органами контрразведки ДРА «ХАД». Результативность налётов, проводимых по информации «ХАД», была довольно высокой».

В тот период начальником одной из оперативно-агентурных групп ГРУ в Джелалабаде был майор Бакуров А.Т., который хорошо знал Портнягина по учебе в СВВПТАУ. Естественно, это способствовало доверительной дружной и творческой работе. Он рассказывал, что генерал-майор Гусев, тогда еще НШ ТуркВО, а позднее начальник ГРУ, по приезду в Джелалабад был настроен снять Портнягина с должности за безрассудные смелые и авантюрные действия по борьбе с бандформированиями. Но вникнув в суть дела, заслушав разведчиков ОАГр, побеседовав с афганскими руководителями — губернатором провинции, начальником ХАДа зоны «Восток», советскими советниками, узнал подробности совместной со спецназом операции по захвату в плен офицера пакистанской разведки. Используя которого удалось искусно спровоцировать раскол в лагере оппозиции на территории провинции Нангархар, а также узнать о заключенном договоре о сотрудничестве с сыном вождя племени Шинвари Авилдачем, давшим важную информацию. На основании этой информации была проведена совместная советско-афганская специальная операция. «По данным агентурной разведки, — докладывал Бакуров, — тогда было убито около 400 непримиримых моджахедов, ликвидировано 13 руководителей бандформирований, прибывших из Пакистана для активизации повстанческих действий».

Генерал-майор Гусев приказал представить документы для награжде-

ния отличившихся офицеров и солдат отряда спецназа, которые он забрал с собой. На командира роты спецназа капитана Бабко В.В., командира группы лейтенанта Нафикова Х.М. (оба посмертно) были оформлены представления к званию Героя Советского Союза, сержанта Борец А.Н., младшего сержанта Магомедова У.М. — к ордену Ленина (оба посмертно), командиры групп лейтенанты В.Мусорин и С. Зинченко были представлены (и впоследствии награждены) орденами Красного Знамени.

Командир роты капитан Бабко В.В. (в центре) представлялся посмертно к званию Героя

ЗДЕСЬ ДЕЙСТВОВАТЬ НУЖНО ИНАЧЕ ¹

«В Афганистан я вошел в составе 173 отряда в должности командира 5 роты. Еще на Кушке прежний командир роты был признан неспособным к командованию, отстранен от должности и направлен обратно. Ротным назначили меня, но в мае, после оргштатных преобразований, я оказался без роты. Как выяснилось, даже приказа о моем назначении не было. До конца лета я командовал группой минирования. Батальон уже воевал, давая хорошие результаты.

В августе 1984 года освободилась должность командира первой роты в Джелалабаде. Туда меня и отправили на повышение. В этот период в батальоне очередная эпидемия тифа выкосила полчасти. В моей роте из командования, кроме сержантов, были только старшина и замполит. Немного позднее появился зампотех. После Кандагарского отряда, где бойцы были вышколены и обучены, здесь продолжался период становления коллектива. Командовал отрядом знакомый мне по Лагодехе В.П.Портнягин. Мужик он был работоспособный и волевой. Однако, мне казалось, он серьезно недоработывал в руководстве своими заместителями капитанами Худиным Е.И и Быковым Г.В. В батальоне еще не было налажено хорошей организации разведки. Поэтому комбат лично налаживал взаимодействие с агентурщиками и ХАДом. Досмотровые группы после первых кровопролитных вылетов использовались с большой осторожностью и слож-

¹ Лютый Дмитрий Евгеньевич родился 24 июня 1956 года в Москве в семье военнослужащего. Отец фронтовик и мать работница трудового фронта рано ушли из жизни. С младенчества Дмитрию пришлось самостоятельно преодолевать трудности бытия, что сформировало сильный и независимый характер. После окончания 9 роты РВВДКУ в 1978 г. попал командиром группы спецназа в 12 обрСпН (ЗаКВО). В 1984 г. командиром 5 роты вошел в Афганистан в составе 173 ооСпН в Кандагар. После перевода в 154 ооСпН в Джелалабад последовательно прошел должности командира роты спецназа, начальника штаба и заместителя командира отряда. Прошел через горнило боевых действий. Дважды ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. В марте 1986 г. заменился в Вильянди в бригаду спецназа, где и служил до увольнения в запас. Проживает в Москве. Женат. Воспитал двух дочек. Растит новое поколение внуков. Полковник.

нейший горный район изучался медленно. В связи с большим некомплектом офицеров в ротах боевая подготовка была на низком уровне. Планирование боевой деятельности велось поверхностно.

Когда после «Мараварской» трагедии сняли Терентьева и на его место назначили Быкова, я неожиданно (через девять месяцев пребывания в батальоне) стал начальником штаба отряда, то просто ужаснулся. Там к моему приходу было все запущено, и нужно было разгрести эти авгиевы конюшни. Кроме того, в адрес части приходила прорва совершенно бестолковых бумаг, на которые нужно было реагировать. Плюс — начальник штаба отвечает за организацию и ведение разведки. Одним словом, спал часа по два, по три. О том, насколько бестолково и непродуманно действовали мои предшественники, свидетельствует такой пример из моей первоначальной практики ротного командира.

Я еще даже не успел принять роту и ее имущество, как вдруг комбат мне ставит задачу на засадные действия. Я, не зная ни местности, ни своего личного состава, без единого взводного должен был идти на войну. Поняв всю степень авантюризма задачи, я сослался на то, что нужно закончить прием имущества, поскольку материальная ответственность есть материальная ответственность. Пользуясь небольшой паузой, я поехал знакомиться с летчиками и договорился о проведении облетов.

Полетав над зоной нашей ответственности, я понял, что это совсем другая местность по сравнению с Кандагаром. Здесь и действовать нужно иначе. Засады при отсутствии выраженных караванных маршрутов были малоэффективны. Оружие и боеприпасы духи, конечно, доставляли, но главным образом по горам и «зеленке». Здесь не ездили на машинах. В основном оружие доставлялось вьючными животными. Троп для них в горах немеряно. Можно сидеть и ждать у одной тропы, а караван пройдет за соседней горушкой, и ты его даже не услышишь. Пока я прикидывал, как же тут воевать, комбат продолжал настаивать, чтобы я с ротой вышел на засаду. При этом его не особо волновало, где я буду действовать. Пользуясь этим, я решил провести тренировочный выход где-нибудь поблизости. Я не был уверен ни в своих бойцах, ни в командовании отряда, способного быстро и эффективно оказать мне помощь, если меня начнут долбить духи. Главный кандагарский принцип: «Прежде чем влезть куда-то, подумай о том, как будешь вылезать». Роте я поставил задачу на подготовку, объявив время и место построения со всем необходимым для совершения боевого выхода. Сам прилег отдохнуть, полагая, что отряд в Афганистане находится чуть ли не с самого начала, и контролировать ход подготовки не нужно. К указанному времени я был возле расположения роты, но ни единого солдата

не увидел. Я был немало удивлен, но это были только цветочки. Естественно, что после того, как я в удрученном состоянии зашел в казарму, рота построилась. Но лучше бы она продолжала спать. Увидев эту «банду мародеров», а не регулярное подразделение спецназа, я чуть не лишился рассудка.

То, что вместо роты стояла примерно одна группа, было понятно, поскольку продолжалась эпидемия тифа и зверствовала желтуха. Но когда я не увидел у людей, собравшихся на войну, ни одного рюкзака, я здорово озадачился. Мало того, АГС-17 в строю тоже отсутствовал. Не было и реактивных гранат. Окончательно меня сразил пулеметчик, из пулемета которого торчала лента на 25 патронов. Когда я спросил, сколько у него патронов, он ответил: «До х..., товарищ капитан». Когда я попытался уточнить, сколько же это конкретно «до х...», то узнал, что это соответствовало ста пятидесяти патронам. Как мне объяснил боец, патроны он несет россыпью и намерен каждый раз дозаряжать свою куцую ленту. Услышав это, я понял, что и сегодня никуда не полечу. Пошел к комбату и в категорической форме заявил, что пока из роты я не сделаю боевое подразделение, я никуда не пойду.

Все же мне повезло. У меня был очень толковый и надежный замполит Жора Борецкий. Он обычно командовал в роте бронегруппой, и мы с ним очень удачно взаимодействовали. Очень толковый был зампотех. Он, как правило, ездил на БРМ и возил с собой кучу запчастей. Надо сказать, не зря. Устранить любую неисправность в полевых условиях для него было плевым делом. Боевой был в роте и старшина по кличке «Клава». Именно на них я и опирался при наведении порядка в роте.

На первых порах были какие-то попытки поднять «мятеж». Но, «зарядив в тыкву» самым отъявленным мятежникам, я окончательно дал понять, что в роту прибыл хозяин. Постепенно все стало налаживаться. Я летал на облеты и упорно изучал местность».

Ветеран отряда И.Додонов вспоминал:

«У нас не было времени на раскачку. Наша рота начала свою боевую деятельность задолго до 21 марта. Так, мне лично запомнилась ночь с 7 на 8 марта, когда мы вылетели в засаду к границе с Пакистаном. Сразу после десантирования попали под обстрел советской колонны, что находилась в этом районе. Слава богу, все обошлось. Только проехала эта колонна, как начался жуткий тропический ливень — такого я в своей жизни больше никогда не видел. Дождь стоял просто стеной, он шел буквально минут 15, но этого хватило, чтобы на нас не осталось ни одной сухой нитки. Ночью начался ветер, и все мокрое белье мы сушили на себе. Как вспомню, до сих пор тряусь».

КАК РАНИЛИ КОМБАТА

24 сентября 1984 г. духи обстреляли Джелалабадский аэродром и авиабазу реактивными снарядами. Портнягин поднял подразделения отряда по тревоге для прочесывания близлежащих кишлаков. Одно подразделение возглавил сам лично.

Командир роты спецназа Дмитрий Лютый вспоминал:

«Портнягин задачу поставил: «Этот кишлак твой, а этот мой». Я прикрыл действия своих боевыми машинами и проверил кишлак. Там было пусто. Завершив свою работу, вышел на развилку, где мы должны были встретиться с комбатом после того, как он проверит свой кишлак. Но в кишлаке, куда рванул Портнягин, духи были. В составе бронегруппы, которая пошла туда, был проводник, лейтенант из батальона охраны. Именно их БРДМ и обстреляли в кишлаке из РПГ-7. Водителя практически разорвало надвое, а лейтенант, бросив в машине секретную карту, на которой были нанесены все минные поля и посты батальона охраны и все пристрелянные цели артиллерии, сбежал.

В эфире я услышал голос комбата: «Все ко мне!». Больше ничего понять было нельзя, поскольку частоту забили, пытаюсь говорить все сразу. Я поспешил на выручку. Вскоре в кишлаке мы обнаружили подбитый БРДМ. Чтобы не подставлять машины, я приказал им дальше не двигаться, а взять окрестности под наблюдение, развернув башни в разные стороны. Мы полезли пешком. Хотя духи и отвечали огнем, нам удалось вытащить и труп водителя из подбитого броника, и карту, и раненого комбата. Духи отошли по руслу на другой берег, мы их не преследовали...

В начале ноября 1984 года я, как и многие другие, загремел в госпиталь во время очередной эпидемии с тифа, а потом подхватил и желтуху».

Построение 154 ооСпН для прощания с погибшими в бою разведчиками. Джелалабад (фото 1987 г.)

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

ШТРАФНИК.

ИЗ КУРСАНТОВ В СПЕЦНАЗ¹

Свою службу в спецназе я начинал в сентябре 1984 года, когда после отчисления из Ташкентского высшего танкового командного училища оказался на пересылке в Кабуле. Находясь в распоряжении штаба 40 армии, имея ВУС командира танка Т-62 и неделю болтаясь без дела, ожидая «покупателя», я стал зрителем спектакля-хохмы, организованного незнакомым крепким черноволосым капитаном.

После обеда на очередном построении говнистый прапорщик, служивший на пересылке, постоянно пугавший нас каким-то гиблым «Панджшером», зачитал список очередной команды. Названные построились отдельно, а основная масса продолжала стоять в общем строю и наблюдала за происходящим.

Прапорщик представил объявленную команду капитану с десантными эмблемами, который вдруг сказал: «Товарищ прапорщик, я с этими бойцами буду по горам ходить или их на себе таскать?». На что, «прапор» хамским тоном отвечает: «Кого дали, того и забирайте, как будете по горам ходить — это не моё дело, мне приказали, я выполнил». После этих слов капитан ему металлическим голосом говорит: «Вы видели распоряжение командующего армии, где указано для всех, что мне, начальнику штаба отряда спецназа капитану Быкову, даны полномочия — отбирать всех, кто мне нужен, и кто мне понравился — я могу забрать с собой. В свою часть! И вас, товарищ прапорщик, я забираю с собой, будем вместе на караваны ходить. Если получится, я из вас сделаю «Героя СССР», может посмертно...»

¹ Жолдас Уразбекович Кукимов, родился 27.05.1966 г. в многодетной семье офицера. Окончил СШ №3 в г.Чирчике и два курса ТВТКУ. С сентября 1984 по ноябрь 1985 года служил в 154 ооСпН. Окончил Ташкентский политехнический институт. До развала СССР работал в ПО «Электрoхимпром». В период становления независимого Узбекистана занимался бизнесом и возглавлял Чирчикское городское отделение объединения ветеранов воинов — интернационалистов Узбекистана. В настоящее время живет в Казахстане. Женат. Имеет пятерых детей.

Подполковник Быков Григорий Васильевич, службу проходил в должности начальника штаба 154 ооСпН. Впоследствии командовал 334 ооСпН

После этих слов капитан Быков обратился к нам: «Товарищи сержанты и солдаты! Кто хочет на самом деле повоевать в спецназе, могут записаться, и вас я заберу с собой». Он позвал сержанта Алексеева Сергея, который был тоже отчисленным курсантом из СВАКУ, приказал взять бумагу, ручку и записать всех желающих в количестве 60 человек. О чем доложить ему лично. Сергей добросовестно выполнил приказ, и получилось таких добровольцев служить в спецназе 72 человека вместо 60. О чем он и доложил капитану Быкову.

Пройдя вдоль строя и посмотрев каждому из отобранных в глаза, Быков спросил:

— Все?

— Так точно! Семьдесят два человека!

— А почему фамилии прапорщика нет в списках? — Взяв список, Быков

лично дописал в него фамилию горе-прапорщика.

На что тот поникшим голосом произнес: «Товарищ капитан, может, не надо?»

Над строем прокатился гомерический смех солдат.

Быков дождался, когда шум стихнет, и громким командным голосом ответил: «Товарищ прапорщик, я мужик, и привык отвечать за свои слова. Я же сказал, что сделаю из вас героя СССР. Собирайтесь, поедете со мной». После чего Быков дал команду разойдись и собирать вещи, а прапорщику приказал подготовить документы по списку.

Через некоторое время началась основная часть зрелища.

Наш «кандидат в герои» помчался в магазин военторга и понес в модуль, где разместился Быков, большую коробку подарков.

Перед ужином и после отбоя он еще несколько раз бегал в магазин за водкой и другими напитками для Быкова. Мы потешались над этой картиной, но прапорщику было не до нас. Он «отмазывался» как мог.

Утром следующего дня, пофамильно 72 человека, под командой капитана Быкова покинули пересылочный пункт. Его последние слова, обращенные к оставшемуся прапорщику: «Если в следующий раз будете вести себя плохо, то я вас точно заберу!» — потонули в истерическом смехе оставшихся на пересылке военнослужащих.

На этой первой волне уважения к капитану Григорию Быкову и началась моя служба в 154 ООСПН. Как известно, в мае 1985 года он ушел комбатом в Асадабад.

Когда мы в сентябре месяце прибыли в отряд, нас распределили в первую роту, а в роте по численности едва набиралась одна группа. В строю были только два офицера Зайков и Мартьянов. Зайков исполнял обязанности командира роты и зампотеха. Все остальные офицеры лежали в госпиталях. Не было и комбата Портнягина. Он был ранен. О нем солдаты говорили с уважением. В нашей 3 роте лейтенант Хорошаев лежал раненым, а Лютый и Борецкий с тифом и желтухой. Почти весь батальон был в санитарных «потерях». Субтропический климат сделал свое поганое дело, но на следующий 1985 год медики круто за нас взялись. С марта нас приучили пить верблюжью колючку и инфекционные «потери» существенно сократились. Только малярия безжалостно косила тех, кого покусали комары.

Одновременно с нами в отряд прибыл во вторую роту командиром группы лейтенант Бекоев. Он за короткое время завоевал авторитет и часто исполнял обязанности командира роты. После его гибели стали ходить разговоры о его бездумной храбрости, и даже авантюризме. У солдат, служивших с ним другое мнение. Он был одним из лучших наших рейнджеров, осторожным и никогда не лез в тупиковые ситуации в которые, порой, попадали другие и несли людские потери. К сожалению, даже уважаемый мной начштаба носил погоняло «труподел». Вспоминая Бекоева, в памяти всплыл такой случай: 29 декабря 1984 года 2 рота улетела на караван в район пакистанской границы. Вернулись они назад в обед 1 января 1985 года. Земляки из этой роты рассказали, что на них в новогоднюю ночь вышел из Панджшера мощнейший караван груженный золотом и алмазами. Бекоев, оценив ситуацию караван не атаковал и приказал бойцам сидеть и не высовываться. Бойцы тогда оценили его мудрость и его желание сохранить людей. Караван принадлежащих Ахмад Шаху драгоценностей охраняли крутые ребята и они бы стерли в порошок немногочисленную группу. Да и в новогоднюю ночь никто на помощь спецназовцам, в случае начала боя, не пришел бы. Это обсуждалось в отряде. Говорили, что доказывая свою правоту, Бекоев с кем то из офицеров даже подрался. Второй случай произошел через месяц или два. Мы всю ночь на броне добирались до кишлака, где должен был находиться склад с оружием. Была поставлена задача захватить и уничтожить его. Наша рота поднялась на хребет прикрывать основные силы со стороны гор, но с высоты нас встретил ДШК,

который бронегруппа накрыла одним залпом. На захват склада пошла 2 рота, однако ребят тоже встретили пулеметы. Проводники афганцы погибли. Бекоев оценил обстановку и доложил наверх, что склад взять невозможно. А ввязываться в бой смысла нет, так как начало светать и следует отходить. Однако операцию нельзя было считать безрезультативной, так как в ходе боя был убит крупный полевой командир, входивший в пятерку самых привилегированных духов. Об этом через несколько суток объявил капитан Быков. Были оформлены награды на особо отличившихся при захвате духа разведчиков — рядовых Андрея Грозы и снайпера Арифа Абдазова. Удачной оказалась операция силами двух рот по разгрому из засады большого каравана в районе Гошты в ноябре 1984 г. Старшим выхода являлся замкомбата Абзалимов. Сил тогда оказалось маловато для уничтожения всего каравана. Часть его ушла. Особо отличился в том бою Бекоев. За что был представлен к первому ордену. В течение того года наши разведчики трижды сталкивались в боях с иностранными наемниками: в мае месяце с американцами (среди которых были чернокожие), в августе — с «черными аистами», в начале декабря — с французскими «дикими гусями». О последнем случае боестолкновения группы Мартьянова с галлами, говорили, что якобы на Западе была даже журнальная публикация.

В декабре в 3 роту прибыли взводными лейтенанты Хорошаев, Особенко и капитан Петунии. Из офицеров того времени в лучшую сторону выделялись Абзалимов и Лютый. Это были наиболее опытные спецназовцы отряда и один другого стоил в словесной перепалке. Как вцепятся, бывало, друг в друга, даже при нас, а мы уши развесим, — «обана два рекса, что-то опять не поделили». Но у Лютото, надо отметить, очень сильно была развита интуиция и он даже обычный случай на первый взгляд, не пропускал просто так, а все анализировал и делал выводы. А когда он ставил задачи или отдавал приказ — это была картина маслом! Я просто наслаждался, когда слушал его. Нас, курсантов ТВКТУ, этому мастерству учили и «натаскивали» на занятиях по тактике в Чирчике. Из молодого поколения им равных офицеров отряда мне запомнились Бекоев, Гурсункулов, Лемешко (к сожалению, все покойные, земля им пухом), из второй роты командир группы Лысов и замполиты Фоменко и Борецкий.

Последний Георгий Борецкий являлся замполитом нашей роты — душа человек, юморист, ходячий анекдот со своими афоризмами. Отличным офицером был Мусиенко Саша. Я горд от того, что меня свела судьба с такими людьми. Офицером с большой буквы, безусловно, являлся Мартьянов. За солдата горой стоял. Это я на своей шкуре испытал.

Анатолий Анатольевич Петунин добрейший был человек, поскольку он оказался постарше всех, мы его звали «дед мазай». Сейчас много времени прошло, я признаюсь, что мы с ним дружили и даже водочку пили вместе у него в кабинете, когда он стал начштабом. Перспективным офицером был Особенко Вадим. Он позже ушел начальником разведки отряда, а Жерелин, мой командир группы, пришедший после Хорошаева, это вообще человек, идущий вперед! И всегда горяч с солдатами, но справедлив.

Особо хочу вспомнить переводчика роты Розыкова. Называли мы его «брат мамадка». Не знаю, как ему это прилипло, но все так и звали «брат мамад». Ему до лампочки было, чем солдат в быту занимается сам, но многое, что происходит у офицеров он нам рассказывал. Однажды он сообщил, что офицеры хотели оставить меня служить еще на полгода: «Мол, броню некому доверить». Последнее слово было за комбатом Абзалимовым, и он веское слово таки сказал: меня вместе со всеми отправили на дембель.

Большим уважением пользовался связист комбата рядовой Баха Кенджаев. Профессионал своего дела! Он чудом остался жив, в бою, когда одной очередью «духи» убили офицеров Туркова и Овсиенко. Баха шел за ними третьим и за мгновение успел упасть, чем сохранил себе жизнь. Его привлекали и как переводчика для допроса пленных. Отмечая сержантов, к сожалению, многих я уже не помню, но из нашей роты достойными были: Астафеев Олег, Ашмарин Миша, Ишанкулов, Аманов, Алехин, Надутый, Силков, Коваленко Василий, Лязин, Талипов, Айдаров, Икрамов, Абдазов, Мавлянкулов, Кирилин, Пасечный, Гроза, Михневич, Другаль, Жоров, Никоноров, Мицининко, Костоев, Джимхаев, Пекшин, Колисниченко, Дидух, Амбарцумян, Карапузкин, Алиев, Мамаднйязов, Кулулов, Войциховский Володя и другие. Плохих не помню, если даже они и были — отсыпались в памяти... А были герои! Первым в отряде подорвал себя гранатой Эльдар Асанов. Он похоронен в Бастанлыкском районе Ташкентской области в городе Газалкенте. Одна из центральных улиц названа его именем. Вторым подорвал себя Володя Пирожков, он был одного призыва с Асановым. И Володя, потрясенный подвигом Асанова постоянно повторял одну и ту же фразу: «Если что случится, я поступлю как Эльдар!» На что я ему не раз выговаривал: «Не стоит так говорить — накаркаешь!». Поговаривали, что их представляли к Герою СССР, но впоследствии все погибшие получили ордена Красного Знамени (посмертно). Среднюю школу № 25 в Чирчике называли именем Пирожкова.

Я же прошел через боевые действия 1984 — 1985 гг. Награжден медалью «За отвагу». Уволен в запас в ноябре 1985 года.

СОВСЕМ НЕ РАЙСКИЙ УГОЛОК

О Джелалабаде в Афганистане говорили с особым почтением по двум причинам. Первая: здесь располагалась зимняя резиденция афганского короля, куда в период суровой кабульской зимы перебиралась вся семья владыки и наслаждалась красотами местного климата, при котором даже в январе продолжали цвести розы. Зимняя резиденция представляла собой небольшой и уютный двухэтажный дворец с башенками и куполами, вокруг которого был разбит прекрасно спланированный сад с экзотическими растениями, которые цвели круглый год, наполняя все вокруг необыкновенными ароматами. Резиденция сохранялась несмотря на бурные события революций и войн. Комнаты дворца сохранили дух живших здесь королей. Все предметы оставались на местах и в кабинете, и в гостиной, и даже в спальне с туалетом. С захватом города талибами дворец оказался разрушенным. Вторых, это был пограничный с Пакистаном город, или, как его называли, ключ к Кабулу. С развитой торговлей и миграцией населения.

Если подняться на вертолете тысячи на две, то в хорошую погоду можно увидеть всю долину Нангархар, лежащую на востоке Афганистана, и по достоинству оценить ее могущество и красоту. Кажется, что долина вобрала в себя все многообразие афганских ландшафтов: плотные кишлачные зоны вдоль русел рек и их пустынные высохшие русла, водостоки и овраги, горные массивы со снежными вершинами, участки каменистых плоскогорий и пустынь, кустарниковые и лесные заросли на склонах гор. Через всю долину с запада на восток, извиваясь синей лентой, течет горная река Кабул, очень своенравная, с сильным и быстрым течением. С севера в нее впадает не менее полноводная река Кунар, несущая свои воды через одноименную горную провинцию.

На северо-востоке раскинулся горный массив, за которым прочно закрепилось название «мрачные», или «черные горы». Название это связано с тем, что именно здесь, на границе с Пакистаном мятежники оборудовали целую цепь укрепленных базовых районов, таких как «Тангай», «Гошта», «Варакалай», «Карера», «Нева» и другие.

Природа Джелалабада поражает обилием своей флоры. Только здесь — банановые пальмы, эвкалипты... Эвкалипт — во многих отношениях замечательное дерево. Он быстро растет и достигает 100 метров (абсолютный рекорд среди цветковых растений). Не знаю, кто и когда завез их из Австралии, но эвкалипты прижились в Джелалабаде и успешно использовались для осушения переувлажненных местных грунтов. Насколько я помню, в Союзе их много только во влажной Колхиде.

Популярность эвкалипта очень высока благодаря ценному эфирному маслу, убивающему микробов. Мы широко использовали эвкалиптовые венники в бане, поскольку они создавали своеобразный лечебный дух в парной, помогающий избавиться от недугов. Благодаря особому химическому составу у эвкалипта очень мало вредителей и болезней. Это настоящее дерево жизни, которое оберегало нас от хворей. Было и много фруктовых деревьев, которые в условиях жаркого климата источают необыкновенный цитрусовый аромат. На ветках висят темно-зеленые плоды грейпфрута размерами со средний лимон, которые к осени созревают и становятся большими и желтыми.

Впервые в жизни здесь мы увидели необыкновенно богатое изобилие цветов. Особенно производила впечатления необычная лиана из семейства ночесветных под названием бугенвиллия. Она встречалась всюду — на ухоженных газонах королевского дворца и у бедных лачуг. Одно такое пятиметровое сокровище росло рядом с модулем командира.

Но и фауна не уступает своим многообразием. Первое знакомство состоялось с варанами, которые бегали по стенам и потолку наших жилых и служебных помещений. Это наиболее крупные ящерицы, обладающие стройным и мускулистым телом. Афганские вараны имеют разнообразную окраску (полосатые, желтые, пустынного или серого цвета), но приглушенного не слишком яркого оттенка. Они удивительно хорошо лазают по деревьям и охотно заходят в воду. Убежищами им служат норы и дупла деревьев.

Вараны — активные хищники, поедающие птиц, ящериц, змей, мышей, черепах, скорпионов, фаланг, насекомых, плоды и семена растений. От человека варан старается убежать, бежит со скоростью 100 метров в минуту.

Однако наш боец любопытен и в свободное время охотится за варанами, поэтому в случае опасности тот яростно защищается от них и кусается как собака. Укусы его довольно болезненны, причем, как рассказывают, крупные вараны в состоянии перекусить человеку палец, подтверждая поговорку, «ему палец в рот не клади».

Но грозой животного мира здесь являются многочисленные змеи. Наиболее распространенные среди них — индийские кобры. Я познакомился с представительницей этого мерзкого племени при забавных обстоятельствах на собственной территории штаба бригады. Однажды, проходя мимо стоянки техники спецрадиосвязи, увидел дюжину солдат хозяйственного и автозвода, оживленно разговаривающих, издающих истошные вопли и взрывающиеся при этом гомерическим смехом. Молодежи свойственно веселье, но такое неадекватное поведение многих бойцов насторожило меня. Поэтому я подошел к ним.

Они поднялись, приветствуя меня, и в этот момент я увидел на площадке между ними вертикально поднятую переднюю часть тела полутора-метровой очковой змеи, которая, грозно опустив голову и раздув капюшон на шее с ярко проступившим рисунком, очень похожим на настоящие очки, танцевала грозный танец. Дикий суеверный страх охватил меня мгновенно.

— Вы что, совсем обалдели, ребята? У нее же смертельный укус, — сказал я приглушенно.

— Не бойтесь, она ручная, — ответил мне громко и нарочито задиристо рядовой Сызранцев из комендантского взвода, — мы ей рот зашили нитками.

При этих словах он опустил перед коброй на колени и вытянул вперед руку, как заклинатель змей, демонстрируя мне и притихшей компании «магическое искусство колдуна».

Однако наша кобра не захотела повиноваться шарлатану и нанесла резкий удар для укуса, а потом попыталась отползти в сторону, но ей преграждали путь пыльные солдатские ботинки, и она вновь приняла боевую стойку. Но на этот раз ловко схватил змею за хвост и поднял в воздух рядовой Данышин.

Я отпрянул, когда взглянул в небольшие с круглыми зрачками глаза этого наводящего всеобщий ужас чудовища.

— Где вы ее поймали? — спросил я.

— В фундаменте нашего модуля, — ответили, перебивая друг друга, санитары рядовые Данильченко и Тарасюк.

— А еще одну видели под корнями деревьев, рядом с магазином «военторг», но поймать ее не сумели. Уползла, — добавили Михайлов и Слюняев.

— Как же вы не побоялись взять ее в руки и зашить пасть?

— А мы хотели сначала просто ей зубы выломать, но побоялись, вот и зашили, — пояснил Мухамеджанов.

— Немедленно прекратить это баловство. Насколько я знаю, самцы и самки держатся парами, так что побаивайтесь мести второй змеи.

Вечером на совещании офицеров мы с командиром подробно проанализировали этот факт и дали жесткие указания командирам и политработникам тщательно проверить всю территорию и обеспечить безопасность в местах человеческого жилья. Напомнили, что среди 14 видов кобр встречаются плюющие змеи, способные выбрызгивать яд в направлении врага на расстояние до 2 метров. При попадании яда в глаза наступает помутнение роговицы и полная слепота. А легенды об обломанных зубах необоснованны, так как даже обломанными основаниями змея может нанести ранение и выпрыснуть яд. А вместо сломанных зубов быстро вырастают не менее ядовитые заместители. Врачи медпункта доложили о наличии в аптеке про-

тивоядия от укуса кобры и проведенном инструктаже санитаров и личного состава.

Все оживились, ветераны отряда спецрадиосвязи начали вспоминать, что раньше змей не было, так как на территории бывшего оливкового завода жил мангуст, который выслеживал и бесстрашно нападал на заползающих змей, но как-то ночью его застрелил испуганный часовой комендантского взвода. Жаль, а ведь этих защитников людей описал еще легендарный Редьярд Киплинг.

Серьезный тон служебного разговора оказался на время нарушенным, и наперебой старожилы бригады стали вспоминать проделки еще одного животного — любимца соединения мартышкообразной обезьяны по кличке Тарас. Необычайно юркая обезьянка этого типа в древние времена была объявлена священной за то, что украла для своего народа чудесный плод манго, который рос тогда только в саду злого цейлонского великана. Обезьянка была поймана на месте и брошена в огонь, но смерти избежала — только лицо и руки навсегда остались обожженными, черного цвета. Складывалось впечатление, что Тарас чувствует свою исключительность и поэтому ведет себя с многими очень заносчиво и цинично.

Во-первых, он сумел влюбить в себя командира, позволявшего ему сидеть на своем правом плече. Тарас не разлучался с командиром, а когда тот выезжал на боевые и закрывал его в модуле, он очень скучал и издавал печальные звуки.

Во-вторых, если командир начинал журить за недостатки своих подчиненных офицеров, Тарас порой бросался на объект критики и начинал его бить кулаками и кусать за погоны и плечи. При этом стараясь больше демонстрировать усердие и злость, чем делать больно.

В-третьих, во время обхода, созерцая городок с плеча командира, он ловко запрыгивал на ветки эвкалиптов и скакал с одного на другое дерево, осматривая территорию. Если обнаруживал незваных гостей, начинал громко и противно кричать.

Но Тарас очень боялся змей и являлся индикатором опасности — обходил стороной участки, где они могли находиться.

В отличие от животного мира, наши бойцы инстинктивно не боялись ничего. Смесь мальчишеского интереса к азиатской экзотике и поиск экстрима толкала их порой за диковинными букашками на минные поля.

...А вот война тяжким грузом давила на неокрепшую психику. При этом из 47 погибших военнослужащих в том кровавом году 29 человек сложили головы в период командования Портнягиным. Статистика потерь того года выглядит удручающе. Самые большие потери, по 5-6 человек, произошли в подразделениях спецназа: в марте — в первой роте; в апреле

— в 4 роте; в мае — не было боевых выходов, так как обустроивались на новом месте; в июне — во 2 роте; в июле — в 3 роте.

В горах и ущельях, в ледниковых водах бурных рек Кабула, Кунара и Печдары, в пороховом дыму, в невыносимой жаре и пролитой крови спецназ учился воевать в провинциях Нангархар и Кунар, где всю войну, как отмечал командарм Громов, шли особенно ожесточенные схватки.

Со становлением офицерских кадров в отряде, подъемом морального духа спецназовцев, укреплением медслужбы, остановившей эпидемии, несколько снизились и боевые потери в подразделениях. Однако и в ноябре, и в декабре 1984 г., уже при новом комбате капитане Дементьеве, они составили одиннадцать человек. А количество раненых и больных, убывших в госпитали тогда никто просто не считал.

А ветераны помнят всех поименно.

ГЛАВА 7

ХРОНИКА 1985 ГОДА

В этом году боевые действия в Афганистане достигли своего пика. Бои принимали все более ожесточенный характер, и советские войска по-прежнему оставались главной силой в противоборстве официальных афганских властей и вооруженной оппозиции. Этому во многом способствовала позиция Б. Кармалы, откровенно полагавшего, что ограниченный контингент советских войск будет оставаться в Афганистане бесконечно долго, выполняя функции охраны верхушки НДПА. Более того, не полагаясь на силу и верность своих частей, Кармаль постоянно обращался к советскому политическому руководству с просьбами о проведении боевых операций в различных районах страны. Просьбы эти, как правило, удовлетворялись, все более превращая советские части в решающую силу, обеспечивающую само существование республиканской власти.

В 1985 году были проведены наиболее крупные операции против сил контрреволюции в Панджшере, Кунаре, Герате, Пактии, Хосте и ряде других районов Афганистана. Особенно тяжелыми и кровопролитными были бои против отрядов Ахмад-шаха Масуда в Панджшере и провинции Кунар. К тому времени афганская армия уже несколько окрепла, однако вести самостоятельные боевые действия не была способна. Поэтому советское военное присутствие, поставки вооружения, техники и другого имущества фактически продолжали оставаться гарантом пребывания НДПА у власти.

Из информации командования 40 армии: «Боевые действия в ДРА отличаются размахом и ожесточенностью. В ходе проведения Кунарской операции на всем протяжении Кунарского ущелья — от Джелалабада до Барикота (170 км) вертолетами десантировалось 11 тысяч человек...»

Соединения и части ограниченного контингента советских войск, непрерывно участвуя в операциях, несли значительные потери. За год в боях в ДРА погибло 1868 человек, в т.ч. 180 спецназовцев (из них 26 солдат и офицеров 154 ооСпН. 11 февраля утонули 11 человек); пропали без вести — 3: мл.сержант Житняковский Виктор Юльянович, рядовые Наумов Павел Михайлович и Ситников Геннадий Яковлевич.

В соответствии с ДГШ № 314/2/0208 в марте 1985 года на территорию Афганистана были введены штабы 15 и 22 обрСпН и подразделения бригадной структуры — отряды спецрадиосвязи (осрс) и подразделения обеспечения и обслуживания. 15 бригаду разместили в г.Джелалабаде, про-

винции Нангархар. Командиру бригады подполковнику Бабушкину В.М. были подчинены и вошли в штат бригады 154 ооСпН, 177ооСпН, 334 ооСпН и 668 ооСпн. Бригаде определена зона боевой ответственности шириной 800 км и глубиной до 250 км, протянувшаяся вдоль границы с Пакистаном от провинции Кунар до провинции Пактика.

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА¹

В феврале 1985 года я вернулся из госпиталя. Еще в Кабуле до меня дошли слухи, что в отряде ЧП. Как потом выяснилось, начальник штаба капитан Г.Быков, по обыкновению, «махнул шашкой». Он спланировал выход отряда в район Гошты. Но для того, чтобы выйти туда, нужно было форсировать реку Кабул. Это и раньше проделывалось подразделениями отряда. Но в тот раз Быков пренебрег самыми элементарными правилами форсирования водной преграды вброд. На противоположном берегу не были выставлены даже створные знаки. Я уже не говорю о том, что брод обычно отмечают вешками, технику готовят к преодолению водной преграды, а перед началом форсирования проводят разведку брода. Понадеявшись на то, что река неглубокая и на русское «авось», Григорий начал форсирование. Кабул — река хоть и неглубокая, но довольно бурная, и, по афганским меркам, широкая. Дело осложнилось еще и тем, что все происходило в темное время суток. Как потом оказалось, афганцы незадолго до злополучного форсирования произвели слив воды из Джелалабадского водохранилища. В результате уровень воды в реке поднялся. Течение усилилось. Один из бронетранспортеров, форсировавших реку, забуксовал при выходе на берег. Идущая сзади машина остановилась, но поскольку течением ее начало сносить, водитель решил выйти на берег несколько правее первой машины. А там буквально несколько шагов в сторону от брода начинается глубокая яма. Машина поплыла, но недолго. Поскольку лючки в днище задраены не были, в корпус хлынула вода, и БТР затонул. Вслед за ним снесло еще один, и его постигла та же участь. Личный состав, находившийся на машинах, стал тонуть. Выплыть в такой ситуации, в теплой куртке и обвешанному боеприпасами, нереально. Всего утонуло одиннадцать человек. Вся война на этом прекратилась. Стали доставать технику. Шутка ли, БТР сам метра два с хвостиком в высоту, да антенна метра три. Так вот, от одной машины только кончик антенны из-под воды и торчал. Искали людей, но в

¹ Лютый Дмитрий Евгеньевич.

этом бурном течении троих снесло куда-то дальше, и найти их тела не удалось. Во время той переправы утонул наш начальник вещевого и продовольственной службы Сергей Лемишко. У него в Союзе родился сын, которого он так и не увидел. Лемишко вошел вместе с кандагарским отрядом, а несколько позднее его перетащил к себе Портнягин. Тыловиком он стал из-за своего малого роста. В РВДКУ его не взяли. Но по духу он был настоящий боевик. Еще в Кандагаре, решив все вопросы обеспечения отряда по своей службе, он отпрашивался на войну. В Джелалабаде было то же самое. Именно так он и попал на броню в тот злополучный выход.

Чтобы отыскать тела пропавших, пришлось связаться с местными духами. Они относились к отряду с уважением и поэтому взялись помочь. Они сказали: «Если бы вы были не спецназ, а пехота, то из вас бы отсюда никто не ушел. Вам же мы поможем». Трудно сказать как, но они нашли тела троих пропавших и вернули. Причем даже часы на руках не были тронуты.

СМЕНА РУКОВОДСТВА

После ранения Портнягина какое-то время отряд был без комбата. Но вскоре прислали из Гардезской дшбр капитана Дементьева. Такое назначение всех насторожило. Но вскоре выяснилось, что мыслит он правильно. Его желание активнее использовать вертолеты, а также делать упор на тактику налетов совпадало с моими соображениями на этот счет. Причем, он не гнушался сам возглавить отряд при совершении налета. На броню так на броню, пешком так пешком. Это, конечно, вдохновляло личный состав и офицеров. И вскоре усилия Дементьева увенчались успехом. Сначала дали один результат, затем второй, третий. И произошло самое главное — изменилась психология людей, они поверили в себя и поняли, что и они что-то могут.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КОМБАТ ДЕМЕНТЬЕВ

19.01.1953 г. — 2.04.2007 г.

Дементьев Алексей Михайлович родился 19 января 1953 года в селе Кошелевка Корсунского района Ульяновской области. После окончания Казанского суворовского и Ульяновского гвардейского высшего танкового командного училища проходил службу в различных частях Вооруженных сил Советской армии, пройдя путь от командира танкового взвода до командира бригады спецназначения ГРУ. Боевое крещение командир парашютно-десантного батальона капитан Дементьев получил в Афганистане, где прослужил с ноября 1983 по ноябрь 1984 г. в 56 дшбр. Став майором, возглавил 154 отряд специального назначения в Джелалабаде и успешно командовал им. В конце 1984 года разведотряд под командованием Дементьева в составе двух рот спецназа двое суток ждал караван в районе Мазаричина провинции Нангархар. Когда караван втянулся на всю глубину засады, его атаковали. Десятки вьючных животных везли ракеты, ящики с боеприпасами, оружие. Под стать каравану была и охрана — около 200 боевиков. Спецназовцы нанесли мощный внезапный удар и победили. После боя, который продолжался несколько часов, среди завалов из мертвых ишаков и верблюдов насчитали около сотни трупов душманов. Спецназ практически потерь не понес. Однако, по оценке самих спецназовцев и данных разведки, перехватывалось всего 12-15% караванов, шедших в Афганистан. Лишь в одном из трех выходов с базы спецназ сталкивался с противником. Примером успешного ночного налета на кишлак служит операция, проведенная Дементьевым в феврале 1985 года, когда в ночном бою в кишлаке Тонги-Тогчи было уничтожено 28 главарей вместе с охраной исламской оппозиции провинции Нангархар. После этой акции активность душманов в провинции почти на месяц была сведена к нулю.

Командир 154 отдельного отряда спецназа 15 обрСпН полковник Дементьев А.М.

В августе 1985 года Дементьева назначают на вышестоящую должность, заместителем командира 15 бригады СпН. За героизм и мужество, проявленные в боях, Алексей Михайлович награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». После окончания разведывательного факультета Военной академии имени М.В.Фрунзе Дементьев назначен командиром 16 бригады специального назначения в Чучково, где, опираясь на боевой опыт, полученный в Афганистане, готовил специалистов для частей специального назначения. Уйдя в запас в звании подполковника, он не сидел без дела — руководил промышленным предприятием, работал в военном комиссариате... 2 апреля 2007 года на 55 году жизни после тяжелого онкологического заболевания Дементьев скончался. Дело его жизни продолжил младший сын Константин, который окончил военный институт.

Дмитрий Лютый вспоминал: «К моему приезду из госпиталя в роту уже были все взводные: Хорошаев, Петунин, Мартянов, Особенко. И мои усилия тоже увенчались успехом. В тот период наиболее значительный результат дала моя рота.

Полковник Лютый Дмитрий Евгеньевич, службу проходил в должности начальника штаба 154 ооСпН. Впоследствии — заместитель командира 154 отряда

Одним из слагаемых нашего успеха было наличие достоверной информации, поступавшей из органов госбезопасности Афганистана. В провинции Нангархар в руководстве ХАД были отличные мужики. Возглавлял его Мазула, преемник Наджибулы, будущего президента Афганистана. Прекрасный человек и надежный. Я был уверен, по его информации никогда не будет «подставы». Под стать ему был начальник отдела по борьбе с бандитизмом Миагуль. По образованию, кажется, агроном, но в силу обстоятельств ставший контрразведчиком, и весьма неплохим. Советником начальника отдела по борьбе с бандитизмом Джелалабадского ХАД был подполковник Труш, с которым у меня сложились прекрасные отношения.

Царандой практически никакой информации не давал. То же относится и к нашим агентурным группам, работавшим

по линии ГРУ. «Бородатые сказочники», их иначе не называли. А агентурная группа, работавшая в провинции Лагман, нас однажды очень здорово подставила. По их информации, которую, как потом выяснилось, подставили им духи, находился такой «вкусный» склад, что я даже не поверил, да и опыт тогда уже подсказывал, что не может там его быть. Попросил летчиков проверить, что там такое. Первая же пара вертушек, которая появилась там, нарвалась на ураганный огонь ПВО. После этого весь авиационный полк целый день утюжил это место. Духи подготовили очень мощную засаду на площадке приземления. Одних ДШК там было больше десяти. Агентурщикам из Лагмана очень повезло, что нам с ними больше не довелось встретиться.

Как я уже рассказывал, мы избрали тактику налетов. Получив достоверную информацию от органов ХАД, что в каком-то кишлаке находится бандгруппа или склад с оружием, мы выдвигались в район этого кишлака. Если действовали на броню, то она обычно высаживала нас километрах в семи от объекта, и далее мы шли пешком. Броня же оставалась в том месте, где нас высадила, или укрывалась где-то неподалеку в готовности подойти и поддержать нас огнем или эвакуировать.

Мы выдвигались к кишлаку и начинали работу. Было два варианта: «по-мирному» и «по-боевому». Разница была в том, жилой это кишлак или нет. Если жилой, то приходилось рисковать и не открывать огня до тех пор, пока по нам не произведут первый выстрел. После него начиналась обычная работа.

«По-боевому» было работать проще. Этот вариант отработывался, когда мы знали, что кишлак нежилой, а в нем засела банда. Ворота в кишлак мы сносили зарядом тротила. Одновременно во двор через дувал летела мина ОЗМ-72 с коротким куском ОШ. Она играла роль большой гранаты, после подрыва которой во дворе обычно никого не было. В кишлак входили, дав очередь перед собой. Если же нужно было войти в дом, то сначала летела граната. Если рядом с кишлаком находились какие-то высотки, позволявшие контролировать ситуацию, мы их обязательно занимали. Объект обычно брали в кольцо или его подобие. Отработывали также американский маневр «Молот и наковальня», когда зачищающая группа выгоняла духов на засаду, расположенную на высоте, на выходе из кишлака. Группы, которые работали в кишлаке, получали свои сектора и направления. Тройки двигались от укрытия к укрытию, от дома к дому, прикрывая друг друга огнем. Когда личного состава хватало и ситуация была сложной, действовали по принципу «очищай и закрепляй». То есть, обеспечивали себе выход из кишлака, делая «дорожку». В уже проверенных до-

мах оставались один-два солдата, которые впоследствии и обеспечивали безопасный выход группы из кишлака.

Когда нас выбрасывали на вертушках, то тактика была похожа, с той лишь разницей, что иногда мы десантировались в непосредственной близости от кишлака. Иногда даже высаживались на крыши домов. Всю эту тактику мы сначала отработали в ППД. Там старался проводить интенсивные занятия с личным составом, используя любое свободное время. Для того чтобы достичь максимальной взаимозаменяемости, я учил разведчиков и водить машину, и стрелять из нее. Это впоследствии помогало, когда очередная эпидемия выкашивала личный состав.

Кроме этого, для управления действиями своих подчиненных я часто использовал вертолет Ми-24, превратив его на время операции в воздушный КП. Проходя над кишлаком «на бреющем», я видел всю картину боя и мог подсказывать, что следует сделать даже отдельной тройке. Кроме того, в моем распоряжении была вся огневая мощь боевого вертолета. При необходимости я мог показать летчику пальцем, куда именно нужно отработать. После того как они в пикировании атаковали какой-то объект, я на выходе из «пике», находясь в салоне, долбил из пулеметов по земле, отбивая таким образом у духов охоту стрелять вслед. Использование воздушного КП очень помогало в управлении боем и давало хорошие результаты.

Вообще, я еще раз подчеркиваю, что в основе наших действий всегда лежала достоверная информация о противнике. Нам не приходилось самим вычислять маршруты, где идут духи и потом сутками лежать в засаде в ожидании каравана, как это было в Газни, Кандагаре или Шарджое. Действия наши всегда отличались стремительностью. Однажды пришел информатор в ХАД и сообщил, что в ближайшие часы будет произведен обстрел Джелалабада и аэродрома. При этом он указал, откуда примерно будут нанесены удары. Прикинув дальность полета РС, мы почти безошибочно определили огневые позиции. Тут же вылетели туда с досмотровыми группами и обнаружили несколько десятков реактивных снарядов, выложенных на грунт, в готовности к применению. Духи, которые были на их охране, стали разбегаться. Кого-то успели завалить, кто-то ушел. Все это «добро» было доставлено в отряд и выложено на плацу. А в это время в батальоне работала комиссия, которая, как всегда, искала недостатки. Один из высоких начальников принял РСы за трубы, которые почему-то валяются на плацу, и стал их пинать ногами. После моего разъяснения, что это за трубы, полковник отскочил от них в сторону, а спустя полчаса высокая комиссия улетела в Кабул.

Командир 3 роты старший лейтенант Поддубный Сергей Николаевич (справа) и лейтенант Чухлебов

авгиевы конюшни. Кроме того, в адрес части приходила прорва совершенно бестолковых бумаг, на которые нужно было реагировать. Плюс начальник штаба отвечает за организацию и ведение разведки. Одним словом, спал часа по два, по три.

После ухода Дементьева на повышение (заместителем командира бригады), комбатом стал Роман Абзалимов, бывший замкомбата. Я выпросил себе его должность. После этого вся война была моя, а из-за бумажек меня никто не трогал.

На должность ротного, в мою роту никак не мог приехать из Бараклов Лешка Турков. Наверное, сама судьба была против его приезда. Сначала выписка о назначении на должность никак не могла прийти в часть. Когда она пришла, Лешка собрался лететь на вертушке. Но она при наборе высоты вдруг завалилась и при падении зацепила стоявшую на площадке БМ-21 «Град». Та начала работать «в белый свет». Лешка со сломанной рукой вытаскивал пассажиров из вертолета, а потом был направлен в госпиталь. Узнав об этом, я укатил в отпуск, который, «пользуясь служебным положением», постоянно откладывал. Когда я вернулся, Лешка уже погиб, а роту принял Олег Мартьянов».

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПЕХОТОЙ

Наверное, всем спецназовским отрядам в Афганистане когда-то приходилось воевать совместно с пехотой. Но что-то не припомню офицера, который когда-то отзывался о таких действиях положительно. Пришлось и нам отхлебнуть из одного котелка с «царицей полей».

Летом 1985 года 66 бригада затеяла «чесать» Лагманскую зеленку.

Спланировав операцию, они отдали нам самый, на их взгляд, бесперспективный участок. Памятуя о том, какой бардак творился в Кандагарской «зеленке», я добавил пехотное начальство, и мы получили все их частоты и позывные и схему огня артиллерии. В последующем это нам облегчило жизнь.

Ночью мы выдвинулись, чтобы скрытно занять назначенные позиции. Шли через «зеленку», нарвались на пост духов, правда, все обошлось. Духи не стали связываться и отошли. К утру мы вышли к своим позициям, которые представляли собой Т-образный хребет. Осталось только его занять. Разбив людей на две группы, я приказал начать подъем с двух сторон. Шли осторожно. Примерно на середине пути я остановил людей и решил еще раз осмотреться. Это нас и спасло. Духи, сидевшие на вершине этих гор, очевидно, хотели нас подпустить поближе и расколотить «в пух и прах». Но, увидев нашу остановку, они подумали, что мы их вычислили, и открыли огонь. Я тут же связался с авиацией и обозначился дымами. Не откладывая в долгий ящик, вызвал мою броню. Подскочил на трех БМП Жора и щедро усыпал склоны 30-мм снарядами. В конце концов мы духов с вершин сбили и сами заняли их позиции. После этого нас никто не беспокоил. От безделья мы не знали, куда деться. Так прошел день, за ним ночь.

Утром следующего дня пехота зашевелилась. Часть духов стала отходить. С моей стороны хребта по-прежнему все тихо, а на другом конце, где со своими бойцами сидел Вадим Особенко, он отметил какое-то движение, о чем немедленно доложил. Под его склоном протекала река Лагман, вдоль нее росли камыши. На противоположном берегу находилась «зеленка», которую и «чесала» пехота. Вот, видимо, через камыш духи и решили отойти. Когда Вадим доложил, что он наблюдает группу духов и может до них достать огнем, я дал команду: «Огонь!». Вадим ударил и спустя несколько минут доложил, что несколько «душков» остались лежать. Это было отрадно. Оружие решили забрать позднее. Спустя часа полтора Вадим опять доложил, что наблюдает в том же месте группу численностью около десяти человек. Снова он отработал и снова кого-то завалил. К этому времени над нами уже висела пара Ми-24. Я их сразу же навел туда. Вертушки развернулись на «боевой». Тут слышу, Вадим докладывает, что эта группа сигналил ракетами. Я запрашиваю пехотных командиров, нет ли в данном месте их подчиненных. Мне в один голос отвечают — нет. Я вертолетчикам даю подтверждение: «Работайте!». Они снова заходят, а с земли уже стали сигналить и дымами. Вертушки снова прошли вхолостую. Я повторно запрашиваю пехоту, чтобы они уточнили, нет ли их людей в этом квадрате. И

снова мне дают «добро» на работу авиации. А когда уже в третий раз летчики развернулись для атаки, на связь вышел пехотный командир, наблюдавший, как Вадим забил первую группу духов. Решив загрести жар чужими руками, он с бойцами пошел собирать трофеи, чтобы потом себя наградить. Но попал под огонь группы Особенко. Кажется, у него были раненные, и даже один тяжелый. Все это время он прослушивал в эфире мои запросы и молчал. Ответил только, когда понял, что в третий раз вертушки обязательно их накроют.

После этого случая, чтобы не скучать, я решил навести артиллерию на кишлак, куда отошли духи, которых мы сбили с горы. Туда отработала машина «Град». Видимо, один из снарядов случайно попал в склад с боеприпасами, поскольку один из разрывов здорово отличался от остальных. Страдая от безделья, решили мы поработать вокруг и, как оказалось, не напрасно. Взяли пятерых пленных. После «допроса с пристрастием» один из них «раскололся». Недалеко от нас находился кишлачок, до которого пехота так и не добралась. По данным пленного, там находился склад. Долго не раздумывая, я и еще человек двенадцать солдат и офицеров на трех БМП-2 форсировали реку Лагман. Выскочить к нужному нам кишлаку неожиданно не удалось. Во время переправы духи нас заметили и отошли. Они явно предполагали, что нас будет больше. Может быть, приняли нас за разведдозор. Пользуясь тем, что в кишлаке никого не было, мы беспрепятственно занялись поисками. Наша дерзость была вознаграждена. В мечети мы откопали ДШК, а в коровнике нашли очень солидный склад боеприпасов, где были и стволы, и РПГ, и боеприпасы. Весьма довольные собой, мы вернулись на свои позиции вовремя.

Духи из «зеленки» стали отходить именно на наш хребет. Примерно в километре от нас мы засекали группу духов численностью до ста человек. Я связался с батареей гаубиц Д-30 и дал координаты групповой цели. Комбат положил пристрелочный в центр, а потом, после моего подтверждения, отработал батареей. Духи заметались и броском переместились на склон хребта. Я ввел поправки, и новый залп снова обрушился на них. Они снова попытались выйти из-под огня, но я ввел новые поправки. В конце концов духи отошли обратно в «зеленку», до конца которой пехота так и не дошла. Часть их пыталась двигаться в мою сторону, но огнем пулеметов мы эти попытки пресекли, и они стали откатываться на юг.

Я снова связался с командиром батареи. Он дал пристрелочный. Я скорректировал его и сказал, чтобы отработал пятьсот метров южнее. Не знаю уж, что у него в голове и как провернулось, но он отработал строго пятьсот метров севернее и накрыл наши позиции. Нас спасло только то, что

мы хорошо зарылись в землю. Взрывом меня отбросило, и что-то больно ударило в ногу. На время я потерял сознание, но пришел в себя, видимо, от боли. Страшно было открыть глаза и не увидеть ноги. Но, ощупав себя, я понял, что все на месте. Как я понял, камень попал мне в какой-то нерв на колене, поэтому так и болело. Скрипя зубами, я дал команду артиллеристам «Отбой!».

Постепенно операция в «зеленке» свернулась, и мы отошли. Чтобы сократить путь, прошли через место, которое «чесала» пехота. Мы были потрясены. Пустые дуканы, разграбленные дома, убитый скот, раненые жители. В течение полутора часов мы оказывали им помощь, истратив на них все наши запасы промедола, бинтов и дезинфицирующих средств.

Стоит ли удивляться, что в Афгане нас не любили? Вообще, операции, которые проводила армия, отличались бестолковостью. Например, однажды, когда генерал Дубынин проводил Кунарскую операцию, он, для того чтобы воспрепятствовать обстрелу джелалабадского аэродрома, лично указал две точки на карте, где должны постоянно находиться наши засады. Одна точка была совершенно лысой горкой, не имевшей никакого тактического значения. Там изнывала от безделья 3 рота. А точка, где должен был сидеть я со своим бойцами, была... плацем афганского полка на окраине Джелалабада. Приказы высоких начальников не обсуждают, поэтому мы добросовестно проваляли дурака, пока не кончилась операция. Ежевечерне мы прибывали к афганцам в расположение и ложились спать под их охраной, а утром шли отдыхать к себе в расположение после «ратных трудов».

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

ОТ РЯДОВОГО ДО КОМБАТА¹

«Мы связисты — это кони, На которых командиры
въезжают в победы и в историю.
Потом о конях благополучно забывают.
Единственный великий полководец,
который остался благодарен своему коню —
это Цезарь. Он ввел своего коня в сенат!
Ну да это — Цезарь!»

Комбат подполковник В. Н. СТУПНИКОВ

Не многим дан талант доступно излагать свои мысли на бумаге, тем более для исторической книги, но меня попросил соратник, и я решился написать о том, что для меня значила служба в 15 бригаде и что запомнилось особенно остро.

Ведь служба — это целая жизнь, ни много ни мало — два десятилетия, с 1965 года и до 1987 года, я прошел службу в должностях от рядового связиста — командира радиогруппы — помощника начальника оперативного отделения — заместителя командира батальона по технической части и до командира батальона. Всю карьеру сотворил в одном батальоне — отряде спецрадиосвязи 15 бригады спецназа.

Родился я в Фергане в середине августа 1946 года в семье фронтовика, освобождавшего Прагу и получившего последнее ранение в Маньчжурии. Между раненым, находившемся на излечении в местном госпитале, и местной работницей состоялся роман, завершившийся созданием семьи и моим появлением на свет. Они обожали меня — единственного их ребенка, а я гордился своими родителями. Отец был очень уважаемым в городе человеком и работал в различных комитетах. Получал персональные приглашения из Москвы на различные торжества. Мать тоже имела весомые награды. Сожалею, что могила отца осталась в Фергане. Сейчас туда не наездишься.

В. Н. Ступников.

¹ Ступников Виталий Николаевич (15.08.1946 — 19.09.2012 гг.)

Одним словом, верный боевым традициям родителей, я оказался призванным в Вооруженные силы. 1 ноября 1965 года переступил порог нашей части. После трех лет срочной службы остался на сверхсрочную. По приказу командования в 1969 году вместе с Юрой Широковым и Юрой Гавриловым окончил курсы младших лейтенантов. Поскольку при мне происходило становление и развитие системы спецсвязи, считаю уместным вспомнить своих командиров и начальников с 1967 по 1990 г.

Список начальников связи 15 обрСпН:

1967-1974 гг. — подполковник Демченко Семён Андреевич;

1974-1978 гг. — подполковник Колобков Алексей Максимович;

1978-1982 гг. — подполковник Трофименко Николай Тимофеевич;

1982-1985 гг. — подполковник Ячменников Валерий Вениаминович;

1985-1986 гг. — подполковник Руденко Николай Иванович (награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени;

1986-1990 гг. — подполковник Муратов Ахмет Нигматович (награжден двумя орденами Красной Звезды).

Список командиров отрядов специальной радиосвязи 15 обрСпН:

С 1962-1968 гг. — подполковник Маренков Николай Петрович, принимал участие в формировании ОСРС. До 1967 года одновременно исполнял обязанности начальника связи бригады.

1968-1974 гг. — Грязнов Владимир Леонтьевич;

1974-1977 гг. — Росков Виктор Васильевич;

1977-1984 гг. — Вахонин Владимир Алексеевич;

1984-1987 гг. — Ступников Виталий Николаевич;

1987-1990 гг. — Стряпчев Александр Петрович. Оказался последним командиром отряда, которому довелось выводить ОСРС из Афганистана в Союз и пережить период его расформирования в условиях распада Советской Армии.

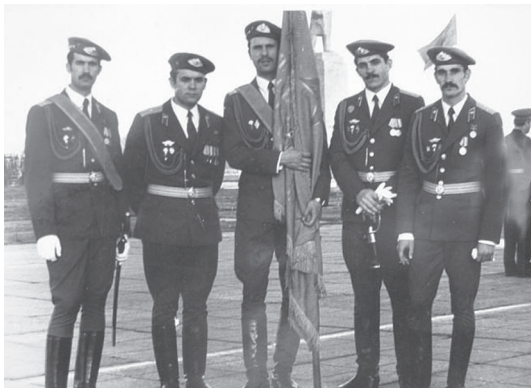
Остались в памяти фамилии офицеров и прапорщиков отряда, профессионалов-связистов: Нестеров Станислав; Романов Николай Степанович; Жуков Юрий Иванович; Жуйков Николай Васильевич; Ивашков Виктор Николаевич; Харченко Вячеслав; Бирюков Валерий Иванович; Шахалов Николай Петрович; Дубовиков Алексей; Кубышкин Александр Ивано-

Подполковник Стряпчев Александр Петрович — второй афганский командир отряда спецрадиосвязи 15 обрСпН (1987 — 1988 гг.)

вич (впоследствии полковник); Ермак Дмитрий Михайлович; Миронович Валерий; Иванчиков Михаил; Бородий Михаил.

Большую помощь в работе по воспитанию личного состава и поддержанию дисциплины оказывали политработники Мельников Николай Дмитриевич (впоследствии начальник тыла 15 бригады, полковник); Воробьёв; Борисов; Павловский Александр (награжден медалью «За боевые заслуги»); Шлаев Николай (впоследствии начальник политотдела учебного полка Спецназ ТУРКВО); Волобоев Александр (впоследствии начальник политотдела бригады связи, полковник); Маджитов Александр; Униченко Олег

Капитан Униченко Олег Петрович – замполит орср (в центре со знаменем бригады)

Петрович; Смирнов Валерий Николаевич. Прекрасно выполняли свои служебные обязанности прапорщики Крылов; Федулов Михаил; Правосолов Валерий; Красильников Владимир; Саблин Валерий; Столяров Вадим; Бочков Сергей; Страшко Александр.

Наша переброска в Афганистан в марте 1985 г. не была внезапной, ГРУ добивалось этого несколько лет. Еще за год до ввода в ДРА я вылетал с комбригом Стекольниковым в Джелалабад для рекогносцировки на местности. С помощью командира 154 отряда Володи Портнягина оценивали заброшенную территорию оливкового завода, на которой предстояло разворачивать средства связи и жить личному составу. Именно тогда родился мой план действий по сбору необходимых материальных средств и использование имеющихся объектов для размещения техники и личного состава. Так что ехали за кордон не с пустыми руками. Даже кунг, в котором я жил в Джелалабаде оборудовался в Чирчике, потому и командный пункт, и жилье у меня были с первых минут пребывания.

Когда подошло время, подготовил батальон и совершил с ним марш из Чирчика через отроги Гиндукуша и ледяной перевал Саланг в тропический Джелалабад. Где и прошли два года насыщенной боевой службы в условиях афганской войны на границе с Пакистаном в провинции Нангархар. Подвигам не совершал. Просто честно делал свое дело.

В отличие от общевойсковых частей 40 ОА, строились мы сами, по ходу набираясь опыта. Часть строительного материала собрали в Чирчике и разместили на машинах, а остальное добывали на месте у соседей-артиллеристов из 66 ОМСБР; обменивая ящики из-под снарядов на «живую валюту», которой у меня было в достатке. Правда, прости меня господа, аппаратуре из-за этого доставались крохи. Но цель оправдывала средства.

Условия службы и жизни с непривычки показались очень тяжелыми. Особенно запомнилось напряженное время осени 1985 года, когда части бригады оказались пораженными эпидемией холеры. Именно тогда для борьбы с ней рядом, на территории 66 омсбр, развернули специальный инфекционный госпиталь особо опасных инфекций, в котором пришлось полежать и моим подчиненным. Первым, помню, туда угодил прапорщик В.Неупокоев.

Первое время мы жили прямо в цехе консервного завода, в помещении длиной метров 80. Сарай без простенков и перегородок, из которого мы выбросили на свалку большое количество банок с оливками. Через некоторое время собственными силами отряда и комендантской роты штаба бригады здание отремонтировали и разделили помещение на комнаты для офицеров управления бригады, казарменное помещение для личного состава отряда и комендантской роты. Территория завода была буквально напичкана минами. Ну просто настоящее минное поле. Это проклятое минное поле! Никто из нас его не минировал — оно досталось нам по наследству вместе с территорией завода. То ли духи местные его оставили, то ли постаралась 66 бригада — так и осталось невыясненным. Только жертвами этих мин стали двое моих парней — рядовые Пугачев С.Н. и Подъячев Е.И. И виной всему стала наша безалаберность и русское авось. Была необходимость установить радиостанцию Р-357М в том районе — в удалении, за автопарком. Площадка находилась за рядом колючей проволоки, мой начальник радиостанции, прапорщик, спросил разрешения на проезд инженера части (фамилия вылетела из головы). Тот, не изучив обстановку, такое разрешение дал. Ну, парни и полезли снимать проволоку, чтобы освободить проезд для машины... В результате подрыва у обоих оторвало по ступне, и их отправили в Союз. Только после этого инженер привлек тральщик, и на той площадке обезвредили еще полтора десятка противопехоток и одну противотанковую мину.

Но несмотря на первые потери, изнурительную жару и сложную эпидемиологическую обстановку связисты достойно несли боевую службу на своих постах не только в Джелалабаде, но и в районах боевых действий, где проходили операции с привлечением частей бригады.

Организационно отряд состоял из 4 групп: приемного радицентра,

передающего радицентра, центра ЗАС и вновь созданной группы космической связи (командир — лейтенант Виктор Безкровный¹). Штаб отряда возглавлял капитан С.Аникеев. Командиром приемной радиогруппы до декабря 1987 года работал лейтенант Юрий Булыдин. Ответственный, исполнительный офицер, который никогда не боялся отстаивать свою точку зрения. Прекрасный друг и надежный товарищ. Это его трудом, его нервами обеспечивалась бесперебойная радиосвязь с отдельными отрядами спецназа, группами разведки, находившихся на боевых, вышестоящим штабом. Булыдин за два с половиной года пребывания на афганской земле стал старшим лейтенантом и был удостоен государственной награды. Не могу не сказать несколько добрых слов о передающей группе и ее командирах — лейтенанте Васильеве А., прапорщиках Бояркине и Засорине. По специфике своей

Подполковник Безкровный Виктор Анатольевич, в Афганистане командир группы космической связи отряда спецрадиосвязи 15 обрСпН. (Фото 2012 г.)

работы эта группа должна находиться на удалении от приемных машин. Вот и разместили ее на территории 154 отряда. Получалось так, что им пришлось действовать в основном самостоятельно, опираясь на собственные силы. С первых же дней размещения там были четко организованы служба и боевое дежурство. Командиры сумели сплотить коллектив для решения сложных задач по размещению, быту и обеспечению. В кратчайшие сроки была построена землянка «со всеми удобствами», спортплощадка, пункт водоснабжения. На высоком уровне поддерживалась дисциплина и обучение. За все время моего пребывания эта группа не поставила перед коман-

¹ Безкровный Виктор Анатольевич родился 5 августа 1961 г. в с. Крафиловка Черниговской области в семье рабочих. С 1978 по 1983 г. учился в Киевском высшем военном инженерном училище связи. Служил в военной разведке в г.Воркуте (УрВО). С мая 1985 года командир группы космической связи в остр 15 бригады в г.Джелалабаде. Воинское звание «капитан» присвоено досрочно. После замены с мая 1987 г. служил в полку связи КВО (г.Днепропетровск). С 1990 по 1993 г. в Западной группе войск. С 1993 по 1995 г. преподавал на военной кафедре ДГУ. Награжден орденами «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., «Генерала Маргелова В.Ф.», медалью «За отличие в воинской службе», почетным Знаком Командующего ВДВ «За отличие». Подполковником уволен в запас. С женой Людмилой Николаевной вырастили сына Максима и дочь Юлию.

дованием ни одной проблемы — все решали сами, без посторонней помощи. Однако было и такое: при совершении марша на дороге Кабул — Джелалабад у них случилась беда — одна из передающих машин на крутом склоне перевернулась, изрядно помяв кабину. Обошлось, к счастью, без людских потерь. В течение года экипаж прапорщика Бояркина и водителя Гайдабуры А.¹ сумел полностью восстановить автомобиль, заменив кабину. Где уж они раздобыли ее — тайна для меня до сих пор. До сегодняшнего дня я поддерживаю самые добрые отношения с ними со всеми. Они повзрослели, постарели, но остались по-прежнему порядочными и отзывчивыми парнями. Командиром группы ЗАС являлся старший лейтенант Медведев А.. Техником станции космической связи был прапорщик Полуэктов. Старшиной — опытный прапорщик Зуев из Чирчика, который еще накануне войны занимался обеспечением и подготовкой первого отряда КГБ «Каскад». Это был заботливый и хозяйственный человек, старавшийся создать благоприятный быт личного состава. Его сменил прапорщик Токарев. Начальниками станции тропосферной связи работали прапорщики Неупкой В. и Киселев С.

Станции тропосферной связи использовались по двум направлениям. Одна Р412 обеспечивала связь в направлении на Бараки, вторая была придана Джелалабадскому гарнизонному узлу связи, расположенному на территории 66 омсбр, где и работала в направлении на Кабул. Размещение отдельного поста «Роза» — выдвинутой тропосферной станции, обеспечивающей связь с Баракинским батальоном, опять — таки состоялось в прямой видимости от братишек 154 отряда на господствующей высоте. Связистам этого поста досталось многое: и отражение попыток захвата духами, и борьба с пожарами после регулярных обстрелов, и срочное восстановление поврежденной техники. Они делали свое будничное дело и не оценивали это как подвиг и настоящий героизм. До сегодняшнего дня я стараюсь не терять

¹ Старший сержант Гайдабура Александр Петрович родился 22 июля 1966г. в г. Приотровка Александрийского района Кировоградской области. Окончил ПТУ № 3, по специальности машинист электровоза подземного. Интересное совпадение, что в армию в ноябре 1984 г. из Белоцерковского военкомата в Чирчик его забирал бывший командир 154 ооСПН подполковник Костенюк Н.М. Пожалуй, А.П. Гайдабура — единственный из срочников, что прослужил в Афганистане с 21 марта 1985 по 12 февраля 1987 г. Являлся заместителем командира группы, старшим сержантом. Награжден медалью «За боевые заслуги». После армии окончил Днепропетровский горный институт и Национальный университет. Инженер-механик. Авторитетный человек, много сделавший для ветеранов родного отряда и бригады. В качестве только одного благотворительного примера — купил инвалиду войны разведчику-саперу 154 ооСПН, кавалеру ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» Фрунза В.В. легковой автомобиль. И таких поступков было много. Женат. С Верой Анатольевной вырастил дочь Викторю.

Ветераны орс 15 обрСпН командир группы зас лейтенант Медведев А. и старшина отряда прапорщик Токарев С. (фото 1985 г.)

рез некоторое время казахстанские орлы с удивлением потеснятся в небе для сокола — Засорина. На одной улице со мной живет Александр Медведев, да и с многими другими солдатами, прапорщиками и офицерами видимся мы постоянно. Благодаря неоднократной бескорыстной финансовой поддержке Виктора Безкровного в Днепропетровске вышли книги о спецназе Олега Кривопалова, которые своевременны и будут актуальны всегда.

У каждого поколения мужчин в нашей стране получилась своя война. По нашему гусеницами прокатились Афган и Чечня. Кажется — навоевались! Ан нет, почему-то в переписке с друзьями частенько ощущаешь желание многих вернуться в те времена! Почему же так? Может, потому, что довелось нам пожить в те клятые для армии годы, когда у нее выбили почву из-под ног, когда военному было стыдно выйти в форме на улицу? А профессия военного считалась позорней ассенизатора? И только в Афгане,

связь со своими однополчанами, прошедшими вместе со мной военную школу. Постоянно пишет ростовчанин майор запаса Андрей Васильев. Многое связывает меня с зампотехом Володей Бояркиным, который по сути был моей правой рукой. Он внес неоценимый вклад в подготовку техники к тысячекилометровому маршу, в ходе которого грамотно и быстро решал технические головоломки и вопросы обеспечения. Он и сейчас руководитель — председатель совета ветеранов поселка Кулебяки Нижегородской области. Не стареет душой алмаатинский энтузиаст Женя Засорин — он по-прежнему грезит авиацией, приобрел какой-то тренажер, имитирующий полеты и углублен в его освоение. Не исключаю, что че-

среди своих соратников, тебе подобных, ты чувствовал свою значимость. Ощущал, что окружен братьями по духу, товарищами, которым нужен ты и которые нужны тебе. Здесь никто не глянет на тебя косо, никто не посмеет сказать тебе, скосив зажавшееся рыло: «Я вас туда не посылал». Все это мы встретили здесь. Так и остались недолюбленными вместе со своей армией. И этот недостаток любви мы ощущаем, когда хотим вернуться в прошлое. Я никогда не спрашивал своего отца, хотел бы он вернуться назад? И никогда не осмелюсь спросить об этом ветерана Отечественной войны!

Легковой автомобиль -подарок Гайдабура А.П. соратнику по 154 отряду кавалеру ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» саперу-разведчику рядовому Фрунза В.В., ставшему инвалидом Афганской войны. Г.Кривой Рог, фото 28.11.2011 г.

верить, что подрастает поколение будущих защитников Родины, которые переймут те славные традиции, которыми славились их отцы и деды и когда-нибудь они с гордостью скажут: «Мой дед служил под знаменем прославленной 15 бригады спецназа».

В год пятидесятилетия нашей бригады ко мне в Кировоград приезжали многие ребята со всего СНГ. Прошли десятилетия, а мы помним друг друга. Выходит, не на словах живо наше десантное братство!

Потому что он сочтет меня недоумком. Они возвращались с фронта в страну, которая их любила и гордилась ими. Мы же получили то, что получили.

Время, время... Как же быстро ты бежишь. Все реже собирается наше поколение ветеранов бригады за номинальным столом — уже становится некого провозжать! Мои вчерашние мальчишки, мои солдаты пишут мне, что они становятся дедами. Отраднo узнавать, что их дети пошли по военной стезе. Вот и мои два внука, Максим и Никита, учатся сейчас в кадетском училище, приезжают к деду в форме! Хочется

БОИ В ПАНДЖШЕРЕ В ИЮЛЕ 1985 г.¹

В июле 1985 года 154 отряд по приказу командования второй раз участвовал в армейской операции по оказанию помощи правительственным войскам ДРА в установлении контроля над горным районом Пандшерского ущелья в провинциях Парван и Каписо. Панджшерское ущелье и прилегающие к нему горные массивы стали основным районом сосредоточения мятежных сил, складов оружия и боеприпасов, продовольствия, вещевого и медицинского имущества. Несмотря на масштабные военные операции советских войск в 1982 и 1984 гг., мятежники сохранили полный контроль за этим стратегически важным районом. В административно-политическом и военном отношении Панджшер был разбит моджахедами на 18 зон с соответствующим исламским и военным руководством и вооруженными формированиями. Здесь имелись суд, тюрьма, аэродром и госпиталь моджахедов. Долину реки Панджшер пересекали многочисленные караванные пути и тропы, по которым осуществлялось снабжение бандформирований с территории Пакистана. Поэтому указанные районы противник стремился не упустить из-под своего контроля и оборонять любой ценой. Наиболее сильно противник укреплял входы и выходы из ущелья, теснины, господствующие высоты, рудники, центры исламских комитетов, склады и базы. В промежутках между опорными пунктами было поставлено большое количество мин и фугасов.

Дмитрий Лютый вспоминал: «Комбат Дементьев был там с отрядом. Насколько помню — пехота или ВДВ не могли войти в то ущелье. Топтались на входе. Наши ночью поднялись на господствующие высоты и взяли опорные пункты духов. В ходе проведения разведывательно-поисковых действий отрядом в составе роты СПН был ликвидирован исламский комитет, обнаружено и уничтожено антенное поле, обеспечивавшее связь группировки Ахмад Шаха Масуда с руководителями оппозиции в странах, поддерживавших и финансировавших экстремистское исламское движение в ДРА. По докладам агентурной разведки, бандформирования Ахмад Шаха Масуда понесли в ходе этих боевых действий значительные потери — около 50 человек убитыми, что заставило их отказаться от проведения диверсий в тылу наших войск. После выхода из ущелья отряд пошел домой. В районе Баграма повоевали. Долбанули исламский комитет. Типа — по пути...

¹ По воспоминаниям Лютого Д.Е. и Кукимова Ж.

Знамя привезли даже в качестве трофея. Насчет ловли Ахмад-Шаха не знаю, говорить не буду».

«Про Панджшер мы узнали за неделю до выхода, — рассказывал сержант Кукимов, — но какая задача, не объяснили. За день мы совершили марш и прибыли колонной в Кабул, а на следующий день в Панджшер в н.п. Руху в расположение 682 полка. Командиры нам рассказали, что здесь когда-то дислоцировался 2 отряд спецназа. Увиденное нас поразило. Весь полк жил в землянках. Обстановка сложная. Только появляется на горизонте советская вертушка, как духи начинают обстрел ППД полка из минометов. Вся дорога была усыпана битой бронетехникой и сожженными автомобилями. Вечером после нашего прибытия и всю ночь духи на наших глазах из 6 точек с двух сторон обстреливали из крупнокалиберных пулеметов одну колонну. Когда рассвело, мы увидели много сгоревшей техники. Колонна оказалось от афганской дивизии. Эти же пулеметы начали работать по нам, но две бэмпэшки 101 и 102 сразу их заглушили. Остановились в долине речки Панджшер, недалеко от Царандоя и КП штабов дивизии или армии. Пару дней отдыхали и проводили рекогносцировку. А затем все три роты несколько раз на двое или трое суток уходили в горы на высоты более 3000 метров над уровнем моря, на поиски резиденции Ахмад-Шаха. Но все безрезультатно. Через две недели мы направились в одно недоступное ущелье, в котором, по рассказам, много нашего народу полегло. Технику оставили на входе, и разведчики шли пешком. Через три часа перехода по нашим подразделениям начал стрелять духовский пулемет ДШК. Я был в группе управления с командиром роты Юрием Аракчеевым и офицером оперативного отдела бригады Виктором Тихоновым. Огневую точку мы обнаружили на хребте. Ротный запросил комбата: «Вижу пулемет. Могу его заглушить». Дементьев отвечает: «Шмальните туда из БМП». Ротный дает команду 110 бэмпэшке, где наводчиком был Игорь Якименко, а его в эту минуту не оказалось на броне — ушел к землякам на пост охраны к пехоте. И Аракчеев, приказывает мне отработать цель. Потому что с военного училища я знал бронетехнику до винтиков и единственный на броне мог выполнять задачи и механика, и наводчика. Хорошо читал карту, не зря по топографии было «отлично». Одним словом, я пару раз по этой цели на дальности 2800 метров отработал. Затихла. Думаю, духовской точке — конец! Но через минуту с поста охраны примчались солдаты и говорят: — «Ты что делаешь? Там наши! Прекрати стрельбу!» Вскоре подкатил бэтээр комбата разведбата 108 дивизии. Матерится... «Кто вы такие?» Аракчеев ему пояснил. Тот удивляется: «Что вы, спецназ, тут делаете?» Я рядом стою и переживаю, — ведь по своим стрелял. Посадят. После этого

инцидента и разбора через пару суток нас вывели из ущелья. Секретная операция провалилась. Мы «засветились». Потери в нашем отряде составили один убитый (снайпер ночью снял) — рядовой Давиденко Николай Иванович. В разведбате — несколько раненых.

Вечером того дня нам поставили задачу выдвинуться в район н.п. Аргунхейль, что недалеко от Баграма, и нанести поражение двум духовским бандам, что до недавнего времени враждовали, но вдруг заключили перемирие и хотели вместе устроить «джихат» шурави. Пехота ушла первой, ночью, а мы с личным составом 2 роты на броне вышли утром. Коротким путем к месту боя пройти не удалось, душары шмаляли по нам из гранатометов, как из автоматов. Мы поехали в объезд через старую кабульскую дорогу и вышли к месту боя в тот момент, когда около полутысячи моджахедов окружили 1 и 3 роту, да так зажали в тиски, что мама не горюй... Разведчики засели в дувалах и вели ожесточенный бой в надежде на нас. А мы почти все увязли на пузе в виноградниках. На ходу оставалась только БМП № 111. Я Ильющенко под пулями разъяснил, что надо ехать по винограднику сверху, а не по арыку. А сами мы разворачиваясь на 90 градусов и по очереди вытаскивая друг друга, чуть позже вступили в бой. Отбили первую роту. В окружении оставалась только третья рота. Впоследствии рассказывали, что под командованием парторга Василия Парамонова¹ 3 рота грамотно вела оборонительный бой в дувале. Однако в ходе боя 23.07.85 г. погиб Лязин Павел из Ангрена, тяжело ранен Глинов и умер от ран через 2 месяца в Ташкенте, а в списках погибших отряда и бригады его почему-то нет и по сей день(!?).

¹ Парамонов Василий Георгиевич, родился 2 января 1955 г. На срочной службе с 1973 по 1975 гг. Закончил старшиной роты (ЛенВО). После армии окончил Горьковский педагогический институт (факультет физического воспитания и спорта). После окончания Вуза с 1979 по 1981 гг. работал директором детско-юношеской спортивной школы. С 1981 добровольно вернулся в армию и по 1983 гг. служил замполитом роты в 37 одшбр. С 1983 по 1985 гг. в Афганистане прошел должности от заместителя командира роты спецназа по политчасти до секретаря партийной организации и заместителя командира 154 ооСпН по политчасти. Проявил себя мужественным, выносливым и бесстрашным офицером в боях. Награжден 2 орденами Красной Звезды и орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. После возвращения в Союз с 1985 по 1987 гг. замполит батальона в 37одшбр (ПрибВО). С 1987 по 1990 гг. — слушатель ВПА им. Ленина. С 1990 по 1992 заместитель начальника политотдела 16 обрСпН (Чучково). С развалом политорганов служил заместителем командира полка Змсд (МВО). Подполковник. Уволен в запас в 1994 г. По настоящее время работает начальником отдела администрации г. Дзержинска Нижегородской обл. По-прежнему увлекается спортом: мастер спорта по офицерскому многоборью и лыжным гонкам, неоднократный призер первенств Вооруженных сил СССР и России. Женат.

В самом бою я не участвовал, так как «разулся» при выходе из виноградников на арыке более полуметра, но быстро минут за 40 натянул гусеницы. Мой ротный Аракчеев за это меня похвалил, он же сам из зампотехов и знает нашу службу...

На другой день при штурме крепости под Баграмом и уничтожении исламского комитета погиб рядовой Кузнецов Сергей Николаевич. Это произошло 24.07.1985г. Говорили, что духи обосновались в полукилометре от охранной зоны Баграмского аэродрома, и никто о них не знал...»

А в это время в Джелалабаде покоя не было.

Д.Е.Лютый рассказывал:

«Я в Панджшер не попал. Меня оставили за старшего, рулить остатками отряда с косыми, больными и хромыми. Но обижался недолго. Вскоре после их отъезда «нарыл» у хадовцев интересную информацию про небольшие бандгруппы и занялся делом. Оставшимися силами в 13 штыков, на двух вертушках и с резервом из 20 хадовцев на аэродроме, совершил три налета. В двух первых погонял душманов, а в третий налет — разгромил нарколабораторию. Взяли пленных, кучу мин, пару пулеметов, гранатомет, автоматы-винтовки и пистолет «беретта» — я его комбату Дементьеву «подкатил» по приезде.

Во время второго налета при заходе на посадку подсел нагло разгружаться прямо на генеральской площадке. А там в этот момент оказались НШ ТуркВО генерал Гусев и комбриг Бабушкин. В разведотделе армии в Кабуле на «Экране» сначала понять не могли: какие еще налеты в Джелалабаде, если весь отряд на Пандшере, но, разобравшись, не мешали работать.

Сил было маловато: всего две восьмерки и два «крокодила», брони вообще не было. Оставались в отряде две смены караула. Связист был бессменным дежурным по отряду. Со свободной сменой я и воевал. Из офицеров со мной ходил Артур Сабитов с жуткими ячменями на глазах. А переводчик сидел во главе резерва на аэродроме. Со мной еще ходил хадовец Миагуль. Большим достижением являлось то, что у меня не было даже раненых.

Были разговоры, что наши опозорили кого-то перед прилетевшим командующим южной ставкой под Баграмом... Исламский комитет был метрах в пятистах от пехоты, а они и не знали. А наши в ночь туда, и с грохотом, — привет Аллаху».

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

КОМБАТ АБЗАЛИМОВ

Командир 154 отдельного отряда спецназа 15 обрСпН подполковник Абзалимов Рамиль Каримович

В семье было одиннадцать детей. С 4 лет Рамиль мечтал быть военным. Учился в средней школе №5 Жана-Даур Илийского района Алмаатинской области. После 8 класса поступил в Свердловское суворовское военное училище. Через полтора года в связи с ухудшением зрения отчислен из училища. Доучивался в школе, занимался по специальной программе, которую ему посоветовал врач в СВУ. Восстановил зрение до прежнего уровня и после окончания школы поступил в престижное Рязанское ВВДКУ, в 9 роту. В ноябре 1979 года молодой лейтенант направлен для прохождения службы в 15 обрСпН. 3 декабря командиром группы минирования улетел в Кабул. За участие в операции

С августа 1985 года по октябрь 1986 154 отрядом командовал капитан Абзалимов Рамиль Каримович. Он родился 4 апреля 1958 года в селе Захаровка Болотинского района Новосибирской области в бедной татарской семье. По рассказам близких родственников, до революции его дед был муллой в Узбекистане, что впоследствии явилось причиной его ареста в годы массовых репрессий. Отец Рамиля прошел всю войну. Воевал смело. Семь раз был ранен. Закончил войну капитаном. До глубокой старости служил в МВД.

Награждение 154 обСпН Вымпелом Министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть при выполнении специальных заданий командования в 1985 г.»

«Шторм» награжден орденом Красной Звезды. После возвращения из Афганистана продолжал служить в бригаде. В 1981 году вторично направлен в Афганистан военным специалистом — инструктором по минно-подрывной подготовке в части Советской армии, что дислоцировались в провинции Лагман и в н.п. Джабаль-Уссарадж. С 1982 года заместитель командира отряда спецназа по воздушно-десантной подготовке. В 1984 году в третий раз откомандировывается в Афганистан военным специалистом — инструктором в 668 ооСпН в Баграм. В связи с кадровыми перестановками оставлен в ОКСВА и переведен в 154 ооСпН на должность заместителя командира отряда. В августе 1985 года назначается командиром отряда. При нем были спланированы и проведены операции по захвату укрепрайонов Гошта и Карера... Награжден вторым орденом Красной Звезды. В октябре 1986 года вернулся в Союз. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени. В 1987 поступил на разведфак Военной академии им. М.В. Фрунзе, по окончании которой в 1990 году назначен начальником оперативно-планового отдела 14 обрСпН в Уссурийске. В 1993 году уволен в отставку по болезни. Проживает в Казани. Женат. Воспитал троих детей.

ИСТОРИЯ ОТРЯДА В ЛИЦАХ

ЖЕНЬКА¹

Евгений Овсянников, — представился, протягивая мне руку рослый широкоплечий лейтенант, — командир первой группы.

— Саня, Александр. Назначен командиром второй группы, — протянул я руку Евгению, ощущая его крепкое, но не жесткое рукопожатие.

Евгений показал мою кровать в комнате офицерского модуля, как мы называли щитовой домик офицерского общежития, и заторопился в комнату дежурного по части — он стоял в наряде.

— Вечером познакомимся ближе, — бросил он мне на ходу, закрывая дверь.

Вечером состоялось традиционное «вливание» в офицерский коллектив роты меня и вновь прибывшего старшины роты прапорщика Юрия Дурнева. Нас представили всему личному составу 154 отряда. Мероприятие проходило «без фанатизма» (с ограниченным употреблением алкоголя, привезенного мной и Юркой с Союза). И все бы ничего, если бы не открывшаяся на улице стрельба. Кто-то обстрелял нашего часового на посту. Несколько очередей ЗСУ-23-4 «Шилка» остудили горячую голову прибывшего с гор на побывку моджахеда.

Утром следующего дня, как и следовало ожидать, прибывшего в роту молодого лейтенанта в первый же день официального исполнения служебных обязанностей назначили контролировать подъем роты и проводить физзарядку. Каждый что-то делает впервые. Возникают вопросы. С ними я и обратился к Женьке, окончившему военное училище годом ранее.

— Что делать, если «дембеля» проигнорируют команду «подъем»?

— Скидывай их с кровати, — посоветовал мне старший товарищ.

Я так и сделал, когда по истечении минуты после команды «подъем» несколько старослужащих продолжали имитировать крепкий сон, с головой укрывшись простыней. Бубня себе что-то под нос, они неспешно поднимались с земли (в казарме шел ремонт, и рота ночевала на улице), неспешно

¹ Мусяненко Александр Валентинович родился в Киевской области. Окончил Киевское ВОКУ. Службу проходил на всех командных должностях в 15 обрСпН. В Афганистане — командир группы и замкомандира роты спецназа в 154 и 334 отрядах. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. Полковник. Сотрудник ГРУ. За успешное выполнение специальных заданий командования награжден высшим орденом России «За заслуги перед Отечеством» 4 ст., Мужества и других.

одевались и брели в строй. А дальше, повинуюсь чувству коллективизма, отправились на зарядку. Сержанты в роте были их же сверстниками, и подводить их перед офицером «дембелям»-рядовым было не с руки.

Еще много чего полезного за неделю нашей совместной службы успел я взять от Женьки. Он был старше меня на четыре года, и до поступления в Рязанское воздушно-десантное училище успел закончить техникум и отслужить в армии.

Лейтенанта Овсянникова назначили старшим сбора молодых офицеров-выпускников, прибывших в Афганистан, вопреки всем директивным указаниям, прямо с училищной скамьи. Таких нас в отряде набралось шесть человек, и Евгения, год назад окончившего училище с золотой медалью, назначили посвятить нас азам боевой деятельности. И сделал это Женька как нельзя лучше. Он относился к тем людям, которые любую порученную работу делают с энтузиазмом. Его умение увлекать всех вокруг вызывало добрую зависть. Проводившиеся с нами занятия не были той рутинной, в которую иногда превращаются сборы с лейтенантами-выпускниками в мирной обстановке. Овсянников добился того, что на занятиях по огневой подготовке нам не только показали все трофейные образцы вооружения отряда и афганских бандформирований, но и дали возможность пострелять из них, сравнивая наше оружие и противника. Занятия по инженерной подготовке закончились практическим подрывом наших и «духовских» мин, где мы красноречиво убедились в превосходстве отечественной осколочной мины МОН-50 над аналогичной ей американской М18 «Клеймор» (восемь пробоин в мишени против одной!).

Не успели закончиться недельные сборы, как в отряд пришла информация о совещании лидеров бандгрупп в одном из кишлаков южнее Джелалабада. 18 сентября, как только спала дневная жара, мы, командиры разведывательных отрядов и групп, вылетели на вертолетах на рекогносцировку района проведения налета. Вертушки прошли чуть в стороне от кишлака Багича, в одном из домов которого собралось пять бандглаварей. Прильнув к иллюминатору, я успел разглядеть горку, языком вклинившуюся в жидкую «зеленку» с заброшенными, поросшими бурьяном лоскутами полей. Моей группе предстояло десантироваться на нее посадочным способом из вертолета и прикрыть действия группы захвата. Вечером, по возвращении с рекогносцировки, командир роты капитан Алексей Турков, которого офицеры роты величали по отчеству Валентинычем, уточнил задачу роты.

Завтра мой первый боевой выход, и готовился я к нему под четким руководством Евгения самым тщательным образом. Женька между делом объяснял мне, сколько патронов, гранат, аккумуляторных батарей к радио-

станции брать, куда все это складывать. Но самым ценными были, казалось бы, самые незначительные мелочи: в какие карманы снаряжения укладывать автоматные магазины с трассирующими патронами для целеуказания и с обычными, как крепить бинокль, чтобы он не болтался на груди, для чего снайпера группы держать непосредственно возле себя, как рассаживать группу в вертолете и где находиться в нем самому.

Рота поднялась затемно и с первыми лучами солнца была уже на аэродроме. Заняв место у кабины за спиной экипажа, я искал место посадки вертолета, но экипаж и без моих указаний посадил машину в нескольких десятках метров от ведущей «восьмерки» (вертолет Ми-8), из которой уже высаживалась группа захвата. В нее входила разведгруппа лейтенанта Овсянникова и управление роты.

Со снайпером Александром Подоляном, держать которого всегда рядом с собой советовал Женька Овсянников, и еще несколькими бойцами мы заняли позицию у края крутого склона. С него мы и просматривали заросший тутовником двор, в котором сквозь листву деревьев мелькали разведчики группы захвата.

Едва я успел уточнить задачи снайперу и находящимся рядом со мной бойцам, как во дворе открылась интенсивная стрельба, чередующаяся с разрывами гранат. Стрельба прекратилась, как и открылась, внезапно. В эфире прозвучал взволнованный доклад заместителя командира роты старшего лейтенанта Олега Мартьянова. Замкомроты запрашивал вертолеты для эвакуации одного «трехсотого» и «двухсотого». Вертолеты Ми-8 баражировали над степью в нескольких километрах от нас, и спустя несколько минут к подсевшей у подножия сопки «восьмерке» разведчики вынесли на пестрых афганских одеялах раненого и погибшего. Едва их загрузили на борт, как винтокрылая машина оторвалась от земли и понеслась в сторону госпиталя.

— Смотрите, духи! — увидел я двоих удаляющихся от подворья моджахедов, чьи спины мелькали среди кустов «зеленки» в 350-400 метрах от нас.

Пулеметчик дал в их сторону длинную очередь, но, похоже, он стрелял по направлению моей руки... Спрыгнув в окоп, я отобрал у него пулемет и со злостью стал бить короткими очередями по убегающим. Один из «духов» распластался на земле, второму все же удалось уйти...

Подробности боя выяснились уже на аэродроме. Вертушки зашли на площадку десантирования на минимальной высоте со стороны всходящего солнца, и в грохоте винтов боевых «двадцатьчетверок», прошедших над крышами афганского подворья, «духи» не услышали шума двух транспорт-

ных Ми-8, десантировавших наш разведотряд на сопку. Появление во дворе разведчиков группы лейтенанта Овсянникова застигло противника врасплох. Женька одним из первых спрыгнул с обрыва, образующего ограждение подворья со стороны сопки. Разведчики, действуя тройками, приступили к осмотру помещений. Четверо «духов», затаившихся в одном из сараев, бросились к калитке. Оружия разведчики у них не заметили. Овсянников несколькими прыжками достиг последнего из убегающих у самой калитки и рванул его на себя за ворот рубахи. В это время бегущий впереди вскинул из-под накидки автомат АКМС. Что-то предпринять было уже поздно, и Женька прикрыл собой тех, кто бежал за ним...

Две пули попали Евгению в сердце, третья пуля, выпущенная из китайского автомата, застряла в его крепком плече. В том, которое он всегда подставлял своим боевым товарищам, и которым, возможно, уберечь чью-то жизнь. Но одна из тех двух, которую он уже никак не мог задержать, прострелила крышку ствольной коробки автомата капитана Туркова и попала в живот....

— Женьку спасайте, Женьке помогите, — цедил сквозь зубы медленно опускающийся на землю Алексей.

Женьке Овсянникову уже никто помочь не мог...

Капитан Турков Алексей Валентинович умер на операционном столе медицинской роты 66 отдельной мотострелковой бригады. Военные медики сделали все, что могли. Умер Алексей с застывшей на устах улыбкой.

Лейтенант Евгений Иванович Овсянников и капитан Алексей Валентинович Турков награждены орденами Боевого Красного Знамени (посмертно).

Евгений Овсянников похоронен на кладбище поселка Тучково Московской области. Спустя несколько месяцев после Женькиных похорон у него родился сын — Евгений.

На Женькину должность прибыл мой однокашник по Киевскому ВОКУ лейтенант Виктор Красильников — он умер 21 марта 1986 года от ран, полученных в бою при проведении налета на караван бандформирований у кишлака Кулала 19 марта. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Витьку сменил выпускник Рязанского ВВДКУ 1985 года лейтенант Игорь Семин — погиб при подрыве на противопехотном фугасе 17 января 1987 года. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Александр Подолян погиб в бою при захвате укрепрайона Карера 29 марта 1986 года, лично уничтожив в бою огнем из СВД более десятка «духов». Награжден орденом Боевого Красного Знамени (посмертно).

Такая была у нас работа. И судьба...

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

НАДЕЖНОСТЬ ВСЕГДА!¹

В 1972 году по окончании Новочеркасского высшего военного командного Краснознамённого училища связи им. Маршала Соколовского В.Д. я и мой однокурсник лейтенант Глушков Александр Ильич были направлены для дальнейшего прохождения службы в войсковую часть 64411 САВО в город Чирчик Ташкентской области.

Я был назначен на должность командира 2 взвода в первую роту связи первого батальона спецназа. 1 взводом командовал ст. лейтенант Гудков Михаил. Ротой командовал ст. лейтенант Ковренко Владимир Ефимович. Мой однокурсник Саша Глушков получил назначение командиром 1 взвода второй роты связи, что входила в штат второго батальона спецназа, где ротным являлся старший лейтенант Гаврилов Юрий Яковлевич. Должность командира 2 взвода во 2 роте связи некоторое время оставалась вакантной. Но вскоре по замене из ЮГВ прибыл старший лейтенант Кубышкин Александр Иванович.

С первых дней службы мы поняли, что попали в настоящую боевую воинскую часть. Техника связи, которую мы изучали в училище, и правила

¹ Руденко Николай Иванович родился 22 мая 1952 г. в г. Красный Сулин Ростовской области в многодетной семье фронтowego связиста-разведчика, пережившего тяжелое ранение, беспамятство и фашистский концлагерь. С детства гордился орденами отца и сочувствовал матери, угнанной восемнадцатилетней девушкой на работы в Германию. Воспитан был на любви и уважении к армии-освободительнице. Закономерно, что и военную профессию отца выбрал для себя сознательно. Прибывший в 15 бригаду в 1972 году лейтенантом, он последовательно прошел все должности: командира взвода, командира роты связи, начальника отделения передающих устройств, начальника радиогруппы, старшего помощника начальника оперативного отделения, начальника оперативного отделения, начальника отдельного радиоузла, начальника связи бригады, старшего помощника начальника направления, преподавателя, старшего преподавателя, начальника цикла на Центральные курсы усовершенствования офицеров, преподавателя военно-дипломатической академии. Получил три высших образования, в том числе военное, инженерное и высшее педагогическое. Неоднократно выполнял специальные задания командования за рубежом в странах Юго-Восточной Азии. Имеет ряд правительственных наград, среди которых первый орден — «За службу Родине в ВС СССР» за Афганистан, где разворачивал систему связи 15 обрСпН в условиях горной войны с моджахедами. Полковник.

радиосвязи отличались своей спецификой. Начальник связи бригады подполковник Демченко Семён Андреевич поставил перед нами задачу: в течение одного месяца изучить новую для нас технику и правила радиосвязи. Специфику и опыт работы на новой технике приходилось перенимать у солдат и сержантов своих рот, и в этом мы не видели ничего зазорного.

Со всеми вновь прибывшими в бригаду, независимо от занимаемой должности, в течение примерно двух месяцев были проведены офицерские сборы, закончившиеся тактико-специальными учениями на местности в горах. Мы вошли в состав разведывательных групп, командирами которых были назначены опытные офицеры.

Офицеры-связисты по два человека в группе обеспечивали связь с Центром. Один радист в группе назначался из опытных офицеров, второй — из вновь прибывших в бригаду. В целом мы с поставленными задачами по обеспечению связи справились, но поняли, что ещё многому придётся научиться.

Вскоре предстояло сдавать инспекторскую проверку комиссии округа. Первое испытание в офицерских должностях мы выдержали успешно, сдав проверку вместе с подчинёнными. И в последующие годы наши взводы сдавали проверки только отлично.

С личным составом роты занятия проводились в классе и поле. Молодые солдаты первого периода обучения входили в состав 1 взвода роты. А через 6 месяцев, когда прибывали радисты из учебного полка, дислоцировавшегося в городе Печоры, проводили их перераспределение между взводами роты. Лучших радистов, как правило, оставляли в роте связи, а остальных переводили в роты разведки. Но мы продолжали сопровождать факультативное обучение радистов, ставших разведчиками, и к концу службы они, как правило, увольнялись в запас, имея уже 2 класс радиста-разведчика.

Учебно-тренировочные сеансы радиосвязи на ближнее расстояние проводили на узел связи своей бригады. Также было организовано постоянно действующее круглосуточное направление связи на дальнее расстояние с ОРУ ОСНАЗ (город Алма-Ата). Кроме того, проводились ежемесячные суточные радиотренировки с выездом в поле или в горы. И не реже одного раза в квартал — выезды на расстояние от 150 до 300 км от пункта постоянной дислокации на трое суток и более. Работа осуществлялась как на радиозузел связи бригады, так и на ОРУ ОСНАЗ. Кроме того при проведении занятий в поле в состав разведывательных групп выделялись радисты для обеспечения связи с Центром.

В 1973 году из Новочеркасского училища прибыли ещё два офицера-

связиста, в 1 роту связи — лейтенант Иванов Виталий вместо убитого командира 1 взвода старшего лейтенанта Гудкова Михаила, во 2 роту связи — лейтенант Иванчиков Михаил вместо убитого на повышение в отряд специальной радиосвязи командира взвода старшего лейтенанта Кубышкина Александра.

Через два года службы я уже исполнял обязанности командира роты связи. За высокие показатели моего взвода и роты в целом в боевой подготовке я был представлен комбригом Колесником В.В. к присвоению очередного воинского звания досрочно Министру обороны СССР. Однако только одному из представленных в списке это звание оказалось присвоено.

В начале 1976 года наша бригада была переподчинена ТуркВО, а уже в мае произошли организационно-штатные мероприятия, в результате чего роты связи как штатные подразделения перестали существовать.

Командир 2 роты связи Юра Гаврилов убыл к новому месту службы в Курган-Тюбе, а потом в г.Фрунзе (слышал, что вскоре его супруга умерла, и остались две дочери, а его дальнейшая судьба оказалась тоже трагически короткой). Командир 1 взвода 1 роты связи Иванов Виталий убыл в Тахта-Базар (наши пути с ним больше не пересекались). Лейтенант Иванчиков Михаил был переназначен командиром взвода связи в отряд специальной радиосвязи нашей бригады (с ним мы встретились во время учёбы в академии связи в Ленинграде, больше наши пути не пересекались).

С Кубышкиным Александром мы встретились в Ленинграде во время учёбы в академии. Затем в ближнем Подмосковье на Центральных курсах пос. Загорянский, где я продолжал службу после Афганистана. Впоследствии полковник Александр Иванович Кубышкин закончил службу начальником направления специальной радиосвязи РУ в городе Львове на Украине. К сожалению, ему пришлось уволиться раньше предельного возраста, так как после распада СССР ему, как и многим нашим соратникам, не нашлось места в составе ВС РФ. В настоящее время он с семьёй проживает в городе Воронеже.

Ещё до организационных мероприятий, начатых в бригаде в 1976 году, старший лейтенант Глушков Александр был направлен в штаб ТуркВО, где занимался формированием батальона РЭБ (город Мары, Туркмения), в котором и продолжил затем службу. Больше мы с ним так и не встретились. И только 1 января 2011 года, почти через 36 лет, узнав его мобильный телефон, я дозвонился до него в город Сочи, где он проживал. Последний раз мы разговаривали весной 2011 года, когда он лежал в госпитале. А летом 2011 года Саша ушел в вечность.

В результате проводимых организационно-штатных мероприятий я был

назначен начальником отделения передающих устройств на ОРПУ (отдельный радиопеленгаторный узел ОСНАЗ), который размещался в пустыне между двумя аулами Изгант-1 и Изгант-2, в 25 км от города Геок-Тепе, Туркмения.

После бригады было скучновато служить на новом месте, и у меня ещё теплилась надежда о возвращении в спецназ. Один из моих бывших сослуживцев бригады подсказал, что при переводе меня к новому месту службы допустили нарушение, в соответствии с которым прежде чем назначать на новую должность, сначала должны были отправить на курсы переподготовки. И порекомендовал обратиться к Министру обороны с жалобой. Я долго думал над этим и в итоге обратился напрямую к Министру обороны СССР Устинову Д.Ф., но не с жалобой, а с просьбой разъяснить, правильно ли со мной поступили. В письме в краткой форме я изложил суть дела, в том числе, что незадолго до перевода в течение пяти месяцев обучался на курсах переподготовки и повышения квалификации по своей предыдущей военно-учётной специальности.

Письмо я зарегистрировал в строевой части, и оно ушло адресату. Командование части к моему письму отнеслось скептически, сообщив, что менее 10 лет у них никто не служил. И даже обучение в академии предусматривалось только заочно. Через 1,5 месяца пришёл ответ, что моя просьба рассмотрена, и в ближайшее время будет предоставлена возможность продолжить службу на должностях в соответствии с ранее полученным образованием и военно-учётной специальностью. Вскоре мне предложили два места новой службы. Одно из них — на узле связи в городе Ровно, а другое — в учебной воинской части в городе Арзамаса. Я выбрал первое и стал ждать результата. Через 6 месяцев пришла выписка из приказа начальника ГШ ВС СССР о моём новом назначении в войсковую часть 54607 МВО. Номер воинской части мне ничего не говорил, но как потом оказалось, это была 16 обрСпН. Моей радости не было предела. В этой бригаде я прослужил около 3 лет и был направлен для поступления в академию.

В начале марта 1985 года я был назначен на должность начальника связи 15 обрСпН и уже 9 марта прибыл в родную часть. Одновременно принимая дела и должность у начальника связи бригады Ячменникова Валерия Вениаминовича, контролировал погрузку техники и складского имущества связи в воинский эшелон для Афганистана. И вскоре в составе оперативной группы офицеров управления бригады, заполучив порцию болезненных прививок, воздушным путём убыл в Афганистан, в город Желалабад.

21 марта, во время пересечения государственной границы, на таможене

у всех офицеров оперативной группы бригады со скандалом было изъято табельное оружие, якобы из-за неправильного оформления документов на его провоз. В дальнейшем нам табельное оружие так и не возвратили, и только через полгода выдали со складов другое. В этот период при следовании в командировки по территории Афганистана приходилось оружие брать напрокат у своих сослуживцев.

После проведенной рекогносцировки на местности и беседы с командованием 154 ооСпН до прибытия остального личного состава управления бригады и отряда специальной радиосвязи было принято решение об их размещении на территории бывшего оливкового завода в 800 метрах от ППД 154 ооСпН.

Через несколько дней после прибытия в Джелалабад в составе группы офицеров бригады, я убыл в штаб 40 Армии, в город Кабул, для знакомства с начальником войск связи и решения организационных вопросов, касающихся связи. Должен отметить, что НВС 40-й Армии полковник Кулагин Леонид Анатольевич деликатностью не отличался и встретил меня, мягко говоря, не очень приветливо и даже грубо, сказав при этом: «Понаехали тут!»

Личный состав и техника отряда специальной радиосвязи во главе с командиром отряда подполковником Ступниковым Виталием Николаевичем в полном составе были передислоцированы по железной дороге к границе с Афганистаном и далее своим ходом совершили марш в составе колонны через перевал Саланг, к месту дислокации управления бригады недалеко от города Джелалабада. Во время следования колонны по горной дороге водитель передающего радиоузла Р-358 не справился с управлением, и машина перевернулась. К счастью, обошлось без жертв. Благодаря общим усилиям инженерно-технического состава отряда специальной радиосвязи аппаратная в основном была восстановлена и осталась работоспособной с незначительными ограничениями.

По прибытии отряда было определено место для развёртывания полевого узла связи бригады. Техника приёмного радиоцентра, группы управления и связи, командно-штабная машина, электростанции были размещены рядом и довольно плотно.

Отдельную радиостанцию разместили на расстоянии примерно 150 метров от приёмного радиоцентра. При расчистке площадки для её развёртывания подорвались на минах рядовые Пугачёв С.И. и Подъячев Е.И. из отряда специальной радиосвязи, лишившись при этом первый — кисти руки, а другой — кисти и ступни. Также получил контузию прапорщик Зиновьев Александр Борисович. После этого с помощью трактора было

обнаружено и разминировано ещё более 10 противопехотных мин и одна противотанковая. Часть из них взорвали на месте во время расчистки. Рыadowые Пугачёв С.И. и Подъячев Е.И. первыми в отряде были представлены к правительственным наградам орденом Красной Звезды.

Технику передающего радиодцентра разместили на территории 154 ооСпН, а личный состав этого подразделения — рядом, в палатках.

Огромную помощь в организации своевременного развёртывания, подготовки и ввода в строй техники узла связи оказал старший офицер 6 отдела РУ штаба ТуркВО подполковник Ячменников Валерий Вениаминович, бывший в свое время начальником связи нашей бригады. В дальнейшем, несмотря на свою занятость, он при первой возможности неоднократно приезжал к помочь в решении различных вопросов.

В интересах бригады распоряжением НВС 40-й Армии предусматривалось выделение на гарнизонном узле связи «Хуторный» 66 ОМСБр до 6 телефонных и 2 телеграфных абонентских проводных линий связи гарантированной и временной стойкости. Взаимодействие с пехотой осуществлялось непросто. Фактически нам было выделено только две телефонные линии. Одна линия использовалась командиром бригады, а другая в основном оперативным дежурным центра боевого управления и другими отделами и службами штаба бригады. Телеграммы в вышестоящие и подчинённые штабы относили непосредственно в экспедицию узла связи 66 ОМСБр.

Через 2 месяца в штат отряда специальной радиосвязи была включена группа космической связи. За ней в город Ташкент, убыл лично командир отряда подполковник Ступников В.Н. В июне месяце, совершив марш в составе колонны, личный состав группы во главе с комбатом прибыл к месту дислокации управления бригады.

Для развёртывания станции спутниковой связи сначала было определено около суток, но потом поступил приказ поставить её на боевое дежурство в течение нескольких часов. С этой задачей личный состав группы во главе с её начальником лейтенантом Безкровным Виктором Анатольевичем справился успешно.

Подполковник Безкровный о том времени в книге «Колыбель Чирчикского спецназа» вспоминал: «Моя группа состояла из экипажа станции космической связи «Кристалл» Р440-А, станции ЗАС «Интерьер» и двух станций тропосферной связи Р412-А. После приема должности в Ташкенте, уже 28 мая, наша техника в составе пяти автомобилей «Урал-375», одного автомобиля «Зил-131» и весь личный состав были загружены на железнодорожные платформы и в сопровождении командира отряда убыла в Хайратон. Там разгружена и под охраной своим ходом совершила длительный марш в Джелалабад.

Уже во время первой ночевки в Пули-Хумри мы пережили и первое испытание. Наш полевой лагерь и советский гарнизон, дислоцировавшийся там, был подвергнут обстрелу реактивными снарядами. Один из снарядов попал в караульное помещение, которое находилось от нас всего в 50 метрах. В результате шесть бойцов были убиты и столько же ранены. Так неласково встретила нас новая полная загадок страна... Преодолев ледяные трудности перевала Саланг и жару Кабула, наша колонна без потерь и поломок прибыла в субтропики Джелалабада, где нас ждали с большим нетерпением.

Под контролем начальника связи бригады подполковника Руденко Н.И. уже через четыре часа после прибытия силами подчиненной мне группы была организована прямая засекреченная связь в телефонном и телеграфном режиме со штабом 40 Армии «Опера», штабом ТуркВО «Линза», ГРУ ГШ «Аврора». Данный канал был образован с помощью станции космической связи «Кристалл», работающей через космический аппарат «Грань»: с подспутниковой точкой 48 градусов восточной долготы, аппаратурой ЗАС гарантированной стойкости «Интерьер». Начальником аппаратной «Интерьер» являлся толковый лейтенант Геннадий Семма, техником — прапорщик Хлыстов. Сейчас с удовлетворением можно доложить, что приступив с первого дня пребывания к боевому дежурству, за два года непрерывной работы в руках этих специалистов перерывов связи, кроме технологических, допущено не было».

Но произошёл и курьёз, о котором не знал Безкровный. Нами было выбрано наиболее подходящее и единственное удачное место для развёртывания станции с учётом технических возможностей и длины кабелей стыковки с аппаратными закрытия каналов связи. Которое как оказалось, присмотрел для огорода заместитель командира бригады по тылу подполковник Турбуланов Владимир Алексеевич. А так как он в этот период временно исполнял обязанности командира бригады, то категорически был против развёртывания на этом месте станции. Мои аргументы как начальника связи в расчет не принимались. Окончательно разругавшись со мной, он ушёл, а я приказал личному составу радиостанции приступить к развёртыванию. Приказ по установлению связи с вышестоящими штабами был выполнен в указанный срок. После возвращения командира бригады пришлось ещё раз доказывать свою правоту за «место под солнцем».

На протяжении всего времени пребывания меня в должности начальника связи бригады не было ни одного нарекания в адрес личного состава группы космической связи Безкровного. Связь с ГРУ ГШ, ставкой ВГК, штабами ТуркВО и 40 Армии за весь период несения боевого дежурства

не прерывалась ни на минуту, не считая технологических перерывов. Отдельно хочу отметить высокий профессионализм и мастерство начальника аппаратной закрытия каналов связи Т-230 лейтенанта Семма Геннадия Владимировича и членов его экипажа.

Условия размещения средств узла связи не вписывались ни в какие нормативные требования по обеспечению электромагнитной совместимости из-за ограниченной площади выделенной территории. Кроме того практически во всех аппаратных отсутствовали кондиционеры. Над аппаратными растягивали маскировочные сети, и они, создавая демпфер, несколько ограничивали прямое воздействие солнечных лучей. Температура внутри аппаратных достигала 55-65 градусов по Цельсию. При превышении допустимой температуры эксплуатации с учётом влажности срабатывала блокировка. Потребовалось немало усилий по «выбиванию» и установке кондиционеров. При получении кондиционеров в первую очередь их устанавливали в аппаратные, а в помещения, где проживал личный состав — по остаточному принципу. Первый год пребывания на территории с субтропическим климатом был не из лёгких, вскоре началась эпидемия холеры, но несмотря ни на что задачи по обеспечению связи нужно было выполнять. Личному составу срочной службы разрешалась на дежурстве форма №1 (труссы и комнатные тапочки). Рабочие места дежурных смен больше напоминали сауну.

Основными задачами, возложенными на личный состав узла связи управления бригады, являлось обеспечение оперативной и непрерывной связи с УС ГШ, штабами ТуркВО и 40 Армии и с узлами связи ооСпН. Также была предусмотрена работа с ОАГ, действующими в зоне оперативной ответственности бригады.

Отряд специальной радиосвязи был укомплектован в основном грамотными, добросовестными в исполнении своих служебных обязанностей офицерами. В состав отряда при его формировании по новому боевому штату вошли офицеры, уже служившие в нём: подполковник Ступников Виталий

Подполковник Ступников Виталий Николаевич — командир отряда спецрадиосвязи 15 обрСпН

Николаевич; капитан Униченко Олег Петрович; капитан Канов Евгений Сергеевич; старший лейтенант Васильев Андрей Викторович; лейтенант Булындин Юрий Юрьевич. А также и прапорщики: Егоров Александр Александрович; Зенкин Александр Владимирович; Бояркин Владимир Петрович; Засорин Евгений Яковлевич; Павлов Евгений Викторович; Зайцев Юрий Александрович; Зиновьев Александр Борисович; Никитин Михаил Сергеевич; Муравьев Виктор Геннадьевич; Лысак Александр Анатольевич; Чутченко Валерий Иванович; Илютин Александр Владимирович.

Для заполнения полного штата отряда прибыли офицеры и прапорщики из других разведчастей, подчиняющихся ГРУ ГШ: майор Филоненко Александр Маркович (впоследствии продолжил службу на РЦ, награжден орденом); майор Чураков Виталий; старший лейтенант Делюсин Андрей Валерьевич; старший лейтенант Марченко Владимир Вениаминович; старший лейтенант Иванов Александр Владимирович (впоследствии службу продолжил начальником связи 154 ооСпН, награжден орденом); старший лейтенант Медведев Александр Владимирович; старший лейтенант Резниченко Александр (впоследствии службу продолжил начальником связи 334 ооСпН, награжден орденом); лейтенант Жужев Игорь Борисович; лейтенант Безкровный Виктор Анатольевич (награжден орденом); лейтенант Семма Геннадий Владимирович, прапорщики Кручинов Владимир Иванович; Васильев; Передерий Александр Алексеевич. Афганистан, откровенно говоря, устроил суровый экзамен разведчикам-связистам. Да, нам было не впервой работать в сложных условиях, но война была особенная. Отсутствовала сплошная линия фронта. Спецкорреспонденты были разбросаны, располагались в разных направлениях на достаточно больших расстояниях от 100 до 800 км. Для работы с ними нужны были направленные антенны. И к ним предъявлялись особые требования, ведь прием следовало обеспечивать практически с любого направления. Как известно, большая часть территории Афганистана — горы. Но на юге и юго-западе — высокогорные равнины с котловинами, где располагаются пустыни и полупустыни. Здесь летом господствуют пыльные бури и ионосферные возмущения. А пыльные бури, как известно, враги радиоволн, они препятствуют их распространению, поглощают значительную часть и без того малой энергии волн. Особенно подвержены этому коротковолновые диапазоны — основа спецрадиосвязи военной разведки. Нередко маломощные сигналы прерывались пыльными бурями на несколько часов, а то и суток. Все это приводило к увеличению продолжительности сеансов связи. Кроме того, условия высокогорья — 1000 и более метров над уровнем моря — сказывались на работе автоном-

ных агрегатов электропитания. В одном из документов по итогам первого года работы спецрадиосвязи ГРУ в Афганистане говорилось:

«Следует отметить, что радиосвязь не в полной мере отвечала требованиям устойчивости и оперативности по следующим причинам: протяженность трасс от 50 до 700 км, причем 70% из них — от 150 до 200 км, — это наиболее трудные для работы КВ трассы в связи с наличием мертвой зоны. Преодолевать ее можно применением антенн зенитного излучения, увеличением мощности передатчика и чувствительности приемника. Пока же малая мощность агентурных радиостанций, их табельные антенны не позволяют бороться с этим явлением и обеспечивать устойчивую связь».

На личный состав подразделений связи ооСпН бригады возлагались задачи по обеспечению связи со штабом 40 Армии и штабом своей бригады, а также с группами, действующими в зоне ответственности отрядов. На вооружении в наших четырех отдельных отрядах спецназа находились бронированные командно-штабные машины для командиров, управлявших подчиненными подразделениями в бою, поддержания связи с вышестоящими штабами и взаимодействующими силами и средствами. На КШМ устанавливалось несколько УКВ и КВ радиостанций, которые обеспечивали возможность ведения радиообмена с несколькими корреспондентами одновременно. Командир и штаб ооСпН имели в своем распоряжении две КШМ — Р-145БМ «Чайка» на базе БТР-60П и БМП-1КШ. Эти машины включались в состав бронегруппы при действиях разведотряда на значительном удалении от ППД. В отрядах спецназа начальник связи имел группу связи, состоявшую из отделения радиостанций средней мощности и отделения маломощных радиостанций. Первое отделение имело три радиостанции Р-357 на базе автомобиля Зил-131, одну аппаратную телефонную Р-240 и ремонтную машину с соответствующим набором аппаратуры и элементной базы. Экипаж Р-357 состоял из четырех человек: начальника радиостанции, радиотелефониста, радиотелеграфиста и водителя. Личный состав второго отделения эксплуатировал УКВ радиостанции Р-159 со штыревой антенной Куликова, обеспечивающих связь в телефонном режиме на дальность до 35 километров, а при прямой видимости и на большее расстояние.

Разведчики-телеграфисты маломощных средств радиосвязи придавались по два человека разведывательным группам и разведотрядам на период выполнения боевой задачи. Кроме этого для связи внутри группы имелись УКВ радиостанции Р-392. Наличие у радиостанции устройства маскировки речи позволяло разведчикам скрывать от противника содержание

Разведчики-радиотелеграфисты группы спецназа перед боевым выходом

ную связь разведорганов с центром (отрядом или бригадой). Маломощные КВ радиостанции использовались в Афганистане для радиосвязи на дальность, которую не обеспечивала УКВ радиосвязь. Дальность связи «Стрижа» покрывала всю территорию ДРА. В отряды бригады поступали и экспериментальные КВ радиостанции «Северок-К». Это были первые переносные станции, работавшие в телефонном режиме. С появлением этой радиостанции у разведчиков значительно поубавилось проблем с поддержанием бесперебойной радиосвязи в горах. Несмотря на сложные климатические условия и другие неблагоприятные факторы, влиявшие на связь, личный состав отряда специальной радиосвязи и отрядов спецназа бригады в целом с задачей справился успешно.

Прекрасно зарекомендовали себя начальники связи отрядов, командиры групп связи, начальники средних и маломощных радиостанций капитаны Образцов В.Б.; Поздняков Н.Д.; Яичников В.Е.; Мартаков В.Н.; Степанов А.В.; Домрачев В.В.; Козич; Мишин; Чаусов; Костин, старший лейтенант Белов С.; заместители командиров групп связи и начальники радиостанций старшие прапорщики Тищенко Н.; Шаламов, Трубин В.И.; Столяров В.; Светлеющий А.; Коновалов Е.; Корсаков С.Н.; Коршиков Н.А.; Кывыржик Н.Г.; Панчук В.П., командиры отделений сержанты Немешаев А.А.; Ольховский В.; Онищук О.; Масюк О.В.; Солохин Геннадий и другие. Ряд офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат ОСРС были награждены правительственными наградами: орденом Красной Звезды — подполковник Ступников В.Н., сержант Масюк О.В.; рядовые Пугачёв С.И. и Подъячев Е.И.; медалью «За боевые заслуги» — прапорщик

радиопереговоров. Поисковый УКВ приемник Р-255ПП применялся для односторонней радиосвязи с отдельными разведчиками (старшими расчетов или подгрупп), но аккумуляторные батареи радиостанции не выдерживали экстремальных условий эксплуатации в жарком климате и работали недолго. КВ радиостанции Р-394КМ «Стриж» обеспечивали закрытую телеграфную

Подполковник Муратов Ахмет Нигматович — начальник связи 15 обрСпН. На старости лет в родном Оренбургском селе Салтракташского района построил мечеть в память о погибших соратниках (фото 1988 г.)

Передерий А.А.; медалью «За Отвагу» — сержанты Матусевич В.В., Самадов Р.А., рядовой Цуканов В.Н. и многие другие. Подавляющая часть из них выходила на реализацию разведанных в составе групп спецназа и участвовала в боях. Многие офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты были удостоены правительственных наград. К сожалению, некоторые из них посмертно. Огромное спасибо всем офицерам Главного управления, участвовавшим в подборе достойных кадров. В бригаде я прослужил до июня 1986 года. По прибытии из Пскова моего заместителя подполковника Муратова А.Н. передал ему дела и ушел к новому месту службы в город Кабул. После чего довелось еще двадцать лет отслужить на различных должностях в военной разведке. Закончил военную службу в 2006 году».

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

«КИНО НАЯВУ»¹

Меня вызвал командир роты минирования капитан Александр Ефремович Кирилин, и говорит: «Хакимов готовится к заданию, получи сухпай на сутки, вечером выезжаем».

Я вышел во двор, уселся возле курилки и закурил «Донские» сигареты. Ребята из второй роты готовились к выходу.

Вечером группу построили. Группа состояла из 10 человек — таджиков и узбеков. Старшим был назначен начальник штаба батальона майор Кондратьев. Он доложил прибывшему комбату капитану Абзалимову о готовности группы.

Командир батальона поставил боевую задачу:

— Нам по данным разведки сообщили, что в таком-то районе будет проходить караван, в составе которого представители Исламского комитета. Возле Черных гор их должны встретить духи. Наша задача эту группу перехватить.

Всем нам выдали афганскую национальную одежду — длинные рубашки и широкие шальвары, в которую и переделалась вся группа. Строго запретили брать с собой ракетницы и другое боевое снаряжение Советской армии. Взамен выдали АКМ китайского производства. Когда группа была готова, майор Кондратьев подверг всех повторной проверке — ведь задание было не из простых. Проходя мимо строя, у одного из бойцов он заглянул под шальвары.

— Мать вашу... спецназовцы! Снять все нижнее белье! Затем из нашего «обмундирования» исчезли трусы.

— Вот только теперь группа полностью готова к выполнению задания. — подвел итог Валерий Кондратьев.

¹ Хакимов Султанбек Тукунович родился в Ташкенте. Служил в 154 ооСпН командиром отделения в роте минирования. Участник многих боевых операций. Награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу», Знаком отличия «За разминирование». Старший сержант. Участник всеармейского слета отличников Советской Армии. Женат. Воспитывает детей. Живет в столице Узбекистана.

Нам было непривычно без трусов, но мы понимали, что идем на необычное задание и полностью должны сливаться с местным населением, мы — разведка.

В это время ко мне подошел командир роты минирования капитан Кирилин.

— Хакимов, береги себя. — В его глазах было какое-то опасение.

— Возьми это, и спрячь подальше, на всякий случай. В его руке я увидел маленькую ручку.

— Что это, товарищ капитан? — спросил я у него.

— Это ручка-ракетница.

Он показал, как ею пользоваться, и я тут же спрятал, чтобы никто не заметил.

Мы прибыли на место, где должны были занять оборону и встретить исламский караван.

В 23.00 часов на сопке мы заняли позицию и с напряжением ждали. Внизу была тропа. Командир группы приказал ее заминировать, сзади за нашей позицией — обрыв, если упадешь, разобьешься насмерть. Невесело.

Если посмотреть на небо, звезды сверкают, кажется, протяни руки, и ты до них дотронешься...

24.00. Тишина, никакого передвижения не наблюдается, все начинаем нервничать. Я посмотрел в сторону командира группы Кондратьева. Он, как всегда, малоразговорчив, спокоен, что придавало нам уверенности.

Затаив дыхание, каждый из нас, заняв боевую позицию, ожидал. Только ночь, звездное небо и жаркий ночной ветер. У всех ребят было странное чувство, мы даже боялись разговаривать между собой, чтобы не спугнуть ночную тишину. Нам было достаточно посмотреть друг на друга, и этим было все сказано.

Издали стал раздаваться топот копыт, караван приближался все ближе и ближе. Сердце билось все сильнее и сильнее. Было очень страшно. Но при взгляде на командира группы вновь возвращалась уверенность в своих силах, и страх отступал. Когда караван стал виден как на ладони, мы насчитали восемь человек вооруженных автоматами Калашникова и другим оружием.

Кондратьев дал приказ таджикам войти с ними в словесный контакт, чтобы создать впечатление, что мы — группа, которая их встречает.

— Радисты и минеры все на хвосте группы — последовал приказ командира.

Когда наши разведчики заговорили с караванщиками и начали всту-

пать в контакт, караван остановился и занял позицию. Разговор между группами продолжался около десяти минут. Потом что-то произошло, я и некоторые из наших не поняли. Командир группы приказал немедленно спускаться к каравану и приветственно встретить их. Спустившись к ним, мы стали обниматься и приветствовать друг друга. Очередь дошла до последнего бачи. Моментальный захват! Каждый из разведчиков выполнил свою работу профессионально...

Так, без единого выстрела, было выполнено задание по захвату Исламского каравана.

Пленных с лошадьми отвели в сторону и стали «шмонать», было очень много листовок и документов, множество разных печатей. В этот момент четверо духов предприняли попытку к бегству, которая закончилась плачевно. Все они бесщумно были уничтожены. Остальные были связаны и их рты заклеены скотчем.

От пленных узнали, что в этом месте их должна была встретить группа моджахедов, которых мы опередили.

Кондратьев приказал занять приготовленные ранее позиции.

Тишина, ночь, звезды, самое страшное осталось позади. Хотелось побыстрее возвратиться в расположение части. Было такое ощущение, что всё это происходит в кино, и ты только зритель.

Со стороны гор стали мерцать огни фонарей. И чем ближе они приближались, их становилось все больше и больше. Никто из нас не ожидал, что встречать караван будет так много.

У одного из пленных отклеился скотч, и он закричал. Пришлось его убрать, но было поздно. Духи нас раскусили. Снизу в рупор стали нам кричать, чтобы мы отпустили пленных. И тогда они шурави не тронут.

Приподняв голову и посмотрев вниз, я увидел столько фонарей, сколько звезд на небе.

Может, это отражение? Но они приближались все ближе и ближе.

Приказ командира приготовиться к бою. Сзади обрыв, справа, слева, спереди — враг, мы окружены.

Начался бой. Стреляли в нас, стреляли мы по движущимся фонарям. Я оглянулся назад, где лежали пленные. Они были мертвы. Кто-то из солдат расстрелял их. Командир группы как всегда был спокоен. По радиции доложили, что попали в окружение, боезапасы на исходе, долго не продержимся. Духовский гранатомет попал по моей бойнице, осколки и камни разлетелись во все стороны. Взрывной волной меня отбросило назад, какое-то время я ничего не соображал. Очнулся, вижу только огненные следы

автоматных очередей. Было такое ощущение, как будто в кино отключили звук. Руки были в крови, понял, что ранен. Недалеко отстреливался Уктам, он был медбратом. Подползая ко мне, он осмотрел мои руки и махнув рукой, дал знать, что это не страшно, и начал отстреливаться дальше. Патроны быстро кончались, каждый понимал, что их надо беречь. По радиации нас попросили обнаружить себя. Все в недоумении! Никто не брал ракетницы — это было запрещено.

Через ребят дал знать командиру группы, что у меня есть ручка-ракетница.

Выстрелил вверх — по радиации нам сообщили, что ничего не увидели.

Радиостанция еще раз передала координаты. Я выстрелил еще раз из ручки-ракетницы. По радиации нам — не обнаружили. Последняя ракета — последняя надежда, чтобы группу обнаружили... Выстрелил ракетницей последний раз удачно. По радиации сообщили, что нас обнаружили и будут через полчаса.

На полчаса не хватило бы ни сил, ни патронов. Кондратьев, как всегда спокойный и уверенный, отдает приказ:

— Будем идти на прорыв в сторону кишлака Шахидан, к своим, патроны беречь, стрелять «елочкой».

Не знаю, с какой скоростью мы бежали и отстреливались. Стреляли в нас, стреляли мы, контролируя друг друга, чтобы никто не отстал от группы.

Кого-то ранило в плечо, кто-то передо мной упал, мы на мгновение остановились — это было равносильно смерти. Раздался мат командира группы:

— Бежать...

Подхватили раненого. Чувствую, что руками и ногами отталкиваюсь от песчаной земли, но меня что-то держит...

Не хочется отставать от группы — вон и раненый побежал.

Кажется, оторвались, стрельба осталась позади, но ощущение, что преследуют не покидало нас. За какое время мы добрались до кишлака — не знаю.

В кишлаке заняли позицию и стали ждать своих. Через некоторое время стал доноситься звук моторов: свои, наша бронегруппа!

Быстро забрался в десант БТРа.

— Неужели этот кошмарный фильм кончился?

Теперь я почувствовал страх. В голове мельтешили мысли:

— Я же мог погибнуть, меня могли убить. В этот момент я вспомнил отца, мать, братьев, свою любимую девушку.

Кто-то протянул мне пачку «Донских» сигарет. Выкурив несколько штук, только пришел в себя.

Возвращаемся в батальон. Возле КПП — командир роты капитан Кирилин. Я доложил о возвращении с боевого задания и с неохотой вернул ему ручку-ракетницу, которая нас спасла — очень хотелось оставить себе.

— Мыться и отдыхать, — приказал ротный.

Не помню, как я добрался до своей родной койки. Я лег и отключился. Хорошо, что это страшное кино кончилось.

P.S. Приказом командования все военнослужащие группы были представлены к правительственным наградам.

Игорь Сас и комбат Владимир Портнягин. Фото 1985 г. Джелалабад

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

ОЛЕГ ЯКУТА

Среди четырех тысяч солдат и офицеров 15 отдельной бригады спецназа, награжденных советским правительством боевыми наградами, особой когортой выделяются четыре Героя Советского Союза и 15 военнослужащих, представленных к званию Героя Советского Союза за совершение героических подвигов в ходе боевых действий в Афганистане, но которые были удостоены других государственных наград СССР, а у двоих представления вообще реализованы не были. В этом списке есть фамилия Якута.

Якута Олег Александрович¹ попал в Афганистан двадцатилетним лейтенантом, сразу после окончания Московского высшего общевойсковоего командного училища имени Верховного Совета РСФСР. Он родился 17 ноября 1964 года в Минске, в семье рабочего и фельдшера. Ко-

Командир группы Олег Александрович Якута начинал службу в 154 ооСпН, впоследствии служил в 334 ооСпН, где представлялся к званию Героя

¹ Якута Олег Александрович родился в г. Минске. Закончил Московское ВОКУ им. Верховного Совета РСФСР. По окончании училища написал рапорт об отправке в Афганистан. Боевое становление состоялось в 154 ооСпН в 1985 г. Осенью переведен командиром группы в 334 ооСпН, затем стал командиром группы захвата пленных, а через год — начальником разведки. Участвовал более чем в ста операциях. Был дважды ранен (пулевые ранения в ногу и руку), контужен. В ходе боевых действий лично захватил в плен 20 главарей и заместителей крупных бандформирований. Образовал свою агентурную сеть в провинции Кунар, в течение недели вместе с двумя подчинёнными удерживал населенный пункт Биркот от захвата полуторатысячной группировкой Гульбединна. За мужество и героизм награжден тремя орденами Красной Звезды, трижды представлялся к ордену Боевого Красного Знамени. В 1986 г. был представлен к ордену Ленина и званию Герой Советского Союза. После Афганистана служил в ЗакВО. Участвовал в тбилисских и бакинских событиях, находился в эпицентре землетрясения в Спитаке и участвовал в ликвидации последствий. В должности офицера 2 отдела ГРУ ГШ занимался агентурной деятельностью на территории Германии. Зачислен в Военно-Дипломатическую академию Советской Армии. С июля 1990 по ноябрь 1992 гг. под руководством заместителя начальника ГРУ генерал-полковника Гусева участвовал в специальном проекте ГРУ. После гибели генерала Гусева в ноябре 1992 года был уволен из рядов Вооруженных Сил РФ по собственному желанию. Подполковник.

нечно, молодым солдатам, он — высокий, стройный и красивый парень, бывший кремлевский курсант казался уже опытным военным. А он был такой же неопытный мальчишка, как и его подчиненные, волею судьбы оказавшиеся на границе с враждебным Пакистаном. Адаптировались к новым условиям вместе. В августе 1985 года на пике военного противостояния советских войск с моджахедами в разгар афганского лета он прилетел в жаркий и душный Джелалабад, где был назначен командиром группы спецназначения в 154 ооСпН 15 обрСпН. Здесь, в горах пограничной провинции Нангархар, лейтенант Якута совершил первые разведыводы в качестве стажера и получил знания, умения и навыки спецназовской науки побеждать в реальных боевых условиях. Глубокой осенью комбат Г.В.Быков «выпросил» в г. Асадабад понравившегося ему лейтенанта Якуту. По воспоминаниям Олега, — новый коллектив произвел гнетущее впечатление. После гибели 1 роты солдаты и офицеры батальона долго не могли морально оправиться от перенесенного поражения. Нужны были активные действия для перестройки сознания личного состава. И Якута помог комбату в этом процессе своим личным примером. Сослуживцы отмечали, что лейтенант Якута О.А. с первых дней проявил высокую подготовленность к службе в боевой обстановке Афганистана, умение воспитывать подчиненных, готовить вооружение группы к выполнению специальных боевых задач, быстро ориентироваться в скоротечной боевой обстановке, грамотно оценивать ситуации, мгновенно принимать решения и руководить личным составом, достигая выполнения поставленных задач с наименьшими потерями.

Первая операция, порученная лейтенанту Якуте по реализации разведанных, состояла в захвате и уничтожению склада с оружием и боеприпасами промаоистской организации в кишлаке Дудрек (провинции Кунар). Она была тщательно спланирована и проведена показательно удачно. Лейтенант Якута умело организовал налет на объект, в ходе которого захватил 8 автоматов, 200 противотанковых мин и большой склад с имуществом и медикаментами. Отметив хватку, способности и личную смелость лейтенанта Якуты, командир батальона начинает поручать ему сложные операции. За первых пять месяцев службы в Афганистане лейтенант О.Якута прочно завоевал деловой авторитет офицера, обладающего завидным хладнокровием, изобретательной хитринкой и острой смекалкой разведчика. Неоднократно эти качества спасали жизнь и ему, и его подчиненным, и всему отряду.

Ярким подтверждением тому является операция, состоявшаяся 3 декабря 1985 года, когда в ходе ожесточенного боя в районе высоты

1300 метров группа Якуты оказала помощь группе спецназа, попавшей в засаду моджахедов. Действуя самоотверженно, дерзко и решительно, лейтенант Якута в том бою спасает от неминуемой гибели своих товарищей. Реально смерть висела и над головой молодого лейтенанта. Плотность огня противника была такова, что командир группы Якута за несколько минут боя получил два пулевых ранения — в руку и колено. Несмотря на нестерпимую боль и изрядную потерю крови, лейтенант продолжал грамотно руководить боем и отогнал превосходящую по численности группу духов в сторону н.п. Шопали. Благодаря личному мужеству, проявленному лейтенантом Якутой, разведчики его группы вынесли с поля боя тела всех погибших товарищей: младших сержантов Матяша Е.В., Файзулина М.И., рядовых Иванова М.И., Козака В.В. и Дворникова В.А.. Операция по эвакуации убитых и раненых спецназовцев проходила в тяжелых горных условиях пересеченной местности под огнем преследующего их противника. За тот бой лейтенант Якута был представлен командованием к ордену Красной Звезды. В январе 1986 года командир отряда назначил лейтенанта Якуту командиром специальной группы по захвату пленных. Командуя этой группой, лейтенант Якута продемонстрировал высочайшее личное мастерство, мужество и отвагу. Так, 5 апреля, находясь в засаде в районе Джигдалай, дерзко захватил в плен главаря банды, а его охрану уничтожил сосредоточенным огнем. За эту операцию он представляется ко второму ордену Красной Звезды. 19 апреля 1986 года в районе Чайшан-Масти (провинция Кабул) спецгруппа Якуты в ходе скоротечного боя захватила в плен 9 видных деятелей оппозиции, а десятерых охранников уничтожила. В ходе того боя Якута получил контузию. За мужество и проявленный героизм офицер был представлен комбригом Старовым к ордену Боевого Красного Знамени.

Якута делал неоценимую работу. Его группа по захвату пленных неоднократно захватывала ценных «языков», в том числе главарей мятежников провинциального уровня, командующих «фронтами», которые давали важнейшую информацию: о силах, вооружении и расположении бандформирований, их боевых порядках, планах ведения боевых действий против нас и наших союзников — правительственных войск ДРА, о местах нахождения исламских комитетов мятежников, складах с оружием и боеприпасами, схемах дислокации и обороны укрепрайонов мятежников вдоль границы с Пакистаном и на территории ДРА. Реализация полученной информации позволяла командованию нашей бригады и штабу 40 армии планировать боевые действия, нарушающие расчеты оппозиции по ведению войны против советских войск и армии ДРА на продолжительный период как в зоне

ответственности отряда, так и в районах ответственности всей 15 обрСпН, а также в районах наших боевых рейдов.

В целом же Якута, командуя группой захвата пленных, лично захватил в плен 20 главарей и заместителей командиров 4 крупных бандформирований, участвовал в захвате и уничтожении ряда крупных складов с оружием и боеприпасами в хорошо охраняемых укрепленных районах — Карера, Гошта и другие, находящиеся в тылу многократно превосходящего противника на границе с Пакистаном и в глубине территории Афганистана. Оценивая способность Якуты всесторонне подходить к анализу получаемой и добываемой информации, способность к неординарному мышлению, умению четко доложить свои предложения по оперативной обстановке, склонность к боевому риску, умение работать по добыванию информации в ходе боя, командование соединения в августе 1986 года назначает лейтенанта Якуту начальником разведки 334 отряда. Он быстро осваивает новый участок работы и успешно работает с разведчиками оперативно-агентурных групп «Асадабад», «Джелалабад-2», «Дельта-1», «Дельта-2», советниками ХАДА и Царандоя, а также непосредственно с агентурой.

Но он не ограничивается только оперативной работой, а берется за любое горящее дело. Боевую работу любит, получает от практической реализации разведанных большое внутреннее удовлетворение. И результаты, достигнутые отрядом, высоко оцениваются командованием бригады и 40 Армии. Так, например, в ноябре 1986 года, командуя ротой спецназа в районе Гарби-Бадпаш (провинция Кабул), он уничтожил штаб исламского комитета. Захватив 4 важных пленных, 20 единиц стрелкового оружия (12 автоматов, 8 английских карабинов), 8 мин к миномету, 60 противотанковых мин, знамя исламских моджахедов, печать, ценные штабные документы. По приказу комбрига за эту операцию лейтенант Якута был представлен к третьему ордену Красной Звезды.

Наиболее же выдающимся личным подвигом лейтенанта Якуты является организация им разведки и оборонительных боев в районе Нуристана, контролируемого бандглаварем Сарварханом, в группировке которого находилось более 3 тысяч моджахедов. Район этот был интересен тем, что рядом с Биркотом, по сведениям разведки, проходило несколько караванных маршрутов, активно используемых боевиками для ежедневного обеспечения оружием и боеприпасами бандформирований центральной части Афганистана. Доступ в это высокогорное место был крайне затруднен как по географическим причинам, так и в связи с близостью баз и укрепрайонов моджахедов на территории Пакистана. О сложности района предстоящих боевых действий спецназа и маршрута к нему свидетельствует тот факт, что

после завершения армейской операции в мае-июне 1985 года, проведенной под руководством генерала армии В.И. Варенникова, ни одна колонна, ни одна машина в Биркот пройти не могла. Мятажники жестко блокировали всю трассу, начиная от населенного пункта Асмар до границы с Пакистаном и сам город Барикот.

25 декабря 1986 года лейтенант Якута во главе группы разведчиков под прикрытием афганских беженцев был переброшен на вертолетах афганских ВВС в н.п. Барикот. Ему была поставлена задача: в течение двух недель путем визуального наблюдения с использованием агентурной сети выявить караванные маршруты моджахедов и спланировать 5-6 выходов для 334 отряда, который несколькими ночными марш-бросками должен был скрытно выдвинуться в район Барикота к началу января 1987 года.

Как выяснилось позже, по данным агентурной разведки, появление нашего разведчика в Барикоте, совпало по времени с началом реализации крупной военно-политической акции, спланированной ЦРУ и спецслужбами Пакистана совместно с лидером моджахедов Гульбеддином. Суть планируемой ими операции под условным названием «Сердце Азии» заключалась в стремительном захвате двухтысячной группировкой Гульбеддина исторической области Нуристан с объявлением, при поддержке международного сообщества, нового государства Сердце Азии со столицей в городе Барикоте.

Наступление моджахедов началось через несколько дней после десантирования Якуты в городе. В первые же часы в ночь с 27 на 28 декабря 1986 года моджахеды уничтожили или рассеяли личный состав двух батальонов пограничного полка Афганской армии, прикрывавшие город с востока и севера. Тяжелый кровопролитный бой вел 3 батальон, наиболее морально устойчивый и преданный командиру полка. Началась паника, попытки массового дезертирства и предательства со стороны сарбозов. В этой обстановке, как явствует из доклада советников, лейтенант Якута быстро сориентировался в обстановке и, находясь в рядах обороняющихся, вместе с командиром пограничного батальона увлек личным примером остатки «зеленых» на отражение атак мятежников, чем спас ситуацию в самый критический момент ее развития. Командир афганского погранполка, четверо советских советников и часть комендантской роты полка предприняли попытку выехать из города в сторону Асадабада. Но лейтенант Якута, проанализировав ситуацию, принял решение не оставлять пункт постоянной дислокации, а организовать оборону на территории старой крепости (где дислоцировался штаб полка) с использованием всех имеющихся средств, в том числе секретных мин «Охота-2», привезенных с собой для минирования

караванных маршрутов моджахедов. Ему удалось убедить в верности своего решения командный состав пограничного полка и советников, которые положились на опыт и интуицию лейтенанта-спецназовца.

— Это только кажется, что Асабад совсем рядом, — убеждал их Якута, — а в зимних условия высокогорья эти 60 километров покажутся в десять раз больше. А вы учитываете возможные засады на серпантине дороги?! Куда вы денетесь в случае чего? С одной стороны — обрыв и ледяной Кунар в ущелье, с другой — неприступная скала. Духи расстреляют вас как куропаток. Выход один — организовать оборону и стоять на смерть. Помогите мне, я все спланирую! — подвел итог Якута. Советники, не успевшие утвердить свое решение на эвакуацию в Асабад у своего руководства из-за отсутствия связи, задумались. А позже полностью подчинились боевому чутью разведчика. И, как они сами признались, не ошиблись. Оборона крепости, выбранная Якутой для отражения штурма массовых сил противника, профессионально подготовленная система огня и минно-взрывных заграждений позволила отразить атаки в дни боев с превосходящими силами моджахедов. Организацию нескольких рубежей обороны населенного пункта Якута взял на себя: с помощью советников привлек все имеющиеся силы афганских пограничников. При этом он спланировал прикрыть Барикот с юга первым батальоном, с запада вторым, с севера — третьим. Грамотно используя имеющиеся у разведчиков специальные инженерные средства, заминировал открытые участки местности на подходах к городу и лично принял участие в минировании переправы через реку Кунар, по которой осуществлялась переброска основных сил моджахедов из Пакистана. И действительно, правильная организация обороны превратила штаб полка в настоящую крепость, имеющую стратегическое значение, поскольку являлась центром города и самым важным его объектом. Непрерывный бой продолжался трое суток. Не сумев взять крепость с первого штурма моджахеды понесли существенные потери и отошли на ранее оставленные пограничниками позиции, начав длительную осаду обороняющихся. Обстреливая крепостное сооружение реактивными снарядами, артиллерией и минометами, они вновь и вновь повторяли атаки, но, встреченные упорным сопротивлением обороняющихся, откатывались назад.

Со слов советников С.М. Бекова и А.П. Вавилова, в этот период лейтенант Якута был душой обороны. Он демонстрировал спокойствие и уверенность в своих силах и в устойчивости созданной обороны. Когда опускались сумерки, лейтенант скрытно выходил из крепости и осуществлял эшелонированное минирование путей движения мятежников от переправы к городу. При этом, после подрыва моджахедов, пользуясь бесшумным ору-

жием, расстреливал оставшихся бандитов, уцелевших на подрывах и в районе переправы. Его действия были дерзкими и наносили ощутимый урон противнику, который начал паниковать и отказываться идти на афганскую территорию. Американские советники, получившие информацию о действующем в крепости «шурави-шайтане», устроили за «ночным охотником» настоящую контрохоту, но удача была на стороне лейтенанта Якуты, который, по словам советников, стал еще более осторожен и изощрен. За неделю боев в Биркоте слухи об отважном лейтенанте дошли до Джелалабада и Кабула. Генерал армии Варенников В.И. вылетел в Джелалабад в штаб 15 обрСпН и заслушал комбрига Старова развития ситуации в Барикоте. Обсуждались и неприятные моменты, связанные с нежеланием афганцев воевать с душманами.

Бывший советник ЦК КПСС в оперативно-войсковой зоне обороны «Восток» генерал С.М.Беков вспоминал:

«В разговоре с Софи председателем Совета обороны зоны «Восток» касаюсь ситуации в пограничных войсках в Барикоте. Он как-то сник, стал вялым. Странно было слышать его сетования на подчиненного, которого он мог наказать и даже отстранить от должности. Генерал Сарвар (командир 1 пограничной бригады) по уровню деятельности не соответствует генералу, — отвечает мне Софи. — Он человек безответственный, работает плохо. Три месяца назад отправил в Кабул для ремонта 41 пулемет ДШК. А они очень нужны, он же не принимает мер по их возвращению. Посты, выставленные им на границе, не бьют караваны. Я велел ему установить посты в других местах — все на месте. Не удерживают позиции в Лойдакке на основной трассе. Во время операции в Гулуку потеряли 12 единиц бронетехники. Оставили душманам целенькими только потому, что он совершенно не позаботился об обеспечении бригады горюче-смазочными материалами.

— За любой из перечисленных вами поступков его надо отстранять, — посоветовал я, воспринимая его слова как просьбу товарищеского совета. Но он торопливо закончил разговор согласием:

— Да, да, нужен человек более ответственный».

После принятия решения об эвакуации из города советников и группы разведчиков во главе с лейтенантом Якутой Варенников вызвал на связь лейтенанта Якуту и выслушал его мнение о целесообразности дальнейших боевых действий. Якута проявил в этот момент высочайшее мужество и доложил, что, на его взгляд, город оставлять нельзя, а целесообразнее закрепить ситуацию в нашу пользу и удерживать город. Генерал армии Варенников согласился с доводами лейтенанта и утвердил это решение — для поддержки защитников крепости он добился направления в Барикот

элитного президентского подразделения коммандос, которое вскоре было десантировано на 20 вертолетах в район боевых действий.

Как, вспоминали позднее советники С.М.Беков, А.П.Вавилов, Коршунов, А.С.Корнилов, А.Д.Поносов с прибытием подкрепления, кровопролитные бои в Барикоте продолжались еще трое суток, но противник повсеместно был выбит с занимаемых ими позиций и вынужден был уйти на пакистанскую территорию.

Таким образом, планы Гульбеддина и его советников по изменению геополитической ситуации в Нуристане оказались сорванными благодаря мужеству и героизму советских и афганских военнослужащих. Решающую роль в обеспечении стойкости гарнизона Биркота оказало личное влияние на окружающих как пример стойкости и боевой активности советского офицера — начальника разведки 334 ооСпН лейтенанта О.А. Якуты.

Как позднее выяснилось из агентурных источников, подкрепленных визуальным наблюдением, моджахеды потеряли в боях под Биркотом убитыми и ранеными более 600 человек.

После возвращения лейтенанта Якуты для подробного доклада о ходе боевых действий в штаб бригады в Джелалабад, а заслушивание проводил лично генерал армии В.И. Варенников — полковнику Старову было отдано распоряжение подготовить наградной материал для представления Якуты к званию Героя Советского Союза. После отработки всех необходимых документов генерал армии Варенников забрал комбрига и Якуту с собой в штаб 40 армии, где по его приказу они обошли с наградными документами членов военного совета 40 общевойсковой армии ТуркВО. После чего они были сданы установленным порядком в секретную часть.

Офицеры разведотдела армии полковник А.Плешаков и подполковник С.Золотарев проинформировали командование бригады, что генерал армии Варенников В.И. все документы о представлении лейтенанта Якуты О.А. к званию Героя Советского Союза, подписанные должностными лицами 40 ОА ТуркВО, увез лично в г.Ташкент в середине января 1987 года. Прошло время, заполненное напряженной боевой работой и новыми впечатлениями. Попытка узнать судьбу направленных наградных материалов, как правило, не давала ясности. Как-то в июне 1987 года, находясь в Кабуле на военном совете армии, командир бригады с начальником политотдела во время перерыва зашли к начальнику отдела кадров армии полковнику Михайлову для уточнения вопросов по награждению личного состава. На вопрос:

— Что с документами на лейтенанта Якуту? — услышали:

— Ребята, и мы, и штаб ТуркВО возмущаемся, да вы этого лейтенанта уже к пяти орденам представили.

— Ну и что?!

— Хватит ему и того, что уже дали.

— Ну не вам решать, Вячеслав Михайлович, — ответил комбриг, — ваше дело канцелярское.

— А ты слышал поговорку, Юрий Тимофеевич: «Выше кадров только солнце!», еще товарищ Сталин справедливо сказал: «Кадры решают все».

— Ну не про вас он это говорил, а про таких ребят, как наш Якута! — зло ответил зарвавшемуся кадровику начальник политотдела бригады.

Наконец, в октябре 1987 года, подошло время возвращаться в Союз по замене. С большой неохотой делал это Олег. За спиной оставались более 150 боевых операций, разведывательно-поисковых действий, налетов, засад. Риск стал нормой его жизни. Уезжал с тяжелым сердцем, будто предчувствуя, что никому он в Союзе не будет нужен. За два года непрерывных боев и походов из мальчишки превратился он в настоящего «волка» войны, не признающего паркетных шарканий и строевых приемов на плацу, оценивающего людей по суровым критериям железных командиров Юрия Старова и Григория Быкова.

Ему нелегко пришлось в гражданской жизни. Не успел пересечь границу, как таможня с жадностью голодных псов набросилась на его скромные пожитки и извлекла на свет необыкновенной красоты рубины и лазурит, найденные им в горах в районе Асадабада, Асмара и Барикота... Предназначены были эти камушки любимой девушке, и откуда мог знать наш спецназовский Маугли, что это, оказывается, — «народное достояние».

Как было понять старшему лейтенанту, что он вернулся в общество, где живут по другим законам, которых он еще просто не успел узнать...

За два года боевой службы в Афганистане, в неполные двадцать три он был представлен к пяти орденам и к званию Героя Советского Союза.

Он был самолюбив, в принципе вполне заслуженно, гордился своими заслугами перед Родиной и на многие вещи смотрел по-философски запросто. Его не понимали в гражданской жизни, считали разгильдяем и наглцом.

Попав в обычную воинскую часть, он не смог вписаться в мирный ритм жизни армии, когда к командиру нужно войти со стуком в дверь, обратиться после соответствующего строевого ритуала отдания чести. На войне все было значительно проще. Олег же не встретил в мирной армии

настоящего педагога в лице командира или политработника, который бы его понял и дал время на психологическую адаптацию, поддержал его в душевных метаниях. Его бросали с должности на должность. Он нахватал массу взысканий за низкую дисциплину в подразделении, опоздания на строевые смотры, за пререкания со старшими и прочие мелочи. Вскоре попал в категорию отверженных — негодных к службе и вечно гонимых, что еще более отращало его от военной службы...

С горечью слышал я о том, что боевой офицер-разведчик Олег Якута оказался не востребовавшимся в разваливающейся армии бывшего Союза и уволился в звании майора из числа слушателей Академии по собственному желанию — по болезни...

В расцвете лет оказаться ненужным армии и обществу — это ли не верх безразличия к людям?! А какую личность потеряла Российская армия? А жаль, — это талантливый военный и очень смелый человек. О его гражданской жизни известно немного. Живет в Москве и занимается небольшим бизнесом. В 2000 году оказал финансовую поддержку в выпуске памятного альбома «Спецназ». Но о его службе в Афганистане Николаем Кикешевым написана книга «Встань и иди» (издательство «Мегатрон», Москва, 2000). Книга уже переиздавалась дважды, значит, судьба нашего героя не оставляет равнодушным современников, и он является истинным примером для подрастающей молодежи.

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

НЕУДЕРЖИМЫЙ В БОЮ

Гордостью 15 обрСпН является капитан Бекоев П.В.,¹ командовавший группой в 154 отряде в 1984-1985гг. Потом здесь же выдвинут на должность заместителя командира роты спецназа. «Скромный в быту и неудержимый в бою» — так отзывались о нем его командиры и подчиненные.

Он был любимым и долгожданным ребенком в семье. Его отец Виктор Дмитриевич и мать Ирина Владимировна очень гордились своим сыном, который продолжил семейную традицию и стал профессиональным военным. Рассуждая с сегодняшних позиций, наверное, трудно понять, почему главный хирург Группы советских войск в Германии полковник медицинской службы Бекоев «не порадел родному человечку».

Бекоев Павел Викторович

Я думаю, для него было бы несложно забрать сына-офицера в престижную группу войск. Ему бы это ничего не стоило... А сын пошел в десант и три года доблестно воевал в спецназе ГРУ в Афганистане! Их сын, их кровиночка, погиб и посмертно был представлен к Званию Героя Советского Союза! Но высшей наградой для Павла Бекоева оказалась Вечная Память сослуживцев.

Бекоев, прибывший в Джелалабад на должность командира группы, первое время чувствовал себя чужаком. Он, по выражению офицеров, был

¹ Капитан Бекоев Павел Викторович родился 14.01.1958г. в г. Железноводск Ставропольского края в семье военнослужащего. Осетин. Окончил Минский радиотехнический институт и военную кафедру. В Вооруженных Силах СССР с октября 1980г. Служил командиром группы и заместителем комроты спецназ в 154 ооСпн с сентября 1984г. Считается одним из лучших командиров рот спецназа в Афганистане. Дважды ранен. Командуя ротой 177 ооСпН погиб при штурме крепости Сахибхан 18 марта 1986г. За мужество и героизм, умелое руководство подразделением представлялся к присвоению звания Героя Советского Союза, наградные материалы реализованы не были. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды (посмертно). Похоронен на Северном кладбище г.Минска.

«пиджаком», то есть не заканчивал нормального офицерского училища, а стал лейтенантом на военной кафедре Минского радионститута. Однако самолюбивый и волевой Бекоев вскоре доказал, что боевых качеств, необходимых спецназовцу, у него не отнять. Он успешно командовал группой, а затем ротой, исполняя обязанности заместителя командира роты. Являлся постоянным примером в боевой работе. Воевал грамотно и смело.

«Недалеко от Джелалабада пехота должна была окружить «зеленку». Но до этого ночью в горы вышел спецназ. Приближение брони жители кишлака слышали издалека. «Духи» сели в автобус и поехали к горам. Но здесь уже были разведчики. Завязался бой, — рассказывал бывший командир роты 334 отряда А.Кистень, — пехота же, по обыкновению, окружила пустой кишлак и прочесала его. Ничего там не нашла. Я хорошо запомнил, что в том бою особо отличилась группа Павла Бекоева из 154 отряда. «Духов» зажали в овраге, а Бекоев и сержант по фамилии Сержант со своими бойцами обошли их и сверху забросали гранатами. В результате в овраге осталось восемнадцать «борцов за веру». У джелалабадцев даже не было раненых. Для нас это был очень показательный бой. Как на картинке. Однако он оставил ошибочное ощущение легкости этой войны».

За этой же легкостью скрывалось настоящее мастерство офицера и боевая отвага, которую ценили на войне. Комбат к нему прислушивался с первого дня, поскольку нельзя было не доверять опыту Бекоева, который к тому времени служил в Афганистане уже второй срок, т. е. воевал больше трех лет. И, кстати сказать, уже тогда имел два ордена — Красного Знамени и Красной Звезды, а такие награды заслужить было очень сложно.

«Непросто Павел вписался в коллектив. Некоторые командиры видели в его самобытности вздорность характера. Для Бекоева не было авторитетов, он был совершенно неудержим в боевой деятельности, — вспоминал майор Владимир Волош. — Его имя постоянно было на устах сослуживцев. Кто говорил о нем с восторгом, а кто завидовал его многочисленным удачам, которых было много. Помню, 17 октября 1985 года он со своей ротой без потерь разгромил опорный узел душманов в районе Парзубай. 10 декабря 1985 года десантировался в 60 км западнее Ургун, выдержал четырехчасовой бой и захватил 9 ПЗРК, 2 ДШК, большое количество боеприпасов. 14 января 1986 года капитан Бекоев с двумя бойцами вступил в бой с 26 «духами» и победил. Ровно через месяц, 14 февраля, Павел во главе отряда из 32 человек десантировался из вертолетов в районе Лой-Мана. После трехчасового боя уничтожил пять складов «духов». Успехи роты, которой командовал П.В.Бекоев, во многом определялись его личным мужеством и хорошим знанием своих подчиненных, с которыми он

делил и скромный палаточный быт, и постоянный риск боя. Он был очень честолюбив и храбр».

В то время, помимо организационно-кадровых изменений, укрепивших подразделения специального назначения, большую роль в повышении их боевых возможностей сыграло и то, что каждой бригаде и отрядам спецназа придали авиацию.

В Джелалабаде боевую деятельность спецназа обеспечивал 335 отдельный боевой вертолетный полк. В Газни придавалась 239 отдельная вертолетная эскадрилья (12 транспортных вертолетов Ми-8 и 8 вертолетов огневой поддержки Ми-24), аэродром которой, как об этом уже писалось, находился недалеко от отряда. Наличие своей авиации сразу же самым благоприятным образом сказалось на мобильности и результативности разведывательно-боевой деятельности спецназа. Разведчики в основном перестали «привязывать» свои выходы к собственным бронегруппам, поэтому радиус действий подразделений увеличился до 150-180 километров.

В условиях сильно пересеченной местности и чрезвычайной плотности минирования, которую применяли «духи» в этом районе, поход «брони» даже километров на 50-60 от ППД можно было смело приравнять к подвигу. Так что в этих условиях добрые отношения с «воздухом» были нам просто необходимы.

Отличными коллегами и помощниками, поставлявшими достоверную информацию, были офицеры оперативной агентурной группы ГРУ «Ургун». Эта группа из четырех офицеров находилась за многие сотни километров от ближайших советских частей в крайне скудных условиях, но работала отлично. Начальник разведки отряда Игорь Яцишин высоко оценивал их вклад в общее дело: «Наши разведчики практически ни разу не возвращались пустыми, если вылетали на реализацию данных «Ургуна». С начала декабря 1985 и в течение полугода 1986 года все основные наши успехи были связаны с провинцией Ургун и, соответственно, с информацией, которую нам предоставляли наши агентурщики. И это при том, что наша «броня» в Ургунское ущелье не ходила. В тот район, расположенный в непосредственной близости от границы между Афганистаном и Пакистаном, за девять лет войны, по-моему, ни разу и армейская операция не доходила, не говоря уже о нашей ничтожной (по пехотным понятиям) бронегруппе в семь-восемь БМП и БТР. Больше количество боевых машин мы, как правило, разом не выставляли. Поэтому можно с полным основанием говорить о том, что своим удачам в этот период войны мы были обязаны агентурщикам из Ургуна и вертолетчикам из Газни». Весь декабрь 1985 года наши разведгруппы довольно успешно били на Ургуне «духовские» караваны. Особо результативными оказались засады 3 роты капитана Бе-

коева в районе крепости Гумалькалай — крайней по расстоянию точки, куда могли долететь наши вертолеты.

В первом случае разведчики захватили около 60 стволов стрелкового оружия, несколько безоткатных орудий, один ДШК и даже автомобиль ЗИЛ-130, набитый артснарядами и РСами.

А в районе крепости Гумалькалай, помимо всякого прочего добра, удалось захватить и несколько китайских ПЗРК «Стрела» что, по тем временам само по себе считалось выдающимся результатом. Впоследствии агентурщики рассказали, что в той засаде был застрелен и американский советник.

В Ургунских горах боевики чувствовали себя полноправными хозяевами. наших частей в том районе не было, афганская армия и Царандой, если где-то там и дислоцировались, то вели себя крайне смиренно и в горы не совались. Ближе нас к этому району находилась только гардезская 56 десантно-штурмовая бригада. Но у них были свои задачи.

У «духов» там царил тишь, гладь и Божья благодать. Наши агентурщики каким-то чудесным образом сумели составить подробнейшую карту расположения банд в этом районе и определить, где располагаются их склады с оружием и боеприпасами. Сами склады, по полученной информации, находились вне населенных пунктов, но, как правило, в тактической близости от них, что для спецназовцев было удобно. Поэтому можно было предположить, что в близлежащих кишлаках располагались на зиму крупные «духовские» отряды, готовые быстро оказать помощь отрядам охраны складов.

Командование отряда довольно долго обдумывало способ, как бы их нейтрализовать. Вопрос этот был серьезный, потому что использование бронегруппы, по описанным выше причинам, исключалось, а одним бомбоштурмовым ударом подход резервов противника, как известно, не предотвратить. Тем более, что в этой части Афганистана горы сплошь лесистые, причем с преобладанием хвойных пород, на зиму не опадающих, и это обстоятельство сильно ограничивало возможность наблюдения с воздуха за перемещениями на земле.

В феврале 1986 года обязанности начальника разведки отряда исполнял К.М.Таривердиев, который вспоминал:

«Наш командир батальона майор Попович решил рискнуть. Не последнюю роль в его решении сыграл командир третьей роты Павел Бекоев. В вопросе о проведении серии налетов на ургунские склады голос командира третьей роты имел большой вес. Впрочем, к этому времени капитан

Беков сумел практически доказать свое умение совершать успешные налеты и засады.

В качестве первоочередной цели комбат выбрал склад оружия и боеприпасов, расположенный в горах, километров шестидесяти юго-западнее Гардеза. От Газни до цели расстояние было вдвое больше, и мы рассчитывали использовать гардеский аэродром как аэродром подскока, или как аэродром ожидания, если можно так выразиться. По нашему плану, транспортные вертушки, десантировав наш отряд в район склада, не возвращались на свой аэродром в Газни, а должны были сесть в Гардезе. Таким образом, в течение пятнадцати-двадцати минут они могли вернуться в район проведения налета и эвакуировать нас оттуда. Склад располагался неподалеку от селения Лой-Мана, в котором вполне могли оказаться «духовские» резервы. По нашим сведениям, численность охраны была сокращена с шестидесяти человек до пятнадцати. 239 вертолетная эскадрилья могла выделить нам для этой операции только шесть МИ-8мт. Число вертолетов и определило наш боевой состав — 60 человек, по десять на каждый борт.

На всю операцию отводилось не более одного часа с момента десантирования отряда. Мы надеялись, что за это время «духи» не успеют собрать и подтянуть достаточно сил, чтобы оказать успешное сопротивление нам. Десантирование предполагалось произвести на ровную площадку у подножья гор, которая находилась в непосредственной близости от склада. У летчиков были сомнения в ее пригодности, так как заказанная нами аэрофотосъемка местности ничего путного не дала, так как весь район предстоящих действий был сильно занесен снегом, поэтому аэрофотоснимок к нормальной работе был мало пригоден. Мы рассчитывали, что снежный покров не превышает 10-15 см и не слишком затруднит движение, однако в реальности он составлял около 50 см и сильно повлиял на наши действия на конечном этапе операции.

Возможный огонь зенитных средств (ДШК и ЗГУ) планировалось подавить с воздуха, но все-таки наибольшие надежды мы возлагали на внезапность нападения и скоротечность боя».

Командир 15 бригады спецназа подполковник В.М. Бабушкин согласовал со штабом 40 армии вопрос о том, чтобы, если возникнет необходимость и бой затянется, то разведотряду на помощь выдвинулась 56 дшбр в полном составе. При неблагоприятном развитии событий спецназовцам пришлось бы держаться в окружении не менее 10-12 часов, а это было чревато непредсказуемыми потерями с нашей стороны. Оперативная агентурная группа предоставила в распоряжение спецназовцев афганца-проводника, знавшего местность и расположение огневых точек.

Налет был осуществлен 14 февраля. На первом этапе все шло со-

гласно плану. Охрана не ожидала нападения, зенитные средства не были подготовлены к немедленному открытию огня, и после короткого бомбоштурмового удара Су-25 и Ми-24 все шесть «восьмерок» удачно десантировали спецназ на площадку приземления.

Прыгать пришлось из положения зависания с высоты метр-полтора, может, чуть больше, но тут нам помог глубокий снег. Кроме того, место десантирования было скрыто от «духов» плотной снежной пеленой, поднятой винтами вертолетов. Разведчики оказались на небольшой площадке, в нескольких десятках метров от подножья гор. Поначалу по ним никто не стрелял, и отряд довольно организованно сумел подняться к складу.

На месте выяснилось, что склад представляет из себя несколько одиноких строений, разбросанных в полном беспорядке на ограниченной площади. Довольно быстро и без потерь удалось захватить их все, кроме одного.

Метод захвата был предельно прост: подгруппа обеспечения открывала по домикам ураганный огонь с расстояния 30-50 метров, под ее прикрытием к домикам подбирались два-три разведчика. Как только они занимали безопасное положение в «мертвой зоне» у стен, огонь по окнам и дверям прекращался, подгруппа нападения вставала с земли и забрасывала домик гранатами через окно. Такого воздействия на противника оказалось вполне достаточно, чтобы полностью подавить сопротивление.

Настораживало только то, что ничего особо существенного внутри этих строений найти не удавалось, и вначале показалось, что никакого большого склада здесь нет, а всю эту операцию затеяли зря. Правда, наводчик заранее предупреждал, что не знает точно, в каком именно месте расположен основной склад — в районе расположения склада ему бывать приходилось, а в хранилище — нет.

Но тут из одного домика попытался сбежать молоденький парень, на вид лет пятнадцать. Оружия у него не было, и прапорщик Вербитский быстро его поймал. Бача был сильно испуган, и после пары профилактических затрецин немедленно согласился отвести разведчиков к искомому складу.

Выяснилось, что основное хранилище представляет собой странного вида строение из трех стен на обратном скате большого холма. Основные силы роты просто проскочили мимо него, не придав строению большого значения. Роль тыльной стены выполняла гора, т.е. есть домик был заглублен внутрь скалы так, что наружу торчало только что-то вроде предбанника.

Первоначально около него осталось одно отделение солдат из роты

капитана Бекоева, а все остальные пробежали мимо. Это строение было единственным местом, откуда разведчикам было оказано сопротивление. Частично подавить его удалось только после того, как кто-то из солдат забрался на крышу и спустил вовнутрь несколько гранат через трубу дымохода. Ворвавшись в «предбанник», спецназовцы поняли, что попали в искусственно сделанную пещеру, потому что вглубь горы вел небольшой кривой коридор. За коридором находилось еще одно помещение, куда и отошли «духи» из «предбанника». Выкурить их оттуда оказалось очень затруднительно, потому что они активно обстреливали выход из коридора. Пользуясь тем, что коридор оказался не прямолинейным, а имел поворот, за которым можно было находиться в относительной безопасности, спецназовцы начали закатывать в дальнюю пещеру ручные гранаты. Причем не бросать их, а именно закатывать, высунув руку из-за угла туда, где засели «духи».

Судя по гулкому звуку взрывов, пещера была внушительных размеров. Вскоре кто-то заметил, что обороняющиеся прекратили обстреливать выход из коридора, и несколько солдат осторожно проникли в пещеру. «Духов» в ней не оказалось, а в тыльной стене спецназовцы нашли вход в еще один коридор, который вел еще дальше вглубь горы. Сунувшийся в этот очередной коридор солдат тут же попал под автоматную очередь, выпущенную почти в упор. То, что он остался цел и невредим — везение высшей категории. «Духам», видимо, отступить было уже некуда, и они засели в том коридоре накрепко. Чего там было понастроено или прорыто дальше, разведчики так и не узнали, потому что дальше продвинуться им не удалось. Впрочем, как показали дальнейшие события, в этом и не было никакой необходимости. Бойцы не ожидали, что придется воевать в пещерах, поэтому ни у кого не оказалось с собой элементарного фонарика. Вся вышеописанная суэта происходила при свете зажженных спичек или зажигалок. Кто-то догадался использовать в качестве осветительного прибора сигнальный пиропатрон с факелом. И вот тут-то при осмотре пещеры разведчики обнаружили стеллажи с двухкилограммовыми упаковками пластида американского производства. И было его там по меньшей мере несколько тонн. Кроме того, по углам в беспорядке были свалены противопехотные мины «Клеймор» направленного действия, несколько десятков противотанковых итальянских Т8-6.1 и тому подобные «мелочи». Впрочем, если бы пластид сдетонировал от разрыва наших гранат, то наличие или отсутствие прочих мин уже не имело бы никакого значения. Надо сказать, что «духи» решили ответить разведчикам тем же и катнули несколько гранат в их сторону, но делать им это было неудобно, и гранаты разорвались за углом

второго коридора. Один наш автоматчик остался в коридоре блокировать боевиков, а остальные принялись лихорадочно вытаскивать свои трофеи из пещеры.

«Поначалу мы попытались вытащить и пластид, но быстро сообразили, что с собой его в таком количестве не утащишь, — отмечал Таривердиев, — поэтому брали только стрелковое оружие, по несколько экземпляров мин в качестве образцов и всякую прочую мелочь, казавшуюся полезной. К примеру, удалось добыть две коротковолновые радиостанции китайского производства. Связисты утверждали, что эти радиостанции имели не менее 5 тысяч километров дальности связи, а по ширине диапазона превосходили наши радиостанции раза в полтора. Впоследствии мы отправили их «наверх» для изучения».

К этому времени ситуация принимала неблагоприятный поворот — противник все-таки сумел организовать и занял господствующие высоты, то есть оседлал или начал оседлывать тактический гребень выше отряда. Поначалу огонь был не очень плотным и прицельным, но «духи» довольно быстро наращивали плотность огня. У них с каждой минутой добавлялось огневых точек.

Павел Бекоев опасался подобного развития событий, но предотвратить его все равно не мог из-за малочисленности отряда. Однако еще в самом начале боя рота Бекоева, составлявшая костяк отряда, поднялась выше по склону и захватила горное орудие на подготовленной огневой позиции. Орудие было самым тщательным образом замаскировано от наблюдения с воздуха и развернуто в сторону той самой площадки, которую рота Бекоева использовала для приземления. Во время первого бомбоштурмового удара эта позиция ничуть не пострадала. Однако когда 3 рота добралась до него, выяснилось, что расчет на позиции отсутствует. Можно представить, во что могла превратиться наша операция, если бы орудие в момент зависания вертолетов для выброски отряда оказалось бы в готовности к открытию огня. Кроме этого, солдаты Бекоева уничтожили и расчет ЗГУ, который смог добежать до своей зенитной установки, но так и не успел открыть огонь.

Сейчас можно предполагать, что площадка, на которую высаживались, была заранее пристреляна, и если бы расчеты успели вовремя занять свои места по боевому расписанию, десантникам пришлось бы более чем туго. В этом отношении Павел Бекоев, больше всех рассчитывавший на успех внезапности и твердо уверенный, что спецназовцам удастся подавить противника прежде, чем он успеет развернуться к бою, оказался совершенно прав.

К сожалению, спецназовцы потратили слишком много времени на поиск склада и выкуривание из него охраны. В конце концов сообразили, что с «духами» можно поступить значительно проще, чем пытаться проникнуть вглубь пещеры: нужно просто поставить заряд, установленный на неизвлекаемость, прямо на стеллаж с пластидом. Наши саперы во главе с лейтенантом Сергеем Кантышевым быстро создали этот заряд из трофейного же пластида и дали ему получасовое замедление. Что именно получилось в результате взрыва нескольких тонн пластида в пещере, можно себе представить и без дополнительных объяснений.

Однако все это заняло время, и операция затянулась почти на полчаса сверх запланированного. Поэтому, несмотря на самую активную поддержку с воздуха, которую разведчикам оказывали пары МИ-24, сменявшие над разведчиками друг друга, без потерь все-таки не обошлось.

Самым уязвимым местом плана операции было то, что эвакуироваться приходилось с того же самого места, на которое и десантировались. Другой площадки для посадки вертолетов поблизости просто не было. «Духи», тоже неплохо разбирающиеся в военном деле, довольно быстро это поняли и попытались воспользоваться данным обстоятельством с максимальной для себя выгодой. Еще до того, как за отрядом прилетели военно-транспортные вертолеты, подтянувшиеся «духи» успели организовать весьма действенный огонь из безоткатного орудия, позицию которого спецназовцы никак не могли определить. Возможно, эта позиция была подготовлена заранее, но разведчики пропустили ее во время первой, самой благоприятной для них фазы боя. А, может быть, эту безоткатку приволок с собой резервный отряд противника, благо, весит она не так много. Как бы то ни было, она доставила множество хлопот. Из-за нее «восьмерки» долгое время не могли зайти на посадку. Вертолет на земле представляет собой идеальную мишень для стрельбы. Пока разведчики Бекоева теряли время, противник усиливал огонь своих стрелковых средств.

Безоткатку в итоге подавили вертолеты огневой поддержки, но отходить к «восьмеркам» после выполнения боевой задачи бойцам пришлось уже по совершенно простреливаемой местности. Кроме того, снежный покров на площадке эвакуации, как уже говорилось, составлял около 50 сантиметров. Это затрудняло передвижение, при этом отходили разведчики, сильно нагруженные своими трофеями. На счастье, если можно так сказать в этой ситуации, только два бойца получили тяжелые ранения. Их сразил огонь противника буквально у самого трапа вертолета. Корпуса вертолетов также были довольно сильно изрешечены пулями и осколками, хотя вертолетчикам удалось избежать потерь.

Эта операция была признана успешной и стала одной из самых «красивых» операций отряда, проведенных той зимой. Имя капитана Бекоева гремело на весь спецназ!

«Газнийцы» еще несколько раз придерживались подобной схемы нападения на склады оружия и боеприпасов, причем делали это не без успеха. Но в итоге командование бригады и штаб армии (в лице заместителя начальника штаба 40 армии полковника Симонова, отвечавшего за наши действия) посчитали, что успех налетов на ургунские склады каждый раз находится, что называется, «на острие бритвы», и прекратили подобную деятельность.

Через громких побед притупила у личного состава чувство опасности и необходимое уважение к противнику. И тут вновь на первый план выступила личность и особенности характера Павла Бекоева. Это особенно продемонстрировал его последний бой.

18 марта 1986 года в штаб батальона пришла информация о том, что в кишлаке Сахибхан, расположенном около 60 километров южнее Газни, находится небольшая банда «духов», сопровождающая французского советника. Были ли в Афганистане советники из Франции или все это только слухи, до сих пор точно не известно, но в тот день подобная информация подействовала на решительного Бекоева, как красная тряпка на быка.

Кишлак Сахибхан находился на территории провинции Газни, то есть не был отделен от нашего ППД непроходимыми для техники горными хребтами. Наверное, это и сыграло роковую роль в быстром планировании этой операции.

Около полудня рота Бекоева была поднята по тревоге и загрузилась в вертолеты, причем, не взяв с собой ни тяжелого вооружения, ни достаточного количества боеприпасов, ни даже теплых вещей на случай, если придется ночевать в поле. А ведь в марте здесь лежал снег, и ночами держалась устойчивая отрицательная температура. При этом Бекоев считал, что весь налет займет не более двух часов, а день был относительно теплый, и казалось излишним запастись чем-либо на случай непредвиденных обстоятельств. К тому времени, после удачных налетов на Ургун, в которых Павел Бекоев принял самое непосредственное, а зачастую основное участие, его авторитет у командования нашего батальона был непреерекаем.

Первая рота спецназа тоже была поднята по тревоге и получила приказ выдвинуться в район Сахибхана сводной бронегруппой из пяти БМП-2 и двух БТР-70, приданных из 2 роты. В их задачу входило добраться до района боевых действий третьей роты и забрать ее оттуда после успешного выполнения боевой задачи.

Формально в боевом приказе указывалось, что бронегруппа должна поддержать Бекоева огнем в случае возникновения такой необходимости, но этому пункту никто никакого значения не придал. Была уверенность в победе. Во всяком случае, Бекоев посадил свою роту на вертолеты и улетел задолго до того, как боевые машины вышли из парка. В любом случае, «броня» первой и второй роты могла прийти в район боевых действий не ранее, чем через три часа после того, как третья рота уже начнет бой. Кроме того, в отличие от налетов на ургунские склады, третья рота изначально лезла в населенный пункт, чего на Ургуне разведчики тщательно избегали, и опыта ведения боевых действий на улицах сравнительно большого кишлака на тот момент они не имели.

Приблизительно к 15 часам рота Бекоева, в течение двух с половиной часов безрезультатно прочесывавшая кишлак, внутри которого ей первоначально не было оказано ни малейшего сопротивления, вышла на его окраину, противоположную площадке своего десантирования. Там находилась большая крепость, одной своей стороной выходившая на последнюю улицу кишлака. Уже не рассчитывая найти противника и посчитав свой вылет безрезультатным, Бекоев успел запросить, чтобы его эвакуировали вертолетами, так как еще оставалось светлое время, а наша «броня» с черепашной скоростью по-прежнему месила глубокую грязь на подходе к цели. Капитан Степанов, командовавший бронегруппой, даже успел предположить, что с минуты на минуту последует команда возвращаться в ППД, а они еще даже в окрестностях Сахибхана появиться не успели. Это обстоятельство, помнится, его сильно раздражало.

И в этот момент из крепости по роте Бекоева был открыт огонь. Сразу же появились убитые и раненые. Услышав об этом в эфире, «броня» увеличила скорость до максимальной, но прибыла в район боя уже к шапочному разбору.

Третья рота лежала в арыке на окраине кишлака, ведя беспорядочный огонь по крепости из стрелкового оружия. Дистанция между этим арыком и ближней стеной крепости была около 50-70 метров. Поэтому несколько МИ-24, круживших в воздухе, никак не могли нормально поддержать роту огнем из опасения попасть по своим.

«Броня» отряда развернулась в цепь, а разведчики первой и второй рот спешили. При этом получилось так, что развернулись они строго в тылу у третьей роты, и тоже не могли использовать все свои огневые средства по той же причине, что и вертолетчики.

Естественно, что «духи» из крепости открыли огонь и по подмоге. В итоге, пешие боевые порядки первой и третьей рот перемешались между

собой, и всякое разумное управление огнем было потеряно. МИ-24 продолжали кружиться над ними, изредка давая залпы НУРСов, но, по большому счету, это была стрельба для очистки совести, потому что никакого целеуказания им никто не давал, а сами они разобраться в той суматохе, которая творилась на земле, были не в состоянии.

О последних минутах жизни Бекоева замполит майор Волош рассказал так:

«Бекоев, который не привык отступать и чья личная храбрость поражала всех, все-таки решил штурмовать крепость. Действуя личным примером, он подобрался к ближней стене и через пролом влез вовнутрь. За ним последовали капитан Олег Севальнев, питерский парень, бывший суворовец, выпускник Благоевского ВОКУ, который являлся командиром третьего взвода первой роты, и один солдат из третьей роты. При этом Севальнев полез в крепость вместе с Бекоевым, несмотря на то, что его взвод, как и вся первая рота, имели задачу в первую очередь прикрывать действия третьей роты и оказывать ей огневую поддержку, а никак не участвовать в незапланированном штурме. В какой-то мере капитана Севальнева оправдывает то обстоятельство, что со дня на день ожидался приказ о его назначении на должность заместителя Бекоева, и он пошел за ним на смерть как за своим новым командиром. Впоследствии находившиеся рядом с ними солдаты третьей роты рассказывали, что Бекоев крикнул Севальневу: «Олег, пойдем! Мы вдвоем их там голыми руками задушим!».

Бекоев бесстрашно вылез на крышу крепости и побежал по ней, бросая во двор гранаты. «Духи» открыли огонь на звук шагов сквозь саманный потолок и ранили его в бедро. Бекоев упал во внутренний дворик и был добит автоматной очередью из окна. Севальневу удалось соскочить вниз, но помощи Бекоеву он оказать не успел, потому что его сразу застрелили выстрелом в спину. Солдат, заскочивший в крепость вместе с ними, бросил гранаты, сумел выбраться наружу и доложить о гибели обоих офицеров».

Уже на отходе от окраины кишлака, когда из сахибханской крепости были извлечены трупы Бекоева и Севальнева, а сама крепость была развалена до основания со всеми теми, кто ее пытался защищать, одна из наших БМП открыла огонь по флангу передвигавшейся группе из нескольких человек. В сгущавшихся сумерках их посчитали за противника, пытающегося выйти в наш тыл. Вскоре удалось разобраться, что это не «духи», а наше собственное отделение, вышедшее из кишлака... В наступившей темноте бесстрашные летчики Газнийской эскадрильи все-таки посадили несколько вертолетов, которые забрали убитых, раненых и часть уцелевших солдат и офицеров третьей роты, оказавшихся поблизости.

Потери за операцию составили: четыре человека убитыми (среди них

два офицера — капитаны П.Бекоев и О.Севальнев, рядовые С.Алхимов, В.Красильников), двадцать девять человек получили ранения различной степени тяжести. Подорвавшаяся БМП-2 была утеряна безвозвратно, хотя и удалось дотащить до ППД ее останки.

Такова была цена недооценки противника. Урок оказался горьким, но из него были сделаны правильные выводы. Подобных вольностей при планировании операций штаб бригады больше не позволял, и таких потерь впоследствии личный состав соединения уже не имел.

Боевой летчик, подполковник Юрий Иванович Владыкин, воевавший с Павлом Бекоевым под Джелалабадом, написал через сорок дней после его гибели:

Только в слабеньких фильмах про войну смерть воспринимается как междометие, а порой как эффектная заставка. Видно, торопятся режиссеры, уповая на то, что о всех погибших по отдельности не расскажешь. Наяву же — кто-то сжимает гортань и с трудом подбирает слова перед прощальным троекратным залпом. Видел это сам и чувствовал...

Покойный Паша Бекоев мне рассказывал о своих бойцах, с которыми вместе карабкался по горам, где даже без душманского огня было трудно. И я представил себе состояние человека, которому нужно в составе группы прочесать кишлак, пробираясь через лабиринты дувалов, где неожиданно может ударить в спину пулеметная очередь, и понял, что к этому привыкнуть невозможно».

Посмертно капитан Бекоев П.В. был представлен командованием отряда и бригады к званию Героя Советского Союза, но кабинетные щелкоперы в столице ограничились награждением спецназовца орденом Красного Знамени.

ИСТОРИЯ БРИГАДЫ В ЛИЦАХ

РЕШЕНИЕ БЫЛО ПРАВИЛЬНЫМ¹

После окончания академии я преподавал тактику в своем родном Ташкентском танковом училище. В январе 1985 года ко мне приехали для конфиденциальной беседы мои старые друзья полковник Стекольников А.М. и подполковник Бабушкин В.М., предложившие в должности начальника разведки убыть с ними в Афганистан. Я дал согласие.

19 марта с аэродрома Чирчик мы вылетели на аэродром Джелалабад, где нас встретил и разместил в ППД 154 ооСпН комбат с заместителями. Установили палатки для оперативного и разведывательного отделов и сразу определили график работы дежурных офицеров, а также оперативный план боевых действий. Местом постоянной дислокации штаба бригады еще за год до нашего прилета прежним комбатом майором Портнягиным был предложен городок заброшенного консервного оливкового завода. Согласившись с этим вариантом, комбриг доложил о прибытии управления бригады командующему 40 ОА и тут же получил приказ на организацию боевой деятельности в полосе ответственности 800 км вдоль государственной границы с Пакистаном от провинции Кунар до провинции Газни. Одновременно приказано было самостоятельно определить полосы ответственности для четырех отдельных батальонов, входивших в штат соединения. В состав бригады вошли отряды, уже находившиеся на территории Афганистана: 154 ооСпН; 177 ооСпН; 334 ооСпН; 668 ооСпН. После знакомства с

¹ Мишустин Владимир Николаевич, подполковник, родился 1.01.1947 г. в селе Червоноводск Чимкентской области Южно-Казахстанского края. После окончания 11 классов в 1964 году стал курсантом ТТКУ в Чирчике. Прошел командные должности в танковых войсках ЮГВ, Уральского и Туркестанского военных округов. С 1985 по 1987 г. служил начальником разведки, начальником ОПО — заместителем начальника штаба 15 обрСпН. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., афганским орденом Боевого Красного Знамени. Женат. Его супруга Ольга Семеновна выполняла интернациональный долг в ранге служащей СА в Джелалабаде.

разведчиками ОАГр ГРУ в Джелалабаде, командованием и разведчиками 335 обвп, афганскими сотрудниками и советскими советниками ХАДа и Царандоя, мною с офицерами оперативного и разведывательного отделов были подготовлены первые оперативная карта боевых действий и план разведки бригады. Через неделю после прибытия заболел холерой и тифом начальник оперативного и планового отделения подполковник Иванов, и на меня возложили и его обязанности.

Таким образом, все офицеры ОПО и разведки оказались в моем подчинении, а это два десятка человек: 2 старших помощника ОПО, 8 помощников, 3 дежурных по ЦБУ, старший помощник начальника разведки, 3 помощника и 2 переводчика. Хорошими специалистами и офицерами зарекомендовали себя майоры В.Тихонов, В.Сертиков, капитан С.Куцов¹, старшие лейтенанты С.Лукьянов, А.Левчик, Крикунов, Гусейнов. (Впоследствии Сергей Куцов ушел начальником штаба в 177 ооСпН, где проявил героизм и мужество. Через десятилетие в Российской армии стал начальником разведки Главкомата ВВ МВД генерал-лейтенантом). Вместо Куцова в разведотдел пришел Сергей Александрович Золотарев, опытный ротный командир, которого я выделял среди других. Немалую помощь нам оказывал начальник топослужбы бригады расторопный майор Колотило.

Одним словом, работа закрутилась. Комбриг подполковник В.М.Бабушкин определил план ознакомления с подразделениями. Начались командировки в отдельные отряды. Естественно, все работы этого профиля проводились в первую очередь с Джелалабадским отрядом. Надо отметить, что первоначально начальник штаба этого отряда не особенно был склонен к

¹ Генерал-лейтенант Куцов Сергей Николаевич родился 30 июля 1958 года в х. Верхне-Нагольный Воробьевского района Воронежской области. В 1975 году закончил Калининское суворовское военное училище, в 1979-м — разведывательный факультет Киевского высшего общевойскового командного училища, Служил на командных и штабных должностях в войсках специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР в Группе советских войск в Германии, в Туркестанском военном округе. С 1985 по 1987 гг. в Афганистане — старший помощник начальника оперативно-планового отделения штаба 15 обрСпН, начальник штаба — заместитель командира 177 отдельного отряда специального назначения. Принимал активное участие в боевых действиях с моджахедами. Однажды, вертолет в котором находился Куцов, был сбит из ПЗРК «Стингер». Не теряя самообладания, Сергей Николаевич покинул горящую машину и воспользовался парашютом. В 1989-1990 гг. обучался в военной академии национальной народной армии ГДР. После окончания разведывательного факультета Военной академии им. М.В.Фрунзе с 1993 года служит во внутренних войсках МВД России. Последовательно занимал должности от офицера разведывательного (информационно-аналитического) отдела до заместителя начальника разведывательного управления. Завершив в 2001 году обучение в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации стал начальником разведывательного управления — заместителем начальника главного штаба внутренних войск МВД России. Женат, имеет двух дочерей и внуку.

штабной работе и не требовал этого с подчиненных. Наши же требования наличия необходимых отчетных документов для боевого подразделения, исходя из Уставов СА, строптивный наштаба встречал в штыки, заявляя: «Мы — боевое и самостоятельное подразделение и не обязаны отчитываться перед вами».

Пришлось ставить все на свои места. После Мараварской трагедии начальником штаба 154 ооСпН стал грамотный офицер капитан Дмитрий Лютый, и нас перестала беспокоить работа штаба этого отряда. А после проведенных инструктивных занятий все отчетные документы, оперативные карты и донесения соответствовали наставлениям по службе и требованиям комбрига. После Дмитрия Лютого хорошо работали на должности начальника штаба этого отряда офицеры Анатолий Петунин, Валерий Кондратьев, Юрий Самсонов. К сожалению, А.А.Петунин вскоре получил тяжелое ранение, от которого скончался в госпитале в Союзе через три года.

Особо хотелось выделить работу заместителей начальников штабов-начальников разведки. Это очень ответственная и специфическая должность поручалась наиболее подготовленным офицерам 154 отряда Ветрову Александру Николаевичу, Петунину Анатолию Анатольевичу, Особенко Вадиму Викторовичу, Авдееву Евгению. С ними мы работали в тесном взаимодействии по сбору данных из различных источников, их проверке, сопоставлению и докладу начальнику штаба и командиру бригады. После чего обработанные данные уходили на реализацию в 154 отряд. Все это положительно сказывалось на деятельности отряда, повысилась эффективность боевых действий и резко снизились потери. Если в 1984 году 154 отряд потерял убитыми 48 человек, то с приходом управления 15 обрСпН — 26 человек. Безусловно, положительно сказались усилия по координации деятельности с родами войск и осторожность в реализации «сырых» разведанных. За первые месяцы 1985 года начал накапливаться и боевой опыт. Так в моем рабочем блокноте сохранились записи по 154 ооСпН:

«14-15.04.1985г. н.п.Чарбаг. Засада. Уничтожено — 24 мятежника, взято в плен — 6 человек. Захвачено: 15 единиц СО, 1-РПГ, 30 выстрелов нему; 20-ПТМ, 1— пулемет ДШК и 1,5 б/к к нему; 20 ручных гранат.

15-16.06.1985г. степь Торрага, засада. Уничтожено — 4 мятежника; задержано-2 человека; захвачено: 3 единицы СО, 3900 штук б/п, 6 штук РПГ.

10.10.1985г. кишлак Дехи-Манаку, налет. Уничтожено — 4 мятежника; захвачено: пленных — 3 человека; 1-СО, 12000 б/п к СО, 10 выстрелов к РПГ; 45 — ПТМ.

24.10.1985г. кишлак Ализай, налет. Уничтожено — 6 мятежников. Захвачено: 4 — единицы СО, 4 — РПГ, выстрелов к РПГ — 7; ППМ — 4; ПТМ — 2; б/припасов для СО — 4000; для ДШК — 500 штук; для 82мм миномета — 4; детонаторов -12; взрывателей — 20; 25 кг медикаментов, знамя и документы исламского комитета ДИРА.

22.12.1985г. кишлак Шулак, налет. Захвачено: РС — 17; мин к 82мм миномету — 32; выстрелов к БО — 43; выстрелов к РПГ — 26; ПТМ-6 штук; подрывных машинок — 4; б/п к ДШК — 2484; ВВ— 20 кг.

28.12.1985г. кишлак Даштаг, налет. Захвачено: РС-10; ПТМ — 15; ВВ — 35 кг; СВ-15 кг; б/п к ДШК — 1200; выстрелов к БО — 18; выстрелов к РПГ — 26.

30.12.1985г. кишлак Ахмедзан, налет. Уничтожено — 2 мятежника; захвачено: СО — 2 единицы; мин-5; выстрелов к БО — 5; б/п к ДШК — 425, б/п к СО — 700; ПТМ— 2».

В 1986 году мы стали планировать масштабные операции в провинциях Нангархар и Кунар силами 154 и 334 отрядов с привлечением авиации, артиллерии, подразделений 66 омсбр, подразделений ХАДа и Царандоя. Наибольшую известность получили операции в районах «Кулала», УР «Гошта», УР «Карера» и других.

Впоследствии наши сменщики начальник ОПО-ЗНШ бригады майор Колесов Михаил Анатольевич¹ и начальник разведки майор Коркишко

Начальник оперативно-планового отделения-заместитель начальника штаба 15 обрСпН подполковник Колесов Михаил Анатольевич. Фото 2012 г.

¹ Колесов Михаил Анатольевич родился 24.03.1954 г. в семье офицера-фронтовика. закончил Свердловское суворовское военное училище и РВВДКУ (в 1976), Военную академию им. М.В.Фрунзе в 1986 г. С июля 1987 г. по август 1988 г. принимал участие в боевых действиях в Республике Афганистан, в январе — феврале 1990 г. в вооруженном конфликте на территории Грузии. В 1989 г. прошел обучение на ЦКУОР п.Загорянка Московской обл. Подполковник. Награжден орденом Красной Звезды, Знаком отличия командующего ВДВ «За заслуги». Прошел повышение квалификации по специальности ГМУ в СибАГС (1998, 2002 г. Новосибирск), в 1999, 2002 в ИПК г. Москва, участник Всероссийского кадрового конгресса 04. 2005 (г. Москва), являлся членом Национального союза кадровиков. Обучался на центральных курсах РОСТО (октябрь 1997). 11.1976 — 08.1983. Службу проходил переводчиком, командиром группы специального назначения, помощником,

Михаил Васильевич со своими офицерами Переверзевым В.М., Тауевым С.Э., Игнатовым В.А., Джобадзе С.С., Кухтиным А.Н., Пазюра В.Н., Красотиным С.Ю., Шакуриным С.А., Галкиным А.П., Алиным А.К., Поповым А.В., Кузьменко И.А., Егельским А.Е., Куликом В.И., Золкиным О.Г., Щербаковым П.В., Ворониным О.Г., Зильфугаровым В.Г., Казанбаевым С., а также начальником топослужбы Панкратовым А.Ф. добились еще больших результатов.

С весны 1987 года советские войска начали применять систему «Барьер». Суть ее заключалась в том, что отдельные участки местности на востоке и юго-востоке страны перекрывались сплошной цепью засад из подразделений, оборонявших узлы дорог, контролировались с высот ущелья. Задача состояла не столько в уничтожении караванов в движении, сколько в пресечении их перемещения в центр страны. Это приводило к накоплению оружия и боеприпасов на перевалочных базах противника, которые уничтожались авиацией.

Как показал опыт войны, создание бригадного звена управления оправдало себя. Несмотря на некоторую схожесть тактики, действия отдельных отрядов с учетом местности, мере подготовленности моджахедов в зоне ответственности отряда были индивидуальными, и это учитывали офицеры ОПО штаба бригады при планировании боевых операций.

ст.пом. начальника оперативно-разведывательного отделения штаба 24 бригады спецназа. (ЗабВО). 08.1986 — 08.1991. Начальник оперативного отделения 8 обрСпН (ПрикВО), 15 обрСпН (Афганистан, Желалабад). 08.1991-12.1994. Ст.преподаватель воздушно-десантной подготовки ВВИКУ (г. Каменец-Подольский). 04.1995— 01.1998 — заместитель начальника автомобильной школы РОСТО, г. Междуреченск (директор ООО «Автореал»). 01.1998— 02.2006. Начальник отдела кадров администрации г.Междуреченска. 02.— 24.11.2006. Начальник управления мобилизационной подготовки, административных органов и безопасности администрации г. Междуреченска. 24.11.2006 — 03.02.2012. Заместитель главы города Междуреченска по координации административных и военных органов (с марта 2007 по июнь 2011 — руководитель аппарата администрации). Спортивен, увлекается пулевой стрельбой и парашютизмом. Женат. Воспитал сына и дочь.

СОДЕРЖАНИЕ

15 бригаде спецназа — 50 лет!	4
Ангелы заоблачного флота	8
Дорогами Афганистана	39
Гроза караванов	45
Как все начиналось	52
Память о службе	68
Новый командир 15 обрСпН	77
Развал воздушно-десантной группировки в ТуркВО	87

Глава 1

ХРОНИКА: 1978 — 1979 годы	91
Мусульманский батальон	93
Комбат Холбаев	93
Рассказывают секретные хроники	95
«Хроника мусульманского батальона»	99
Рождение легенды	111
Подготовка отряда для выполнения задания по охране специальных объектов за пределами СССР	131
Отправка в Афганистан	152
В Баграме	163
В Кабуле	178
Операция «Шторм-333»	225

Глава 2

ХРОНИКА 1980 ГОДА	278
Песня о «мусульманском» славном батальоне	282
Подсчет потерь	284
Легендарный 1979 год и Колесник Василий Васильевич	293
Комбриг	302
Я скажу вам правду	304
Почему герои не стали «Героями»?	320
Я тоже штурмовал дворец	323
Саттаров Анвар Саттарович	327
Боевая смена (459 орСпН)	328

Глава 3	
ХРОНИКА 1981 ГОДА	334
Комбат Стодеревский	336
154 отряд снова на войне	338
Операция под Джар-Кудуком	352
Глава 4	
ХРОНИКА 1982 года	367
Засада	370
Генерал Василий Дунец	381
Об отпусках	384
Кули-Ишан	387
Глава 5	
ХРОНИКА 1983 ГОДА	397
Неприступных ущелий не бывает	398
А для меня начиналось все так... ..	414
Глава 6	
ХРОНИКА 1984 ГОДА	428
О создании системы «Завеса»	429
Комбат Портнягин	433
Здесь действовать нужно иначе	453
Штрафник	457
Глава 7	
ХРОНИКА 1985 ГОДА	467
Переправа, переправа	468
Комбат Дементьев	470
От рядового до комбата	478
Бои в Панджшере в июле 1985 г.	486
Комбат Абзалимов	490
Женька	492
Надежность всегда!	496
«Кино наяву»	508
Олег Якута	513
Неудержимый в бою	523
Решение было правильным	536

Літературно-документальне видання

КРИВОПАЛОВ ОЛЕГ ВОЛОДИМИРОВИЧ

**ХРОНІКА ПЕРШОГО БАТАЛЬОНУ
У 2-Х ТОМАХ**

ТОМ 1

Російською мовою

Технічний редактор М.Михлик
Художній редактор В. Ларін
Коректор Н. Дорошева

Підписано до друку з оригінал-макету 18.02.2013 р. Формат 60 x 84^{1/16}
Друк офс. Гарнітура «Academy». Ум. др. арк. 31,62. Зам. № . Тираж 113 екз.

Видавництво ІМА-прес, 49051, м. Дніпропетровськ, вул. Журналістів, 7/215.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
ДК № 244 від 16.11.2000 р.

Друк: ФЛП Бондарчук

51400, м. Павлоград Дніпропетровської області, вул. К. Маркса, 73г

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
ДК № 3556 від 17.08.2009 р.